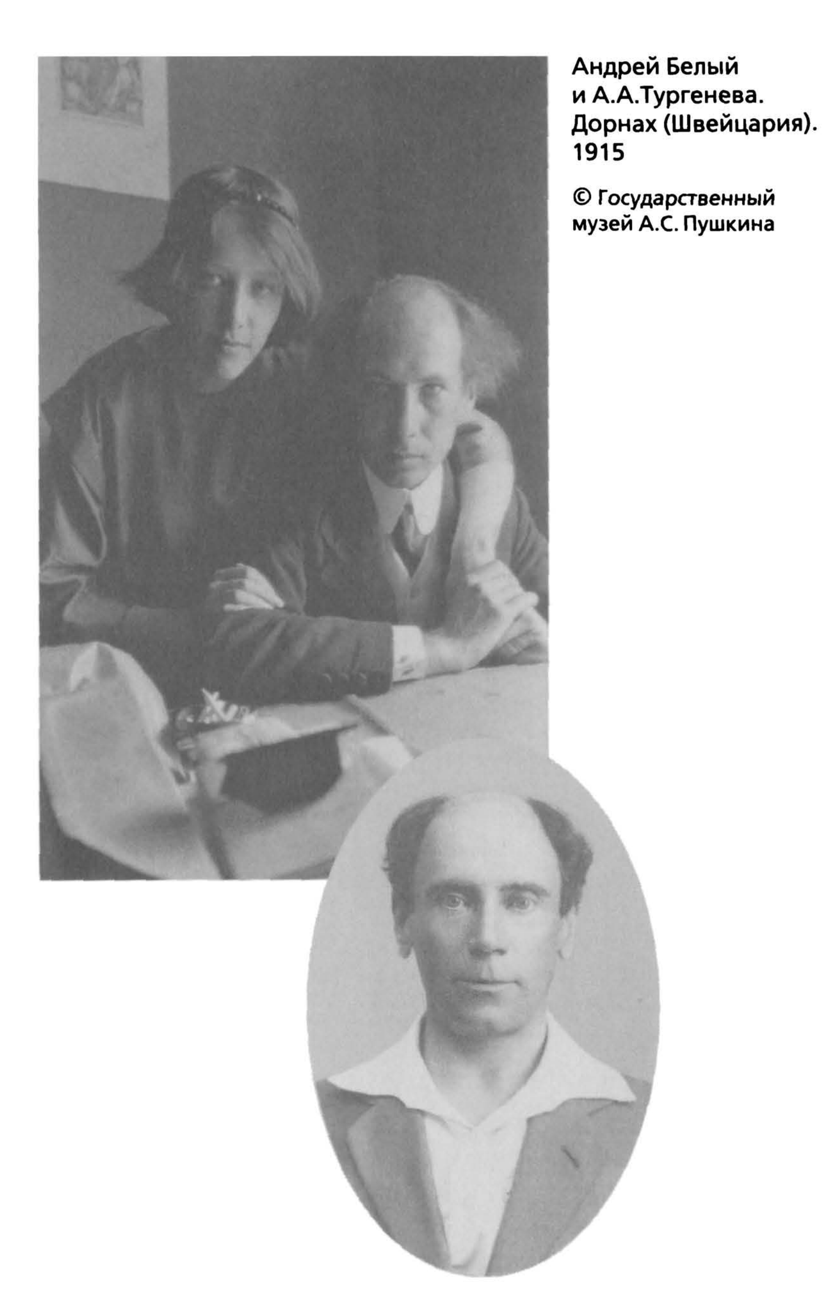
Андрей Белый

Переписка 1902–1915

Эмилий Метнер

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Андрей Белый
Переписка 1902–1915
Эмилий Метнер
2


Андрей Белый
и А.А.Тургенева.
Дорнах (Швейцария).
1915

Эмилий Метнер. 1915

Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской Академии наук

Андрей Белый

Переписка

Эмилий Метнер

1902–1915

Том 2: 1910–1915

МОСКВА / НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ / 2017

УДК 821.161.1.09(044.2)
ББК 83.3(2=411.2)53-8
Б44

Публикация и комментарии А. В. Лаврова и Дж. Малмстада

Подготовка текста А. В. Лаврова, Дж. Малмстада и Т. В. Павловой

Вступительная статья А. В. Лаврова

Б44 **Андрей Белый и Эмилий Метнер. Переписка. 1902–1915.** Том 2: 1910–1915 / Подготовка текста А. В. Лаврова, Дж. Малмстада и Т. В. Павловой. — М.: Новое литературное обозрение, 2017. — 736 с.: ил.

ISBN 978-5-4448-0686-9 (т. 2)
ISBN 978-5-4448-0687-6

Переписка Андрея Белого (1880–1934) с философом, музыковедом и культурологом Эмилием Карловичем Метнером (1872–1936) принадлежит к числу наиболее значимых эпистолярных памятников, характеризующих историю русского символизма в период его расцвета. В письмах обоих корреспондентов со всей полнотой и яркостью раскрывается своеобразие их творческих индивидуальностей, прослеживаются магистральные философско-эстетические идеи, определяющие сущность этого культурного явления. В переписке затрагиваются многие значимые факты, дающие представление о повседневной жизни русских литераторов начала XX века. Важнейшая тема переписки — история создания и функционирования крупнейшего московского символистского издательства «Мусагет», позволяющая в подробностях восстановить хронику его внутренней жизни. Лишь отдельные письма корреспондентов ранее публиковались. В полном объеме переписка, сопровождаемая подробным комментарием, предлагается читателю впервые.

УДК 821.161.1.09(044.2)
ББК 83.3(2=411.2)53-8

1910

178. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

20 января 1910 г. Бобровка

20 января.

Милый, милый,

Шлю Вам привет издалека[1]: чувствую Вас так близко к себе; чувствую Вас, *как Вас* (для Вас), чувствую как Вас и себя, чувствую *нас* (Вы, Николай Карлович, я) — чувствую как *всех нас* (Вы, Анна Руд<ольфовна>, Алекс<ей> Сергеевич, Киселев, Ник<олай> Карлович[2], я, и… *наш издатель*) с нашим издателем: ***да, да, да***; *она должна быть среди нас*. Я сейчас ее видел: она хочет, она готова, она *будет с нами*, ***она должна быть***.

Любящий Вас Б. Б.

P. S. Я сейчас пожал руку ⊕ Г…[3] О, какая это душа: она мне сестра! Знаете ли Вы, что она сейчас думает о нас: ей одиноко, хотелось бы ей улыбаться. Улыбнитесь…

Не собирается ли Г… (отчества не знаю) приехать?

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 10. Помета синим карандашом: «LXIII».

[1] В имение А. А. Рачинской Бобровка Белый уехал 10 января 1910 г., возвратился в Москву 25 января (эти даты сообщила А. Р. Минцлова в письме к М. А. Волошину от 15 января 1910 г.; см.: *Купченко В. П.* Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1877–1916. СПб., 2002. С. 240).

[2] А. Р. Минцлова, А. С. Петровский, Н. К. Метнер.

[3] Подразумевается воображаемое эзотерическое общение с Гедвиг (Хедвиг Фридрих).

179. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

Январь — апрель (?) 1910 г. Москва

Дорогой Эмилий Карлович,
надеюсь, что мы сегодня увидимся у меня; надеюсь, что Н. К. будет, так же как А. М.[1]

Искренне любящий Вас

Борис Бугаев.

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 11. Помета синим карандашом: «LXIV».

[1] Н. К. Метнер, А. М. Кожебаткин.

180. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

31 марта 1910 г. Бобровка

Милый, милый и близкий Эмилий Карлович,
как хочется Вас видеть, как хочется с Вами говорить, говорить без конца; тут, в Бобровке[1], тишина — снег сбежал, убегают последние ручьи, и небо разверзлось; по вечерам в зале на белых колоннах красный оскал зари; — и тревога: ответственность давит, приближается что-то единственное и строгое: *это я знаю*; если б пожить с Вами здесь, можно было бы многое решить; мы все призваны, — но мы слабы, слишком мы слабы; будет день — и мы встанем рядом;

как хочется Вас видеть, и говорить без конца; тут, в Бобровке, идут дни за днями — тихо, молчаливо, торжественно; и вся московская суетня с путаниками и quasi-путаниками (я заметил, что в последнее время развилась мода симулировать путаников) — далека и чужда; о, эти московские чудаки! Кто их создал? Для чего они завелись? Деятельность их к ужасу удваивается; энергия их путать — все возрастает; скоро круг этой деятельности покроет всю Москву; но если еще можно терпеть кровного чудака, породистого, то кто может выдержать всех тех бесчисленных особей из полукровок, которых развел (еще недавно редкий) кровный московский чудак: он оказался плодовитым до чрезвычайности; от одного прикосновения к нему здорового, трезвого человека

этот последний начинал чудить; так потянулась за каждым путаником вереница *полупутаников*, за кровным — полукровки. Скоро Москва превратится в сумасшедший дом. Увы — пустая надежда: Москва давно уже — сумасшедший дом.

Как хочется Вас видеть, и говорить без конца; тут, в Бобровке, идут дни за днями — тут место для тихих бесед, и.... приезжайте!? Наш последний прерывистый разговор глубоко запал; три дня я не мог успокоиться и только теперь пришел в себя под действием солнечных лучей и полей; кажется, прихожу к решению *о себе* и Вячеславе[2]; тут, в Бобровке, сидим мы с А. С. и думаем о том, что сегодня концерт Н. К.[3]: недаром была сегодня такая ласковая заря. От всей души ему привет.

Но о делах: Полуботкин мне говорил, что, кажется, Вы с ним говорили о том, чтобы я написал проект для «*проспекта*» книгоиздательства — так ли я понял Полуботкина, и вот по настоянию Полуботкина (pardon!) — Кожебатки — виноват: Кожебаткина (спутал с покойным Полуботко) — я написал и отсылаю в «*Мусагет*»[4]: ради Бога, Эмилий Карлович, исправьте, раскритикуйте, забракуйте, дополните, убавьте, напишите сами — словом, поступите с «*проектом конспекта*» по своему усмотрению; пусть Полуботко — виноват: «*Кожебаткин*» Вам принесет мой «*проект конспекта*», то есть проект и конспект — «*проспекта*» для нашего издательства; я набросал лишь вчерне.

А небо сгорело, звезды под самыми окнами, вдали колотушка и тишина: приезжайте, Эмилий Карлович.

Глубоко любящий Вас

Борис Бугаев.

P. S. Мой привет всем: Анне Михайловне, Николаю Карловичу и Анне Рудольфовне особенно[5].

Алексей Сергеич кланяется; и — тоже.

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 12. Помета синим карандашом: «№ 65».

Датируется по упоминанию концерта Н. К. Метнера (см. ниже, примеч. 3).

[1] Белый уехал в Бобровку вместе с А. С. Петровским 26 марта 1910 г., прожил там до конца апреля.

[2] Вяч. И. Иванов. Белый в это время находился под властью идеи о тройственном мистическом союзе с ним и А. Р. Минцловой (см.: *Carlson Maria.* Ivanov — Belyj — Minclova: the Mystical Triangle // Cultura e memoria: atti del terzo Simposio Internazionale dedicato a Vjačeslav Ivanov. I. Testi in italiano, francese, inglese / A cura di Fausto Malcovati. Firenze, 1988. P. 63–79). См. письмо из Бобровки Белого, Минцловой и Петровского к Вяч. Иванову от 7 апреля 1910 г. (Русская литература. 2015. № 2. С. 58–59. Публ. Н. А. Богомолова и Дж. Малмстада).

[3] Концерт Николая Метнера состоялся 31 марта 1910 г. в Малом зале Благородного собрания; были исполнены Соната C-dur (op. 11) и сказки для фортепиано (op. 8 и 14). См. подробный репортаж Г. П. (Г. П. Прокофьева) в рубрике «Театр и музыка» «Русских Ведомостей» (1910. № 75, 2 апреля. С. 4).

[4] Вероятно, имеется в виду декларация Белого «Задачи Книгоиздательства „Мусагет“», оставшаяся в свое время неопубликованной (см.: *Лавров А. В.* Символисты и другие: Статьи. Разыскания. Публикации. М., 2015. С. 488–492).

[5] А. М. Метнер, Н. К. Метнер, А. Р. Минцлова.

181. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

Конец апреля — начало мая 1910 г. Москва

Дорогой Эмилий Карлович,

ужасно жаль, что Вас не застал; я нарочно пришел пораньше, чтобы Вас видеть; дело вот в чем: 1) Когда мы соберемся для проспекта?[1] 2) Завтра в два часа дня в Мусагете соберется кружок студентов, желающих заниматься a) теоретической эстетикой, b) историей искусств, c) ритмом[2]; я дам им задачи на лето; было бы желательно и необходимо, чтобы Вы их посмотрели, как один из офицеров отряда, осматривающий культурных новобранцев; было бы еще желательней, если бы Вы приготовили им по теории эстетики (нормативной) несколько книжечек, они бы за лето их прочли; они — юные ученики в классе теории символизма; приходите; вообще нам сегодня необходимо видеться, дорогой Эмилий Карлович; только вот когда? Если не поспею быть у Вас к Вашему обеду, то постараюсь быть у Вас от 8½ — 9 часов. Несколько дней не видались — это плачевно.

Прощайте, милый.

Б. Бугаев.

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 13. Помета синим карандашом: «№ 66».

[1] См. п. 180, примеч. 4.

[2] Речь идет об основании при издательстве «Мусагет» (по предложению С. Н. Дурылина, А. А. Сидорова и С. В. Шенрока) Ритмического кружка для изучения русского стиха по методу Белого, обоснованному им в стиховедческих статьях книги «Символизм». См.: *Гречишкин С. С., Лавров А. В.* О стиховедческом наследии Андрея Белого // Структура и семиотика художественного текста. Труды по знаковым системам. XII (Ученые записки Тартуского гос. университета. Вып. 515). Тарту, 1981. С. 100–102.

182. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

Начало июня ст. ст. (середина июня) 1910 г. Демьяново

Дорогой, милый Эмилий Карлович,

Где-то Вы теперь?[1] Когда пишу «*где*» Вы, хочу представить себе местность. Все эти дни собирался писать Вам; я уже две недели в деревне[2]; здесь — великолепие; пока что кончаю статью об «*Ибсене*»[3], работаю над поэтами[4]; собираюсь писать драму (хочется летом ее написать): драма должна называться «*Красный Шут*»[5]. Пока что работается вяло; еще сказываются зимние впечатления; зима во втором полугодии была ужасна; в итоге — разбитость сердца. Кругом, пока что, невесело: Философов нас изругал в фельетоне «*Рэй<с>бруки удивительные*»[6]. Вообще нас будут травить — это ясно; о вышедших книгах нет пока ни одной рецензии; *это значит — бойкот.*

Ни от кого из Москвы известий нет. Милый Эмилий Карлович, хорошо бы, если бы Вы подгоняли Кожебаткина; я с своей стороны ему написал, что медлить с проспектом нечего, что книги надо выпускать скорей (разумея Рэйсбрука и Эллиса); корректур проспекта не получал[7]. Если летом увидите Степпуна, скажите ему, что о *Логосе*[8] я не написал потому, что опять-таки *негде* писать; идти на поклон в жидовские органы при их ненависти ко мне не хочу; а с «*Русс<кими> Вед<омостями>*» у меня связи нет.

Милый Эмилий Карлович, напишите два слова о себе: скажите, милый, что мне делать, если Кожебаткин летом уснет непробудным сном; у него манера не отвечать на письма. Я еще

недельки две подожду, и если будет молчание, придется мне ехать в Москву, его будить.

Простите, Эмилий Карлович, скудость письма; только в деревне понял я, как устал и *сердцем разбился*... Вы понимаете, в чем?

Жду прилива рабочего вдохновения; пока что сонно работаю, но работаю много. Любящий Вас

Борис Бугаев.

P. S. Мой привет и уважение Николаю Карловичу и Анне Михайловне[9].

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 14. Пометы — рукой Метнера (?): «июнь? 1910»; Н. П. Киселева: «до 19 июня».

[1] В мае 1910 г. Метнер вместе с А. М. и Н. К. Метнерами уехал в Бретань — в городок Порнише (Pornichet) на берегу Бискайского залива.

[2] В имении В. И. Танеева в Демьянове (Клинский уезд Московской губернии) Белый жил вместе с матерью, А. Д. Бугаевой.

[3] Речь идет о статье «Кризис сознания и Генрик Ибсен», впервые опубликованной в книге Андрея Белого «Арабески» (М.: Мусагет, 1911. С. 163–210).

[4] Подразумевается вычисление и описание ритма пятистопного ямба у Баратынского, Тютчева и в лирике Пушкина (в рамках коллективной работы Ритмического кружка при «Мусагете», посвященной описанию ритма пятистопного ямба в русской поэзии). Сохранилось около 900 карточек с росписью стихотворений Пушкина, Баратынского и Тютчева, на которых Белым зафиксирован первичный материал для статистической обработки пятистопноямбических текстов (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 339).

[5] Неосуществленный замысел. Образ, отраженный в заглавии этой драмы, станет одним из атрибутов Николая Аполлоновича Аблеухова, героя романа «Петербург» (см.: *Долгополов Л. К.* Творческая история и историко-литературное значение романа А. Белого «Петербург» // *Андрей Белый.* Петербург. 2-е изд., испр. и доп. / Изд. подгот. Л. К. Долгополов. СПб., 2004. С. 546).

[6] Статья Д. В. Философова «Рейсбруки удивительные» была опубликована в «Русском Слове» (1910. № 121, 29 мая). В ней скептически оценивалась попытка учредителей «Мусагета» основать «русское культурное книгоиздательство»: «В новом книгоиздательстве русскими книгами почти не пахнет. Издают переводы рукописей Леонардо, перевод романа Бальзака „Серафита“, мистические произведения Рейсбрука удивительного <...> Приобщение русской культуры к западной состоит в насаждении

в России „когенианства“ и „риккертианства“. <…> Разве переводы Рейсбруков и „Серафиты“ не идут навстречу международно-теософскому спросу на легко перевариваемую мистику? <…> Появление же нового „мистического“ книгоиздательства, воображающего, что оно насаждает культуру, — факт скорее печальный».

[7] См. письмо Белого к А. М. Кожебаткину от 3 июня 1910 г. («Кожебак!.. Да ведь это хуже, чем гусак!!!» Письма Андрея Белого к А. М. Кожебаткину / Предисл., публ. и коммент. Джона Малмстада // Лица: Биографический альманах. 10. СПб., 2004. С. 141). См. примеч. 11 к п. 163, примеч. 10 к п. 167.

[8] Международный журнал по философии культуры «Логос» (русское издание) выходил в «Мусагете» с 1910 г. под редакцией С. И. Гессена, Э. К. Метнера и Ф. А. Степуна (с 1911 г. также под редакцией Б. В. Яковенко). См.: *Безродный М. В.* Из истории русского неокантианства (журнал «Логос» и его редакторы) // Лица: Биографический альманах. 1. М.; СПб., 1992. С. 372–407.

[9] Н. К. Метнер, А. М. Метнер.

183. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

Около 9 (22 июня) 1910 г. Порнише

Дорогой милый Борис Николаевич! Посылаю Вам открытки, чтобы Вы могли представить себе местность. Я могу Вам сказать то же, что́ и Вы мне: «здесь великолепие… пока что работается вяло; еще сказываются зимние впечатления; зима во втором полугодии была ужасна, в итоге разбитость». Кожебаткина я подгоняю, а Вы, пожалуйста, из-за этого в Москву не ездите. Что нас бойкотируют, это — ясно, но это вовсе не невесело. А что Философов нас выругал, это — подло, т<ак> к<ак> пахнет местью за наше нежелание соединить<ся> и издавать журнал[1].

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 8. Открытка; на снимке — дом на берегу моря; над одним из мансардных окон на третьем этаже Метнер надписал: «Моя комната». Обратный адрес: Pornichet (L.-Inf.) — Pension de Familie. «La Folie» (Vie de la Butte).

Ответ на п. 182.

[1] Документальных свидетельств, касающихся переговоров группы Д. С. Мережковского, З. Н. Гиппиус, Д. В. Философова с Метнером относительно совместного издательского предприятия, нами не обнаружено.

184. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

9 (22) июня 1910 г. Порнише

22/VI 910.

Сейчас сильная буря и в комнатах очень уютно. Я начал купаться в море, но прекратил из-за дурной холодной погоды. Я по обычаю читаю, но крайне медленно и не жду, в противоположность Вам, никакого «прилива вдохновения». Коля сочинил песню на Ваше стихотворение из Урны, написанное в Изумрудном Поселке[1]. За-ме-ча-тель-но! — Простите и Вы, дорогой мой, скудость моего письма. Передайте мой привет Вашей маме. Побольше гуляйте и отдыхайте, наблюдая за чудаками. Здесь нет чудаков. Франция гораздо суше и рассудочнее Германии и России. Горячо любящий Вас Э. Метнер.

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 6. Открытка; на обороте — фотография: Pornichet. — Effets de Vague.

[1] В Изумрудном Поселке было написано стихотворение «Эпитафия» («В предсмертном холоде застыло...», 1908), вошедшее в раздел «Философическая грусть» книги Белого «Урна» (см.: *СП — 1*. С. 333). Песня Н. К. Метнера на его текст нам неизвестна.

185. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

24 июня (7 июля) 1910 г. Демьяново

Дорогой, близкий, близкий Эмилий Карлович!

Спасибо за открытки[1]. Как хочется Вас видеть, с Вами говорить. Я живу тут совершенно изолированно; здесь прекрасно, но...: ах, как бы это выразить. Здесь есть парк, а в парке вечно торчат дачники, которые собираются кучами, и иногда попадаешь в компанию: Боже, что это за люди: наглые, любопытные, безграмотные в вопросах искусства; все они довольно цинично и нагло смотрят на меня; иногда... третируют — да; предлагают насмешливые вопросы, и вообще, обходятся пренебрежительно. Боже мой, ведь это — публика; мы живем в Москве среди исключительного кружка; но стоит лишь поглядеть вокруг — какая дрянная мелочь нас окружает: мне страшно; для того ли

проводишь бессонные ночи, мучаешься, тратишь силы, чтобы первая попавшаяся свинья Вас оскорбляла только за то, что Вы писатель, которого свинья и строчки не прочла, но о котором она наслушалась всякой ерунды; на днях один из этих свиней заявил маме: «Вы его лечите: он — сумасшедший». Вчера один молодой человек меня ехидно спрашивал, где я учился русскому языку.

Все эти мелкие комариные укусы действуют крайне отвратительно в общем, ибо изо дня в день Вы видите насмешливые гримасы, «*тонкие намеки на толстые обстоятельства*». Ну и собрал же Вл<адимир> Ив<анович> Танеев дачников. Мне скоро 30 лет; когда мне было 12 лет, меня всячески гнали товарищи в гимназии, считая зубрилой и идиотом; и вот после 22 лет прошлого я опять здесь попал в положение гонимого гимназиста. Какая гадость! Все это не способствует отдыху; я здесь зол с утра до ночи.

Милый, милый — мне грустно, до чего чувствуешь одиночество. Писатели — ненавидят; окружающие презирают; а немногие близкие, смотрю, один за другим отходят. Для Эллиса я — беспринципен: этого я ему ***никогда*** не забуду — ***никогда***[2]; Сережа тоже отошел[3]; неужели будет время, что и Вы придете к тому же убеждению, что я — идиот, или — беспринципен.

Сейчас я чувствую одиночество до *чрезвычайности*; и это вовсе не от факта, что сейчас кругом никого нет. Но разве не рок: что ни неделя — последнее время, и всё новые, новые люди отваливаются от меня, или мне становятся чуждыми; за краткое время я, можно сказать, потерял скольких! Иванов; Анна Рудольфовна[4], Эллис, Соловьев, Маргарита Кирилловна[5], Мережковские; и я с ужасом думаю, кто же следующий? Рачинский, Петровский.... Вы? Милый Эмилий Карлович, не покидайте духом.

Для кого я пишу? Никому, как писатель, я не нужен. Не знаю, нужен ли я кому-нибудь, как человек; а между тем я все сделал для того, чтобы отказаться от личного счастья, так хотелось быть полезным другим. Ну... кому я нужен?

Мое положение «*шута горохового*»... не могу жить шутом: прихожу в бешенство, когда меня считают шутом — одни, беспринципным — другие: никогда это слово «*беспринципный*» не изгладится из моего сознания; я его выбил на твердом камне: «*беспринципный*» сказал Эллис; «*шут*» говорят все; соединяю: «*беспринципный шут*». И мне начинает видеться «монастырь»; убежать, убежать от всех,

куда не проникал глаз человеческий. Ибо что значат случайные выражения сочувствия, дружба и прочее, когда без всякого мотива, без объяснения лично, а *подло, из-за угла* вчерашний друг начинает Вас обвинять в беспринципности; на днях я был в Москве, читал эллисовские разглагольствования[6]; я краснел от того неумеренного неврастенического восторга, с которым он обо мне пишет; но какое мне дело до этих разглагольствований; следовало бы так прямо и дописать после всех этих похвал: А. Белый — *беспринципен*. Я бросаю ему в лицо книжкой; черт бы побрал эти похвалы: ну вот, верьте после всего этого, что говорят друзья, друзья до первого несогласия; первое несогласие все знаки плюс меняет на знаки минус. И я начинаю колебаться; стоит ли вообще жить для работы (а для чего же иного я и живу), когда поощрения к работе у лучших друзей до… «*первого гусака*» (О том, как Иван Иванович поссорился с Иваном Никифоровичем)[7].

И я себя спрашиваю: да, может быть, я — «*шут*»; но тогда… мне не место в жизни.

Ах, хотелось бы перелететь к Вам, послушать музыку Николая Карловича[8]; жду с нетерпением осени, чтобы выслушать музыку на мои слова.

Милый Эмилий Карлович: вышел Рэйсбрук[9] — и прелестно; обложка — совершенство; содержание — поразительно.

На днях еду к Тургеневым[10], от них напишу Вам, и адрес сообщу. Прощайте, милый, милый Эмилий Карлович. Любящий Вас

Борис Бугаев.

P. S. Мама кланяется Вам, Анне Михайловне[11] и Ник<олаю> Карловичу; я приветствую всех.

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 15.

Датируется на основании пометы Метнера над текстом: «24/6 1910» (видимо, дата отправления на штемпеле с несохранившегося конверта).

[1] См. п. 183.

[2] По получении этого письма Метнер сообщил Эллису о Белом (Порнише, 1 (14) июля 1910 г.): «Он стал крайне нервен, чувствителен и подозрителен. <…> Он не верит искренности Вашей в том, что Вы писали о нем в Вашей книге: говорит, что Вы считаете его беспринципным, что это доказывает полнейшее непонимание его сущности, его интимнейшей принципиальности, в которой примирены все колебания его частичных настроений

и построений. Сейчас я Вам пишу не только то, чтó он мне сообщил в письме, но и то, чтó он говорил мне перед отъездом. Необходимо, чтобы между Вами и Бугаевым водворились прежние дружеские отношения» (РГБ. Ф. 167. Карт. 6. Ед. хр. 15. В тексте упоминается глава о Белом в книге Эллиса «Русские символисты», 1910).

[3] С. М. Соловьев. См. п. 165, примеч. 4.

[4] А. Р. Минцлова. Подразумевается временная размолвка, вызванная отказом Белого в мае 1910 г. ехать вместе с нею и Вяч. Ивановым в Ассизи (Италия) в один из францисканских монастырей для розенкрейцерского «посвящения» (см.: *Глухова Е. В.* Письма А. Р. Минцловой к Андрею Белому: материалы к розенкрейцеровскому сюжету в русском символизме // Русская антропологическая школа. Труды. Вып. 4, ч. 2. М., 2007. С. 224–225).

[5] М. К. Морозова. В данном случае конфликтная ситуация, нашедшая отражение в недатированном письме Белого к Морозовой (май? 1910 г.; см.: «*Ваш рыцарь*». С. 153–157), была вызвана опубликованием в «Московском Еженедельнике» (субсидируемом Морозовой) резко критической рецензии В. М. Хвостова на 1-ю книгу «мусагетского» журнала «Логос».

[6] Речь идет о книге Эллиса «Русские символисты», с которой Белый знакомился, видимо, в редакции «Мусагета» по верстке или сигнальному экземпляру (официально книга зарегистрирована как вышедшая между 6 и 13 июля 1910 г.; см.: *Толстых Г. А.* Издательство «Мусагет» // Книга: Исследования и материалы. Сб. 56. М., 1988. С. 133).

[7] В «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (1835) Н. В. Гоголя поводом для ссоры послужила фраза Ивана Никифоровича: «А вы, Иван Иванович, настоящий *гусак*» (гл. II).

[8] Н. К. Метнер.

[9] См. примеч. 10 к п. 167.

[10] Сестры Н. А., А. А. и Т. А. Тургеневы проводили лето 1910 г. в имении Боголюбы близ Луцка (Волынская губерния), у отчима В. К. Кампиони и матери С. Н. Кампиони. Белый отбыл туда в конце июня.

[11] А. М. Метнер.

186. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

24 июля (6 августа) 1910 г. Пильниц

Pillnitz — Elbe (Dresdnerstr. 56). 6/VIII 910.

Дорогой милый Борис Николаевич! Не сочтите моего молчания за жестокую неотзывчивость. Я все время ждал от Вас (после Вашего отчаянного письма от 24/VI из Клина[1]) уведомления, где Вы находитесь, и адреса Тургеневых, кот<орый> Вы обещали в этом письме немедленно мне выслать. Из Парижа я все равно

не мог бы писать Вам[2]: некогда было, и утомлялись мы каждодневно до крайности. Только что приехали сюда и основались прочно. Решил написать Вам в Мусагет; авось перешлют. На Ваше отчаянное письмо у меня нет иного ответа, как совет просьба требование, чтобы Вы овладели Вашим характером и сделали его достойным Вашего гения. О, конечно, Вы не «беспринципны»; таким Вы можете казаться только фанатикам вроде Эллиса, кот<орый> ведь и Ницше считает «беспринципным»; почему Вам, собственно говоря, вовсе на Эллиса и негодовать незачем. Говоря о характере, я имею в виду те черты Ваши (сами по себе вовсе не отрицательные, раз они налицо у человека обыкновенного), кот<орые> нарушили дистанцию между Вами и толпою. Не сердитесь на меня, а вспомните лучше последнее пятилетие и сообразите. В Ваше дарование я верю больше, чем в чье-либо в России (если не считать, конечно, Коли), и верю больше, нежели кто-л<ибо> в России. И люблю и понимаю Вас больше и, м<ожет> б<ыть>, глубже, чем все окружающие Вас. Уйдите в себя, замкнитесь, выработайте маску и трафарет в обращении со всеми (за исключением двух-трех друзей). Будьте более гордым, недоступным, менее любезным; подчините себя строгому внешнему режиму; постарайтесь полюбить *женщин*, если Вам не далась *женщина*[3]. Судя по письмам Эллиса и Маргариты Васильевны[4], в Москве настроение летом было не из важных. Все нервничают, томятся, швыряются в астрал и проч. Я крепко держусь, креплюсь; но пришлось много передумать личного слишком личного, много преодолевать; в Порнишэ были странные сны; ощущения наяву совсем исключительные, каких раньше никогда не было. Старался чтением отогнать наступавшие отовсюду странные и жутко отчетливые образы. Когда после ужина прогуливался один по пляжу, то ко мне приставал некто из того мира, которого я назвал (Вы это оцените!) Ху́мсти-Бу́мбсти. Гладкий, извилистый, комичный, и нагло ритмичный: ху́мстй-бўмб / сти́хўмстй / бу́мбстйхўм / сти́бўмбстй / ху́мстйбўмб / и опять сначала. — — — — Париж страшно утомил нас; мы пробыли всего 10 дней; перед тем мы купались в море, что́ при всей целительности тоже утомляет; в результате мы приехали сюда исхудавшие. Мы в полном восторге от Парижа; я не мечтал о таком великолепии, о таком всепроникающем вкусе, о таком органичном сосуществовании

старого и нового; в Нюренберге только старое, а новое — ничтожно; в Париже собор Нотр Дам и дамская модная шляпка слиты воедино... Кстати, мода в Париже не имеет противного мне привкуса; во-первых, она не исключает индивидуализма в жизни, а как бы дает только удобную подкладку ему, а во-вторых, мода там естественна; она не довлеет. На вторую ночь в Париже мне снилось, будто сделано окончательное открытие в области платонизма; оказалось, что идеи есть ничто иное как шляпы парижанок. Пока до свиданья! Вскоре напишу еще. Приструньте Кожебаткина. Ведите себя более хозяином. Приласкайте Эллиса. Кланяйтесь Наташе, Асе и Тане[5], а также всем мусагетам. Ваш Э. М.

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 6. Копия: РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 16. Ответ на п. 185.

[1] Ср. сообщение в письме Метнера к М. К. Морозовой от 5 (18) июля 1910 г.: «Получил по письму от Бугаева (очень пессимистичное) и от Эллиса» (РГБ. Ф. 171. Карт. 1. Ед. хр. 52 б).

[2] Метнеры отбыли в Париж из Порнише 7 (20) июля 1910 г.; ср. сообщение в том же письме Метнера к Морозовой: «Послезавтра мы выезжаем отсюда в Париж, где пробудем с неделю, а оттуда в Пилльниц; Ядвига давно уже ждет нас; там мы пробудем август и часть сентября; после чего Коля с Анютой поедут домой, а я — в Париж, где останусь до середины октября».

[3] Намек на отношения Белого с Л. Д. Блок.

[4] М. В. Сабашникова. О ее взаимоотношениях с Метнером, завязавшихся в феврале 1910 г., см. статью К. М. Азадовского «Маргарита Сабашникова и Эмилий Метнер» (*Азадовский Константин*. Серебряный век: Имена и события. СПб., 2015. С. 399–419), а также публикацию переписки Метнера и Сабашниковой 1911–1913 гг., подготовленную Еленой Глуховой и сопровождаемую ее вступительной статьей «„Пока Вы не решитесь родиться вновь духовно...“: Переписка Э. К. Метнера и М. В. Сабашниковой» (Russian Literature. 2015. LXXVII–IV. С. 559–589).

[5] Сестры Н. А., А. А., Т. А. Тургеневы.

187. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

15 (28) августа 1910 г. Москва

Дорогой, близкий, бесконечно любимый Эмилий Карлович,

Не сочтите и Вы мое молчание за забвение; я молчал не потому, что забыл Вас, а потому что весь июнь залечивался от безумно

проведенной зимы; единственная возможность работать над собиранием материала для книги была у меня[1]; все же слова гасли; а слова, обращенные в письме, должны были бы отражать лишь одну внешнюю усталость; и ничего больше; я не хотел набрасывать на Вас тень своего утомления; потом же я уехал в Луцк и пробыл около шести недель там[2], *забыв все*, не зная даже, где Вы; Кожебаткин писал о том, что от Вас получено письмо, но ввиду того, что я три недели почти каждый день собирался ехать в Москву, он письма не пересылал. Так мы и молчали друг с другом.

Милый, старинный друг, я отдохнул: я счастлив; дни, проведенные с Асей[3], были для меня блеском, восторгом, песней; я утомился внешне; душа же крылата; хочется петь; хочется с улыбкой обнять мир; все время из Луцка я улыбался Вам, милый; через Асю я опять омытыми от слез глазами смотрю на мир; и мир — ясен; в Асе я нашел смысл и счастье жизни; бережно, тихо должен я созидать путь к ней. Мы близки друг другу: если у меня будет жена, то это будет — Ася, или никто; от полноты моей радости я улыбаюсь Вам, мой дорогой, неизменный друг — друг до смерти; *помните эти слова*; я пишу их сериозно. Все мое безумие прошлого года с Л. Д.[4] и *ее реминисценцией* провалилось, как соблазн. Я теперь другой, у меня впереди — смысл жизни; Ася едет в Москву; будет здесь 5 месяцев; в эти пять месяцев мы решим, будет ли она моя на всю жизнь.

Как старинный друг, как милое, душе посланное, знаменье, и как старший брат Вы пишете: «Уйдите в себя, замкнитесь, выработайте маску...» и т. д. О, если б Вы знали, как Ваши слова откликнулись в душе моей: да, да, да. *Я ухожу, замыкаюсь: я буду — властный*. Если я еще на что-нибудь годен, я внимаю голосу судьбы, который так же обрекает меня на уединение и замкнутость, так же венчает меня быть властным, как призывают к тому же и Ваши слова: Вы, друг старинный: Ваши слова встретили меня тем же, чем встретила меня *Москва. Приезжайте; узнаете.*

Милый друг: *все хорошо*, слышите ли Вы меня; пусть будут безобразия, несогласия, нелепицы; как сон теневой, они скользнут по нашим лицам; через все тени, все ужасы жизни протягиваю Вам я руку, улыбаюсь Вам, милый: «*Все хорошо: ничто не станет между нами, ибо с нами Бог*».

Я живу в Москве вот уж пятый день[5]; в Москве безобразно; я застал Эллиса в бреду и чаду; мы его теперь отходили; многое здесь тягостно; но лейт-мотив, проходящий сквозь все — «*Lustige Geistlichkeit*» (есть ли такое слово, на знаю)[6]; и уютно; и в Москве слышатся уже, хотя лето, метельные песни Николая Карловича[7]; и Николай Карлович — слышу его близко, близко, милого, близкого. От него возвращаюсь к Вам: «*Старинный друг, к Тебе я возвращаюсь, весь побелев от вековых скитаний*»...[8] И от Вас, вместе с Вами поворачиваюсь к Асе; и там меня ждет тихая ласка и свет; дорогой: примите в душу свою Асю, такую одинокую, гордую, тихую, прекрасную, как приняли Вы когда-то, за что-то меня, ибо Ася — почти моя невеста; принимая ее, Вы принимаете меня; милый — будемте, немногие, вместе; этот год нам предстоит быть *одной семьей*, тихо уйти, властно сосредоточиться, быть одним с любовью и ожиданием; северная вьюга будет злиться, налетая на тихий оплот; зажжем же очаг и у пламени за кружкой доброго пива будем коротать мрак северной ночи, долгой ночи; скажем друг другу: «Да», доверчиво протянем руки; и, осыпанные звуками сонаты, мы будем неуязвимы, властны, стойки; и каменная маска нашей непроницаемости да отразит мрак.

Да будет!

Слышите ли Вы мою бодрость, верите ли Вы моей твердости; тучи еще остались, но душа сожгла все сомненья; звездная песня вошла в мою грудь вместе с к груди прижавшейся звездной ночью; звездная ночь покоится у меня на груди; и я — звездный, звездному своему брату говорю о звездах: они — с нами; пусть будем мы созвездием восходящим, и да здравствует «*Мусагет*»! Теперь годовщина его рождения[9]; круг времени замкнут; замкнуто в нем все теневое, недоуменное этого года; а свободное, радостное поет песню все той же сказки.....

Теперь фактическое: «*Гераклит*» выходит[10]; «*Камена*» печатается[11]. Кожебаткин умоляет Вас вернуть хотя бы 2 корректурных первых листа «*Музыки и модернизма*»[12], чтобы освободить шрифт; Гюнтер предлагает издать монографию о *Георге* (критическую с ритмическим исследованием по моему методу)[13]; Кожебаткин перешлет Вам его письмо; Киселев живет под «*Мусагетом*»[14].

Эллис прекрасен; между нами мир и тишина; Сизов — растет. Неллендер <*так!*> — тоже; Петровский — слушает Штейнера[15]. А. Р. — в Москве[16]. Наташа[17] и Ася освобождены от д'Альгейма[18]; они просятся в Мусагет. Сережа[19] — толстеет. Наташа растет не по дням, а по часам. «*Серебряный Голубь*» пользуется вниманием публики и прессы. Восторженный фельетон был в «*Утре России*»[20], сочувственный в «*Голосе Москвы*»[21], брюзгливо-благосклонный — в «*Русских Ведомостях*»[22]. «*Арабески*» печатаются мало-помалу[23]. На днях пишу статью о Ник<олае> Карловиче[24]; материалы — есть; в «*Мусагете*» принят костюм для ношения (смесь римского костюма с восточно-арабским: мое изобретение с Тургеневыми) для интимных дружеских собраний; этот костюм ношу уже и обносил: придуман — в Луцке. Носят: я, Наташа, Ася и мама; дали обещание носить: Сизов, Эллис, Нилендер, Шпетт, Ахрамович. Шпетт в Москве. Вячеслав — в Риме (*просто в Риме*)[25]; сносится по печатанию книги с Мусагетом М. М. Замятина[26].

Вот....

Ну? Милый, милый, старинный друг, крепко жму Вашу руку. Да здравствует бодрость.

P. S. Привет Н. К. и А. М.[27] 1 сентября я в Москве[28].

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 16. Текст — на почтовой бумаге издательства «Мусагет». Датировка рукой Метнера: «15/VIII 10» (видимо, дата почтового штемпеля отправления на несохранившемся конверте).

Ответ на п. 186.

[1] Следов активной работы Белого летом 1910 г. над новой книгой не зафиксировано; вероятно, здесь подразумевается замысел продолжения романа «Серебряный голубь», к реализации которого писатель приступил более года спустя.

[2] В Боголюбах под Луцком Белый провел июль и первую декаду августа 1910 г.

[3] А. А. Тургенева.

[4] Л. Д. Блок. С нею у Белого в указанный период не было ни личных, ни эпистолярных контактов.

[5] Согласно этому сообщению, Белый возвратился в Москву 11 августа.

[6] Geistlichkeit, m (*нем.*) — духовенство, клир. Видимо, Белый в приведенную формулировку влагал смысл: «веселая духовность».

[7] Н. К. Метнер.

[8] Белый неточно цитирует первые строки своего первого стихотворения из цикла «Старинный друг» (1903), входящего в его книгу «Золото в лазури» и посвященного Э. К. Метнеру (*СП — 1*. С. 137).

[9] См. п. 163 (от 18 (31) августа 1909 г.), в котором Метнер оповещал о начале деятельности нового издательства с вчерашнего дня.

[10] Имеется в виду издание: *Гераклит Ефесский*. Фрагменты / Пер. Владимира Нилендера. М.: Мусагет, 1910 (Орфей. Кн. 2). Книга вышла в свет в начале октября 1910 г.

[11] Книга Бориса Садовского «Русская Камена: Статьи» (М.: Мусагет, 1910) вышла в свет в первой половине ноября 1910 г.

[12] См. примеч. 13 к п. 163.

[13] Книга Иоханнеса фон Гюнтера о Стефане Георге не была издана в «Мусагете». Две его статьи о классике немецкого символизма были опубликованы позднее в «Аполлоне» — «Стефан Георге. I. Поэт и его произведения» (1911. № 3. С. 46–69) и «Стефан Георге, его время и его школа» (1911. № 4. С. 48–63); переведены с немецкого К. М. Жихаревой. 5 (18) сентября 1910 г. Метнер писал А. М. Кожебаткину: «Работу Гюнтера как книгу издать невозможно. Будет у нас сборник; если Гюнтер сократит свою работу, то я ее, может быть, помещу в виде статьи в сборник» (РГБ. Ф. 167. Карт. 24. Ед. хр. 13).

[14] Подразумевается, видимо, жилище Н. П. Киселева в нижнем этаже дома, в котором располагалась квартира, снятая для «Мусагета».

[15] А. С. Петровский писал Метнеру из Мюнхена 11 (24) августа 1910 г.: «Слушаю здесь Штейнера и 30-го еду в Берн, где с 1–14 сент<ября> н. ст. другой цикл лекций: об Евангелии от Матфея. Штейнер дал мне несравненно больше, чем я ждал, хотя личной беседы я еще не имел с ним. Это нечто ослепительное, по властности и силе. Глядя на него, все время учишься, как уже давно не учился. Кристалл, совершенно законченный в себе и из себя растущий, а уже не из среды, до конца пробужденный, где у каждой линии у каждой грани свое лицо, опять-таки до конца отработанное и завершенное. Понимаешь, что значит второе рождение. Пафос и вдохновение, но совершенно послушные ему. За всем — всегда одно лицо, неподвижное в страдании, сверхчеловеческое в реальном смысле слова. Это неопровержимо и это надо видеть, потому что до сих пор никто из нас этого не видел» (РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 35).

[16] А. Р. Минцлова приехала из Судака (Крым) в Москву 8 (20) августа 1910 г. (см.: *Богомолов Н. А.* Русская литература начала XX века и оккультизм: Исследования и материалы. М., 1999. С. 104, 481).

[17] Н. А. Тургенева.

[18] Сестры Тургеневы были родственницами М. А. Олениной-д'Альгейм, жены П. И. д'Альгейма.

[19] С. М. Соловьев.

[20] Имеется в виду статья В. Ф. Боцяновского «Серебряный голубь. Литературные наброски» (Утро России. 1910. № 176, 19 июня. С. 2), в которой новое произведение Белого было расценено как «прекрасная повесть». Высокую оценку критика заслужила, в частности, сказовая манера повествования: «Он <Белый. — *Ред.*> ведет рассказ не от себя, а как бы от лица какого-нибудь старообрядческого начетчика. Он пишет свои картины не как итальянский мастер, а как писал бы современный нам жанр иконописец, набивший руку на древних византийских подлинниках. Все у него скрашивается этой древней коричневой олифой. <…> Андрей Белый, взявший для себя очень удачно простой, полу-библейский, полународно-сектантский тон, по-моему, первый из наших писателей сумел спокойно и ясно показать всю бездну противоречий, слившихся в этом клубке, в этом кубке чисто русских метелей, воздушных струй, сплетящихся друг с другом в непонятных комбинациях». Упоминая два других ярких явления новейшей литературы — «Городок Окуров» М. Горького и «Мелкий бес» Ф. Сологуба, критик отдает предпочтение роману Белого: «Город Лихов Андрея Белого и его окрестности, где появились серебряные голуби, многограннее городка Окурова Горького и того богоспасаемого города, где жил отныне знаменитый Передонов. И многограннее, и тоньше…»

Сохранился экземпляр отдельного издания «Серебряного голубя» с надписью Метнеру: «Дорогому глубоколюбимому другу в знак глубокого уважения с из глубины души вырвавшимся приветом. Андрей Белый. Москва. Май. 1910 года» (Автографы поэтов серебряного века: Дарственные надписи на книгах. М., 1995. С. 97 — факсимиле).

[21] Имеется в виду статья Конст. Кузьминского «Серебряный голубь» (Голос Москвы. 1910. № 165, 20 июля. С. 2), содержащая подробное изложение сюжета романа и интерпретацию его главной идеи — противопоставления Востока и Запада, сводящегося к задаче — «слить обе жизни, приобщить одну к другой, привить к внешней культуре Запада — восточную культуру духа». Критик заключает: «Вся повесть читается с таким интересом, как редкое из современных произведений. В ней так много истинно прекрасных мест, написанных рукой большого, вдумчивого художника, что забываются те слабые страницы, где вдохновение оставило на время автора. <…> повесть „Серебряный голубь“ свидетельствует о значительном таланте А. Белого как романиста. Истинное призвание его не стихотворство, не философия, а повествование».

[22] В статье «Литературные отголоски» И. Н. Игнатов пишет о внешней манерности и искусственности «Серебряного голубя», о стилевой вторичности повествования («его язык — костюм, заказанный у Гоголя, Достоевского и Тургенева»), о ничтожестве главного героя; общий его вывод: «…г. Белому не удается показать за мелкой обыденностью или фанатической косноязычностью нечто большое, захватывающее жизнь целого народа, раскрывающее его душу. Автору удалось представить отвратительную сторону хаотичности того, что он хотел сделать олицетворением России;

и если такова была его цель, то она достигнута вполне <...> И весь „Серебряный голубь“ <...> представляет из себя занятное описание одного из явлений народной жизни, совершенно неудачно сопоставленное с похождениями интеллигента в деревне» (Русские Ведомости. 1910. № 183, 11 августа. С. 2).

[23] Книга статей Андрея Белого «Арабески» (М.: Мусагет, 1911) вышла в свет в начале марта 1911 г.

[24] Речь идет о статье Андрея Белого «Снежные арабески. Музыка Н. К. Метнера», которая осталась неопубликованной, сохранилась в архиве Белого (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 85). См.: *Андрей Белый.* Снежные арабески. Музыка Метнера / Публ., вступ. заметка и публ. Сергея Воронина // Советская музыка. 1990. № 3. С. 118–122.

[25] Вяч. Иванов вместе с В. К. Шварсалон уехал в Италию 31 июля (13 августа) 1910 г. (см.: *Кузмин М.* Дневник 1908–1915 / Предисл., подгот. текста и коммент. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб., 2005. С. 229, 677). Акцент, который делает Белый на этом сообщении, содержит намек на то, что эта поездка была связана, в трактовке А. Р. Минцловой, с приобщением к «тайному» розенкрейцерскому сообществу.

[26] Имеется в виду М. М. Замятнина. Книга Вяч. Иванова — «Эллинская религия страдающего бога. Опыт религиозно-исторической характеристики»; на протяжении ряда лет она указывалась в объявлениях «Мусагета» как печатающаяся, но так и не вышла в свет в этом издательстве. Белый написал развернутую аннотацию к этой книге (включающую сообщение: «Выйдет в августе 1910 г.»), которая была приложена к его письму Иванову от 18 июня 1910 г. (опубликована в комментариях Н. А. Богомолова и Дж. Малмстада к переписке Белого и Иванова, см.: Русская литература. 2015. № 2. С. 62). Корректура книги (139 л.) сохранилась в архиве издательства «Мусагет» (РГБ. Ф. 190. Карт. 71. Ед. хр. 39).

[27] А. М. Метнер.

[28] Белый собирался во второй половине августа ст. ст. уехать на дачу в Демьяново и вернуться в Москву к указанному дню.

188. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

4 (17) сентября 1910 г. Пильниц

Pillnitz 17/IX 910.

Дорогой, милый Борис Николаевич! Ваши оба письма[1] получил и не отвечал на них (на первое откликнулся кратким письмом)[2] вследствие скопления разных обстоятельств, среди которых главное — это дурное самочувствие, не покидавшее меня

все лето; обычно летом я поправляюсь и душой и телом, залечиваю раны, нанесенные зимой, и полнею «про запас»; на этот раз морские купанья, Париж и, главное, мучительнейшие внутренние переживания истощили меня. Кто купается в море, не должен ехать вслед за этим в Париж и не должен «мучительно переживать» и т. д. Все три вещи несовместимы. Вы страшно обрадовали меня известием об Асе[3] (которой передайте мой горячий привет). Но об этом мы тоже поговорим при свидании. Бесконечно счастлив я также тем, *как* Вы приняли мое письмо, мой призыв; и я верю в то, что Вы вступаете на твердый трудный трудовой мужественный путь. — — — Письма Гюнтера я не получал; книги его я издать не могу; предлагаю ему вместо книги дать большую статью для Сборника, в кот<орый> пойдет тогда 1) его статья о Георге, 2) Степпун о Рильке[4], 3) Я о «X» (не знаю еще о каком немце), 4) Вы... ну, о Гауптмане или о ком хотите, 5) Эллис о Вагнере[5] или... Одним словом, хотелось бы сборник об отдельных авторах...[6] — Совершенно недоумеваю по поводу Вашего второго письма (об Эллисе)[7]; ведь перевод исправлен Петровским в такой мере, что́ (как он сам говорил мне перед моим отъездом) его можно печатать не без надежды на некоторый успех, ибо кое в чем он лучше лучшего из существующих переводов, разумеется уступая последнему в других отношениях. Вы пишете так, что я подумал было одно время, не посылаете ли Вы мне по ошибке прошлогоднего письма... В числе материалов для Вашей статьи о Коле[8] Вы могли бы использовать также и его предисловие к программе концерта Олениной (см. книжку № 8, кажется)[9]; кроме того, надеюсь, что Вы знакомы с отличной статьей Порфирьева (или Прокофьева) в Моск<овском> Еженедельнике, где о Коле большая статья[10]. Получили ли Вы письмо Степпуна относительно двух Ваших статей: 1) для русского *Логоса* о Потебне[11], 2) для нем<ецкого> две статьи Смысл Искусства и фрагменты из статьи Магия слов[12]. — — — Подумываете ли Вы о Песеннике для народа, для которого Вы хотели к уже существующим стихотворениям из прежних сборников присочинить несколько новых...[13] Ваши мусагетские костюмы отчасти позабавили меня, но отчасти напугали: как бы не стали говорить, что мусагетчики — новая секта, и не смешали бы нас с мерцателями... Навестите Маргариту Кирилловну; она беспокоится о Вас. Я получил

от нее милое письмо, на которое ответил[14]. Не знаю, получила ли она его. Прислала она мне статью Эрна о *Логосе*[15]. Только я еще не читал ее... Моя книга[16] смущает меня порядком: уж очень она случайна и пестра по стилю: от фельетона до популяризации философии; нелепо, но что́ делать! Я пишу послесловие и предисловие. — Кожебаткин не отвечает на письма и не сообщает мне, получена ли корректура моей книги... Состояние моего здоровья таково, что я просто боюсь уже теперь возвратиться в московский омут и серьезно подумываю оттянуть мой приезд. Полагаю, что проспект Мусагета еще рано выпускать, т<ак> к<ак> каталог пока слишком ничтожен[17]. Да и весь материал, который мы обсуждали с Вами и с Эллисом весною, надлежит еще и еще раз продумать, чтобы не показаться смешными. Между прочим, я трижды писал Кожебаткину, чтобы он весь этот материал (мою, Вашу и Эллисову статьи о культуре[18]) конфиденциально представил на рассмотрение его маститости Рачинскому; пух, пух, пух, но все-таки он скажет, смешно ли все это. — Скажите Эллису, что я до сих пор не мог посылать ему части Парсифаля[19], т<ак> к<ак> был занят и плохо чувствовал себя. ***Строго секретно***: надлежит экономить (устно сообщу, почему); Кожебаткина я об этом уже уведомил; поэтому хотелось бы увильнуть от издания *Серафиты*, которая, кстати, когда я теперь бросил взгляд в эту книгу, мне *очень* не нравится[20]; далее: мать Ядвиги очень коммерческая дама и находит, что мы роскошествуем[21]; напр<имер>, на «мелкие расходы» в месяц по отчету Кожебаткина тратится *50 р.*!!! Вообще надо сократиться (но, конечно, ***не Вам,*** т<ак> к<ак> Вы получаете minimum и не задолжали); но дальнейшие авансы Петровскому, Эллису и т. д. должны прекратиться. Но об этом Вы *никому*!! Поговорите только с глазу на глаз с Кожебаткиным как бы от себя, сказав, что знаете только, что надо сократиться; сообщите об этом разговоре мне, ибо Кожеб<аткин> молчит. Целую Вас. Ваш М.

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 6. Копия: РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 17. Ответ на п. 187.

1 Имеются в виду п. 187, 171.

2 Это письмо, вероятно, не сохранилось.

3 А. А. Тургенева.

4 Интерпретация творчества Рильке содержится в статье: *Степпун Ф.* Трагедия мистического сознания. (Опыт феноменологической характеристики) //

Логос. 1911–1912. Кн. 2 и 3. С. 115–140. Упоминая в письме к А. М. Кожебаткину от 5 (18) сентября 1910 г. о готовившемся в «Мусагете» (но не сформированном) сборнике статей различных авторов, Метнер замечал: «Там же пойдет и статья Степпуна о Р. М. Рильке» (РГБ. Ф. 167. Карт. 24. Ед. хр. 13). 30 июня (13 июля) 1910 г. Степун писал Метнеру из Фрейбурга: «Я скоро закончу статью, которую в России, собственно говоря, негде печатать — о мистике у Reiner Maria Rilke в связи с Плотином и *Экхартом*. <...> Тема и дух статьи, думается, близки „Мусагету". <...> В „Логос" статья бы вполне подошла, как правый фланг, но не хочется уже в 3-ьем № снова печатать себя» (*Сапов В. В.* Журнал «Логос» — прерванный на полуслове диалог // Вестник Российской академии наук. 1993. Т. 63. № 3. С. 275).

[5] Статью «„Парсифаль" Рихарда Вагнера» Эллис написал позднее. См.: Труды и Дни. 1913. Кн. 1/2. С. 24–53; *Эллис.* Неизданное и несобранное. Томск, 2000. С. 201–228.

[6] Задуманный сборник статей «мусагетских» авторов не был скомплектован. Замысел его получил определенную огласку; так, Ф. А. Степун спрашивал Метнера в письме от 21 августа (н. ст.) из Карлсбада: «...когда выяснится вопрос о сборнике „Мусагета"? Когда он может выйти? Мне это важно потому, что моя статья лишь набросана по-немецки» (*Сапов В. В.* Журнал «Логос» — прерванный на полуслове диалог. С. 276).

[7] Имеется в виду п. 171.

[8] Н. К. Метнер.

[9] Программа «Восьмой вечер Дома Песни» (8 января 1909 г.) включает анонимную статью «Дом Песни и современные авторы», тексты песен Н. Метнера и заметку «От автора» за подписью Н. Метнера.

[10] Имеется в виду статья Гр. Прокофьева «Музыкальные профили. I. Николай Метнер» (Московский Еженедельник. 1910. № 18, 8 мая. Стб. 43–52). В ней была отмечена главная особенность творчества композитора: «Хотя г. Метнер окончил Московскую консерваторию и живет почти все время в России, в его творчестве нет ничего русского <...> все полно германизмом, если, конечно, таким словом можно назвать и невольное тяготение молодого композитора к творчеству Шумана и Брамса» (Стб. 46) — и дана в целом высокая его оценка: «...везде и всегда творчество Метнера остается сосредоточенным и самоуглубленным, *личным вплоть до угрюмости* <...> Но под этой неприветливой внешностью кроется крупная, интересная индивидуальность, требующая, правда, вдумчивого к себе отношения, но сторицею вознаграждающая своим богатством всякого, пожелавшего и имевшего возможность подойти к ней» (Стб. 52).

[11] Статья Андрея Белого «Мысль и язык. (Философия языка А. А. Потебни)» *была опубликована в журнале «Логос»* (1910. Кн. 2. С. 240–258). Ее упоминает («*Белый.* Потебня») С. И. Гессен в письме к Метнеру от 6 сентября 1910 г., перечисляя статьи, входящие во 2-й номер «Логоса», и отмечает, что Белый «с энтузиазмом пишет для „Логоса" и обещал через две недели

уже представить статью к печати» (Вестник Российской академии наук. 1993. Т. 63. № 6. С. 528. Публ. В. В. Сапова).

[12] Названные статьи Андрея Белого были впервые опубликованы в его книге «Символизм» (1910). В письме к Метнеру от 13 июля (н. ст.) 1910 г. из Фрейбурга Ф. А. Степун сообщил, как отозвались философы-неокантианцы об «Эмблематике смысла» и других статьях из «Символизма» Белого: «Я рассказывал „*Эмблематику смысла*" Риккерту и Мелису — оба „боятся" этой статьи для „Логоса". *Символ* же *искусства*, который я им перевел, и места из „*Магии слов*" — произвели большое впечатление. С разрешения Б. Н. они хотели бы перепечатать „Символ искусства" и под заглавием „Fragmente" места из „Магии". Я думаю, однако, что было бы лучше, если бы Б. Н. переработал эти мотивы в отдельной статье» (*Сапов В. В.* Журнал «Логос» — прерванный на полуслове диалог. С. 275). Среди писем Степуна к Белому (РГБ. Ф. 25. Карт. 27. Ед. хр. 24 а) письма на затронутую тему не имеется. Планы переводов философских статей Белого на немецкий язык, видимо, остались неосуществленными.

[13] Неосуществленный замысел (возник, видимо, в ходе личного общения Белого и Метнера).

[14] В письме от 18 (31) августа 1910 г. М. К. Морозова спрашивала Метнера: «Что Борис Николаев<ич>, он мне не пишет, я очень грущу об этом и ничего о нем не знаю!» (РГБ. Ф. 167. Карт. 25. Ед. хр. 44). Ответное письмо Метнера из Пильница — от 2 (15) сентября 1910 г. (РГБ. Ф. 171. Карт. 1. Ед. хр. 52 б).

[15] Имеется в виду статья В. Ф. Эрна «Нечто о Логосе, русской философии и научности» (Московский Еженедельник. 1910. № 29, 24 июля. С. 32–40; № 30, 31 июля. С. 30–40; № 31, 7 августа. С. 34–44; № 32, 14 августа. С. 34–42).

[16] См. примеч. 13 к п. 163.

[17] Отдельного издания «проспекта» издательства «Мусагет» с программными статьями и перечнями опубликованных и готовящихся книг не состоялось.

[18] Статьи, предполагавшиеся для «проспекта». См. примеч. 6 к п. 171, примеч. 4 к п. 180.

[19] См. примеч. 2 к п. 175. Речь идет о переводе либретто «Парсифаля», выполненном Эллисом, который Метнер взялся проверить и отредактировать.

[20] Мистический «сведенборгианский» роман Оноре де Бальзака «Серафита» («Séraphita», 1835) в переводе Александры Чеботаревской со вступительной статьей Вячеслава Иванова планировался для серии «Орфей» издательства «Мусагет»; в объявлении о готовящихся изданиях, помещенном в конце книги Белого «Символизм», сообщалось, что книга «выйдет в августе 1910 г.» (С. 640), однако к тому времени работа над переводом только была начата. Свое мнение о «Серафите» Метнер сообщил А. М. Кожебаткину в письме от 17 (30) августа 1910 г. с просьбой выяснить положение

дел с переводом и, в случае его неготовности, просить не браться за работу (РГБ. Ф. 167. Карт. 24. Ед. хр. 13). Перевод не был завершен, издание не состоялось. См.: *Лавров А. В.* Символисты и другие. С. 243–244.

[21] Хедвиг Фридрих. 17 (30) августа 1910 г. Метнер писал А. М. Кожебаткину: «*Конфиденциально* сообщаю Вам нижеследующее. Как я уже Вам не раз говорил, мы имеем дело вовсе не с *одним* лицом, как издателем; хотя инициатива дать деньги действительно исходила от одного. Издателей было трое из одной семьи. Один из них скончался (не главный); вследствие этого произойдут изменения во взносе издательских денег: мы получим в нынешнем году только 15 тысяч; в следующем затем году, *по всей вероятности*, опять 15 тысяч <...>» (РГБ. Ф. 167. Карт. 24. Ед. хр. 13). С большей ясностью Метнер обрисовывал ситуацию в письме к отцу от 5 (18) августа 1910 г.: «...из разговора с Ядвигой я понял, что смерть ее отца не осталась без влияния на их состояние, так как он в завещании просил довольно значительную сумму распределить каким-то дальним родственникам. <...> Ядвига уверяет, что вся перемена будет заключаться в том, что по истечении предстоящего года, когда будет дано 20 т<ысяч>, еще будет выдано только один раз 10 тысяч, а не три раза...» (РГБ. Ф. 167. Карт. 24. Ед. хр. 36).

189. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

27 сентября (10 октября) 1910 г. Москва

Милый, милый, милый Эмилий Карлович!

Будьдете <*так!*> бодры. Еще раз всей силой, какую ощущаю в себе, говорю Вам: «*Не падайте духом! Отдохните!*» Спасибо за хорошее письмо.

Спешу о делах:

1) Конечно, письмо об Эллисе — прошлогоднее[1]. Это обнаружилось лишь несколько дней тому назад; произошло все таким образом: я Вам написал; потом написал еще (сунул в карман и думал, что опустил); грянула московская суетня: уезжая в деревню, я — (в прошлогоднем летнем костюме) — нашел письмо к Вам с адресом Пильница: подумал, что забыл опустить; и, вместо письма Вам этого года, опустил прошлогоднее: несколько дней тому назад нашел и распечатал неопущенное письмо; отсылать теперь — нет смысла[2].

2) Об экономии — завтра же переговорю с Кожебаткиным; да: авансов не надо;

3) О себе должен сообщить нечто: Вы не получили одного моего письма — это ясно; повторяю вкратце его содержание: я теперь буду писать в «*Утро России*»[3]; постараюсь зарабатывать в месяц до 100 рублей; кроме того: мелкая работа будет в «*Русской Мысли*»[4]. Следовательно, если это укрепится, я буду в состоянии получать из «*Мусагета*» менее 75 рублей (скажем — 40); ввиду этого: я заимообразно из «*Мусагета*» взял 125 рублей (когда приедете, поймете, что ***не для себя***: до зарезу было нужно); каждый месяц с октября из 75 рублей я *25 рублей* не получаю; в 5 месяцев долг покрывается. Если это не гарантирует, гарантируют мои фельетоны «*Утра России*».

4) О Николае Карловиче — пишу[5].

5) Ася приехала[6], и Ася — моя радость, жизнь, счастье: спасибо за слова о ней.

Вот деловое, а теперь… —

дорогой друг: как много Вам есть сказать, как реально слышу Ваше присутствие, как хотелось бы скорей Вас видеть, как люблю, люблю Вас.

Правда ли, ходят слухи, что приезжаете 17 сентября: не смею верить.

Жду Вас, жду: Вы уже — *знаете*? А. Р. у Вас была?[7] Да? Милый, милый — не знаю Вашего отношения; тверд, спокоен.

Уже 4-ый час: на днях пишу подробнее.

Христос с Вами: целую.

Борис Бугаев.

P. S. Мой привет Николаю Карловичу и Анне Михайловне[8].

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 17. Написано на почтовой бумаге издательства «Мусагет». Помета рукой Метнера: «27/9 10» (видимо, дата на почтовом штемпеле отправления с несохранившегося конверта).

Ответ на п. 188.

[1] Имеется в виду п. 171, отправленное адресату с годовым опозданием, вслед за п. 187.

[2] «Неопущенное» письмо Белого, относящееся к концу августа — началу сентября ст. ст. 1910 г., видимо, не сохранилось. Приводимые Белым объяснения вызвали закономерные сомнения у Н. П. Киселева, приложившего к автографу п. 171 свое «Примечание»:

«Однако, если письмо об Эллисе (23. IX) — прошлогоднее и лежало *запечатанным* в кармане костюма, то откуда в письме 27. IX 1910 та же бумага, которой нет в других письмах? Вероятно, не в кармане пиджака лежало запечатанное письмо, а где-нибудь среди бумаг тетрадь бумаги в мелкую клетку с начатым письмом.

Если допустить, что в запечатанном письме были 2 целых листа (1 — письмо о Эллисе + 1 отсутствующая „заметка", второй *полулист* которой мог быть *чистый* (письмо 27 IX) (что само по себе маловероятно)), то в 2 из 3 имеющихся полулистов сходились бы линии разрывов» (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 7).

В действительности Белый, видимо, обнаружив неотправленное прошлогоднее письмо к Метнеру вместе с листами однотипной почтовой бумаги, написал на этой бумаге «неопущенное» письмо и по рассеянности запечатал в конверт и отослал адресату вместо «неопущенного» п. 171. На той же бумаге написано и настоящее письмо.

[3] Ежедневная московская газета, выходившая в 1907 г. и возобновленная с 15 ноября 1909 г. Белый дебютировал в ней статьей «Великий лгун», напечатанной 12 сентября 1910 г. (№ 247).

[4] В сентябре 1910 г. Брюсов стал заведующим литературно-критическим отделом «Русской Мысли» и пригласил Белого к сотрудничеству в журнале (см. его письмо к Белому от 27 августа 1910 г. // Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. С. 419).

[5] См. примеч. 24 к п. 187.

[6] Подразумевается возвращение А. Тургеневой из Боголюбов в Москву.

[7] А. Р. Минцлова уехала из Москвы в Петербург 17 (30) августа 1910 г. для дальнейшего следования за границу (см.: *Богомолов Н. А.* Русская литература начала XX века и оккультизм. С. 105–106), после чего никто ее не видел. 18 августа, по приезде в Петербург, она писала М. И. Сизову: «...завтра вечером (19-го) думаю выехать за границу, прежде всего в *Дрезден*, т. е. в Пильниц, где пробуду два дня с Эм<илием> Карл<овичем> <...> известите Белого, перешлите ему мое письмо <...>» (приведено в Предисловии А. И. Серкова в кн.: *Киселев Н. П.* Из истории русского розенкрейцерства. С. 31–32). Вопрос Белого основывается на сведениях из этого письма. При этом о возможном приезде Минцловой в Пильниц нет упоминания в последнем письме ее к Метнеру, отправленном туда из Москвы 15 (28) августа 1910 г.: «Я здесь уже с неделю. <...> А. Белый здесь. Все это время мы ежедневно видимся с ним. Когда мы с ним теперь встретились, впервые после этой весны — — — *все*, смутное и тяжелое, что было за это время — — — разлетелось как дым, развеялось *сразу*, как пыль, без следа и остатка — — — <...> *Я увидела* впервые и до конца, *всю* Красоту Этого Человека, с Неземной Гениальностью и светом. <...> А через 2 дня я уезжаю. Мне надо ехать в Берн, чтобы увидеть там Петровского» (РГБ. Ф. 167. Карт. 25. Ед. хр. 43).

[8] А. М. Метнер.

190. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

1–2 (14–15) октября 1910 г. Москва

1-ое октября 910 года.

Милый, милый друг!

Слышали ли Вы меня вчера, 30 сентября? Слышали ли Вы меня 16 сентября? Услышите ли Вы меня четырнадцатого октября? Вы просите объяснения? Объяснение ждет уже Вас более полутора месяца — *на словах*. В этом разгадка Вашего вопроса о том, где А. Р.[1] *Ее с нами нет: но мы духом — с ней*[2].

Милый, милый друг, за последний месяц я прямо-таки о Вас тоскую, вспоминаю все ранее вместе прожитые дни, мысли, надежды, опасения. Эмилий Карлович, будемте держаться друг друга; чувствую горячий порыв к Вам, как к другу; но чувствую и опасенье, что сроки, числа, перегородки из дел, часов и т. д. все более и более будут сжимать свободу нашего общения. В отмеренные 2 часа для разговора будем решать дела о бумаге и шрифте, а *главное* нашего общения, *невесомое* будет откладываться до.... нового Вашего отъезда. О, как сильно я слышу Вас, как Вы дороги мне, как люблю Вас, Эмилий Карлович, но... не правда ли, в прошлом году какая-то стена не раз начинала воздвигаться между нами — стена недоговоренности; а всякая недоговоренность иногда есть источник роста химеры; в химеры между нами я не верю; в духовный союз больше верю; в душевном же общении самые внешние факты могут нас незаметно друг для друга каменить. Вооружимся же принципиально против возможностей такого окаменения, осознаем заранее; и заранее сожжем самые возможности роста химер. Теперь, когда прошло много месяцев со времени наших последних встреч, скажу Вам, в чем для меня была горечь волнений прошлогодней весны по поводу недоразумений с Эллисом; не в Эллисе было дело: я и он оба устали; с Эллисом я всегда сумею быть; ибо психологическое недовольство друг другом у нас всегда проявляется взрывами; но я смутно чувствовал, что в Ваших словах (в неуловимом) есть оттенок недоверия ко мне, какая-то затаенность; и так как мы крупно не говорили всю прошлую зиму (считаю *последним* наш разговор весной 1909 года), то за такой период молчания многое

могло у Вас ко мне, как и у меня к Вам, накопиться вопросов, недоумений и т. д.; я не знал, есть ли наша недоговоренность просто *закупорка* слов, или она результат какой-то невыявленной, но втайне растущей химеры; всю прошлую весну я изнывал от желания более интимного общения с Вами, но и чувствовал Ваше, как мне казалось, нежелание идти навстречу; не знал, есть ли такое нежелание *обремененность* усталости, делами, отсутствие времени, или — другого порядка; есть ли она факт охлаждения нашей дружбы? Вот чем я мучился; и почти с каким-то отчаянием махнул рукой; мы простились формально.

Теперь, когда я отдохнул, когда прошли месяцы, я спокойно возвращаюсь к этому; я умоляю Вас *не верить* химерам; мы не должны каменеть. Внутренне вижу Вас милым, старинным другом, издали хочу крикнуть Вам: держитесь, все хорошо, зори недаром светят нам; сама темная ночь, когда в комнате зажжены свечи, уютна; зажжемте свечи; протянем кубки; осушим у очага наши промокшие от дождя одежды!.. Мир Вам, старинный, старинный друг!

{(***Только Вам.***) Она прошла между нами: она была о свете; но ее больше нет, хотя свет, ей зажженный, всё теплится; и мы о свете; она дала форму нашим стремлениям; она взорвала нам душу, и души наши осколки, ей раздробленные; но в пробитую брешь светит Дух. Он со всеми нами. Мы без нее, но мы с Духом; память о ней теплится, как лампада, души наши — свечи; две свечи горят между нами, хотя Вас еще нет здесь; отсутствующий, Вы присутствуете (видел вчера Вашу улыбку, улыбку старинного друга там, где Вам оставлено место).

Ее нет: но мы ждем *следующего*. Начавшееся ушло под землю: но оно не кончится, круг сжался; круг — как каменная стена. Но ее нет.}

Приезжайте: Вы одни — кровное звено между нами и Н. К.[3], Н. К. без Вас пока не с нами.

Факт: всем, всем трудно; но трудности внешние, а Вам и внутренно тяжело; Вы, как остро отточенная бритва, режете других и себя; о, как Вам трудно; я восхищаюсь Вашим героизмом, я *утверждаю Вас во всем*; Вы лично мне нужны; Вы не смеете падать

духом; превратите и трагедию в трапезу; превратите единоборство в пляску; как я Вам верю!!

Вы сказали мне: будьте властны; и я стал властен — собрался; через почти непобеждаемые трудности я говорю себе: «*Буду!*» *Я всерьез принял Ваши слова*; но будьте же и Вы объектом моей властности. К Вам обращаю я слово: «*Тебе говорю, встань!*»

Соберитесь, и не смейте унывать! Ведь Вы уже отдохнули — не так ли?

Перехожу к «*Мусагету*». Ваша властность, Ваше реальное вмешательство во все мелочи жизни «*Мусагета*» в нынешнем году *необходимее, чем когда-либо*: потенциальная энергия Ваша, как преследующая известные цели «*Мусагетом*», должна стать и *кинетической*: ***действуйте***. Можно было вчера сомневаться в действенности издательства; ныне это — факт; «*Мусагет*» морально растет не по дням, а по часам; к нам прислушиваются; для из<датель>ства, функционирующего только ½ года (книгами), это успех неожиданный; «*Мусагет*» — общественное учреждение; Редактор «*Мусагета*» (идейная сила) должен быть с «*Мусагетом*». Ваше отношение к «*М<усагету>*» мне не ясно; Вы, как будто, не верите в него, или как будто он есть для Вас баррикада, в которой засели Метнер, Эллис и Белый; внутри «*Мусагета*» можно как будто и шутить, забывать «*Мус<агет>*» и т. д. А *сейчас этого нельзя делать*: на нас смотрят в бинокли со всех сторон; должна быть тончайшая *разработка плана деятельности*, считаясь с реальными возможностями, т. е. с днями, часами и прочее; все дни провожу в «*Мусаг<ете>*» и вижу *фактически* невозможность сноситься с Вами, пока Вас нет здесь; пришлось бы ежедневно писать трактаты; между тем у нас роятся ряд планов, необходимо сейчас же обсуждение; а то сезон пройдет; и, как в прошлом году, все начнется к весне; нужно подвести итог прошлому, кое-что изменить, кое-что разработать. *А Вас — нет*….

Например: *непоправимый явный ущерб Ваше отсутствие* в дни, когда здесь Гессен. Гессен живет около месяца с «*Мусагетом*»; с утра до вечера с нами; живет общей жизнью; результат — «*Логос*» и «*Мусагет*» *морально уже одно*[4]; Гессен в месяц «*омусагетился*» совсем; мы все его полюбили; под вышколенным *японцем* оказался милый, честный мальчик, который делает к нам

еще более шагов, чем Степпун; например, он мечтает о привлечении «*Логосом*» средств и предоставлении их «*Мусагету*» для линии сборников «*Мусагето-Логос*»; у нас был ряд остроумных соображений, в результате которых, например, Риккерт оказался бы уже не в «*Логосе*», а и… в «*Мусагете*». А Вас при этом — *нет*. Все висит в воздухе. Кстати о Гессене: он рвет и мечет, что Ваша статья о Христиансене[5] не в «*Логосе*», что он даже не знал о ее существовании; просит, чтобы Вы писали фактически и деятельно в «*Логосе*», восхищается Вашей книгой[6], предлагает мне для немцев писать «о переписке с друзьями» Гоголя[7], очень хвалит мою статью для «*Логоса*» о Потебне[8], хочет, чтобы перевели в немецкий «*Логос*» статью из «*Символизма*» «*Искусство будущего*»[9], пристает к Петровскому и Эллису, чтобы те писали рецензии в «*Логос*», советуется с нами о всех деталях «*Логоса*»; словом, «*Логос*» и «*Мусагет*» объединились; хотелось бы Ваш взгляд не теоретический, на расстоянии из заграницы, а реальный на основании общения с Гессеном.

Вот один факт, где досадуешь, что Вас нет; есть ряд других фактов (например, Маргарита Кирилловна[10], «*Скорпион*», «*Аполлон*», дружба с Блоком[11]) и т. д.

Скоро выходят: «*Муз<ыка> и мод<ернизм>*», «*Арабески*», «*Камена*»[12], будет готова рукопись «*Гильдебрандт*»[13], «*Логос*» (2-й)[14] уже весь почти напечатан, «*Религ<ия> Диониса*» — тоже[15]; а там — ряд неизвестностей, ряд назревающих проектов, к осуществлению которых надо бы уже делать шаги, а их еще и обсуждать нельзя (Вас нет и неизвестно, когда Вы будете). Имейте в виду, что в текущем году мы можем или оказаться на гребне волны, или удачное возвышение «*Мусагета*» (он — влиятельнее уже «*Скорпиона*») минутно; нужно бороться; а издательство без фактического главы в минуту напряжения почти что корабль без кормчего. И вот, Эмилий Карлович, неизвестно, верите ли Вы в «*Мусагет*»: я — верю и живу планами о будущем; но я себя вижу как «*мы*»; пока «*мы*», объединенное Вами, отсутствует в жизни каждого дня, невольно отступаешь; и растет Кожебаткин.

О Кожебаткине: в результате лета и осени Кожебаткин не раз являлся гением вдохновителем «*Мусагета*»; я за это время полюбил его невольно; ему одному мы обязаны престижем

внешнего влияния; он весь кишит интересными планами и проектами; работает вовсю и выказывает себя не только дипломатом, но и понимающим задачи «*Мусагета*». И я невольно смотрю на него *не как на секретаря*; ибо он и влияет на Брюсова, и на Марг<ариту> Кирилловну; он, например, съездил в Петербург (обежал 30 книжных магазинов, устроил сбыт книг), и в результате: «*аполлоновцы*» в нас заискивают, с нами дружат; он ходит в «*Скорпион*»; и «*Скорпион*» нам уступает по всем пунктам; в деле об «Альманахе»[16]. Это уже не задача секретаря; он приглашает почти ежедневно обедать Гессена и систематически его «*мусагетит*» — этого я не могу делать; то есть, сейчас, если не будет Кожеб<аткина>, «*Мусагет*» провалится. В прошлом году он был «*homo novus*»* и часто казался досаден; а теперь невольно он наш; мой совет Вам, дорогой Эмилий Карлович, не подчеркивайте его «*чуждость*» нам; он страшно чуток и, знаю, искренне огорчается (несколько обижается) отношением Вашим к нему, как наемнику; ведь он в сущности делает то, что формально делать не обязан (возит в ресторан Кузминых для того, чтобы сблизиться с ними во имя Мусагета, парализовать «*козни*» Брюсова); недавно Гершенсон нам завидовал, что у нас есть такой незаменимый и всей душой верный человек; помимо моей невольно выросшей любви к нему, мне приходится, ради его нужной для нас предприимчивости, смазывать лаской колеса его усердия. Он сейчас учится всячески; и растет, как инициатор, нам нужный; если он заметит наше чуранье его, у него, понятно, пропадет пафос; *а мы — в процессе всяческого завоевания влияния*. Собственно, он нужен, как человек, в деле завязывания сношений и дипломатии, лучше нас практически действующий; если Вы, я (Эллис не умеет быть официальным — вы знаете) устали, разбиты, а надо быть во всеоружии представительства, на Кожебаткина поручиться можно вполне; например: Брюсов объявил, что в альманахе «*Мусагет*» будут лишь те, кто не даст «*Скорпиону*» (поставил: «*Северные цветы*» или «*Мусагет*»). Кожебаткин фактически перебил стихи у петербуржцев, уломал Полякова, а потом, когда я должен был говорить об этом с Брюсовым, сам вызвался меня сопровождать:

---

* Новый человек; новичок (*лат.*).

был поставлен вопрос: победить Брюсова, разорвать со «*Скорпионом*», или во всем уступить (писать обо всем Вам и ждать ответа, когда это был вопрос двух дней, невозможно); мы шли на риск; и победил «*Мусагет*», т. е. Кожебаткин; Брюсов, уличенный в двуличии Кожеб<аткиным>, уступил по всем пунктам и даже обещался сам участвовать у нас[17]. *Но довольно о Кожебаткине.*

Сейчас на очереди вопросы, разрешение которых возможно лишь в Вашем присутствии по ознакомлению со *всем реальным* (в днях, часах, сроках) ходом проведения идеальной позиции «*Мусагета*», как «*и<здатель>ства*», претендующего на власть.

1) Разработка программы книг 1910–1911 года.

2) Вопрос о примате книг или теоретических сборников.

3) Расширение или нерасширение контекта.

4) Вопрос о факте сближения с «*Логосом*».

5) Позиция «*Мусагета*» в отношении «*Аполлона*», «*Скорпиона*», издательства М. К.[18] и т. д. (Еженедельник кончился[19]: М. К. ищет сближения, предлагает устроить «*салон*» в Мусагете для общения «*ее группы*» и «*нашей*»).

6) Вопрос о ряде публичных лекций от «Мусагета». Дали согласие, хотят и настаивают на этом (и уже есть темы) С. Соловьев, Эллис, Гессен; мне тоже кажется это имеющим смысл большой (Кожебаткин остроумно придумал киоск с нашими книгами на лекциях); кажется, соглашается Блок, рассчитывают все на Вас, Иванова, Брюсова... Но пора заботиться заблаговременно о помещении и т. д. (а то разберут до рождества) — *а Вас нет*; проект висит в воздухе[20].

7) Кожебаткин просит слова: дать мотивированный доклад, что уменьшение бюджета *ничуть* не меняет наше положение; он ждет для этого Вас.

И т. д.

Видите, Эмилий Карлович, сколько есть *текущего*; *текущее* приносит каждый день; издали невольно теоретизируешь; надо *вместе видеть, вместе переживать текущее* «*Мусагета*» (он никогда не был так полон надежд, как теперь); а Вы — Вы вдали. «*Мусагет*» без главы; «*нас*» нет; хотелось бы реализовать энергию, а... невозможно писать целые трактаты Вам; Вы издали

лишь можете говорить: «*veto*» или «*действуйте по усмотрению*», «*разрешаю*»; а следующий день приносит новый коэффициент, поправку к формуле деятельности; и опять надо ждать ответа; а время не терпит.

И я спрашиваю: верите ли Вы, как верим мы все (теперь, как никогда), в «*Мусагет*»? если да, то сознайте, что Ваше отсутствие есть дефект и моральный и реальный для «*Мусагета*». Вы скажете: «*Мусагет*» прежде всего убежище для Метнера, Эллиса, Белого; а вот вышло, что убежище с каждым днем есть все более лозунг (фактически уже «Мусагет» — клуб, где бывают философы, художники и т. д., то есть место завязывания новых идейных узлов, общений, планов и т. д.).

Мы должны невольно *принимать*, давать ответ, оформливать, то есть, *пред-принимать*; *убежище* есть *общественное явление*; и вот сторону «*Мусагета*», *как общественного явления, я подчеркиваю*; подчеркиваю и невозможность разграничить понятия *убежища* и *общественного явления*; вижу теперь, что формула первого года (постольку общественное явление, поскольку Метнер, Эллис и Белый находят убежище) начинает меняться (постольку убежище, поскольку общ<ественное> явление). А мы, публицисты, писатели, «*люди с устремлением*» (а не отдыхающие М<етнер>, Э<ллис>, Б<елый>) должны *реальней* воплотиться в деятельности «*Мусагета*», а то воплотится в нем «*не наш дух*».

И я Вас зову; и я хотел бы, чтобы Вы чувствовали, что Вы — *отец*; Ваш *ребенок* уже растет; *отец не должен смотреть издали на его развитие*, не должен думать «*и без меня будут они делать*»; ***поймите, без Вас нельзя***.

Властность, Вами мне продиктованная, властно обращается к Вам: *забудьте себя и свое* и Вы найдете себя *в деятельности*.

<u>Вернитесь к нам</u>... Мусагет, как явление, есть *первая земля* прежних дружеских плаваний. Будьте *тверды, реальны, деятельны*, не бойтесь разорваться, разбиться. *Вы тверже, чем думаете*.

Подробности: очень интересный был спор Эрна с Гессеном в «*Мусагете*», затянувшийся на несколько часов; оба начали как непримиримые враги, оказали чудеса диалектической ловкости, расстались как теоретич<еские> противники, но дружески

и хорошо. «*Логосу*» симпатизирует теперь и М. К., и Гершенсон и даже... Новгородцев. Предполагается беседа в «*Мусагете*» о Логосе: будут Гессен, Гордон, Фохт, Кубицкий, Рубинштейн (партия «*Логоса*»), Эрн, Шпетт, Булгаков (противники); будет Гершенсон (он настаивает на *беседе*), Лурье; будут позваны Лопатин, Трубецкой, Новгородцев, Воден и др<угие> философы. Было чтение в «*Мусагете*» прекрасной повести Садовского «*Двуглавый Орел*»[21]. На чтении были: Маргарита Кирилл<овна>, все Тургеневы[22], Кл<еопатра> Петровна[23], мама, Эрн, Шпетт, Гордон, Поливанов, Гершенсон, Булгаков, Гессен, Крахт, Руссов, Сизов, Петровский, Викентьев, Арапов, Феофилактов, прочие «*мусагетцы*», ряд студентов и т. д. Предполагаем раз или два раза устраивать чтения; следующее чтение — реферат Неллендера об *орф<ических> гимнах*; и т. д. Происходит уже философский семинарий Гессена (вместо удравшего Степпуна) с кружком студентов по «*Критике спос<обности> суждения*»[24]; Эллис читает свой курс у Крахта[25]; занятия по ритму начались тоже[26]. М. К. продала дом и живет рядом с «*Мусагетом*»[27]; она увлечена издательством. Кожебаткин мечтает о соединении Скорпиона — Мусагета и изд<атель>ства Морозовой в *деле книжного распространения*. Шпетт все так же блестящ — *но явно нам враждебен*. Книги «*Мусагета*» идут (относительно) с осени; «*Символизм*» пошел; «*Луг Зеленый*» и «*Голубь*» хорошо идут[28]. О «*Голубе*» был ряд фельетонов (много сочувственных)[29]; Мережковский написал о нем фельетон «*Восток или запад*»[30]. Книга влияет. Ее считают «*знаменательной*». Даже «*Русские Ведомости*» дали фельетон, где ворчливо, с явной досадой считаются с «*Голубем*» как с явлением крупным этого года.

О себе; ох, и не говорите, как трудно: *редакция, общения, дипломатия*, трудность с мамой, необходимость *во имя* Аси зарабатывать до 260 рублей[31], отсутствие заработка, сама Ася и «*московское*»!!! Высовываешь язык, рушишься, воешь, — но с твердостью, с надеждой; все осилит вера, надежда, любовь!

Между нами: Ася как бы *моя невеста*: она более того: скоро будет со мной. Вся моя личная жизнь с ней связана. Но, ах, какие внешние тут трудности! Но она — мое утешение; и источник

веры в бодрость, и источник всех материальных и моральных затруднений.

Может быть, к Вашему приезду физически «*скапучусь*», а пока до Вас — тверд, бодр.

Обнимаю Вас братски, милый.

Ваш Б. Бугаев.

P. S. Вышел «*Гераклит*»[32].

P. S. Летом была «*Prima vigilia*»* Мусагета (Кожебаткин); с августа до Вашего приезда «*Secunda vigilia*»** (я). Вероятно, Вам придется встретиться с «*Tertia vigilia*»[33], в лице Вас самих, то есть, на несколько месяцев изо дня в день следить за реальной жизнью «*Мусагета*». Без реализации нельзя; автор проекта должен и проводить его в деле. В результате первой стражи — рост значения «*Мусагета*» (считаются с ним), умелое сношение, распространение и т. д. Результат второй стражи — слияние с «*Логосом*» (победа над Логосом). Результат третьей стражи должен быть рождением Вами ребенка, осуществления Вашей мысли, чтобы Вы сказали: «*Мусагет*» мой, в нем вижу «*свое*». Это — необходимо.

Тогда «*наше*» Мусагета будет иметь рост; а иначе — оно исчезнет. Нас раздавят. Мы или располземся по углам, или получится лебедь, щука и рак[34].

Помните — не искание средств, а «*незабываемое*» наших встреч лежит на дне «*Мусагета*», на поверхности же плавает цилиндр Кожебаткина и корректурные гранки; «*неуловимое*» наших встреч должно питаться «*совместным*»; оно требует продолжения; и тогда на поверхности Мусагета заплавает вместе с кожебаткинским цилиндром и русская интеллигенция (например, и *каблук сапога Булгакова*, и *бердяевские кудри*, и султан шляпы Маргариты Кирилловны, и степпуновское «*брюхо*», и гессеновский сюртук, и гносеологические мозги Яковенки... которые, кстати, заплавают скоро в Мусагете, ибо он сам на нас грядет в январе. Нужно отстоять яд, мусагетирующий и Яковенку; а для этого нужна вера в нашу правоту и деятельность.

---

* «Первая стража» (*лат.*).

** «Вторая стража» (*лат.*).

2-го октября.

P. P. S. Вчера обсуждали очень, на мой взгляд, интересный пункт: выпустить громовый сборник, написанный на самую горячую тему, который так же вошел бы в сознание общества, как «*Вехи*», разошедшиеся в 15 000 экземпляров[35]. Должна быть, по-моему, тема, нам близкая («*культура*») и противопоставленная самому враждебному («*государство*»); и все это связать с современностью («*современное*» государство). Вот и сенсационный сборник. И уже ясны статьи 1) Культура и государство, 2) Культура и современность, 3) Культура и религия, 4) Культура и история, 5) Культура и эстетика, 6) Культура и символизм, 7) Культура и нация. И т. д.

Должно доминировать «*ядро*» наше, бронированное приглашенными на заданные темы. Дипломатия приглашения (броня): кто-нибудь из «*Вех*», кто-нибудь из «*анти-вех*», кто-нибудь из диких (непартийных) социалистов (умных) для сенсационности. Подобно тому как мы под фирмой «*Логоса*» должны внести «*свое*» в филозофутиков, так должны мы внести «*свое*» в интеллигенцию. Можно рассматривать этот сборник как шахматный ход, как развертывание фланга во всю широту. И не будет компромиссом, если в роли чужих пригласить («*имена*») Мережковского, Поссе (общественник-синдикалист), Бердяева («*Вехи*»), Гершенсона («Вехи»), Эрна (да!! Эрн и Гессен встретятся); рассматривая Вас, Вячеслава[36], Эллиса, меня, как своих (я берусь написать хоть две статьи: одну на самую горячую тему под псевдонимом хотя бы «*Семенова*» (пусть будет это тайной для всех — даже Эллиса, а то разболтает)[37]; и вот уже весь сборник готов. 1) Культура и государство (Метнер или Белый). 2) Культура и нация (Метнер или Белый). 3) Культура и современность (Метнер или «*Семенов*» — бойкий, искренний, хотя грубоватый малый, нами открытый). 3) <*так!*> Культура и религия (Вячеслав или Мережковский). 4) Культура и общественность (Поссе*, Кричевский*, Старовер*[,38]). 5) Культура и история (Гессен — взгляд на культурные ценности риккертианца). 6) Культура и эстетика (Степпун). 7) Культура и символизм (Эллис или Иванов). 8) Культура и русский народ

* Общественники. (*Примеч. Белого*).

(Мережковский; Бердяев, Гершенсон). 9) Культура и христианство (Эрн, Бердяев, Мережковский).

Видите: у нас уже 9 статей с почтенным составом сотрудников (и неожиданной комбинацией): Метнер, В. Иванов, Мережковский, Поссе, Степпун, Гессен, Белый, Бердяев, Гершенсон, Эрн, Эллис, Семенов. Мы соединяем несоединимое, сталкиваем революцию (Мережковский, Поссе) с реакцией (Гершенсон, Бердяев), Европу (Метнер, Гессен, Степпун) с Россией (Эрн, Бердяев, Мережк<овский>), *философию* (Гесс<ен>, Степп<ун>) с *символизмом* (Иванов, Белый — Эллис); и на этом столпотворении вавилонском вычеканиваем нашу боевую платформу: 1) долой государство (революция), долой прогресс (реакция), да здравствует научная философия (Логос), разбивающая старые стены культуры, и да здравствует символизм — завязь будущей культуры (Мусагет). Вчера, воодушевившись, я рассказал Кожебаткину содержание 3 статей сборника (как бы в уме уже написал их). Он — в восторге; говорит, что мы сборником прогремим на всю Россию, вызовем «*бурю*» негодований и сочувствий; *теперь именно время такого сборника*; через год — поздно. «К<ожебаткин>» говорит, что книга принесет нам огромный доход (может быть, лишний год существования «*Мусагета*»). Это и «*выгодно*», и «*полезно*», и «*наше дело*».

Итак? Что скажете? Воодушевитесь! Будьте Мусагетом этого сборника. Размахнитесь такой статьей, которая была бы *гениальна* (Ваши статьи о «*Христиансене*», «*Ницше*», «*Эстраде*»[39] в высшей степени нужны, талантливы, ярки). Ну?[40]

На днях пришлю мой силуэт «*Красавца*» в «*Утре России*»...[41] Сегодня ругает меня «*Русское Слово*»[42]. Вчера Кожебаткин принес еще утешительные вести: книги наши пошли; «*Символизм*» пошел, судя по требованиям магазинов, лучше «*Логоса*». 2-го № «*Логоса*» магазины ждут с нетерпением. В общем «*Символизм*» уже продан около 400 экземпл<яров>. Кожебаткин уверен, что в течение года почти пораспродастся.

Знаете ли, что я помирился с Блоком. Он и Эллис обменялись письмами!![43] И все — Ася!!!

Спор, начавшийся в «Эстетике» о символизме[44], перенесен в «*Аполлон*». Блок и Иванов написали о символизме статьи.

Брюсов наивно и грубо отругнулся в «*Аполлоне*»[45]. Я написал отповедь Брюсову под заглавием «*Венок или венец*»[46].

Ну, письмо никогда не кончится. Кончаю насильно.
Еще и еще обнимаю Вас, милый друг[47].

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 18. Фрагмент опубликован: ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 373.

[1] А. Р. Минцлова. Белый спрашивал Метнера, посетила ли она его в Пильнице, в п. 189.

[2] Исчезновение Минцловой Белый и другие «мусагетцы» восприняли, под воздействием ее высказываний перед отъездом из Москвы, как исполнение некой мистической миссии, по которой ей предначертано было удалиться от людей. Белый вспоминает: «Я так и не понял, что, собственно, означает исчезновение это: исчезновенье — „*куда*“? В монастырь, в плен, в иные страны? Или же — исчезновенье из жизни? Но что-то подсказало, что на этот раз этот бред не есть „*миф*“ ее и что мы *никогда не увидим* ее <...>» (*Андрей Белый*. Начало века. Берлинская редакция (1923). С. 642).

[3] Н. К. Метнер.

[4] См. примеч. 8 к п. 182. См. заключенный в Москве 2 (15) ноября 1909 г. договор об издании журнала «Логос» издательством «Мусагет», опубликованный как приложение к статье М. В. Безродного «Из истории русского неокантианства (журнал „Логос“ и его редакторы)» (Лица: Биографический альманах. 1. С. 398–401).

[5] Статья Метнера «Эстетические воззрения Бродера Христиансена» датируется ноябрем 1909 г., опубликована в кн.: *Вольфинг*. Модернизм и музыка: Статьи критические и полемические (1907–1910). Приложения (1911). М.: Мусагет, 1912. С. 191–214.

[6] Подразумевается книга Метнера (Вольфинга) «Модернизм и музыка», с содержанием которой Гессен имел возможность ознакомиться в корректурных листах (см. примеч. 13 к п. 163).

[7] Статью о книге Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847) Белый не написал.

[8] См. примеч. 11 к п. 188.

[9] Имеется в виду статья «Будущее искусство», впервые опубликованная в книге Белого «Символизм» (1910); перевод ее на немецкий язык тогда, по всей вероятности, не был осуществлен.

[10] М. К. Морозова. В данном случае она подразумевается прежде всего как инициатор и организатор московского религиозно-философского издательства «Путь», начавшего свою деятельность в марте 1910 г.

[11] В конце августа — начале сентября 1910 г. Белый отправил Блоку недатированное письмо, в котором, под впечатлением его статьи «О современном состоянии русского символизма», опубликованной в № 8 «Аполлона»

за 1910 г., приносил покаяние за нанесенные обиды (их отношения были разорваны в мае 1908 г.) и называл его «милым братом». Ответное примирительное письмо Блока датируется 6 сентября 1910 г. См.: *Белый — Блок.* С. 367–369.

[12] См. примеч. 23, 11 к п. 187.

[13] Эта книга вышла в свет лишь в январе 1915 г.: *Гильдебранд Адольф.* Проблема формы в изобразительном искусстве и Собрание статей / Пер. Н. Розенфельда и В. Фаворского. М.: Мусагет, 1914.

[14] Подразумевается кн. 2 журнала «Логос» за 1910 г.

[15] Имеется в виду книга Вяч. Иванова «Эллинская религия страдающего бога» (см. примеч. 26 к п. 187).

[16] Замысел «альманаха» издательства «Мусагет» нашел воплощение лишь в одном издании — сборнике стихотворений различных авторов под заглавием «Антология» (М.: Мусагет, 1911), вышедшем в свет в начале июня 1911 г. (см.: *Гоголин М. Ю., Резниченко А. И.* «Антология» издательства «Мусагет» в комментариях С. Н. Дурылина // Книгоиздательство «Мусагет»: История. Мифы. Результаты: Исследования и материалы. М., 2014. С. 328–346). В «Скорпионе» также было предпринято аналогичное издание — «Северные Цветы. Альманах пятый книгоиздательства „Скорпион“». М., 1911.

[17] Брюсов, однако, в «мусагетскую» «Антологию» стихов не представил. Позже в «Мусагете» вышла кн.: Агриппа Неттесгеймский. Знаменитый авантюрист XVI века / Критико-биографический очерк Жозефа Орсье. Пер. Б. Рунт. Под ред., с введ. и примеч. В. Брюсова. М., 1913.

[18] М. К. Морозова. См. выше, примеч. 10.

[19] «Московский Еженедельник» (1906–1910), редактировавшийся кн. Е. Н. Трубецким и субсидировавшийся Морозовой, был прекращен изданием в августе 1910 г. «Причины погибели „Моск<овского> Еженедельника“ покрыты таинственным мраком, — писал В. Ф. Эрн Е. Д. Эрн 28 августа 1910 г. — Во всяком случае деньги тут не на первом месте. <...> Очевидно, какие-то внутренние столкновения» (Взыскующие града: Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках <...> / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. И. Кейдана. М., 1997. С. 276).

[20] Этот проект систематического воплощения не получил.

[21] Эта историческая повесть Бориса Садовского была опубликована в «Русской Мысли» (1911. № 7. Отд. I. С. 1–36; № 8. Отд. I. С. 1–40), вошла в его книгу «Лебединые клики» (Пг., 1915).

[22] Сестры Н. А., А. А., Т. А. Тургеневы.

[23] К. П. Христофорова.

[24] Труд И. Канта.

[25] В студии К. Ф. Крахта на Пресне (2-й Верхний Михайловский пер., д. 4) проходили собрания литературной молодежи, получившие определение «Молодой Мусагет»; Эллис читал там лекции о Ш. Бодлере. Белый

вспоминает: «...около Эллиса скопилось много талантливой молодежи <...> Эллис перенес арену действий своих в студию скульптора Крахта, где буйствовали собрания (человек по пятидесяти) <...>» (*МДР.* С. 342, 343). С. Н. Дурылин в статье «Бодлэр в русском символизме» (1926), посвященной памяти К. Ф. Крахта, подробно описывая заседания кружка, отмечает, что «он так и назывался „Бодлэровским кружком"» (*Нефедьев Г. В.* К истории русского символизма: С. Н. Дурылин о Ш. Бодлере // Книгоиздательство «Мусагет»: История. Мифы. Результаты. С. 283). В письме Дурылина к А. И. Тинякову от 1 мая 1910 г. лекционный курс Эллиса называется: «Французский символизм (История, идеи, форма)» (*Майдель Рената фон.* «Спешу спокойно...»: К истории оккультных увлечений Эллиса // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 229).

[26] Учрежденная весной 1910 г. при «Мусагете» студия стиховедения под руководством Белого (Ритмический кружок) возобновила работу осенью того же года; основной задачей студийцев было исчерпывающее описание ритма пятистопного ямба русских поэтов (см. выдержки из протоколов осенних заседаний в работе С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова «О стиховедческом наследии Андрея Белого» // Труды по знаковым системам. XII. С. 101–106).

[27] О продаже своего московского дома Морозова известила Метнера в письме от 18 (31) августа 1910 г. (РГБ. Ф. 167. Карт. 25. Ед. хр. 44). Ср. сообщение в письме В. Ф. Эрна к Е. Д. Эрн от 28 августа 1910 г.: «Маргарита Кирилловна продала свой дом и сейчас переезжает. Будет жить на Знаменке против Румянцевского <...>» (Взыскующие града. С. 276).

[28] Вышедшие в свет книги Андрея Белого: «Символизм: Книга статей» (М.: Мусагет, 1910) — в конце апреля 1910 г.; «Луг зеленый: Книга статей» (М.: Альциона, 1910) — в конце июля 1910 г.; «Серебряный голубь: Повесть в 7-ми главах» (М.: Скорпион, 1910) — во второй половине мая 1910 г.

[29] См. примеч. 20–22 к п. 187.

[30] Эта статья была опубликована в газете «Русское Слово» (1910. № 217, 2 ноября), вошла в кн.: *Мережковский Дм. С.* Было и будет. Дневник 1910–1914. <Пг.>, 1915. С. 297–309. См.: Андрей Белый: pro et contra. С. 259–266.

[31] Видимо, к октябрю 1910 г. Белый и А. Тургенева приняли решение о дальнейшей совместной жизни.

[32] См. примеч. 10 к п. 187.

[33] «Третья стража» (*лат.*) — промежуток от полуночи до начала рассвета (у древних римлян ночное время, т. е. промежуток от захода до восхода солнца, делилось на четыре части — вигилии (от vigil — караульный, страж), равные продолжительности смены караулов в военной службе). Ср. заглавие книги стихов В. Брюсова «Tertia vigilia» (1900).

[34] Т. е. несогласованность действий; см. басню И. А. Крылова «Лебедь, Щука и Рак» (Басни, кн. 4, V).

[35] «*Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции*» выдержал в 1909–1910 гг. пять изданий. Зафиксировано более 200 откликов на эту книгу в российской печати за 1909–1910 гг.; многие из них собраны в кн.: «Вехи»: pro et contra. Антология / Изд. подгот. В. В. Сапов. СПб., 1998.

[36] Вяч. Иванов.

[37] Этим псевдонимом Белый не воспользовался.

[38] Псевдоним А. Н. Потресова.

[39] См. выше, примеч. 5. Имеются в виду статьи Метнера «Романтизм и Ницше» (см. примеч. 4 к п. 83) и «Эстрада», опубликованная в «Золотом Руне» (1908. № 11/12; 1909. № 2/3, 5) и вошедшая в его книгу «Модернизм и музыка».

[40] Изложенный Белым проект издания воплощения в «Мусагете» не получил.

[41] Подразумевается статья «Вячеслав Иванов. Силуэт», опубликованная в «Утре России» 2 октября 1910 г. и вошедшая в книгу Белого «Арабески».

[42] Имеется в виду отзыв о сборнике Белого «Луг зеленый» в обзорной статье А. А. Измайлова «Новые книги» (Русское Слово. 1910. № 226, 2 октября. С. 2). Книгу Белого критик отнес «к выморочным явлениям критической литературы»: «Не знаю ничего неприятнее подделанной истерии, поддельного экстаза. Между тем, на эти подмигивания „родственным душам“, на это кокетничанье провинциального тона, на эту пустую, запоздалую реторику уходит все напряжение Андрея Белого. Интересные подмечания, верные иногда мысли — все это тонет среди напыщенных, высокопарных словоизвитий <...> Вся книга Белого — типичный образец ненужного, нудного, вышедшего из моды, всеми уже брошенного литературного гримасничанья».

[43] Эллис отправил Блоку не письмо, а книгу «Стихотворений в прозе» Бодлера в своем переводе (М.: Мусагет, 1910) с развернутой дарительной надписью — «с чувством примирения и симпатии» (см.: Письма Эллиса к Блоку (1907) / Вступ. ст., публ. и коммент. А. В. Лаврова // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1981. Кн. 2. С. 278–279). О посланном в ответ письме к Эллису (оно, видимо, не сохранилось) Блок упомянул в письме к Белому от 29 сентября 1910 г. (см.: *Белый — Блок*. С. 371).

[44] Имеется в виду прочитанный в «Обществе Свободной Эстетики» 17 марта 1910 г. доклад Вяч. Иванова о символизме, вызвавший полемическую отповедь Брюсова. Последний записал в дневнике: «В Москве был Вяч. Иванов. Сначала мы очень дружили. Потом В. И. читал в „Эстетике“ доклад о символизме. Его основная мысль, что искусство должно служить религии. Я резко возражал. Отсюда размолвка. За В. И. стояли Белый и Эллис. Расстались с В. И. холодно» (*Брюсов Валерий*. Дневники 1891–1910. <М.>, 1927. С. 142. Исправлено по автографу).

[45] Имеются в виду программные статьи «Заветы символизма» Вяч. Иванова (Аполлон. 1910. № 8, май — июнь. Отд. I. С. 5–20), «О современном состоянии русского символизма» А. Блока (Там же. С. 21–30) и полемический отклик на них — статья В. Брюсова «О „речи рабской“, в защиту поэзии» (Аполлон. 1910. № 9, июль — август. Отд. I. С. 31–34).

[46] Эта статья Белого была также опубликована в «Аполлоне» (1910. № 11, октябрь — ноябрь. Отд. II. С. 1–4).

[47] В письме к А. М. Метнер от 18 (31) октября 1910 г. Метнер упоминает это «письмо Бугаева, из которого ясно, что предшествующее его письмо не дошло», и добавляет: «Письмо Бугаева очень взволновало меня своею содержательностью и важностью всего того, что касается Мусагета. Я даже не мог долго заснуть, прочтя его» (РГБ. Ф. 167. Карт. 24. Ед. хр. 38).

191. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

7 (20) октября 1910 г. Ассизи

Ассизи 7/X 910.

Дорогой Борис Николаевич! Ваше письмо получил; другого, в нем обещанного, еще нет[1]. Пишу Вам из священного города, куда Вы чуть-чуть не попали[2]. Место совершенно святое и *белое*. Giotto хорош до слез; посылаю Вам *узкоглазую* черноокую мадонну[3]. Как хочется здесь поселиться надолго. Видел два дома с старым изображением розы и креста. Есть еще знак странный, в монастыре св. Франциска ✱ крест, перекрещенный двумя руками, крест-накрест. До свиданья! Обнимаю Вас крепко. Ваш М. Где Анна Рудольфовна![4]

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 6. Открытка с репродукцией: Assisi. Chiesa di S. Francesco. Madonna (dettaglio) (Giotto).
Ответ на п. 189.

[1] Имеется в виду п. 190.

[2] Поездка Белого в 1910 г. в Ассизи была задумана, в целях его розенкрейцерского «посвящения», А. Р. Минцловой. Белый вспоминает: «Минцлова требует, чтобы я в мае ехал в Италию, в Ассизи, куда должен приехать Иванов; там, <в> Ассизи де, должна произойти наша встреча с розенкрейцерами и „посвящение“; но я, измученный уже год длящимся без разрешения мифом, принимающим все более зловеще-фантастический характер после совета с Метнером, решаю отказать<ся> от „*чести*“ ехать в Италию» (ЛН. Т. 105. С. 125).

[3] Имеется в виду репродукция фрески Джотто из церкви Сан Франческо в Ассизи (1290–1300).

[4] Свидетельство того, что намерение А. Р. Минцловой посетить Метнера в Пильнице не осуществилось.

192. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

27 или 28 ноября (10 или 11 декабря) 1910 г. Варшава

Милый друг! Счастлив. Хорошо. Едем тихо. Сонные сидим в Варшаве. Весело. Радостно. Привет! Привет!

Любящий Б. Бугаев.

<Приписка А. А. Тургеневой:> От Аси привет.

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 19. Открытка; почтовый штемпель получения: Москва. 30. XI. 1910.

Датируется по связи с днем отъезда Белого и А. А. Тургеневой из Москвы в заграничное путешествие (26 ноября (9 декабря) 1910 г.).

193. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

1 (14) декабря 1910 г. Рим

Милый друг!

Венеция — невыразимо хороша[1]; уверен, что такого города больше нигде не увижу. Она блеснула огнями в голубом пятне моря, прокачала гондолой, и опять ушла. Теперь в Риме[2]. Устали. От Аси привет. Христос с Вами, милый.

Б. Бугаев.

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 20. Открытка; на обороте репродуцирована фотография: Roma. Il Campidoglio. Опубликовано Г. В. Нефедьевым: Русско-итальянский архив II / Сост. Даниэла Рицци и Андрей Шишкин; Archivio italo-russo II / A cura du Daniela Rizzi e Andrej Shishkin. Салерно, 2002. С. 129.

Датируется по почтовому штемпелю: Roma. 14. 12. 10. Штемпель получения: Москва. 6. 12. 10.

[1] В Венеции Белый и А. Тургенева побывали 29 ноября (12 декабря) 1910 г. Цикл «Путевых заметок» Белого, печатавшийся в газете «Речь», открылся его очерком «Венеция» (1911. № 24, 25 января). См.: *Андрей Белый*. Очерки об Италии из газеты «Речь» (1911) / Подгот. текста и примеч. Б. Сульпассо // Арабески Андрея Белого: Жизненный путь. Духовные искания. Поэтика. Белград; М., 2017. С. 115–152.

[2] В Рим Белый и А. Тургенева прибыли 30 ноября (13 декабря), провели там три дня. См. очерк Белого «От Венеции до Палермо» (Речь. 1911. № 32, 2 февраля).

194. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

6 (19) декабря 1910 г. Палермо

«Kennst Du das Land, wo die Citronen blühten?»[1]

Да, милый друг: туда, туда! Средиземное море ласково лижет молочной бирюзой мавританско-испанский (чуть итальянский) Палермо[2]. Апельсинные рощи опоясывают город, сквозя золотыми плодами; выше — страна гор, камней, кипарисов, часовен; еще выше голубое небо. Пока в отеле: безумно дорого: здесь Вагнер кончал «Парсифаля» (прожил 6 месяцев)[3] и наконец поссорился с хозяином нашего отеля (старичком)[4], который все это и рассказал нам. Никак не можем устроиться; нет и помину того, о чем <...>* Лурье.

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 21. Открытка; на обороте репродуцирована фотография: Palermo. Chiesa di S. Domenico (XVII secolo). Опубликовано Г. В. Нефедьевым: Русско-итальянский архив II. С. 130.

Датируется по почтовому штемпелю: Palermo. 19. <12. 10>. Почтовый штемпель получения: Москва. 12. 12. 10.

[1] Неточно приведена крылатая фраза — первая строка Песни Миньоны («Знаешь ли ты край, где цветут лимоны?» — *нем.*) из романа Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера» («Wilhelm Meisters Lehrjahre», 1796; кн. III, гл. 1). См.: *Гёте Иоганн Вольфганг.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1978. Т. 7. С. 117. Ту же фразу Белый приводит в письмах, отправленных в тот же день, к Эллису (см.: Русско-итальянский архив II. С. 129. Публ. Г. В. Нефедьева) и А. Блоку (*Белый — Блок.* С. 380).

[2] Пребывание в Палермо Белый описал в путевых очерках «Палермо», «Пестрый сфинкс», «Смех и слезы» (Речь. 1911. № 43, 13 февраля; № 151, 5 июня; № 179, 3 июля).

[3] Имеется в виду Grand Hôtel des Palmes (via Roma, 398). См.: *Андрей Белый.* Путевые заметки. Т. 1. Сицилия и Тунис. М.; Берлин: Геликон, 1922. С. 58, 69–71. Р. Вагнер с семьей прибыл в Палермо в начале ноября 1881 г., в Hôtel des Palmes поселился 5 ноября и жил там до 2 февраля 1882 г., после чего переселился по другому адресу; 10 апреля 1882 г. выехал из Палермо в Мессину.

[4] В мемуарах Белый указывает его фамилию: Рагуза (*МДР.* С. 368).

---

* *Слово густо зачеркнуто.*

195. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

6 (19) декабря 1910 г. Палермо

Дорогой, милый Эмилий Карлович,

пишу Вам объяснительное письмо. Дело вот в чем: приехали в Палермо[1]; здесь — дивно; не по дням, а по часам чувствую себя бодрее. Ася розовенькая и веселая; оказывается, здесь место, где крепнут легкие. Расположен Палермо так: бирюзовое море вдается бухтой; на берегу мавританско-италианские дома (многие с плоскими крышами). Растительность — тропическая; громадные кактусы в 2–3 сажени с цветами (кистью) в человеческий рост, тростники, которые у нас растут в комнатах и хиреют от холода, толщиной с руку; далее финиковые пальмы, рододендроны, эвкалипты, магнолии, перевитые лианами, какие-то тропические, неведомые растения; и вместе с тем пинии, платаны, клены — но мало. Все это цветет, жужжит пчелами и комарами; не жарко, но и днем и даже ночью можно ходить без пальто; Палермо окружен кольцом апельсинных рощ; выше раковина гор — диких с разбойниками; еще в Палермо есть дух Италии, а в Монреале (семь километров от Палермо — в горах) ходят испанцы в плащах — не то испанцы, не то арабы. Были все четыре дня в поисках; Лурье наврал[2]; вокруг Палермо всего две-три деревушки рыбачьи *ужасающей грязи*, где жить невозможно, а без знания языка и опасно (ведь Сицилия искони — страна разбойников и «*Маффии*»), или же роскошные виллы герцогов, князей и богатой буржуазии (снять — дорого). Были в *Палермо*, в *Санта Мариа Иезус*[3], в *Дельмонта*[4], еще в одной деревне, справлялись в Acquasanta, и — жить негде. Бирюзовое, манящее море, а жить на нем нельзя. Вчера были в Монреале. Монреаль в горах; население арабско-испанское, дикое. Монреаль невероятно живописен; он обрывается над Палермо крутизной, в глубине которой море апельсинных рощ; вдали Палермо и залив, а с другой стороны каменистые, ущелистые горы. Здесь собор, древнейший в Италии[5]. Только тут мы с Асей кое-что присмотрели, хотя невыразимо дорого. Сегодня делаем последнюю попытку устроиться дешево и уютно; едем в *Багерию*, деревушку близ моря по железной дороге. Если там нет ничего, я в отчаянье.

Дело вот в чем. Ася во Францию не хочет; в Неаполе народ разбойник; севернее Рима теперь холода. В Германию нам с Асей нельзя[6]; мы невольно загнаны сюда; да и кроме того: здесь жить безумно хорошо для здоровья, нервов, работы; уже многое просится работать; единственно, что смущает меня — деньги.

Сейчас мы в безумно дорогом отеле, попали по неведенью; комнаты показались дешевы, а все прочее ужасно дорого; между тем до получения денег съехать нельзя, ибо оставили адрес Hôtel des Palmes. Жду каждый день телеграммы: Кожебаткин молчит[7]. Если в Багерии ничего не найдем, придется жить в Монреале в «*Hôtel Savoia*» (другого ничего нет)[8]; пансион по 8 лир с человека в день; итого 16 лир, то есть в месяц 16 × 30 = 480 лир; далее мелкие расходы (прачка, на чай и т. д.) = 500 лир, то есть 200 рублей; но здесь нет папирос: минимум 2 лиры на одни папиросы в день, то есть + еще 60 лир, то есть 560 лир; плюс чай, необходимые мелочи, и т<ак> далее: словом, на *200 рублей прожить здесь нельзя*. На 300 — *да*. Особенно сейчас, когда мне нужно купить костюм и в дороге разлезлись сапоги; Асе постоянно нужна какая-нибудь мелочь; милый, дорогой друг: ехать обратно — куда? Опять тратиться; работать в Монреале можно великолепно, быстро; как только переедем — пишу, пишу, пишу, пишу; я, кажется, взял из 3000[9] шестьсот рублей; остаются 2400, т. е. прожития на 8 месяцев; в эти 8 месяцев я допишу 1) «Голубя»[10], 2) драму[11]; за «Голубя» минимум 2200; за напечатание отдельным изданием минимум — 300; = 2500; за драму минимум 150 = 2650; остаются 450: возвращаю фельетонами[12].

Итак, дорогой друг, пожалуйста, прошу Вас, дайте возможность прожить; ведь я же не знал условия жизни в Палермо. Переезжать же особенно обидно ввиду прекрасного климата, тишины и пр., а главное — не знаешь куда.

Повторяю: последняя надежда — Багерия, но, судя по всему, вряд ли; здесь нет обычая снимать домики у крестьян; есть только *виллы*, *пансионы* или же клоаки, где даже русский рабочий не поселится без брезгливости.

С тревогой жду ответа.

А пока цветы цветут. Сердце поет; и только беспокойство отравляет счастье. Ася невыразимое существо; я — счастлив.

Остаюсь нежно любящий Вас

Б. Бугаев.

P. S. Анне Михайловне привет, Николаю Карловичу тоже[13]. В четверг с Вами![14]

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 23. Текст — на почтовой бумаге «Gd Hôtel des Palmes. Palerme». Опубликовано Г. В. Нефедьевым: Русско-итальянский архив. II. С. 130–132.

Датируется на основании пометы рукой Метнера: «19/12 910» (видимо, дата отправления на почтовом штемпеле с несохранившегося конверта).

[1] Белый и А. Тургенева прибыли на Сицилию в Палермо 4 (17) декабря 1910 г.

[2] Подразумеваются советы С. В. Лурье, касавшиеся условий проживания на Сицилии.

[3] Santa Maria del Gesù — монастырь близ Палермо.

[4] Подразумевается вилла Бельмонте в Аквасанте — пригороде Палермо. Ср. сообщения в письме Белого к матери от 18 (31) декабря 1910 г.: «...были в „*Delmonte*" <*так!*>, собирали ракушки на берегу <...>. Были в „*Santa Maria Gesù*", старом францисканском монастыре, откуда дивный вид на Палермо» (Путешествие на Восток. Письма Андрея Белого / Публ., вступ. ст. и коммент. Н. В. Котрелева // Восток — Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М., 1988. С. 149).

[5] Собор в Монреале был построен в 1174–1189 гг.; выдающийся памятник нормано-сицилийского стиля с прославленными мозаиками работы греческих (византийских) мастеров. Подробно описан Белым в его путевых очерках (см.: *Андрей Белый*. Путевые заметки. Т. 1. Сицилия и Тунис. С. 136–151).

[6] Видимо, по причине слишком холодного зимнего климата, вредного для здоровья А. Тургеневой.

[7] 4 или 5 (17 или 18) декабря Белый отправил А. М. Кожебаткину телеграмму, полученную в Москве 5 (18) декабря: «Вышлите <денег> быстро. Объяснения следуют» (пер. с фр.; Лица. Биографический альманах. 10. СПб., 2004. С. 150. Публ. Дж. Малмстада). По договоренности, достигнутой перед отъездом Белого в заграничное путешествие, Кожебаткин, как секретарь «Мусагета», должен был переводить ему от издательства регулярные денежные суммы по адресам следования.

[8] В этой монреальской гостинице Белый и А. Тургенева поселились не позднее 11 (24) декабря 1910 г.

[9] Сумма от «Мусагета», субсидированная Белому на заграничное путешествие.

[10] Подразумевается замысел продолжения романа «Серебряный голубь», воплощением которого стал роман «Петербург» (работа над ним была начата лишь осенью 1911 г.).

[11] Имеется в виду замысел драмы под заглавием «Красный шут» (см. п. 182, примеч. 5).

[12] Подразумевается гонорар за путевые очерки, предназначенные для публикации в газетах.

[13] А. М. Метнер, Н. К. Метнер.

[14] Четверг — 9 декабря ст. ст.; день именин А. М. Метнер. В комментарии к письму Г. В. Нефедьев предполагает здесь «какое-то эзотерическое значение четверга, известное как Белому, так и Метнеру» (Русско-итальянский архив. II. С. 133), однако во фразе, следующей непосредственно за упоминанием А. М. Метнер, простой календарный смысл представляется вполне адекватным.

196. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

11 (24) <?> декабря 1910 г. Монреале

Милый друг!

Я — в Монреале[1], на днях подробно пишу; адрес: Italia, Sicilia, Monreale, Ristorante Savoïa. A monsieur Boris Bougaïeff[2]. Дикий, грозный испанско-арабский город; мало Италии; много востока; родина Калиостро[3]. Горы, внизу обрыв, море апельсинных рощ; объясняемся знаками. Я безмерно счастлив. Вдали море. От Аси привет. Письмо пишу[4]. Все объясню подробно.

Любящий Борис Бугаев.

(См. на обороте собор).

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 22. Открытка; на обороте репродуцирована фотография: Monreale. Duomo Lato Orientale. Опубликовано Г. В. Нефедьевым: Русско-итальянский архив. II. С. 135 (с датировкой: 25 декабря 1910 г. — на основании штемпеля, прочитанного как: Monreale. 25. 12. 10).

Датируется по неоднозначно прочитываемому почтовому штемпелю: Monreale. 24 <?>. 12. 10. Штемпель получения: Москва. 17 XII <1910>.

[1] Написано в день переезда Белого и А. Тургеневой из Палермо в Монреале или на следующий день.

[2] Ср. письмо Белого к А. М. Кожебаткину с сообщением того же адреса на открытке с почтовым штемпелем отправления: Monreale. 24. 12. 10. См. главу «Ristorante Savoia» в кн.: *Андрей Белый*. Путевые заметки. Т. 1. Сицилия и Тунис. С. 152–154.

[3] Джузеппе Бальзамо, прославившийся под именем графа Алессандро Калиостро, родился в Палермо.

[4] Подразумевается п. 199.

197. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

12 (25) декабря 1910 г. Монреале

Милый, милый Эмилий Карлович!

На днях пишу[1]. Сейчас еще столько впечатлений зрительных, столько впечатлений внутренней жизни, что слова — немы. Скажу только: Монреаль странный город; жить здесь можно всю жизнь. Странно. Рядом с нами старинный собор 12 века, весь из цветной мозаики и — смотрите — до чего византийский[2]. А главное, он увенчан крестом *необычайной формы* ⊕; таких крестов нет[3]. Ну, прощайте; на днях пишу. Любящий нежно

Б. Бугаев.

P. S. Ник<олаю> Карл<овичу> и Анне Мих<айловне> привет[4].

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 24. Открытка; на обороте репродуцирована фотография: Monreale. Cattedrale — Incornazione di Gugliermo II (mosaico). Опубликовано Г. В. Нефедьевым: Русско-итальянский архив. II. С. 135.

Датируется по почтовому штемпелю: Monreale. 25. 12. 10. Штемпель получения: Москва. 19. 12. 10.

[1] См. п. 199.

[2] Ср. сообщение в письме Белого к Эллису от 13 (26) декабря 1910 г. на открытке с изображением мозаик Монреальского собора: «...древнейший в Италии Монреальский собор — собор византийский; смотри, какая мозаика. Мы с Асей каждый день ходим в собор <...>» (Русско-итальянский архив. II. С. 136).

[3] В форме креста на соборе в Монреале Белый обнаружил сходство с эмблемой розенкрейцерства. См.: *Андрей Белый.* Путевые заметки. Т. 1. Сицилия и Тунис. С. 135.

[4] Н. К. Метнер и А. М. Метнер.

198. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

19 декабря 1910 г. (1 января 1911 г.). Москва

Москва. 19/XII 910.

Дорогой милый Борис Николаевич! Ваше письмо и несколько открыток получил. Разные обстоятельства и события лишали меня возможности взяться за карандаш, чтобы ответить Вам. Не было ни сил, ни настроения даже для короткого послания.

Этот безумный хаотический 1910 год хочет показать себя до конца. Петербуржский скандал, разразившийся вследствие столкновения Коли с Менгельбергом, был ужасен по своему демонизму[1]. Прилагаемые вырезки газет и журнала *Музыка* информируют Вас фактически[2]. Но все это не может передать и десятой доли того ужаса, той *принципиальности*, которая обнаружилась в столкновении двух враждебных стихий: жречества Коли и распутства Эстрады[3]. Вижу, что я еще слишком слабо писал в своих статьях… Гнусный тон Менгельберга, опасное жуткое хладнокровие Коли и его твердость в проведении своей интерпретации, наконец крик негодования и общий хаос в зале, в сто раз сильнейший, нежели во время скандала в Мусагете; горечь от сознания, что никто из петербуржской музыкальной знати не решился вступиться за Колю и что сволочь вроде Каратыгина явно выражала удовольствие, что Коля отказался играть и его номер был заменен оркестровым; разве все это передашь, опишешь? Мы были так потрясены, что не спали много ночей. Коля, несмотря на физическое истощение, играл в Москве превосходно и очень сошелся с молодым немецким (и *германским*) дирижером Венделем, который был приглашен в Москву вместо Менгельберга. Последний обнаружил свое негодяйство тем, что, будучи одновременно в Москве для дирижирования филармоническим концертом, навестил Венделя и наговорил ему о Коле до репетиции разных гадостей. Вендель, познакомившись с Колей и увидев, какого человека он имеет перед собою, выразил удивление относительно инцидента с Менгельбергом и сознался, чтó последний ему наклеветал на Колю. Все дни перед московским концертом не умолкал телефонный звонок с расспросами и выражениями сочувствия Коле. Мне пришлось раз двадцать рассказать тяжелую сцену, разыгравшуюся в Петербурге. Скрябин сделал визит Коле. Он был искренно огорчен и возмущен; он говорил, что a priori, не входя в вопрос о нарушении Менгельбергом как дирижером прав Метнера как солиста, он, Скрябин, считает Менгельберга виновным, т<ак> к<ак> в вопросе об интерпретации Бетховена ни один дирижер, будь то сам Никиш, не смеет спорить с Метнером, который сочинениями своими показал, как он глубоко проник в Бетховена и как генеалогически он с Бетховеном связан. На концерте Коле устроили овацию; поднесли пять венков и адрес

(с протестом Менгельбергу), подписанный всеми выдающимися музыкантами Москвы, критиками, профессорами Консерватории, литераторами и т. д...[4] Куссевицкий вел себя очень двойственно; Эллис называет его Иудушкой[5]; во всей этой истории есть что-то символическое (вплоть до разных недоразумений с роялью перед концертом, с таинственным исчезновением двух лент из венков и т. д.); чувствуется борьба с теми силами, о кот<орых> я писал в своей книге[6]; недаром мне в Эстетике[7] уже говорили, что история с Колей есть иллюстрация к моей книге; Коля страдает невыносимо; он понимает, что вполне одинок в музыкальном мире... Другой раз напишу еще об этой истории. Она, конечно, не кончилась... Ох, как я устал; изнурен страшно. А дачная квартира наша только теперь готова[8]. Все время томились в городе. В Петербурге я навестил один раз Вячеслава; просидел до 2-х ч. ночи; очень хорошо поговорили[9]; Вячеслав стал лучше, чище, мягче; он, по-видимому, действительно очень любит меня. Виделся с Гессеном. Но главное, был дважды у Блока[10]; мы очень, очень сблизились; он прекрасен, другого слова нет; Любовь Дмитриевна[11] была проста мила и дружественна; мы говорили с ней, точно десять лет знакомы; она поправилась и очень похожа на Полю[12], словно ее сестра; да уж и впрямь не так ли это?.. В Эстетике был весьма удачный вечер из сочинений Коли: Конюс исполнил несколько фортепианных пьес, а Ольга Гедике, сделавшая большие успехи, спела несколько песен Гёте, Ницше и Гейне с сопровождением Конюса...[13] Провел один вечер с Наташей[14] и впервые соприкоснулся с ее душевной глубиной; кажется, мы станем хорошими товарищами. Простите это нескладное писание; так устал, что сам не ощущаю, какие слова пишу и на каком языке. Кланяйтесь Асе и спросите ее, не обиделась ли она на то, что́ я ей сказал на вокзале на ухо, и, если не обиделась и если поняла, что́ именно я хотел выразить, то исполняет ли она сказанное мною?.. Ваш рассчет не совсем верен, т<ак> к<ак> Вы забыли, что на обратный путь и на разные расходы (платье, белье, книги и проч.) потребуется большая сумма; кроме того, раньше осени не начнется печатание Голубя[15], т. е., следовательно, не раньше *окончания* нашего операционного года, т. е. мы не обернемся в этом году теми средствами, кот<орые> в нашем распоряжении. Но тем не менее Вы не беспокойтесь; мы будем Вам высылать *пока*

300 р.; дальше будет видно; м<ожет> б<ыть>, Вы переедете в Ниццу, где дешевле, или просто сократите срок пребывания за границей, напр<имер>, до весны. Пока обнимаю Вас крепко; радуюсь Вашему счастью и благословляю ту, которая является причиною его. Всего светлого. Горячо любящий Вас Э. М.

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 6. Копия: РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 18. Отрывок опубликован: ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 376.

Ответ на п. 193–197.

[1] Речь идет об инциденте, происшедшем в Петербурге 7 декабря 1910 г. на репетиции четвертого симфонического концерта С. А. Кусевицкого, между Н. К. Метнером, исполнявшим Четвертый концерт для фортепиано G-dur op. 58 Бетховена, и дирижером В. Менгельбергом, который делал исполнителю недопустимые, с точки зрения последнего, замечания. В результате Н. Метнер отказался от участия в концерте, который состоялся 8 декабря по измененной программе (вместо Четвертого концерта Бетховена была исполнена его Первая симфония C-dur). Было объявлено, что Метнер не может участвовать в концерте по болезни, но это сообщение было немедленно дезавуировано: «Говорят, что „болезнь“ солиста разразилась на почве несогласия с дирижером насчет темпов концерта» (*Кар* <Каратыгин В. Г.>. 4-й концерт Кусевицкого // Речь. 1910. № 339, 10 декабря. С. 5; ср.: «Ссора дирижера с пианистом» // Петербургская Газета. 1910. № 340, 11 декабря. С. 12). Подробнее см.: *Постоутенко К.* Н. К. и Э. К. Метнеры: парадокс национальной самоидентификации (к публикации неизвестного письма А. Белого) // Опыты (Петербург; Париж). 1994. Первый номер. С. 105–113; То же // De visu. 1994. № 1/2. С. 44–48.

[2] Эти вырезки при письме отсутствуют. Речь идет о письме Н. Метнера в редакцию журнала «Музыка» с подробным изложением инцидента между ним и Менгельбергом (1910. № 3, 11 декабря. С. 71–72). Перепечатано в кн.: *Метнер.* С. 129–131 (в комментариях З. А. Апетян указаны московские газеты, перепечатавшие 12 декабря 1910 г. это письмо в сокращенном варианте), — а также в указанной выше статье К. Постоутенко (С. 106–108). Подробно о репетиции рассказывает, явно со слов Н. Метнера, его родственница: «...Менгельберг позволил себе не следовать темпам солиста (как музыкально и тактически требовалось бы) и начал вовсю гнать первую часть концерта, думая, что „молодой человек“ (как он Метнера потом назвал) уж отыграет как-нибудь <...> Метнер возразил, что будет играть только в подобающем темпе. Кое-как первую часть дотянули. Вторая часть прошла благополучно. Но ужас произошел с третьей, когда Менгельберг явно назло взял медленный темп. <...> Дяде Коле пришлось остановить оркестр и показать свой темп... Дирижер улыбнулся и опять продолжал по-своему. Тут Метнер вскочил, захлопнул крышку рояля, до глубины души возмущенный, спрыгнул с эстрады и уехал с репетиции. По приезде к нам домой начались рассказы о происшедшем на репетиции,

и мы уж не знали, как успокоить дядю Колю, находившегося в очень нервном состоянии...» (*Штембер Н. В.* Из воспоминаний о Н. К. Метнере // Н. К. Метнер: Воспоминания. Статьи. Материалы / Сост.-ред., авт. вступ. ст., коммент., указ. З. А. Апетян. М., 1981. С. 91).

[3] В статье «Эстрада», опубликованной в «Золотом Руне» (см. примеч. 39 к п. 190) и вошедшей в книгу Метнера «Модернизм и музыка», это определение суммирует негативные представления автора о современной интернациональной музыкальной культуре и прежде всего о «музыкальном юдаизме».

[4] Речь идет о концерте симфонического оркестра С. А. Кусевицкого под управлением Эрнста Венделя, состоявшемся в Москве 15 декабря 1910 г. в Большом зале Российского благородного собрания; Н. Метнер исполнил на нем Четвертый концерт G-dur op. 58 Бетховена. Адрес, поднесенный на этом вечере Н. Метнеру и скрепленный 64 подписями, с выражением глубокого сочувствия ему и возмущения «поступком г. Менгельберга», был опубликован 20 декабря 1910 г. в газете «Москва», воспроизведен в комментариях З. А. Апетян в кн.: *Метнер.* С. 132.

[5] Подразумевается Иудушка Головлёв, персонаж романа-хроники М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлёвы» (1880).

[6] Имеется в виду книга «Модернизм и музыка».

[7] «Общество Свободной Эстетики» — литературно-художественное объединение, организованное в Москве в ноябре 1906 г.; собрания проходили в помещении Московского Литературно-художественного кружка.

[8] Имеется в виду подмосковное имение Мусатова в деревне Аксиньино, близ Ховрина.

[9] Встреча Метнера с Вяч. И. Ивановым состоялась, видимо, в середине первой декады декабря 1910 г. 11 января 1911 г. Метнер писал Иванову: «Я не успел еще раз заехать к Вам потому, что мы возвратились в Москву днем раньше из-за отказа моего брата участвовать в симфоническом концерте» (В. И. Иванов и Э. К. Метнер. Переписка из двух миров / Вступ. ст. и публ. В. Сапова // Вопросы литературы. 1994. Вып. II. С. 324).

[10] Ср. сообщения в письмах Блока к матери — от 8 декабря 1910 г.: «Вчера (7-ого) весь день у меня был Меттнер»; от 13 декабря 1910 г.: «9-ого днем опять был Меттнер» (Письма Александра Блока к родным. II / Под ред. и с примеч. М. А. Бекетовой и предисл. В. А. Десницкого. М.; Л., 1932. С. 104, 105).

[11] Л. Д. Блок.

[12] Возможно, сестра матери Метнера Полина Карловна Гедике.

[13] Дополнительные сведения о дате и программе этого вечера не установлены.

[14] Н. А. Тургенева.

[15] См. примеч. 10 к п. 195.

199. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

19 декабря 1910 г. (1 января 1911 г.). Монреале

Дорогой друг,

начинаю длинное это письмо образом; у меня в окне море; в глубине моря за 150 верст туманные видны острова Устики (вулканические). Далее полукруг береговой Палермо, далее — море апельсинных рощ и множество желтых точек — апельсинов; далее: каменная веранда, висящая над обрывом; далее — если подняться по белой каменной лестнице на крышу, то с другой, противоположной стороны — горы: вправо — покрытые снегом (ночью выпал холодный дождь, на горах — выпал снег); прямо — сотни домиков, вытянутых вверх, красных, желтых, из камня с плоскими крышами; у одного домика растопырилась пальма (вид восточный); если же подойти к окну — вот что я вижу: пятнадцать шагов по веранде; далее; отвесная каменная стена — 3 сажени; у краешка стены над 3 саженями Бог весть как туда вскарабкавшаяся Ася, с опасностью жизни рисующая горы и восточный вид города; маленькая над стеной, с золотыми кудрями и в широкополой шляпе; каждые две минуты я стучу ей в окно; она оборачивается, свешивается со стены; я посылаю ей воздушный поцелуй, она — улыбается мне; она — моя жизнь, любовь; и она отныне — подруга моей жизни, вот — образ; больше ничего не прибавлю к нему....

Внизу собралась толпа, человек 20 мальчишек: они кричат и радуются, что *madame*, здесь так все называют Асю, — обезьянка....

А теперь деловое: ужасно обманул меня Лурье; великолепная природа, интереснейшая из всех мною виденных стран, но, Боже мой, до чего тупой, косолапый, глупый и грабящий народ: и до чего невыносимо без знания языка; по-французски знают здесь только в отелях, да и то Палермских; а вот мы в Монреале уже десять дней объясняемся знаками. Как попали мы в Монреаль, спросите Вы? Да выбора не было: целую неделю рыскали мы по окрестностям Палермо, не находя ровно ничего подходящего. Мы попали в *Hôtel des Palmes* случайно[1]; оказалось, это дорогой страшно отель; и пока с неделю ждал я ответа от Кожебаткина

(перевода денег)[2]; мы успели прожить в одном отеле — 300 франков. Как это случилось, спросите Вы? Да вот: здесь в Монреале счет за белье подали нам в 2 лиры 80 чент<езими>; за меньшее количество белья в Палермо подали счет в 12 лир; и так — во всем; съехать до телеграммы Кожебаткина было нельзя. Каждая поездка за поисками помещений — 15 франков. И глупо же здесь устроено: море — а на берегу моря нет ни вилл, ни домиков: есть — клоаки, но домиков — нет; может быть, где-нибудь и есть, но в «*Hôtel des Palmes*» корыстно от нас всё скрывали, а языка мы — ни слова: я выскакивал с извозчика, и начинал с отчаянья кричать: «*appartamente*», «*camera*»* — «*quando costa*»[3]; собирались сицилийцы, бессвязно лопотали, и я, не узнав ничего, опять садился на извозчика. Единственно, что нашли мы, — в Монреале две комнаты с видом 8 лир пансиона с каждого; городок — арабско-испанский, очаровательный, но... — сперва мы умерли от холода, обои в комнатах — в клочьях, одно стекло в окне — разбито; а тут — грянули холода (Монреаль значительно выше Палермо). Едва уговорили мы поставить нам печку: поставили — два дня мы угорали; Ася угорела серьезно; печку нельзя было топить; и опять мы замерзли; далее: уговорили мы поставить керосиновую печь: поставили — в комнатах заплавали клочья копоти; опять-таки топить нельзя; опять холод — и сыро. А между тем; в неделю подали счет 130 лир; плюс минимум еще шесть лир в день (табак — 30 чентезими, спички — 20, Асе папиросы — 1 лира, спирт для чаю, чаи, открытки, почта и т. д.). 6 × 7 = 42; 130 + 42 = 172 лиры неделя, если сидеть, мерзнуть, не трогаться с места, ничего не видеть и т. д.; или 688 лир в месяц; на передвижение, осмотры, экскурсии, покупку хотя бы платков, сапог и др<угих> вещей менее ста лир в месяц. И вот мы решили: в Палермо жить дорого, в Монреале сейчас наживем смертельную простуду; справились по Бедеккеру[4]; оказалось: в Тунисе дешевле, чем здесь; едем в Тунис и там проведем зиму; там же начинаю «*Голубя*», там быстро пишу драму[5]. Но, Эмилий Карлович, придется просить Кожебаткина похлопотать о продаже кавказского имения[6]; авось в шесть месяцев что-нибудь устроится, а пока — в 6 месяцев обязуюсь докончить «*Голубя*»; сейчас жарю ежедневно

* «Квартира», «комната» (*ит.*).

по фельетону; кажется, сумма фельетонов обещает составить книгу «*Путевые заметки*»; собираюсь предложить «*Мусагету*». Сейчас примусь за четвертый фельетон; три выслал[7].

Но, Эмилий Карлович, выяснилось, что не 200, а *триста рублей* нам нужно; здесь в Монреале вот уже пятый день как веду счет; собираюсь его Вам представить по истечению месяца.

А сейчас очень прошу месяца 3 уступить мне гонорар за фельетоны; у меня единственный костюмчик, у Аси нет шляпы, сапоги мои уже 10 дней — развалины; кроме того — переезд в Тунис; и вот: хотелось бы, чтобы было так: чтобы в счет идущих моих в «*Речи*» и в «*Утре России*» фельетонов прислали мне в Тунис рублей 150; а затем по истечению месяца, то есть к *пятому русскому январю* мне прислали сумму на следующий месяц (300 рублей); а затем вычли экстренные 150 рублей по мере печатания фельетонов. 150 рублей = 3 моих фельетона. Фельетонов буду писать по 4 в месяц. 3000 рублей окуплю следующим образом. 20 листов «*Голубя*» по 150 рублей за лист в «*Русской Мысли*» = 3000[8]; кроме того: напечатание отдельным изданием в «*Мусагете*» — минимум 300; книга статей о Италии — 150 р. (так?); драма — 150 (так?). Итого: заработаю: 3000 + 300 + 150 + 150 = 3600 рублей. Умоляю Вас, дорогой друг, согласиться на мое предложение.

Да?..

Спешу окончить письмо: из Туниса пишу о себе — внутренно: пишите.

Адрес: *Тунис. Poste restante.* Мне.

Остаюсь любящий

Б. Бугаев.

P. S. Анне Михайловне привет. Привет Николаю Карловичу[9].

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 25. Опубликовано Г. В. Нефедьевым: Русско-итальянский архив. II. С. 136–138.

Датируется на основании пометы рукой Метнера: «1/I 911» (видимо, дата отправления на почтовом штемпеле с несохранившегося конверта).

[1] См. п. 194, примеч. 3.

[2] О получении денежного перевода Белый сообщил Кожебаткину 11 (24) декабря 1910 г. (Лица: Биографический альманах. 10. С. 151).

[3] Правильно: «quanto costa» — сколько стоит? (*ит.*).

4 Обиходное название популярных подробных путеводителей, выпускавшихся издательской фирмой Карла Бедекера.

5 См. примеч. 10 к п. 195, п. 182, примеч. 5. 17 (30) декабря 1910 г. Белый сообщал Кожебаткину: «Приступаю на днях к драме; думаю написать в Монреале» (Лица: Биографический альманах. 10. С. 152).

6 Речь идет об участке земли близ Адлера (Сочинский уезд Черноморского округа), приобретенном в свое время Н. В. Бугаевым и принадлежавшем Белому по праву наследования. Начатые Белым в декабре 1910 г. хлопоты по продаже «имения» не привели ни к каким практическим результатам. В завещании, оформленном в Дорнахе 14 августа (н. ст.) 1916 г., Белый указывал: «...завещаю я Анне Алексеевне Тургеневой а) принадлежащий мне участок земли, находящейся в Сочинском уезде Черноморского округа, управление каковым участком по нотариальной доверенности передано мною в настоящее время Владимиру Константиновичу Кампиони <...>» (Andrej Belyj: Symbolismus. Anthroposophie. Ein Weg: Texte — Bilder — Daten. Herausgegeben, eingeleitet, mit Anmerkungen und einer Bibliografie versehen von Taja Gut. Dornach / Schweiz, 1997. S. 78. Текст — факсимиле).

7 В недатированном письме к Кожебаткину из Монреале, относящемся к третьей декаде декабря н. ст. 1910 г., Белый сообщал: «Посылаю один за другим 3 фельетона в „*Утро России*“ (маленьких). Один в „*Речь*“ <...>. Все фельетоны пересылай тотчас в „*Утро России*“ и в „*Речь*“» (Лица: Биографический альманах. 10. С. 151). В «Утре России» высланные очерки не появились; о публикациях в «Речи» см. примеч. 1, 2 к п. 193, примеч. 2 к п. 194.

8 Согласно предварительной устной договоренности, новый роман Белого предназначался для опубликования в «Русской Мысли».

9 А. М. Метнер и Н. К. Метнер.

200. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

23 декабря 1910 г. (5 января 1911 г.). Тунис

Милый Эмилий Карлович!

Привет из Туниса[1]. Странно, точно во сне. Каждый араб — благороден, красив, доисполнен достоинства. Вот вид Туниса, одна из сотен улиц; долго сегодня шатались среди мавров и негров; хорошо; только все еще холодно; пожалуй, холодней, чем в Сицилии. Но прекрасно, дешевле, французы — как после итальянцев им радуешься; арабы — тоже благородней. Обнимаю.

Б. Бугаев.

P. S. Привет от Аси.

С Новым годом!

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 26. Видовая цветная открытка: «Tunis. Soak des Armes».

Датируется по почтовому штемпелю: Tunis. 5. 1. 11. Штемпель получения: Москва. 29. 12. 10.

[1] Белый и А. Тургенева прибыли из Палермо в Тунис 22 декабря 1910 г. (4 января 1911 г.).

201. БЕЛЫЙ — Э. К. МЕТНЕРУ, А. С. ПЕТРОВСКОМУ, Н. К. МЕТНЕРУ, Н. П. КИСЕЛЕВУ, М. И. СИЗОВУ, Н. А. ТУРГЕНЕВОЙ

25 декабря 1910 г. (7 января 1911 г.). Тунис

7 января. 25 декабря.

Милый, родной Эмилий Карлович,

с новым годом! Желаю радости, счастья; сейчас сидели с Асей перед углями; камин рассказывал про то, что могло бы быть, да не вышло. Милый, верьте, — будет, будет, будет! Целую, жму руку.

Б. Бугаев.

Родной мой Алексей Сергеевич!

Да, камин говорит: рассказывает: сейчас был не в Тунисе, а с вами всеми, с «московским». Буду скоро писать, а сейчас, в этот день русского Рождества, хочется только сказать: с новым годом: и этот год будет решающим. Обнимаю.

Б. Бугаев.

Дорогой Николай Карлович!

И Вас, Вас слышу: угли навеяли снежную бурю: где пламенный жар, там — и метель. Вы, метельный, как верю в Вас!

Обнимаю.

Б. Бугаев.

Дорогой Николай Петрович!

С Новым Годом: близко, близко — всё будет: если не здесь, то — «там»; что-то сейчас коснулось меня, что-то шепчет, успокаивает: не существует пространства; я ощущаю нашу общую связь. Христос <с> Вами, не забывайте: Вы, сейчас, хранитель того, *чего никогда не бывало, никогда не бывало*. Но оно — ***будет***!

Б. Бугаев.

И Ты, Миша, — неспроста: не унывай; испанский принц должен пройти пустыню[1]: но за пустыней — земля обетованная. Пусть этот наступающий год — улыбнется наступающим счастьем, не счастьем мира, а того, что за миром.

Мы вместе. Обнимаю,

Б. Бугаев.

Милая Наталья Алексеевна, и Вы — Вы тоже: хочу просто взять Ваши руки, улыбнуться. Вы — сестра. Все хорошо. Ничего, что трудно; будет день, будет час, мы увидим, узнаем. Целую Вас. Христос с Вами.

Б. Бугаев.

В «Московское»: братьям и сестре. Братьям прочесть в четверг[2]. Сестре после четверга.

Всем вместе.

Заповедь новая нам дана: *пусть любим друг друга.* Не старая заповедь, а *новая*: это Ее последнее слово. И Она — она с нами.

Б. Бугаев.

Ради Бога, будьте вместе! Ничего не должно распасться.

РГБ. Ф. 128 (архив Н. П. Киселева). Текст — на почтовой бумаге «Hôtel Eymon. Porte de France. Tunis». Опубликовано А. Л. Соболевым: Арабески Андрея Белого: Жизненный путь. Духовные искания. Поэтика. Белград; М., 2017. С. 43–44.

Конверт адресован на имя Н. П. Киселева. Почтовый штемпель получения: Москва. 3. 1. 11.

1 М. И. Сизов отмечал свое особое тяготение к «испанской» теме. В письме к Белому от 13 (26) января 1911 г. он признавался (возможно, откликаясь на «испанского принца» в данном коллективном послании): «А я сегодня понял, почему мне так интересно, дорого и близко заманчиво испанское! : это единственный, какой мы пока имеем, синтез Запада и Востока. Запада вполне сознательного, горячего и ясного и Востока вполне сильного, но достаточно культурного, какими были мавры», и т. д. (*Лавров А. В.* Символисты и другие: Статьи. Разыскания. Публикации. М., 2015. С. 466).

2 Этому дню недели Белый придавал некий сакральный смысл. В письме к Блоку от 1 (14) мая 1912 г. он признавался: «Это было в *четверг.* Четверги же для меня звучат *по-особенному.* С 1910 года (не могу сказать, почему). И потом четверг наиболее благодатный день — день *сафира* и планеты Юпитера» (*Белый — Блок.* С. 455).

1911

202. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

3 (16) января 1911 г. Радес

Дорогой, милый друг!

Пишу Вам с чувством глубокого возмущения; только что прочел: негодую. Ведь мы с Асей ничего, ничего не знаем, русских да и вообще никаких газет не читали. Да, да: это все та же история; но, главное, милый — напишите, в каких газетах были сочувственные отзывы: это мне много скажет[1]. Пора, крайняя пора *всем не жидам* в какой-то платформе (очень широкой) протянуть друг другу руки: нелепо я это делаю, дружа с разными *не жидами*. Своя платформа — узкая, нетерпимая; тактическая платформа для меня есть ничто иное, как союз самообороны непродавшихся против продавшихся. История с Николаем Карловичем показала явно, *еще раз*, как обнаглели они. Ужасно, гнусно, демонично... но тут есть одно, очень любопытное, что хорошо, что выявилось. Это — двойственность Кусевицкого. Вы писали о продажности и жидовстве *берлинской эстрады*[2]; Ася рассказывала мне о продажности и жидовстве эстрады французской (отчего д'Альгеймы ушли из Франции). Мне все более начинает казаться, что ту же скверную роль собирается сыграть Кусевицкий с эстрадой русской. Будьте с ним осторожны, дорогой Эмилий Карлович....

Думаю по поводу инцидента с Н. К. написать фельетон (это надо непременно раздуть), но не тотчас... Напишу недели

через 2[3]. Сначала дам на днях *силуэт Ник<олая> Карловича* в «*Утро России*»[4]. Когда выйдет Ваша книга?[5] Буду о ней писать — куда? Не в «Аполлон» ли? Или — в «*Речь*»? Кстати: напечатали ли в «*Аполлоне*» мое против Брюсова?[6] Пишу, чтоб знать, куда посылать о Н. К. Пишу и ему...[7]

Милый, милый — пишите мне: Вы не можете себе представить, как нужна мне сейчас Ваша дружба: издалека, вне текущих и срочных дел, заслоняющих или оттесняющих... *главное*, я сейчас прямо обращен к Вам, и как Вас не хватает! Этот месяц столько создал для меня. Подавляющее количество впечатлений внешних, подавляющее колич<ество> впечатлений внутренних; успокоение — то же. А было много сложного...

Прежде всего во внешнем. Италия обрушилась на нас. Сицилия промелькала, как большой, цветной, пестрый лоскут, как «*grotésque*» самой Италии, где итальянская несуразность, Вами подчеркнутая, возведена в сплошной канон грандиозными смесителями — сицилийцами: это скорей об-итальянившиеся *мавры* + *испанцы*: Вы понимаете, что получается из пролития в испорченную итальянскую кровь Мавритании и Испании; итальянские элементы сицилийца *испоганивают* его; паршивый итальянишко, грабитель и вор, организатор *Каморры* и *Маффии* сидит здесь у себя дома... комфортабельно; но рядом с *поганцем*... звучит в сицилийце и *африканец*; и Африка — благородная часть души сицилийца. От мавров переняли они суровость, и полное отсутствие слащавости (не чернослив — а черносливная сладкая грязь... и воняющая); от итальянского взяли они не *Манталини*[8], сладкого *черносливного* тенора, а длинноносого жулика неаполитанца. Длинноносый жулик, однако, все еще борется с благородным арабом. И в этом отношении Сицилия показалась интереснее Италии, цветнее, махровей, но и... более психически утомительной. Одна из причин, по которым мы бежали из Сицилии, была еще бóльшая, чем Вы рассказывали, пропасть между дешевой и дорогой жизнью; дешевая жизнь — вонь и грязь; дорогая еще дороже <в> Италии, *среднего* вовсе не оказалось. И потому мы, промучавшись в поисках и в ожидании *денег*, за поиски и за сидение в *Hôtel de<s> Palmes* отдали страшно много; и бежали...

в Монреаль, где тоже было не дешево, холодно, где нас душили, коптили, морозили и где помещение наше с невероятно красивым видом дребезжало, как жестяная коробка. Мы жили в жести и в камне, что зимой... порой нестерпимо; наконец, в наших окнах развалились рамы; дождь и мокрота пролилась в комнаты.

Мы бежали в Тунис.

В *Тунисе* опять-таки мы сидели 9 дней; ожидая *перевода*[9]; и опять-таки это обусловило наши издержки, ибо попали в Hôtel Eymon, где сам пансион сравнительно дешев, но за все мелочи... дерут.

Но Тунис, но арабы, но безоблачное небо, но пальмы — все это великолепно: и как сказалась в Тунисе разница между французом и итальянцем. То, что Италия смешивает, Франция — разделяет: Сицилия — но прочтите о Сицилии у Гёте[10]: там — все есть.... *Тунис*: европейская часть города: это — повторение Парижа: *Avenue de France*, и *Avenue Julles Fèrry* — это *Boulevard des Italiennes*[11]; шумная жизнь, кафе; все можно сразу достать (в Италии — ничего); и всё — дешевле. Словом — настоящая культурная Европа; но это — маленькая часть города: а кругом кольцом — снежно-белый, плоскокрыший арабский Тунис с белыми минаретами и пузатыми куполами. И здесь — ничего европейского; везде, где арабы, — чистота: дома белятся и сверкают чистотой; на двориках чистые, пестрые изразцы; сами арабы — благородны, задумчивы, прекрасны: множество достойных, почтенных старцев; отношение к европейцам — сдержанное, но человечески благодушное; если араб и ограбит, как ограбил нас парфюмер (мы купили духов на базаре), то следующий раз он зазовет Вас в свою изразцами убранную лавочку — квадратное углубление в стене без окон — и угостит кофе, даст карточку: словом — считает себя Вашим знакомым и еще в придачу... надушит платок... И странно: следы многовековой культуры везде налицо; простой араб носит интеллигентно-задумчивое лицо, опрятен в жизни, и даже в арабских безделушках — коврах, чашках, туфлях (в которых ходит рабочий), кошельках, которым он расплачивается, — в капюшонах, которым покрывается житель сел, — красота; та жизнь в искусстве и художественном ремесле, о котором писал так много Рёскин, право, осуществлена и проведена в жизнь у араба: форма дома,

форма комнат, углы, полы, закоулки, входы домов, резные решетки на ставнях — все изящно. А умение драпироваться в плащ! А самое благородство сочетаний ярких цветов!.. Нет, я уважаю арабов, а Ася — в них влюблена.

Вот почему мы прямо в восторге, когда нашли себе целый дом в арабской деревушке *Radès*, куда и переселились, где и живем[12]: новый год для нас начался новой, никогда не виданной обстановкой; у нас — три этажа: в каждом этаже по две комнатушки; и везде зако<у>лочки, проходики, так просто, маленькие пространства, изразцовые полы; с третьего этажа выход на плоскую крышу — и перед нами залитой солнцем, снежнобелый чистый Radès; смотрю из окна — белые, плоские крыши — и финиковая пальма; смотрю в другое окно — Средиземное море; смотрю в третье окно — горы, поля, пузатенький, снежный купольчик из оливок. И дороги, обсаженные кактусами, и белые вдали паруса рыбачьих лодок. В первом этаже дома — только вход; крутая, витая изразцовая лестница ведет во второй этаж; здесь: спальня, столовая, кухонька, так просто комнатушка; все — маленькое; опять-таки изразцовая лестница в третий этаж: здесь комната для работы с громадной (в человеческий рост) сухой желто-оранжевой кистью финиковой пальмы. И за этот домик платим мы в месяц — 50 франков; 70 франков с человека за пансион (140); и 67 за снятую напрокат мебель (с постельным бельем, грелкой и всем прочим); итого устроились за *277 франков месяц*; устроились только теперь; расстояние от Туниса — 20 минут жел<езной> дороги; от моря — ходьбы 20 минут. Наш дом на краю деревни; за нами поле оливок и кактусов; с плоской крыши виден и восход, и закат. Во всем горизонте — только одна европейского вида вилла; а то пейзаж целен, стилен, прекрасен; здесь думаем прожить месяца 2, а то и более; и делать экскурсии иногда вглубь — в Захуан, в Кэруан (в глубине Тунисии священный город), в *Бискру* (17 часов по жел<езной> дороге) — где рукавом песков подходит Сахара: Бискра — оазис, с лесами пальм; из окон же отеля встают пески Сахары (Сахара подходит здесь рукавом); благодаря тому, что мы так устроились, это — возможно.

Только сейчас здесь приступлю к серьозной работе; а то всё были — на бивуаках. Милый, скоро пишу опять: пишите — мне

Ваши письма так нужны. Привет и приветствие Н. К., Анне Михайловне[13] и всем Вашим. Жду от Вас сведений о «*Мусагете*»: никто не пишет, ничего не знаю. Жду книг.

Любящий Вас нежно

Борис Бугаев.

P. S. *Адрес. Afrique. Tunisie.* Maxulla-Radès (près de Tunis). A Madame Rebeyrol, buraliste de Radès. Мне. Забыл сказать — из окон виден Карфаген[14].

<Приписка А. А. Тургеневой:>

Не обижаюсь, помню, а поняла ли и исполняю ли в точности — судить не мне. А что у Наташки[15] побывали — хорошо.

Ну всего хорошего.

По какому-то я вас люблю.

Ася.

Привет вашим.

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 27. Опубликовано (без начальной части — до разделительной черты) Н. В. Котрелевым: Восток — Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М., 1988. С. 151–153 (с датировкой: «Начало января ст. ст. 1911 г.»).

Датируется на основании пометы рукой Метнера: «16/1 911» (видимо, дата отправления на почтовом штемпеле с несохранившегося конверта).

Ответ на п. 198.

[1] Подразумеваются отзывы об инциденте между Н. К. Метнером и В. Менгельбергом.

[2] Имеется в виду статья Метнера «Эстрада» (см. примеч. 39 к п. 190).

[3] Это намерение осталось неосуществленным.

[4] См. примеч. 24 к п. 187.

[5] Имеется в виду книга «Модернизм и музыка» (см. примеч. 13 к п. 163).

[6] Подразумевается статья Белого «Венок или венец» (см. п. 190, примеч. 45, 46).

[7] Это недатированное письмо Белого к Н. К. Метнеру опубликовано К. Постоутенко в составе его статьи «Н. К. и Э. К. Метнеры: парадоксы национальной самоидентификации»; в нем говорится: «...позвольте от всей души выразить Вам сочувствие по поводу этого ужасного инцидента, с негодованием читал я выдержки <из?> газет. Позвольте Вам выразить, кроме того, благодарность за то, что Вы мужественно в печати подняли голос против варварского обращения с художником. Да, да: они собираются задушить все сильное и самостоятельное. В Вашем инциденте вижу

я и продолжение *серии скандалов*, которые *они* нам устраивают» (Опыты (Петербург; Париж). 1994. Первый номер. С. 109).

[8] Мистер Манталини, супруг держательницы модного салона мадам Манталини, — персонаж романа Ч. Диккенса «Жизнь и приключения Николаса Никльби» (1838–1839).

[9] Имеется в виду перевод очередной денежной суммы от «Мусагета» (см. примеч. 7 к п. 195). 22 декабря 1910 г. (4 января 1911 г.) Белый отослал из Туниса телеграмму и две открытки с требованием денег (см.: Лица: Биографический альманах. 10. С. 155–156).

[10] Имеется в виду книга Гёте «Путешествие в Италию» («Italiänische Reise», 1816–1817), основу которой составил его итальянский дневник 1786–1788 гг. По всей вероятности, Белый читал ее в ходе путешествия; в «Путевых заметках» (Т. 1. Сицилия и Тунис) он ее неоднократно цитирует (С. 45–46, 107, 130, 135, 153). См. «Путешествие в Италию» в переводе З. А. Шидловской: *Гёте*. Собр. соч. в пер. русских писателей / Ред. Н. Гербеля. Т. 7. СПб., 1879; То же. Изд. 2-е. Т. 6. СПб., 1893.

[11] Итальянский бульвар в Париже.

[12] Белый и А. Тургенева поселились в этой деревне (Maxulla-Radès) близ города Туниса 1 (14) января 1911 г. Ср. сообщение в письме Белого к А. С. Петровскому (31 декабря 1910 г. (13 января 1911 г.)): «Сейчас встретили русский новый год. <…> Завтра едем на постоянное жительство в арабскую деревушку; сняли настоящий арабский домик с плоской крышей» (*Белый — Петровский*. С. 122).

[13] А. М. Метнер.

[14] Развалины древнего города Карфагена, дважды уничтоженного — римлянами в 146 г. до н. э. и арабами в 698 г.

[15] Н. А. Тургенева.

203. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

11 (24) января 1911 г. Аксиньино, близ Ховрина

Ховрино 11/1 911.

С новым годом дорогой, милый, будьте всегда так счастливы, как сейчас! — Всего получил от Вас три письма[1] и трижды три (кажется, так) открытки[2]. Наконец-то пришло известие, что Вы имеете мое письмо... Я так мало писал оттого, что не было никакой возможности... Неприятности, нездоровье, срочное, длинная канитель разных обстоятельств места, времени и причины — не давали покою... Половина квартиры оказалась еще

непросушенной, и вот мы ютимся в трех комнатах: работать мне негде, книгами пользоваться нельзя, т<ак> к<ак> они в куче в темной комнате; игра Коли[3] мешает мне; только через неделю можно будет устроиться. В городе, конечно, работать тоже нельзя; к тому же здесь Ядвига[4], которой приходится посвящать не мало времени, ибо она скучает со своими родственниками. Когда все будет здесь, в деревне, устроено, Ядвига приедет к нам гостить... Я Вам прислал самые важные вырезки, касающиеся инцидента Менгельберг — Метнер; появилось еще несколько хороших отзывов об исполнении Колей четвертого концерта Бетховена (в одном отзыве (Георгия Конюса) Коля назван идеальным исполнителем Бетховена, как бы рожденным для его произведений)[5]; но отдельных статей не появлялось; Петербург, спохватившись, перепечатал только Колино письмо...[6] С Кусевицким я имел длинную беседу, еще более укрепившую во мне мысль об его фальшивости... Мы всё еще не можем забыть петербуржского кошмара: плохо спим и нервничаем. Это было очень скверно... Менгельберг — голландец и по типу не похож на еврея; скорее на фламандского мужичка вроде тех, что мы видим на бытовых картинках Рембрандта; впрочем, черт их разберет. М<ожет> б<ыть>, и справедлива поговорка: не тот жид, кто еврей, а тот жид, кто жид... Во всяком случае верно, что эстрада испорчена еврейством. Что касается статьи об этом скандале, то я не представляю себе, как Вы ее напишете; скорее Вы могли бы или отозваться ***кратким***, но едким письмом в редакцию журнала *Музыка*, или же использовать этот инцидент в каком-нибудь фельетоне, где Вы коснетесь общих «артистических» нравов и обычаев. Впрочем, если у Вас что-нибудь напишется об этом, то посылайте в *Речь*; но предварительно дайте мне возможность просмотреть, чтобы не было недоразумений. «Силуэт» лучше всего поместить в день московского концерта Коли, который состоится 7-го марта[7]. Так и напишите редакции. —

Ваше возражение Брюсову выйдет, вероятно, в январе[8]. Моя книга почти напечатана, но вследствие невозможности заняться послесловием и примечаниями выйдет не раньше начала февраля[9]. — Если будете о ней писать, то в Аполлон, т<ак> к<ак> в *Речи*, вероятно, напишет Гессен или кто-н<ибудь> по его

указанию; а в Аполлоне, пожалуй, хватит о ней негодяй Карагыгин; когда будете писать Аполлону, то заявите, что Вы желаете писать о моей книге, тогда не поручат другому[10]. Макс Волошин написал благоглупость о Мусагете в Аполлоне[11]. Я послал возражение против якобы штейнерьянства и католичества в Мусагете[12]. Виноват, конечно, Эллис, который невесть что наговорил этому пошлому Максу... Проспект не может выйти, т<ак> к<ак> Вячеслав не присылает ни статьи об Орфее, ни проспектиков своих (тоже еще не присланных) книг[13]. Не присылает Вячеслав и своей брошюры *Лев Толстой и Сократ*[14]. Степпун приехал и не привез Люцинды, кот<орая> будет готова только к осени[15]. Сергеев не приготовил трактата о живописи Винчи и обещает только в конце 1911 г.[16]; Эллис бездельничает и читает Штейнера и о Штейнере и не переводит Парсифаля, а также не двигает своей книги статей[17]. Чеботаревская не перевела Серафиту[18], а Сабашникова не готова с Эккартом[19], также как и Алексей Сергеевич с Бёме[20]; даже Киселев не приготовил обещанного тома о провансальцах и также медлит с переводом *О любви* Стендаля[21]. Наконец, все музыканты надули со статьями о трех композиторах[22], и Кожебаткину с Охрамовичем почти нечего делать[23]; так<им> обр<азом>, организация не оправдывает себя *коммерчески*, книги, конечно, идут, но пока медленно, а деньги уходят на авансы тех произведений, которые будут готовы лишь тогда, когда у Мусагета не будет уже средств их издавать... Я нарочно рисую в мрачно-комичном виде все это, чтобы Вы видели, что у меня достаточно забот. Обещайте мне не писать никаких воззваний к мусагетчикам; я сам понемногу справлюсь. Все сказанное Вас не касается, т<ак> к<ак> Вы на особом положении, но все-таки надлежит экономить и Вам; не забывайте, что ведь, когда Вы приедете в Москву, Вам придется устраиваться, а на это также нужно несколько сот рублей! Я бы советовал Вам как можно скорее двинуть Ваше дело с кавказским имением[24]. Пишите скорее обещанные письма нам и Вашей маме[25], которая кстати сказать, ругает ругательски Мусагет, считает нас всех злейшими Вашими врагами, помешавшими Вам сделаться профессором, и жалуется Марье Михайловне Дмитриевой, что ввиду Вашего путешествия ей приходится экономить и отказываться

от туалетов; разве она тоже субсидирует Вас или она Вам дала перед отъездом кругленькую сумму? Если это было сказано так, зря, то, пожалуйста, не пишите ей ничего об этом; Бог с ней; да и сам не сердитесь на нее; она Вас не понимает и не поймет никогда; но стесняться с ней в денежных делах, где Вы *обязаны* в отношении к Мусагету заявлять о своих законных правах, конечно, нечего, и потому я очень прошу Вас по возможности немедля двинуть дело о кавказском имении… — Мы никак не можем найти рукописей Вольфрама Крауза (Пенгу) о Скрябине, Метнере, Рахманинове; отец мой сказал мне, что давал Вам их на просмотр вместе с остальными рецензиями о Коле, что Вы вернули только рецензии, а рукописи нет. Вы не пугайтесь; рукопись стоит всего 100 марок, и я ею очень недоволен, так что втайне доволен, что она пропала, но все-таки напишите, где ее искать в Вашем столе (ключ и прочее); кстати, хотелось бы иметь и Ваш портрет из Золотого Руна[26], где Вы написали мне стихотворение… Мы хотим издать Вашу лекцию о Достоевском брошюрою[27], но существуют две редакции; которую взять как основной текст? — ***NB NB***. Если будете для Аполлона писать о моей книге, то, пожалуйста, пришлите статью мне для просмотра во избежание «музыкальных» недоразумений. — — — Ваше письмо «московскому» было прочтено перед «заседанием»[28]. Спасибо, спасибо; Коля также благодарит Вас; странно (или больше уже не странно!), что Вы попали в точку; как раз за последнее время Коля носился с метельными темами, с белым хаосом и умиротворяющим его гиератичным мотивом, что́ все и отображается ныне в новой фортепианной сонате, которую он писал в то время, когда я подавал ему Ваше окружное послание; соната, конечно, еще далеко не готова; она движется (слушайте, слушайте, творец теории ритма!) в 15/8!!! — Такого ритма еще мир не слыхивал; это титанично, если принять во внимание, что 15/8 не сдаются в течение всей первой части. —

Наташу[29] Ваше «послание» уже не застало в Москве. Она недавно уехала с Поццо в Италию[30]. Д'Альгеймы приехали злые-презлые; негодуют и на Асю и на Наташу. Я еще два раза подолгу беседовал с Наташей и очень подружился с ней. Скажите Асе, что я поздравляю ее с новым годом и что тоже «по какому-то» ее люблю, думаю, что «по какому-то» меня любит и Наташа, а также

и я ее... Обе обложки Аси мне очень понравились, особенно для Стигматов[31]. Анюта[32] шлет Вам обоим сердечный привет. — Да! забыл еще одно дело: как быть с Мережковским, кот<орый> пишет статью для сборника о Культуре и религии[33]; ведь это — тема Вячеслава! Еще одно недоразумение с Верховским, кот<орый> вообразил, что Мусагет обещал (?) напечатать его сборник стихов[34]. Надо уладить особенно первое недоразумение, т<ак> к<ак> Вячеслав, узнав, что Мережковский пишет, обиделся; все это отголоски преждевременно разыгравшейся «португальской революции»[35]; придется, если Мережковский статью уже написал, извиниться и заплатить ему; печатать его я не стану, и статью на эту тему напишет Вячеслав, как это и было всеми единогласно решено на собрании о сборниках. — Ваши сицилийцы мавры арабы меня интересуют; сицилийцы — смесь римской мешанинной челяди с сарацинами и норманнами; последние две крови, конечно, преимущественно в аристократии; мавры образовались еще в древности из одного арийского племени с примесью *арабов (они же сарацины), которые одни только и являются чистыми беспримесными семитами*, и с примесью (небольшою) негров; но впоследствии этот древний маврский народ впитал много германской крови именно от вандалов и от вестготов; установлен странный факт, что почти все знатные тунисцы и алжирцы ведут свой род от вандальских и вестготских викингов и герцогов. — Однако пора кончать: наконец-то мне удалось написать Вам письмо. Благоденствуйте, живите себе беззаботно, работайте сколько хотите, что хотите. — Но только не очень засиживайтесь; лучше как-нибудь еще раз съездите. Ваше отсутствие очень заметно, и фатально то, что мы всё с Вами разъезжаемся, старинный друг! — Обнимаю Вас крепко. Моя душа всегда с Вашей и наше отношение «по какому-то» больше дружбы. Ваш Э. М.

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 7. Копия: РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 19. Ответ на п. 202.

1 Имеются в виду п. 195, 199, 202.

2 Если подсчеты Метнера верны, то из указанных девяти в его архиве не сохранились три открытки, отправленные Белым после отъезда из Москвы.

3 Н. К. Метнер.

[4] Х. Фридрих.

[5] См. п. 198, примеч. 4. Имеется в виду статья Г. Э. Конюса «Концерты С. Кусевицкого» — отзыв о концерте 15 декабря 1911 г. под управлением Э. Венделя, посвященном произведениям Бетховена: «...сыгран был четвертый концерт g-dur для фортепиано, в котором исполнителем-солистом выступил один из талантливейших наших композиторов и превосходнейший пианист Н. К. Метнер. Игра г. Метнера, которую москвичи давно оценили по достоинству благодаря многократным его выступлениям с собственными сочинениями, как бы создана для интерпретации музыки Бетховена» (Утро России. 1910. № 331, 21 декабря. С. 6).

[6] Имеется в виду письмо Метнера, опубликованное в еженедельнике «Музыка» (см. примеч. 2 к п. 198), перепечатанное в петербургской газете «Речь» 13 декабря 1910 г.

[7] Этот концерт Н. Метнера с участием певицы А. М. Ян-Рубан состоялся в указанный день в Малом зале Российского благородного собрания; программа — из сочинений Метнера: Соната A-dur. Соната C-moll. Соната G-moll. Дифирамб Es-dur. Две сказки, ор. 20. Песни Гёте. Песни Ницше и Гейне (Музыка. 1911. № 14, 5 марта. С. 312). Сообщалось, что концерт «привлек весь музыкальный мир Москвы и массу публики. Постепенно талант Метнера, по существу своему плохо рассчитанный на популярность, находит себе поклонников и почитателей; кадры их растут, появляются уже подражатели его композиторской манере. <...> Его стиль поражает прежде всего своею законченностью, зрелостью. <...> И стиль его музыки совершенно оторван от русской музыкальной школы; это — вполне немецкий композитор, вне связи эволюции русского искусства» (Там же. 1911. № 15, 12 марта. С. 354).

[8] Подразумевается статья Белого «К вопросу о ритме» — полемический ответ на статью В. Брюсова «Об одном вопросе ритма» (Аполлон. 1910. № 11. Октябрь — ноябрь. Отд. I. С. 52–60), в которой был дан критический анализ стиховедческих работ, помещенных в книге Белого «Символизм». В протоколе собрания «мусагетского» Ритмического кружка от 2 ноября 1910 г. значится: «Указывается на фактические ошибки в рецензии В. Брюсова. Возникает предположение ответить В. Я. Брюсову от имени кружка» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 337). Статья Белого не была опубликована в «Аполлоне», позднее была предложена в «мусагетский» журнал «Труды и Дни» и также осталась ненапечатанной (на обложке ее рукописи — надпись Н. П. Киселева: «Статья для „Трудов", отклоненная редакцией» // РГБ. Ф. 190. Карт. 55. Ед. хр. 19); впервые опубликована как Приложение 1 к работе С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова «О стиховедческом наследии Андрея Белого» (Труды по знаковым системам. XII. С. 112–118).

[9] См. примеч. 13 к п. 163.

[10] Все эти предположения оказались несвоевременными, поскольку выход в свет книги Метнера (Вольфинга) «Модернизм и музыка» задержался более чем на год. В «Аполлоне» отзыва о ней не было помещено.

[11] Имеется в виду статья М. Волошина «„Карамазовы“. Литературные группировки» в рубрике «Московская хроника» (Аполлон. 1910. № 12, декабрь. Отд. II. С. 14–17). В ней было заявлено, что «„Мусагет“ в настоящую минуту является единственным литературным средоточием Москвы», сообщалось об основных направлениях деятельности издательства и в заключительной фразе утверждалось: «В смысле направления, духа, в противоположность философской секции „Мусагета“, в литературной — следует отметить склонность к мистицизму и к оккультизму, с уклонами к католицизму с одной стороны и к штейнерианству с другой» (*Волошин Максимилиан.* Собр. соч. Т. 6. Кн. 1. М., 2007. С. 340).

[12] В Письме в редакцию «Аполлона» Метнер скорректировал ряд суждений Волошина о «Мусагете» и особенно категорично возразил против его заключительной фразы, намекая персонально на Эллиса: «Что <...> касается, „уклонов к католицизму с одной стороны и к штейнерианству с другой“, то это замечание основано, очевидно, на недоразумении. Из всех ближайших сотрудников „Мусагета“ только один склоняется к католичеству, и он же в последнее время проявляет особенный интерес к учению немецкого оккультиста Штейнера. Предоставляя всем членам нашего издательства полную свободу держаться тех или иных религиозных воззрений, я должен решительно заявить, что „Мусагет“, как целое, не был и *никогда* не может стать ни католическим, ни штейнерианским» (Аполлон. 1911. № 2. С. 76).

[13] В «проспекте» издательства «Мусагет» предполагались, наряду с другими программными положениями, характеристика одной из книжных серий, посвященной религиозно-мистической проблематике («Орфей»), а также краткие сведения о готовящихся отдельных изданиях — в частности, о книгах Вячеслава Иванова «Эллинская религия страдающего бога» и «Лира Новалиса в переложении Вячеслава Иванова». В тот же день Метнер писал Иванову: «Обращаюсь к Вам с большой просьбой дать нам маленькую статью об „Орфее“ для проспекта. <...> Затем, если Вам не понравятся прилагаемые при сем заметки о Ваших книгах Бугаева, то не напишете ли Вы сами; эти заметки будут тоже напечатаны в проспекте, но уже без подписи, так что Вы можете, если не хотите писать сами, исправить по Вашему усмотрению бугаевские. Означенное мы ждем от Вас в самом ближайшем времени» (Вопросы литературы. 1994. Вып. II. С. 324. Публ. В. Сапова).

[14] В том же письме от 11 января Метнер запрашивал Иванова: «...приятно было бы получить от Вас лекцию *Толстой и Сократ*; мы выпустили бы ее немедленно брошюрою» (Там же). Статья Иванова под заглавием «Л. Толстой и культура» была опубликована в «мусагетском» журнале «Логос» (1911. Кн. 1. С. 167–178), позднее вошла в книгу Иванова «Борозды и межи» (1916).

[15] «Люцинда» («Lucinde», 1799) — повесть Фридриха Шлегеля. В объявлениях «Мусагета» печатались анонсы издания: «Фридрих Шлегель. Люцинда. С приложением писем Шлейермахера. Перевод и вступительная статья

Ф. А. Степпуна (Готовится)». Издание не состоялось. 21 июля (3 августа) 1910 г. Ф. А. Степун писал Метнеру из Карлсбада: «Люцинду, как говорили, привезу к январю готовую в манускрипте» (Вестник Российской академии наук. Т. 63. 1993. № 3. С. 275; *Степун Федор*. Письма. М., 2013. С. 79).

16 В объявлениях «Мусагета»: «Леонардо да Винчи. Трактат о живописи. Перевод и вступительная статья М. С. Сергеева. (Готовится)». Издание не состоялось.

17 Ни «Парсифаль» Р. Вагнера в переводе Эллиса, ни книга статей Эллиса в «Мусагете» не были напечатаны. Интерес Эллиса к розенкрейцерству и теософии в трактовке Р. Штейнера определился в конце 1900-х гг., в 1910 г. Эллис уже именует Штейнера «высокочтимым и бесконечно любимым Мейстером» (см.: *Нефедьев Г. В.* Русский символизм: от спиритизма к антропософии. Два документа к биографии Эллиса // Новое литературное обозрение. 1999. № 39. С. 119–140).

18 Метнер, однако, сам не захотел публиковать перевод «Серафиты» Бальзака в «Мусагете» (см. п. 188, примеч. 20).

19 Книга Мейстера Экхарта «Проповеди и рассуждения» (Пер. со средне-верхне-немецкого и вступ. ст. М. В. Сабашниковой. М.: Мусагет, 1912) вышла в свет в середине апреля 1912 г.

20 Книга Якоба Бёме «Aurora или Утренняя Заря в восхождении» (Пер. Алексея Петровского. М.: Мусагет, 1914; Орфей. Кн. 6) вышла в свет в конце июля — начале августа 1914 г.

21 См. примеч. 10 к п. 166. «О любви» («De l'amour», 1822) — трактат Стендаля. В объявлениях «Мусагета» значилось: «Стендаль (Анри Бейль). О любви. Перевод, примечания и статья Н. П. Киселева. (Готовится)». Издание не состоялось.

22 Задуманное издание в объявлениях «Мусагета» не анонсировалось.

23 В это время В. Ф. Ахрамович выполнял обязанности помощника секретаря в «Мусагете».

24 См. примеч. 6 к п. 199.

25 Белый затронул эту тему в письме к матери от 30 января (12 февраля) 1911 г.: «...чтобы иметь кредит у самого себя, мне нужно, чтобы кавказское имение было продано, хотя бы за 5000 тысяч <*так!*>; но, верю, менее 10 000 тысяч не продадут; продажу берутся устроить для меня друзья. Прими их, не удивись их появлению и передай им бумаги. Они будут в сохранности. Передай непременно; уже теперь они приступят к собиранию всякого рода сведений и справок» (*Письма к матери*. С. 128).

26 Портрет Андрея Белого работы Л. Бакста был репродуцирован в № 1 «Золотого Руна» за 1907 г.

27 Лекцию «Трагедия творчества у Достоевского» Белый прочитал в Московском Религиозно-философском обществе 1 ноября 1910 г. Его брошюра «Трагедия творчества. Достоевский и Толстой» (М.: Мусагет, 1911) вышла в свет в середине ноября 1911 г.

[28] Имеется в виду п. 201; «заседание» — собрание ближайших сотрудников «Мусагета».

[29] Н. А. Тургенева.

[30] В мемуарах Белый об этом писал: «...вслед за нами Наташа уехала с Поццо в Италию, как Ася, с отказом от брака; после рассказывали, что Москва разделилась во мнениях; одни утверждали: декаденты бежали, похитив двух девочек (бедные девочки!); другие же твердили: „дрянные" девчонки-де загубили нам жизни <...>» (*МДР.* С. 408).

[31] «Stigmata. Книга стихов» — книга Эллиса (М.: Мусагет, 1911), вышедшая в свет в середине февраля 1911 г. с обложкой работы А. Тургеневой. Другая выполненная ею обложка — для альманаха стихов «Антология» (М.: Мусагет, 1911), вышедшего в свет в начале июня 1911 г.

[32] А. М. Метнер.

[33] Этот сборник не состоялся. Д. С. Мережковский в изданиях «Мусагета» не участвовал.

[34] Впоследствии книга Ю. Н. Верховского стала последним изданием «Мусагета» в России: Стихотворения Юрия Верховского. Т. 1. Сельские эпиграммы. Идиллии. Элегии. М., 1917.

[35] Сравнение с революцией в Португалии 4-6 октября 1910 г., приведшей к свержению короля Мануэля II и провозглашению республики.

204. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

Около 20 января (2 февраля) 1911 г. Радес

Дорогой друг! Спасибо, спасибо за письмо — всячески: по содержанию, и за сведения. Это не ответ, но сейчас, получив Ваше письмо перед тем, как идти на почту, считаю нужным ответить на некоторые пункты. Ваше письмо единственное о «*Мусагете*». Я взял слово с Кожебаткина о том, что кто-нибудь мне будет что-нибудь писать; далее по поводу сроков, статей, *Арабесок*[1], ритма[2] и деловых сношений я не хотел Вас обременять вопросами, помня, что Вы — в деревне; и однако писем на 10 деловых, состоящих сплошь из вопросов, — ***ни звука***. Более того, он меня два раза подвел со сроками, во сколько высылаются деньги; произошла путаница. Далее: раза три я просил сообщить «*Мусагету*», что из моих «*Путевых заметок*» намечается книга: я послал 8 фельетонов о Сицилии, не имея дубликатов. Знаете ли Вы, что на «*Мусагет*» (на Кожебаткина) пришло 8 фельетонов. Он должен

был их отсылать в «*Речь*» и «*Утро России*»[3]. Я заинтересован в их напечатании, а также в том, чтобы рукописи были сохранены; в ответ — *ни звука*. Вообще, Эмилий Карлович, если будет так продолжаться, то нельзя ли мне со всеми мелочами обращаться к Алексею Сергеевичу[4] или Ахрамовичу. В последнем случае скажите от себя, чтобы мне писали. На Кожебаткина я — вне себя. Сейчас не расскажешь всех «*хамств*» его молчания: он молчит на такие вещи, которые требуют ответа немедленного. Скажите ему, что я просто порой рву от бешенства волосы. В «*Палермо*» меня ограбили[5], в «*Тунисе*» я был *вынужден* сидеть 8 дней в отеле, когда дешевое помещение мы нашли. Я ему пишу это, высказываю, в какие сроки мне будут нужны деньги, — ни звука, ни звука![6] По расчету уже в *10 дней* лежит мое письмо: ни звука, ни звука…

Порой думаю, что это систематическое молчание — есть издевательство.

2) Я негодую на маму: денег она мне дала за несколько недель до отъезда 100 рублей, которые пошли на то, что я был должен несколько десятков рублей, и на то, что *деликатно* незаметно помочь Асе. 100 рублей *не* кругленькая сумма, как Вы пишете; и для мамы это ровно не составляет никаких стеснений.

3) Спасибо, спасибо *громадное* за предложения написать письма Вам и маме; я только и думаю об этом. Но доверенность у Кожебаткина. Итак, я пишу Вам, Ал<ексею> Сергеевичу, а Вы двиньте Кожебаткина. Милый друг, никогда не забуду Вашей доброты. Мне до зарезу нужно, чтобы имение было продано.

4) С Мережковским не знаю как случилось: я не писал ему ни слова вот уже 9 месяцев. Кожебаткин был в Петербурге; был и у Мережковских. Стало быть?..

5) Вольфрам: ах, это ужасно; Вольфрам не пропал, но в бумагах канул. Когда вернусь, найду. Портрет канул в бумагах.

Дорогой друг — это не письмо, а наиболее отписный ответ.

Остаюсь глубоколюбящий

Борис Бугаев.

P. S. Письмо на днях идет. Привет и уважение Анне Михайловне, Николаю Карловичу[7] и всем Вашим. От Аси сердечный привет.

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 28. Помета рукой Метнера: «911 февраль?». Ответ на п. 203.

[1] Книга статей Белого «Арабески» в это время печаталась в «Мусагете». Авторское «Вместо предисловия» к ней датировано: «Тунис. Январь, 1911 г.» 13 (26) января 1911 г. Белый писал А. С. Петровскому: «Печатается моя книга; ни звука: я по некоторым основаниям удерживаю присылку *Предисловия*, пишу: печатается ли книга — ни звука» (*Белый — Петровский*. С. 126).

[2] Подразумеваются сообщения о работе Ритмического кружка при «Мусагете», возглавлявшегося Белым и продолжавшего свою деятельность (изучение ритма русского пятистопного ямба) в его отсутствие. См.: *Гречишкин С. С., Лавров А. В.* О стиховедческом наследии Андрея Белого // Труды по знаковым системам. XII. С. 103–104.

[3] В «Утре России» очерки Белого об Италии не публиковались. В «Речи» были опубликованы 6 очерков из этого цикла. См. примеч. 1, 2 к п. 193, примеч. 2 к п. 194. Последний очерк об Италии из цикла «Путевые заметки» («Радуга Монреаля») был напечатан в «Речи» 24 июля 1911 г. (№ 200). 29 января (11 февраля 1911) г. А. С. Петровский писал Белому: «С фельетонами вышла задержка: „Утро России“ держало и не печатало. <…> Тогда их переправили в „Речь“, где и появился 4 дня тому назад первый фельетон» (*Белый — Петровский*. С. 135). Как явствует из письма Белого к Кожебаткину от 18 (31) декабря 1910 г., на Сицилии он подготовил и отправил по адресу «Мусагета» пять очерков: «3 фельетона уже посланы; 4-ый следует, 5-ый — тоже. <…> Собираюсь писать много о дорожных впечатлениях — для книги» (Лица: Биографический альманах. 10. С. 154). «8 моих фельетонов» упоминаются в письме Белого к Петровскому от 13 (26) января 1911 г. (*Белый — Петровский*. С. 126).

[4] А. С. Петровский.

[5] Подразумеваются крупные денежные счета за проживание и обслуживание в отеле.

[6] 29 января (11 февраля) 1911 г. Петровский писал Белому о Кожебаткине: «Обвинения в неаккуратности присылки денег он с себя снимает, слагая все запоздания на банки, праздники (заперта контора К. П. Метнера и банки) и т. д.» (*Белый — Петровский*. С. 134–135).

[7] А. М. Метнер, Н. К. Метнер.

205. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

30 января (12 февраля) 1911 г. Радес

12 февраля (нового стиля).

Дорогой Эмилий Карлович,

хотел Вам писать тотчас по получению Вашего письма[1] обстоятельно, но в тот день, кажется, была поездка в Тунис; а потом два дня маленькое нездоровье и вялость; потом с Асей сделался жар;

так прошло пять-шесть дней; пишу сегодня. Было мне беспокойно эти дни; вдруг наступили холода, да какие; выпал град; у нас в доме разбитые окна, а у Аси сильный жар; я был в совершенном отчаянии; страшно за нее волновался... Сегодня первый день опять тепло: безоблачное небо, солнце. Сейчас вернулся с прогулки; весна! Поют птицы: всюду пробивается густая зелень; сидел на камне на склоне горы; весь склон белел в маргаритках; кругом раскидистые оливки, коричневато-красные камни; невыразимое море вдали; издали поблескивал огонь с карфагенского мыса; там на возвышенности лепится великолепный *Сиди-бу-Саид* (село), на самой оконечности мыса; и на самом кончике *Сиди-бу-Саида* маяк; когда мы с Асей были в *Сиди-бу-Саиде* и стояли на вершине маяка, кругом золотилось в лучах заката тунисское озеро, ель-Багира, впереди и внизу разбивалось море — что за картина! Такой картины не видел я никогда в жизни. Направо, налево, прямо — даль на много десятков верст; налево — извилистый берег Африки и... *Бизерта*; направо — громадный Тунисский залив и *Добрый Мыс*; впереди море и остров Зембра; несколько сзади, по берегу залива — *Радес*; за Радесом — *двурогая гора*, которая сейчас глядит в мое окно, когда я пишу; за этой горой 3 *года* дрался Сципион Африканский, прежде нежели осадить Карфаген[2]; на вершине *двурогой горы* карфагенские жрецы приносили человеческие жертвы, а теперь там надпись «*Vive la République!*»[*] Жалко! Радес стоит на месте древнего поселка Римлян; поселок назывался *Prates*; и теперь еще всюду, если покопать, подземные ходы, монеты; Радес находится с противоположной стороны Туниса, нежели Карфаген, а между тем он ближе к Карфагену: так странно здесь расположены места благодаря заливу, косам, перешейкам и озеру. Если ехать по берегу озера, до Карфагена верст 40; если же пересечь перешеек (песчаную косу), до Карфагена не более 10 километров; в начале этого перешейка Радес; в сущности виды с трех сторон его окружают (с севера, запада и востока); на юг — гористая зеленая страна с гребнями Атласа и Захуаном, самой высокой горой Тунисии, откуда к Карфагену был проведен водопровод. С увлечением читаю я книгу о населении Сев<ерной> Африки[3]; и — Бог мой — какая путаница:

---

* «Да здравствует Республика!» (*фр.*).

основное население — *берберы*, состоящие из белой расы, шедшей от Сахары к северу, и белой же расы, идущей от Иберии к Африке; до сих пор целые берберские деревни — блондины; *карфагеняне* не оставили здесь следов; никогда они не сливались с основным населением; *берберы* от слова *barbari*; *нумидийцы* — они же; и у них славное прошлое: Масинисса, Югурта, нумидийская конница и т. д. Берберы в сущности *никогда* не бывали покорены римлянами; римляне понастроили города, но вглубь сельской страны не уходили: ютились по городам. Вандалы, образовав здесь государство[4], со столицей *Карфагеном*, очень быстро сдружились с *берберами*; часть берберов вандализировалась, вандалы берберизировались; *византийцы не пользовались любовью здесь никогда*; так было до прихода арабов; арабы не были многочисленны, и они не были фанатичны (фанатизм внесли впоследствии турки); они составили аристократию; в Испанию двинулась маленькая часть арабов с *берберским войском*; берберы начали эмигрировать в Испанию и там переженились на христианках; часто они восставали против чистокровных арабов; арабы посылали для укрощения сирийских солдат; так в Испанию хлынули *сирийцы*; христиане + берберы + сирийцы с малой примесью арабов образовали *мавров*; когда мавры были изгнаны в Испании, до 3-х миллионов их переселилось в Алжир и Сев<ерную> Тунисию, составя *аристократию*. Кроме того с востока хлынули *турки*, которые всегда остались лишь покорителями, весьма мало изменя расу: *берберы* очень склонны к сектантству: главный контингент *донатистов-христиан*[5] образовался из берберов; впоследствии перейдя в *ислам*, они откололись в ересь шиитскую (ортодоксы магометане сунниты); теперь население Тунисии состоит: 1) *мавры* (испанцы + берберы + сирийцы + арабы), 2) берберы, 3) чистокровные арабы (всего 3 трибы[6] на юге), 4) берберизованные арабы, 5) арабизированные берберы (главный контингент), 6) берберизированные и арабизированные турки. Евреи мало смешивались со здешним населением. Еще недавно еврей при встрече с *арабом* (в широком смысле, ибо *арабом* зовет себя и *бербер*) должен был слезть с мула и поцеловать руку; еврей не смел носить красную феску, а черную, не смел ездить верхом на лошади и пр. Прекрасная, живая, красивая раса; ни следа *жидовства* или *монгольства*; алжирцы берберы

не менее; *марроканцы*, столь стойко отстаивающие и по сю пору свою независимость, *главным образом берберы* (*арабы* в широком смысле слова) и менее всего *арабы* (в узком смысле слова)... Есть тут в Тунисии много суданцев и очень много туарегов; туареги отличаются разбойничими нравами в пустыне; они часто нападают на караваны; но они гораздо преданнее французам, чем берберы; часто их из-за честности берут в сторожа; сторож — в оседлом месте, и разбойник по убеждению в пустыне; таков туарег...

Но довольно, я невольно заболтался с Вами, дорогой друг, вместо того, чтобы говорить о *деле*; что делать: Африка так манит, так она в своих африканских чертах непохожа на Европу, так самобытна, целостна: подумайте, милый: целый громадный материк *иной*, не европейской земли; *астрал*, *элементали* — все, все здесь *иное*; иное клише «*ви́дений*». *Не Европа* Африка, но и не *Азия*; *Азии* вовсе нет, монгольства ни капли. Африка для меня неожиданный, многообещающий подарок моей поездки: подумайте, каких-нибудь несколько сот километров вглубь и — Сахара. Сахары в Тунисе нет, конечно, но за Тунисом чувствуется громадный, иной, в неизвестность убегающий фон; все мелочи жизни, начиная с цвета земли и кончая ужимками мимоидущего араба, воспринимаю я с изумлением и вниманием на этом, куда-то убегающем фоне; и чувствую — этот фон в Сахаре.

Отвечаю: 1) О маме я уже Вам писал[7]; меня страшно волновало то, что Вы мне написали; и вот уже недели полторы не мог ей писать хладнокровно: но... жаль, жаль ее: она и говорит, и действует, как несчастный больной человек; и притом по-своему она любит меня больше всего на свете, *не понимая ничего ровно ни во мне, ни в окружающих меня.* Было время, она старалась ко мне подойти — ничего не вышло; старалась подойти и к моим друзьям — ничего не вышло; и вот она с той поры непроизвольно... сердится; дело не в том, что я не профессор; это мама говорит *в пику*... Тут вообще что-то иррациональное, оскорбленное... Что она ругала «*Мусагет*», это меня не удивляет; но это — минута; мне она пишет хорошие вещи про «*Мусагет*»[8]. Ее сердит, что... я нашел *средства* уехать от нее; она бы мне не дала денег, хотя бы потому, что рассматривает меня, как прикрепощенного... 2) Как я уже писал, она дала мне 100 рублей, но еще за некоторое время до отъезда. При этом письме присоединяю письма.

3) О «*Мусагетцах*»: ужасно ругался, что они *бездельники*; но, помня Вашу просьбу, никому ничего не писал. 4) Нельзя ли, дорогой Эмилий Карлович, о делах, мелочах (например, с фельетонами, устройством моих дел (доверенность у Кожебаткина)) обращаться не к нему, а к Вам, или, если нужно, к Алексею Сергеевичу[9]; уже за 2 месяца вследствие неотвечания вопросов на 30 мелких, которых смысл уже миновал, произошла, вероятно, путаница; я жалею, что дал доверенность Кожебаткину в деле сношений* с редакциями; нельзя устраивать своих дел при систематическом молчании. Передайте, милый, Кожебаткину, что, ввиду его неотвечания на письма, *все рукописи*, а также вопросы я буду делать *не к нему*, а к Алексею Сергеевичу; с своей стороны я прошу Вас передать Алексею Сергеевичу мою нижайшую просьбу отвечать мне за Кожебаткина; например: Асе непременно хотелось, как автору обложки, знать, какова бумага обложки альманаха и «Стигматы»[10]; *молчание*, как молчание по всем пунктам. К немому человеку невольно перестаешь обращаться; если Ал<ексею> Сергеевичу трудно отвечать на мелочи, то... я буду адресовать мелочи хотя бы... к Ахрамовичу; но мне важна Ваша санкция как Редактора, чтобы отвечали. Ведь *на конторе* лежит обязанность отвечать не только члену Редакции, а хотя бы на простой запрос со стороны. *Письменная часть* конторы (корреспонденция) у нас... *черт знает что!* 5) Фельетон о Ник<олае> Карловиче[11] придет через несколько дней. 6) Жду книг.

Главное: Теперь, Эмилий Карлович, о самом деловом и важном для меня; я уже писал неоднократно Кожебаткину, что собираюсь писать книгу «à la Путешествие по Италии» Гёте[12], конечно, в другой форме, в форме отрывков; поэтому *фельетоны мои* по мере появления в газетах прошу очень сохранять, рукописи у меня нет, переписывать все фельетоны — безумная работа. Так вот: каждый мой фельетон от 48 — до 55 рублей (по количеству строк); я отправил 10 фельетонов (8 на имя Кожебаткина, 2 на Ваше), т.е. на 500 рублей; эти 500 *рублей* берет «*Мусагет*». Ввиду того, что подавляющее количество у меня впечатлений, они врываются и мешают сосредоточиться для «*Голубя*»[13], то — я решил: писать очень много фельетонов, как отрывки книги,

* *В автографе*: сношениями

которую предлагаю «*Мусагету*». Чтоб покрывать 3000 тысячи <*так!*> нужно написать «*60*» фельетонов; и я их напишу в течение путешествия; за книгу (страниц в 300 приблизительно) беру ну… 200 рублей; итого рукописями гарантирую 3200 рублей; теперь: если «*Речь*» и «*Утро России*» печатает мои фельетоны по 2 в месяц, то в течение 15 месяцев постепенно покрывается долг; если по 3 в месяц, то в течение 10 месяцев — покрывается. Теперь: наш план с Асей таков: к июню вернуться в Россию и прожить, так Ася хочет, лето у Софьи Николаевны[14]: там денег мне будет нужно крайне мало; летом на месте я пишу «*Голубя*» и к осени хотя бы ⅔ рукописи готовы, тогда беру аванс в «*Р<усской> М<ысли>*»[15]. Итак, я уже написал следующие фельетоны:

1) Венеция. 2) От Венеции до Палермо. 3) Палермо. 4) Пестрый Сфинкс. 5) Хохотун и горюн[16]. 6) Монреаль. 7) Радуга Монреаля. 8) От Палермо до Трапани. 9) Перед Тунисом. 10) Арабы. 11) (отсылаю) Тунис…[17] Немедленно пишу еще следующие: «*Метнер*» (силуэт вне серии фельетонов)[18] и продолжаю серию[19]; темы таковы: 12) Быт арабов. 13) Арабские кафе. 14) Население Северной Африки. 15) Тунисия. 16) Арабская деревня (Громбалия, ель-Ариана, Сиди-бу-Саид, Гамман-Лиф, Радес). 17) Карфаген. 18) Радес. 19) Радес (материал уже на все эти фельетоны есть). 20) Захуан. 21) Керуан (в оба места поедем). Итого через 2–3 недели я уже написал 22 фельетона, т. е. на *1100* рублей; остается 40 фельетонов, и они совпадают с все растущим пылом у меня *видеть вокруг и наблюдать*. Я взял пока у «*Мусагета*» на поездку так: 200 + 300 + 50 + 300 + 200 + 200 = 1250; Кожебаткин телеграфировал (??), а не писал, что 5-го февраля высылает 300; присоединяю и их = 1550; остается мне 3000 – 1550 = 1450. Теперь: если бы «*Редакция*» в лице Кожебаткина выговорила условия печатания моих фельетонов в «*Утр<е> Р<оссии>*» и «*Речи*» по 3 в месяц; или «2» и «3», то при 5 фельетонов в месяц, она получала бы 250 рублей назад из *300* мною посылаемых; если «4», то *200*, если «6», то все «*300*»; так возвращались бы постепенно деньги в кассу; есть у меня еще проект возобновить сотрудн<ичество> в «*Киевской Мысли*»[20], но для этого нужно сделать одно маленькое поручение, о котором я напишу Ал<ексею> Сергеевичу[21]. Если бы и «Киевская Мысль» печатала по 2 моих фельетонов в месяц, то *300* рублей возврата Редакции гарантированы.

Все это выгоднее и «*Мусагету*» и вместе облегчает меня; теперь: то, что я пишу *фельетоны*, Вы будете видеть по количеству их получения; и уже дело Редакции Мусагета снестись с редакциями газет; Кожебаткин сделал глупость (писал в телеграмме!!), что в «*Речь*» отдал *серию*; значит, он ждал нескольких фельетонов, упуская время их печатания… Вы скажете, что тяжело отмахать *60* фельетонов; да, это было бы тяжело, если бы я их писал между прочим; но я теперь сосредоточиваюсь ***только*** на фельетонах, помня, что 1) это отрывки книги, 2) что я в них рассказываю о том, что вижу. Но мне нужен материал для наблюдения, чтобы 60 фельетонов вышли красочны, любопытны для газет; душа тянется в Африку, в Италию возвращаться ***не*** хочется. Мы с Асей хотим ехать в *Россию* через Египет, Иерусалим, *Константинополь*, или… *Малая Азия*; переезжая потихоньку, это не будет дорого; единственный переезд, нас смущающий, Тунис — Египет; поездка в Египет и Палестину — паломничество, интересное путешествие: Гроб Господен и Пирамида — зовут, зовут, зовут, зовут безмерно. При этом *60* фельетонов гарантированы. «*8*» фельетонов + 12 тунисских + 20 египетских + 20 — Палестина и т. д. = 60 *гарантирую*. Получится интересная книга; и потом Египет — *моя родина*. Жить в Египте можно; отели первоклассные дороги; меблированные комнаты — нет (у нас уже есть все указания); мы теперь привыкли к *арабской деревне*, и конечно, сумеем устроиться под Каиром дешево.

Итак: к июню по нашему плану мы будем в России. В июне Редакция получит уже все фельетоны, часть денег за них уже *будет в ее руках*. Пусть только Кожебаткин похлопочет с условиями печатания и попросит печатать больше; два фельетона у Вас; я их прислал, чтобы Вы могли ознакомиться с их содержанием. Теперь: на 300 рублей прожить можно в *Каире* и везде, с маленькими переездами: Каир — Палестина, Палестина и т. д. Единственный переезд это Тунис — Александрия; билеты на пароходе 2-го класса около 200 франков (3–4 дня пути морем); итого у нас нет *400* франков. Теперь: если Редакция устроится с фельетонами, то ей не страшно мне до июня дать 3000 тысячи <*так!*>, 2) две газеты и после мне гарантированы, следовательно существовать на первых порах с трудом до осени (в деревне) можно; летом пишу «*Голубя*»; осенью хлопочу об авансе в «*Р<усской> М<ысли>*».

И вот моя просьба: пришлите мне сразу 500 рублей; тогда — мы едем в *Александрию*; три недели я провожу еще в Радесе; за это время еду в Керуан и Захуан (2 фельетона); Керуан — священный город Сев<ерной> Африки (5 часов езды вглубь страны; древнейшие мечети). По средам идет пароход в *Мальту*; с Мальты же в *Александрию*; письма идут иногда 10–12 дней; по получению этого письма у Вас на размышление 2–3 дня; если же согласны с моим планом, то промедление — лишняя неделя здесь, т. е. *лишний еще взнос за аренду мебели*, за помещение и т. д. Сроки кончаются так. 3 *недели*; если деньги опоздают (500 рублей) в течение 3-х *недель*, *неделя* траты в ожидании парохода. Почему 500? 500 = 1250 фр<анков>, из них: плачу за неделю здесь; 30 фр<анков> на Захуан, 100 на Керуан, *400* на Александрию; приехав в Каир, надо, чтобы 600 франков были на руках.

Милый Эмилий Карлович, немножко энергии со стороны Кожебаткина, и — «*Мусагет*» вполне обеспечен. Между тем, отсюда, из Европы, Вы не можете себе представить, какой магнит… Африка. Что Италия? Что Сицилия? Что-то древнее, вещее, еще *грядущее* и живое в контурах строгих африканского пейзажа. Строгость, величие, дума о Вечности, созерцание Платоновых идей, все<го> этого — в Европе *нет*; все это обнажено в Африке, даже здесь, под Тунисом: я удивляюсь глупости многих туристов, колесящих Европу, когда в Африке можно почти без опасности и *сравнительно* дешево углубиться в пустыню; горюю о том, что черт дернул нас с Асей через Италию поехать в Тунис: вот как надо было бы: Одесса — Александрия — Каир — Асуан — Хартум, т. е. углубиться вглубь *нубийской пустыни*; это было бы *не более дорого*, но в 100 раз плодотворнее, интереснее, значительней… Дураки европейцы. Уголок Туниса более стоит всей Италии в совокупности; ведь вот: французы, черт их знает, в 1000 раз культурнее итальянцев; и однако, под их влиянием *дикий туарег*, оставаясь диким, в некотором смысле приятнее и приобщеннее цивилизации, чем коренной сицилианец. Немцы, французы, англичане — молодцы: живые народы. Итальянцы — гниль. Здесь в Тунисии (не в Тунисе, а в стране) только 20 тысяч французов, поселившихся недавно; и страна — процветает; и здесь издавна живут 120 тысяч сицилианцев, которые ровно ничего не сделали для процветания страны. *Итальянцы здешние ненавидят*

французов. Французы *очень мягки* с туземцами, ввели всеобщую грамотность, корректны. Если бы туристы знали Алжир и Тунис, то конечно, не ехали бы они в Италию!..

Милый, любимый друг! Продолжаю Вам писать. Пишу на откосе: Ася рисует раскидистое дерево, я сижу рядом; сотни убегающих вниз коряжистых дерев. Между ними темнокоричневая — цвета обожженных солнцем туарегских лиц — земля; она золотая, влажная, туманная; вдали — синее дочерна море и совершенно лиловые гребни сахарийского Атласа. Птицы щебечут; благовоние тмина; покой, нирвана, далекий звон бубенцов. Сейчас мы карабкались по деревьям; видели большого африканского кузнечика: странный, совсем не похожий на нашего. Здесь весна: каждый день зацветают новые цветы; только что сошли мандарины и финики; уже есть свежие, зеленые мандарины; под ногами дикая спаржа; всюду прут какие-то нам не известные травы; сегодня утром нарвал Асе большой букет в поле белых цветов; дикий тюльпан начинает цвесть, показались многообразные букашки. Сейчас видели ужасного араба. Он полз на четвереньках по дороге, выгибая спину верблюжьим горбом; злые на нас его покосились глазки, и он сердито что-то про себя промычал[22]; может быть, это какой-нибудь «*марабу*»; «*марабу*» — юродивый мудрец; его почитают при жизни, а по смерти хоронят в полях, воздвигая белоснежный куполок; такая могила тоже называется «марабу». С «марабу» связана целая культура воинствующего мусульманства. Два года тому назад один «марабу» взбунтовал берберов против французов на юге Тунисии; потребовалась целая карательная экспедиция. Милый, милый — подумайте: только на 300 верст вглубь идут железные дороги — до Габеса и Гафсы; к Гафсе поезд уже идет в пустыне; пески эти сливаются с Сахарой; к Гафсе приходят караваны из глубины Сахары; южнее ее уже начинаются аванпосты и форты в оазисах пустыни; там бродят караваны (до 3000 верблюдов и вооруженных арабов), иногда на аванпосты и караваны нападают туареги; вот в таком-то аванпосте, в оазисе, на берегу пустыни хотел бы я много месяцев жить, скакать верхом в песках и часами просиживать, глядя на звезды. И это — только каких-нибудь 500–600 верст вглубь. Но туда пробраться европейцу опасно, пока дойдешь

до аванпоста — прирежут... Пока пишу эти слова, все лиловеет, желтеет, краснеет; море — туманится, и над ним беложелтая, сияющая луна, громадные пространства спереди: ни души. Прохладный, вечерний ветерок... И опять тайна веков заглядывает в глаза, голос все тот же внушает: «*Будь в Египте*»[23]. Там, у пирамид можно взглянуть в лицо Ливийской пустыне — взглянуть на мир с вершины пирамиды... Милый, прошу Вас, дайте возможность мне совершить это паломничество...

Вернулись с прогулки; возвращаюсь к делу: ради Бога, если Кожебаткин может что-нибудь похлопотать о продаже кавказского имения — пусть похлопочет; сплю и вижу его продажу. Прилагаю при сем письма (отдельный конверт), Эмилий Карлович, Вам, Алексею Сергеевичу и Кожебаткину[24]; маме пишу завтра письмо, предупреждающее о моем намерении[25]. Боже мой, как до зарезу мне нужно, чтобы имение было продано.

Конспектирую: 1) Пишу 60 фельетонов и летом «*Голубя*»; 2) Прошу переговорить с Редакциями о максимальном количестве моих фельетонов в месяц. 3) Прошу 500 рублей на поездку в Египет (300 + 200). 4) Присылаю письма.

Дорогой, милый друг: обнимаю Вас, люблю, верю. Радостное что-то утверждается.

Христос с Вами.

Борис Бугаев.

P. S. Николаю Карловичу и Анне Михайловне[26] привет, любовь и уважение. От Аси привет тоже.

3 письма, касающиеся бумаг по имению, посылаю при сем в отдельном конверте.

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 29. Помета рукой Метнера: «911». Опубликовано (с сокращениями) Н. В. Котрелевым: Восток — Запад. С. 154–158.

[1] Имеется в виду п. 203.

[2] Подразумевается римский полководец Сципион Африканский Младший, который в 146 г. до н. э. захватил и разрушил Карфаген, завершив 3-ю Пуническую войну.

[3] Видимо, сведения, почерпнутые из этой, не названной Белым, книги составили основное содержание главки «Население Тунисии» (Радес, 1911) в его книге «Путевые заметки. Т. 1. Сицилия и Тунис» (С. 195–212).

[4] Германские племена вандалов завоевали Северную Африку (Нумидию) в 429–430 гг. и основали королевство.

[5] Донатисты (от имени их руководителя, епископа Доната, Donatus) — участники религиозного движения в римской Северной Африке IV–V вв., направленного против официальной христианской церкви и римского господства.

[6] Древнеримский термин (*лат.* tribus, от tribuo — делю), означающий здесь территориальный округ, племя.

[7] Имеется в виду п. 204, содержавшее в краткой форме ответы на вопросы, сформулированные в п. 203.

[8] А. Д. Бугаева писала, в частности, Белому: «Меня навещают, заходил<и> Петровск<ий>, Нилендер, Батюшк<ов>, Васил<ий> Васильев<ич> <Владимиров. — *Ред.*> и др. <...> Слышала, что в „Мусагете“ очень оживленно. Э. К. очень занимается деятельно делами редакции» (4 (17) января 1911 г.); «В „Мусагете“ все идет оживленно и дружно. Эмилий Карлович очень входит в дела редакции. Все это я слышала от Нилендера, который был у меня не раз» (10 (23) января 1911 г.) (РГБ. Ф. 25. Карт. 12. Ед. хр. 6).

[9] А. С. Петровский.

[10] См. примеч. 31 к п. 203. 17 (30) декабря 1910 г. Белый писал Кожебаткину из Монреале: «Ася просит прислать оттиски на разных бумагах „Stigmata“ и „Альманах“; если бы это оказалось невозможным, Ася просит Тебя поговорить с Натальей Алексеевной <Тургеневой. — *Ред.*>, ибо она ей говорила о том, как она себе представляет обложку. Пришли, пожалуйста; это лучше всего» (Лица: Биографический альманах. 10. С. 152).

[11] Н. К. Метнер. См. примеч. 24 к п. 187.

[12] См. примеч. 10 к п. 202.

[13] Замысел романа, предполагавшегося как продолжение романа «Серебряный голубь».

[14] С. Н. Кампиони. Имеется в виду имение Боголюбы под Луцком.

[15] См. примеч. 8 к п. 199.

[16] Этот очерк был опубликован под заглавием «Смех и слезы» (см. примеч. 2 к п. 194; также — в газете «Современное Слово» 3 июля 1911 г.).

[17] См. примеч. 1, 2 к п. 193. Значащиеся в этом перечне очерки «Монреаль», «От Палермо до Трапани», «Перед Тунисом» не были опубликованы в газетах. Очерк «Арабы (Из писем с дороги)» был помещен в «Утре России» (1911. № 77, 5 апреля), очерк «Тунис» — в «Речи» (1911. № 267, 29 сентября; также — в газете «Современное Слово» 29 сентября 1911 г.).

[18] См. выше, примеч. 11.

[19] Публикации в газетах нижеперечисленных очерков из серии «Путевые заметки» не последовали.

[20] В ежедневной газете «Киевская Мысль» Белый опубликовал четыре статьи в 1909 г.

[21] «Поручения», касающегося «Киевской Мысли», очередное письмо Белого к Петровскому (11 (24) февраля 1911 г.) не содержит. См.: *Белый — Петровский.* С. 139–141.

[22] Вероятно, этот образ запечатлен в главке «Максулла-Радес» «Путевых заметок»: «Из-за кактуса смотрит лицо, перевитое пестрым тюрбаном, залепленным гноем зрачком и — оскаленным ртом, выползая из кактусов на четвереньках, вогнувши дугою живот, зацепившийся за бледно-серые комья дороги <…>» (*Андрей Белый.* Путевые заметки. Т. 1. Сицилия и Тунис. С. 286).

[23] Мистический зов, услышанный автобиографическим героем поэмы Вл. Соловьева «Три свидания (Москва — Лондон — Египет. 1862–75–76)»: «„В Египте будь!“ — внутри раздался голос» (*Соловьев.* С. 128). Путешествие в Египет и в пустыню Фиваиды в сознании Соловьева было обусловлено мистическим «третьим свиданием» с «вечной подругой»; согласно изысканиям С. М. Соловьева, это «свидание» произошло между 25 и 27 ноября 1875 г. (см.: *Соловьев С. М.* Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева. Брюссель, 1977. С. 124–127).

[24] В письме к Кожебаткину, относящемся к середине февраля н. ст. 1911 г., Белый сообщал: «Послал Тебе, Метнеру, Петровскому доверительные письма о бумагах кавк<азского> имения» (Лица: Биографический альманах. 10. С. 157). Эти письма (видимо, содержащие доверенности на ведение дел по данному вопросу) не выявлены.

[25] См. примеч. 25 к п. 203.

[26] Н. К. Метнер и А. М. Метнер.

206. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

1 (14) февраля 1911 г. Аксиньино, близ Ховрина

Ховрино 1/II 911.

Дорогой друг! Не сетуйте, что редко пишу; моя жизнь течет в нынешнем сезоне нелепейшим образом; верите ли, мне негде даже присесть, чтобы работать или написать в спокойствии письмо. Только вчера, наконец, второе отделение нашей квартиры почти вполне готово (хотя сырость все еще не вполне прошла), и я *до сих пор* (начиная с поездки в Италию[1], т. е. 4½ месяца) только и делал, что метался из стороны в сторону и ничего нужного и основательного сделать не мог. Казалось бы, что теперь должно, наконец, начаться спокойное житье и сосредоточенная

работа, но… надо мною снова собираются тучи… Дело в том, что Омовик-Змеевик[2] сообщил мне об арестовании брошюр некоего Л–а, который оказался социал-революционером; брошюры были разрешены мною в 1905–6 гг., т. е. во время наибольшей свободы печати; выговора тогда я за них от Главного Управления по делам печати не получал, но губернатор[3] был недоволен этими брошюрами, однако арестовать их не посмел. Теперь — реакция; кроме того, министерство, конечно, зло на меня за то, что я не захотел преследовать кадетскую партию; на брошюры эти смотрят теперь сквозь увеличительное стекло, т<ак> к<ак> критерий дозволенного сузился и вдобавок автор — заведомый «преступник» (чего тогда не знали); скверно то, что автор в руках охранного отделения; одним словом, я живу с мыслью, что буду отдан под суд и что придется мне сидеть ½ — 2 года в крепости. Об этом знают пока: Коля, Анюта, папаша[4], Кожебаткин и Садовской (как нижегородцы и посредники между мною и Омовиком, кот<орый> боялся писать мне лично, т<ак> к<ак> письмо могло быть перехвачено и ему досталось бы), затем, конечно, Киселев, Сизов, Петровский и теперь Вы, как рк<?>[5]. — Странно, что известие это известие совпало с окончательным освобождением от подсудности Эллиса[6], и когда он мне об этом с радостью рассказывал, то я мог бы ему в ответ сказать, что теперь, вероятно, мне придется играть его роль. — Темные силы вооружаются, и в союзе могут оказаться черносотенцы с жидами. Может быть, тучи и рассеются; надо, чтобы близкие крепко пожелали этого. Ваше письмо получил[7]. Кожебаткин говорит, что писал Вам. Это обычная его отговорка. Фельетоны Ваши пришли и размещены по газетам; я читал пока только о Венеции[8]. Но все они пойдут наверное. Другое дело Ваш Голубь; Брюсов сказал мне, что в 1911 г. он печататься не будет[9] и что, *может быть*, в 1912 году, если Вы своевременно, т. е. в середине 1911 года представите ему всю рукопись до конца. Ваши Арабески выйдут, но статьи о Шелом Аше и о Жоресе мы выпустили[10]; уж очень они по стилю не соответствуют остальной книге… Статью Вольфрама о Скрябине надо непременно найти, т<ак> к<ак> мы должны выпустить книгу через месяц от сегодня, а статья еще не переведена на русский язык[11]. Надеюсь, что она «канула» не в интимных, а в деловых бумагах??? Вашего

письма, обещанного в предписьме, я не получал еще[12]. Коля благодарит Вас за письмо[13] и скоро ответит Вам. Анюта шлет Вам привет. — В Мусагете все идет своим чередом, т. е. двигается черепашьим шагом вследствие форс-мажорной неаккуратности авторов. Отец мой очень доволен Кожебаткиным как купцом и дельцом; приходится мириться с некоторыми отрицательными чертами его, кот<орые>, как Вы знаете, и мне крайне неприятны. Моя книга[14] задержалась вследствие невозможности для меня работать сосредоточенно. Эллис (Стигматы)[15] и Ваши Арабески на днях выйдут. Печатаются стихи о прекрасной Даме[16]. Вскоре начнется Логос[17]. Почти готова рукопись Эккарта[18]. Переводится брошюра Деуссена о Канте, Веданте и Платоне[19]. Альманах стихов[20] просматривается Эллисом… Вот и все новости. Коля читает Ваш Луг зеленый и просто в восторге, в особенности от статьи о Чехове[21]. От Наташи[22] получил письмо с границы. У нас в квартире понемногу становится очень уютно: в моем кабинете есть камин, и я мечтаю с Вами посидеть возле угольков; стоят сильные морозы, ясные лунные ночи и восхитительные закаты, когда мы перед вечерним чаем катаемся на лыжах, то бежим, имея по одну сторону восходящую луну, а по другую заходящее солнце. Все могло бы стать хорошо, если бы не тревога в душе о будущем. Приветствуйте от меня Асю и будьте оба радостны и спокойны… Коля сочиняет «Тени сизые смесились» Тютчева…[23] До свиданья. Обнимаю Вас крепко. Любящий Вас Э. Метнер.

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 7. Копия: РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 20.

[1] В Италии Метнер был в первой половине октября ст. ст. (середине октября н. ст.) 1910 г.

[2] См. примеч. 5 к п. 116.

[3] Нижегородский губернатор П. Ф. Унтербергер (см. примеч. 12 к п. 24).

[4] Н. К. Метнер, А. М. Метнер, К. П. Метнер.

[5] Возможно, подразумевается: розенкрейцеры.

[6] Речь идет о деле, возбужденном против Эллиса в связи с порчей книг из библиотеки Румянцевского музея. Судом чести Общества периодической печати и литературы, состоявшимся 7 ноября 1909 г., было признано, что факт вырезания двух страниц из книг Андрея Белого не представляется «актом сознательно злонамеренным, а тем менее фактом кражи, как об этом сообщалось во многих органах периодической печати» (Русские

Ведомости. 1909. № 260, 12 ноября. С. 5). Тем не менее дело было передано судебному следователю, поскольку, согласно апелляционному отзыву, «деяние Эллиса содержит в себе признаки не только порчи чужого имущества, как квалифицировал обвинение мировой судья, но и признаки тайного похищения имущества» (Голос Москвы. 1910. № 35, 13 февраля. С. 5). См.: *Глуховская Е. А.* Инцидент с Эллисом в контексте русского символизма: к истории одного (около) литературного скандала // Русская литература. 2012. № 1. С. 146–147. В письме к Белому от 18 (31) января 1911 г. А. С. Петровский сообщал об Эллисе: «Прокурор прекратил его музейское дело: на этот раз *окончательно*» (*Белый — Петровский.* С. 132).

[7] Имеется в виду п. 204.

[8] См. примеч. 1 к п. 193.

[9] Имеется в виду журнал «Русская Мысль», в котором Брюсов с осени 1910 г. заведовал литературно-критическим отделом (см. примеч. 8 к п. 199, примеч. 10 к п. 195).

[10] Книга статей Белого «Арабески» вышла в свет в начале марта 1911 г. Изъятые из нее статьи: «Шолом Аш. Силуэт» (Час. 1907. № 28, 16 сентября; Нева. 1907. № 30. Стб. 2539–2548), «Силуэты. I. Жорес» (Накануне. 1907. № 20, 6 июля), «Из встреч с Жоресом» (Час. 1907. № 2, 14 августа).

[11] См. запрос о «рукописях Вольфрама Крауза (Пенгу)» в п. 203 и ответ в п. 204. Издание, о котором здесь говорится, в «Мусагете» не состоялось.

[12] Имеется в виду п. 205; «предписьмо» — п. 204.

[13] См. примеч. 7 к п. 202.

[14] «Модернизм и музыка». См. примеч. 13 к п. 163.

[15] См. примеч. 31 к п. 203.

[16] Имеется в виду кн.: *Блок Александр.* Собрание стихотворений. Кн. 1. Стихи о Прекрасной Даме (1898–1904). Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Мусагет, 1911. Книга вышла в свет в начале мая 1911 г. См. репринтное переиздание: М.: Прогресс-Плеяда, 2005.

[17] Подразумевается выход в свет кн. 1 журнала «Логос» за 1911 г.

[18] См. примеч. 19 к п. 203.

[19] Книга Пауля Дейссена «Веданта и Платон в свете Кантовой философии» (Пер. Михаила Сизова. М.: Мусагет, 1912) вышла в свет в ноябре 1911 г.

[20] Подразумевается альманах «Антология» (см. примеч. 31 к п. 203).

[21] Статья «Чехов», вошедшая в книгу Белого «Луг зеленый» (М.: Альциона, 1910), была впервые опубликована в № 8 «Весов» за 1904 г.

[22] Н. А. Тургенева.

[23] Музыкальное переложение этого стихотворения Тютчева входит в цикл Н. Метнера «Семь стихотворений А. Фета, В. Брюсова и Ф. Тютчева» для голоса с фортепиано, ор. 28.

207. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

8 (21) февраля 1911 г. Радес

Радес. Февраля 21-го. 11 года.

Милый, милый Эмилий Карлович!

Получили ли Вы большое мое письмо, в котором я пишу соображения о Египте, «Голубе», фельетонах?[1] Если получили, ответьте. С нетерпением жду ответа.

А вот партия моих фельетонов. Посылаю отрывки №№ 12–15 «*Путевых заметок*». Скоро высылаю партию следующих. Ко времени отъезда из Радеса будет написано 20 фельетонов; из них все почти писаны в Радесе. Ко времени приезда в Россию, надеюсь, что уже 50 фельетонов «*Путевые заметки*» из 60 будут готовы; остающиеся быстро дописываю в России; и принимаюсь за «*Голубя*». Только бы газеты печатали по 4–5 фельетонов в месяц. Ах, хотелось бы мне устроиться еще в «*Русском Слове*»: там лучше платят; если бы Кожебаткин с «*Р<усским> С<ловом>*» попытался бы переговорить[2].

Может быть, милый Эмилий Карлович, Вы заглянете в мои фельетоны и найдете что-либо интересным о Тунисе? №№ *9* и *10* я послал Вам. № 11 — Кожебаткину. Пишу завтра о Ник<олае> Карл<овиче> (силуэт)[3] и высылаю тотчас, чтобы к 7-ому марту можно было бы напечатать в «*Утре России*».

Если будет в Редакции накопляться избыток моих фельетонов, то можно бы часть некоторую печатать в «*Русской Мысли*» (Брюсов просит у меня для нее тунисских впечатлений)[4]; но лучше (по цене) в газетах. Если «*Русская Мысль*» даст хороший гонорар — другое дело…

Милый, пожалуйста, передайте это Кожебаткину; ему я уже отчаиваюсь писать; но пишу… все же[5].

Но кончаю деловое это письмо. Скоро пишу письмо не деловое. Ну прощайте. Христос с Вами.

Остаюсь искренне любящий

Борис Бугаев.

P. S. Мой привет и Асин Анне Михайловне[6]. Ася, конечно, приветствует и Вас. Привет и уважение всем Вашим.

Получили ли мои письма к Вам, Ал<ексею> Серг<еевичу> и Кож<ебаткину>... об имении?[7]

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 30.

[1] Имеется в виду п. 205.

[2] В письме к Кожебаткину, относящемся к середине февраля (н. ст.) 1911 г., Белый просил: «Если „*У<тро> Р<оссии>*“ отказывается печатать мои фельетоны 2 раза в месяц, нельзя ли устроиться мне в „*Русском Слове*“. <...> Ради Бога, устрой как-нибудь мое сотрудничество постоянное в „Русском Слове“» (Лица: Биографический альманах. 10. С. 157). «Путевые заметки» Белого в московской ежедневной газете «Русское Слово» не печатались.

[3] См. примеч. 24 к п. 187.

[4] 22 января (4 февраля) 1911 г. Брюсов писал Белому из Москвы: «Хотите ли Вы писать для „Русской Мысли“ о книгах? <...> Не напишете ли для „Русской Мысли“ и еще чего? Впечатлений с пути, кроме тех, которые, как я слышал, назначены для „Речи“? Не пришлете ли для „Русской Мысли“ стихов? новых, африканских? Обрадовали бы» (Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. С. 422–423). «Путевые заметки» Белого в «Русской Мысли» не появились.

[5] Помимо цитированного выше (примеч. 2), Белый отправил Кожебаткину в середине февраля (н. ст.) еще одно недатированное письмо, где вновь просил довести до печати свои «фельетоны о Африке»: «Если с газетами нельзя переговорить (2–3 фельетона в месяц в „Речи“) и 2 в „Утре России“, „Русск<ом> Слове“ или какой другой газете (провинциальной) — хотя бы в „Киевской Мысли“, то можно печатать и в „Русской Мысли“ (Брюсов у меня просит впечатлений о Тунисе). <...> Неужели нельзя устроить все фельетоны; у меня уже готово 15 <...>» (Лица: Биографический альманах. 10. С. 160).

[6] А. М. Метнер.

[7] См. примеч. 24 к п. 205.

208. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

19 февраля (4 марта) 1911 г. Аксиньино, близ Ховрина

Аксиньино (Ховрино) 19/II 911.

Милый, дорогой Борис Николаевич!

Простите, простите, что так мало пишу Вам и так долго не отвечаю! На это миллион мелких причин, что в связи с каким-то странным вообще состоянием моего духа (и здоровья)

и объясняет особливую медленность всех моих занятий в нынешнем сезоне. Кроме того, я полторы недели был сильно болен инфлуэнцой. Должен сказать, что никогда еще я так часто не хворал или, вернее, не прихварывал, как за последние полгода. Уж не старость ли наступает?!.. — И большое и маленькое письмо Ваше я получил. Отправленные Вам 500 рублей (вскоре после отсылки Вам ежемесячных 200 р.) явились, конечно, реальнейшим ответом на Ваши соображения об Египте. Из 60 фельетонов в двух газетах могут быть помещены maximum 30 фельетонов, следовательно, 30 фельетонов надо напечатать в Русской Мысли. Сноситься еще с другими газетами неудобно, т<ак> к<ак> *Речь* и *Утро России* перестанут печатать Ваши фельетоны, если их будут печатать еще две газеты (Киевская и Русское Слово)[1]; Вы забываете два обстоятельства: 1) газете приятно считать данного фельетониста исключительно своим; 2) центральный интерес дня в настоящее время политическое состояние как внутреннее, так и *внешнее*; *Речь* и *Утро России* печатают Ваши путевые фельетоны без особенной охоты, т<ак> к<ак> это не совпадает с переживаемым Россией моментом; Вас печатают главным образом потому, что считают своим сотрудником и ждут от Вас в будущем фельетонов на общественные и литературные темы. На это обстоятельство Вы не должны закрывать глаза. Сейчас в России страшное внутреннее волнение, которое не отражается вполне в печати только потому, что газеты безбожно штрафуются и конфискуются… Итак, советую Вам все, начиная с путешествия из Туниса в Египет и вплоть до возвращения через Константинополь (где Вы непременно, если останетесь несколько дней, обратитесь к моему хорошему знакомому Феодору Аркадьевичу Духовецкому, Pancaldi 147, или же узнайте его адрес в консульстве), — итак, все остальное путешествие Вы опишите в расчете не на газеты, а на Русскую Мысль. Конечно, гонорару Вы получите меньше и потому Вы должны экономить, т<ак> к<ак> иначе слишком задолжаете редакции; ведь за *Голубя* Вы раньше года не получите ни копейки, а за фельетоны гораздо меньше, нежели Вы думали, т<ак> к<ак> едва ли даже 30 фельетонов удастся поместить при теперешних обстоятельствах. Дело об имении, конечно, своевременно будет приведено

в движение. Алексей Сергеевич уже говорил об этом с Вашей мамой[2]. — Бумагу для обложки Стигматов выбирал сам Эллис[3].— Вопрос об обложке Альманаха[4] еще не подымался. Кожебаткин обещает Вам отвечать и просит присылать фельетоны на его имя, т<ак> к<ак> иначе задержка в их распределении, т<ак> к<ак> я бываю в Москве большею частью 1 раз в неделю. — «Сериями» фельетоны требовали сами газеты, так что Кожебаткин тут не причем. — Много ли зарисовывает Ася и умеет ли она быстро импрессионистически набрасывать? Хорошо было бы снабдить Вашу книгу путешествия иллюстрациями[5]. Конечно, отдельно заплатить за них мы не можем, т<ак> к<ак> мы решили теперь твердо платить от 12–15 процентов за книгу и ни копейки больше; конечно, вследствие иллюстраций за книгу можно будет назначить более высокую цену, а отсюда и повысится Ваш гонорар. Относительно иллюстраций я делаю пока только предположение и ничего не решаю. — Гносеологические мозги Яковенки заплавали наконец на поверхности Мусагета «рядом с цилиндром Кожебаткина». — Он (не цилиндр, а Яковенко) прочел реферат (прилагаю конспект); где высек жестоко Эрна, но, конечно, не прямо, а косвенно[6]; были ожесточенные прения, и наши обскуранты (Бердяев, Эрн) договорились до credo, quia absurdum est*, до мыслей типично-инквизиционно-иезуитски-католических; нет, уж знаете, ***тогда*** я лучше на стороне Когена; ибо в этом возмутительном рабском догматизме больше жидовства, чем в сдвинутом со своих арийских скреп кантианстве Когена... Вообще католицизм, психологический католицизм и католическая психология (хотя бы Штейнера) начинают меня серьезно беспокоить. Эллис просто с ума сошел, и в сущности он уже вышел из Мусагета. Мне крайне неприятна мысль, что Эллис остается еще в Мусагете только потому, что субсидируется им (по 1-ое января он забрал авансу 625 рублей), и что, имей он иной источник дохода, он ушел бы фактически. Вот список правонарушений Эллиса за последнее время.

1) Он явился причиной нелепой, хотя и лестной статьи Волошина в Аполлоне о Мусагете, кот<орый> будто бы склоняется

* Верю, потому что нелепо (*лат.*).

к штейнерьянству и католицизму. На эту статью мне пришлось возражать[7].

2) Он нарочно медлит с сборником своих статей, т<ак> к<ак> ему *не* хочется его печатать.

3) Парсифаля, кот<орого> он хочет печатать, он, однако, не переводит вследствие того, что ни разу не может явиться в назначенное время ко мне[8].

4) Книгу о снах он решительно не желает печатать, хотя, по мнению Киселева, это вообще самое ценное, что он написал[9].

5) Зато на всех перекрестках он кричит, что Мусагет его притесняет и обижает, т<ак> к<ак> не хочет печатать его *Гобелены*[10]. (Дело в том, что нельзя же выпускать в свет в течение одного полугодия два сборника стихов одного поэта![11]). 6) На прошлой среде (кот<орую> я не посетил, т<ак> к<ак> лежал больной) читали стихи Вячеслав и Эллис[12]. Вячеслав похвалил Эллиса; тогда Эллис иронически его поблагодарил и затем сказал: а Ваши стихи мне совсем не нравятся; они риторичны и неискренни. Вячеслав обиделся, и только его сдержанность предупредила новый скандал в Мусагете, виновником которого явился бы все тот же Эллис[13]. 7) Наконец, Эллис не только не принял моего выговора за нетактичность и нарушение гостеприимства в отношении к Вячеславу, но вдобавок написал мне письмо в тоне ультиматума, где заявил, что не отдаст «своего» *Парсифаля* под марку *Орфея*, если в проспекте об *Орфее* будет статья «рыжего», который «нечестивыми руками своими лезет к чаше Грааля»[14]. — Теперь Эллис всюду говорит, что Мусагет ищет внешнего успеха и потому аннексировал Блока и Вячеслава и что это не направление, а просто беспринципный оппортюнизм... Согласитесь, что Эллис просто сошел с ума! Пожалуйста (беру с Вас слово), не пишите Эллису никаких попрекающих писем: это его не исправит. Да он и неисправим, ибо по психологии католик и обскурант. Но, конечно, он *внутренно* более не «мусагет», и издательство, как *течение*, едва начавшись, переживает уже серьезный центральный кризис. Быть в духе при таких обстоятельствах довольно трудно и остается махнуть на все рукою и уйти в себя. Все наши благодарят за привет и кланяются Асе и Вам. Крепко обнимаю Вас; любящий Вас

Э. Метнер.

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 7. Копия: РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 21.
Ответ на п. 205, 207.

[1] Упомянута «Киевская Мысль». Аналогичный аргумент привел А. С. Петровский в письме к Белому от 23 февраля (8 марта) 1911 г.: «В „Киевскую Мысль“ (?) послать надо будет после, когда столичные газеты несколько будут уже использованы, а то они все же косятся на подобное совместительство» (*Белый — Петровский.* С. 147).

[2] В цитированном выше письме к Белому Петровский, однако, умолчал об этом разговоре с А. Д. Бугаевой.

[3] См. примеч. 31 к п. 203. Сообщая в письме к Белому от 29 января (11 февраля) 1911 г. о выходе «со дня на день» книги Эллиса «Stigmata», Петровский добавлял об ее авторе: «Лев забраковал обложку на серой бумаге и остановился на желтоватой. Рисунок на серой действительно вышел неясно. <…> Красной будет только буква S, так лучше. Оттиски будут посланы Асе, ожидание же ее ответа слишком задержало бы без того запоздавшую книгу» (Там же. С. 135).

[4] Подразумевается выполненная А. Тургеневой обложка для альманаха стихов «Антология».

[5] Имеется в виду отдельное издание «Путевых заметок» Белого, намечавшееся к опубликованию в «Мусагете». В письме к А. М. Кожебаткину от 30 марта (12 апреля) 1911 г. Белый отозвался об этом предложении Метнера: «Не нравится мне его тон предложения Асе иллюстрировать мою книгу (Ася духовно моя супруга, а между тем тон Э<милия> К<арловича> близоруко-небрежен к ней)… (Это между нами!)» (Лица: Биографический альманах. 10. С. 164).

[6] Этот доклад Б. В. Яковенко, прочитанный в Московском Религиозно-философском обществе, упомянут в письме М. К. Морозовой к Е. Н. Трубецкому от 16 февраля 1911 г.: «Я тебе не сообщала о двух докладах Яковенко и Степуна. На обоих очень резко вспыхивали столкновения между христианами и неокантианцами <…>. Видно, что спор разгорается по всякому поводу и встают ребром все вопросы по существу» (Взыскующие града. С. 347). Критическую отповедь Эрну содержит статья Яковенко «Что такое философия? Введение в трансцендентализм» (Логос. 1911–1912. Кн. 2/3. С. 296).

[7] См. примеч. 11, 12 к п. 203.

[8] См. примеч. 17 к п. 203.

[9] Книга Эллиса на указанную тему не была напечатана, текст ее нам неизвестен. В письме к Метнеру, отправленном из Берлина 8 (21) октября 1911 г., Эллис сообщал: «Я вообще втянут в циклон реально-магических снов, о к<ото>рых пишу почти отчеты в Москву и к<ото>рые (если захотите) там получите у Миши Сизова. Сегодня я видел во сне ***Гёте***» — и далее на четырех рукописных страницах излагался этот сон (РГБ. Ф. 167. Карт. 7. Ед. хр. 33).

[10] Так озаглавлен стихотворный цикл Эллиса, вошедший в его книгу «Арго» (М.: Мусагет, 1914). Несколько стихотворений из этого цикла были впервые опубликованы в «мусагетском» альманахе «Антология». В подборке писем Эллиса к Метнеру имеется следующий текст:

Memorandum

издать 3 книги Эллиса за *1911* г.
1) «Parsifal» Вагнера
2) «Lohengrin» — // -
3) «*Гобелэны*», *сб<орник> стихов* (РГБ. Ф. 167. Карт. 7. Ед. хр. 45).

[11] Подразумевается «Stigmata», вышедшая в свет в феврале 1911 г.

[12] Речь идет о собрании в редакции «Мусагета» 9 февраля 1911 г. накануне заседания Московского Религиозно-философского общества, посвященного десятилетней годовщине кончины Вл. Соловьева, на которое приехал Вячеслав Иванов.

[13] Инцидент между Вяч. Ивановым и Эллисом описал М. И. Сизов в письме к Белому от 10–11 (23–24) февраля 1911 г.: «Вчера Вячеслав Ив. ему <Эллису. — *Ред.*> выражает удовольствие по поводу его перевода гимна „Stabat Mater“, а Лев ему: „а мне, В. И., ваши стихи не понравились“ — и с лицом, получившим выражение ихневмона (знаешь: борьба ихневмона с коброй?) — „не чувствуется, что это пережито“, В. И. защищался, объяснял. Мы с Нилендером старались внести ноту примирения и впились во Льва, но он дальше не пошел. Однако Иванов между проч<им> ему сказал: „Вы занимаетесь исследованием моей личности, а не стихотворения“» (*Лавров А. В.* Символисты и другие. С. 468).

[14] «Парсифаля» Р. Вагнера в переводе Эллиса предполагалось опубликовать в «мусагетской» серии «Орфей», задачи которой изложил в «Трудах и Днях», наряду с Андреем Белым, Вяч. Иванов (1912. № 1. С. 60–63). В письме к Метнеру от 12 февраля 1911 г. Эллис заявлял, возлагая на Иванова («Рыжего») ни много ни мало вину за таинственное исчезновение А. Р. Минцловой: «Считаю возможным подпускать к вопросам о Граале только лиц, к к<ото>рым питаю *абсолютное* моральное доверие. Я не могу допустить *морально* (а мораль — всё) касаться не абсолютно чистыми руками тем об Орфее, Парсифале. <...> Между тем Иванов доказал 3 раза, что он не заслуживает доверия. Никто ему не доверяет. Он возможен только как гастролер. Это мое твердое убеждение. Я не могу печатать „Парсифаля“ под введением убийцы А. Р. и развратителя М. В. Саб<ашни>ковой. Это — моральный удар всему „Мусагету“. <...> Мне очень грустно, что все простили Рыжему *труп А. Р.* Ее тень будет стоять над „Мусагетом“ всегда. Ведь Вы же знаете, что через него вливался мутный ток, отклонивший ее от служения Доктору <Штейнеру. — *Ред.*> и доведший ее до гибели. Если внутри издательства нет собственных сил написать об Орфее, какое право мы имеем ставить знаменем то, о чем не можем написать сами» (РГБ. Ф. 167. Карт. 7. Ед. хр. 31).

209. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

22 февраля (7 марта) 1911 г. Тунис

Милый, милый Эмилий Карлович! Спасибо — очень. Деньги получили[1]. Завтра едем[2]. Когда получите, адрес: Afrique. Egypte. Kaire. Poste restante. Пришлю привет с пирамид. Привет всем Вашим. Фельетон о Ник<олае> Карл<овиче> в дороге[3]. Весь Ваш любящий Б. Бугаев.

P. S. От Аси привет. На всякий случай пишу о пер<емене> адреса А. С. и А. М.[4]

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 31. Видовая открытка: «Kairouan. Grande Rue». Датируется по почтовому штемпелю: Tunis. 7 Mars 11. Штемпель получения: Москва. 28. 2. 11.

[1] 19 февраля (4 марта) 1911 г. Белый писал А. С. Петровскому: «Сейчас получил уведомление о переводе. Не знаю, сколько, но едем в Египет. <...> Если *300*, едем» (*Белый — Петровский*. С. 145).

[2] 23 февраля (8 марта) 1911 г. Белый и А. Тургенева отплыли из Туниса в Египет.

[3] См. примеч. 24 к п. 187.

[4] В этот же день Белый отправил открытки А. С. Петровскому (*Белый — Петровский*. С. 145–146) и А. М. Кожебаткину (Лица: Биографический альманах. 10. С. 162).

210. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

25–26 февраля (10–11 марта) 1911 г. Средиземное море

10 марта 1911 года.

Дорогой, милый Эмилий Карлович!

Пишу Вам с парохода. Едем в море. Едем уже сутки из Мальты[1]; ехать еще трое суток. Выехали из Туниса 8-го; только 13 или 14 утром будем на месте. Попали на пароход не пассажирский, а, кажется, торговый; он идет из Гамбурга через Мальту — Порт-Саид к Филиппинам и Китаю, и на возвратном пути в Индию; произошло вот что: только что мы пришли в восторг от Мальты, ее крутых стен и домов, будто изваянных в природном камне[2], как *поганый южный итальянец*, смешанный здесь с греком, сказался:

опять началось жульничество[3]. Я так разозлился, что уговорил Асю ехать с первым пароходом, какой только уйдет. Пассажирский пароход, ближайший, отходил 12-го; нам предстояло иметь 3 дня дело с кретинами; и мы выбрали отходящий пароход немецкий. В Мальте пробыли мы всего 5 часов; достаточно, чтобы *извне* познакомиться с городом. И не раскаиваемся: у нас милая каюта с двумя койками, диваном, стулом и столом. В окне — кипят волны; мы — единственные пассажиры; обедаем в обществе милого бородатого капитана, изъездившего весь свет, и милого, добродушного офицера-чудака: он предлагает нам риожанерские сигары, везет с собой целую библиотеку; он мрачен, считает китайцев более культурными, чем Европейцы; на столе у него я нашел… Канта![4] И он слышал о… Риккерте!! Немцам я обрадовался, как своим, сразу пахнуло уютной, *не отельной*, обстановкой.

Между прочим, вся почти команда парохода — китайцы; их 45 человек; устроились прочно на пароходе; море пока хорошо; кругом — море. Мы плывем не в Александрию, а в Порт-Саид, ибо парохода в Александрию пришлось бы ждать в Мальте до 12-го. Из Порт-Саида шесть часов езды — и Каир. Пройдем перешеек Суэцкий. И уголышек Красного Моря увидим. (Выяснилось, что не проедем)*.

Ася с трудом переносит море. Я — хорошо; сегодня нас покачивает уже в общем третий день (выехали третьего дня в три часа из Туниса). Сегодня Асе лучше, и она сидела на палубе.

Милый, если бы сейчас Вас сюда! Я сижу в удобном кресле на палубе. Перед глазами неизмеримые пространства оловянно-серебряных волн; мимо меня от времени до времени пробегает желтая морда с подвязанной косой: сейчас обедали; и теперь я комфортабельно предаюсь забытью. На палубе никого. Покой в сердце. Сейчас капитан шутливо звал нас с собой в Индию и Китай; здесь нас считают за молодоженов и оказывают множество маленьких услуг. Обстановка здесь товарищески-семейная.

Дорогой друг — продолжаю: уже от Мальты мы проехали 1000 километров; теперь с правой стороны от нас в 300 километрах Триполи, с левой Крит; уже заметно теплеет; сейчас после

---

* *Фраза вписана позднее.*

ужина странная была картина; 3 моряка, здоровенных детины, спорили друг с другом... о чем? О том, что сказал Кант! Говорил капитан о Гейне, Шлегеле[5] и графе Платене... Это были первые разговоры о предметах высоких после трехмесячных наших скитаний; характерно, что в отелях говорят о погоде, дешевизне или дороговизне; в поездах Тунисии разговаривают о кушанье; два француза, ехавшие с нами из Туниса, добрых полчаса говорили о том, как вкусно то, и как вкусно это; наконец мы с Асей стали смеяться: тогда француз французу заругал русских, но Ася резко их вслух оборвала... А вот в море, среди мелькающих китайских чертей в уютном салоне за домашним яблочным пирогом, бородатый капитан говорил со мной о финикийских надписях, Канте, Платене... и нагрузке угля. Кстати о китайских чертях: сию минуту у меня в окно каюты постучали, и когда я отдернул занавеску и прильнул к стеклу — с той стороны стекла, тоже прильнувши к окну, на меня уставилась желтая харя, как *би-ба-бо*[6]. И увидев, что я на нее смотрю, пустилась бежать по палубе. Наш пароход «*Arcadia*» весь нагружен рельсами для Манджурии. Зачем немцы снабжают китайцев железнодорожными рельсами?.. Ведь эти рельсы против России; против России — против Европы. Какой здесь вкусный яблочный пирог, какой уютный капитан; механик водил меня по всему машинному отделению, и завел на корму; на корме — скотный двор; в клетках овцы, свиньи, куры; один баран важно расхаживает на палубе без привязи; в чьей-то каюте весь день распевает канарейка; утром в 8½ нас зовут к первому завтраку, в 12 часов обед, в 3 — кофе, в 6 ужин.

Сейчас гулял долго на палубе. Луна сквозь серые тучи, черно-белые (от пены) камни (волны — бегающие камни) неслись с неимоверной быстротой; за пароходом вьется стая птиц. Хорошо, весело; так можно плыть месяцами. Пока стоит чудная погода; даже Ася, наконец, вовсе освоилась с морем. Лишь бы не сглазить; ведь плыть нам еще 3 суток.

11-го марта. Вот уже третий день, как мы в море из Мальты; говорят, что послезавтра будем в Порт-Саиде; покачивает боковой качкой; сейчас стоял у борта, и меня обрызнула холодная, соленая волна; качка какая-то винтовая; вчера, как писал, что море спокойно, сглазил; уже ночью захлопали двери; стали

опрокидываться флаконы и пр… Но уже у нас с Асей прививкой служит четырехдневное наше путешествие. Если бы сразу на качку — болели бы. Сегодня море — черное с белыми пятнами пены; есть две пены: пена надводная — белая; и пена, крутящаяся под легким слоем воды; и эта пена — бирюзовая; у носа и у кормы беднобирюзовый водоворот; странно, что ни у кого из поэтов нет эпитета к пене «матовобирюзовая»; между тем это определение напрашивается само собой; когда подскакивает в воздух гребень волны, то он — темно-синий; блеснет солнце и у носа образуется в брызгами пропитанном воздухе радуга; сейчас долго-долго глядел в водоворот, окаймляющий наш пароход; кругом черное, подскакивающее белыми гребнями море, а вокруг парохода синебирюзовое сквозь белое кружево кипенье — свист, рев, треск на поверхности воды летящих струек и ветер, сшибающий с ног. Прекрасно! Нет впечатления пучины, а скорей — землетрясения какой-то желатинной среды. Ходить по воде можно; нужно только сапоги, смазанные салом; я удивляюсь, как до сих пор это никому не пришло в голову.

По моему рассчету проехали мы около 1500 километров от Мальты; осталось по моему рассчету нам до Порт-Саида более 1500 километров. Никогда я не думал реально, что так далек Египет; максимум, думал я, трое суток езды, а тут с 8-го до 13-го (минимум) ехать. То есть до 6 суток езды. С 9-го (3-х часов дня) мы не видали ни парохода, ни малейшего клочка земли, только море да море.

Милый, милый Эмилий Карлович!

Сегодня полдня проиграли с Асей в крестики; писать трудно (качка); потом смотрели на грохот упадающих на нос корабля чернолиловых скал; море — густейшие лиловосиние чернила; разбиваясь о нос, оно мгновенно становится бледнобирюзовым водоворотом; и пролетает под ногами уже белой пеной; сейчас ужинали, и опять два часа болтал я на черт знает каковском наречии с капитаном; капитан сказал: «Мы, морские люди, не говорливы: но мы любим, когда нам рассказывают». Узнали неприятную новость: приедем в Порт-Саид только через 3 суток; ветер и волны навстречу. Еще три дня и три ночи качаться нам. Ну да ничего: мы пообвыкли. Жаль одно: пропадают дни; писать много

нет возможности при такой качке; да и глупеешь от того. Вот я с трудом намарал 6 листочков Вам; а в них — ни одной умной мысли: хоть шаром покати. Кончаю же; буду писать подробно уже из Каира; из Порт-Саида пришлю открытку: милый, милый, позвольте же Вас еще, еще и еще раз благодарить за то, что дали нам возможность увидеть Египет; со священным трепетом приближаюсь я к пирамидам. Жму крепко руку. Получили ли 17 фельетонов. 18-ый о Н<иколае> К<арловиче>. Писал его накануне отъезда[7]. Напишите, получили ли.

Всем Вашим глубокий привет. Остаюсь любящий

Борис Бугаев

P. S. Ася посылает привет Вам и Ан<не> Мих<айловне>[8].

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 32.

[1] На острове Мальта пароход, которым отплыли из Туниса Белый и А. Тургенева, останавливался 24 февраля (9 марта) 1911 г. В письме, адресованном Т. А. Тургеневой и отправленном А. С. Петровскому по адресу «Мусагета», Белый в этот день сообщал: «Привет из Мальты; через три часа едем в Александрию; переезд трое суток» (*Белый — Петровский.* С. 148). См. также письмо Белого к матери с Мальты, отправленное в тот же день (*Письма к матери.* С. 130).

[2] Описывается столичный город Мальты Ла-Валлетта.

[3] Ср. сообщение в совместном письме Белого и А. Тургеневой к Петровскому, написанном на пароходе «Arcadia» 27 февраля (12 марта) 1911 г. («Около Крита»; текст А. Тургеневой выделен курсивом): «*А мальтийцы Борино* отвращенье; Мальтой залюбовались с моря, но *из нее выскочили скорей* с руготней и оскорблениями. *Хуже сицилийцев и даже* неаполитанцев» (*Белый — Петровский.* С. 149). О пребывании на Мальте см. в главке «Валетта» «Путевых заметок» Белого (ч. 2): «Африканский дневник» Андрея Белого // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. I. М., 1991. С. 378–380. Публ. С. Воронина.

[4] Ср. сообщение в цитированном совместном письме: «*Боря философзтвует* <*так!*> с капитаном *о Канте* <...>» (*Белый — Петровский.* С. 149).

[5] Либо Август Вильгельм Шлегель (1767–1845), немецкий историк литературы, критик, поэт, переводчик, либо его брат Фридрих Шлегель (1772–1829), немецкий критик, философ, прозаик, поэт.

[6] Би-ба-бо — простейшая кукла, состоящая из головы и платья в виде перчатки; часто используется в передвижных кукольных театрах.

[7] См. примеч. 24 к п. 187.

[8] А. М. Метнер.

211. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

2 (15) марта 1911 г. Каир

Милый Эмилий Карлович! Вчера сидели на берегу Нила. Вдруг потянуло к пирамидам[1]. Поехали. Когда подъезжал, злился: гадостно очень, что турист едет. Но пирамиды вдруг взревели тысячалетьем. В 1000 раз они более *значительны* внутренним смыслом, чем воображение их представляет; солнце уже село. Мы с Асей взобрались на несколько ступеней ко входу, черному жерлу, и нам казалось, что под нами пропасть, а мы были еще у подножия. Ослепительная луна стояла над ребром пирамид. Белое привиденье феллаха сидело рядом. Позднее на ослах ночью мы поехали к Сфинксу, глядящему из песков *выше пустыни* на горизонт. Первое впечатление: «*Петля и яма тебе, человек*»[2]: Сфинкс *гневался*. Когда внизу феллах освещал его магнием, он презрительно смеялся. Потом лицо его преобразилось: он стал женственно-нежным и удивленно-грустным, наконец ангельски прекрасным в голубой ночи, обсыпанный звездами; более значительного. Умереть бы у его подножья[3]. Не так ли, Ася?* Сфинксу нос отбил Наполеон[4].

Всех целую. Получено ли 18 фельетонов?

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 35. Почтовый штемпель получения: 12. III. <11>.

[1] Белый и А. Тургенева впервые осмотрели поле пирамид в Гизе (пирамиды Хеопса, Хефрена и Менкара) и Великого Сфинкса в день приезда в Каир — 1 (14) марта 1911 г.

[2] Ис. 24: 17: «Ужас и яма и петля для тебя, житель земли!» Эти библейские образы использованы Белым в романе «Серебряный голубь» (гл. 6, главка «Деланье») — в описании переживаний Дарьяльского во время сектантского радения: «...он уже начинал понимать, что то — ужас, петля и яма; не Русь, а какая-то темная бездна востока прет на Русь из этих радением истонченных тел»; «Ужас, и яма, и петля тебе, человек, — невольно шепчут его уста» (*Андрей Белый*. Собр. соч.: Серебряный голубь. Рассказы. М., 1995. С. 188, 193). В воспоминаниях Белый использовал ту же фразу при описании своих впечатлений от созерцания пирамид и восхождения на пирамиду: «...хотелось низринуться, несмотря ни на что, потому что все, что ни есть, как вскричало: „Ужас, яма и петля тебе, человек!“» (*МДР*. С. 394–395).

---

* *Приписка А. А. Тургеневой*: Ну да, так.

[3] Свои первые впечатления от Сфинкса Белый передал также в написанных 2 (15) марта двух письмах к А. С. Петровскому (*Белый — Петровский.* С. 151–153), письме к А. Блоку (*Белый — Блок.* С. 390), письме к матери (*Письма к матери.* С. 132–133). Ср. суждения из последнего: «Пишу Тебе, потрясенный сфинксом. Такого живого, исполненного значеньем взгляда я еще не видал нигде, никогда. Вчера ночью на осликах мы с Асей ездили к нему мимо чудовищно-прекрасных пирамид. Луна была ослепительна. На голубом небе, прямо из звезд в пустыню летит взор чудовищного сфинкса; и он — не то ангел, не то — зверь, не то прекрасная женщина» (С. 132). См. также описания «стоянья перед сфинксом» в путевых очерках Белого «Египет» (Современник. 1912. № 6. С. 188–193) и в главке «Сфинкс» 2-й части «Путевых заметок» («Африканский дневник». С. 428–430).

[4] Та же фраза — в письме Белого к А. С. Петровскому от 2 (15) марта 1911 г. (*Белый — Петровский.* С. 154). В «Путевых заметках» Белый также пишет о Сфинксе:

...феллахи гласят:

— «Не глядите в лицо!»

— «Безнаказанно в очи Божеств не взирают...»

И вот Бонапарт: отбил нос голове эт́ой, выпалив пушкой в него, и... был брошен на остров Елены... («Африканский дневник». С. 429).

212. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

После 3 (16) марта 1911 г. Каир

Милый, милый Эмилий Карлович!

Пишу Вам под впечатлением Египта[1]: странная страна; здесь одно замечательное явление: груда пепла; груда пепла — старый Египет; груда пепла — феллахи (пепла крепких египетских костей); феллахи, лицом и фигурой схожие с древними египтянами, — самый декадентский народ на свете; рослые, крепкие, красивые, живописные, грязные, развращенные, лживые, понимающие лишь побои да ругань, феллахи не способны никому и ничему сопротивляться; ужасаются, негодуют на миролюбивую дряблость феллахов; у них есть лишь одна сила: побеждать, уступая; они предавались всем народам; и все, коснувшись Египта, мгновенно деморализировались; замечательно, что крепкий и здоровый климат убивает всех: здесь почти нет стариков; все умирают *до* сорокалетнего возврата; мамелюки, турки, европейцы, чистые арабы почти не имеют детей; у Магомета-Али (знаменитого здешнего

хедива) из 80 детей *только пять* выросли; немногие дети турок совершенно изменяются в Египте; они превращаются в феллахов; брак иностранца с феллахиней дает *не метиса*, а *чистого феллаха*, разбитого, дряблого морально, но физически наиболее выносливого; размножаются в Египте *лишь феллахи*; но они — груда пепла. Это явление *замечательно*; на него обращали внимание все писавшие о Египте вместе с Наполеоном…[2]

Ужасающая месть древнего Египта тем, кто пытается воздвигнуть здесь что-либо после него. И оттого Сфинкс здесь, кажется, единственное *живое лицо*: но то *не человек*[3].

В четверг шестнадцатого были на вершине Хеопсовой пирамиды[4]; потом расскажу: впечатление *более чем странное*: на ребре пирамиды *над* крутизной и под крутизной в быстропадающих на пустыню сумерках меня на минуту охватил *мистический ужас*, а Асе сделалось дурно, и мы, сидя на небольшом уступе (подъем крут — и узок), казались взвешенными в воздухе; и здесь пронеслось: «*Оставь надежду навсегда*»[5]. На вершине же — восторг; чувство высоты и закинутости, отделенности от всего живого на миллиард верст (мой извечный кошмар детских снов) на мгновенье исполнился *под* вершиной пирамиды, когда три четверти пути уже были пройдены…

Не будь Асиной головки у меня на плече и 6 рослых феллахов вокруг нас, я бы, пожалуй, кинулся вниз головой (но то *не головокружение*, а чувство Строителя Сольнеса[6]).

Вчера на нильской лодке (вот форма мачта) катались далеко по Нилу в золотокарих, тяжелых сумерках; справа и слева шли колоссальные пальмы.

Здесь нет ни *единой черты* сходства с Тунисом. Тунис — раздвоен (Париж и чисто сохранившаяся арабская культура), Каир — смешан; Тунис собран, Каир — разбросан; Тунис белоснежный, Каир* — черносерый; тунисский араб белоснежный; феллах черносиний; тунисская феска круглая, маленькая, с длинной кистью; каирская феска высокая, остросрезанная, с кистью

* *В автографе описка*: Тунис

короткой; туниски белые, феллахини — черные; тунисцы чистые, феллахи — грязные; тунисские мечети грациозно-маленькие; каирские нелепо колоссальные; тунисские постройки — простые; каирские — «*велелепны*». Тунис к Каиру (в смысле арабства) относится так, как прерафаэлитизм к рококо; араб арабизировал бербера; феллах расслабил араба; в Тунисе небо чистое, в Каире тусклопыльное от «*хамсина*» (знойного ветра пустыни); в Тунисе ни соринки; в Каире — паршивая грязь; в Тунисе сочетается демократизм француза с аристократизмом араба; в Каире сочетается низменность феллаха с тупым чванством миллионщиков англичан; в Тунисе почти не встретишь араба в европейском кургузом костюмчике, но зато *все* грамотны; здесь лезут из кожи, чтобы казаться европейцами, и на 1000 — 4 грамотных; Тунисия мила, уютна, дешева; Египет величественен, страшен, чудовищно дорог; *но несмотря ни на что*, это самая прекрасная по пейзажу страна изо всех стран, мною виденных; тропическая растительность и мертвизна пустыни, подходящей вплотную к Каиру, поразительны своими контрастами.

На днях пишу. Привет, дорогой друг. От Аси привет.

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 33. Помета рукой Метнера: «14/3 911» (видимо, дата почтового штемпеля получения на несохранившемся конверте). Опубликовано Н. В. Котрелевым: Восток — Запад. С. 164–165.

[1] Белый и А. Тургенева прибыли в Порт-Саид (Египет) 28 февраля (13 марта) 1911 г.; см. открытку Белого А. С. Петровскому, отправленную на следующий день (*Белый — Петровский*. С. 151). 2 (15) марта 1911 г. Белый сообщал матери из Каира: «13 вечером приехали в Порт-Саид, маленький город, лежащий между пустыней и морем; 14 утром с поездом поехали в Каир» (*Письма к матери*. С. 134).

[2] Подразумевается египетский поход Наполеона Бонапарта 1798–1801 гг.

[3] См. примеч. 3 к п. 211.

[4] Ср. сообщение в письме Белого к матери от 2 (15) марта 1911 г.: «...завтра восходим на пирамиду Хеопса; послезавтра едем по египетским подземельям; вчера сидели на пирамиде Хеопса с час <...>» (*Письма к матери*. С. 135). Впечатления от восхождения на пирамиду — в его письме к ней же от 3–5 (16–18) марта 1911 г. (Там же. С. 139–140). Поле пирамид и восхождение на пирамиду Хеопса Белый подробно описал в очерках «Египет» (Современник. 1912. № 6. С. 176–186, 194–199) и в части 2-й «Путевых заметок» (главки «Приближение к пирамидам», «У пирамидного бока», «Вновь пирамиды», «На пирамиде»; см.: «Африканский дневник». С. 424–428, 432–438).

[5] Крылатая фраза из «Божественной Комедии» Данте — надпись над вратами ада: «Оставьте всякую надежду, вы, входящие» («Ад», III, 9).

[6] Речь идет о переживаниях «невозможного», связанных с восхождением на высоту, в которых признается главный герой драмы Г. Ибсена «Строитель Сольнес» (1892) в разговорах с Хильдой: «Разве вы никогда не замечали, Хильда, что невозможное… всегда как будто манит и зовет нас?» (действие второе); «Потом сделал *невозможное*! <…> Никогда прежде не хватало у меня духу свободно подниматься на высоту. Но в тот день хватило»; Хильда призывает Сольнеса: «Сделайте опять *невозможное*!» (действие третье) (*Ибсен Генрик*. Собр. соч.: В 4 т. М., 1958. Т. 4. С. 239, 269, 270). В финале драмы Сольнес совершает восхождение на недостроенную башню и гибнет, падая с ее вершины.

213. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

14 (27) марта 1911 г. Каир

Дорогой Эмилий Карлович!

При первом возможном случае мы бежим из Египта. Мерзостнее Каира я ничего не видал. Люди: проходимцы со всего мира и… тупые, глупые миллионщики со всего мира. Природа чудесная, но чтобы ей пользоваться, нужно привести собственный автомобиль. Жить в арабском квартале невозможно (*арабов* здесь нет): феллахи — грязные скотины, доводящие меня до того, что в руках у меня на них подымается палка. Англичане и турки как будто даже содействуют грабительству феллахов; в европейском же квартале нет ни одного здания не чудовищно-безобразного по стилю. Что Италия! Италия рай пред Каиром. На улицах — грязь и вонь и скачут блохи в невероятном количестве; хуже того: по улицам ползают «*вши*». Дороговизна — вот примеры ее: случайно, проголодавшись, зашли в ресторан *у пирамид*: два обеда — около фунта стерлингов (25 франков). Послал на днях короткую телеграмму в «*Мусагет*»: говорят «двадцать франков». Как? «Да, правительственного телеграфа нет: а это — частный». Слово отсюда в Англию стоит *шиллинг*, т. е. гораздо более франка. Каковы же скоты англичане, пользующиеся грабительски неведеньем иностранцев: бедные туристы, приезжающие сюда и не подозревающие, что есть чистый, дешевый, белоснежный Тунис к их услугам. Сейчас осмотрели 3 коптские церкви, и грабители вырвали

до 60 пиастров, доведя нас с Асей до вмешательства городового. Осмотр достопримечательностей — *организованный английским правительством грабеж*[1]: надо кричать, вопить во всех странах об этом. А глупые туристы сносят все: надо *позорно заклеймить* разбой англичан: гаже нации я не знаю!! Это — вторые жиды.

До сих пор я думал, что Англия культурна; уже одна грязь на улицах Каира и самодовольство Каиром местной прессы (они пишут: «*все миллиардеры нас посещают: стало быть, мы что-нибудь да есть*») доказывает, что и в смысле *элементарной цивилизации* они мало чем отличаются от «*Скотопригоньевца*»[2]. Каир неприятен... до невыносимости; и кажется, мы с Асей, в ожидании денег, заключимся в четырех стенах...[3] Сады здесь — но сады пыльные; и позор: за вход в пыльный сад — *полпиастра*. Где это видано, чтобы платили за право пользоваться несуществующей тенью куцой пальмы. Не только лично, но и принципиально я не могу успокоиться: как смеет существовать Каир, когда есть Тунис! Напишу непременно обо всем этом специальный фельетон, добьюсь, чтобы его перевели, и литографированный экзем<п>ляр пошлю в редакции здешних газет, пишущих: «Нас посещают миллиардеры: стало быть, мы что-то есть». Обнимаю Вас, милый друг. Б. Бугаев.

P. S. Простите, дорогой друг, что не пишу ничего более: ничего сейчас из-под пера не выходит, кроме: *скот англичанин*!

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 34. Датируется по помете Метнера: «27/III 911» (видимо, дата почтового штемпеля отправления на несохранившемся конверте).

[1] В 1882 г. Египет был оккупирован Великобританией, установившей над ним в 1914 г. протекторат (до 1922 г., когда Египет был провозглашен независимым королевством).

[2] Скотопригоньевск — городок, в котором разворачивается действие романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» (1880; в Старой Руссе, послужившей прототипом городка, на центральной площади находился Конный рынок, где шла торговля скотом).

[3] В письме к А. С. Петровскому, отправленном в тот же день, Белый жаловался на задержку с переводом очередной денежной суммы от «Мусагета»: «...мы — пленники. Мы ждем денег; 10 дней без толку сидим в жаре и расстраиваем нервы, платя каждый день Бог знает что <...>. Благодаря зависимости от высылок мы — все наше путешествие пленники; попали в дорогое место — *сиди, плати* в ожидании денег. Несколько сот рублей вылетело уже у нас на *ожидание*. Жить, ожидая получки (опыт показал нам), вдвое дороже» (*Белый — Петровский.* С. 162).

214. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

17 (30) марта 1911 г. Каир

Милый Эмилий Карлович,

Вы, вероятно, получили мои ругательства на Египет[1]. То — Каир; про Египет же — беру свои слова назад. Сегодня сделали очаровательную прогулку на ослах мимо Мемфиса, дальних пирамид, храма Сераписа[2] и через пустыню вернулись к пирамидам Гизеха. Пишу от пирамид. Привет. Привезу Вам кусочек египетского храма и «*божка*». Крепко жму руку. От Аси привет[3].

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 36. Открытка с видом пирамид и разлива Нила («Gizeh and the Pyramids»); над изображением пирамиды Хеопса Белый написал: «сюда взлезали»; приписка А. Тургеневой: «Так — когда Нил разливается. Теперь ведь он совсем *нет*».

Почтовый штемпель отправления: <Cairo.> 30<?>. III. 11. Штемпель получения: Москва. 26. 3. 11.

[1] Имеется в виду п. 213.

[2] Серапис — один из богов эллинистического мира (культ его как бога столицы Египта Александрии был введен Птолемеем I Сотером в III в. до н. э.); бог мертвых и бог плодородия, повелитель стихий и явлений природы. Отождествлялся с рядом египетских и греческих богов. О посещении храма Сераписа см. в главке «Гробницы Аккутхотепа и Ти. Серапеум» части 2-й «Путевых заметок» Белого («Африканский дневник». С. 445).

[3] Сходный по содержанию текст — на открытке, отправленной Белым А. С. Петровскому 17 (30) марта 1911 г. (*Белый — Петровский*. С. 162).

215. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

21 марта (3 апреля) 1911 г. Аксиньино

Аксиньино 21/III 911.

Дорогой Борис Николаевич! Все Ваши письма, открытки и фельетоны, о кот<орых> Вы запросили[1], получены. На этот раз я Вам долго не писал, только по одной причине: знал, что Вы покидаете Тунизию Африкановну Булалистову и Ребейрола Максуллиевича Радеса, а куда Вы уезжаете от этой астрально-странной антепредетунисовской четы[2], до сих пор не был точно осведомлен, да и теперь еще не уверен, что это письмо будет Вам вручено

р. ю. басрельнильской мадамой, Пешовой Терезой…[3] — Больше того: я вообще не знаю, получили ли Вы мое большое последнее письмо[4]. На всякий случай пишу Вам еще раз адрес Духовецкого Феодора Аркадьевича, кот<орый> очень любезный человек и мог бы быть Вам весьма полезен в Константинополе: Pancaldi 147. — Письма я ему не пишу: достаточно, если Вы сделаете ему визит и передадите от меня привет. — Статью Вашу о Коле *Утро России* отклонило ввиду ее негазетности[5]; т<ак> к<ак> в этой же газете была помещена восторженная статья о Коле Георгия Конюса, где он называет его *титаном*[6], то отклонение Вашей статьи, конечно, объясняется не темой ее, а формой. Кстати сказать: два последние выступления Коли сопровождались небывалым для него успехом как в публике, так и в критике[7]; почти все билеты были распроданы, чего раньше никогда не бывало. Его начинают признавать, но от этого становится грустно, т<ак> к<ак> в наш век *всякое* признание есть только лишь *мода*, а не *понимание.* — Вашу статью направят в *Аполлон*[8]. — Гносеологические мозги уплыли из Мусагета обратно в Италию[9], и Вы только осенью получите возможность войти с ними в соприкосновение… Нужно сказать, что эти мозги скорее метафизические, даже мистические с трагическим оттенком, а гносеология есть только остроотточенная шпага, которою галантно выпускают антигносеологические кишки из белибердяевщины (говорю кишки, т<ак> к<ак> мне стало окончательно ясным, что булдяи[10] и эрны отправляют мышление не мозгом, но и не спинным хребтом, как Эллис, а животом). — Dr. Jakovenko думает, конечно, мозгом, всегда мозгом, но это не означает, что все остальное у него замерло и не функционирует: все остальное из его организации живет (вплоть до ног, которые отлично справляются с норвежскими коньками и могли бы доставить ему приз); все остальное подает мозгу материал для думы… *Эллис* первый принес мне весть о приезде самого Мажора (как его в противоположность Минору-риккертианцу[11] называет Шпетт); Эллис сказал так: увидев Яковенко и не зная, кто он, я подумал, слава Богу, наконец-то привезли в Мусагет рояль, и хотел уже дать носильщику (т. е. Яковенке) полтинник на чай; *Петровский* передал мне свое впечатление след<ующим> обр<азом>: типичный интеллигент, должно быть любит выпить, нам всем, разумеется, бесконечно чужд. Вечером того же дня (или на другой день) я был

на рел<игиозно->фил<ософском> заседании и вдруг увидел возле Степпуна новое лицо — да это Моряк-Скиталец! — подумал я и потому сначала решил было, что это не Яковенко; но тут же, вспомнив радикализм Эллиса и его предвзятость, а также и иные психологические ошибки Петровского и увидев большой рост и крепкое сложение незнакомца, решил, что это Яковенко. Через полчаса после этого мы познакомились и говорили так свободно, как если бы давно знали друг друга, несравненно свободнее, нежели со Степпуном, Гессеном, Бердяевым, Эрном. Яковенко мне очень нравится; он бесконечно честен интеллектуально и бесконечно предан своему делу; он — чистейший рожденный философ и только, и потому производит такое же гармоничное и законченное впечатление, от которого сердце радуется, как и Блок, который является чистейшим рожденным лириком и только. Я считаю аннексию этих двух замечательных мужей для Мусагета огромным культурным приобретением. Мысль Яковенки страшной сокрушительной силы и гибкости; он может играючи изничтожить одинаково и Степпуна (кот<орого> он потрепал на последнем мусагетском заседании, выступив *против* него, *за* Эллиса!!!), и Бердяева, от которого после заседания остался один язык[12], да и тот застенчиво неловко изгибаясь схоронился в углу под портретом Верлэна... — Яковенко — трагичен при всей своей силе, но это не трагизм обычного русского интеллигента или Карамазова и не трагизм тупика чистой мысли того типа, как у Фохта; это — трагизм философского строителя, обязанного воздвигнуть систему после неокантианства; это не безвыходный трагизм (а то не могло бы быть гармоничности), а трагизм вечной борьбы, кот<орую> надо бодро вести, даже не надеясь на успех... Вы, конечно, понимаете, что Степпун и Гессен — мальчики в сравнении с Яковенко. — — — До свиданья, привет Асе. Обнимаю. Ваш М.

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 7. Копия: РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 22. Фрагмент опубликован: ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 381.

[1] Имеется в виду запрос о получении «17 фельетонов» в п. 210.

[2] Обыгрывается тунисский адрес Белого: «Africa. Tunisie. Maxulla-Radès (près de Tunis). A Madame Rebeyrol — buraliste de Radès».

[3] Обыгрывается каирский адрес Белого (сообщенный, видимо, на несохранившемся конверте от письма). В письме Белого к А. С. Петровскому от 2 (15) марта 1911 г. указан адрес: «...chez Madame Pech. 23, Rue Kasr-el-Nil» (*Белый — Петровский*. С. 155).

[4] Имеется в виду п. 208.

[5] См. примеч. 24 к п. 187. Статью о Н. К. Метнере Белый отправил вместе с «17 фельетонами» (см. п. 210).

[6] В статье Г. Э. Конюса «Концерт Н. Метнера» (отзыве о концерте, состоявшемся 7 марта 1911 г. в Малом зале Российского благородного собрания) говорится: «Метнер — одна из замечательнейших, выдвинутых последним десятилетием, музыкально-творческих фигур, выразившаяся пока в области, преимущественно, фортепианного композиторства. <...> Мощная же одухотворенность его таланта, присущий ему титанизм, несравненная изобретательность, красочность мыслей, наконец, своеобразная поэтическая прелесть, обволакивающая его звуковую речь в мельчайших ее оборотах, — все это признаки из ряда вон выдающегося, необыкновенно крупного и разностороннего дарования *к музыкальному творчеству вообще*» (Утро России. 1911. № 55, 9 марта. С. 4).

[7] Имеются в виду упомянутый выше (примеч. 6) концерт и концерт под управлением Э. Венделя, состоявшийся 15 декабря 1910 г.

[8] Было ли выполнено это намерение, неизвестно.

[9] Имеется в виду С. И. Гессен, участвовавший в работе IV Международного философского конгресса в Болонье (4–11 апреля н. ст. 1911 г.). 9 (22) марта 1911 г. он писал Метнеру из Фрейбурга: «Я еду через 13 дней в Болонью на конгресс в качестве делегата от „Логоса". <...> Для успеха моей поездки необходим некоторый шик: этот шик дастся изящным проспектом „Логоса", который я пущу среди членов конгресса» (Вестник Российской академии наук. 1993. Т. 63. № 6. С. 529. Публ. В. В. Сапова). Из русских «логосцев» в работе конгресса участвовал также Б. В. Яковенко. См.: Взыскующие града. С. 360–361.

[10] Ироническое обозначение С. Н. Булгакова и Н. А. Бердяева. Ср. в мемуарах Белого: «...они появились, как пара: Булгаков, Бердяев, — Бердяев, Булгаков, сливаяся в представлении мало их знавших в „*Булдяева*", или „*Бергакова*" <...>» (*Андрей Белый*. Начало века. Берлинская редакция (1923). С. 509).

[11] Подразумевается, видимо, С. И. Гессен.

[12] Бердяев страдал специфическим нервным тиком — выпаданием языка изо рта при говорении.

216. БЕЛЫЙ и А. ТУРГЕНЕВА — МЕТНЕРУ

Не позднее 21 марта (3 апреля) 1911 г. Каир

<Рукой А. А. Тургеневой:>

Милый Эмилий Карлович.

Наброски — главным образом из Туниса — у меня есть.

Но прежде чем думать о их печатаньи, я должна еще очень посмотреть сама и послать их на суд моему учителю[1].

Думаю, что вы сами знаете, как мало меня интересует вопрос о деньгах. Лучше бы его и не подымать.

Одно хорошо в Каире — над городом плавают стаи ястребов рыжих с типичным рисунком перьев, как на египетских барельефах. Их больше, чем у нас в Москве ворон. Старый Египет и природа мирят вполне с ужасом автомобилей и отелей. Борины отчаянные письма бывают обыкновенно после прогулки по городу.

Мой привет вашим.

Всего хорошего.

Ася.

<Рукой Белого:>

Милый, милый Эмилий Карлович!

Буду Вам писать долго и много. Но сейчас — впереди всего — один волнующий меня вопрос. Наши желания встретились. Ася сделала много набросков из моего путешествия, и я хотел предложить «*Мусагету*», с согласия Аси, иллюстрировать мою книгу[2]. Таким образом мы согласны, но сейчас же *чисто принципиально* Вам возражаю. Вы пишете, что по расчету 12–15% «Мусагет» может платить за книги, которые не идут в широкую толпу. Это — много. Когда я предлагал «*Мусагету*» книгу, само собой разумелось, что я ее могу предложить и даром, ибо статьи, входящие в книгу, предварительно появятся в разных периодических изданиях. На основании расчета, если не ошибаюсь, «*Скорпион*» платит за книги, подобные «*Золоту в лазури*», максимум 7%. Итак; 5% «*Мусагет*» собирается платить мне лишних. Я так или иначе сумею в известное количество времени отработать долг. И «*Путевые Заметки*» я и не намерен был рассматривать как погашение долга. Стало быть, соглашаясь на то, чтобы % с издания, обеспечиваемый мне в «*Путевых Заметках*», был = «*0*», и уступая «*Мусагету*», если он непременно этого хочет, чтобы я получил *не более* 5%, *я* совершенно *не понимаю принципиально*, чтобы труд художника не оплачивался Редакцией. Главная краса моей книги, уже появившейся в других изданиях, в Асинах рисунках. И потому, *я* или ***не*** согласен печатать в «*Мусагете*» моей книги, или она должна *выйти без иллюстраций*, или Асины рисунки должны *быть оплочены. Мусагету* книга в смысле гонорара может обойтись 5, 6%, *ибо, повторяю*, от гонорара *я отказываюсь*.

Милый друг, пишу о фельетонах. Более 30 фельетонов, пишете Вы, не удастся пристроить; газеты хотят от меня статей о *литературе и пр.* Эмилий Карлович, «*Арабески*» и «*Символизм*» ведь сплошь статьи о *литературе* и *прочем*. Тысяча сто печатных страниц — и сейчас же: новые статьи всё о том же. *Согласитесь*! «*Путевые Заметки*» есть то, *чем я живу, что вижу*. Что я буду сейчас писать о России, когда я даже не видел 3½ месяца русских газет. Ведь я *ровно ничего о России* не знаю. Друзья больше пишут всё «*лирически*», и я — голоден фактами. Так я знаю, что над Москвой носится «радужный блеск» и что Сережа читал в «Мусагете» о Дельвиге (пять писем об этом)[3], а что за волнения сейчас в России, не знаю. Между тем, живя в Африке, я очень с жаром гляжу вокруг и читаю об Африке. Думаю, что «*Путевые Заметки*» в целом будут ближе к моему подлинному существу, как *писателя главным образом* (а не критика), чем заявление в сто двадцать пятый раз о том, что символизм не есть литературная школа; если бы я был кротом, не способным отдаваться цветам и краскам, то — да: мог бы, не взирая на Африку, Австралию, Океанию и даже «Новую землю», жарить и печь статьи о преходящих явлениях русской литературы. Вы подумайте: *Пять Символизмов* и маленький сборник стихов; какая несправедливость для меня, как писателя. «*Путевые Заметки*» есть правка пера перед «*Голубем*»[4], и вместе с тем неутомительный отдых. Если я не нужен, как автор «*Путевых Заметок*», я не нужен и как автор «*Голубя*». А то помилуйте; два толстых тома о *символах* и *зайцевых*[5] и сейчас же: третий том и всё о том же. Я — не *Измайлов*, не *Боцяновский*: до приезда в Россию пишу только «*Путевые Заметки*», хотя бы в виде статей для «*Р<усской> М<ысли>*». Спрос и предложение хорошая вещь. Но Андрей Белый никогда не умел, да и, вероятно, не сумеет потрафить спросу.

Милый друг, Вы прекрасно знаете, что творчество — мука; а насильно направленное к тому, о чем не поется, — «*ад кромешный*». Вспомните себя: Вы — писатель; и стало быть, прекрасно знаете, о чем я говорю: и так Араб, Сфинкс *не сочетаем никак* с «*русской интеллигенцией*», «*бого- и демоно-борчеством*», и прочими «*московскими*» темами, а *насильно* я писать не умею: берегу силы для лета и «*Голубя*».

Дорогой друг, все, что Вы пишете о Леве, *есть печальная истина*; но с выводом не соглашусь я, пока не увижу Льва: он ушел из «*Мусагета*». Он или никогда там не был, или был, есть и будет. Я нисколько не удивляюсь ни письму к Вам Эллиса, ни поступку с Ивановым[6], ни ругани его на «*Мусагет*». Письма от него я получал десятками в своей жизни о том, что я скандалист à la Пуришкевич, что, согласитесь, *еще обиднее* ультимативного тона к Вам. В прошлом году он сделал такую же бестактность по отношению к Ив<анову>[7]. Будет и впредь их делать. «*Мусагет*» он ругал еще до Вашего приезда осенью; но тогда под «*Мусагетом*», за Вашим отсутствием, разумелись Кожебаткин и я. Теперь — может быть — Кожебаткин и Вы. И весной, и осенью Вы были с Эллисом; он был в «*Мусагете*». Почему же теперь он вышел? Я его знаю таким, каков он есть, уже много лет; я могу швырнуть в него книгой, но навсегда выбросить из сознания — нет: вспомните, не вопросы тактики, а *зóри* создали «*Мусагет*»[8]. Не Когэн, Риккерт, Бердяев, а нечто гораздо бóльшее; в это бóльшее входит Эллис, несмотря ни на какое правонарушение. «*Мусагет*» не кодекс правил, а Эллис, Вы, я — мы не только «*члены редакции*». Считать Эллиса членом какой бы то ни было Редакции нельзя. Пусть он не имеет прав, но — голубчик: не говорите о нем в таком нелюбовном тоне; подите и отколотите, это — лучше.

Вы пишете — опускаются руки. Голубчик — неужели миллионный эксцесс Эллиса тому виной? Все, по-моему, хорошо. Или, быть может, я уже обтерпелся и «*шкура*» моя нечувствительна к ударам. Ведь вся моя литературная деятельность — ряд оплеух; шесть лет изо дня в день я был с Брюсовым в *журнале* при обостренных личных отношениях, последние же годы мы были там втроем: я, Эллис, Брюсов. Эллис был — партия Брюсова (против меня)[9]. Холодное интриганство + истерическое безумие — вот что было для меня работа в *Весах* под градом хохота и насмешек со стороны. Внутренняя жизнь «*Весов*» был сплошной, непрекращающийся кризис: а «*Весы*» продолжали, *несмотря ни на что*, быть культурным явлением. Есть ли хотя бы 1/100 того сейчас в «*Мусагете*»? Издательство существует год с лишком, выпустило уже ряд книг, к нему прислушиваются, с ним считаются и т. д. Не верю в Ваше неверие в *Мусагет*. Самое страшное тут *не факт*

кризиса, а Ваше желание к нему отнестись «*ухождением в себя*». Эмилий Карлович, звезды успеха с неба не валятся: в «*Мусагете*» еще много будет всяких перемен — и разве это причина отчаиваться? Вы скажете: «Я так создан: все это — явление русской некультурности; я не могу их выносить». Вот я 4 месяца живу среди итальянцев, англичан, французов. И знаете что? Русские в сто раз внутренне культурней (я не говорю о Германии). И за *мертвечину* европейской цивилизации не уступлю я русской жизни. Далее: согласитесь, что и я, как и Вы, индивидуалист. Мне вдруг хочется апеллировать к своему субъективизму: я ведь — поэт, и, право, несправедливо, что всю жизнь я видел только ужасающую дисгармонию в плоскости литературы. И в итоге я не устал надеяться. Не от легкомыслия, а через все нравственные оплеухи я продолжаю вообще верить в деятельность литератора. И я говорю «*Мусагету*»: *да, да, да, да*!!!

Вы скажете: *я — не могу*. Что значит это «*я не могу*»? Была заря или нет? Я говорю: *была*; и «*я не могу*» уступка року. Всякая жизнь есть трагедия величайшая: вся она есть сплошное «*я не могу*». И однако, вопреки «*не могу*», она тянется. Тут *чудо*. Все сверх-законно, чудесно, но под *чудом* провал. Нужно окончательно махнуть рукой на *возможности*. Возможностей ни у кого никаких нет. Всё — сплошная невозможность. И сам факт существования Вашего, как и моего, вопреки всяческому вероятию. «*Сказка*» давно началась, *история* давно кончилась, законопричинности нет, сумасшедшие — все (не один Эллис). *Сучок* Эллиса видите, а своего *бревна* — нет[10]. Все мы, если в нас разбираться, уже не стоим на ногах; мы — «носимы», мы — «*в сказке*». Не нам остановить ее, не нам ускорить. Если слова мои уличают меня, если есть в них *ложь*, то — о чем наше многолетнее знакомство, старинный друг?[11] Неужели о Гессене, *Логосе* и культурной традиции в философии? Для чего был Ницше, Гёте, Христос — неужели только для того, чтобы все было *чинно и в порядке*. Когда величайшее бесчиние совершается в мире (загажены дымом и копотью все страны, чума, землетрясенья, смерть, гибель), может ли *Лик* грядущего в мир безумия не тенить чин и порядок нашего строительства. Мы вместе вовсе не для благополучия Яковенок и Гессенов. Мы вместе, ибо мы вместе «*знаем*».

Не верю в Ваше неверие, не утверждаю Ваше ухождение в себя. Помните ницшевское: «***Еще раз!***»[12] Если что в Мусагете не так, — ***ну еще один раз***!!!

Как только узнал о Левином *свинстве* с Вячеславом, послал Вячеславу письмо[13] (от него в Монреале получил прекрасное, глубоко тронувшее меня письмо)[14].

Милый, простите меня, что все с Вами спорю в письме. Главное не в том, не в нашем словесном расхождении на тему, благополучен или неблагополучен «*Мусагет*»: дело в том, что смерть как много есть передать Вам. Милый друг, увидимся скоро. Мы с Асей через месяц (если не ранее) в Луцке; оттуда, конечно, еду тотчас в Москву к Вам, маме и «*Мусагету*». И сейчас же обратно, к Асе — писать «*Голубя*». Мы с Асей хотим жить под Москвой зиму, чтобы я мог работать и бывать в Мусагете без всей прочей московской катавасии. И сейчас уже озабочивает мысль — где? И вот обращаюсь к Вам с просьбой: скажите, сдается ли Ваш зимний домик в «*Изумрудном Поселке*»[15], или Вы там жили на правах знакомого. Если сдается, то с мебелью ли и — какая цена? Скажу откровенно, мы мечтаем жить с Асей вне Москвы, чтобы спокойно работать. Если случайно увидите Ладугина (владельца), спросите, уступит ли он домик мне (если по средствам) с августа или сентября. Со всех точек зрения жизнь в деревне под Москвой кажется нам единственным возможным способом существования. И близко от Мусагета, и вдали от московской истерики; и с «*Мусагетом*», хождения *стадами друг к другу*.

Очень обрадовало меня возвращение Алексея Сергеевича в Музей[16]. Наконец-то? Что Ваша книга?[17] Отчего не выходит. Получил *Арабески*, прочел статью «*Песнь жизни*»[18] — Бог мой, схватился за голову: в статье по крайней мере сто опечаток. Есть фразы бессмыслицы. Если бы даже в рукописи были опечатки, то… Ахрамович должен был бы обратиться ко мне. В общем «*Арабески*» + «*Символизм*» ужасают меня в смысле *количества написанного*. И лучше буду я писать притчи, рассказы, чем еще, еще, еще и еще статьи; каждая статья — украденная глава из возможной книги, могущей быть цельной; сумма статей — все еще *конгломерат*, а не *здание*.

На днях едем в Иерусалим[19]. Бог мой, что за ужас *английский протекторат*: не любя французов, я в Африке стал патриотом французов, ибо Африка вся разделена Францией и Англией. И вот. Французская Африка как небо от земли далека от аглицкой. За поведение в Африке возненавидел англичан. Ах, как их следовало бы поколотить!

Африка жива; и подобно тому, как римская провинция «*Африка*» некогда решала судьбы Рима, выставляла императоров (Александр и Септимий Северы были *берберы*), так и в будущем Африка вплетется в Европу. Африка не Азия. Араб не монгол; *негр* — безобидная, скорей комичная и внемистическая сущность; кроме того — негр великолепный солдат, и когда попадает в руки к французам, то он всей душой за Европу; туарэг (древний Кабил) с французами ладит; на *Азию* следует натравить *Африку*, на монгола — негра. Но англичане (друзья монголов и соперники немцев) способны озлобить негра, как озлобляют они уже араба; и потому вот моя греза о внешней политике: тройственный союз России, Германии, Франции (будущего, настоящего, прошлого) против жидов-англичан и монголов. *Германия* получает: немецкую Австрию, Турцию, Малую Азию, Сирию и Палестину, Прибалтийский край; *Россия* получает Персию, Индию, Галицию. Франция — Африку. И монгольство встречает отпор в Европе, половине Азии и всей Африке; я не понимаю, как не сознают этого французы, немцы и русские. Русские стоят перед всей желтой расой лицом к лицу. Французы уже бьют тревогу в Индо-Китае, где на одного европейца — *4000* полумонголов и где японцы *уже* ведут пропаганду. Вильгельм прежде всех сознал желтую опасность. Индусы ненавидят англичан, Персия естественно связана с Россией. Немцы уже влияют на Сирию, Палестину, а дорога к Багдаду, ведомая немцами, возбуждает тревогу и злость в *египетской прессе*. Сама судьба создает тройственный союз европейского континента против *островитян* и *желтых*. Я сторонник теперь европейского объединения, как и вообще объединения всякой идейности против всякой безыдейности; и потому, конечно не соглашаясь с Бердяевым, все же, все же — (почитайте его книгу)[20] нахожу его полезным бойцом против жидовеющей интеллигенции. Несогласия с Бердяевым *все же* домашний, внутренний спор перед кольцом и его, и *нас*

охватывающей мертвенности. А Европа — Бог мой, какой ужас, какая мертвечина в Европе. *Ретроградство* Бердяева есть *то же*, что когда Вы говорите «нет, уж лучше когэнианство». Так же он говорит «нет, уж *лучше ретроградство*». Тут ведь у него своего рода тактика… Впрочем, я не стою. Окружающее меня 4 месяца «*европейство*» африканских англичан, даже французов и итальянцев, быть может, создает то, что даже Бердяева предпочту я средней линии благополучно здравствующей мертвенности. Я, русский, — самый культурный человек из среды всех тех *европейцев*, каких видел за эти 4 месяца. Знаете ли, что множество раз я хотел гордо крикнуть: «Мертвецы — о, если б Ваши низкие, вымытые лбы могли вместить хотя бы половину того, что таится под невы<мы>тым лбом… любого русского!» Эмилий Карлович, когда Вы говорите о России, противополагайте ей Германию, но не говорите «Европа». *Европы нет.* Есть довольное «*собой, своим обедом* и *женой*»[21] причесанное и вымытое *свинство*, пасующее в культурности перед любым тунисским арабом. А эта «*Европа*» — как поганит, пакостит, безвкусит, бесстилит Африку! И какое чванство, довольство, что за разговоры в отелях, вагонах — хоть бы проблеск *тоски*: пышащие здоровьем трупы. Верю, что всюду есть исключительности; но: средний уровень в России *умнее* среднего уровня любой европейской страны; быть размеренным, вымытым еще не значит «*быть*». Вымытое *свиное рыло* хуже невымытого, сияющее жиром брюшко — хуже, гаже, отвратительней. О сколько, сколько богатства, *рылец в пушку* и умытых, лоснящихся брюх я вижу всюду и всюду. И до чего все мертво, беззорно! Мы говорим: «русская безалаберность». Да — в Европе не безалаберность, а — «*лаберность*»: но в чем эта лаберность выражается? В сколачивании миллионов? Гадка московская пресса: но вот каирская (аглицкая и французская) пресса. Знаете ли, о чем они пишут: о том, как чихает аглицкий купец. *Лакей Смердяков*[22] доминирует в Европе: и хуже того: он умеет носить костюм.

Верное замечание Аси: «В Европе пропало лицо: лицо слилось с костюмом, стало частью костюма. Русские не умеют еще носить платья: оттого у них сохранилось лицо». Эти слова Аси еще мне что-то открыли в европейской «*лаберности*». Если «лаберность» и корректность ведут к исчезанию лица — я стою за

«*беза-лаберность*». Когда узнают, что Вы русский, тон к Вам делается снисходительным, у Вас спрашивают: «Есть ли в России театры?» «*Ах Вы сукины дети*», — хочется крикнуть в ответ. «*Да Россия центр живой жизни*». И знаете ли что: не говоря о Вас, Петровском, Эллисе и других — Бердяев кажется мне отсюда *титаном*!

Черт возьми! Я — русский: в этом моя величайшая гордость. Здесь я хочу кричать на улицах в лицо паршивцам-англичанам: «Преклоняйтесь передо мной, ибо я — русский; я себя не берегу, у меня нет брюшка, я не боюсь никого, не дорожу жизнью, и моя жизнь — в идее. Россия лучше всех стран. От Вашего великолепия меня тошнит, Вашей цивилизации не удивляюсь, вы меня не удивите ничем; и наоборот: захочу — прикинусь Вами, захочу — и от ужаса и удивления у Вас волосы встанут дыбом!» Вот что во мне возбуждает европейский хороший тон[23]. Но простите, милый. Целую крепко. Христос с Вами. Б. Бугаев.

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 37. Помета рукой Метнера: «3/IV 911» (видимо, дата отправления на почтовом штемпеле с несохранившегося конверта).

Ответ на п. 208.

[1] Подразумевается гравер Мишель Огюст Данс (Danse; 1829–1929), преподаватель гравировального искусства в Брюсселе.

[2] О выполненных А. Тургеневой рисунках к «Путевым заметкам» Метнер сообщал Блоку в письме от 6 декабря 1912 г., предлагая опубликовать книгу Белого в издательстве «Сирин»: «Путевые Заметки хорошо бы пристроить в *Сирине*, кот<орый> имеет возможность издать их с большею роскошью; для них необходима очень хорошая бумага, т<ак> к<ак> рисунки Аси Тургеневой (очень удачные с натуры) должны быть среди текста и не на отдельных листах; те рисунки необыкновенно удачно дополняют текст своей острой (хотя и не совсем уверенною) графичностью» (Неизданная переписка А. Блока и Э. К. Метнера / Публ., предисл. и коммент. А. В. Лаврова // Александр Блок. Исследования и материалы. СПб., 1998. С. 210). Рисунки А. Тургеневой не были изданы, местонахождение их неизвестно.

[3] 9 (22) февраля 1911 г. С. М. Соловьев писал Белому: «Я сегодня вечером читаю в Мусагете о Дельвиге <…>» (ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 379). О выступлении Соловьева сообщал Белому С. П. Бобров в письме от 16 февраля (1 марта) 1911 г.: «В прошлую среду в „Мусагете" Сергей Соловьев читал статью о Дельвиге. Статья оказалась очень маленькой и достаточно поверхностной. Было очень много народу. Был Вячеслав Иванов, Брюсов. После лекции Иванов говорил с Сергеем Михайловичем и совершенно уничтожил его (это не было прениями)» (Лица: Биографический альманах. 1. С. 158. Публ. К. Ю. Постоутенко). О том же Белому написали М. И. Сизов 10 (23) февраля 1911 г. (см.: *Лавров А. В.* Символисты и другие.

С. 467) и С. Н. Дурылин (РГБ. Ф. 25. Карт. 15. Ед. хр. 5); последний свидетельствовал в мемуарных записях «Комментарии к „Антологии"» о С. Соловьеве: «Он <...> читал в „Мусагете" однажды реферат о Дельвиге, об его русском эллинизме; на докладчика весьма яро напал Вяч. Иванов» (Книгоиздательство «Мусагет»: История. Мифы. Результаты. С. 393. Публ. М. Ю. Гоголина и А. И. Резниченко).

[4] Подразумевается задуманный новый роман — продолжение «Серебряного голубя».

[5] В книге статей Белого «Арабески» Б. К. Зайцев несколько раз упоминается, однако его творчество пристально не рассматривается.

[6] См. примеч. 13, 14 к п. 208. 21 марта (3 апреля) 1911 г. Белый писал А. С. Петровскому: «Злимся <...> что Э<милий> К<арлович> *нелюбовно* мне пишет о Льве <...>» (*Белый — Петровский*. С. 166).

[7] Имеется в виду заочный инцидент между Вяч. Ивановым и Эллисом, отправившим ему 14 и 17 мая 1910 г. два резких письма с выражением негодования по поводу ивановских высказываний на страницах «Аполлона» (см.: *Богомолов Н. А.* От Пушкина до Кибирова: Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии. М., 2004. С. 84–96). Эллис заявлял Иванову: «Вычеркните меня из числа друзей и впишите в число активных и абсолютных врагов. В пределах „Мусагета" буду все силы направлять против Вас» (Там же. С. 95). Узнав о случившемся, Белый написал Иванову специальное письмо (конец мая 1910 г.): «...ради Бога прости Эллиса; я только вчера узнал, что этот сумасшедший человек, нервно расстроенный сейчас и бомбардирующий меня ругательными письмами, и Тебе написал письмо в припадке какого-то запойного неистовства. У пьяницы бывает запой; у Эллиса раз в шесть месяцев (обыкновенно весной) случается нервный припадок <...>. Думаю, что Ты поймешь и сам: „Мусагет" не при чем в этих письмах» (Русская литература. 2015. № 2. С. 60. Публ. Н. А. Богомолова и Дж. Малмстада).

[8] Подразумевается «эпоха зорь» — первые годы XX в.: атмосфера мистического воодушевления, переживавшаяся в спонтанном сообществе «аргонавтов», объединявшихся вокруг Белого и Эллиса.

[9] См. письмо Андрея Белого к Эллису (февраль 1908 г.), отразившее напряженность в отношениях с ним и Брюсовым в период активного совместного сотрудничества в «Весах» (*Лавров А. В.* Андрей Белый: Разыскания и этюды. М., 2007. С. 412–424).

[10] Мф. 7: 3 («И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазе не чувствуешь?»).

[11] «Старинный друг» — название посвященного Э. К. Метнеру стихотворного цикла из книги Белого «Золото в лазури» (см. примеч. 9 к п. 12).

[12] Имеется в виду фрагмент из 4-й части поэмы Ницше «Так говорил Заратустра» («Пьяная песнь», 12); в переводе Д. Борзаковского: «Спойте мне

сами ту песнь, которая называется „Еще раз", смысл ее „во веки веков!"» (*Ницше Фридрих*. Собр. соч. Т. I. Так говорил Заратустра. С. 352).

[13] В письме к Вяч. Иванову, отправленном из Каира 19 марта (1 апреля) 1911 г., Белый сообщал: «...только что получил от Метнера обстоятельное и негодующее на Эллиса письмо о его поведении в „*Мусагете*". Верь и знай, что этой выходкой и рядом других „*сумасшедших*" поступков он себя как бы ставит вне „*Мусагета*". Мы не можем его *бросать*, но мы все ***не считаемся*** с ним никак. Это мнение мое, Э<милия> К<арловича>, Петровского и всех вообще. Да, верю, Ты не увидел в *выходке* Эллиса ничего „*мусагетского*", кроме сумасшествия невменяемого человека... <...> Я очень люблю Эллиса, но... как любят вообще юродивых. Как с литератором или выразителем чего бы то ни было я не считаюсь никак...» (Русская литература. 2015. № 2. С. 67).

[14] См. недатированное письмо Вяч. Иванова к Белому, относящееся к январю 1911 г. (Там же. С. 66).

[15] См. п. 155, примеч. 1.

[16] Впервые А. С. Петровский поступил на работу в библиотеку Румянцевского музея в 1907 г. В письме к Белому из Бобровки от 23 февраля (8 марта) 1911 г. он сообщал: «...я, зрело взвесив, решил поступить снова в Музей и уже привел в исполнение: на прежнюю должность и прежнее жалованье (а с половины лета, вероятно, большее)» (*Белый — Петровский*. С. 146).

[17] См. примеч. 13 к п. 163.

[18] Эта статья (1908) была впервые опубликована в книге Белого «Арабески» (М., 1911. С. 43–59).

[19] Белый и А. Тургенева выехали из Каира в Порт-Саид для дальнейшего следования по морю в Палестину 26 или 27 марта (8 или 9 апреля) 1911 г., прибыли в Яффу 28 марта (10 апреля) и вечером того же дня оказались в Иерусалиме (см.: *Белый — Петровский*. С. 178–179).

[20] Подразумевается книга Н. А. Бердяева «Философия свободы» (М.: Путь, 1911), вышедшая в свет во второй половине февраля 1911 г. О ее оценке Белым см.: *Бойчук А. Г.* Андрей Белый и Николай Бердяев: к истории диалога // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. Т. 51. 1992. № 2. С. 31–32.

[21] Цитата из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина (гл. 1, строфа XII).

[22] Персонаж романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы».

[23] Сходные «антиевропейские» высказывания содержат письма Белого этой поры и к другим его корреспондентам — А. А. Блоку (Конец марта (начало апреля) 1911 г. // *Белый — Блок*. С. 396), А. С. Петровскому (29 марта (11 апреля) 1911 г. // *Белый — Петровский*. С. 179), М. К. Морозовой (11 (24) апреля 1911 г. // *«Ваш рыцарь»*. С. 164–166), А. М. Кожебаткину (12 (25) апреля 1911 г. // Лица: Биографический альманах. 10. С. 165–166).

217. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

21 марта (3 апреля) 1911 г. Каир

Дорогой Эмилий Карлович!

На днях написал Вам длиннейшее письмо[1]. С ним Вы во многом, вероятно, не согласны. Не сердитесь. Буду много и долго говорить с Вами.

Дорогой, теперь скажу Вам одну вещь, которая стала нам до очевидности ясна еще в Палермо. Вы удивляетесь вероятно, сколько мне нужно денег. И Вы знаете, отчего это? Только оттого, что хотя бы *1000* рублей мне «*Мусагет*» не дал на руки. Мы с Асей разочли сейчас, что по крайней мере *700* рублей брошены даром от одного *факта* отсутствия нескольких сот *на руках* на всякий случай. Во-первых, *несколько недель ожиданий* денег съедало деньги, как это случалось в *Hôtel des Palmes*, в *Hôtel Eymon*[2], в *Радесе*, где мы получили деньги дней через *8* после предположенного нами срока получения. Необычайно сложно координировать рассчет с Москвой, бурей на море, задерживающей письма, сроком отхода парохода и т. д. и т. д. Хотя бы сейчас: конечно, *300* рублей нам на то, чтобы двинуться из Каира, мало: у нас сломался чемодан, надо сделать несколько покупок *необходимых*; хорошо, что, предполагая это, я просил выслать маму 200 рублей[3]. И теперь, она высла<ла>... ***по почте***!! Уже неделю готовы тронуться и *неделю* проживаемся в ожидании денег от мамы, т. е. *более половины денег уйдет на ожидание*[4]. Так бывало и с «*Мусагетом*». Ведь условия передвижения в Африке сложнее, нежели путешествия из Москвы в Париж. И *там несколько сот рублей на руках* сохраняют деньги, а отсутствие *оных* — вытягивает, запутывает. Будь у меня на руках *1000* рублей, на *700* рублей *менее* я бы прожился[5].

Милый, как портит кровь эти тысячи непредвиденностей, из Москвы даже не предполагаемых, невидимых. Ведь разве знаешь, что в таком-то месте *сломается* чемодан, в таком-то месте приходит в ветхость то-то; точно также и Вам неизвестно, что если мы получаем, например, не в среду, а в четверг деньги, то из нашего рассчета вычитается 200 франков. Вот для того, чтобы не было этих бесцельных вычетов здесь, там, и нужно было бы, чтобы часть высылаемых мне денег не высылалась бы, а была со мной.

Сейчас сижу злой на маму: бедная мама, не виновата, конечно; виновато то, что я в Африке, а она — в Европе.

Но как портится кровь от всех этих беспокойств!

Все, например, сместилось в смысле месячного существования на *200* рублей благодаря 8-дневному ожиданию денег в *Hôtel Eymon* и *Hôtel des Palmes*, когда из присланных денег приходилось отдавать большие *куши за ожидание денег* и потом едва-едва доживать неделями до следующей получки.

Ну не стану брюзжать на «*Европу*» и «*Африку*». Все это «*трагикомично*». Милый, обнимаю.

Борис Бугаев.

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 38. Помета рукой Метнера: «3/IV 911» (видимо, дата отправления на почтовом штемпеле с несохранившегося конверта).

[1] Имеется в виду п. 216.

[2] Гостиницы в Палермо и Тунисе.

[3] В письме к матери из Каира от 2 (15) марта 1911 г. Белый, сообщив о своих денежных затруднениях, просил: «Мне нужно временно 200 рублей, чтобы выбраться; Ты получишь письмо не ранее, как через 10–12 дней; пошли немедленно, голубушка, через Лионский кредит перевод на Каир; переводят 4–5 дней; я непременно частями выплачу» (*Письма к матери*. С. 136).

[4] В связи с этим Белый обрисовывал ситуацию в недатированном письме к матери, относящемся ко второй половине марта н. ст.: «Сидим пока в Каире: ждем денег. Милая, милая, — вижу, Ты выслала переводом по почте, а не по телеграфу; и это ужасно печалит; уже с неделю мы готовы к отъезду; остается ждать денег, по телеграфу деньги переводятся самое большее в 1, 2 дня; по переводу, высланному почтой, — 10 дней. Эти *десять* дней мы без толку проживаемся в Каире, ибо все осмотрели еще неделю тому назад; и теперь деньги, которые ассигновали на Иерусалим, проживаем только ради ожидания денег <…> телеграмму Твою получил уже дней 9, а денег все нет» (Там же. С. 137–138). Более откровенно Белый делился эмоциями в письме к А. С. Петровскому от 21 марта (3 апреля) 1911 г.: «Ах, какая дура — мама! 8 дней продержала в Каире, пропустили все пароходы, пришел *почтовый перевод*, три дня уже у меня, сегодня пошел в Банк, там *по почте* перевод еще не получили, тогда как сегодня крайняя необходимость брать билеты в Иерусалим (все пароходы полны); того и гляди не уедем и в субботу <…>» (*Белый — Петровский*. С. 164. Суббота — 26 марта (8 апреля)).

[5] Ср. письмо Белого к А. С. Петровскому от 22 марта (4 апреля) 1911 г. с аналогичными финансовыми подсчетами и прогнозами (Там же. С. 172–173).

218. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

29 марта (11 апреля) 1911 г. Иерусалим

Дорогой Эмилий Карлович!

Пишу Вам и прежде всего — горько пеняю на «*Мусагет*»; если б знал, что огромное одолжение мне (для меня мое путешествие было равносильно «*быть или не быть*») будет обставлено порционными высылками[1], верьте, ни за что не принял бы я этого одолжения. Порционные высылки — это петля на шее. 1) По крайней мере *600* рублей брошены зря на ожидание и пр., что Вам, не бывшим в Африке, не видно, а мне — видно. 2) На *300* рублей не выберешься из Каира. Зная, что мне пришлют не больше (а могли бы — ибо через месяц я — в России), я должен был унижаться у мамы (просить 200 рублей)[2]. И двести рублей пришли, но a) я их ждал *лишних 8 дней* и за это время ½ должен отдать за ожидание, b) я получил оскорбительное письмо от мамы[3], в результате которого, может быть, вынужден брать адвоката и требовать официально своих денег за «*Сер<ебряный>-Кол<одезь>*», *присвоенных* мамой[4].

Ввиду этого умоляю Вас всеми силами души, ради меня, официально передать маме, что я или возбуждаю дело о своих правах на деньги, или кавказское имение должно быть *немедленно* за какую угодно цену продано, или «*Мусагет*» ей возвращает немедленно брошенную мне сумму денег.

По отношению <к> «*Мусагету*» — вот что: мне оставалось или почти пустить пулю в лоб, или за свою жизнь бороться. Ася — мой свет. И оттого я, находясь в крайнем положении, *без стыда* принял одолжение «*Мусагета*». Но то, что Мусагет вместо того, чтобы дать мне сумму, порционно не раз сажал меня на мель, у меня отчаянная неприятность с мамой. Мне остается одно: 1) Требовать скорейшего раздела с мамой, из своих денег *тотчас* уплатить «*Мусагету*» (ибо, верьте, не сладко мне слышать совет быть экономнее), 2) Либо уплатить из кавк<азского> имения[5]. Всего этого могло бы и не быть. Но раз случилось, буду *безжалостен*. Ради Бога, отдайте ей *200* рублей, и пусть ими поперхнется. А я требую выделения своих денег.

Б. Бугаев.

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 40. Помета рукой Метнера: «11/IV 911» (видимо, дата отправления на почтовом штемпеле с несохранившегося конверта).

К письму приложены два карикатурных схематических рисунка Белого.

Первый — с обозначением: «Действие 1-ое. Аллегория» (в левом нижнем углу). Условное подобие географической карты с указаниями: «Европа», «Африка», «Каир», «Суэцкий ка<нал>», «Яффа», «Иерусалим», «Афины», «Константинополь». В правом нижнем углу — рисунок, изображающий А. Тургеневу, и схематический рисунок с пояснением: «распавшийся чемоданчик». По диагонали изображены Андрей Белый (в правом нижнем углу) и Э. К. Метнер (наверху в центре), схематически обменивающиеся письмами; надпись: «*Десять дней*» (средний срок следования письма) с обозначениями дней недели от «понедельник (3 апр<еля>)» до «среда 12 апреля <н. ст. 1911 г.>» (видимо, дата изготовления рисунка). Слева от Э. К. Метнера — А. Д. Бугаева, надпись: «Двести рублей!!» В левой части изображены «мусагетцы»: А. М. Кожебаткин (в цилиндре, в руке «Отчет К<нигоиздательства> Мусагет»), приписано: «ффф», «ффф», слева: «Гоголь» (схематическое изображение памятника Н. В. Гоголю), справа: «Пречистенский бульвар»; Н. П. Киселёв, Миша Сизов (длинные ноги, уходящие за «облако»), «Лев и Львовцы» (Эллис со знаменем в руке, на котором значится «Ш.», т. е. Штейнер, во главе процессии последователей); две фигуры без подписи — видимо, Г. А. Рачинский (слева) и А. С. Петровский (под надписью «Европа»).

Второй рисунок озаглавлен: «Действие 5-ое и финал». Слева — А. М. Кожебаткин, изрекающий: «Книгоиздательство Мусагет благополучно!» В центре — трое за столом (видимо, учредители «Мусагета» Эллис, Метнер и Белый). Справа — развернутая книга, надписи: «Мусагет», «Отчет книг. Выпущено — 100 книг по 20 000 экземпляров. Продано 2 000 000 экземпляров. Чистой прибыли *200 000*». В правом нижнем углу — схематический рисунок: «Ширмы», «Действия 2, 3, 4»; пояснительная надпись: «кулаки» (из-за ширм поднимаются четыре пары сжатых кулаков).

[1] См. примеч. 7 к п. 195.

[2] См. примеч. 3 к п. 217.

[3] 21 марта (3 апреля) Белый писал А. С. Петровскому из Каира: «Теперь получаю от мамы вместе с чеком из почты письмо, в котором она меня грубо попрекает двумя стами, говорит, что я обираю ее <…>» (*Белый — Петровский.* С. 169). О том же письме Белый сообщил А. М. Кожебаткину 12 (25) апреля 1911 г.: «…мама написала мне жестко и оскорбительно» (Лица: Биографический альманах. 10. С. 164). Упомянутое письмо А. Д. Бугаевой, видимо, не сохранилось.

[4] Имение Бугаевых Серебряный Колодезь было продано в 1908 г.

[5] См. примеч. 6 к п. 199.

219. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

Около 1 (14) апреля 1911 г. Иерусалим

Милый Эмилий Карлович!

Христос Воскресе![1] Измученный 1) грязью, 2) блохами, 3) бакшишом, 4) хамсином (ветер пустыни), 5) зубом (дергали)[2], 6) англичанами, 7) десятидневным ожиданием 200 рублей мамы (7 египетских казней)[3], радостно ахнул в Иерусалиме. Никакой *цивилизации* (слава Богу!) и связанной с ней мертвечины. Вдруг приехали в Луцк[4]. Но когда пошли вглубь города… попали в тысячалетнее прошлое. Жив, жив, свят, сказочен, несказанен, велик, грядущ, светл желтозолотой Иерусалим! А кругом — голубые иудейские горы, зелень и рдяные цветы. Понять из Москвы *невозможно*, ***чем*** веет здесь… Проживем здесь вместо Греции[5]. Сидели долго сегодня перед остатками стен на месте храма Соломонова…[6] От Аси привет. Обнимаю. Здешние жиды здесь прекрасны… Б. Б.

Ура России! Да погибнет *мертвая погань цивилизации.*

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 39. Открытка; на обороте — репродукция фотографии: «Jerusalem. — Place du temple. The Temple platforme. Tempelplatz»; приписка Белого к репродукции: «Здесь был Соломонов храм (ныне мечеть). С противоположной стороны — обрывистые скалы и остатки стен… Там сидели и *вспоминали*».

Датируется по соотнесению с почтовым штемпелем получения: Москва. 14. 4. 11 (письма из Иерусалима в Москву шли тогда около двух недель). Дата на штемпеле отправления в Иерусалиме (в русском Сергиевском Подворье, куда Белый и А. Тургенева переселились из английского отеля 31 марта (13 апреля) 1911 г.; см.: *Белый — Петровский.* С. 184) не прочитывается.

[1] Православная Пасха в 1911 г. — 10 (23) апреля.

[2] Белый побывал у дантиста в Каире 25 марта (7 апреля). См.: Там же. С. 178.

[3] См. примеч. 3 к п. 217. Египетские казни — жестокие, невыносимые; библеизм («И явил Господь (Бог) знамения и чудеса великие и казни над Египтом <…>» — Втор. 6: 22).

[4] Ту же аналогию Белый проводит в письмах из Иерусалима к А. С. Петровскому: «Иерусалим <…> прекрасен: Луцк и что-то невыразимое» (29 марта (11 апреля) 1911 г.); «Европейский квартал — Луцк <…>» (1 (14) апреля 1911 г.) (*Белый — Петровский.* С. 179, 186).

[5] Согласно предварительным планам, Белый и А. Тургенева собирались на обратном пути «доехать до Афин и прожить неделю» (письмо к А. С. Петровскому из Каира от 21 марта (3 апреля) 1911 г. // Там же. С. 165). Они отбыли 12 (25) апреля из Иерусалима на родину морем через Митилены (греческий порт в Эгейском море) и Константинополь.

[6] На громадном фундаменте храма Соломона (X в. до н. э., разрушен в 70-х гг. н. э.) построена мечеть Куббат ас-Сахра (Купол славы, или мечеть Омара; 687–691), памятник арабской культуры.

220. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

1 (14) апреля 1911 г. Аксиньино

Аксиньино 1/IV 911.

Ваши большое и два малых письма и открытку получил. Вам отправил письмо в Афины до востребования[1]. Отвечаю. Я вовсе не удивляюсь, что Вам надо много денег. Удивляетесь, вероятно, Вы сами и «проецируете» это удивление в моей голове. Но ропщете Вы напрасно и несправедливо. Я просматривал список денежных высылок: Вы получали, приблизительно, деньги каждые три недели раз. Напоминаю Вам два обстоятельства: 1) я предлагал Вам перед отъездом аккредитив, но Вы сказали, что из той фантастической лурьевской деревни, где Вы намеревались поселиться[2], Вам пришлось бы ездить за деньгами в Палермо; 2) между первой и второй получкой мусагетских денег от издателей прошло столько времени, что был момент, когда в кассе находилось всего несколько сот рублей; это было вскоре после Вашего отъезда. — — — Вы похожи на человека, который устроился так, как если бы он намеревался всю жизнь прожить в монастыре; но затем оказывается, что он не монах, а спортсмэн; конечно, монастырское снаряжение обнаружилось негодным. Что Вы потратили зря 700 рублей, беда небольшая; ни одно путешествие, даже заранее строго и систематично распланированное, не обходится без сюрпризов, но что в этом обстоятельстве Мусагет не повинен, это ясно. Вы не только не исполнили того, что предполагали в Москве (жить в Сицилии), но даже, приехав в Африку в Тунис, Вы не составили нового плана путешествия и не прислали нам его; Вы из Туниса писали, что намереваетесь

там поселиться надолго и ни о каком Египте (где, как это *всем* известно, страшная дороговизна), Сирии, Палестине и проч. не было и речи; это всплыло все вдруг и неожиданно, отчего и деньги, прибывшие вполне вовремя, *оказались* с Вашей новой для нас неизвестной точки зрения сильно запоздавшими. Посылать Вам сразу тысячами было опасно, т<ак> к<ак> в такой дикой стране возить с собой все деньги не рекомендуется; аккредитив же Вы могли бы только *лично* получить в Москве или в другом каком-л<ибо> крупном городе. Отчего Вы не обследовали вопрос, может ли тунисский банк выдать Вам такой аккредитив, кот<орый> был бы действителен в тех городах, где Вы в дальнейшем намеревались остановиться? Если бы Вы нам написали с *самого начала* тунисского пребывания, что намереваетесь путешествовать и что нельзя ли устроить аккредитив, мы бы перевели Вам в Тунисский банк всю остальную сумму и Вы взяли бы себе аккредитив. — — — Теперь о книге путешествий. Имея в виду, что Вы и Ася представляете собою нераздельную единицу, я сообщил Вам об условиях печатания книги путешествий, т. е. о процентном гонораре, на который, конечно, *повышающе* отразятся иллюстрации, т<ак> к<ак> рыночная цена книги станет бо́льшей; если бы Ася была Вашим случайным спутником, тогда гонорар за иллюстрации был бы вычтен из Вашего процентного гонорара, который таким образом при вычислении его сначала увеличился (вследствие иллюстраций), а затем бы уменьшился (вследствие вычета гонорарной суммы для иллюстратора); т<ак> к<ак> определить гонорар за иллюстрации очень затруднительно, то редакция пользуется тем обстоятельством, что карман поэта и художника общий, и выдает просто обычный для ближайших сотрудников maximum процентного гонорара за книгу им обоим, предоставляя, если это у них принято, делиться как угодно. Кажется, ясно. И совершенно не понимаю, что за фанаберии такие пишете Вы об отказе от своего гонорара, об уплате последнего Асе. Для меня — это просто перекладывание из правого кармана сюртука в левый. — — — Теперь выяснилось, что дай Бог пристроить 10 фельетонов[3]; так что остальное надо попытаться в журнал или же прямо в книгу. Очень интересно то, что Вы пишете о несочетаемости Араба и русской интеллигенции, но я тут

не причем: таковы газетчики, им просто неинтересен Андрей Белый в Африке; они хотят, чтобы он был на Арбате. Что касается Эллиса, то окончательно выяснилось, что он никогда и не был в Мусагете, в сердце Мусагета: есть рабы и свободные, католики и протестанты, догматисты и критицисты, аристотелики и платоники, спинозисты и декартисты и т. д. и т. д.; в Мусагете могут быть только вторые или приближающиеся ко вторым; Эллис же удаляется от вторых и *окончательно* становится на сторону первых, обнаруживая при этом, что он раб, католик, догматик и т. д. не по эволюционному капризу сменяющихся воззрений, а по психологии своей; и в Марксе, и в Данте, и в Бодлэре, и в Р. Вагнере (которого он лжеистолковывает), и в Штейнере он искал и ищет только папу, которому надо поцеловать туфлю[4]. Человек, который может утверждать с пеной у рта, что инквизиция была благодеянием, что инквизиторы были посвященные маги, знавшие, как надо спасать души, уничтожая тело; человек, кот<орый> только однажды, пусть даже в пьяном виде или в истерике, мог произнести эти слова, безнадежен; я могу его любить, жалеть, могу пользоваться *частично* его трудом, но считать его внутренно своим не только в «последнем», но даже и в предпоследнем, невозможно; это кончено и навсегда. Он был два дня у меня в деревне и положительно измучил меня своим настойчивым желанием в течение тридцатичасового разговора установить какую-нибудь общую платформу между собою и мною. Он иезуитствовал, хитрил, подтасовывал, делал коварные уступочки; кончилось тем, что я рассердился, как еще никогда ни на кого из своих друзей, и разбушевался так, что заболел (вообще я себя чувствую прямо отчаянно плохо весь сезон); я ругал его и орал на него страшно, он хлопал глазами и так и ***не понял***, на ***что именно*** я рассердился. Он все это счел «люциферианством», с моей стороны, и только. Он не понял, что я даже не могу сердиться на его рабские мысли, раз поняв его душу, и что я сержусь только на то, что он смеет думать провести мост от своих воззрений к тем, которых держусь я. Поймите меня, я не выбрасываю Эллиса из сердца, но еще менее, нежели в экзотерическом Мусагете, может Эллис быть в эсотерическом. Эллис — это работник, связанный с нами раз навсегда, но он и бремя тяжкое, кот<орое> мы должны донести.

В дальнейшем о Мусагете и о моем неверии я писать не хочу: мы лучше поговорим об этом с глазу на глаз. Напрасно только Вы меня упрекаете в вовсе не свойственной мне супракультурной брезгливости. — Домик в Изумрудном Поселке мы снимали с мебелью за 200 рублей с 1 окт<ября> по 1 апр<еля> (т. е. за ½ года) (не считая лошади и телефона); Лагодин имение продал, и, м<ожет> б<ыть>, этот домик теперь перестроен или сдан комун<ибудь> другому… — — — Я прошу Вас непременно сделать замечание Ахрамовичу за опечатки: он очень милый человек, но мог бы, кажется, за 75 р. в месяц работать аккуратнее[5]. — — — То, что Вы пишете о России и Европе, до известной степени верно, но не забывайте, что была пора, когда буквально то же самое писали немецкие романтики, противопоставляя гениальную неумытость живущей только идейною жизнью немецкой культурной среды умытой пошлости англичан и французов. И так же казалось им, что средний немец выше среднего француза или англичанина. Мы не знаем, какие приливы и отливы в направлении сил на идейность и на внешнюю практичность обусловливают перемены в настроенности общества данной нации. Так Германия всегда была непростительно идеалистична и проморгала все колонии; с середины XIX в. она спохватилась и вместо эллинской линии повела римскую; отсюда и некоторый перевес практичности современных немцев над идейностью. Однако пора кончать. Простите сухость тона письма: это от большой усталости и недовольства собою. Мне очень, очень плохо. Хуже, нежели когдалибо. Боюсь, что не справлюсь с собою. Привет Асе. Обнимаю, Ваш любящий Э. М.

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 7. Копия: РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 23. Ответ на п. 216–219.

[1] Это письмо до адресата не дошло (Белый в Афинах в ходе путешествия не побывал) и, вероятно, не сохранилось.

[2] Подразумевается селение на Сицилии, рекомендованное С. В. Лурье.

[3] Всего в газетах в 1911 г. было опубликовано восемь очерков Белого из цикла «Путевые заметки» (в «Речи» — семь, в «Утре России» — один), из них три были продублированы публикациями в «Современном Слове».

[4] О деятельности по пропаганде учения Р. Штейнера, развернутой Эллисом в Москве в 1911 г., см. в его «Предварительном Кратком отчете

о теософических кружках в Москве за 1911 г.» (опубликован в работе: *Майдель Рената фон*. «Спешу спокойно...»: К истории оккультных увлечений Эллиса // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 224–235). См. также: *Виллих Хайде*. Эллис и Штейнер // Новое литературное обозрение. 1994. № 9. С. 182–191; *Виллих Хайде*. Л. Л. Кобылинский-Эллис и антропософское учение Рудольфа Штейнера (К постановке проблемы) // Серебряный век русской литературы: Проблемы. Документы. М., 1996. С. 134–146; *Rizzi Daniela*. Эллис и Штейнер // Europa Orientalis. 1995. № XIV: 2. С. 281–294.

[5] В обязанности В. Ф. Ахрамовича как сотрудника издательства «Мусагет» входила, таким образом, корректорская правка печатаемых книг.

221. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

30 апреля 1911 г. Боголюбы

Дорогой, милый Эмилий Карлович!

Скоро увидимся; через несколько дней еду в Москву[1]. Ничего не знаю из «*московского*». Страшно хочется снова вмешаться в мусагетские дела, узнать, *как что*, и потолковать основательно, чтобы потом... до августа удрать и писать, писать. Думаю быть в Москве не позднее 8-го мая; пробуду не дольше 15-го[2]. Ася на более долгий срок не пускает, да я и буду без нее теперь страшно тосковать. Вообще я без Аси начинаю скучать уже после первых пяти часов разлуки. Но в Москве быть *необходимо*: 1) Надо видеть Вас и Леву...[3] Что Мусагет? Ведь после 5 месяцев отсутствия фактически стоишь *не у дел*; горю желанием приобщиться Мусагету. Принципиально верю в то, что должен, должен, должен быть «*Мусагет*»... 2) Надо позаботиться о денежных делах с мамой (ох, что предстоит вынести с ней!!..), но я твердо решил до напечатания «*Голубя*»[4] заплатить Мусагету долг. 3) Надо узнать что-либо об осеннем нашем устройстве с Асей под Москвой.

Вообще бездна вещей...

Милый, не сердитесь на нервный тон моих каирских писем: но было от чего потерять голову: десятидневное вынужденное сиденье с невралгией, несправедливым письмом мамы[5] в токе раскаленного песка *хамсина* (действие этого ветра = медленному удушению); у меня помутился разум, и я беспричинно кипел, кипел и кипел, пока.... не попал в «страну обетованную»...

В Афинах не были; 11 дней плыли из Яффы в Одессу[6]. Теперь в благоухающих полях, и ах, отсюда в город не хочется (как-никак, а езды 2 дня <туда>* и 2 дня назад = 4 ваго<нных> дня), но нельзя не при<ехать>. Ровно ничего не знаю про Москву: вероятно, ряд сюрпризов; жду также много неприятного. Но после 5-месячного роскошества не мешает и потрепаться в московской истерике.

С нетерпеньем жду Вас обнять, выкурить трубку дружеского молчанья у Вас, под Москвой, деловито заговорить в Мусагете и потом перекинуться на прощанье… *словами без слов.*

Мыслей без речи и чувств без названия
Радостно мощный прибой[7].

Обнимаю Вас, близкий друг. До скорого свиданья.

Борис Бугаев.

От Аси и меня всем Вашим привет.

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 41. Помета рукой Метнера: «30/IV 911» (видимо, дата отправления на почтовом штемпеле с несохранившегося конверта); помета рукой Н. П. Киселева: «Луцк».

[1] В Боголюбы под Луцком Белый и А. Тургенева прибыли 25 апреля ст. ст. 1911 г.

[2] Белый приехал в Москву 8 мая («Сейчас приехал», — писал он в этот день из Москвы А. Тургеневой), выехал из Москвы обратно в Боголюбы вместе с Н. А. Тургеневой 18 мая 1911 г.: «…завтра едем с Наташей», — сообщал он из Москвы А. Тургеневой 17 мая (*Nivat Georges.* Lettres d'Andrej Belyj à la famille d'"Asja" // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1977. Vol. XVIII. № 1/2. P. 136).

[3] Эллис.

[4] См. примеч. 10 к п. 195.

[5] См. примеч. 3 к п. 218.

[6] Белый и А. Тургенева выехали из Иерусалима в Яффу 11 (24) апреля 1911 г., прибыли в Одессу 22 апреля (5 мая). В письме к матери от 22 апреля (5 мая), написанном «в виду Одессы», Белый сообщал: «Выехали мы из Яффы 11-го апреля вечером, а сегодня уже 22-ое, т. е. мы на корабле уже живем одиннадцатый день» — и далее перечислял остановки в пути: Хайфа, Бейрут, Александретта, Мерсина, остров Родос, Хиос, Смирна, Константинополь (19–21 апреля (2–4 мая)) (*Письма к матери.* С. 142–143).

[7] Начальные и заключительные строки стихотворения Вл. Соловьева «В Альпах» (1886). См.: *Соловьев.* С. 78.

---

* *Край листа с текстом оторван.*

222. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

24 мая 1911 г. Боголюбы

Милый, милый, любимый друг!

Как здесь хорошо! Как отдыхает душа! Как люблю мою Асю! Как мирно.... И зори... И в зорях «*старая Москва*», которой в Москве теперь нет.

Приезжайте, родной!..

Хотите встретиться с Блоком? Мы замышляем похитить Блока из Шахматова[1]. Вот было бы хорошо, пожить вместе в Боголюбах; кстати: многое о *Мусагете* можно бы поговорить, хотя бы о *дневнике* поэтов[2]; милый, давно, очень, очень давно не встречали мы вместе зорь. Пора — не из зорь ли возник *Мусагет*. Здесь зори, дикость, лес, тишина...

Наташа просит передать, что зовет Вас. Ася — тоже...

Милый, Вы и Наташа[3], только Вы двое улыбнулись мне в Москве. И я понял, что мы трое *о чем-то*.

После нашего разговора мне неясно наметился «*Мусагет*» (прошлый, настоящий и будущий) в новом, мягком, симфоническом блеске...

Вдали от Москвы переживаю зорю...

Ася: люблю ее с каждым днем нежнее и больше; громаднее, все громаднее отсюда развертывается для меня моя жизнь.

Как страдал я две недели в Москве, понял только тогда, когда сон Москвы остался за плечами; мне казалось, сброшена ноша, и я *опять*, как и встарь, ухожу в *огневеющий бархат эфира*[4].

Вчера мы весь вечер читали Блока; утром с Асей читали «*2-ю Симфонию*». Сегодня такой благой, лучезарный закат, и что-то *милое, невозможное*[5] подкрадывается к сердцу.

И хочется справить надежду, вместе помолчать на зоре — чтобы были: Наташа, Ася, Вы, Блок и я...

Все возвращается... Опять возвращается...[6]

Живите надеждой, милый, мой милый друг.

Борис Бугаев.

<Приписка А. А. Тургеневой:>

Буду Вам рада. Ася.

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 42. Над текстом пометы рукой Н. П. Киселева: «Луцк. 24 V 1911», «Москва. 27. V. 1911» (датировки почтовых штемпелей отправления и получения с несохранившегося конверта). Фрагмент опубликован: ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 382–383.

[1] Белый писал Блоку в недатированном письме (возможно, одновременно с настоящим или незадолго до него): «…Ты в конце июля едешь за границу; следовательно, Ты проедешь недалеко от нас и в том случае, если едешь на Гра́ницу (совсем близко), и в том случае, если едешь на Александрово. <…> И вот у нас с Асей созрел план… звать Тебя к нам; у нас просто и хорошо; что Тебе стоит приехать на несколько дней в Боголюбы. Мы так давно не видались, так много могло бы возникнуть от этого в *Мусагете* <…>» (*Белый — Блок*. С. 402). Блок в ответном письме из Шахматова от 6 июня 1911 г. поблагодарил за приглашение, но не принял его, сославшись на то, что поедет за границу другим путем (см.: Там же. С. 405); в письме к Л. Д. Блок от 3 (16) июня 1911 г. он упомянул о письме Белого «с настоятельным приглашением приехать к ним (и от Аси)» и добавил: «Мне это трудно теперь, не поеду» (Литературное наследство. Т. 89. Александр Блок. Письма к жене. М., 1978. С. 261).

[2] О замысле этого неосуществленного издания Белый узнал от Метнера во время пребывания в Москве в середине мая 1911 г. В цитированном выше письме к Блоку Белый писал: «…мне Метнер сообщал конфиденциально о желании Твоем и Вячеслава издавать „*Дневник поэтов*“ втроем (Ты, Вячеслав, я — участники)» (*Белый — Блок*. С. 401–402). Блок отвечал: «Это — инициатива Вячеслава — конечно; мы столько говорили об этом в последние месяцы (притом о журналах не одного, а трех уже типов), что в письме не изложить <…> В частности, я не уверен в необходимости журнала, состоящего из нас троих» (Там же. С. 406). Впервые этот замысел был сформулирован в письме Вячеслава Иванова к Блоку от 20 января 1911 г.: «…давайте издавать Дневник трех поэтов, в котором мы на первом месте заявим, что пишем вместе, под одним заголовком, потому что просто так хотим, но не стремимся ни к единогласию, ни даже к гармонии трех безусловно не зависящих один от другого отделов <…> Трое, конечно, — Вы, Андрей Белый и я. Можем как-нибудь сложиться что ли… или же, быть может, издание возьмет на себя „Мусагет“. Ведь „Мусагет“ и я давно, как Вы знаете, подумывали о периодическом издании совсем иного, чем обычно бывает, порядка» (Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. Т. 41. 1982. № 2. С. 173–174. Публ. Н. В. Котрелева). Параллельно с идеей «Дневника трех поэтов» вынашивался замысел петербургского журнала, инициированного редакционной комиссией в составе Вл. Пяста, Е. В. Аничкова и Блока, также нереализованный (см. письма Блока к матери от 13 января и 21 января 1911 г.: Письма Александра Блока к родным. II. М.; Л., 1932. С. 111–113).

[3] Н. А. Тургенева.

[4] Неточная автоцитата. «Голубеющий бархат эфира» — заключительная строка 1-го стихотворения («В золотистой дали…») цикла «Бальмонту» (1903) из книги Белого «Золото в лазури». См.: *СП — 1*. С. 79.

[5] В «Симфонии (2-ой, драматической)», в части 2-й: «Невозможное, нежное, вечное, милое, старое и новое во все времена» (*Симфонии.* С. 93); в части 4-й: «...*идет*, милое, невозможное, грустно-задумчивое...» (Там же. С. 145).

[6] В части 4-й «Симфонии (2-ой, драматической)»: «Одинокие дворы пели от затаенной грезы: „*Возвращается... Опять возвращается*“» (Там же. С. 129). Та же фраза проходит рефреном в части 3-й «Симфонии...».

223. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

17 июня 1911 г. Боголюбы

Дорогой Эмилий Карлович,

не удивитесь моему письму; да впрочем, я думаю, что Вы удивились бы обратному: удивились бы, если бы я Вам не написал этого письма. Я часто, в сношении с людьми, перехожу от тона важного, соответствующего тому, что переживаю, к тону уступчивому или болтливому, когда вследствие тех или иных обстоятельств время и место не позволяет развернуть в *ширину* и *глубину* фронт разговора. Часто, распираемый изнутри проектами, предложениями, снедаемый заботами, я, не встречая всех условий для нужного мне разговора, давлюсь: слова застревают в горле, и то, чем волнуюсь, *таю в себе*. Таковы отчасти были условия нашей последней встречи[1]: десять дней (из них обмен внешними впечатлениями, дела с мамой, просто встречи и далее: всего два дня, проведенных с Вами) — десять дней, перегруженных впечатлениями, не могли создать во мне условий, в которых я мог бы высказаться начистоту. Я только дал Вам понять, что тревожусь о *Мусагете*; а что эта тревога есть, быть может, главная моя тревога — *это уже предоставляю Вам понять*. Если бы Вы пошли мне навстречу далее, Вы помогли бы мне освободиться от усталости, перекрестных разговоров, поставив разговор о *Мусагете* ребром, но Вы уклонились (может быть, имели основание) — все это в связи с кратковременным пребыванием захлопнуло меня. Раз два человека, близко стоящие к *Мусагету*, знают, сколь далеко не все ладно там, то *чувство долга* перед делом, им близким, обязывает их ближе коснуться; но раз они не касаются — это показывает либо то, что разговор *существенно важный* откладывается до более благоприятного времени, либо есть у кого-либо из них

некоторая *скрытность* друг по отношению другу, заставляющая их выжидать, кто первый коснется *больного* места.

В первом случае более благоприятное время, если Вы не приедете в Боголюбы, может отодвинуться до *ноября*, и осень (время благоприятное для начала деятельности; как было в прошлом и позапрошлом году) <может> опять отодвинуться, что при *невечности Мусагета* почти *ужасно*; но, не имея от Вас никаких известий, я не знаю, свидимся ли мы; а если нет, то мне при моей *резкой критике* некоторых черт нынешнего *Мусагета* будет трудно иметь с ним реальное касание, которое, конечно, возможно лишь через Редактора; а не высказав Редактору того, что лежит у меня на душе, я теряю всякую почву под ногами без Редактора, в случае своего касания *Мусагета*. Вот я и решил Вас уведомить. Пусть это письмо будет для Вас лишь знаком того, что положение мое в Мусагете мне неясно без Вас, что Мусагетом нынешним я не доволен, и вот все это заставляет меня затронуть *основные начала* Мусагетской деятельности.

Я давно молчу; я молчу только оттого, что все ждал инициативы Редактора, в виде ли с его стороны мне предложенных вопросов, в виде ли изложения своего взгляда на настоящее положение вещей. *Но Редактор молчит*, точно замалчивает *нечто*; от этого молчания во мне растет беспокойство; растут даже *химеры*, могущие встать между нами на почве всеобщей невыясненности.

И я решаюсь заговорить о том, о чем совесть моя шепчет вот уже несколько месяцев: «Пора, крайняя пора...»

Начну с шутки.

Кто *мы* Мусагета? Вы — Вы, я, Эллис — Вы, Кожебаткин — Вы, Гессен, Яковенко — Вы, Петровский, Киселев — или переложение и сочетание этих лиц — или упомянутые + Блок, Иванов — или глЫба из «*n*» лиц, коллективно воплощенная в окурках Конторы — *мне не ясно* (ведь я же 7 месяцев отсутствую и не ясно вижу современное положение дел). Я даже не знаю, ассимилируем ли мой дух с виденной мною глЫбой Конторы, где никому нет дела до идейной борьбы, литературы, слова, но где *бессловесно* мистическое перемешивается с окурочным «*головка виснет*»[2].

Все это вместе взятое заговорило со мной, как *мы* Мусагета. Этому *мы* я почувствовал себя непричастным — более того, чуждым, даже ненужным.

И я себе сказал: до разговора начистоту с Эм<илием> Карл<овичем>, или с им созванным *trio*, или *редакционным советом* я, как пять месяцев без своей воли выкинутый (я не знал, что о *Мусагете* пять месяцев не буду информирован), из состава *мы* выключен. Случайно или не случайно с Редактором мы недообъяснились, *мы* в общем мне ответило: «Нельзя понимать, в чем *суть*, не присутствуя, не зная, что происходит (как будто я, писавший чуть не сотни писем с просьбой «*сообщить*», тут виноват), *не у дел*». Таким смыслом на меня глянуло *мы Мусагета*; ни редакционного собрания, ни разговора *en trois*, ни даже разговора с Вами решительного не произошло.

Итог был тот, что я себе сказал: «Мне деликатно дали понять, что я не *Мусагет*».

Таким образом, до разговора с Вами, я *не у дел*; и если до ноября не произойдет решительного обмена мнений, то… — мне в *Мусагете* нечего делать. Может быть, я не нужен мусагетскому *Мы*, состоящему из друзей (да), но не литераторов. Б. Н. Бугаев — одно; Андрей Белый — другое. Белый чужд *мусагетцам*: вот что Белый с болью вынес.

Я все ждал Вашего письма: Вы *не пишете*: мое впечатление от этого растет до… *химеры*. Я решаюсь говорить.

Кто *мы* Мусагета? Было сначала определенно: Вы, Эллис, я… *De facto* же вышло: Вы, Кожебаткин + «n»-ое количество: мы — стало мыы, м*ыыы*.

И вот весной в Конторе я увидел лишь *ыыы*, не зная м–ыыы оно, или уже для меня в–*ыыы*.

И это не по моей вине. Я ехал с бездной волнений, с сознанием, что Мусагет — *родной*, а вышло….?

Я боюсь буквы ***Ы***. Все дурные слова пишутся с этой буквы: р-***Ы***ба (нечто литературно бескровное — Петровский), м-***Ы***ло (мажущаяся лепешка из всех случайных прихожих), п-***Ыль*** (нечто вылетающее из диванов необитаемых помещений), д**Ы**м (окурков), т-***Ыква*** (нечто очень собой довольное), т-***Ы***л (нечто противоположное *боевым* позициям авангарда).

Верьте: пишу не о деятельности *Мусагета* (хорошие книги не имеют буквы *ы*), но о *группе* посещающих Контору людей, о *духе*, вносимом ими и долженствующем определять *линию*.

Линию не вижу; она вне Мусагета, с Вами (у Вас на квартире), со мной (в Боголюбах) и т. д. Но давно уже *наша линия* перешла у нас в молчание у себя дома; мы даже друг с другом не говорим *о линии*, закрываясь недосугом, текущими делами Конторы.

Кампанию делает *дух войска*[3].

Дух мусагетского войска (работников) ужасен, цинично-вял, литературной деятельности чужд и самодоволен.

И это уже сказывается на подборе книг.

Блок мне пишет: «*К чему альманах? Боже, как несовременно…*»[4] И я, столько раз слышавший *дух времени, шум времени*, незаслуженно обижен (ибо в психологии Блока я автор инициативы с Альманахом).

Между тем еще осенью прошлого года я то же самое говорил Брюсову, но Кожебаткин сказал мне, что Вы уже утвердили *Альманах* и это дело решенное (я не стал спорить: сказал себе: Секретарь Кожебаткин знает лучше опытного *литератора* Белого о намерениях редактора и друга Белого — и немного даже огорчился), уступил: Эллис, Соловьев сказали: «Альманах нужен». Вы приехали, и тут я увидел степень Вашего равнодушия к *Альманаху*, идея которого мне одинаково чужда.

Альманах воплощение ни Ваше, ни мое, а воплощение неопределенного (м) (в)-*ыыы*, которое все растет, все растет в *Мусагете*, так что он становится более чужд *Эллису*, Белому, да и Вам.

Я этого не хочу. Эллис — не хочет. Вы — не хотите. Не мы делаем *Мусагет*, а *ыыы* делается…

И кто вина тем причинам, которые развиваются независимо от Вас, меня, Эллиса в *Мусагете*?

Немного — Вы.

Что вызвало у меня серию мыслей о Мусагете? Ряд, по-видимому, друг с другом несовпадающих мелочей. Мусагетское *трио*[5] перестало собираться; Вы говорили о *технике* с Кожебаткиным, а проекты, роившиеся у меня, Вас, Эллиса — роились в наших одиночных комнатах; разговоры же наши были скорей частного, а не мусагетски-идейного характера; а гл*ы*ба, с дующимся *ыыы* конторы, уже пухла; и на почве неустойчивости *трио*, происшедшей от замкнутости, и отчасти Вашего («*мне надо домой*», — это на идейную сторону-то времени нет?) убегания

(непроизвольного) от общения с редакционным *трио* на идейности коллективного *мы* стало паразитировать безыдейно самодовольное *ыы* (дыма окурков); и росло *Столыпинство. Цилиндра*[6].

Далее: осенью, когда мы собирались с проектами, планами — Вас не было; и не имея *власти действовать*, мы говорили, Вас ждали, строили планы: Вы приехали с предвзятой мыслью о какой-то «*португальской революции*»[7] (которой по существу быть не могло — Вы же это сами знали); *я — Редактор*, сказали Вы совершенно не нужную истину, ибо таковым мы, члены *трио*, Вас считали (о мнениях гл-*ыыы*-бы ни Вам, ни нам дела нет). Ваше подчеркивание слов: «*Португальская революция*» — *мне* было несколько неуместным, как сотоварищу *трио*; Андрею Белому никто этого никогда в вину не ставил. И в «*Весах*», когда мы были не *трое*, а *шесть*, когда отсутствовали *четверо*, естественно в журнале деятельней были остающиеся *двое*; и возвращавшийся *Брюсов* Андрею Белому не говорил: «Вы без меня меня свергли». Мы без Вас в начале сезона сочиняли проекты, торопя Вас вернуться, чтобы их рассмотреть. Вы же заговорили о превышении власти. Дорогой, Андрей Белый, считающий себя *лидером символизма*, не ожидал, что одни его планы на будущее уже у друга-редактора возбудят недовольство в превышении власти. Мы были не *капралы* и *офицер* между собой, в трио, а *сотоварищи*. Вашу фразу «*Вашу деятельность, как писателя русского, не сливайте с деятельностью **Мусагета***» я понял: не слишком уже вмешивайтесь в *Мусагет*. Но А. Белый по самому своему темпераменту и по своему боевому прошлому, после руководства «*Весами*» последнего года сущ<ествования> «*Весов*» (органом, пока что вписавшим бóльшую страницу в историю литературы, нежели Мусагет) — А. Белый, с которым считались и Мережковский, и Брюсов в «*Весах*», которого во всем слушал в последние два года «Весов» Поляков, не может быть пешкой в *ыыы* Мусагета. Он или должен сознавать и создавать *свою линию* в нем, или глядеть вовсе со стороны.

Тогдашний Ваш разговор со мной, упоминание о бестактности Петровского (мне не следовало бы передавать слова Петровского, ибо я в них неповинен), «*португальская вашему воображению представившаяся революция*», слова о моей неслиянности, как писателя, с Мусагетом, предстали мне в следующем свете: «*Сверчок — знай свой шесток*».

Я не сверчок, а до этого разговора единственное литературное имя, имеющее прошлый опыт: я — Андрей Белый. Всякому, кого бы я меньше любил, я сказал бы это: но Вам я этого не сказал. Но я сказал себе: «Метнер теперь или сам должен быть диктатором *Мусагета*, или немедленно ряд заседаний *трио* должен решить проекты и освободить потенциально накопленную энергию Эллиса, Белого, Метнера». Но Метнер не созвал трио. С этой минуты морально я был уже выбит из своего положения в *Мусагете*.

Потенциальная энергия невыспрошенных сочленов, как скопленное электричество, не разрешившись *молнией общего дела*, стала излучаться через *остриё* — у Эллиса в штейнеровских кружках[8], у Белого в серии бессонных ночей, невыска<зан>ных дум о *Мусагете*. В это время нерв<н>ый Эллис писал ультиматумы, а нервному Белому была отравлена поездка за границу.

Возвращаясь, Белый решил твердо поговорить: «Ну и что же дальше?»

Но какая-то рука отвела разговор (т. е. некоторое невнимание у Вас к моему волнению о *Мусагете*, о неопределенности моего в нем положения). А *ыы* Конторы сказало: «Нет времени думать о *литературе*; *головка виснет*».

И м–*ыы* Конторы стало для Белого в–*ым*….

Теперь, спрашиваю: кто «*мы*» Мусагета. Если *мы* — Вы, то действуйте, как самодержец; я, не сливая себя с *Мусагетом*, имея право его критиковать в частностях и говорить «*я — не Мусагет*», буду по мере сил, где придется, воплощать свою деятельность, как русского литератора; тогда мой совет Вам: «Разгоните, рассейте *ыы* Мусагета, сделайте *coup d'état**, дабы самому воплотиться в *Мусагет*. Времена слишком важные, чтобы сонно шутить с счастливой возможностью посредством литературы вести свою *линию*. Если же *Мусагет* есть коллективная *линия* группы, скажите, кто эта группа, видите ли Вы в ней меня: или Вы скажете: «*Я Вас не вижу*». Тогда я уйду из *Мусагета*, оставаясь и Вашим другом, и другом издательства. Если Вы видите меня в *нашей линии*, то я уже Вас спрошу: «Как можете Вы меня видеть, когда Вы даже не подозреваете о том, что я намерен *активно* внести в *Мусагет*. Давно, давно Вы уже не видите меня, дорогой друг,

* Решительное преобразование; изменение хода дел (*фр.*).

не знаете, или не хотите знать. Но я, зная, что́ во мне, не могу уже терпеть свое положение: *ни* член Редакции, *ни не член*».

А Вы этого как будто не подозреваете.

О своих дальнейших мыслях, что я вижу в Мусагете, чего хочу, как литератор, не стану писать, пока Вы не ответите мне, кто «*мы*» Мусагета — но ответите, положа руку на сердце. Ради Бога не сердитесь, но поймите, что пишу ***не*** ультиматум, а лишь объективное изложение того, что чувствую. Крепко жму Вашу руку.

Любящий Б. Бугаев.

P. S. У меня теперь важная переписка с Блоком[9], могущая вылиться в деловую о том, как нам, русским символистам, не имеющим нигде *своей линии — быть*: я должен знать, имеет ли *Мусагет* отношение к русской истории, к истории *русского символизма* и т. д.

Представьте себе, в теперешнем хаосе я не знаю этого. Я, например, лично любя Мережковских, рву с ними как представитель *нашей* группы. Нашему я подчиняю свое, беловское. Но окуркам Конторы не подчинится Белый. Мне нужна определенность, знание того, кто *мы*, ибо я для *мы* уже жертвовал связью и дружбой с лицами, чуждыми *мы*. «*Мы*» должен я осознавать *ценным*, или быть одним и свободным.

От Аси привет.

P. S. Итак: или мое письмо есть начало сериозной переписки, или переписка отложится до свидания в Боголюбах, или наоборот, все будет ясно после Вашего ответного письма; до *ноября* я ждать не буду.

P. P. S. Вы поймите, положение мое, как «*Мусагета*», с невозможностью проводить в «*Мусагете*» хотя бы часть *своего*. До «*Мусагета*» мои статьи, лекции были сигналами, лозунгами для группы *моих*. Теперь является *Мусагет*: к нему притекают и *мои*, *мое*, раз я один из трех, а мне говорят в сущности: «Не вводите *своего* в Мусагет». Но это равнозначно: «Не читайте лекции, не говорите своего, беловского, ибо Вы *один из*… Да, да, да, дорогой, это так. Раз деятельность Андрея Белого чужда *Мусагету*, то Белый в Мусагете, и вне Мусагета перестает быть Белым. А так как Белый не перестает быть Белым, то выход ясный: Белый *не желателен*, как и Эллис *не желателен*. Тогда остается Метнер, пусть он один за себя и действует; а то со стороны многие считают

Мусагет в значительной степени органом Белого, и это вовсе не потому, что Белый это думает, а потому что еще ***до*** Мусагета многие смотрели на передовицы Белого в «*Весах*», как на курс Белого, и продолжают то же видеть в *Мусагете*. И осаживанье Белого в «*Мусагете*» есть в сущности полемика с деятельностью Белого вне *Мусагета*. Или дайте отставку Белому, как в сущности Вы дали отставку Эллису, или боритесь с Белым в *Мусагете* не критикой, не затыканием горла, а противопоставлением в работе беловскому *да* метнеровского *да*.

«*Да*» Метнера, не проявившись в Мусагете, уже разбило критикой многие задания Белого.

Дорогой, знайте — Б. Н. Бугаев одно, а Белый — другое; Белый это знает, и в то время, как Б. Н. Бугаев безнадежно-умирающе говорит: «Да, да, да» — А. Белый в нем говорит: «Внимание — *мы от лица русского символизма заявляем...*». И вот наконец Белый Вас спрашивает: Кто *мы* «*М<усаге>та*»?

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 43. На конверте — приписка Белого: «Доставить немедленно (важное)». На л. 1 под текстом помета рукой Н. П. Киселева: «Штемпели. Луцк. 17 VI 1911; Москва. 20 VI 1911» (указаны почтовые штемпели соответственно отправления и получения).

[1] Встречи во время пребывания Белого в Москве в середине мая 1911 г. Первая встреча с Метнером, судя по письму Белого к А. Тургеневой от 9 мая 1911 г., состоялась 10 мая: «Завтра увижу Метнера. Будем на днях собираться. Я буду принципиально ругаться. Может быть, миролюбие разлетится» (Cahiers du Monde russe et soviétique. 1977. Vol. XVIII. № 1/2. P. 136. Публ. Жоржа Нива).

[2] Выражение из рассказа З. Н. Гиппиус «Странничек» (1904), вошедшего в ее пятую книгу рассказов «Черное по белому» (СПб.: Изд. М. В. Пирожкова, 1908), рецензированную Белым в «Весах» (1908. № 2; рецензия вошла в его книгу «Арабески»); крестьянка Мавра рассказывает о смерти своего пятилетнего сына: «А мучился-то как... покою ему сколько ден не было. Возьму на руки, головка-то так и виснет, так и виснет» (*Гиппиус Зинаида*. Собр. соч.: Алый меч. Повести. Рассказы. Стихотворения. М., 2001. С. 435). Это выражение Д. С. Мережковский вынес в заглавие своей статьи («Головка виснет»), вошедшей в его книгу «Больная Россия» (СПб., 1910), наполнив его актуальными социально-политическими смыслами.

[3] Выражение Л. Н. Толстого из романа «Война и мир» (т. 4, ч. 3, гл. II): «...дух войска, то есть большее или меньшее желание драться и подвергать себя опасностям всех людей, составляющих войско, совершенно независимо от того, дерутся ли люди под командой гениев или не гениев, в трех или двух линиях, дубинами или ружьями, стреляющими 30 раз в минуту.

<...> Дух войска — есть множитель на массу, дающий произведение силы» (*Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. Т. 12. М.; Л., 1933. С. 122).

[4] В письме к Белому от 6 июня 1911 г. Блок отозвался о «мусагетском» альманахе стихов «Антология»: «...получил „Антологию" „Мусагета": *зачем она*? Время альманахов прошло; я думаю, что это — лишняя книга. *Талантливое* движение, называемое „новым искусством", кончилось <...>. Теперь уже есть только хорошее и плохое, искусство и не искусство. Потому, я думаю, и „смотров" довольно (Ты говорил, что антология Мусагета есть смотр)» (*Белый — Блок.* С. 406).

[5] Т. е. три инициатора издательского начинания: Метнер, Белый, Эллис.

[6] Подразумевается: верховное руководство А. М. Кожебаткина. П. А. Столыпин — председатель Совета министров с 1906 г.; в 1907–1911 гг. определял правительственную политику. Цилиндр — характерный атрибут Кожебаткина: «...влетевший в вагон Кожебаткин, в цилиндре <...>» (*МДР.* С. 360).

[7] См. п. 203, примеч. 35.

[8] См. примеч. 4 к п. 220.

[9] Белый имеет в виду прежде всего два своих письма к Блоку, относящихся к концу мая и середине июня 1911 г., и письмо Блока от 6 июня 1911 г. (см.: *Белый — Блок.* С. 401–411).

224. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

26–29 июня 1911 г. Имение К. В. Осипова

Свистуха[1] 26/VI 911.

Дорогой Борис Николаевич. Если я не тотчас же ответил на Ваше первое волынское письмо[2], напомнившее с такою сладостною болью минувшие дни второй симфонии и обещавшее их возвращение, то исключительно вследствие крайне диссонирующего с настроением этого письма самочувствия моего, день ото дня становящегося все хуже. Знающий меня друг так и только так должен был истолковать мое молчание. Если бы Вы спросили Наташу[3], почему я не отвечаю, она, которой я не написал еще ни единого письма отсюда, наверно ответила бы Вам: вероятно, ему нехорошо. — До меня давно уже доходили слухи (да Вы и сами признавались мне в этом), что Вы думаете, будто я охладел к Вам, будто я избегаю с Вами говорить с прежнею откровенностью и т. п.: все это — химеры, которым Вы не раз уже давали расти и воплощаться и под влиянием которых Вы предавали

нашу дружбу и впутывали в наши отношения посторонних и сомнительных приятелей вроде Соколова-Кречетова и т. п. — Никогда я не искал ничьей дружбы и любви, никогда не пытался подогревать моих отношений и никогда не стремился к разрыву. Все мои отношения вырастали как цветы и так же естественно отцветали, если это было надо; срывать я никогда не позволял себе, вот почему как в дружбе, так и в любви отношения продолжались нередко односторонне, т. е. с моей стороны, с другой же совершался срыв... — — — Сколько бы раз я ни переоценивал человека, раз вошедшего в мое сердце, какие бы недостатки внезапно ни открывались для меня в нем, сознательно отвернуться от него я не в состоянии, хитрить и дипломатично уклоняться от принципиальных разговоров — также нет; самое большее, что может произойти, это постепенное и медленное отцветание отношения. Такового я в себе не наблюдал, что касается моей дружбы с Вами. Нет во мне никаких колебаний относительно и Вашего таланта. Конечно, по мере нашего общения мне стали яснее иные, опасные, и отрицательные, черты Вашего характера, но кто же без грехов, и, повторяю, все это не может поколебать моей любви к Вам и моего восхищения перед Вашими исключительными дарованиями. По поводу некоторых черт мне приходилось с ближайшими Вашими и моими друзьями говорить и сетовать, но то же самое, вероятно, делали и Вы, говоря с теми же лицами обо мне. Разумеется, я не могу и не стану сообщать Вам результаты моего анализа Вашей личности, ибо это не имеет практического значения и всегда походит на укоризну. Но одно должен сказать, что и самый факт Вашего второго волынского письма и сопоставление содержания последнего с таковым первого письма, все это озадачило меня и вынудило углубить анализ Вашего внутреннего и внешнего habitus'а*. Ваше поведение в отношении ко мне крайне чуждо, непонятно, неприемлемо для меня; такие зигзаги совершенно не отвечают моей природе и заставляют меня быть настороже гораздо в большей степени, нежели после конфликта 1907 года[4]. Кроме того, из письма Вашего я вижу, что художнический психогнозис одно (и им Вы обладаете в высокой степени), а просто человеческий психогнозис — совсем другое,

* Облик (*лат.*).

и тут Вы просто беспомощный ребенок. Ну как же можно было написать мне и обо мне такое письмо?! Ведь если оно попадется когда-нибудь лет через 50 историку литературы и явится для него источником суждения о личности редактора Мусагета, какой уничтожающий приговор вынужден он будет вынести обо мне. Малоизвестный музыкальный критик, заигрывающий с философией и символическим движением литературы, основывает на неизвестные средства издательство с очевидной целью сыграть роль непризванного вождя и руководителя какого-то смутного нового направления, опираясь на группу талантливых, но не пристроившихся литераторов и в особенности на тогда восходившую звезду Андрея Белого; из приятеля отдельных членов этой группы г. Метнер, увлекаемый столь же властолюбием, сколько и честолюбием, превращается очень скоро в мелкого деспота, но деспота ленивого и недостаточно умелого, который ограничивается подавлением инициативы других, не обнаруживая своей собственной; как всегда бывает с такими юпитерами, все равно, в канцелярии или в редакции, Метнер попадает в лапы ловкого секретаря, который и ворочает всем делом вплоть до того, что издает даже книги, не одобренные не только членами фиктивного редакционного комитета, но и самим редактором.

27/VI. В Вашем письме нет ни единого слова правды и все сплошная истерика, явление которой принадлежит к разряду тех, что́ мне наиболее чужды в психологии русского человека, отчего я и терпеть не могу Достоевского. Я не только берусь это лично доказать Вам до конца, а здесь в письме в общих чертах, но и готов был бы документально (письмами моими и Вашими) и свидетельскими показаниями демонстрировать несостоятельность взводимых Вами на меня обвинений и факт искажения Вами картины общего хода мусагетских дел перед лицом кого-либо, избранного нами в третейские судьи.

– –

В противоположность журналу *книго*издательство обнаруживает свою идею чрезвычайно медленно, почему об этой идее судить можно часто лишь после прекращения издательства. *Мусагет*, устраивая в стенах редакции и у дружественного Крахта лекции и собеседования, заключая союз с *Логосом*[5], выделяя

издания *Орфей* (вспомните борьбу по этому поводу с Вячеславом и Ваше колебание между моим и его планом[6]), вступая в блок с Блоком, отмежевываясь от Мережковских, не делая их в то же время своими врагами (издание стихов Гиппиус)[7], аннексируя творчество Вячеслава, устраняя в то же время деспотическое влияние его на общий характер издательства, объединяя лиц, связанных в ином высшем плане, подводя итоги символистической идеологии минувшего периода (*Символизм*, *Арабески*, *Русские символисты*[8]); намечая в публичных заседаниях Рел<игиозно>-фил<ософского> общ<ества>, филос<офского> кружка, лит<ературно>-худ<ожественного> кружка, общ<ества> эстетики[9] позиции философскую, художественную, литературную главных своих членов, делая все это, *Мусагет* показал, что он не только книгоиздательство, но и общественная единица, хотя и очень небольшая. Таков официальный мог бы быть отчет о деятельности *Мусагета*. Что он отвечает в весьма большой мере истинному положению дела, об этом свидетельствует несомненный моральный авторитет, которым *Мусагет* пользуется почти у всех литературных групп и толков, не исключая и части журналистов. Об этом авторитете не раз сами Вы мне говорили.

Что касается уже изданных книг, то совокупность их, конечно, слишком недостаточна по количеству и слишком пестра по составу, чтобы можно было увидеть очертания идеи Мусагета, но судить о последней по изданным книгам то же самое, что о Парфеноне по ступенькам лестницы или двум-трем колоннам. Если какие из изданных книг нуждаются в апологии, то Вы сами знаете, в чем их оправдание и в чем обвинение, в чем они заслуживают снисхождение. Одни книги нуждаются в адвокате со стороны содержания, другие со стороны *внешней* формы (т. е. не той, что́ тесно связана с содержанием). К последним принадлежат Ваши книги, в особенности *Символизм*. Повторяю, я имею в виду не те мелкие промахи, понятные в таком труде и вылавливаемые злостною акрибией Ваших завистников. Весь материал *Символизма* и отчасти *Арабесок* сплошь ценен, но книги вышли нескладными оттого, что Вы втиснули весь материал только в две книги вместо, м<ожет> б<ыть>, четырех, оттого что Вы увлеклись комментариями[10], оттого что Вы допустили начать набор до того, как статьи (т. е. основа

книги) были приведены в окончательную форму и т. д. Вы все это знаете лучше меня. Ваши книги, даже если все будут проданы до последнего экземпляра, не вернут расходов. Не говоря уже о том, что громоздкая внешняя форма их и высокая цена не способствуют распространению Ваших идей в более широких кругах. Как я мог думать, что Вы, чуть ли не десять лет пишущий, не сумеете распределить своего богатства по отдельным книгам таким образом, чтобы они стали с большею легкостью достоянием массы читателей? И в каком *деспотизме* вправе были бы Вы и друзья наши упрекать меня, если бы я вторгся в Вашу лабораторию и сам стал распределять Ваши работы по группам? Из книг, требующих оправдания по содержанию, я знаю только одну, это — Бодлэра[11]; но это голос Эллиса, одного из ближайших Мусагету лиц, одного из сооснователей его. Напрасно была издана Гиппиус, это был медовый пирожок в пасть дракона; но кто настаивал на издании Гиппиус, книги, проданной в наименьшем количестве экземпляров и даже по содержанию мало отвечающей настроениям мусагетской группы, как не Вы сами, Борис Николаевич, и если бы я следовал дальше тем обещаниям, которые Вы только по слабости воли раздавали направо и налево, то мы издали бы наверно сборник стихов Юрия Верховского*, затем Валериана Бородаевского[13], потом, м<ожет> б<ыть>, статьи Максимилиана Волошина и т. д. *ad infinitum***. Некоторого оправдания нуждается *Логос* благодаря иным своим статьям. Но, во-первых, *Логос* международен и в отношении к *Мусагету* конституционен. Во-вторых, Вы все время были ярым сторонником *Логоса*. В-третьих, Мусагетирование *Логоса* не может состояться так быстро. В-четвертых и в связи с последним, не забывайте, что одним из главных мотивов союза с *Логосом* явилось желание мое, чтобы Вы, Вячеслав, Эллис и, м<ожет> б<ыть>, проснувшийся Петровский упражняли свою философичность. Не моя вина, что Вы вместо мировоззрительной статьи по философии отписались «под Фосслера» Потебней[14] и замолчали, что и для *немецкого* Логоса Вы не готовите статьи (а я как раз мечтал увидеть Ваше произведение в немецком

---

* Этому Вы прямо обещали издать стихи; он в Петербурге сказал мне это[12]. (*Примеч. Метнера*).

** До бесконечности (*лат.*).

филос<офском> журнале, и какое важное событие являла бы собою эта статья); не моя вина, что Вячеслав, пишущий по-немецки, как по-русски, не дал до сих пор статьи и в немецкий *Логос*, и для русского дал популярную лекцию о Толстом[15]; не моя вина, что Эллис ***не хочет*** (ибо, конечно, может) писать о «своем», но строже и без истерических выкриков; что он, словно издеваясь над *Логосом*, дал редакторам две такие нелепые рецензии, что привел их в смущение; не моя вина, что не пробудился к активности Петровский, работа которого, конечно, пришлась бы к *Логосу*, ибо по духу своему он все-таки кантианец. И тем не менее Мусагетирование *Логоса* медленно, но подвигается, и уверяю Вас, что совсем иную еще картину являл бы собою этот ежегодник, если бы он попал в лапы к Лурье. Уже одно то, что мы, приняв Логос, хотя и с большими издержками, но исполнили катоновское Delenda est Carthago* и ти́товское delenda sunt Hierosolyma[16], ибо главное не надо допускать юдаистической штаб-квартиры. Степпун — «слаби», как говорит Эллис; Гессен — сын крещеных евреев; Яковенко — слишком абстрактен и не вполне еще свободен от когенианства[17], и вот старший и хитрый Лурье постепенно юдаизировал бы *Логос* до последней буквы. Наконец, как, к великому изумлению моему, видно из Вашего письма, в оправдании нуждается *Антология*. Вы, как Вы выражаетесь, конечно не «автор инициативы с Альманахом», но... Вы забываете, во-первых, что на самых первоначальных собраниях Мусагета, т. е. осенью 190**9** г., мы решили не издавать книг стихов отдельных авторов, кроме Вас, Эллиса, Соловьева (Блок тогда еще не имелся в виду), а чтобы не быть по кружковски-партийным, было постановлено на *второй* год деятельности (т. е. в 19***11*** г.) издать Антологию или Альманах, где собрать стихотворения всех поэтов, даже далеко стоящих от *Мусагета***. Это постановление, с которым согласились тогда все присутствующие, и имел в виду Кожебаткин, когда сказал Вам осенью 19***10*** г., что я утвердил Альманах; у меня есть Ваше письмо от 1 октября 1910 года[18], в котором Вы поете Кожебаткину хвалу (неумеренную и неосновательную, ибо не за *то* хвалите его, что

* Карфаген должен быть разрушен (*лат.*).

** Этот принцип мы, к сожалению, нарушили тем, что издали стихи Гиппиус. (*Примеч. Метнера*).

в нем действительно ценно) и, между прочим, прыгаете до потолка от восторга, как Кожебаткин перебил у Брюсова, т. е. у Скорпиона, поэтов и чтó за Альманах благодаря этому у нас получится. Не лучше было бы *потребовать* от Кожебаткина пообождать с приглашением поэтов, написать мне о своих сомнениях в целесообразности *теперь* именно издавать Альманах, чем («скрыв свое огорчение», как Вы теперь чуть не год спустя признаетесь) пассивно отнестись к оборудованию Альманаха Кожебаткиным, да еще вдобавок захлебываться от восхищения, описывая мне это оборудование; или Вы тогда были неискренни и скрытны (зачем?!), или Вы (чтó мне представляется более вероятным) *тогда* были вполне за Альманах, а *теперь* под влиянием Блока и отчасти под впечатлением иных неудачных страниц *Антологии* говорите, что «идея эта чужда» Вам, забыв прошлое… Мало этого; Вы забыли еще более близкое прошлое; Вы забыли, что, обсуждая и цензуруя материал Альманаха, Вы перед самым своим отъездом говорили благосклонно об Альманахе, обещали для него драму, будто вполне уже готовую в голове[19] (а это обещание было одним из главных мотивов *для меня*, более равнодушного к средней лирической поэзии, *не* отклонять Альманаха); ведь если бы Вы действительно были так против Альманаха, как это Вам теперь представляется, то кто Вам мешал, во-первых, на большинстве предложенных Вам на рассмотрение стихотворений проставить *veto*; а во-вторых, еще лучше, высказаться, хотя и поздно, по существу со мною; мы могли бы возвратить авторам рукописи и потерять 100 рублей, выданных авансом: вот и все. Но Вы молчали, и я уверен, что молчали bona fide*, а вовсе не затаив огорчения. Что касается Блока, то напрасно он не написал мне своего мнения о несвоевременности Альманаха и напрасно Вы скрыли от меня его мнение.

Еще два слова об *Антологии.* Не считая себя специалистом в критике стихотворной поэзии, я предоставил первое слово Вам, второе Эллису** и последнее себе, причем в своем суждении

---

* Чистосердечно (*лат.*).

** Кстати: Вы забыли, как Эллис жаловался мне по приезде моем, что Кожебаткин (под предлогом, что Вам поручена классическая Антология) устраняет его от обсуждения материала *Антологии*, совещаясь только с Вами. Это — факт, который лишний раз подтверждает первоначальные Ваши симпатии к идее Антологии. (*Примеч. Метнера*).

я нередко уступал даже нехотя «да, принять», «очень хорошо» и другим вотумам Вашим и Эллиса. Я удивляюсь, как Вы могли так деятельно участвовать в издании книги, Вам антипатичной.

– — – — – — – — – — – — – — – — – — – — – — –

Что касается того, как образуется линия *Мусагета*, то само собою разумеется, что не тем путем, что я или Вы берете карандаш и властно проводите ее; эта линия есть диагональ, есть равнодействующая индивидуальных линий главных участников *Мусагета*; роль же моя как редактора (а не как сотрудника *Мусагета*) заключается лишь в некотором регулировании этого процесса образования равнодействующей. Если бы я в Мусагете решил проводить только свою линию, только то, что ни на иоту не отступает от этой линии, то я, конечно, издал бы все Ваше (за исключением, м<ожет> б<ыть>, некоторых страниц, а также кое-чего из комментарий к Символизму), заставил бы Эллиса еще и еще раз переработать *Русских Символистов*; не издал бы Бодлэра; не издал бы Рэйсбрука[20]; не издал бы Гиппиус; а из стихов *Апрель* и *Stigmata*[21] удалил бы по крайней мере по ⅓. — Альманах же отложил, пока Вы не дали бы драмы. — Кроме того, я наметил бы целый ряд переводов таких книг, от которых стал бы волос дыбом у Эллиса; больше того: при всем преклонении перед Яковом Бёме, я, не будь Петровского, который с такою любовью занят переводом Авроры[22], призадумался бы издавать его, ибо я далеко не убежден в том, что мистика, которая, являясь диалектикой сердца и образует скорее характер, нежели ум, более необходима в культурном отношении для *русского* общества, нежели, напр<имер>, гуманисты вроде Гердера, Лихтенберга и старых[23]. —

М<ожет> б<ыть>, избранные письма Гёте были бы важнее и нужнее России, нежели Бёме. Но я вовсе не хочу, чтобы Мусагет был отражением только того, что вполне консонирует с моим мировоззрением и с моими намерениями. В том, что Вы, Эллис, Петровский, Рачинский, Киселев, Блок, Маргарита Сабашникова в первом ряду; Вячеслав — особо; *Логос* (как целое) — особо; далее Нилендер, Соловьев, Садовской, Миша Сизов и молодежь во втором ряду; что все это — со мною, в этом я вижу не нечто случайное, а органически сложившееся; это и есть Мусагет; надлежит только, осторожно регулируя, не слишком регламентируя, стараться согласить в различном направлении, но в конце

концов к одному и тому же направляющиеся силы. Энергичное и диктаторское вмешательство необходимо и допустимо лишь в случаях, когда кто-нибудь из составляющих моральную персону Мусагета лиц явно нарушает основную его идею (назовем ее для краткости: религия и культура *свободных* арийцев); или же узурпирует Мусагет для личных оттенков и чересчур индивидуальных моментов своего мировоззрения; так я дал отпор поползновениям Вячеслава (в Вашем присутствии шел один из центральных разговоров на эту тему); так я письмом в редакцию *Аполлона* в ответ на инспирированную Эллисом статью Макса Волошина раз навсегда *негативно* определил позицию Мусагета, указав, чем Мусагет никогда сделаться не может и не должен[24]. — Если бы Мусагет обладал огромным капиталом, он мог бы основать журнал, образовать штат искусных переводчиков и наметить сразу с полсотни ценных иностранных книг, ближе указующих, куда клонится его идея; мог бы даже наметить систематический ряд оригинальных монографий и поручить их составление специалистам и т. п. Но средства Мусагета невелики, и потому я продолжаю настаивать на том, что тесный кружок немногих лиц, связанных более или менее продолжительною дружбою, среди которых родился Мусагет, самым своим составом определяет пока что идею последнего. Да! Мы должны и будем печатать оригинальные и переводные труды именно этих (главным образом) лиц, если только кто-н<ибудь> из них не даст, «эволюционируя», нечто такое, что находится в кричащем несоответствии с всеми чувствуемой идеей. Да! Мы идем от лиц, как живых носителей идеи, а не от отвлеченной идеи; мы идем от лиц, образующих наш мусагетский кружок, и от великих умерших, являющихся как бы патронами членов этого кружка; Гёте, Данте, Ницше, Пушкин, Гоголь, Владимир Соловьев, Фет, Новалис, Бёме, Гераклит, Вагнер, Мейстер Эккарт, Винчи, Бетховен, Бах, Моцарт, Врубель, Кант, Шлегель[25], Шеллинг; лучи мысли, идущие от этих великих мертвецов, проходят через живых: Андрея Белого, Эллиса, Вячеслава Иванова, Садовского, Нилендера, Вольфинга, Петровского, Блока, Сабашникову, Яковенко, Степпуна и т. д.

Обращаюсь к тексту Вашего письма. Я уже выше указал Вам, какое впечатление вынес бы всякий со стороны (напр<имер>,

будущий Стороженко, которому попалось бы в руки Ваше письмо) как обо мне, так и о Мусагете. Теперь остановлюсь на деталях. 1) Откуда Вы взяли, что я уклонялся от принципиального разговора с Вами в Ваше последнее пребывание в Москве? Правда, мы не имели возможности (не по моей вине: Вы как всегда не сумели распределить время и тратили его на всякие пустяки) — говорить много и долго; но не Вы ли после разговора со мною выразили Наташе свое удовольствие по поводу того, что «лишь побеседовав с Эм<илием> Карл<овичем>, я вполне и сразу ориентировался и успокоился». За точность выражений не ручаюсь, но смысл наверное был передан Наташей верно и верно же схвачен мною. —

2) Вы указываете на то, что «как в прошлом, так и в позапрошлом году» пропала «осень», т. е. — «время благоприятное для начала деятельности». Другими словами, я виноват в чем-то, в каком-то упущении, ибо меня не было в 1909 году до 1 октября, а в 1910 г. до 1 ноября (или последних чисел октября, точно не помню). Что же пропало? Возьмем осень 1909 года. Когда я приехал, то состоялось несколько редакционных собраний, вполне выяснивших наши планы (отклонение журнала[26], соединение с Логосом, серия книг, издание которых желательно, принципиальное решение издать Альманах и сборники статей, с которыми согласились, однако, не торопиться, пока отдельные авторы не споются друг с другом[27]); но разве мой приезд 1 октября вместо (допустим) 1 сентября (а последнее было прямо невозможно!) является причиной того, что рукописи *Символизма* и *Русских Символистов* оказались только наполовину готовыми, что Рейсбрук, о котором Вы писали мне, точно он послезавтра мог быть отдан в типографию, должен был пройти кропотливейшую правку, что остальные рукописи оказались пуфом??!!!! У меня есть письма того времени — от Вас и от Эллиса, восторженные и милые, переполненные разными великими, но неосуществимыми планами и с постоянным припевом: приезжайте скорее; все готово; у нас 10 рукописей, которые на днях могут быть отданы в типографию; Кожебаткин подбирает уже шрифт; и надо обсудить, что́ писать и готовить дальше. И вот я с трудом вырвался и приехал 1-го октября. Застал только хаос. Окатил всех холодной водой. И было приступлено к будничной работе... Теперь я глубоко жалею, что приехал тогда 1 октября. Не поздно, а слишком рано я приехал

тогда. Раньше января мне и не надо было бы приезжать (я избег бы тогда очень многих осложнений в своей личной жизни, о чем, конечно, я не могу здесь распространяться); получив от Вас смету по журналу и убедившись, что издавать журнал нельзя, я должен был бы заявить об этом и затем попросить, чтобы меня уведомили, когда *Символизм* и *Рус<ские> Символисты*, вполне готовые, могут быть сданы в печать, а рукопись Рейсбрука вытребовать к себе в Веймар на просмотр. Тогда оказалось бы, что январь 1910 г. — самое раннее, когда мне стоило приехать, чтобы открыть Мусагет. Но я поверил фантастическим заявлениям друзей и поскакал в Москву, куда, впрочем, Вы призывали меня поскорее не только по делу Мусагета, но и по делу: △[28]. — — — Теперь: осень 1910 года. Я возвратился к 1 ноября. Допустим, что я виновен (хотя и заслуживаю снисхождения, по причинам, о которых не только здесь распространяться неуместно, но о которых я, как и вообще о своей личной интимной жизни, пока не имею права говорить); итак, пусть я виновен, что не явился двумя месяцами раньше в Москву. Что же упущено вследствие этого моего запоздания? Ведь не выход же в свет нескольких книг, что́ зависит от бдительности Кожебаткина и оборудованности типографии. Следовательно, только опять рассмотрение планов и проектов будущих изданий. Скажем, что основное заседание, на котором разработаны вопросы о трех сборниках, о статьях для каталога, о серии брошюр и о книгах о композиторах[29], что это заседание произошло двумя месяцами позже, нежели следовало. Тогда надо считать, что сегодня не 28 июня, а 28 апреля; отлично; было решено, что сборник о русских поэтах выйдет в конце апреля (т. е. минус два месяца = в конце февраля); но никто не подал к сроку ни единой рукописи, и, даже допуская мою редакторскую погрешность, надо признать, что мое двухмесячное опоздание едва ли повинно в двухмесячном *уже*, а очевидно по меньшей мере полугодовом опоздании авторов русского сборника. О статьях иностранного сборника и сборника о культуре, должно быть, даже и забыли думу думати. Были доложены на этом заседании мнения о статьях для каталога («проекты проспекта» и «проспекты проекта», как Вы их шутя называли); и Вы и Эллис согласились с мнениями (правда, чрезмерно резкими) Петровского и Рачинского, что Ваши передовицы не годятся для публики, что их надо

переделать и что лучше их пустить в следующем издании каталога (или по другому названию *Книжных листков Мусагета*)[30], а в первом издании поместить мою статью*, развив некоторые ее части, статью Гессена о *Логосе* и статью Вячеслава об *Орфее*. Я принялся, несмотря на заботу о своей книге и на полное неумение мое думать одновременно о двух темах, за разработку своей программной статьи; окончив ее, я написал письмо Вячеславу и препроводил ему статью мою и статью Гессена о *Логосе*, с просьбой, приняв их во внимание, написать нечто консонирующее об *Орфее*[31]. Несмотря на многократные напоминания, Вячеслав до сих пор не прислал ничего. Прошло с тех пор полгода. Неужели и в этом виновато мое несчастное появление в Москве к ноябрю вместо сентября???! Литератор калибра Вячеслава не в состоянии написать нескольких страниц о близком ему предмете для дружественного издательства. А я со своим дилетантизмом и педантизмом, своим трудным и нудным пером нацарапал, повинуясь долгу, статью в полной уверенности, что она окажется самой плохой, а она оказалась единственной. Вы знаете, как мне трудно писать; вытребуйте у Кожебаткина копию моей статьи, и Вы увидите, что, несмотря на небольшие размеры, она потребовала от меня большой работы (вдобавок прервав мою главную работу[32]), ибо написана осторожно, точно, спокойно, ясно — — — т. е. не от руки, а после долгого обдумывания и набрасывания. — Я сделал свое дело. Нельзя же было выпускать *Книжные Листки* с одной моей статьей; еще менее допустимо дать статью о *Мусагете* и о *Логосе* и не дать статьи об *Орфее*. Итак, пришлось, ожидая со дня на день, отложить «проспекты проектов» на неопределенное время. Идее издавать брошюры все так обрадовались на этом заседании, что поднялся даже гул; мое издательское сердце и окнуло: я испугался моря брошюр, ибо видел, как загорелись глаза у Эллиса, как хлопал в ладоши Белый, как закачался Киселев, как улыбнулся Петровский, как призадумался над своей брошюрой Рачинский и т. д. Для начала я выбрал брошюру Деуссена («Веданта и Платон в свете Кантова учения»)[33], брошюру Вернике «Религия Канта»

* В развитом виде Вы этой статьи не знаете; она находится у Вячеслава; есть список у Кожебаткина; по крайней мере я ему говорил, чтобы он приказал копировать ее. (*Примеч. Метнера*).

и фон Шольца (Немецкие мистики)[34]. Все три брошюры поручены для перевода и редакции последнего* Мише Сизову и Петровскому. До сих пор (прошло 4 с лишком месяца) переведена, и то не до конца, первая из названных брошюр; в ней… всего… 26 страниц, правда, большого формата и убористого шрифта. Может быть, и тут виновато мое позднее появление? — Итак, я испугался моря брошюр, а не появилось ни одной; я думал, что и Петровский и Рачинский размахнутся для брошюры, не говоря уже об Эллисе или о Вас. Но все напрасно. С книгами о композиторах мне пришлось возиться страшно много говорить, убеждать, согласовать, просить; наконец, казалось, все улажено; но к сроку не только не поступило ни единой статьи, но оказалось вдобавок, что никто и не приступал к статьям. Я имею в виду не Вас здесь и не Эллиса, а музыкантов. — Итак, я решительно не понимаю, что значит Ваш упрек в запаздывании моем в 1909 и в 1910 году. Объявляю Вам заранее, что и в нынешнем году я (***если*** приеду), то не раньше 1 ноября. —

3) Все Ваше письмо, если оставить в стороне типично бугаевские филологические и математические шуточки, даже как бы вовсе не Вами написано, до такой степени оно мало предметно, отвлеченно-канцелярское! Я просто подчас не понимаю, о чем ***конкретно*** Вы изволите говорить?.. Вы всё «ждали инициативы редактора». В чем инициативы? «В виде ли с его стороны мне предложенных вопросов» (о чем??), «в виде ли изложения своего взгляда на настоящее положение вещей» (каких вещей??). Ведь это все прямо, извините, просто болтовня!!! Я слаб только как писатель (непродуктивен, медлителен), но как редактора я себя ни в чем упрекнуть не могу (за исключением тех неважных промахов, которые связаны с моей неопытностью в технике печатного дела); не станете же Вы, Эллис и другие упрекать меня в том, что я более, нежели следовало, доверял литераторской точности в смысле выполнения работ к условленному сроку; конечно, я излечился навсегда от этой доверчивости; понимая вполне *как литератор*, что иначе и нельзя, что от творческой работы трудно ждать точности срока, я думаю все-таки, что при

* Вы понимаете, что мы должны давать работу *своим*, а не искать хотя бы более прытких работников на стороне?!! (*Примеч. Метнера*).

подобной неопределенности и неведомости того, что ждет завтра, никакая коллективная работа невозможна; Брюсов сто раз прав, когда он сказал мне, что утвердительно ответить на вопрос, когда, и будет ли вообще, напечатан *Серебряный Голубь* в *Русской Мысли*[35], он сможет лишь тогда, если рукопись, чисто написанная и доведенная до конца, будет лежать на его столе. — Вы ставите вопрос об инициативе редактора так, как если бы дело шло об ежедневной политико-общественной газете, а не об издательстве, выпускающем по нескольку кирпичей в год. Моя инициатива проявилась в самом начале в отклонении журнала, в отклонении кожебаткинского эстетства в выборе и в качествах издания книг, в соединении с *Логосом*, в выделении *Орфея*, в предложении с своей стороны ряда книг, в полемике с Вами по поводу Ваших чрезмерно широких проектов сборников; вспомните *Ваш* сборник о культуре, который пришел Вам в голову в то время, когда Вы с Кожебаткиным сидели в «Праге»[36], и о котором Вы написали мне за границу[37]. Когда я получил это письмо в Берлине (в октябре прошлого года), я не спал всю ночь, опасаясь, что сделаны уже шаги к осуществлению. Когда же я приехал и говорил с Вами об этом, читая Вам места Вашего письма, Вы смеялись и говорили: Боже, что за карикатура! Неужели я мог это написать и предложить. Между тем Вы не только это написали мне и предложили, но и сделали шаг к осуществлению, попросив Гессена заехать к Мережковскому и предложить ему участие в этом диком сборнике статьею *Культура и Религия*. Впоследствии, когда я приехал и на основном заседании обсуждался проект сборника о культуре, на мое предложение поручить такие-то темы таким-то лицам и, в частности, *Религия и Культура* Вячеславу Иванову, с чем все согласились, Вы, согласившись также, не упомянули о сделанном Вами через Гессена шаге, чем поставили меня в крайне неловкое положение перед Вячеславом, который полагал, что это именно я тот наивный человек, который думает, что он и Мережковский могут писать в одном и том же сборнике на одну и ту же тему. Сборник о культуре Вы собирались выпустить (по Вашему тогдашнему письму судя) чуть ли не в два-три месяца; а на заседании Вы согласились со мною (и с другими), что сборник о культуре должен выйти третьим

(I — русский; II — иностранный), и притом отнюдь не скоропалительно, а через год и после основательного обсуждения и согласования всех его статей. Вообще всякая торопливость в редакции *книго*издательства совершенно излишня; в Мусагете Вы, Эллис и Кожебаткин склонны к молниеносным решениям по всем направлениям; здесь все спешат, суетятся, говорят с пеной у рта, *так*, как будто промедление одного дня уже может непоправимо испортить дело; но исполнение решений медлительно и неопределенно до бесконечности; здесь пропадают не дни, а полугодия; необходимо обратно: долго обдумывать решение и быстро приводить его в исполнение. — Присутствие редактора в Москве, конечно, по временам необходимо, но чтобы нельзя было в *книго*издательстве обождать несколько дней, а иногда недель, чтобы нельзя было *многое* отлично обсудить путем переписки, это — неправда! Инициативу же я проявляю ровно столько, сколько это возможно при медленном ходе книгоиздательской машины и при сохранении того принципа, о котором я говорил выше, именно о проявлении индивидуальных линий главных членов *Мусагета*. —

4) Все это «Ы», «глыба, воплощенная в окурках Конторы», и тому подобные Вами создаваемые низшие астральные существа, все это — «вз*шли*» и «недот***Ы***комки»[38], все это вот что: выискивание блох и вшей; все это пресловутое русское «ковыряние» (термин Мусоргского)[39]; все это — истерическое всматривание в «п***Ы***ль» бесконечно малых величин, от которого изнурился Чехов и которым всех изнурил Достоевский; глубина русского писателя часто заключается не в чем ином, как в ношении в одном глазу микроскопа и в наивном сравнении отсюда по величине предметов, видимых невооруженным глазом и через микроскоп, откуда и утверждение что холерная запятая одного роста со скаковой лошадью. «Головка виснет»; «я выключен из состава Мы»; что все сие значит? Совершенно не понимаю! Как это «Мы», которое «в общем» (?) ответило Вам: «нельзя понимать, в чем суть, не присутствуя, не зная, что́ происходит», ну не кошмары ли все это!? — И, увидев в *Мусагете* только окурки и контору, не обнаружили ли Вы этим, что *Вам* теперь уже больше Мусагет не нужен (а не то, что *Вы* не нужны ему). —

5) Вначале я, видя, что Кожебаткин стремится к более сильному влиянию, что он думает определять линию Мусагета, осаживал его с риском его обидеть и потерять деятельного секретаря и способного купца. Тогда Вы и Эллис, рекомендовавшие его, стали за него заступаться. Я не обращал внимания и успокоился лишь тогда, когда Кожебаткин помирился с нежелательным ему направлением, ограничиваясь мелкими шпильками и интригами*. Теперь, когда я и отец мой, заведующий денежной частью, очень довольны работой Кожебаткина, теперь Вы (и это уже *не* в первый раз) нападаете на него, несмотря на то, что он оказывает Вам услуги в Ваших личных делах. Если Кожебаткин позволяет себе говорить Вам от лица *Мусагета* и чуть ли не читать наставления, то Вы в этом сами кругом виноваты; кто Вас просил просиживать с ним ночи в «Праге», пить на ты (ты тоже ***Ы*** и какое еще!), поверять ему тайны своей личной жизни, чуть что не вербовать его в Δ[41]; оттого Кожебаткин и «вырастает» в Ваших глазах «до... химеры». Вы субъективны до... «химеры» и все предметы видите в фальшивом освещении и в неверной перспективе... Больше того: Вы начинаете видеть каких-то невидимых или чересчур случайных лиц, которых Вы, однако, именуете «группой посещающих Контору людей, которые вносят дух, долженствующий определять линию Мусагета».

6) «Мусагет становится все более чужд Эллису, Белому, Метнеру». Мне он не чужд, почему он стал Вам чужд, я могу судить только гадательно, что же касается Эллиса, то в настоящий момент своего пути он почти всецело вне Мусагета, ибо католичен, штейнерьянен, антиэстетичен; человек, который кричит, что надо жечь тех, кто не признает папы и Штейнера и Штейнера папой, который стоит за Фому Аквинского, инквизицию и иезуитов, который всякое искусство, занятое чем-либо иным, кроме прославления стигматизма[42], называет блудом, который каждым своим теперешним жестом говорит *нет* свободной арийской культуре, не может, пока снова не переэволюционирует, числиться членом распорядительного Комитета; вот отчего нет больше

---

* Одна из несомненных интриг его — это напечатание полностью и без моего ведома *наброска* Степуна и Яковенки о расширении деятельности Логоса[40]. Это очень нехорошо. (*Примеч. Метнера*).

собраний en trois, на что Вы жалуетесь; ведь с настоящей точки зрения Эллиса не только *Антология** и *Логос*, но все книги (кроме *отчасти* Ваших, его собственных, и изданий *Орфей*), изданные до сих пор и готовящиеся, — суть редакционные промахи. Вы бы послушали, как он недавно бранил меня за то, что я выбрасываю деньги на такой мусор, как собрание стихотворений Блока[43], которого он ругал не помню каким словом, означающим блуд со святыней; а затем взял книгу и прочитывал отдельные строчки, неистово издеваясь. Спрашивается, способен ли такой человек, который одержим чем-то до конца враждебным Мусагету, стоять во главе его, пока с ним не произойдет перемена к прежнему мировоззрению? А между тем Эллис, как раз сделавшись внутренно антимусагетичным, внешне с особенным пафосом всюду объявлял себя редактором. Статья Макса Волошина есть отражение этого поведения Эллиса. Я вынужден был ответить и, кроме того, во избежание толков и недоразумений проставить свое имя как редактора в начале каталога (см., напр<имер>, каталог в конце первого тома Блока[44]); впоследствии, конечно, можно будет снять мое имя, ибо я сделал это вовсе не с целью рекламы. —

7) Я никогда не рассматривал помещения Редакции, в особенности в деловые часы, когда присутствует Контора, а у Вас в глазах мерещится от «распухшего ЫЫЫ», как место, где можно обсуждать «идейную сторону», оттого и «мне надо домой», когда Эллис начинал вопить «о последнем», мешая Ахрамовичу корректировать и увеличивая тем и без того большое количество опечаток в изданиях Мусагета. Но я никогда не уклонялся от идейных разговоров ни с Вами, ни с кем другим из *Мусагета*. В чем же все наше общение с Вами, как не в этом? —

8) Относительно Ваших жалоб, что «осенью, когда мы собирались с проектами, планами, Вас не было», я уже выше сказал. Здесь прибавлю только, что не странно ли с Вашей стороны полагать, будто мое пребывание за границей и неприсутствие на некоторых заседаниях в начале сезона ничего не оправдываемо, тогда

* Кстати: Вы на одной странице письма выдвигаете Эллиса как стоявшего за Антологию, а на другой как ее противника. Этот курьез показывает, до какой степени мнение Эллиса колеблется и фактически, и в вашем воспоминании. (*Примеч. Метнера*).

как Ваше путешествие или то, что Вы, приехав в Москву, не могли остаться несколько дней *лишних** для идейных разговоров, это все в порядке вещей. Но во время моего преступного пребывания за границей явилась реальная возможность осуществить Мусагет, а письма мои из заграницы настолько обстоятельны, что из них можно *было*, в особенности людям, меня знающим, составить точнейшую инструкцию.

9) Неудачный термин «португальская революция», которым я шутя пользовался, принадлежит не мне, а Эллису. Что в начале прошлого сезона благодаря проискам Кожебаткина (кот<орый> следовал принципу divide et impera**) до моего приезда шла перебранка, это, к сожалению, факт, отрицать который Вы не можете; это доказуемо Вашими письмами и письмами Эллиса; Вы всё успели забыть: в это время Вы дружили с Кожебаткиным, и он настраивал Вас против меня, пользуясь моим отсутствием; отголоском этого был разговор Петровского с Анютой[45] о том, что я должен уступить Вам редакторство, т<ак> к<ак> я не со всеми членами (читай, с Кожебаткиным) гармонирую. (Прошу Вас, конечно, об этом Петровскому не говорить!) Никакой «предвзятой мысли» о «португальской революции» у меня, конечно, не было. Вся эта часть Вашего письма, где Вы обижаетесь на меня по поводу «португальской революции», сплошь неправда, т<ак> к<ак> Вы явно *всё* забыли, что и как тогда происходило. Фразы «Вашу деятельность как писателя русского не сливайте с деятельностью Мусагета» я никогда и не произносил. Все это место письма прямо возмутительно; я выставлен каким-то мелким тиранном, зажимающим Вам рот, мешающим Вам «сознавать и создавать свою линию в Мусагете». Нет, Борис Николаевич, Вы или больны, или Вы ищете ссоры. Или тут интрига. Кто-н<ибудь> что-н<ибудь> Вам не так передал о том, что я говорил по возвращении из Петербурга[46], где имел две неприятности с Юрием Верховским и Вячеславом. Я сказал тогда, что неужели Борис Николаевич не мог сначала запросить меня, а потом обещать Верховскому

* Вы спешили уехать из Ховрина в Москву, чтобы поговорить с каким-то юношей, женихом какой-то курсистки, которая Вами бредила. (*Примеч. Метнера*).

** Разделяй и властвуй (*лат.*).

и заказывать через Гессена статью Мережковскому. — — — Повторяю, что в *книго*издательстве (вот почему неверно сравнение с ежемесячником *Весами*, которое Вы приводите) не может быть такого спешного вопроса, относительно которого некогда списаться с редактором, хотя бы последний находился в Америке. Вы могли вести свою линию беспрепятственно, но должны были спросить меня относительно фактического осуществления отдельных шагов. Это — не субординация, а товарищеская критика, и я ничего не предпринимал без Вашего совета, за исключением упомянутых выше немецких брошюр, которые не посылать же было в Африку и которые одобрены Петровским и Киселевым. Вы так придираетесь, что, право, я не шутя думаю, не ищете ли Вы повода выйти из *Мусагета*. Не произошел ли и в Вас какой-н<ибудь> переворот в мировоззрении, вследствие которого Вы чувствуете, что не можете работать со мною. —

29/VI 911.

10) Никогда я не думал, что Андрей Белый упрекнет когда-либо меня в тираннии. Маску самодержца мне необходимо, правда, было надевать подчас, но сами же Вы благословляли меня на это. А теперь сопоставляете с Брюсовым и даже en laid*, что после всего известного мне о Брюсове звучит прямо как оскорбление.

11) В том, что я не «созвал трио», Вы увидели себя «морально выбитым из своего положения в Мусагете». Это Вы *теперь* так говорите: тогда я объяснял Вам (и в этом письме на эту тему достаточно уже сказано), почему *временно* трио немыслимо. Но это нисколько не мешает дуэту. —

12) Вы доходите в своем обвинении меня в самовластии до того, что эллисовские сумасбродства в штейнерьянском прозелитизме рассматриваете как результат неправильного «разрешения потенциальной энергии» «*невыспрошенного*» (ты, мол, виноват!!) «сочлена». И такое чудовищное «изложение» (вернее, низложение) фактического состояния мусагетских дел Вы решаетесь еще называть «объективным»!!!!

13) Отвечать еще раз «положа руку на сердце», «кто ***Мы*** *Мусагета*», я не стану, ибо с Вашей стороны это есть ничто иное, как

* В ухудшенном виде (*фр.*).

обидное экзаменирование; к тому же в предшествующих частях этого огромного письма дан на означенный вопрос достаточный ответ. Здесь скажу только, что Мусагетом является тот из близких редакции лиц, кто таковым себя чувствует и (*NB!*) *способен* по культуре духа своего чувствовать. Задавать вопрос: «кто ***Мы*** *Мусагета?*» может либо человек новый, еще не вошедший в состав, как это было с Вячеславом; либо член *Мусагета*, далеко отошедший от того, что объединяло его с другими членами; я не знаю, Мусагет ли Вы, раз Вы сами в этом сомневаетесь. Если Вы будете посылать проклятие Европе, не разбирая правых и виноватых, не проводя грани между тем, что́ я называю культурой, и тем, что я называю цивилизацией, не устанавливая различия между творческими эпохами и нокоцентризмом, т. е. утилитаризмом и цивилизаторством как раз ближайшего по времени к нам XIX века, не видя несходства между романизмом и германизмом и сходство между германизмом и славянизмом, одним словом, если Вы, подчиняя весь теперешний свой образ мыслей тем нотам, которые должны прозвучать во втором Голубе, собираетесь и в статьях и в брошюрах и в лекциях громить огульно т<ак> н<азываемую> Западную Европу, то ясно, что *временно* наши пути разошлись. При учреждении Мусагета мы условились, что не будем ни западниками, ни славянофилами, что, трудясь по мере сил на пользу русской культуры, мы не станем противопоставлять Россию Европе, а рассматривать Россию как часть Европы, что нам дорога должна быть не общая космополитическая западноевропейская псевдокультура, а отдельные культуры наций, и притом мы сошлись и с Вами и с Эллисом (кот<орый> стал переоценивать в то время романское), что в тесном единении русской культуры с германской (в особенности с немецкой) лежит залог дальнейшего процветания первой. Вы знаете, наконец, что единственное условие, поставленное нам издателями, это — братское отношение к немцам и к их культуре, что не должно, конечно, значить: германизация русской культуры, но: тесная связь обеих культур. Я боюсь, судя по тону прямо вызывающему Вашего письма, что и Вы, подобно Эллису, только в ином смысле совершили куда-то «перевал», который болезненно дает Вам ощущать раскол между теперешним образом Ваших мыслей и тем, что в совокупности многократно обсуженных нами тезисов

образует неформулированную, но всеми нами чувствуемую программу Мусагета. Дай Бог, чтобы я ошибался.

14) Вы сообщаете мне о важной переписке Вашей с Блоком, которая касается русского символизма, и задаете мне прямо дикий вопрос «имеет ли Мусагет отношение к *русской* истории, к истории *русского* символизма и т. д.» Вы меня простите, но это — вопрос черносотенного характера; если я скажу *да*, то, стало быть, долой гнилой Запад и да здравствует рябая баба!!![47] — Ибо если исключить здесь черносотенную исключительность, то вопрос… бессмысленный, ибо он ставится Андреем Белым, находящимся (надеюсь!) в полном уме и трезвой памяти, и обращен к Эмилию Метнеру, с которым неоднократно до петухов шли речи о символизме; обращен к Эмилию Метнеру, который, в противоположность модернистам, не переваливает по два раза в год, а медленно расширяется и углубляется в своих воззрениях, основа которых остается неизменной; этот вопрос обращен к редактору издательства, которое выпустило три огромных тома, посвященных так или иначе судьбам символизма вообще и русского в частности[48].

* * *

В заключение скажу следующее: деятельность Мусагета, как и всё, имеет свои недостатки, которые подлежат критике и друзей и врагов. Но не такой, какова Ваша. Вам, знающему закулисную историю первого года Мусагета, стыдно так грубо-извне-формально подходить к вопросу, искажая одни явления и преувеличивая другие, мелочное значение которых очевидно каждому здоровому и беспристрастному взгляду. Говоря о закулисной истории, я, во-первых, имею в виду появление Анны Р<удольфовн>ы[49], которое *эмпирически* (и здесь только и речь об этой стороне дела) нанесло огромный ущерб Мусагету, отвлекая силы и внимание его членов от редакционной работы и литературы, сосредотачивая их больше на субъективно-внутреннем, нежели объективно-внешнем, внося вихрь острых внутренних переживаний. В частности, в моей жизни Анна Р<удольфовн>а напутала особенно много, и притом не только путаница и хаотичный вихрь коснулись нутра моего, но и всего моего поведения и всех событий истекших 1½ лет, сложившихся при ее участии и под ее влиянием. Конечно, силы мои вообще

невелики, продуктивность слаба, но все-таки резкое понижение моей работоспособности как раз, когда в ней была особенная нужда, т. е. при основании Мусагета, — очевидно, и единственная причина этого понижения — Минцловиада 1910 года; это я могу с чистой совестью и не боясь греха сказать. Конечно, жизнь моя и без того трудна, сложна и часто мучительна, и некоторые особенные обстоятельства имели бы место и без Анны Р<удольфовн>ы, но все-таки эти обстоятельства сами по себе без тех ингредиентов, которые внесла Анна Р<удольфовн>а, не могли бы иметь столь отрицательного значения. Я говорю сейчас абстрактно и загадочно, но иного я не имею права говорить. Однако все-таки я должен прибавить, что отрицательное значение для работы Минцловиады имеет отношение только к литератору Метнеру, а не к редактору. Я почти ничего не написал; я не имел сил выступить в Мусагете одним из лекторов; но редакторскими своими обязанностями я за немногими исключительными случаями не манкировал. Во-вторых, к закулисной истории Мусагета должны быть отнесены такие факты, как штейнерьянство Эллиса, отказывающегося давать обещанные книги и даром почти получающего субсидию; затем рядом с этим печальным явлением надо упомянуть радостное, но, все же не могшее не отразиться на Мусагете, точнее, на проявлении его деятельности: именно Ваша женитьба и Ваше отсутствие из Москвы.

Вашу критику и Ваши нападки я не принимаю ни в чем, ни в одном пункте; сказать, что я обиделся, это было бы слабым и неверным выражением. Я изумлен до последней степени и дальше иметь общение с Вами смогу лишь тогда, когда буду уверен, что все Ваше письмо — сплошная истерика и что Вы, подобно тому, как тогда смеялись над своим «прожектом» проектом сборника о культуре, теперь, прочитывая это свое письмо, пожалеете о каждой в нем букве… Как Вы не понимаете, что раньше, чем написать такое письмо, надо потерять всякое *уважение* к адресату. Я подчеркиваю *уважение*, ибо *любовь*, конечно, может остаться. А так как Ваше письмо — сплошь неправда, и доказать это я (если мало *того*, что я написал) берусь перед каким угодно трибуналом, то Вы понимаете, что мое *уважение* к Вам пало в той же мере и, м<ожет> б<ыть>, даже в большей, нежели Ваше ко мне. Повторяю: *Любовь*, конечно, не могла одновременно испариться. —

Все Ваше письмо приобретает особо оскорбительный оттенок при мысли, что содержание его, хотя бы частично, не является тайной ни в Боголюбах, ни в Шахматове[50]; и вот этого уже *ничем не смоешь*... — Странная у меня судьба: с одной стороны меня всегда переоценивали, с другой недооценивали... — А Вы, которому не безызвестна трагедия моего призвания, неужели не понимаете, что, попрекая меня в сонном сибаритстве, Вы не только искажаете истину, но и выносите мне окончательный приговор, как небокоптителю и «лишнему человеку». Какое же *человеческое* отношение возможно после этого... Пока я не знаю, *кем* или *чем* продиктовано было Вам письмо Ваше, я не знаю и как сложится наше отношение в будущем. Если Вы уходите из Мусагета, то издательство, исполнив уже принятые на себя обязательства по отношению к работам других авторов, временно прекратит свое существование. На прощание скажу Вам следующее. Я считаю Вас одним из гениальнейших людей России, но думаю, что Вы пропадете, если Вы не будете работать над своим характером, который недостоин этой гениальности, ибо Ваше безволие (***не*** беспринципность, в чем однажды напрасно Вас обвинял Эллис), отсутствие самокритики своего поведения, недостаток настоящей внутренней мужественной гордости, отсутствие благоговения к своему гению, отсутствие того, что Гёте называл Ehrfurcht vor sich selbst[*,51], что все это и так уже растлевающе отражалось по временам на Вашем творчестве, и впредь грозит Вам полным банкротством, несмотря ни на какие миллиарды «золота и лазури». Я рад, что решился высказать Вам это, ибо Вы примете или не примете одинаково и это последнее слово, и все изложенное выше. Любящий Вас Э. Метнер. Асе привет.

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 7. Копия: РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 24. Ответ на п. 223.

[1] Деревня близ подмосковного имения К. В. Осипова, в котором Э. К., А. М. и Н. К. Метнеры поселились в конце июня 1911 г. 26 июня 1911 г. Э. К. Метнер, сообщая М. К. Морозовой о получении вчера ее письма «в разгар переезда из Аксиньина и устройства в Свистухе» и указывая

---

[*] Благоговение перед самим собой (*нем.*).

свой новый адрес («Савеловской ж. д. станция Хлебниково. Имение Осиповых»), добавлял: «Это имение бывшего директора Филармонического Общества и прогоревшего банкира; оно находится в четырех верстах от станции рядом с *деревней Свистуха*» (РГБ. Ф. 171. Карт. 1. Ед. хр. 52 б). Ср. свидетельство в воспоминаниях племянницы Э. К. и Н. К. Метнеров: «В пяти верстах от станции Хлебниково Савеловской железной дороги, в селе Траханеево, было небольшое, живописно расположенное на берегу реки Клязьмы имение Константина Викторовича Осипова. Здесь в 1911 году поселились вместе с Анной Михайловной мои дяди Коля и Миля. Большой уютный дом, запущенный парк, переходящий в лес, заливной луг перед парком, полное уединение — все это создавало ту обстановку, в которой дядя Коля мог спокойно отдаться творческой работе» (*Тарасова В. К.* Страницы из жизни Н. К. Метнера // Н. К. Метнер: Воспоминания. Статьи. Материалы / Сост.-ред., авт. вступ. ст., коммент., указ. З. А. Апетян. М., 1981. С. 49).

[2] Имеется в виду п. 222. В цитированном выше письме к Морозовой Метнер сообщал: «От Бориса Николаевича получил из Волыни два письма; первое очень милое, *личное*, лирическое; второе — крайне неприятное, прямо возмутительное, очень меня расстроившее своею несправедливостью, *деловое*. Очевидно его *кто-то* настраивает против меня».

[3] Н. А. Тургенева.

[4] Подразумевается печатная полемика между Метнером и Белым по поводу статьи последнего «Против музыки».

[5] См. примеч. 4 к п. 190.

[6] Для «мусагетской» серии «Орфей», посвященной изданию памятников европейской религиозно-мистической мысли, Вячеслав Иванов, как предполагаемый редактор серии, взял на себя обязательство написать вводный программный текст к ней, но не спешил с его исполнением. 18 августа 1911 г. Белый писал Иванову: «Мы ждем твою статейку (очень небольшую) об „*Орфее*“ для *проекта проспекта*. Считаем ее *совершенно необходимой* как редакторское слово об этой серии книг нашей мусагетской платформы <…> уже много месяцев ждем Тебя, и материал, собранный к печати, *праздно лежит в Редакции*» (Русская литература. 2015. № 2. С. 72. Публ. Н. А. Богомолова и Дж. Малмстада). В итоге статья о серии «Орфей» была опубликована в двух частях: первая часть — за подписью Иванова, вторая часть — за подписью Белого (см.: Труды и Дни. 1912. № 1. С. 60–68).

[7] Книга З. Н. Гиппиус «Собрание стихов. Книга вторая. 1903–1909» (М.: Мусагет, 1910) вышла в свет в конце апреля 1910 г. Издать ее Гиппиус предложила Белому как одному из руководителей «Мусагета», в декабре 1909 г. (см. примечания А. В. Лаврова в кн.: *Гиппиус З. Н.* Стихотворения. СПб., 1999. С. 479 («Новая библиотека поэта»)).

[8] Две книги статей Белого и книга Эллиса, изданные «Мусагетом» в 1910–1911 гг.

[9] Религиозно-философское общество памяти Вл. Соловьева в Москве (1905–1918), философский кружок при «Мусагете», Литературно-художественный кружок в Москве (1898–1920), Общество свободной эстетики в Москве (1906–1917).

[10] Подразумеваются подробные авторские комментарии к статьям, включенным в «Символизм»; составлялись осенью 1909 г.

[11] См. примеч. 11 к п. 163.

[12] Через несколько лет книга стихов Ю. Н. Верховского была издана «Мусагетом» (см. примеч. 34 к п. 203).

[13] Позднее в «Мусагете» была издана книга В. В. Бородаевского «Уединенный дол: Вторая книга стихов» (М., 1914; переименована автором при выходе, первоначальное заглавие: «На лоне родимой земли», под которым была зарегистрирована в «Книжной летописи» в июне 1914 г.).

[14] Подразумевается статья Белого «Мысль и язык (Философия языка А. А. Потебни)» (Логос. 1910. Кн. 2. С. 240–258).

[15] См. примеч. 14 к п. 203. В переводе на немецкий напечатана в немецком варианте журнала «Логос» (Logos. Zeitschrift für Philosophie der Cultur. Bd. II, 1911–1912. Heft 2).

[16] Крылатая фраза Катона (234–149 до н. э.) — сокращенный вариант его фразы «Ceterum censeo Carthaginem delendam esse» («Впрочем, я думаю, что Карфаген следует разрушить»), которой он заканчивал свои речи в римском сенате. Римский император с 79 г. Тит (Titus; 39–81) в Иудейскую войну захватил и разрушил Иерусалим (70).

[17] Подразумевается марбургская школа неокантианства, возглавляемая Германом Когеном. Статья Б. В. Яковенко «Теоретическая философия Г. Когена» была опубликована в журнале «Логос» (1910. Кн. 1).

[18] См. п. 190.

[19] См. примеч. 5 к п. 182.

[20] См. примеч. 10 к п. 167.

[21] См. примеч. 15 к п. 206. «Апрель. Вторая книга стихов. 1906–1909» Сергея Соловьева (М., 1910) — первое издание «Мусагета», вышедшее в свет в конце февраля — начале марта 1910 г.

[22] См. примеч. 20 к п. 203.

[23] Имеются в виду писатели и мыслители XVI в. — Эразм Роттердамский, Иоганн Рёйхлин, Ульрих фон Гуттен и др.

[24] См. примеч. 11, 12 к п. 203.

[25] Подразумевается, видимо, Фридрих Шлегель.

[26] Имеется в виду отказ от издания журнала, с которого первоначально предполагалось начать деятельность «Мусагета».

[27] Сборники статей различных авторов по заранее определенной тематике в издательской практике «Мусагета» не реализовались (если не считать таковыми последние выпуски утратившего периодичность «мусагетского» двухмесячника «Труды и Дни»).

[28] Подразумевается эзотерическое розенкрейцерское сообщество.

[29] Ни одной книги, посвященной персонально какому-либо композитору, «Мусагет» не издал.

[30] См. примеч. 6 к п. 171, примеч. 4 к п. 180.

[31] См. примеч. 13 к п. 203. В письме к Вяч. Иванову от 11 января 1911 г. Метнер, высказав просьбу о статье для издательского проспекта, добавлял: «Моя статья о „Мусагете“ и статья Гессена о „Логосе“ готовы» (Вопросы литературы. 1994. Вып. II. С. 324). Имеются в виду статья Метнера «„Мусагет“. Вступительное слово редактора» (Труды и Дни. 1912. № 1. С. 53–60) и информационное сообщение С. И. Гессена «Издания „Логос“», помещенное без подписи в «Каталоге издательства „Мусагет“» (Там же. Отд. II. С. 22–24).

[32] Подразумевается подготовка авторской книги статей «Модернизм и музыка».

[33] См. примеч. 19 к п. 206.

[34] Брошюры немецкого ученого Александра Вернике — либо «Kants kritischer Werdegang als Einführung in die Kritik der reinen Vernunft» (Braunschweig: J. N. Meyer, 1911), либо «Die Begründung des deutschen Idealismus durch Immanuel Kant. Ein Beitrag zum Verständnisse des gemeinsamen Wirkens von Goethe und Schiller» (Braunschweig: J. Y. Meyer, 1910) — и немецкого поэта, прозаика, драматурга и эссеиста Франца Иоханнеса Вильгельма фон Шольца «Немецкие мистики» («Deutsche Mystiker». Berlin: Marquardt & C°, <1908>).

[35] Речь идет о романе Белого, задуманном как продолжение «Серебряного голубя», который предназначался автором для «Русской Мысли».

[36] Московский ресторан «Прага» на Арбатской площади.

[37] См. п. 190.

[38] Недотыкомка (*новгород. диалектн.*) — недотрога; то, до чего нельзя дотронуться. Образ из стихотворения Ф. Сологуба «Недотыкомка серая...» (1899; *Сологуб Федор*. Собрание стихов. Книга III и IV. 1898–1903 гг. М.: Скорпион, 1904. С. 132), использованный им в романе «Мелкий бес» (1902): фантом, мерещащийся Передонову (см.: *Сологуб Федор*. Мелкий бес / Изд. подгот. М. М. Павлова. СПб., 2004. С. 198 («Литературные памятники»)).

[39] Имеется в виду фраза из письма М. П. Мусоргского к В. В. Стасову от 18 октября 1872 г.: «*Тончайшие черты природы* человека и *человеческих масс*, назойливое ковырянье в этих малоизведанных странах и завоевание их — вот настоящее призвание художника» (*Мусоргский М. П.* Литературное наследие: Письма. Биографические материалы и документы / Сост.

А. А. Орлова и М. С. Пекелис. М., 1971. С. 141). Впервые опубликовано в «Русской Музыкальной Газете» (1911. № 14. С. 356–358).

[40] Речь идет об информационном сообщении в рубрике «Заметки» (без подписи): «Книгоиздательство „Мусагет“ расширяет с ближайшей осени свою деятельность по линии „Логоса“. Намечен ряд серий систематического и исторического характера. В первую голову будет поставлена серия монографий великих философов. В ней уже обещали свое участие: Кубицкий, Ильин, Гордон, Гессен, Степпун, Яковенко, Ланг, Салагов и др. В ближайшее время будут выпущены две монографии: Б. Яковенко о Канте и Ф. Степпун о Шеллинге. Подробности и проспекты будут опубликованы в свое время» (Логос. 1911. Кн. 1. С. 237).

[41] Условное обозначение эзотерического сообщества.

[42] Стигматы (*лат.* Stigmata — заглавие книги стихотворений Эллиса) — следы ран на руках и ногах от распятия, появляющиеся под влиянием религиозного экстаза (от *лат.* stigma — выжженный на теле знак, клеймо).

[43] Речь идет об издании: *Блок Александр*. Собрание стихотворений. Кн. 1–3. М.: Мусагет, 1911–1912.

[44] В каталоге «Мусагета», помещенном в конце кн. 1 «Собрания стихотворений» Блока, под издательской маркой и названием издательства значится: «Редактор Э. К. Метнер».

[45] А. М. Метнер.

[46] Имеется в виду поездка в Петербург в декабре 1910 г.

[47] Вероятный намек на героиню романа «Серебряный голубь» Матрену: «баба: рябая»; «босоногая Матрена, рябая баба, работница»; «рябое ее лицо <...> усмехается» и т. д. (*Андрей Белый*. Собр. соч.: Серебряный голубь. Рассказы. С. 31, 32).

[48] Подразумеваются изданные «Мусагетом» книги статей Белого «Символизм» и «Арабески» и книга Эллиса «Русские символисты».

[49] А. Р. Минцлова. Метнер познакомился с нею на рубеже 1909–1910 г. и довольно интенсивно общался в последующие месяцы, что нашло отражение в его дневниковых записях (см.: *Богомолов Н. А.* Русская литература начала XX века и оккультизм: Исследования и материалы. М., 1999. С. 50–51, 93–97; *Глухова Елена*. «Пока Вы не решитесь родиться вновь духовно...»: Переписка Э. К. Метнера и М. В. Сабашниковой // Russian Literature. 2015. LXXVII-IV. С. 561–562).

[50] Предположение, что аналогичную оценку положения дел в «Мусагете» Белый давал в письмах к Блоку.

[51] Выражение из романа Гёте «Годы странствий Вильгельма Мейстера» («Wilhelm Meisters Wanderjahre») — кн. 2, гл. 1: «...три вида благочестия порождают высшее благочестие — благоговение перед самим собой <...>» (*Гёте Иоганн Вольфганг*. Собр. соч.: В 10 т. М., 1979. Т. 8. С. 139–140. Пер. С. Ошерова).

225. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

5 июля 1911 г. Боголюбы

Дорогой Эмилий Карлович!

Давно уже получил от А. М. Кожебаткина при переводе им 200 рублей немецкого издателя[1] следующую записку: «*Дорогой Борис Николаевич, до сих пор не высылал денег, так как «Мусагет» предъявил на них свои права. К. П. Метнер не то что выразил неудовольствие, а удивился, что деньги за фельетоны и за авторизацию „Голубя“ не идут в погашение твоего долга. Не зная, как Ты решишь поступить, я все-таки перевожу тебе 200 рублей*» и т. д.

Ввиду того, что А. М. Кожебаткин пишет о «*Мусагете*» в третьем лице, я ему не отвечаю, ибо, раз он пишет <в> 3-ьем лице о *Мусагете*, он не *Мусагет*[2]. Пишу Вам, как Редактору *Мусагета*, о своей задолженности. Скажу откровенно: я предпочел бы узнать о правах *Мусагета* от Вас непосредственно, ибо мотивировать свое желание взять деньги мне удобнее Вам лично, или Карлу Петровичу[3] лично, чем Секретарю Редакции.

Юридически *Мусагет* прав: юридически я кругом виноват; морально *Мусагет* прав тоже; но морально прав и я, удерживая деньги для себя в данном случае.

И вот почему: фактически я отработал (трудом) за фельетоны уже *1000* рублей; фельетоны не печатают; ни *Мусагет*, ни я не виноваты. Труд сделан: но труд непроизводительный. *Голубя*[4] писать не мог в Тунисе, и опять-таки морально, как автор, прав.

«Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон…»[5]

И далее:

«Не требуй песен от певца,
Когда *житейские волненья*…»[6]

и т. д.

И вот из двух *моральных правот* (правоты издателя и писателя) создается юридическая неправота писателя. Конфликт на тему «*государство и писатель*» — обыкновенный конфликт на социально-экономической подкладке: *спрос и предложение*. На А. Белого спросу нет. И оттого А. Белый несостоятелен. А. Белому нужно печататься и жить; он идет в *Мусагет*; быть может,

«*Мусагет*» неправ, игнорируя или несвоевременность (отсутствие спроса), или бездарность Андрея Белого. Оба виноваты — так?

Но А. Белый считает себя писателем, т. е. призванным и писать, и питаться трудом своим (все писатели на этом стоят).

Издательство имеет все права не считаться с этим.

Почему я взял деньги: мне не *хватило* (почему — могу объяснить устно, а не письменно, ибо тут замешаны третьи люди[7]). Надо было взять; это пункт первый; пункт второй: мать моя присвоила мои деньги[8]. Требовать с нее судом ***не*** хочу и ***не*** стану (мое моральное право); но я опять-таки не виноват в ее корысти. У меня остается 1000 рублей, на которые нужно двум людям шить (мне сюртук, костюм, белье); Асе пальто, платья, шляпу, шубу; далее обзаводиться (простыни, подушки, одеяла и пр.); далее жить. Газеты не печатают; писал довольно-таки унизительную просьбу Брюсову дать работы постоянной в «*Р<усской> М<ысли>*»[9]; молчание; вывожу заключение: «*Р<усской> М<ысли>*» я так же не нужен, как и газетам.

При таком положении я могу с натяжкой рассчитывать 60 рублей в месяц с женой (по 30 на человека). Очень понятно, что мое моральное право цепляться за всякую возможность получать деньги, так же как право «*Мусагета*» оспаривать; это все та же борьба «*государства с негосударством*» и личности (состав Редакции Мусагета, я, Вы) тут не причем.

В свое оправдание скажу еще то, что у меня есть имение, которое, если бы кто-нибудь помог мне продать, пошло бы в уплату долга[10]. Большего предложить не умею. А отдавать из имеющейся у меня маленькой суммы не хочу: мой долг перед Асей тоже моральный.

Куда ни кинь, везде клин.

Единственный выход: подождать продажи кавк<азского> имения. До отъезда за границу я не подозревал, что столь не нужен Редакциям. Иначе не *стал* <бы> так уверенно говорить об отработании. Наконец, оправдываю себя вполне 1) выдержкой из книги Мережковского «*Лев Толстой и Достоевский*»: «На нем (Достоевском) оказалось до 10 000 долгу и 5000 на честное слово. „О, друг мой, — пишет он Врангелю, — я охотно пошел бы на каторгу… чтобы уплатить долги и почувствовать себя свободным. Теперь опять начну писать роман из-под палки, т. е. из нужды, наскоро“».

И далее (по поводу неполучения от Кашпирева 200 рублей аванса):

«Но ведь *она* (А. Г. Достоевская, жена писателя) кормит ребенка, что ж, если она последнюю свою теплую юпку идет сама закладывать!.. Неужели он (Кашпирев) не может понять, что мне *стыдно* (курсив не мой) все это объяснять ему?.. Да неужели он не понимает, что он не только меня, он жену мою оскорбил, обращаясь со мной так небрежно, после того как я ему сам писал… Оскорбил! Оскорбил!» (Письмо Достоевского).

И далее:

«И они требуют от меня литературы! Да разве я могу писать в эту минуту? Я хожу и рву на себе волосы, а по ночам не могу заснуть… И после этого они требуют от меня художественности, чистоты поэзии, без угару…» (Письмо Достоевского)[11].

У меня есть несколько предложений, как компромисс выхода из конфликта двух моральных правд и моей юридической неправоты.

Но не зная, в каком отношении стою я к «*Мусагету*», я не могу обратиться пока ни с одной.

Примите уверение в совершенной преданности.

Борис Бугаев.

P. S. Мой привет Вашим.

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 44. Над текстом помета Н. П. Киселева: «Луцк 5 VII 1911. Москва. 8 VII 1911» (даты почтовых штемпелей отправления и получения).

[1] 27 мая 1911 г. Белый писал Кожебаткину из Боголюбов: «Вышли мне по летнему адресу теперь деньги немецкого издателя; я не хочу их тратить; но у меня есть основание иметь теперь на всякий случай их при себе» (Лица: Биографический альманах. 10. С. 169). О получении «1500 марок от немецкого издателя» на имя Белого Кожебаткин ранее известил его телеграммой, направленной в Тунис (см. письмо Белого к А. С. Петровскому от 16 февраля (1 марта) 1911 г. // *Белый — Петровский*. С. 143–144). Перечисленная сумма — гонорар за авторизацию перевода «Серебряного голубя» на немецкий язык, вышедшего отдельным изданием: *Belyj Andrej*. Die silberne Taube. Roman / Einzige autorisierte Übertragung aus dem Russischen von Lully Wiebeck. Frankfurt am Main: Rütten und Loening, 1912.

[2] Белый писал Кожебаткину в начале июля 1911 г.: «…не зная о *претензии „Мусагета“, совершенно правильной юридически*, я выступил перед

„*Мусагетом*“ в роли нахала. „Мусагет“ требует одно, а я пишу — присылайте деньги. <…> Поколико Ты извещаешь о требовании „*Мусагета*“ в третьем лице, потолико Ты — не „*Мусагет*“. Кто же „*Мусагет*“? Эмилий Карлович?» (Лица: Биографический альманах. 10. С. 171–172).

[3] К. П. Метнер контролировал финансовую сторону деятельности «Мусагета».

[4] Т. е. новый роман, предполагавшийся как продолжение «Серебряного голубя».

[5] Начальные строки стихотворения А. С. Пушкина «Поэт» (1827).

[6] Начальные слова романса М. И. Глинки «К Молли» из цикла «Прощание с Петербургом» (1840) на стихи Н. В. Кукольника.

[7] В письме к Кожебаткину от 9 июня 1911 г. Белый объяснял срочную потребность в деньгах, переведенных из Германии, необходимостью рассчитаться за уроки гравировального искусства, получаемые А. Тургеневой: «Что касается денег, то они нужны немедленно; я должен послать за Асю в Бельгию Дансу, и у меня на карманные деньги не останется» (Лица: Биографический альманах. 10. С. 171).

[8] Подразумеваются денежные суммы, полученные за продажу имения Серебряный Колодезь в 1908 г. Ср. позднейшее свидетельство Белого о пребывании в Москве в мае 1911 г.: «Деся<ти>дневная жизнь в Москве кончается роем недоразумений с мамой, не желающей денежно мне помочь (между тем как я ей отдал когда-то все деньги, оставшиеся от папы, и ей же пошли деньги от продажи имения) <…> надо поставить осенью жизнь с Асей в Москве; мама же жестоко бросает мне, что я желаю ее обобрать, тогда как я прошу по человечеству лишь 1000 рублей на устройство жизни с Асей; тут бросается мне: *Тургеневы эксплуатируют меня; Ася — интриганка*» (ЛН. Т. 105. С. 128).

[9] В письме к Брюсову, отправленном из Луцка 26 июля 1911 г., Белый извещал о своей нужде «в литературном заработке» («для меня это дело *жизни и смерти») и о высылке очерка «Радес» для «Русской Мысли» (Ли*тературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. С. 423–424). Этот очерк в журнале не был помещен.

[10] См. примеч. 6 к п. 199.

[11] Неточно и с сокращениями приводятся фрагменты из части 1-й (гл. 7) книги Д. С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский» (см.: *Мережковский Д. С.* Л. Толстой и Достоевский / Изд. подгот. Е. А. Андрущенко. М., 2000. С. 76–78 («Литературные памятники»)), включающие цитаты (с сокращениями) из писем Достоевского к А. Е. Врангелю от 14 апреля 1865 г. и к А. Н. Майкову от 16 (28) октября 1869 г., опубликованных в кн.: Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883 (Полн. собр. соч. Ф. М. Достоевского. Т. 1). См.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 28. Кн. 2. Л., 1985. С. 119; Т. 29. Кн. 1. Л., 1986. С. 69, 70.

226. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

6–8 июля 1911 г. Боголюбы

Боголюбы.

Дорогой Эмилий Карлович!

*Пишу здраво и трезво**.

Сейчас получил Ваше письмо... Отвечать по пунктам? Извиняться? Доказывать, что обидный смысл вложили Вы в мое письмо, что я виноват, что писал в крайнем раздражении, с мигренью в голове, что поводы к этому раздражению были ничтожны (полное мое незнание, что делается в *Мусагете*, незнание, нужен ли я Мусагету) и т. д. — право, ко всему этому можно будет вернуться впоследствии, все это отступает на задний план перед маленькой фразой Вашего письма (какой, скажу ниже). Словом, верьте, десять, пятнадцать маленьких причин, в сумме могущих превратно осветить мое отношение к Мусагету (и обратно), я изложу потом, если суждено, чтобы наши отношения не оборвались.

Я объясню, как сумма всех недоговоренностей и, как мне казалось, невнимательностей к моей жадности знать о *Мусагете* все, плюс молчание на письма секретаря, плюс еще многое (быть может, пустяшное) вызвали во мне тон раздраженности, пусть даже запальчивости, в которой приношу глубокое извинение. Но в моем письме не было сознательного желания лично *Вас* обидеть. Вы вложили смысл настолько ужасный во все, что я писал, что брать свои слова <обратно?>, т. е., что Вы не тиранн, не самолюбец, не ненужный человек — смешно.

В своем ответе мне на мои хотя и полемически раздраженные строки, которые Вы постарались дешифрировать так ужасно для меня, Вы с лихвой вернули мне несколько поспешно сказанных *химер*. Ваше письмо в *сто раз* химеричнее, ибо на каждом шагу там почти что *прокурорское* обвинение, начиная с личной моей жизни и кончая каждым шагом в Мусагете. То, что с известной предвзятостью можно было вычитать из моего письма, сводилось бы к следующему: Редактор Метнер не созывал совета, члена редакции Белого ½ года не извещали о том, какие планы

---

* *Справа помета рукой Метнера*: !!

у Издательства (случайно узнал о Стендале[1] и т. д.); ему не отвечали на ряд писем; положение его в Мусагете неопределенное. Р<едактор> Метнер должен бы был более его поставить в курс дел. Вот и всё: прочее вложено Вами с потрясающим драматизмом. Ничего лично обидного для Эмилия Карловича не было, как мне кажется, на бумаге; *человека* я не задевал; а если я защищался («порт<угальская> революция»), полемизируя с *химерой*, можно было бы мне дружески попенять; Вы же должны знать, что у меня нет никаких причин обрушиваться на Вас... Надеюсь, что Вы знаете: есть что-то обратное. Впрочем, после всего Вами написанного считаю оправдываться для себя *унизительным*.

И в этом виновато Ваше письмо. Если бы я отвечал на Ваше письмо с одинаковой запальчивостью, я от принципиальных сетований перешел бы к квалификации и изложения *поступков*, я бы сказал, что вижу в Вашем письме чуть ли не сыск, а во многом заведомое искажение (Гессену никаких поручений к Мережковскому *не давал*, как уже ***раз Вам писал*** из Туниса[2], и т. д.). Но повторяю; я этого не говорю. Я только взываю к справедливости. Я писал не прокурорское обвинение на человека, а изложение недоумений (пусть и химеричных) положения Редакции.

Вы *всё свели к личному* и этим отняли у меня всякую почву для беспристрастного объяснения по поводу всего, происшедшего между нами. (Если мы когда-нибудь встретимся, если наш конфликт кончится благополучно, я покажу Вам в Вашем письме то, что *лично вменяю Вам*, как оскорбленный человек). Пока же соскальзываю в другую плоскость.

Вы пишете: если *Вам* не нужен «*Мусагет*», уходите, в ответ на мой вопрос: «Нужен ли я *Мусагету*» (пусть и порожденный пустою, как Вам кажется, химерой); далее оказывается, что каждый мой шаг в *Мусагете* порождает сплошную путаницу; ну не ответ ли это: *уходите*. Я не прочитываю так, а мог бы, если бы *влагал* подразумеваемый смысл. Далее Вы пишете о том, как я не умею себя держать, как не исполняю обещаний (*Голубь*), как сочиняю фантастические проекты в «*Праге*». И причем тут «*Прага*», и причем о черносотенстве и «*рябой бабе — России*»*: все

* О России, русских, Достоевском и русских писателях — оставьте: русская лит<ература> первая в мире. (*Примеч. Метнера*).

это экивоки, недосказанности: если бы я развертывал смысл всех этих в данном случае ненужных мелочей, которыми Вы *в крайней запальчивости* обставили ответ на письмо, то, конечно, смысл всей этой уснащенности: лично меня задеть; чего у меня не было по отношению у Вам. Но опять-таки оставляю все это в стороне. Возвращаюсь к центральному: Вы прекрасно знаете, что именно теперь, когда я должен *Мусагету*, когда *Мусагет* сделал для меня столько, именно теперь тяжелее всего мне отплатить *Мусагету* неблагодарностью, неделикатностью; и, может быть, моя экономическая связанность с издательством (сами знаете, что не по моей вине) ставит <для> меня особенно в болезненном свете вопрос о том, не тяготятся ли мною, именно тогда Вы пересыпаете письмо исследованием моей личности вместо того, чтобы понять одну из подпочв моего возбуждения.

Но все это пустяки. А вот то, что не пустяки: я пишу «Нужен ли я Мусагету?» Пусть это *химера*, вопрос. Вы же могли бы сказать: «Б. Н., вы говорите вздор». Вы отвечаете: «Если *Вам* не нужен „*М*“, уходите». Далее: «*Я прекращу издательство*» (смысл). Боже мой, уже одна эта угроза прекратить *прекрасное само по себе дело* связала бы меня; и помимо всего лично близкого я принципиально бы должен взвесить свой… ну, скажем, каприз. Следственно: не может быть и речи о моем выходе. Однако: я квалифицируюсь, как растеряха, обставляющий каждый свой шаг путаницей; следственно: я — бремя; не уходи — закрой издательство; но оставаясь, помни, что Ты бремя. Вот резюме Вашего многостраничного письма. Вот так дилемму Вы мне ставите: сплошное судебное следствие пункт за пунктом деятельности в *Мусагете* и одновременно: *если уйдешь, издательства не будет*.

Ну хорошо: я же не думал о том, чтобы уходить. Но как я останусь, когда «*мое уважение к Вам пало в той же мере и, м<ожет> б<ыть>, даже в бóльшей, нежели Ваше ко мне*» (Ваши слова). Все тут прелестно: 1) Кто Вам сказал, что у меня к Вам уважение пало: это Вы вычитали ложно; это — *неправда*. Больше я ничего не прибавлю, ибо требовать к себе уважения и грозить умственно *палкой*, когда у меня к Вам уважения было всегда, — дико, нелепо, почти грубо. Слова «*в той же мере*» в цитате не при чем. Мне придется поставить дилемму: или слова «*в той же*

мере» (предположение, что уважения нет) плод ужасной химеры, и тогда скорее сожгите эту химеру; или это полемический прием для того, чтобы высказать мне свое *неуважение*. Уважение не взвешивается количественно; его или *нет*, или оно *есть*; пало уважение на столько-то градусов, значит: *у меня нет к Вам уважения*. В последнем случае, несмотря *ни на что* (на долг Мусагету, на признательность, на личную связь, на то, что мне идти некуда, на *осень*), я мгновенно порываю с Вами всякие сношения.

Дорогой друг (может быть, бывший?), я готов с Вами объясняться просто, без препирательств, я готов дать пунктуальный ответ на Ваше письмо, я готов сделать все для примирения при одном условии: откажитесь от Вашей фразы, надеюсь, написанной в запальчивости — о фразе об уважении, смысл которой *прямая оплеуха без обиняков*. Я не бретёр, чтобы драться на дуэлях, я могу наговорить много лишнего, но я *не могу* (умоляю, поймите) пропустить мимо ушей en toutes lettres* оскорбление. Что бы я ни писал, я en toutes lettres не употреблял выражений «*подлец*», «*негодяй*», а Ваша фраза — синоним таких слов.

Конспектирую: 1) Я готов извиниться, объясниться, полемизировать и т. д., когда у меня будет свобода воли. 2) В настоящее время угроза прикончить Мусагет в случае моего ухода и объявление мне о *Вашем неуважении* (уважение пало, что одно и то же), вынуждающее меня, несмотря *ни на что* (как это ни тягостно мне), тотчас прервать (без афиширования, конечно) всякую связь с Вами, ставит меня в полную невозможность свободно говорить; *Мусагет* не хочу оставлять а) больно, b) стыдно, c) повод к укорам меня в неблагодарности: «был де, пока ему было нужно издательство»), и однако *должен*, раз не пользуюсь *доверием*.

Вместе с тем у меня сознание ответственности за будущее, помимо лично колоссальной потери в Вас, несмотря ни на что — Старинный друг[3]; повторяю, от Вас зависит, будет ли иметь продолжение конфликт из-за *химерических* писем, или между нами все кончено.

В последнем случае падает и *другое* (Вы знаете, что), проваливается осень, падает, как Вы утверждаете, и *Мусагет*. Тогда мне

* В прямом смысле слова; буквально (*фр.*).

нечего делать в Москве, ибо там одна только горечь разочарований: с мамой разрыв, с Мусагетом тоже, — и смысла нет даже мне возвращаться на те места, где один лишь «*пепел пожара*».

От Вас зависит всё — покончить между нами или объясниться. С нетерпением жду письма.

Позвольте же Вас обнять (быть может, в последний раз, старинный друг!) и горячо пожать руку *через всё*.

Остаюсь любящий Вас

Борис Бугаев.

[P. S. Если думаете еще со мной поддерживать сношения, то сообщите свой адрес.] (Адрес получу от Наташи[4]).

P. P. S. Итак жду.

Если бы Вы захотели объясниться лично во время проезда за границу, а не отвечать письмом, или если бы объяснились наши недоразумения, то здесь в Боголюбах Вам были бы все рады. Во всяком случае известите, что намерены предпринять; ибо для меня в связи с этим стоит вопрос о возвращении в начале августа в Москву, совершенно бесцельном после могущего произойти нашего расхождения.

От Аси привет.

P. P. S. Если я Вам пишу с оттенком раздражения, простите: сейчас у меня на душе *светло в глубине* и хорошо; к Вам же смесь любви и глубокой обиды, недоумения. И надо всем трагический смех и вдруг легкость, и мысль: на свете есть не один П. И. д'Альгейм, строющий химеры, а три: он, я и Вы. Ну простим же друг другу химеры!

P. P. P. S. Вчера написал: ночью не спал. Сейчас адская мигрень. Сегодня Наташа сказала, что Вы могли бы приехать. Ну, конечно, приезжайте, да захватите с собой и письмо мое[5]. Я буду комментировать строки. Внутренняя гармония должна быть между нами «*москвичами*», и раз *двое* из московских рвут, то их *разрыв* есть крах всех; и оттого от разговора или переписки с Вами зависит мое присутствие или отсутствие (Вы знаете, в чем); в противном случае передаю все К<...>*: сам же, как не заслуживающий доверия, отстраняюсь из «*м-ого*»[6] так же, как и из Мусагета.

---

* *Текст вымаран; возможно, было написано*: Киселеву.

Странный Вы человек. Разве первое мое письмо[7] не показывает Вам, *за кого* я Вас считаю. Первое из Боголюб было обращено к другу, Э. К. Метнеру, второе, деловое (увы, столь неудачное по форме), к одному из проявлений нашей совместной работы в *Мусагете*. Вы слили запальчивость в частностях с Вашей и моей личностью, и тем крайне запутали наш конфликт.

Вы пишете, не изменилось ли мое мировоззрение: нет. Но изменился (за ноябрь — июль) во многом мой взгляд на то, что в данный момент тактически нужно; стрелки на рельсах меняются от времени, *но общее расписание поездов неизменно*. Да, во мне много накопилось; я приехал в Москву высказаться: я увидел общее нежелание у группы москвичей (усталых, нервных, разбитых) поднимать эти все мои вопросы; у меня никто ничего не спросил; я сам был занят мамой, Кистяковским[8], деньгами, хлопотами; я отложил до осени; осенью Вы уезжаете; я и написал (неудачно); а Вы накинулись на меня; хорошо, буду молчать: но лучше ли, если молчание мое о многом *будет не знаком согласия*? А Вы, перенося все на личную почву, затыкаете мне рот *навсегда*.

Что Вы пишете о том, что наш конфликт известен в Шахматове? Неправда: с Блоком я переписывался, как друг и писатель с писателем, о России, о том, нужен или не нужен журнал, а не как член *Мусагета* (сами же Вы положили во мне начало моей двойственности: *русский писатель* — одно; член Мусагета — другое); предоставьте же мне свободу говорить что мне угодно, как русскому писателю, и переписываться о чем угодно с русскими писателями; о *Мусагете* менее всего я думал, когда переписывался с Блоком. Вы говорите о третьих людях, вставших между нами; для меня таковых нет; может быть, для Вас — да: я слишком привык к небылицам, сплетням, плетущимся неизвестно кем и для чего, но *всегда* плетущимся, чтобы обращать хоть какое-либо внимание на то, *кто что говорит*.

Дорогой Эмилий Карлович!

Вот уже два дня прошло, а я не могу опомниться от тех обидностей, которые Вы мне написали. Где у меня в письме к Вам есть квалификация Ваших личных поступков. Далее: если бы я отвечал Вам на *личное личным*, то это вышло бы из границ спора:

не думайте, что я не могу отвечать на Ваше судебное следствие, на ловлю слов (об Альманахе «*тогда-то говорили то-то*», а тогда-то говорили «*то-то*»); дело не в протоколе, а в целом ряде причин, которые могу Вам и в письме, и в личном свидании пояснить; я еще раз извиняюсь за тон моего письма, рожденный химерой, *которая* все же возникла *оттого*, что целый ряд пунктов мне было нужно Вам высказать; и то, что я имел сказать, было столь сложно и важно, что в промежутке между пятичасовым разговором с мамой и Кистяковским... было сказать невозможно; далее: то, что я имел сказать, предполагало *крайнюю готовность у собеседника слушать*, а этой готовности не было; а при неуверенности с моей стороны, что готовность слушать у Вас есть (ибо мы говорили, перескакивая от А. Р.[9] к Мусагету, от Мусагета к Вашей книге и т. д.). Разговор требовал спокойствия; я был измучен неприятностями с мамой. Ведь я приехал с целью высказать свое *credo*, я мечтал собрать друзей и поверить им нечто вроде исповеди, и от всего этого перейти к моему за пять месяцев продуманному взгляду на положение *Мусагета*. Почему я этого не сделал? Почему? Ни у кого не было бы охоты меня слушать: это я ясно увидел; уехал разочарованный, с неразрешенным вопросом. Без такого разговора, *поймите*, мне трудно *реально* (непринципиально) работать, писать, выступать с лекциями: ибо моя *лекция* есть либо за *свой риск и страх*, или есть выражение *мыслей группы*: я должен был ознакомиться более детально; более *ритуальна* должна была быть встреча наша на почве общения в Мусагете; я же не без пользы для себя был в «*Земле Обетованной*». Но то, с чем я ехал в Москву, захлопнулось во мне при виде друзей — *всех*.

И разговор крайней важности не состоялся.

Этот разговор, поймите же, странный Вы человек, мне был нужен не для того, чтобы настоять на своем, а чтобы *мое*, войдя в *Ваше*, *Петровского*, *Рачинского*, видоизменилось и вернулось ко мне, как *общее*, наше: я был в положении человека, одновременно и *дающего*, и берущего: я был сыт своим и жаждал Вашей реакции на свое; мое впечатление — я стукнулся в запертые двери.

Если Вы до такой степени *не психолог*, что не можете понять, как может совместиться внутренне звучащая нота *Альманах не нужен* с деятельным участием в деле устройства *альманаха*,

то мне странно Вам объяснять: Вам может быть неприятна статья (та или иная) в Логосе, но Вы, печатая ее, тем самым ее перед *третьими* посторонними защищаете. Читаю «*Войну и Мир*», и вот сравнение: Александр приказал быть Аустерлицкому сражению; Кутузов говорил «*сражение будет проиграно*»[10]. Молодежь его высмеяла; на военном совете был тон игнорирования того, что Кутузов имеет нечто сказать; и Кутузов, видя, что против *рожна не попрешь*, не возражая, даже соглашаясь, как будто отмахиваясь от бесплодной сумятицы, распоряжается сражением, даже лично ведет колонну; «*не хотите моего внутреннего мнения знать*», ну — командуйте: я, старый рубака, поведу колонны в бой.

Если еще не понятно Вам, то вот несколько фраз из Толстого. Толстой говорит о Кутузове: «Простая, скромная и потому истинно величественная фигура эта не могла улечься в лживую форму европейского героя»...[11] «Современники говорили, что он подкуплен им (Наполеоном), называли его хитрым, развратным, слабым придворным стариком»...[12] И далее: «Когда граф Ростопчин на Яузском мосту подскакал к Кутузову с личными упреками о том, кто виноват в погибели Москвы, и сказал: „Как же вы обещали не оставлять Москву, не дав сраженья?" — Кутузов отвечал: „Я и не оставлю Москвы без сраженья", несмотря на то, что Москва была уже оставлена»....[13]

Что же, правдивый Толстой осуждает Кутузова за «*ложь*»? Придирается — «такого-то числа говорили *то-то*, а такого-то *то-то*». Вот приговор Толстого: <...>*

В ответ на Ваши многостраничные подсиживания моей последовательности; *вопреки фактам*, отвечу Вам: «Я одновременно не *отказываюсь* от некоторых мыслей в статье „*Против музыки*" и целиком подписываюсь под статьей „Формы искусства"»[14].

И беру Толстого под свою защиту: когда желаешь действовать не по своему только личному хотению, а по равнодействующей группы, то надо угадывать желания других, надо уметь ими воодушевляться: я лично кое в чем согласен с «*Философией свободы*» (Бердяева)[15], как исповедующей исторического *Христа* (помимо

---

* *Вымарано более трех строк текста. Приписка Метнера*: Зачеркнуто, вероятно, что-нибудь уничтожающее для меня!

глупости многих мест, Бердяев говорит то, что непререкаемо для христианина), но я же соединился с Гессеном, которому наплевать на мое *последнее*, тогда как в пункте последнего ко мне приходит Бердяев и без насмешек слушает меня. Я до сих пор, считая себя другом Мережковского, занял позицию, враждебную ему, и чтобы не было соблазна, прекратил всякое личное сношение. Когда у Блока зазвучали покаянные ноты, я *первый*, через личную трагедию повернулся к Блоку ради *общего дела**.

Есть многие согласия: согласие-уступка, согласия ради ненарушения гармонии в *Главном*, согласие в частности, вопреки расхождению в *Главном*, согласие, основанное на совпадении личного убеждения с личным убеждением другого. Пока я связан с *Мусагетом*, мое *credo*, *последнее*, *предпоследнее*, идейное, тактически-идейное, основное и несущественное выражается во всех формах *согласий* и *несогласий*; это и хочет сказать Толстой, подчеркивая с особенным удовольствием «*ложь*», «*шатание*», «*безволие*» *хитрого*, «*неискренного*» Кутузова, но не для того, чтобы его оскорбить, как Вы меня: «Этот старый человек, дошедший опытом жизни до убеждения, что мысли и слова, служащие им выражением, не *суть двигатели людей*, говорил слова совершенно бессмысленные, — *первые, которые ему приходили в голову*»[16].

«*Но этот самый человек, так пренебрегавший своими словами, ни разу во всю свою деятельность не сказал ни одного слова, которое было бы не согласно с той единственной целью, к достижению которой он шел во время всей войны*»[17].

Поймите, мне было горько слышать, мне, уже два года воодушевленного одним девизом: Пусть удельные князья забудут распри, ибо 12-ый год близится, дабы не было отдачи Москвы, не было новой Калки (татары идут)[18], мне, который стоит за расширение *Мусагетской* платформы лишь для того, чтобы с возможно большим числом честных, благородных рыцарей (Вами) или... пусть дон-Кихотов (Бердяевыми) ***раз навсегда*** для блага моей родины, которую люблю всей душою, всем сердцем, не задаваясь вопросом, в какой степени заслуживает она любви с точки зрения *Культуры*, — для блага общего дела стараясь сгладить *maximum*

* *Приписка Метнера*: Повернулся к Блоку, когда стал женихом Аси.

шероховатостей, хочу сесть на *ковчег*, чтобы окончательно отделиться от настоящих врагов, не врагов по мысли, а врагов по *делу жизни*: Вы ловите казуистично меня на словах: «Да я в поступках тысячу раз бескорыстней, более готов на самопожертвование, чем многие». И моя моральная сторона на всякие экивоки по поводу того, что сборник о Культуре был сочинен в «*Праге*» (как Вам не стыдно!), что почему я с Кожебаткиным на «*ты*» (как будто я Вам обязан отдавать отчет), всякому я скажу: «*Руки прочь!*»

Простите, дорогой, я не на Вас сержусь: я вдруг весь вспыхнул: как смеют про меня думать, что я неискренен, что у меня семь пятниц на неделе. «В» не виновато, что понимает «А» и «С» и что «А» и «С», понимая порознь «В», не понимают друг друга, — и вот начинают с двух сторон уличать «В»: «А» в том, что «В» с «С»; «С» в том, что «В» с «А». Тем хуже для «С» и «А». «В» тут не причем.

То, что «В» ненавидят столь многие, показывает, что у «В» есть нечто, за что он пойдет на костер: разобьет себя, жену, друзей, *Мусагет*, так что только щепки лететь будут, пойдет на голодную смерть, а своего «*Виденья непостижного Уму*»[19] не предаст.

Не касайтесь неосторожно к самой моей *основной струне*, дорогой друг!

Возвращаюсь: так вот, когда Вы сказали мне по возвращению из-за границы, что я, как писатель, не вмещаюсь в *Мусагете*, я себе сказал: стало быть я, как культуртрэгер, *не вовсе писатель русский* («ковыряющий» — по Вашему выражению — стыдитесь: ведь «*ковырянью*» русских можно противопоставить дотошное «*Still Leben*»* немцев; я этого не делаю, а на огульное несправедливое обвинение русских в «*ковырянье*»** можно бы ответить огульным, несправедливым обвиненьем немцев в *слащавой приторности* и *мещанском благополучии*; я же этого не делаю; но писать о русских кровному русскому в том тоне, какой у Вас, все равно, что называть их «*кацапами*» и немцев — «*колбасниками*». Тут досада, только досада.)

---

* Тихая жизнь (*нем.*).

** *Приписка Метнера*: Где огульное?

Возвращаюсь: когда Вы сказали мне, что я, как писатель русский, не вполне *Мусагет*, я писал лекцию о Достоевском[20], в которой был между прочим мой ответ Вам*, ответ не разговорный, а *ритуальный*, с *кафедры*, моя платформа, мое слово к меня не до конца принимающему *Мусагету*. *Вы не пришли*, Вы даже не подозревали о том, что у меня *есть что ответить*, и что на *важное заявление* нужно отвечать не сразу, а *облекшись в себя*, ритуально.

Вероятно, я Вам тогда в разговоре что-нибудь сказал; но, может быть, было там (не могло не быть) нечто от фразы Толстого о Кутузове: «*Говорил первые слова совершенно бессмысленные*».

В *статье-платформе* (о Достоевском) я писал между прочим следующее (не как член *Мусагета*, а как *русский писатель*): Что же есть? (в современной России):

«Невежество, хаос, немота, тьма. И этой всей немой, больной, невежественной России вместе со всем Западом, <как> гениальным, так и *не гениальным*, мы скажем:

Исчезни в пространство, исчезни,
Россия, Россия моя!»[21]

Автора «*Пепла*» и «*Серебряного Голубя*» (книг тенденциозно-обличительных: *Гибель Дарьяльского*, «*Исчезни Россия*») *смешно* заподозривать в *дурном хаосе*. Это заподозривание, это подчеркивание** ***русский** писатель* (гм!) — одно, куль<тур>трэгер под контролем Метнера другое. Автор *Пепла* и *Голубя* сказал о России такие страшные слова, которые не говорили и Вы. Ваши же заподазривания меня в черносотенстве*** — просто смешны и неуместны.

Но в той же статье-программе (не *Мусагетской* (не бойтесь), а своей, писателя русского) я говорю: «Стадия классицизма, то есть видимой успокоенности и уравновешенности, вовсе не есть отказ от безумия романтизма, а временное перемирие между жизнью и творчеством… „*Прекрасная форма*“ классика есть всегда только фантасмагория, которой гений обманывает и себя, и нас. Уравновешенность, победа над романтизмом****

---

* *Примеч. Метнера*: Тогда еще не на что было отвечать. Ложь! <?>

** *Приписка Метнера*: *Он* подчеркивает?

*** *Приписка Метнера*: совершенно не понял!

**** (необходимая) (*Примеч. Белого*).

не последняя цель художественного творчества: уравновешенность, гармония формы есть лишь временная остановка на пути безумия, именуемого творчеством»[22].

Против романтиков «*экстаз, вйдение одинаково развивается и под влиянием гашиша*»; но и против классиков: «На ремесленном моменте творчества *не построить* оправданья художественной деятельности, как блага: и художник классик, если он не таит в себе чего-то бóльшего, есть бесплодный фантаст, *превращающий фантастику в ремесло*»[23]. (*Кует форму запою образами*). Сапожник, тачащий сапоги, имеет реальную цель; художник классик, если он только художник классик, а не человек, есть запойный пьяница, кропотливо тачащий свой немыслимый сапог.

Я не с больной Россией, не с хаотистами-романтиками; против них — с Гёте (и с Вами); *но*... я над Гёте еще ставлю *жест ухода Толстого* (см. мою статью о Толстом в «Русской Мысли»[24]); этот жест связываю со словами о России:

«Русская культура уже предносится нам, как чаяние; даже вслух мы не смеем сказать о том, о чем втихомолку мы знаем:

Ты пойми... Мы ни здесь — ни тут.
Наше дело такое бездомное.
Петухи поют, поют,
Но лицо небес еще темное»[25].

И далее:

«Символический странник, получивший литературное имя Влас, стал реальным: не дядя Влас ходит в полях русских; нет, туда пошел Лев Толстой...»[26]

«Тридцать лет переживал он трагедию творчества, и вот Толстой встал и пошел — тронулся. Как знать: не тронется ли за ним и Россия, тоже больная; как бы грохот лавинный чуется нам в движении Толстого: есть тут чего бояться Европе (мещанству Европы). Не философии западной противопоставляется тут восточная, а сказанному слову культуры еще *не сказанное* слово культуры русской?»[27]

«*Достоевщина*» — гвоздите Вы меня, а я отвечаю из той же *статьи-программы* (по адресу Достоевского): «Как бы Апокалипсис русского творчества, усмотренный в русской жизни, не оказался эпилептическими корчами, духовность просто «*духом*»

(зловонием тьмы), «*Святой Дух*» — *Свято-духом*, дерзающий надрыв — „бобком“» («Тр<агедия> творчества Достоевского»)[28].

Когда Вы *гвоздите* меня Достоевским, Вы вовсе не знаете, куда направляете стрелу; Вы или *меня* не знаете, как не знаете моей *статьи-программы*. Я лавирую между *Скиллы* хаоса и Харибды «*классической позы*»... к будущему России, опираясь на настоящее и прошлое Европы; от этой моей платформы отскакивают, как орехи, Ваши полемические пули. Есть у меня сложная иерархия *согласий* (уступок *коллективу*, *предпоследнему* вообще, согласий подлинных); и иерархия недоумений, не вполне фиксированных несогласий; между тем *мое* во *мне* за 8 месяцев явилось мне как духовный подъем, возрождение (через Асю) и внутри, и вовне (Египет, Италия, Палестина); не случайно, что счастье наше с Асей началось с «*Das Wandern*»*. *Новые глаза свои* хочу я сверить с вместе виденным с Вами *после* моего важного шага в жизни.

С этим я ехал, чтобы высказаться: *увидел, что никто ничего во мне не понял*; моему желанию *доложить* друзьям о поездке, о *заветных мыслях*, как бы противопоставили: «*Вы ничего не понимаете в Мусагете*». И *заветное мое* на время ушло от друзей. Этим опять-таки в связи с другими причинами объясняется тон запальчивости, некоторое только видимое охлаждение к *коллективу друзей*, даже к общему делу.

А Вы пишете с ехидством: «*Ну что ж, уходите, если Вам Мусагет не нужен*». Если бы я глядел на Ваше письмо Вашим подозревающим взором, я вычитал бы здесь намек: «Использовали Мусагет, взяли *3000*, да и бегом из него».

Как *Вам*** не стыдно.

Извиняясь за тон письма, готовый взять обратно свои слова письма до *личного дружеского разговора* по поводу нашего конфликта, я *требую* от Вас, чтобы Вы поняли, что под неудачной формой письма *была громадная жажда поделиться*, обратить Ваше внимание на то, что Вы не видели в близко хотящем к Вам подойти человеке для уяснения многого ради блага общей будущей работы.

---

* Странствие (*нем.*).

** *Справа рукой Метнера*: ?

И понять запальчивость тона моего так мелочно!..

Я безусловно могу говорить с Вами свободно, «по традициям *доброго старого времени*» лишь в той мере, в какой Вы берете обратно Ваше неуважение по отношению ко мне.

Ч*ерез всё* говорю Вам: да будет Вам все светло, легко и не подозрительно, старинный друг. Желаю Вам той тишины и света*, в какой сам нахожусь все это время.

Любящий Вас Борис Бугаев.

P. S. Это письмо не считайте ответом, а лишь материалом к будущему разговору не только о Мусагете перед осенью.

Дорогой Эмилий Карлович!

Написал Вам большое письмо под впечатлением Вашего: оно бурно вылилось, и, написав, стою над ним: *послать* или *не послать*?

Зачеркиваю его, но посылаю; нам необходимо видеться: было бы преступно из-за двух-трех «*гусаков*»[29] рвать отношения, тем более, что ведь я стою *вне* этой полемики; но поскольку считаю себя непроизвольно забитым в позы дуэлянта (Вашим письмом) с рапирой, направленной на Вас, сам же воплю: «Боже мой, до чего все это — *не то, не то, не то*; и только *пространство*, лежащее между нами, помеха к тому, чтобы сразу же бросить личину <?> оскорбляющих друг друга, а перейти к разговору, *без которого*, понимаете ли Вы, не могу вернуться в *Москву*, и в *Мусагет*.

Ну Христос с Вами, приезжайте же скорей[30].

Мне надо быть, я считаю, 9–11 августа (11 четверг), так что *лучше* во всех отношениях встретиться в Боголюбах[31].

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 45. Л. 1 перечеркнут автором, Помета рукой Н. П. Киселева: «Штемпеля: Луцк 8.VII. 1911; Хлебниково 12.VII. 1911» (даты отправления и получения).

Ответ на п. 224. Одновременно с письмом Белый отправил Метнеру телеграмму по адресу: Савеловская ж. д. Хлебниково. Имение Осиповых (принята 8 июля 1911 г. из Луцка): «Отвечаю. Бугаев» (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 46).

[1] Подразумевается замысел издания в «Мусагете» книги Стендаля «О любви» (см. п. 203, примеч. 21).

* *Слова* тишины и света *дважды подчеркнуты Метнером; справа*: ??

[2] В письмах Белого из Туниса, отложившихся в архиве Метнера, С. И. Гессен в связи с Д. С. Мережковским не упоминается.

[3] «Старинный друг» — заглавие посвященного Метнеру стихотворного цикла в книге Белого «Золото в лазури» (см. примеч. 9 к п. 12).

[4] Н. А. Тургенева.

[5] Имеется в виду п. 223. В неизвестном нам письме к Н. А. Тургеневой Метнер сообщал, что готов приехать в Боголюбы для объяснений с Белым в начале августа 1911 г.; Н. Тургенева отвечала (около 8 июля): «Конечно, приезжайте, жаль, что так поздно, но если не можете раньше, то у вас все-таки несколько дней будет для разговоров, и на Брест и на Киев поезда вечерние, так что здесь вы можете быть третьего днем, а Б. Н. может уехать 6–7-<го>» (РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 52).

[6] Вероятно, подразумевается: «масонского». Имеются сведения о некой масонской ложе «Люцифер» (существовавшей около двух месяцев в 1910 г.), в состав которой входили Белый и Метнер. См.: *Серков А. И.* Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 1141; *Глухова Е. В.* Письма А. Р. Минцловой к Андрею Белому: материалы к розенкрейцеровскому сюжету в русском символизме // Русская антропологическая школа. Труды. Вып. 4. Ч. 2. М., 2007. С. 233–234.

[7] Имеется в виду п. 222.

[8] Юрист И. А. Кистяковский был привлечен А. Д. Бугаевой для разрешения семейных финансовых вопросов: «…от имени мамы он ссужал-таки меня тысячею рублей для устройства нашего хозяйства» (*МДР.* С. 412). См. примеч. 8 к п. 225.

[9] А. Р. Минцлова.

[10] Цитата из романа «Война и мир» (т. 1, ч. 3, гл. XI). См.: *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. Т. 9. М.; Л., 1930. С. 315.

[11] Неточная цитата из «Войны и мира» (т. 4, ч. 4, гл. V). См.: Там же. Т. 12. М.; Л., 1933. С. 185–186.

[12] В оригинале («Война и мир», т. 4, ч. 4, гл. IV): «…обвиняли Кутузова и говорили, что он с самого начала кампании мешал им победить Наполеона <…> что он находится в заговоре с Наполеоном, что он подкуплен им <…> современники <…> говорили так, — потомство и история признали Наполеона grand, а Кутузова — иностранцы — хитрым, развратным, слабым придворным стариком <…>» (Там же. С. 182).

[13] Сокращенный пересказ эпизода («Война и мир», т. 3, ч. 3, гл. XXV). См.: Там же. Т. 11. М.; Л., 1932. С. 350.

[14] В отличие от первой статьи (см. примеч. 2 к п. 138), пафос которой непосредственно отражен в заглавии, во второй статье (см. примеч. 11 к п. 20) музыка провозглашается наиболее совершенным из видов искусства.

[15] См. примеч. 20 к п. 216.

[16] Неточная цитата из «Войны и мира» (т. 4, ч. 4, гл. V), подчеркнуто Белым. См.: *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 184.

[17] Цитата из той же главы, подчеркнуто Белым. См.: Там же. С. 184.

[18] Наступающий 1912 г. здесь символически соотносится с двумя решающими в истории России годами — 1612-м и 1812-м. В битве на реке Калка (31 мая 1223 г.) русские и половецкие войска потерпели сокрушительное поражение от монгольского войска. Более подробно Белый развивает те же соображения в письме к М. К. Морозовой от 14 июля 1911 г.: «Еще *двенадцатый год* не прошел; и дай Бог, чтобы прошел он так, как 12-ый год минувшего столетия. Трудны были России 12-тые годы. Трудны были первые четверти столетий. До 25-го года приходили наиболее трудные испытания. В 1224 году появились татары; <в> 1512 году смута раздирала Россию; в 1612 году — еще бóльшая смута. <В> 1712 по спине России гуляла Петрова дубинка (1725 скончался Петр). 1812 было нашествие французов. <…> И вот мы — у преддверия 12-го года. Дай Бог, если будет новое испытание, чтобы был и *новый Кутузов*» («*Ваш рыцарь*». С. 172).

[19] Образ из стихотворения А. С. Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный…» (1829): «Он имел одно виденье, // Непостижное уму».

[20] См. примеч. 27 к п. 203.

[21] Свою статью «Трагедия творчества. Достоевский и Толстой», изданную «Мусагетом» отдельной брошюрой в ноябре 1911 г., Белый цитирует по рукописи. Ср.: *Андрей Белый*. Критика. Эстетика. Теория символизма. В 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 413. В цитате Белый приводит заключительные строки своего стихотворения «Отчаянье» («Довольно: не жди, не надейся…», 1908; см.: *СП — 1*. С. 181).

[22] Сокращенная и неточная цитата из статьи «Трагедия творчества. Достоевский и Толстой» (*Андрей Белый*. Критика. Эстетика. Теория символизма. Т. 1. С. 398–399).

[23] Неточные цитаты из той же статьи (Там же. С. 399, 400).

[24] Статья Белого «Лев Толстой» была опубликована в № 1 «Русской Мысли» за 1911 г. (Отд. II. С. 88–94), в доработанном виде вошла в статью «Трагедия творчества. Достоевский и Толстой».

[25] Неточная и сокращенная цитата из статьи «Трагедия творчества. Достоевский и Толстой» (*Андрей Белый*. Критика. Эстетика. Теория символизма. Т. 1. С. 393). Приводится (с неточностями) начальная строфа стихотворения З. Н. Гиппиус «Петухи» (1906). См.: *Гиппиус З. Н.* Стихотворения. СПб., 1999. С. 144 («Новая библиотека поэта»).

[26] Цитата из той же статьи (*Андрей Белый*. Критика. Эстетика. Теория символизма. Т. 1. С. 393). Влас — герой одноименного стихотворения Н. А. Некрасова (1855).

[27] Неточная цитата из той же статьи (Там же. С. 392–393).

[28] Неточная цитата из той же статьи (Там же. С. 412). «Бобок» — рассказ Достоевского («Дневник писателя». 1873. VI).

[29] См. примеч. 7 к п. 185.

[30] Примерно одновременно с отправкой этого письма Белого Н. А. Тургенева сообщала Метнеру: «...исполняю вашу просьбу, расскажу, как принял Борис Николаевич ваше письмо, оно очень его взволновало и огорчило, по ночам он не спал, а днем ходил бледный грустный с головной болью. Он не ожидал, что вы так поймете и примете его письмо. <...> Он вас ждет, и ему хочется договориться, он и пишет вам, перечеркивая письмо, что оно только матерьял для необходимых разговоров. <...> У него нет в жизни и серьезных разговорах той истерики, которая часто охватывает его в письмах. Вы могли убедиться в этом в Москве, когда так хорошо и радостно с ним встретились. Помните, вы ко мне тогда вместе пришли? На многом слишком важном должны отразиться ваши отношенья, и я уверена, что вы не порвете их случайно из-за резких выражений истерики или бессонницы. Голубчик, я верю, что Б. Н. был не прав, но не верю, чтобы *это* могло быть причиной вашего разрыва. <...> Не сердитесь на меня, но мне грустно не только от того, что каждый из вас потеряет, может быть, лучшего друга, но и от того, что то, что за вами больше вас и заслуживает большей бережливости» (РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 52).

[31] Свои впечатления от этого письма Белого Метнер передал в письме к М. К. Морозовой от 20 июля 1911 г. (приведено в комментариях в кн.: «*Ваш рыцарь*». С. 175–177): «Что касается письма Бугаева, то оно мне очень не понравилось; он растерялся очевидно, но признать себя виноватым не хочет, не хочет и сваливать все на истерику, уверяет, что находится все это время в такой тишине и в таком свете, которых и мне желает. <...> Письмо Бориса Николаевича очень больших размеров, очень нескладное, очень растерянное и (увы! надо признать) просто глупое! Как согласуется эта явная человеческая слишком человеческая глупость (Borniertheit) с гениальностью, как согласуется с этой гениальностью такое безволие, такая забывчивость; как согласуется с таким писательским дарованием такое наивное (или не наивное??) искажение мыслей и выражений корреспондента — — — все это для меня загадка! Смягчает письмо только местами вспыхивающее чувство расположения ко мне». Приведя далее «перлы» из письма Белого — 15 цитат, Метнер заключает: «Вот Вам коллекция курьозов из этого огромнейшего письма. Ее можно было бы увеличить вдвое и втрое. <...> Какое разочарование приходится мне переживать! Я знал его слабости, но не думал, что они так велики или так за это время прогрессивно увеличились. Мое уважение к нему пало навсегда или на столько времени, сколько пройдет, пока он не овладеет собою и не станет мужем. Но надежды я на это не имею. Слишком уж мало в нем рыцарственности... Конечно, я продолжаю любить его и восхищаться им и, из-за этих чувств к нему, буду симулировать, сколько смогу, бесследно исчезнувшее у меня чувство уважения, без проявления которого нельзя сообща работать...»

227. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

19 июля 1911 г. Имение К. В. Осипова

Свистуха 19/VII 911.

Дорогой Борис Николаевич. Ваше заказное письмо переслать в Михайловское, где я гостил у Маргариты Кирилловны[1], нельзя было оттого, что без паспорта мне не выдали бы его. Вот — причина задержки моего ответа. Не спешил же я от Маргариты К<ирилловн>ы домой потому, что отдыхал у нее если и не телесно (отчаянная бессонница), то духовно. Кстати, Вы писали и ей и Кожебаткину тоже довольно странные письма. Кожебаткин был у меня на даче здесь до отъезда в отпуск и жаловался на Вас за Ваше письмо (или последние разговоры с ним)[2]; он же объяснил мне* выражение *головка виснет*[3], которое я, право, не знал, в какой карман положить. Маргарита К<ирилловн>а с большим беспокойством *первая* стала расспрашивать меня о Вас, вкратце сообщила содержание Вашего письма, сказав, что Вы недовольны *Мусагетом* и стремитесь в *Путь*[4]. Из слов Кожебаткина и Маргариты К<ирилловн>ы я понял, что есть нечто помимо истерики, чтó диктовало Вам Ваше чудовищное письмо ко мне[5], ужас которого именно и увеличивается тем, что оно абстрактно; к Кожебаткину же и Марг<арите> К<ирилловн>е Вы обратились более конкретно: теперь я понимаю более реальный смысл Вашего нападения: и Вы также не в состоянии быть русским европейцем и мечетесь от западничества к славянофильству и обратно; и Вы также не в состоянии быть в дружбе с мистикой, не ссорясь с общественностью (и обратно); под влиянием идей второго Голубя[6], долженствующего раскостить Запад, а отчасти заболев отрыжкой от чрезмерно сытного хаотически-мистического угощения 1910 г.[7], Вы летите от *Мусагета*, в кот<ором> видите слугу гнилого Запада, и *Орфея*, в кот<ором> усматриваете разводителя мистических миазм, в *Путь* или еще какой-н<ибудь> петербургский орган, кот<орый>, по-видимому, нарождается усилиями

---

* Без моей инициативы, ибо я дал ему сначала все высказать, а затем кратко сообщил, что Вы и мне написали странное письмо и что, следовательно, ясно, что Вы просто не в Духе. (*Примеч. Метнера*).

Блока и др.; кроме того, Вам нужен *журнал*, нужен и для наскоков, и по материальным (вполне понятным и почтенным) причинам. *Мусагет* не может ни прокормить Вас, ни дать Вам возможности развернуть Вашу журналистическую деятельность… — — — Я было укорял себя, что дал Марг<арите> К<ирилловн>е прочесть оба Ваших письма (лирическое и боевое)[8], а теперь очень доволен: спросите ее, и она Вам наверное скажет, что не я «вложил обидный смысл» в Ваше письмо, а Ваше письмо сплошная и очень трудноперевариая обида.

Вот и Наташа пишет мне: «Бор<ис> Ник<олаевич> не ожидал, что Вы так поймете и примете его письмо»[9]. Но клянусь, что или она не читала Вашего письма, или же… или же… я больше ничего вообще не понимаю: назначьте каких угодно судей, и Вам скажут, что *обиднее* Вашего письма трудно что-либо написать, не переходя уже в категорию *оскорбления.* Это не *гусак* Гоголя, и я отчаиваюсь в людях, которые полагают, что возможно культурное общение, если мигрени и истерики, купно с невыявившимися в сознании смутными планами, предположениями, подготавливающимися перевалами, кризисами воззрений и т. п. — приводят в движение руку *писателя* и создают «послание к другу» (ни в чем *в данном случае* не повинному) вроде Вашего письма. Я бываю виноват и ошибаюсь, как и все; но тут я решительно не вижу за собой *никакой* вины. Вы называете мое письмо химеричным и прокурорским; но одно исключает другое; я думаю, что оно скорее прокурорское, и я бы мог доказать каждую букву этого письма, совершенно *объективно* и *математично.* У Вас удивительно короткая память на многое. Стендаль был принципиально решен на собрании в 1909 г. Книга о любви была предложена мною для перевода Киселеву *летом* 1910 г. взамен отложенного на неопределенный срок сочинения о Прованс<альских> Лириках[10]; на собрании в ноябре 1910* г. Кожебаткин, перечисляя книги, упомянул и о книге Стендаля, спрашивая Киселева, когда она будет готова; да и в разговорах наверное не раз упоминался Стендаль. Наконец, *даже если бы* Вы ничего не знали о Стендале, самое предложение исходит ведь от меня и Киселева, кот<орый>

* *В автографе описка*: 1911.

очень любит Стендаля, так же как и я, в чем мы сходимся с *Ницше*[11]. — — Вы думаете, что я обиделся *лично*. Конечно, трудно отделить личное от *такого* дела, каким является литература, издательство и т. п. Но, конечно, через *Мусагет* Вы задели меня лично, а не через мою личность *Мусагет*. И не забывайте, что обидность усугубляется тем, что все это написано именно *Вами*, а не кем-л<ибо> другим. И снова появляется, как и в 1907 г. во время нашей полемики, квалификация моего анализа как ***сыск***. Это же слово выскользнуло у Вас и тогда в письме в редакцию и ко мне[12]. Относительно поручения Гессену к Мережковскому и обещания Юрию Верховскому я упомянул лишь вскользь[13], чтобы указать Вам, что Вы, не посоветовавшись со мною, действовали и тем ставили меня дважды в неловкое положение. Вы отрицаете поручение Гессену, он же утверждает это. Очевидно, все-таки он из Ваших слов понял, что надо переговорить с Мережковским о статье для сборника о культуре. Что же касается Верховского, то он прямо сказал мне, что Вы обещали ему напечатать книгу стихов. Допустим, что и здесь недоразумение и с Вашей стороны было недостаточно отчетливое отклонение предложенного. Но ведь и это очень неприятная вещь по своим последствиям. — — — Вы всё настаиваете на том, что я свожу все к *личному*. Я не вижу этого. —

Фразы «если Вам не нужен *Мусагет*, уходите» я не писал; во всяком случае, если она есть, то в таком контексте, кот<орый> ясно показывает, что я не понимаю и не принимаю Вашего вопроса «нужен ли я *Мусагету*», как абсурдного (ибо *Мусагет* почти что основан ради Вас), и отсюда полагаю, что не Вы не нужны *Мусагету*, а очевидно *Мусагет* ***Вам*** не нужен. «Запальчивость» некоторых моих выражений вполне понятна, но «недосказанностей» и «экивоков» я не вижу. Сказанное мною о рябой бабе, как начале темном хаотическом, которого ***всего больше*** именно в России, *понятно* (и отрицать это значит впадать в слепой патриотизм*); никаких неясностей и намеков я не делал. Вы абстрактностью своего письма вынудили меня нащупывать реальный его смысл.

* Кстати скажу, что я считаю немецкую литературу выше русской, а друзья мои французы вполне справедливо утверждали, что франц<узская> литература выше. Каждому свое слово милее. В науках и искусствах можно спорить о первенстве, а *слово*, тут несомненный <?> субъективизм. (*Примеч. Метнера*).

Зная, что́ Вы намереваетесь делать во втором Голубе, читая одностороннюю (чтобы не сказать больше) оценку Вашу западных людей в Ваших африканских письмах (например, англичан, которых Вы и не знаете и не понимаете), я невольно стал думать, получив Ваше вызывающее письмо, с вопросами о русском* символизме и т. п.[14], что Вы *сами* отходите от *Мусагета*, который есть *Европа*, а не Россия *только*, чувствуя, что для Вас Россия не часть Европы, а, как для славянофилов, часть света и весь свет!!

Если бы Вы были должны Мусагету три тысячи, и при этом не были бы в состоянии расплатиться иначе как давая Издательству книги, я бы, может быть, и сделал над собою усилие и на Ваше ужасное письмо промолчал бы. Но ведь Вы отдадите *Мусагету* не книгами, а наличными по ликвидации Ваших счетов с матерью и продажи имения. Совершенно не понимаю, откуда у Вас болезненное ощущение к этому долгу. И как не кажется Вам это все ничтожным в сравнении с нашими личными отношениями, в особенности когда Вы имели не раз случай убедиться в моем презрении к презренному металлу??.. — — — Чувствуя по Вашему письму, что *Мусагет* уходит от Вас, и зная, что *Мусагет* стоит на месте и, следовательно, уходите Вы, я указал Вам на последствия. Конечно, *Издательство* (в тесном смысле слова) не прекратится, т<ак> к<ак> намечен целый ряд книг, но само собою разумеется, что с Вашим уходом *Мусагет* как Штаб-квартира Литературы падает; этим я хотел только подчеркнуть, в какой мере нелеп Ваш вопрос, «нужен ли я Мусагету?». А Вы каким-то непостижимым (ни логикой, ни чувством) образом думаете, будто я загоняю Вас в угол и ставлю Вам неразрешимую альтернативу: «Вы — бремя, от которого хорошо бы избавиться, но если Вы уйдете, то издательства не будет». Относительно моего уважения к Вам я сказал то, что сказал бы Вам (по *меньшей* мере) каждый, к которому Вы обратились бы с подобным письмом. В самом деле: если Ваше письмо написано «по болезни», то смешно вообще говорить об уважении; мало ли что больной человек может обидно несправедливого сказать своим близким; если же этого

* Символизм есть метод; русский символизм такое же неверное выражение, как немецкий контрапункт. (*Примеч. Метнера*).

извиняющего обстоятельства нет или если истерия только приправила, наперцовала письмо, а продиктовано оно (как это мне на́чало казаться) смутным ощущением надвигающегося кризиса в воззрениях, пресловутой эволюцией мысли, перевалом, переоценкой и т. п., то (и именно *только* в этом случае) сказанное мною об уважении остается в силе; ибо *тогда* надо действительно потерять уважение ко мне (или же никогда не иметь его), чтобы написать мне *такое* письмо, которое в свою очередь не может тогда не поколебать моего уважения к отправителю. Ибо не проще ли было вместо того, чтобы упрекать меня в деспотизме и в лености, в тайном желании отвязаться от ближайших друзей-сотрудников и в попустительстве антилитературной конторе, вместо того, чтобы рисовать несуществующую картину печального состояния мусагетских дел, прямо и открыто объявить мне: дорогой Эм<илий> Карл<ович>, я чувствую, что расхожусь с Мусагетом, останемся с Вами лично друзьями, но разойдемся, как деятели, т<ак> к<ак> я вижу, что мне надо уйти в *Путь* или в новый петербуржский журнал. Итак, за истерику я могу лишь от души пожалеть Вас и вполне извинить Ваше письмо; за искреннее размежевание наших личных отношений и наших путей я ***бы*** никогда не мог обидеться или перестать уважать Вас; но на такое полуискреннее заявление, каково в Вашем письме, я мог только реагировать утерей части уважения к Вам. (Почему Вы, кстати сказать, не признаете, что уважение имеет свои степени, мне непонятно). — Следовательно, моя фраза об уважении падает сама собою, раз Вы знаете и мне скажете, что Ваше письмо было сплошь «химеричным» от мигрени, истерики, что в нем не было «тактических» приемов, что в мыслях у Вас не было поставить ребром вопрос о *Мусагете* именно для того, чтобы *уйти* из него из-за того перевала Вашего сознания, которое <*так!*> Вы переживаете (...или не переживаете?)... Не я должен зачеркнуть фразу об уважении, а Вы сами; и я, конечно, не посмею усомниться в праве Вашем ее зачеркнуть, а, наоборот, буду искренно рад, что ее больше нет. Что касается меня, то я очень далек от каких-либо химерических построений (я бы даже желал быть менее трезвым); я готов перед кем угодно отдать отчет в каждом слове и этого письма, и того. И даже за фразу об уважении (ввиду

ее *условности*, что ясно из контекста) могу ответить и вполне объяснить ее; хотя не спорю, что, м<ожет> б<ыть>, *тактичнее* было бы не произносить ее. — — — И в первом и втором письмах Ваших идет речь о Мусагете; по первому письму Вам все ясно; по второму все неясно; ничего странного нет, что можно было растеряться от таких противоречий.

Я решительно не понимаю неоднократных упреков Ваших в том, что я все переношу на личную почву. И повторяю, никак не мог Вашего абстрактно-фантастического письма принять за поднятие конкретных накопившихся у Вас за ½ года вопросов. Ваше письмо было совершенно беспочвенным и все Ваши упреки неосновательными; о своих же планах Вы не сказали ни слова. О них Вы сочли лучше переписываться только с Блоком, и как же после этого мне было не подумать, что Ваше новое отношение к *Мусагету* (т. е., в частности, ко мне, как к деятелю) небезызвестно Блоку. И вот Вы пользуетесь случаем, что<бы> и в этом последнем письме опять повторить бессмысленную неправду о моем якобы заявлении Вам о Вашей двойственности и неслиянности как русского писателя и члена Мусагета. Повторяю: я никогда не произносил ничего подобного. Слово писатель у Вас теперь в этих письмах все время с предикатом *русский*, и в противопоставление *Мусагету*, «о котором я меньше всего думал, когда переписывался» с «*русским* писателем Блоком» о «*русской* литературе». Очевидно, *Мусагет* какой-то гонитель русской литературы... — Совсем как тогда в 1907 г. Вы называете «судебным следствием» и «сыском» сопоставление Ваших слов и мнений об одном и том же предмете, разделенных известным промежутком времени. Об *Альманахе** Вы так *возмутительно* неправы, и вот даже тут Вы хотите выпутаться... Вы приехали в Москву и утомились и запылились внешними делами, и Вам показалось, что никто ничем не интересуется и что Вас слушать не желают. Когда Вы были у нас в Ховрине, я готов был говорить сколько угодно и о чем угодно. Не в моих правилах перескакивать с темы на тему; я, наоборот, готов долбить неустанно по одному месту... —

* Отчего «*внутренно* звучащая нота *Альманах не нужен*» не зазвучала *вовне*, Вы так и не объясняете. Вы были *за* Альманах и, между прочим, для поощрения Ваших учеников по ритму[15]; Вы забыли обо всем этом. (*Примеч. Метнера*).

К чему выписываете Вы мне антипатичнейшие строки из *Войны и Мира* о «лживой форме европейского героя»? Это не оправдывается даже надобностью иллюстрировать Ваше отношение к *Альманаху*, т<ак> к<ак> я не император, а Ваш друг, которому (***вопреки*** Кожебаткинским шагам) Вы могли высказать свое мнение письменно, и я бы по телеграфу отменил *Альманах*. — И Вы всё сопоставляете себя с Кутузовым, но Вы — писатель, и Ваши слова (которые я сопоставляю, за что именуюсь сыщиком), Ваши слова суть уже дела, тогда как дела Кутузова (как воина, как практика) были его словом (о том, что Ваше сравнение себя с Кутузовым хромает в других отношениях, я сказал выше). — — — О сочинении сборника о культуре в *Праге* Вы сами ***со смехом*** мне рассказывали, а что касается «***ты***» с Кожебаткиным, то я не отчета от Вас требую, а только объясняю Вам, почему Вам пришлось выслушивать иной раз от Кожебаткина нотации и терпеть от него фамильярно-снисходительное обращение. При известной дистанции (Zehn Schritt vom Leibe*, как говорят немцы) он не посмел бы Вам сказать, чтобы Вы не вмешивались, т<ак> к<ак> вопрос об Альманахе решен и т. п.

Удивительно, до чего Вы, оказывается, мало знаете меня! Ибо не могу же я предположить в *писателе* такое неосторожное видоизменение моих выражений. Теперь Вы по-новому еще передаете сказанное мною о Вашей двойственности как писателя и как мусагета, и на этот раз я начинаю как будто что-то вспоминать; Вы говорите, что я Вам сказал в ноябре, что «Вы как писатель не вмещаетесь в Мусагете». В такой форме я, конечно, мог это сказать и Эллису, а в особенности Вам, ввиду Вашего богатства в идеях и в оттенках их. Но разве это значит: *сверчок, знай свой шесток*, как это Вы истолковывали в прошлом письме, где Вы ту же мою мысль передали следующим образом, будто я сказал Вам: «пожалуйста, не смешивайте свою роль как русского писателя с ролью члена Мусагета»! — Вы — отчасти больше, чем Мусагет, отчасти меньше. Да ведь это же сказать можно обо всех «мусагетах». О Вас только в *особенности*.

---

* На расстоянии десяти шагов (*нем.*).

Так как Вы очевидно обиделись (и притом зря) на *микроскоп* и на *ковыряние* и метнули мне потому фразу о превосходстве русской литературы, то я постараюсь в двух словах Вам ответить и Вас успокоить. Во-первых, я вовсе не *огульно* всех (как Вы пишете) упрекаю в «ковырянье» (термин Мусоргского ***NB***!!) и в раздуванье бесконечно малых величин до размеров бесконечно больших (занятие, кстати сказать, самоубийственное, недопустимое и с оккультной точки зрения). Во-вторых, я *смею* как *русский* немец в силу между-двух-народного своего положения говорить правду и направо и налево, и Вы не знаете, с какою горячностью я заступаюсь всегда за русских в разговоре с немцами? В-третьих, я говорю об опасных чертах русских Вам, который знает мою любовь к Пушкину, Лермонтову, к русской природе, знает, что я — первый, отметивший Вас, как народного писателя, и сказавший *да* этому Вашему народничеству sui generis**. В-четвертых, наконец, «слащавая приторность» и «мещанское благополучие» определяют не великих немцев, а средних и малых, тогда как излишним ковыряньем заражены такие великаны, как Достоевский. Я берусь доказать, что все выверты и ужасы и бездны, кот<орые> встречаются у Достоевского, имеются и у Гёте и у Ницше и у других великих немцев, но они стоят над этим, а не никнут от этого. Что касается литературы, взятой в целом, т. е. и поэты, и философские *авторы* (не профессора), и проповедники, и мистики, и политики, то смешно *пока* тягаться с Западом, где литература существует тысячелетие. В России Слово о полку Игореве, а в Германии богатая литература миннезенгеров и т. д. и т. д… — Впрочем, Вы сами знаете! Кроме того: Гёте непроизвольно народен (в отличие от нарочитой народности еврея Гейне); народная немецкая поэзия незаметно переходит в поэзию «искусственную», чего о русской поэзии сказать нельзя (так же как и о музыке). В чем русские выше гораздо немцев, это в романе (т. е. в свободной эпической прозе); здесь, впрочем, немцы уступают не только русским, но и французам и англичанам. Строго говоря, можно рассуждать, чья лирика, чья драма, чей эпос стихотворный, чей роман, чья философема выше, немецкая, русская или еще какая, а не чья литература.

---

* Особого рода (*лат.*).

* * *

Хочу быть до конца *судебным следователем*, *прокурором* и *сыщиком* и указываю Вам еще на одну уже совершенно непростительную забывчивость. В день Вашей лекции о Достоевском я был страшно переутомлен, и Вы сами сказали мне, что в лекции ничего особенно нового не будет, что я все знаю по Вашим статьям и письмам, в особенности по статье *Ибсен и Достоевский*[16], что лекция фрагментарна и что достаточно будет, если я приду на прения. Теперь Вы называете эту лекцию своей платформой, говорите, что она была «ритуальным» заявлением *Мусагету*, и укоряете меня в том, что я не пришел на нее… (Кстати, отчего же Вы эту платформу не даете нам до сих пор в качестве брошюры?). — — —

* * *

Черносотенством я называю не Ваш руссизм, а то, как Вы на манер *Моск<овских> Вед<омостей>*[17] задали мне вопрос: имеет ли какое-либо отношение Мусагет к *русской* истории вообще и к истории *русского* символизма в частности? Вот *характер* такого вопроса я считаю черносотенным sui generis, что я и объясняю в тексте. Вы просто не поняли меня здесь. —

* * *

Мы с Вами столько говорили о германизме и начале русском, о германском в русском и о славянском в германизме, что странно, как Вы не поняли частичность, специфичность моей ссылки на *ковырянье* и на *Достоевщину*. Точно мы с Вами только третьего дня познакомились! Нет! Вы и впрямь наверное уходите! Но, ich grolle nicht[*, 18]; на уход Ваш (не из *Мусагета* пока, а от Запада на восточные окраины) я не могу ни обижаться, ни даже изумляться; будьте только искренни; ведь русские так хвалятся своею искренностью, отсутствием жеста, отсутствием этикета; ведь западные люди представляются им всегда актерами, формалистами, позёрами («лживая форма европейского героя» ведь это Наполеон, одно имя которого приводит меня в трепет и расширяет мои зрачки до несвойственных мне экстатических ясновидений). Я Вас прошу: остаться в Мусагете или уйти из него, как хотите, но только не приплетайте здесь 3000 рублей и разные пустяки. Поступайте только во имя своей идеи. —

---

* Я не сержусь (*нем.*).

* * *

Итак, все зависит не от меня, а от Вас. И то, поскольку Вы — Мусагет, и то, поскольку мимо пролетела стрела моего неуважения. Вы знаете, что разрыв с Вами был бы одним из самых печальных событий моей печальной жизни. Идейное расхождение с Вами было бы мне неприятно, но я слишком уважаю свободу мысли и чувства, чтобы пытаться тактически примирить непримиримое. Мое неуважение относится не к расхождению с Вами (это было бы наглым безумием с моей стороны), а к тому приему, которым открылось это расхождение; если же это не «прием», а «истерика» и «мигрень», то нет и потери уважения. —

* * *

Я постараюсь выехать вечером 2-го, тогда днем 4-го я буду в Боголюбах; Вы можете выехать 9-го, чтобы прибыть в Москву 11-го. У нас для разговоров будет полных четыре дня с 5 по 8-ое. — Но я боюсь, что меня могут задержать обстоятельства, о которых здесь долго и не стоит распространяться. Возможно было бы в таком случае, чтобы Вы приехали сюда в Москву четвертого и ко мне в Свистуху, например, пятого, т<ак> к<ак> числа 12-го мне уже необходимо будет выехать за границу. Напишите об этом совершенно откровенно. Если Вам из Боголюб неудобно уезжать раньше, то напишите совсем откровенно, и я приеду к Вам, т<ак> к<ак> говорить нам, во всяком случае *по моему мнению*, необходимо. Четверги падают на 21-ое июля, на 4 августа и на 18 августа, а не на 11-ое[19], как Вы, по-видимому, думаете, приурочивая свой приезд. Так что если бы Вы приехали четвертого, то было бы хорошо. Я приехал бы в Боголюбы лишь в том случае, если бы, не стесняя никого, мог остановиться в колонии. Т<ак> к<ак> 11-ое не день заседания, то Вы, быть может, могли бы приехать и позднее, раз Вы уже находите возможным не приезжать к 8-ому. Об этом надо еще подумать и списаться или даже в крайнем случае снестись по телеграфу. Привет Наташе, Асе и всем обитателям Боголюб.

* * *

Я так безумно устал, так опустошен сейчас, что, право, ничего не понимаю больше и, главное, ничего не *чувствую. Знаю*, что люблю Вас, что вопреки всему и через всё связан с Вами нерасторжимо, что мы еще в 1902 году были крещены в одной купели и посвящены одним мечом, что один старинный друг с другим

старинным другом разойтись не может и не смеет, но все-таки компромиссов и тактических объединений между нами (*лично*!!) не допускаю. — Обнимаю Вас крепко. Ваш Э. М.

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 7. Копия: РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 25. Ответ на п. 226.

[1] М. К. Морозова. Михайловское — ее имение в Калужской губернии, близ станции Оболенское Брянской железной дороги. Метнер гостил там в первой половине июля 1911 г.

[2] Видимо, подразумевается недатированное письмо Белого, относящееся к первой декаде июля 1911 г., затрагивающее его денежные отношения с «Мусагетом» (см. п. 225, примеч. 2).

[3] См. примеч. 2 к п. 223.

[4] В письме к М. К. Морозовой от 14 июля 1911 г. Белый признавался: «Я даже подумываю о том, что, пожалуй, придется выйти из „*Мусагета*“, ибо желание работать — есть, а *Мусагет* превратился в какое-то сплошное бездействие; кричу друзьям — друзья ни звука. Со мной никто не считается, меня перестали спрашивать, а сами *палец о палец* не делают что-либо *живое*, *нужное* сейчас для России. Собираюсь на днях кардинально объясниться с Э<милием> К<арловичем>, и от этого объяснения будет зависеть или моя *работа* в будущем в *Мусагете*, или я останусь в стороне. <...> Вы поверите ли — мне нечего в *Мусагете* делать. Всякое мое *живое* предложение не то что отвергается, но молчаливо откладывается в неопределенность: словом, мне как Андрею Белому, русскому писателю, не пристало играть унизительную роль ненужного советчика при знающем все лучше Э<милии> К<арловиче> и палец о палец не двигающем *для живого дела*» (*«Ваш рыцарь»*. С. 168). О стремлении войти в круг ближайших участников основанного Морозовой религиозно-философского издательства «Путь» в этом письме Белого впрямую не говорится, имеется лишь сообщение: «Для „Пути“ на днях начинаю писать о Льве Толстом» (Там же. С. 169).

[5] Подразумевается п. 223.

[6] См. примеч. 10 к п. 195.

[7] Подразумевается комплекс эзотерических переживаний, стимулированных общением с А. Р. Минцловой. См.: *Carlson Maria*. Ivanov — Belyj — Minclova: the Mystical Triangle // Cultura e memoria. Atti del terzo Simposio Internazionale dedicato a Vjačeslav Ivanov. I: Testi in italiano, francese, inglese / A cura di Fausto Malcovati. Firenze, 1988. P. 63–79.

[8] Подразумеваются п. 222 и 223.

[9] См. примеч. 30 к п. 226. Письмо Н. А. Тургеневой Метнер цитирует и в письме к Морозовой от 20 июля 1911 г., добавляя: «Одним словом, видно, там в Боголюбах сошли все с ума и полагают, что Боренька может говорить какие угодно наглости, а понимать его следует всегда не прямо, не буквально, а символически, истерически и тактически» (*«Ваш рыцарь»*. С. 175–176).

[10] См. примеч. 10 к п. 166.

[11] Ср. суждения Ницше: «...Стендаль <...> быть может, среди всех французов *этого* столетия обладал умнейшими глазами и ушами» («Веселая наука», Вторая книга, 95 // *Ницше.* Т. 1. С. 570); «...этот замечательный предтеча и провозвестник, прошедший наполеоновским темпом через *свою* Европу, через многие столетия европейской души, как лазутчик и первооткрыватель этой души <...>» («По ту сторону добра и зла», Отдел восьмой, 254); «Стендаль, одна из самых прекрасных случайностей моей жизни <...> совершенно неоценим с его предвосхищающим глазом психолога, с его схватыванием фактов <...>» («Ecce Homo»: «Почему я так умен», 3) (Там же. Т. 2. С. 374, 712).

[12] См. п. 143, примеч. 4 к п. 141 (Письмо в редакцию Н. П. Рябушинского).

[13] См. примеч. 33, 34 к п. 203.

[14] Имеются в виду слова о «русских символистах» и «русском символизме» в постскриптуме к п. 223.

[15] Среди членов Ритмического кружка, руководимого Белым в 1910–1911 гг., были и начинающие поэты, участвовавшие в «мусагетском» альманахе «Антология»: С. П. Бобров (Сергей Рюмин), С. Н. Дурылин (Сергей Раевский), А. А. Сидоров, А. А. Баранов (Дмитрий Рем).

[16] Эта статья была впервые опубликована в «Весах» (1905. № 12. С. 47–54; то же: 1906. № 1), вошла в книгу Белого «Арабески» (1911).

[17] Ежедневная газета, издававшаяся с 1756 по 1917 г., орган консервативно-монархического направления.

[18] «Ich grolle nicht, und wenn das Herz auch bricht...» — первая строка стихотворения Г. Гейне из раздела «Лирическое интермеццо» (1822–1823) его «Книги песен» («Buch der Lieder»).

[19] Ошибочное указание; 11 августа 1911 г. — четверг. По всей вероятности, на четверги в Москве назначались некие эзотерические «заседания», в которых считал необходимым участвовать Белый.

228. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

22 июля 1911 г. Боголюбы

Дорогой Эмилий Карлович!

Вот уже три недели как отправил Вам в деревню письмо (объяснительное) на Ваше большое[1]. Между письмом, столь взволновавшим Вас, и письмом объяснительным я отправил, не зная Вашего адреса, письмо в *Мусагет* (о деловых своих затруднениях с *Мусагетом*)[2]; не ведаю, что Вы получили из посланного (отправил и телеграмму Вам[3]). Сегодня уже 22 июля, и, не зная, заедете ли Вы в Луцк, или не зная, будете ли Вы мне вообще отвечать,

я должен от Вас получить хотя бы уведомление — ждать Вас или нет (ибо время мне собираться, как это ни тяжело, в Москву, в которой, кстати сказать, не жду ничего утешительного). Ввиду того, что М. К. Морозова нас звала к себе[4], я хотел бы заранее уведомить ее о нашем с Асей приезде.

Итак, жду извещения от Вас хотя бы в два слова.

Остаюсь искренне преданный

Борис Бугаев.

P. S. От Аси привет.

Это письмо пятое по счету из мной отправленных (пишу для счета, ибо иногда письма пропадают).

РГБ. Ф. 25. Карт. 30. Ед. хр. 10. Письмо, видимо, не было отправлено адресату.

[1] Имеется в виду п. 226 (ответное на п. 224).

[2] Имеется в виду п. 225.

[3] Текст приведен в примеч. к п. 226 (преамбула).

[4] Это приглашение — в недатированном письме М. К. Морозовой, ответном на письмо Белого от 14 июля 1911 г. См.: «*Ваш рыцарь*». С. 174–175.

229. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

25 июля 1911 г. Боголюбы

Дорогой Эмилий Карлович!

Жалею, что послал Вам мое письмо вместо простого «*приезжайте*»[1]. Написал ответ и на второе письмо; прочту лично[2].

4-го мне быть в Москве до крайности *неудобно*; почему — долго объяснять.

Итак, жду Вас 4-го. 9-го, 10-го, 11-го могу быть в Москве[3]. Но тогда лучше уж и не объясняться: более удобной формы нет, кроме Вашего приезда. Телеграфируйте и день отъезда, и поезд, и по какой дороге едете (Брянской или Брестской).

Остаюсь любящий Вас

Б. Бугаев.

От Аси привет. Привет всем.

P. S. Телеграфируйте тотчас по получению письма, едете или нет. Мне надо знать заранее[4].

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 47. Датируется по почтовому штемпелю отправления на конверте: Луцк. 25. 7. 11. Штемпель получения: Хлебниково. 29. 7. 11. Отправлено по адресу: Савеловская ж. д. Станция Хлебниково. Имение Осиповых.

[1] Написано по получении п. 227. «Мое письмо» — п. 226.

[2] Письмо Белого, ответное на п. 227, нам неизвестно.

[3] Белый и А. Тургенева приехали в Москву 8 августа.

[4] Метнер сообщил телеграммой об изменении своих планов (относительно приезда в Боголюбы) и назначил встречу в Москве в дни, непосредственно предшествовавшие его отъезду в Германию. 5 августа 1911 г. он писал М. К. Морозовой: «В Волынь не еду, т<ак> к<ак> продолжаю не спать и не хочу подвергать себя неудобствам более продолжительного путешествия и жизни в Боголюбах: Бугаева вызвал по телеграфу в Москву и жду его со дня на день. Если он приедет на этих днях, то я уезжаю за границу числа 12–13 с<его> м<есяца>. От Эллиса получил письменное и устное заявление его протеста против поведения Бугаева» (РГБ. Ф. 171. Карт. 1. Ед. хр. 52 б).

О встрече с Белым в Москве Метнер информировал Морозову в письме от 10 августа 1911 г.: «...приехал Борис Николаевич и виделся со мною. У него такой вид, будто ничего особенного между нами не произошло и будто во всяком случае обиженный — *он*, а не *я*. Разговаривали мы с ним без текста, т. е. не имея в руках наших писем; он путал и путался неимоверно и наполовину забыл, чтó сам писал. Я решил махнуть на него рукой и ничего не взыскивать с него. Как человек — он невменяем. Я устроил грандиозное заседание из всех почти мусагетцев (Бугаев, Эллис, Петровский, Сизов, Киселев, Кожебаткин, Ахрамович, Сергей Соловьев) и предложил Бугаеву высказаться *конкретно* о Мусагете. Оказалось, что гора родила мышь и „потенциальная энергия невыспрошенного члена", пройдя чрез „острие", разрядилась в проектах таких проектов, проспекты и тактические соображения которых давно десятки раз обсуждались и не осуществлялись по вине самих же „невыспрошенных членов". Это заседание показало наглядно всем членам Мусагета (выразившим мне еще до приезда Бугаева свою солидарность со мною и свое осуждение поведения Бугаева), что ровно никаких оснований у Бугаева не было к полемике со мною и что вся его война велась ни из чего, т<ак> к<ак> и идей-то у него за восемь месяцев не прибавилось никаких; прямо возмутительно, что он зря мучил себя и меня; конечно, возможно, что он во время переписки с Блоком полагал о проектировании в Петербурге журнала, который расстроился, но оставим все догадки, простим ему и покроем все любовью к нему. Я его достаточно „высек" своими письмами; он их не скоро забудет и на будущее время станет осторожнее — — —» (*«Ваш рыцарь»*. С. 179–180).

230. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

7–11 (20–24) сентября 1911 г. Москва

Дорогой и милый Эмилий Карлович!

Пока я Вам не писал и не пишу в порядке личном: перегружен был делами, 10 дней искали в Москве помещения[1]. Потом были у Морозовой[2]. Теперь уже вот с неделю суетня и беготня.

Перехожу к делам:

1) *О проспекте*[3]: предпринято нижеследующее: три недели тому назад писал уведомительное письмо Вячеславу в очень любезной форме, чтобы он прислал к первым числам сентября «*Орфея*»[4]. Не прислал. Мы составили коллективно с А. С. Петр<овским>[5]. Поступили: рукопись Эллиса «*Задачи книгоиздательства Мусагет*», моя рукопись (вновь написанная)[6], рецензии и т. д. Помня о Ваших словах по поводу обзоров книг К<нигоиздательст>ва Дидерихс[7], я составил пробный обзор книг К<нигоиздательст>ва «*Мусагет*», который всем понравился[8]. Вчера состоялось первое недельное собрание; были: Эллис, Кож<ебаткин>, Ахр<амович>, Степпун, я, Рачинский, Сизов, Киселев, Петровский. Читался и критиковался весь материал проспекта, т. е. три наши статьи (Вы[9], Эллис, я), «*Задачи Орфея*», «*Логос*»[10], *книжный обзор*, не читались лишь авторецензии (не хватило времени). Краткий протокол, составленный Ахрамовичем, посылается Вам при материале. Выяснилось: 1) Если бы напечатать весь материал, то проспект не достигал бы цели, ибо он скорей походил бы на № «*хроники*». 2) Была бы разноголосица. Признано, что Ваша и моя статьи вполне близки по духу и в этом смысле шли бы в проспект, но Эллиса *всеми единогласно* признано негодной, ибо она a) есть крикливый мистический манифест, b) она скорей говорит об интимной стороне *Орфея*, а не *Мусагета*. Были бурные споры: Эллис кидался, ругался и т. д. Выяснилось и то, что имеется весь почти материал для пробного № «*Хроники Мусагета*» (условно так называли наши период<ические> выпуски)[11]. Тогда в видах большего удобства оказалось, что 1) возможно печатать отдельно *каталог* (quasi проспект) хоть сейчас в следующем порядке:

1) Ваша статья о Мусагете (или без оной?)

2) Либо авторецензии, либо мною составленный по образцу Дидерихса «Обзор книг К<нигоиздательст>ва „*Мусагет*“».

2) Возможно печатать независимо от того пробный № *Хроники.*

Этот последний при бюджете *2000* приблизительно = 6 номерам по 60 страниц, принимая во внимание *гонорар*, или = 6 номерам по 80 и более страниц (если *без гонорара*); в следующем собранье (в пятницу 9-го) вопрос о *гонорарах* мы обсудим (я стою за то, что гонорары не нужны: всякий, заинтересованный *Хроникой*, сам будет стремиться писать там, а гонорар за статейки в 7–8 печатных страниц *все равно* ничтожен, чтобы составить предмет заработка).

Выяснился следующий характер «*Хроники Мусагета*»:

Хроника Мусагета (60 стр.)

1. Культура и «*Мусагет*» (20 стр.)
2. Дневник «*Мусагета*» (20 стр.)
3. Книжные листки «Мусагета» (2<0> стр.)

В отделе первом печатаются статьи официально застегнутого тона (жест в сторону публики), за тон статей ответственна *редакция*; тут Редакция *Мусагета* намечает вехи своих путей, взглядов; характер — *передовые статьи* о жгучих нам темах.

В отделе втором (Дневник «*Мусагета*») печатаются статьи под личную ответственность авторов. Это как бы лирический отдел, материал «*Дневника поэтов*» вошел бы сюда[12]. Тут желательны: афоризмы, эмбрионы статей, записи на полях книги; словом, *лирика* на темы важные, затрагиваемые в первом отделе официально. Первый отдел платформирует; второй — создает материал к платформированию. Я, например, хотел бы обработать в краткой диалогической форме записанную схему одного разговора у Морозовой, где участвовали: я, Желяев, Морозова и проф<ессор> Вульф (об отношении науки к религии)[13].

Т*ретий отдел.* Приближается к каталожной форме. Печатаются обзоры книг 1) наших, 2) не наших (пример: обзор книг «*Пути*», «*Скорпиона*» в нашем освещении, т. е. взгляд *Мусагета* на окружающие явления книжного дела. 3) Вообще печатается обзор тех *симптоматических* книг, которые являются таковыми нашему сознанию (только не рецензии). Вышла, например, вам любопытная книга о *Гёте*, книга о Ницше, книга о романтиках. Вы видите нить, связующую их: вы высказываете эту нить, указываете на книги. Наконец, здесь вообще можно высказывать личное мнение о характере такой-то или такой-то серии книг.

Следовательно, и здесь в принципе я различаю два типа обзора: 1) обзор *мусагетский* (страниц 8–10), т. е. взгляд на серию книг *редакции*, основанный на соглашении большинства мусагетцев (взгляд каждого лица здесь представлен в программе *минимум*), 2) обзор *личный*, т. е. того или иного сотрудника *Хроник*, т. е. серия известных книг, взятая в *аспекте* Метнера и только Метнера, Киселева, меня (программа *maximum*) (10 страниц).

Охарактеризовав выяснившийся характер «*Хроник*», я возвращаюсь к *пробному №*.

Он уже готов почти. Имеется

Хроника Мусагета

1) Культура и «*Мусагет*».
   a) Ваша статья, за подписью Метнер или «*Мусагет*».
   b) Статья «*Логоса*», которую Степпун берется ретушировать в следующем смысле: имеется заявление «*Логоса*» «От „*Логоса*“»: Степпун берется его слегка мусагетировать, взяв заявление *Логоса*, повернутого лицом к «*Мусагету*» (работа 1 день)[14].
   c) «*Орфей*». Написанная коллективно заметка.
   О подписях: если будут подписи, то подпись «*Гессена*» удобна ли при ретушировании Степпуном? Не знаем, кто подпишется под Орфеем. Не проще ли подписаться: «*Мусагет*», «*Логос*», «*Орфей*».
2) *Дневник Мусагета.*
   1) У Степпуна есть интимный материал для этого отдела.
   2) Обещается условно дать Киселев.
   3) Даю я в самом непродолжительном времени.
   (Весь этот материал тотчас же будет отослан к вам.)
3) *Книжные листки Мусагета.*
   Обзор К<нигоиздательст>ва «*Мусагет*» (без подписи, составленный мной). Или авторецензии, в зависимости от того, что пойдет в каталог.

Удобства такого плана. 1) Невозможная с точки зрения корректности статья Эллиса попадает в «*Дневник*» под его личную ответственность хотя бы в № 2-ой *Хроник*[15]. Для второго № имеется еще в первый отдел моя заметка «*Задачи издательства*».

Достигается стройность первого отдела, первого пробного №, где попадают статьи о *Мусагете*, *Логосе*, *Орфее*.

Выяснилось, что материал и темы будут, но что недельные собрания *необходимы* в том смысле, что разговоры, на них происходящие, дают богатейший *реальный* материал к написанию статеек. Нужно выработать тип статеек в 7–8–10 страниц. Если гонорара не будет, 6 №<-ров> можно превратить в 8, 9, или обратно: 6 номеров стесать = 90 страничкам; 30 страниц для 1-го отдела, 30 для второго, 30 для третьего. Я настаиваю на необходимости собраний 1) освобождающих контору на целую неделю, 2) реально питающих и оплодотворяющих темы к статьям: опыт показал, что *статья* тут же рождается: так, надо было писать об Орфее; ни Петровский, ни я не знали, что писать; поговорили часа полтора; я сел за стол и *занес ход мыслей*: на другой день ход мыслей обработал в заметку (я привожу это, как тип коллективного творчества)[16]. Теперь выяснилось мне очевидно, что *дело пойдет*, и мы вполне можем, опираясь на свои только силы, вести *Хронику* (конечно, сотрудники со стороны *очень желательны*, но строить в рассчете на них не надо).

Может быть, мне придется к 15-ому дня на два за приисканием работы быть в Петербурге[17]: тогда я Вячеславу все объясню. Пока не пишу ему до пятницы, когда детали «*Хроник*» выяснятся вполне. Блок за границей[18] и адреса его у меня нет; но летом мы переписывались, и думаю, он — горячо откликнется.

Естественно выяснилось, что будут писать хоть в каждом № я, Степпун, Эллис; надеюсь — Вы. Обещали во второй отдел и третий писать (обзоры и мысли на полях книги) Киселев, Петровский. Гессен и Яковенко согласятся от *Логоса* писать. *Иванов* и *Блок* наши; пока что — достаточно.

Материал статей с протоколом того, что говорилось на собраниях, посылается на днях Вам.

У меня был разговор со Степпуном. «*Логос*» идет на условия Ваши. Ему больно разрывать с «*Мусагетом*». Соглашается печататься без гонорара.

Пока обрываю мои сообщения.

Милый, милый, Вы простите меня, что не пишу о личном. Времени совсем нет. Мы переезжаем в Расторгуево. Адрес. (Павелецкая) ж. д. Станция *Расторгуево*. *Видное*. Дача Депре. Мне[19].

Кожебаткин Вам пишет: как всегда, как только пришлось *делать дела* по выяснению хроник, Кожебаткин оказался незаменимым человеком; теперь Вы, вероятно, будете испытывать на себе его *молчание*, а я, будучи в Москве, вижу его деловым.

Четверг 8 сент<ября>.

Степпун предлагает брошюру с заглавием «*Культура и жизнь*» (брошюру предлагает написать и будто бы в мусагетском, а не чисто логосовском смысле)[20]. Ответьте: это — предложение. Киселев частью набросал для второй части «*хроник*» заметку о том, что есть *книга*[21].

Вчера 7-го сентября получена телеграмма от Вячеслава о том, что «Орфей» пишется: 7-го сентября я ему выдвинул как *последний срок*[22]: получение телеграммы в этот день меня утешает (значит, заметка пишется). Если Иванов опоздает, заметка имеется; если вовремя пришлет, можно печатать ее позднее, изменив заглавие (одной имеющейся статьей больше). Написал длиннейшее и обстоятельнейшее письмо Вячеславу о том, что есть *Хроника*[23]. Надеюсь, после объяснения примет живейшее участие.

Выясняются не только детали (о чем писать), но и темы. Мы обсудили возможную платформу, как держаться, по поводу готовящейся серии оккультических книг (между прочим, Штейнера). Петровский крайне воодушевлен. Даже Рачинский обещал писать о книгах, и в «*Дневнике*». Идея *Хроник* окончательно воодушевляет меня.

Не отправляю Вам письма до субботы 10-го с тем, чтобы занести хронику нашей жизни (результаты завтрашнего собрания и сегодняшнего разговора со Степпуном).

По получению моего письма ответьте мне Ваше мнение о написанном, а также Ваши мысли о *Хрониках*, Ваши проекты статеек. Если начать номера в декабре, то материал на 3–4 номера, *органически выросший*, желателен уже в *портфеле* Редакции. Выясняется, что гонорар за статьи *не нужен*: за это стоят: главным образом Киселев, потом Петровский, Рачинский, я, Эллис; склоняется к тому и Кожебаткин. В принципе *не платить*: в исключительных случаях по просьбе автора *да*. Экономия на гонораре развязывает руки. Можем тогда свободно выпустить 7 выпусков по 80–90 страничек.

Пятница 9-го сентября.

Вчера был разговор со Степпуном, поставивший меня в довольно затруднительное положение. Степпун теперь говорит в мусагетском духе и считает себя более мусагетцем, чем логосовцем. У нас же говорят — *Степпун не подлинный*: во всяком случае я чуть-чуть ухаживаю за ним, как за активным участником Хроник. «Люцинду» Степпун почти совсем перевел (кажется, *вовсе* перевел, только без писем Шлейермахера)[24].

Киселев заканчивает брошюру для Мусагета[25].

Брюсов очень скоро дает «*Орсье*»[26].

Моя брошюра набрана[27].

11 сентября.

Пишу после второго «*Мусагетского*» собрания.

Факты: Эллис написал премилое письмо, мотивирующее расхождение в тактике с нами. Вскоре после он мне обещал писать в отделе «*дневник*» много, но за своей, а не редакционной ответственностью.

В. Я. Брюсов очень горячо присоединился к проекту; в «*Дневник*» предоставляет какой угодно материал из приготовленной к печати книги (которую издаст еще только через год), книга будет называться «*Miscellanea*»; содержание ее — фрагменты. Просит черпать оттуда хоть для каждого выпуска страничек на 5–10[28].

М. И. Сизов прочел великолепнейшую статейку о нашем отношении к культуре, науке, религии, философии; статья одобрена *всеми*[29]. Степпун, Рачинский и я просили повторить статейку в следующую пятницу, 1) как тему собеседования в нашем кружке, 2) собеседование должно служить материалом к подотделу «*О чем говорят*» (обработаю в диалогической форме «*я*» или *Степпун*)[30]. Статейка Сизова лирически-сдержанная, но все же лирическая; предположено напечатать во втором *выпуске*, она как бы руководящая статейка в отделе «*Дневник*». Диалог на затронутые ею темы может пойти во втором №.

В. О. Неллендер к пятнице (следующей) в наш портфель принесет обзор литературы по орфизму (что в связи с «*Гимнами Орфея*» (при выходе их) можно напечатать)[31].

Степпун приносит к пятнице свою статью на тему «*Логос, повернутый к Мусагету*» (статья предполагается для 1-го выпуска

«*Хроник*» в pendant к Вашей статье). (Заявление Гессена о *Логосе* предложено напечатать в каталоге[32]). Тогда же приносит он и статейку в *лирический отдел*[33].

Милый — теперь Ваша очередь: пишите, чаще, больше: статейки в 5–10 страничек легко писать; *заметки на полях*, проекты статей, мысли, интимизм Ваших замечаний из писем — все это благодарный материал для «*Дневника*». Пишите, ради Бога, и для «*Дневника*», и для «*Культуры и Мусагет*». Пишите и обзоры.

Выясняется весь первый № *выпусков*.

Хроника Мусагета

1) *Культура и Мусагет*
   a) Ваша статья (5 печ<атных> страниц).
   b) *Логос, повернутый к Мусагету* (Степпун) (5–7 страниц).
   c) «*Орфей*» (наша или еще не полученная ивановская (5 печат<ных> стр.).
   = до 17 печатных страниц.
2) *Дневник Мусагета*
   a) «*О (имя рек) пейзаже*» (лирическая статейка Степпуна)[34]. 6–7 страниц.
   b) «*Miscellanea*» Брюсова. 5 стр.
   c) «*О книге*» Киселева. 5–6 страниц.
   d) «*О чем говорят*» моя. 6–7 страниц.
   22–25 печ<атных> страниц.
3) *Книжные листки Мусагета*
   a) Обзор книг «*К<нигоиздательст>ва Мусагет*» (мое без подписи). 8 страничек.
   b) Каталог К<нигоиздательст>ва. Страниц 12 (или второй обзор: хотя бы «*Пути*»). 20 печ<атных> страниц.

Остаются для второго №.

1) «*Мусагет и Культура*» (моя).
2) «*Орфей*» (моя или Иванова в зависимости от напечатанного).
3) Статейка Сизова (для лир<ического> отдела).
4) «*О чем говорят*» (диалог обработанный?).
5) *Статья Эллиса* (не пропущенная в первом №). Последние две статьи для лирики.
6) Обзор Орфической литературы.

7) Хорошо бы иметь Ваши статейки для № или в виде афоризмов, проектов статей, или в виде интимной статейки, или в первый отдел. Желательно иметь обзор Вас интересующих *ныне* книг (хотя бы из теперешних германских, которые Вы или читаете, или о которых осведомлены).

Решили просить *Иванова* статейку о «*Религии и культуре*». К Блоку пока до отыскания его адреса еще не обращались.

Петровский, Рачинский садятся писать.

Степпун взял на себя инициативу обо всем уведомить Гессена и Яковенку, обещая налегать и вынимать из философов в мусагетском тоне статейки о культуре.

Долго обсуждали вопрос гонорара: выяснилось, что гонорар все же нужен. Решили *пока что* в среднем рублей 30 за печатный лист.

Кожебаткин пишет Вам и пересылает протоколы, для Вас писанные Ахрамовичем.

Вот краткий экстракт сделанного за два собрания; я считаю, что дело двинуто. На третьем собрании обсудятся темы следующих № (конечно, всё до вас проблематично: нужно разработать программу 4-х выпусков сейчас же, чтобы к середине ноября иметь материал для 4-х номеров). Если будет материал поступать далее, можно имеющийся материал задержать, но мы отправляемся от принципа не опираться на сотрудников со стороны.

Обрываю, сейчас еду в деревню: спешка.

Обнимаю. Остаюсь любящий

Б. Бугаев.

P. S. Николаю Карловичу и Анне Михайловне привет[35].

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 48. Над текстом помета Н. П. Киселева: «Штемпели. Москва. 12. IX. 1911; Pillnitz. 28. IX. 1911» (даты отправления и получения на почтовых штемпелях с несохранившегося конверта).

[1] По приезде в Москву Белый и А. Тургенева остановились в меблированных комнатах Троицкой на Тверском бульваре. Жить по своему московскому домашнему адресу (Арбат, Никольский пер., д. 21, кв. 7) Белый посчитал невозможным из-за конфликта с матерью и ее неприязненного отношения к А. Тургеневой.

[2] Белый и А. Тургенева выехали в Михайловское к М. К. Морозовой 19 августа, прожили там до начала сентября 1911 г.

[3] Подразумевается информационно-рекламный проспект издательства «Мусагет».

[4] См. примеч. 13 к п. 203, п. 224, примеч. 31. 18 августа 1911 г. Белый писал Вяч. Иванову: «Мы ждем Твою статейку (очень небольшую) об „*Орфее*" для „*проекта проспекта*". Считаем ее *совершенно необходимой* как редакторское слово об этой серии книг нашей мусагетской платформы <...> уже много месяцев ждем Тебя, и материал, собранный к печати, *праздно лежит в Редакции*. Как нам ни важно, чтобы именно Вячеславом Ивановым были произнесены редакторские слова об „*Орфее*", однако далее ждать не можем. Если к 7-ому сентябрю не получим от Тебя *статьи*, седьмого же числа поручаем писать другому, ибо мусагетский проспект (крайний срок) выходит около 20 сентября» (Русская литература. 2015. № 2. С. 72–73. Публ. Н. А. Богомолова и Дж. Малмстада). Издание «проспекта» в указанный срок не состоялось.

[5] 8 сентября 1911 г. Вяч. Иванов, однако, отвечал Белому на цитированное выше письмо: «Я было хотел не писать вам об „Орфее" — не знал, что и как писать, вы бы сами, — точнее ты, — быть может, лучше это сделали. Но все же написал, что написал, неуверенный, что это пригодно. <...> Быть может, хоть отчасти написанное пригодится». 9 сентября 1911 г. Белый поблагодарил Иванова: «Спасибо за „*Орфея*". Ждем» (Там же. С. 74), — однако тот своего текста в срочном порядке тогда не представил.

[6] См. примеч. 6 к п. 171, примеч. 4 к п. 180.

[7] Имеется в виду «Eugen Diederichs Verlag» — издательство Эугена Дидерихса (1867–1930), основанное во Флоренции в 1896 г. и действовавшее в Лейпциге и Иене с 1897 г. В первом издательском каталоге, появившемся в 1908 г. под названием «Пути к немецкой культуре» («Wege zur deutscher Kultur»), были намечены семь направлений деятельности: античные авторы; немецкие мистики; итальянский Ренессанс; немецкие классики; немецкие романтики; творчество Ницше; немецкая культура.

[8] Этот текст Белого ныне опубликован. См.: *Андрей Белый*. Обзор книг книгоиздательства «Мусагет» / Подготовка текста и примечания Е. Г. Тарана // Арабески Андрея Белого: Жизненный путь. Духовные искания. Поэтика. Белград; М., 2017. С. 170–176.

[9] Подразумевается статья Метнера «„Мусагет". Вступительное слово редактора» (см. примеч. 31 к п. 224).

[10] Сообщение о задачах издаваемого «Мусагетом» журнала «Логос» (см. там же).

[11] Издание под указанным заглавием не состоялось, однако его проект воплотился в 1912 г. в виде «мусагетского» журнала («двухмесячника») «Труды и Дни». Первоначальные контуры замысла Белый обрисовал в письме к Вяч. Иванову от 9 сентября 1911 г.: «У нас возникла идея периодических „*выпусков*". Выпуски эти будут называться „*Хроника Мусагета*". От 6 *до* 8 выпусков в год размером не более *70* страничек. Задача этих выпусков

такова: дать маленький орган для выражения того, что сейчас более всего волнует ближайших сотрудников *Мусагета* и *Орфея*. <...> Важны нам не столько *статьи*, а скорей планы статей, *зерна* будущих серий статей. <...> Желательны афоризмы, схемы бесед, записи на полях книги, дневник современной души. Важны и *вехи* путей в виде законченных, сжатых важной темы статеек страничек в 6–10 (не более)» (Русская литература. 2015. № 2. С. 74). Далее Белый приводил развернутый план содержания «нашего карликового журнальца», по своей структуре и указываемым параметрам совпадающий с излагаемым ниже в настоящем письме.

12 Имеется в виду замысел неосуществленного периодического издания, задуманного Вяч. Ивановым в начале 1911 г. (см. примеч. 2 к п. 222). На преемственную связь «Хроники Мусагета» с этим замыслом Белый указывал и в письме к Вяч. Иванову от 9 сентября: «Особенно желательно нам троим (Блок, Ты, я) создать второй отдел „*Дневника*“; ведь „*Дневником*“ будет питаться и первый отдел, да и вообще жизнь нашего издательства» (Русская литература. 2015. № 2. С. 76).

13 Видимо, этот замысел нашел отражение в диалоге Белого «О „двойной истине“», опубликованном в рубрике «О чем говорят» (Труды и Дни. 1912. № 2. С. 56–62. Подпись: Cunctator): «Разговор происходит в деревне. Участвуют в нем: хозяйка дома, профессор-натуралист, музыкант и современный писатель. Речь заходит о модном в наши дни салонном оккультизме» (С. 56). Правомерно предположить, что поводом для диалога Белого послужил разговор в Михайловском в конце августа 1911 г. с участием М. К. Морозовой, ученого-кристаллографа, профессора Московского университета Г. В. Вульфа и композитора и музыкального критика Н. С. Жиляева.

14 См. статью: *Степпун Федор*. «„Логос“» (Труды и Дни. 1912. № 1. С. 68–73).

15 Упомянутая программная статья Эллиса о задачах «Мусагета» осталась тогда неопубликованной.

16 17 (30) сентября 1911 г. Метнер писал из Пильница А. М. Кожебаткину: «Против еженедельных собраний для „коллективного творчества“ (как выразился Бугаев в только что полученном мною письме) я ничего не имею; наоборот!» (РГБ. Ф. 167. Карт. 24. Ед. хр. 13).

17 Эта поездка не состоялась.

18 Блок и Л. Д. Блок отбыли в заграничное путешествие (Германия, Франция, Бельгия, Нидерланды) 5 июля, возвратились в Петербург 7 сентября 1911 г.

19 Белый и А. Тургенева поселились по указанному адресу в середине сентября и жили там до середины ноября 1911 г.

20 Ни заявленная книга, ни какая-либо другая авторская книга Ф. А. Степуна не была опубликована в «Мусагете».

21 Этот замысел Н. П. Киселева, видимо, остался незавершенным.

22 Текст этой телеграммы не сохранился. См. выше, примеч. 4, 5.

[23] Это письмо Белого к Вяч. Иванову было отправлено 9 сентября 1911 г. См.: Русская литература. 2015. № 2. С. 74–77.

[24] См. примеч. 15 к п. 203. Развернутая характеристика готовившегося издания дана в «Каталоге издательства „Мусагет" (1910–1912)» (Март 1912 г. С. 11).

[25] Ни одной авторской книги Н. П. Киселева в «Мусагете» не вышло.

[26] См. примеч. 17 к п. 190.

[27] Статья Белого «Трагедия творчества. Достоевский и Толстой» (М.: Мусагет, 1911).

[28] «Miscellanea. Замечания, мысли о искусстве, о литературе, о критиках, о самом себе» — цикл заметок и афоризмов Брюсова. Отдельным изданием не выходил; при жизни Брюсова были опубликованы подборки из цикла в журнале «Москва» (1918. № 1. С. 3; № 2. С. 3; 1920. № 4. С. 14–15) и в альманахе «Эпоха» (Кн. 1. М., 1918. С. 111–117; Кн. 2. М., 1918. С. 111–117). Наиболее полные подборки в позднейших изданиях: *Брюсов В.* Избр. соч.: В 2 т. М., 1955. Т. 2. С. 535–559; *Брюсов Валерий*. Собр. соч.: В 7 т. М., 1975. Т. 6. С. 379–404.

[29] Возможно, речь идет о статье М. И. Сизова, опубликованной под заглавием «Кремль» (Труды и Дни. 1912. № 3. Май — июнь. С. 50–55. Подпись: М. Седлов).

[30] «О чем говорят» — рубрика, появившаяся в № 2 (Март — апрель) «Трудов и Дней» за 1912 г., с обозначением ее проблематики: «В этом отделе мы будем печатать резюмэ интересных разговоров на общие, нас волнующие, темы; то, о чем говорят люди науки, искусства, мысли, несравненно глубже и знаменательней того, о чем они пишут; в этих разговорах созревают темы будущих статей и трактатов, обращенных к обществу» (С. 56). Видимо, этот текст был составлен Белым; ср. характеристику подотдела «О чем говорят» в его письме к Вяч. Иванову от 9 сентября 1911 г.: «Схема записанного разговора, связанного с кругом тем *Орфея*, *Логоса* или *Мусагета*, где действующие лица фигурируют под *А*, *В*, *С*, нам важна: *симптоматичны* разговоры; *симптоматичней статей*. Отдел „*О чем говорят*" (подотдел „*Дневника*") в этом смысле важен. Знать, о чем говорят у Вас на Башне и у нас в Москве, *важнее* даже Москве и Пéтербургу, чем читать статьи *говорящих* авторов» (Русская литература. 2015. № 2. С. 75).

[31] «Гимны Орфея» в переводе Владимира Нилендера готовились к печати в «Мусагете», в свет не вышли. См. фрагмент из предисловия переводчика в «Каталоге издательства „Мусагет" (1910–1912)» (С. 16).

[32] См.: Там же. С. 22–24 (Без подписи).

[33] С. И. Гессен в «Трудах и Днях» не печатался.

[34] См.: *Степпун Федор*. К феноменологии ландшафта // Труды и Дни. 1912. № 2. С. 52–56.

[35] Н. К. Метнер, А. М. Метнер.

231. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

12 (25) сентября 1911 г. Пильниц

Pillnitz. 25/12-IX-911.

Дорогой Борис Николаевич! До сих пор не писал Вам. Это — оттого, что решил твердо не писать больше одного письма (небольшого) в два дня и больше одного письма (большого) в одну неделю. Иначе — пропадешь при моем педантизме, дилетантизме и кунктаторстве. Пришлось писать своим, у которых разные горести и неприятности, надо было написать Марг<арите> К<ирилловн>е[1] давно обещанное, Эллису — деловое, Кожебаткину[2] и Ахрамовичу, Яковенке, муз<ыкальному> крит<ику> Прокофьеву — так все дни распределились... Вам пока делового писать от себя нечего; скорее жду от Вас Ваших впечатлений, решений, соображений о проспектах и других мусагетских делах, а также о Ваших работах. Слышал, что Вы устроились. Расскажите, как и где? А также сообщите, как Ваше дело с имением?[3] Как провели время у Марг<ариты> К<ирилловн>ы[4], от кот<орой> ответа на свое письмо я еще не получил... Пилльниц как бы создан для отдыха и правильной работы. Сначала я опустил нервы и целыми днями лежал на солнце, впервые отдыхая этим летом, ибо у Марг<ариты> К<ирилловн>ы я хотя и не работал, но очень плохо спал. К сожалению, мой отдых был отравлен разными печальными известиями из дома...[5] Затем, отдохнув, я (за отсутствием корректурного материала моей книги[6], который, кстати сказать, мне почему-то до сих пор еще не выслали) принялся за чтение, ибо и читать как следует всласть мне за этот сумасшедший сезон не удалось как следует. Между прочим, дочитывал непрочитанное в *Логосе* и перечитывал только просмотренное, между прочим Вашу статью о Потебне[7], в кот<орую> я в свое время только заглянул. Для *Вас* она, конечно, написана плохо, но, читая ее среди другого материала ежегодника, снова и опять поражаешься неоспоримым превосходством и подлинностью Вашей мыслительной работы; по напряженности и разносторонне-*живому* контакту с самыми противоположными областями, конечно, никто из пишущих в Логосе сравниться с Вами не может ни из русских, ни из иностранцев.

Прочел между прочим Зиммеля о культуре (в русском *Логосе* еще не было)[8]; это величайший жулик и софист. Любопытно

знать: сознательный или бессознательный или полусознательный (инстинктивный)? Вкратце не скажешь, в чем софизм. Он льет крокодиловы слезы по поводу трагического положения, в какое попала культура. Об этом надо говорить с текстом в руках, и формула, кот<орая> у меня чуть-чуть сейчас не сорвалась с языка, мало дала бы Вам. Страшно хочется говорить с Вами об этом... Подумали ли Вы еще и еще раз о том, надлежит ли нам сделать усилие и поддержать *Логос* или предоставить его своей судьбе, фактически идейно не разделяясь с ним, раз он захочет остаться в *Мусагете*? Милый мой, напишите мне об этом. Я хочу знать все (до конца — откровенно), что Вы думаете. Была в Дрездене проездом Маргарита Васильевна[9], и я провел с ней несколько часов. Она много рассказывала хорошего про *Мусагет*. Из ее слов, однако, я понял, что заседание относительно «проектов, проспектов»[10] прошло не совсем благополучно и Эллис выскочил как угорелый, что Эллис не согласен с моей формулировкой нашей задачи и кричит «не надо культуры»! Все это, конечно, пока что очень любопытно, но если подобная рознь начнет принимать более серьезные размеры, то едва ли что-нибудь выйдет из наших «проспектов–проектов». — Неужели Эллис до сих пор не понимает того (скажите ему это: мне сейчас некогда ему писать), что культура есть один из путей, что или надо ступить на этот путь и идти им, не оглядываясь на другие пути, или нужно отказаться от него вовсе. Интегрируя религию в культуру, мы, возвышая последнюю, не унижаем вовсе первой, ибо все равно несказанное религии, внутренний духовный опыт останется, так сказать, за сценой; тогда как, устраивая кашу из полурелигии полукультуры (как то делает Штейнер и вообще теософы), мы *унижаем* религию и вносим хаос в культуру. До свиданья, дорогой мой. Крепко обнимаю Вас. Привет Асе, Наташе, Александру Михайловичу[11]. Ваш Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 26.

[1] М. К. Морозова.

[2] 1 (14) сентября 1911 г. Метнер писал из Пильница А. М. Кожебаткину: «Посылаю Вам рукопись Парсифаля и письмо Эллису» (РГБ. Ф. 167. Карт. 24. Ед. хр. 13). В «Каталоге издательства „Мусагет“ (1910–1912)» (серия изданий «Орфей») было помещено объявление: «Рихард Вагнер. Парсифаль. Перевод Эллиса. (Печатается)» — с аннотацией: «Настоящий перевод значительнейшего из произведений Р. Вагнера представляет собой

первую попытку дать на русском языке, в сравнительно-близком переложении (из либретто музыкальной драмы-мистерии в самостоятельное словесное произведение). Стремясь приблизительно передать ритм Вагнеровского оригинального стиха, русский перевод, однако, всюду прибегает к рифме, оставляя без внимания случайное пользование рифмой подлинника» (С. 15). Метнер выслал рукопись этого перевода со своими пометами Эллису вместе с письмом от 1 (14) сентября 1911 г., предлагая: «Посоветуйтесь с Петровским, Киселевым, Маргаритой Васильевной <Сабашниковой. — *Ред.*> относительно сомнительных мест и выслушайте советы Бугаева касательно стихосложения. <...> Обложку надо просить сделать Марг<ариту> Васильевну. Если она откажет, то Вас<илия> Вас<ильевича> Владимирова или Асю» (РГБ. Ф. 167. Карт. 6. Ед. хр. 16). Издание «Парсифаля» Р. Вагнера в переводе Эллиса в «Мусагете» не состоялось.

[3] См. примеч. 6 к п. 199.

[4] См. примеч. 2 к п. 230.

[5] Подразумевается кончина Леонида Сабурова, племянника Метнера (сына его сестры Софьи Карловны Сабуровой, урожд. Метнер, и Александра Александровича Сабурова).

[6] См. примеч. 13 к п. 163.

[7] См. примеч. 14 к п. 224.

[8] Подразумевается статья Георга Зиммеля (Simmel) «Понятие и трагедия культуры» (Логос. 1911–1912. Кн. 2/3) в немецком оригинале («Der Begriff und die Tragödie der Kultur» // Logos. Internationale Zeitschrift für Philosophie der Kultur. Tübingen, 1911/1912. Bd. II, Heft 1. S. 1–25).

[9] М. В. Сабашникова (Волошина). В письме из Пильница от 14 (27) сентября 1911 г. Метнер сообщал Кожебаткину: «Вчера была в Дрездене проездом в Штутгарт Марг<арита> Вас<ильевна> Сабашникова. Она рассказывала мне о Мусагете» (РГБ. Ф. 167. Карт. 24. Ед. хр. 13).

[10] Подразумевается собрание сотрудников «Мусагета», состоявшееся 6 сентября 1911 г. (см. п. 230).

[11] Н. А. Тургенева, А. М. Поццо.

232. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

28 сентября (11 октября) 1911 г. Москва

Дорогой Эмилий Карлович!

Надеюсь, Вы теперь получили мое очень длинное письмо — сплошь деловое[1]. Жду на него ответа. Пока продолжаю сообщать о деловом. Прежде всего вкратце *мотивы*, почему я пишу только о деле. Переписка, сумма разговоров, ред<акционные> собрания,

объяснения задач «*Хроник*»[2], думы о них *в среднем* берут у меня 3 рабочих часа в день. Срочная работа для приискания средств заработка в среднем *пока* берет часа два в день. *Итого пять* рабочих часов у меня выходит в день, не считая писания «*Голубя*»[3]. Иногда падаю от умственной переутомленности; иногда после полуторанедельных дум, писания статей, неприятностей, разговоров, дела об имении[4], писания статей и *одновременно* продумыванья «*Голубя*» я на неделю делаюсь неработоспособен. Следственно, Вы поймете *скупость* моего тона писем. Пишу в экономии времени лишь о необходимом.

I) По делу о *проспекте*. Разработан план шести выпусков в год по 4 печатных листа (40 000 б<укв>) формата «*Луга зеленого*» (по 120 страничек в выпуске = 60 страниц «*Логоса*»). Хроники назвали «*Труды и дни Мусагета*»[5]. Три отдела. I. Статьи экстракты, платформирующие Культуру: Логос, Мусагет, Орфей по отношению к *Культуре и друг к другу*[6]. Принимают участие: Метнер, Иванов, Белый, Степпун, Гессен и др..., следующее собрание — разработка деталей этого отдела на год. II. «Дневник Поэта et непоэтов». III. Отдел «*Кн<ижные> листки Мусагета*».

Имеется следующий материал:

1) Метнер о «*Мусагете*».
2) *Степпун* «Взгляд на триаду Логос — Мусагет — Орфей с точки зрения „*Логоса*“»[7].
3) «*Орфей*» Иванова.
4) «*Культура и Мусагет*» моя[8].
5) «*Задачи Орфея*» моя.
6) *Статья о Культуре* Сизова[9].
7) «*Философия тосканского пейзажа*» Степпуна[10].
8) «*Нечто о мистике*» моя[11].
9) «*Синица и журавль*» Петра Карпова (моя)[12].
10) «*Нечто о книге*» Киселева[13].
11) «*Статья*» Эллиса[14].
12) «*Miscellanea*» Брюсова[15].
13) «*Диалог о двойной истине*» моя (псевдоним Рубикон)[16].
14) «*Диалог о метафизике*» (псевдоним Рубикон, *моя*)[17].
15) Обзор к<нигоиздательст>ва «*Мусагет*» моя (без подписи)[18].
16) Обзор к<нигоиздательст>ва «Скорпион» моя (без подписи)[19].

Вот что есть в портфеле редакции.

В скором времени обещали: 1) Обзор «*Пути*» Рачинский.
2) Обзор орф<ической> литер<атуры> Неллендер[20].

Статья лир<ическая> Степпуна, О личности Пушкина Ходасевича[21]. *Miscellanea* (новые) Брюсова; обещали присылать Эллис, Садовской; решено привлечь в обзоры осторожно: Дурылина, Сидорова, Мариэтту Шагинян. Сегодня пишу вернувшемуся наконец Блоку[22]. Просили меня просить афоризмов во второй (не ответственный) отдел Гиппиус (не А. Крайнего)[23]. У меня же просьба к Вам: пригласите М. В. Сабашникову и двух-трех культурных немцев. Гонорар установили 25 рублей за печ<атный> лист (т. е. 100 р. за №).

Выяснившийся состав 1-го №

1 отдел

1) *Задачи Мусагета (Орфей — Мусагет — Логос)* Степпуна.
2) О Мусагете Ваша.
3) Орфей Иванова.
4) Желательна статья о культуре (малая, но не носящая оттенок *анонса* (напишите!)).

2 отдел

1) Философия тоск<анского> ландшафта. Степпуна.
2) «Нечто о мистике». Белого.
3) «Miscellanea» Брюсова.
4) Диалоги I о дв<ойной> истине
II о метафизике } Рубикон*

3 отдел

Обзор к<нигоиздательст>ва Мусагет.

Все статьи малы: итог не превысит 4-х печатных листов[25].

Пока: очень внимательно все относятся к еж<енедельным> собраниям. Никто не *манкирует*: обычно бывают Степпун, Петровский, Сизов, Киселев, я, Кожеб<аткин>, Ахрамович, Рачинский, бывал Эллис (кстати: инцидент улажен — Эллис кроткий и усмиренный отправился к Штейнеру[26]); иногда бывает

* Под этим псевд<онимом> будут писать Степпун, я, хотелось бы и Вы в отделе «О чем говорят»[24]. (*Примеч. Белого*).

Неллендер и Садовской. Сережа неуловим:[27] никто не знает, когда он в Москве.

Незаменим *Степпун*: за ним прямо приходится ухаживать: он пишет чисто мусагетские статьи, одушевлен очень нашими «*Трудами и днями*». Более всех *действует* на собраниях. Кожебаткин то хорошо, то возмущает всех хамскими изгибами своего поведения: кстати: Бога ради: всё о проспектах пишите *мне*, а не ему. А то он, получив от Вас письмо, не сообщает содержание, а инспекторски контролирует нас: иногда какая-либо деталь уже разработана; тогда лишь К<ожебатки>н *цедит сквозь зубы: «а я получил от Э. К. указания»* и т. д. Кстати: Кожебаткиным возмущаются *все*; и теперь *нет-нет* и его осаживают….

О Вашей книге мне поручили писать в «*Русской Мысли*»[28]. Когда она выходит? Скоро выйдет Дейссен и моя брошюра[29].

II. *Имение*: дело об имении ведется Поццо; много хлопот… «*Гриф*»[30], имеющий близкие отношения с одним черноморским миллионером. Но *мама* и Кистяковский тормозят[31]. Менее *мама*; более всего Кистяковский. Дело теперь будет двигаться: есть надежда, что в течение года *можно и продать*. Выясняется, что оно стоит несравненно *дороже*, чем говорил Кистяковский.

III. Мои материальные дела очень плохи. Месяц безрезультатно хлопотал пристроить рукописи о «*Египте*» и «*Тунисии*». Газеты не печатают фельетонов. Брюсов считает мой этюд о *Египте* замечательным, но ничего не может сделать без Струве, а Струве и слышать не хочет дать за него аванс, хотя берет в долгий ящик «*Русской Мысли*»[32]. Имел полуторачасовой разговор со Струве о «*Голубе*»: хотел получить *аванс*: Струве — ни за что. Он обещает: приносите рукопись и тотчас же получите деньги сполна[33]. Последний срок подачи *15 декабря*. В два с половиной месяца обязан написать 15 *печатных листов*, иначе нечего будет есть; за лист дают 100 р. Или к первому январю буду иметь *1500* рублей, или же только «0» рублей. Итак: видите, ***как*** должен работать. Волей-неволей уселся писать статью о Толстом для «*Пути*» (как это мне интересно, в самом деле — ведь писал уже о Толстом)[34]: в 3 дня должен написать минимум 30 писаных листов, да еще 3 огромных письма (Блоку, Иванову[35] и переводчице *Голубя*[36]). Итак: *работать* для куска хлеба в *ноябре — декабре* значит остаться без куска хлеба в январе (без 1500 р. за *Голубя*); а писать *Голубя* значит остаться без

куска хлеба с середины *ноября до* января (это при залежи рукописи: 14 ненапеч<атанных> фельетонов, этюд о «*Радесе*» 60 страниц, «*Египет*» — 110 стр<аниц>; что делать — Андрей Белый никому не нужен. Остается одно: умоляю Вас, разрешите мне прочесть 2 лекции, устроенных Мусагетом (1) О Толстом, 2) О Египте[37]). Я просил сначала дружески Кож<ебатки>на устроить мне лекции; отвиливает: сам я, сидя в деревне за работой, не могу бегать по всей Москве с организацией. Мне нужно лишних *400** рублей до окончания «Голубя». *150* рублей как-нибудь наберется; *250* же набралось бы мне от двух лекций. Моя просьба: лекции *Мусагету* окупятся + известный процент. А прочее — мне. Очень прошу разрешения, если это возможно, тотчас же телеграммой: только через 3 недели после подачи прошения возможна лекция. А деньги мне уже понадобятся к 15 ноябрю.

Милый, милый друг, простите лаконизм: вот письмо к Вам отняло у меня 1½ часа; до письма писал 3 *часа* статью; тотчас же продолжаю ее; и до поздней ночи переписывать; завтра и послезавтра с утра до ночи — то же. Четверг и пятница[38] с утра до ночи *дела* и *бега* в Москве. А в субботу уже опять «*Голубь*». И т. д. и т. д.

Жду телеграммы в Мусагет о разрешении или неразрешении мне лекции. *Мне она — единственная возможность как-нибудь обернуться.*

Милый друг: все личное и интимное — откладываю. Слышал о горе Вашем (о том, что скончался сын Ал<ександра> Карловича[39]): слышал тотчас же по Вашем отъезде…

Мне хорошо, тихо. Ася — вечная моя поддержка и помощь. Глубже и глубже ее люблю.

Наш адрес: Московская губерния. Павелецкая ж. д. Станция Расторгуево. Видное. Дача А. Н. Депре. Бугаеву.

Как хорошо в деревне!

Остаюсь искренне любящий Вас и преданный всей душою

Борис Бугаев.

---

* Из них 100 рублей Асе на шубу. (*Примеч. Белого*).

P. S. Анне Михайловне и Ник<олаю> Карловичу привет[40]. От Аси привет.

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 49. Над текстом помета Н. П. Киселева: «Штемпели Москва 29 IX 1911; Pillnitz 15 X 1911» (даты отправления и получения с несохранившегося конверта).

[1] Имеется в виду п. 230.

[2] Подразумевается «Хроника Мусагета» (см. п. 230, примеч. 11).

[3] См. примеч. 10 к п. 195. К непосредственной работе над новым романом Белый приступил в октябре 1911 г.

[4] См. примеч. 6 к п. 199.

[5] На формулировку заглавия «мусагетского» журнала повлияло мнение Метнера, писавшего из Пильница 17 (30) сентября 1911 г. А. М. Кожебаткину: «Против названия *Хроника* нельзя было бы ничего иметь, если бы это слово было русское; а то оба слова в титуле нерусские: Хроника Мусагета. Летопись — нельзя, т<ак> к<ак> Летопись *Аполлона*» (РГБ. Ф. 167. Карт. 24. Ед. хр. 13. Упоминается «Русская Художественная Летопись» — отдельное приложение к «Аполлону», издававшееся в 1911 и 1912 гг.). Подробно излагая программу и содержание будущего журнала в письме к А. Блоку от 28 или 29 сентября 1911 г., Белый сообщает то же название: «Труды и дни Мусагета» (см.: *Белый — Блок*. С. 412–414). Содержание первого номера журнала и приблизительный состав второго номера обсуждались на редакционном собрании «Мусагета» 23 сентября 1911 г., на котором, согласно протоколу, присутствовали Белый, Г. А. Рачинский, Ф. А. Степун, М. И. Сизов, А. С. Петровский, Б. А. Садовской, В. О. Нилендер, А. М. Кожебаткин, В. Ф. Ахрамович, Н. П. Киселев (РГБ. Ф. 167. Карт. 17. Ед. хр. 28. Л. 1–2).

[6] В этой связи Метнер предлагал Кожебаткину в цитированном письме: «...что касается подписей под статьями о *Мусагете*, *Логосе*, *Орфее*, то пусть собрание решит окончательно, нужны ли они или нет; но если подписи, то или — Метнер, Степпун, Белый, или же вовсе не надо; подписи Мусагет, Логос, Орфей — не годятся». В № 1 «Трудов и Дней» (1912. Январь — февраль) статья «„Мусагет“. Вступительное слово редактора» помещена за подписью Эмилия Метнера, статья (в двух частях) «Орфей» — за подписями, соответственно Вячеслава Иванова и Андрея Белого, статья «Логос» — за подписью Федора Степпуна.

[7] Статья под таким заглавием в «Трудах и Днях» не появилась.

[8] Статья Белого под таким заглавием не была напечатана.

[9] См. примеч. 29 к п. 230.

[10] См. примеч. 34 к п. 230.

[11] Эта статья Белого опубликована в № 2 «Трудов и Дней» за 1912 г. (С. 46–52).

[12] Указанным псевдонимом Белый не воспользовался. Имеется в виду его статья «О журавлях и синицах (Поправка к одной истине)», опубликованная под псевдонимом Cunctator (Труды и Дни. 1912. № 1. С. 82–84).

[13] См. примеч. 21 к п. 230.

[14] См. примеч. 15 к п. 230.

[15] См. примеч. 28 к п. 230.

[16] Указанным псевдонимом Белый не воспользовался. Имеется в виду его статья «О „двойной истине“» (в рубрике «О чем говорят»), опубликованная под псевдонимом Cunctator (Труды и Дни. 1912. № 2. С. 56–62).

[17] Имеется в виду статья Белого «Метафизика» (в рубрике «О чем говорят»), опубликованная под псевдонимом Cunctator (Труды и Дни. 1912. № 3. Май — июнь. С. 56–61).

[18] См. примеч. 8 к п. 230.

[19] Эта рукопись Белого, содержащая аннотации и оценки книг, выпущенных издательством «Скорпион», ныне опубликована Е. Г. Тараном (Арабески Андрея Белого. С. 159–160).

[20] Г. А. Рачинский и В. О. Нилендер в «Трудах и Днях» не публиковались.

[21] Эти статьи в «Трудах и Днях» не появились.

[22] См. выше, примеч. 5.

[23] Антон Крайний — псевдоним, которым З. Н. Гиппиус подписывала большинство своих критико-публицистических статей. В «Трудах и Днях» она не публиковалась.

[24] В «Трудах и Днях» указанный псевдоним никем не был использован.

[25] В архиве «Мусагета» сохранились еще два составленных Белым плана предполагаемого содержания первых выпусков «Трудов и Дней» (видимо, более поздних):

Труды и дни

[*Хроника «Мусагета»*]

Хроника издательства «*Мусагет*»

I. *Вопросы культуры*

Э. Метнер.
В. Иванов. Орфей.
Ф. Степпун. Проблема культуры и культура России.

II. *Дневник писателя*

А. К. Топорков. Идея.
А. Белый. Нечто о мистике.
Валерий Брюсов. Miscellanea.
Cunctator. Разговоры. I. О метафизике.
II. О двойной истине.

Литературный архив

Одно из трех. Киселев (если о Языкове).
Садовской. Языков или проза Фета.
Нилендер. 1) Об орфических гимнах.
2) Гимны Орфея (перевод).
Наши задачи (или последней статьей I отдела 2-го номера).

(РГБ. Ф. 190. Карт. 55. Ед. хр. 13. Л. 1)

Труды и дни
Хроника издательства «*Мусагет*»
I

Андрей Белый. Культура и катакомбы.

Две из пяти статей (*Сюннерберг. В. Иванов. Вольфинг* (должен), *Топорков, Степпун*).

Условно «наши задачи».

II

5 статей есть. 2 — ждем.

Сизов. Кремль. ?

Степпун. Философия тосканского ландшафта.

Эллис (имеющаяся).

Блок (условно).

Яковенка <*так!*>. О прагматизме

Разговоры.

О журавлях и синицах.

III

Одно из трех. Киселев. Пушкин или Языков.

Условно о книге.

Садовской. Языков или проза Фета.

(Там же. Л. 2).

[26] Эллис выехал из Москвы в Германию 18 сентября (1 октября) 1911 г. — в Карлсруэ на курс лекций Р. Штейнера «От Иисуса к Христу» (4–14 октября), затем в Штутгарт и Берлин (см.: *Willich Heide*. Lev L. Kobylinskij-Ėllis: Von Symbolismus zur *ars sacra*. Eine Studie über Leben und Werk. München, 1996. S. 122–123). 19 сентября (2 октября) В. Ф. Ахрамович писал Метнеру: «Вчера проводили Льва Львовича. Проводы на вокзале, а также накануне у П. И. Астрова были очень торжественные» (РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 16).

[27] С. М. Соловьев.

[28] См. примеч. 13 к п. 163. На книгу Метнера (Вольфинга) «Модернизм и музыка» Белый не дал отзыва ни в «Русской Мысли», ни в каком-либо ином печатном органе.

[29] См. примеч. 19 к п. 206, примеч. 27 к п. 230.

[30] Прозвище С. А. Соколова (Кречетова), руководителя издательства «Гриф».

[31] См. примеч. 8 к п. 226.

[32] П. Б. Струве был редактором «Русской Мысли» с января 1907 г. (первоначально — в соредакторстве с А. А. Кизеветтером). Очерк Белого «Египет» не был опубликован в «Русской Мысли», появился в 1912 г. в журнале «Современник» (№ 5–7).

[33] Из этих сообщений выясняется, что официального заказа от «Русской Мысли», скрепленного договорными обязательствами со стороны

редакции журнала, Белый в ходе общения со Струве не получил. См.: *Долгополов Л. К.* Творческая история и историко-литературное значение романа А. Белого «Петербург» // Андрей Белый. Петербург. 2-е изд., испр. и доп. С. 547–548.

[34] Статья Белого «Лев Толстой и культура» опубликована в кн.: Сборник второй. О религии Льва Толстого. М.: Путь, 1912. С. 142–171.

[35] Письмо Белого к Вяч. Иванову, относящееся к концу сентября — началу октября ст. ст. 1911 г., либо не было написано, либо не выявлено.

[36] Письма Белого к Лулли Вибек, переводчице «Серебряного голубя» на немецкий язык (см. примеч. 1 к п. 225), нам неизвестны. В 1911 г. она отправила Белому несколько писем с вопросами по тексту романа (РГБ. Ф. 25. Карт. 13. Ед. хр. 6).

[37] С лекцией под названием «Страна бреда и ужаса. Египет» Белый выступил в московском Историческом музее 5 ноября 1911 г. (см.: Русские Ведомости. 1911. № 255, 5 ноября; *А. Э.* Искусство и путешествие // Утро России. 1911, 6 ноября).

[38] 29 и 30 сентября.

[39] А. К. Метнер. См. примеч. 5 к п. 231.

[40] А. М. Метнер, Н. К. Метнер.

233. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

6 (19) октября 1911 г. Пильниц

Pillnitz 19/X 911.

Дорогой Борис Николаевич! Телеграмму с согласием на лекции я Вам тотчас же отправил. От Вас получил два письма. Кожебаткину написал три письма, от него получил небольшую препроводительную записку, *Протоколы*[1], рукопись Сабанеева[2], письмо от Ахрамовича. Вам написал только *одно* письмо, которое скрестилось с Вашим первым[3]; это Ваше первое письмо опять-таки было подано и прочтено мною как раз в то время, когда я писал Кожебаткину[4], оттого я и включил в уже писавшееся письмо деловые ответы на заданные Вами вопросы. Вся эта переписка как раз совпала с концертной горячкой (перепиской с Konzert Direktion, совещания с Колей[5], прослушивание его пьес, прогулки с ним, чтобы отвлечь его от композиторства и т<ому> п<одобные> закулисные истории...). — Оттого я и не отвечал Вам. Да и теперь

буду краток. Во-первых, очень устал; во-вторых, все равно буду через две недели в Москве, и тогда мы всё порешим. Вы, конечно, доставили мне большую радость Вашими подробными письмами, но все-таки напрасно Вы отымаете у себя столько времени и сил. В особенности перед тем как писать второе письмо Вы могли бы справиться у родителей, когда я возвращусь, и написать minimum. Ваш проект проспекта вполне одобряю и название ***Труды и Дни Мусагета***; не пишу подробнее, ибо очевидно до моего отъезда I номер все равно не будет готов, а по приезде можно все будет решить в один день. Говорю так потому, что корректур своей платформной статьи не получал. Отчего Кожебаткин не прислал мне формат и обложку брошюр (Дейссен и Ваша)??? — В письме я просил его об этом... Скажите ему также, что по просьбе Эллиса я ему выслал в Берлин из своих денег причитающееся ему жалованье (60 р.)[6], которое таким образом высылать ему не следует, т<ак> к<ак> получить его должен я. — С Кистяковским необходимо переговорить Вам *лично* и по возможности в присутствии Вашей мамы и Поццо; ***пора*** кончить так или иначе это дело, иначе Вас проведут за нос! Тормошитесь поменьше; *Голубя* из-под палки не пишите; лучше прочтите еще лекцию; как-нибудь обернетесь; *Голубь* должен зреть и медленно расти; лучше напишите фельетоны в газету на «литературно-общественные темы»; ведь это Вам ничего не стоит... Ваше положение очень трудное, но поверьте, оно сразу облегчилось бы, если бы Вы продали имение, так как тогда Вам можно было бы снова открыть кредит в *Мусагете.* Ступайте к Кистяковскому и поговорите с ним как следует; не юридически, а человечески; скажите ему, чтобы он не думал, что Вы легко можете отказаться от ликвидации имения, что это Вам необходимо, что Вы вынуждены будете принять решительные меры. Дорогой друг! Очень устал! Состояние нервное неладно! Скоро увидимся. На лекции Ваши наверное попаду. Передайте мой привет Асе, Наташе[7] <*нрзб*> и всем Мусагетам <?>. Эллис блаженствует <*нрзб*> и пишет о Нем с большой буквы. Смущает Эллиса только *анти*иезуитизм Штейнера. Попался мальчик![8] Обнимаю Вас крепко. Ваш Э. Метнер. <...>*

---

* *Приписка, не поддающаяся прочтению.*

РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 27.
Ответ на п. 230, 232.

[1] Подразумеваются протоколы заседаний сотрудников в издательстве «Мусагет». В архиве Метнера сохранились протоколы двух редакционных собраний, состоявшихся 23 сентября и 14 октября 1911 г. (РГБ. Ф. 167. Карт. 17. Ед. хр. 28).

[2] Произведения музыкального критика Л. Л. Сабанеева не публиковались в «Трудах и Днях» и не выходили в «Мусагете» отдельным изданием. В данном случае, видимо, идет речь о статье Сабанеева, представленной для планировавшегося в «Мусагете», но несостоявшегося сборника о современных композиторах. 3 июля 1911 г. Сабанеев писал Метнеру: «Я обращаюсь к Вам с просьбою сообщить мне подробные сведения о предполагающемся в изданьи „Мусагет“ сборнике, посвященном Скрябину, Метнеру и Рахманинову, для которого я готовлю статью. Когда сей сборник предполагается выпустить, нет ли каких ограничений в размере статьи и, кроме того, в каком положении вопрос о „презренном металле“?, т. е. о гонораре» (РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 38).

[3] Имеется в виду п. 231.

[4] Речь идет о письме к А. М. Кожебаткину от 17 (30) сентября 1911 г. (РГБ. Ф. 167. Карт. 24. Ед. хр. 13).

[5] Н. К. Метнер. Речь идет, видимо, об организации его концертных выступлений в Германии. Ср. сообщение в письме Э. Метнера к Эллису из Пильница от 1 (14) сентября 1911 г.: «Коля тоже страшно переутомлен, но деятельно готовится к концертам, т. е. к борьбе с бациллой модернизма» (РГБ. Ф. 167. Карт. 6. Ед. хр. 16).

[6] Эллис получал от «Мусагета» ежемесячные суммы как ближайший сотрудник издательства.

[7] Н. А. Тургенева.

[8] Подразумевается Р. Штейнер. О своих первых впечатлениях от личного общения с ним Эллис писал Метнеру из Карлсруэ 3 (16) октября 1911 г.: «...завтра еду в Штудтгарт на „теософич<еский> съезд“, а оттуда в Берлин <...> на 1, 2 месяца. Там я буду лично видеться с Доктором. Я прослушал Его цикл об Исусе и Христе, к<ото>рый понял лучше, чем думал, в смысле языка; Маргарита В<асильевна> <Сабашникова. — *Ред.*> мне помогала, как милая сестра. <...> Цикл, прослушанный мной, должно отнести к самым интимным, я *не* знаю, могу ли подробно писать о нем вам, *не* члену об<щест>ва; здесь это строго разграничивается. Лично с Д<окто>ром я имел несколько встреч, очень для меня знаменательных, один раз я был приглашен им на кофе и беседовал с Ним около 2 ч. через переводчика г-жу Сиверс. Здесь я на деле убедился в Его абсолютном ясновидении и проницательности. Его обаяние много сильнее, чем я думал. Тем не менее я очень страдал, ибо получил от Него удар в с<амое> чувствительное место по вопросу о иезуитизме. Но я не считаю пока для себя возможным критиковать слова Учителя» (РГБ. Ф. 167. Карт. 7. Ед. хр. 32).

234. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

5 декабря 1911 г. Бобровка

Милый Эмилий Карлович,

получил Ваше письмо[1]. Отвечаю тотчас: да, конечно: я уже с прошлой весны ужаснулся деятельности Кожебаткина, сначала *тоном*, какой он задает «*Мусагету*», когда нас нет (тон непереносный), потом его не всегда *чистыми* интригами, наконец полной бездеятельностью, наконец сознанием, что в *журнале* он был бы невозможный секретарь: что касается до *журнала*, то я с своей стороны сейчас прямо настаиваю, чтобы секретарем был Ахрамович[2]. Помните, Вы высказали мне эту мысль? Вскоре после этого сам Ахрамович обратился ко мне, сказав, что вся его работа сознательно тормозится Кожебаткиным, что секретарем он согласен быть, очень хочет, но зависеть в сношении с типографией от Кожебаткина отказывается. Так что с моей стороны нет никакого *но* против всяческого устранения это<го> *вредного* и *двусмысленного* человека. Я бы только хотел одного: чтобы Кожебаткину был вынесен, так сказать, обвинительный приговор — in corpore*, единогласно, ибо вследствие ряда моих столкновений за эту осень (еще без Вас) с ним и теперь (на днях, я ужасно на него обиделся за одну бестактность) у него не было впечатленья, что именно я являюсь инициативой его удаления. Он вследствие своего *психологизма* и *подозрительности* последнее время чувствует себя неловко передо мной (сделав мне ряд свинств). Далее: ввиду того, что я вернусь из Бобровки, вероятно, не ранее 23 декабря[3] (ибо надо *работать, работать*, а две проведенные в Москве недели[4] разбили мое рабочее настроение), передайте, пожалуйста, Алексею Сергеевичу[5] мою просьбу, чтобы Кожебаткин вернул ему мою доверенность на *получение гонораров* и *продажу имения*; а то он со зла на нас может еще, пожалуй, что-нибудь с этой доверенностью натворить.

Милый, да конечно: до 1-го января мы увидимся: видеться мне надо; но я не приехал (да понятно, почему — боязнь пропустить два рабочих дня, ибо до 1-го января я совершенно невменяем).

---

* В целом (*лат.*).

Ну Христос с Вами.
Остаюсь искренне любящий

Борис Бугаев.

P. S. Обложку журнала К<ожебатки>н не показывал мне[6].

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 50. Помета рукой Метнера: «5/XII 911» (видимо, дата отправления на почтовом штемпеле с несохранившегося конверта).

[1] Это письмо Метнера не выявлено.

[2] Журнал — «Труды и Дни». С 1912 г. секретарские обязанности в «Мусагете» и «Трудах и Днях» перешли от А. М. Кожебаткина к В. Ф. Ахрамовичу. Ср. сообщение в письме Метнера к Эллису от 13 (26) декабря 1911 г.: «Внешние дела идут отчаянно плохо. Я прикажу созвать общее собрание, которое выберет ревизионную комиссию <…> я предложу собранию — выбрать секретаря Мусагета. Все поголовно с яростью протестуют против Кожебаткина, кот<орый> интригует. Кожебаткин охладел к делу и дорожит им только как дающим ему положение в свете. Так как не я назначил Кожебаткина, а Вы и Бугаев его мне рекомендовали, то пусть не я, а собрание выберет себе другого секретаря» (РГБ. Ф. 167. Карт. 6. Ед. хр. 23). Неудовлетворенность работой секретаря, по словам Метнера в другом письме к Эллису (от 2 (15) декабря 1912 г.), не означала, «будто мы могли *вначале* обойтись без Кожебаткина: нам вначале необходим был человек, представительный в прикащичьем смысле, толковый, который *завел* бы внешнюю машину, но для <…> дальнейшего ведения дела Кожебаткин лишь вреден» (РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 6. Л. 72).

[3] В Бобровке Белый поселился в начале декабря 1911 г., где интенсивно работал над романом; возвратился в Москву 25 декабря.

[4] С середины ноября 1911 г. до конца месяца Белый и А. Тургенева, вернувшиеся с подмосковной дачи в Видном, жили в Москве в квартире А. М. Поццо (Плющиха, 6-й Ростовский пер., дом Орлова — д. 11, кв. 2).

[5] А. С. Петровский.

[6] Подразумевается эскиз обложки «Трудов и Дней». В недатированном письме В. Ф. Ахрамовича к Метнеру, относящемся, видимо, к январю 1912 г., упоминается эскиз обложки, представленный А. Тургеневой: «Анна Алексеевна сделала очаровательную обложку к „Трудам и Дням“ — оттиск пришлю Вам, как только получу из цинкографии» (РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 16). Ср. отзыв в письме А. С. Петровского к Метнеру от 27 января 1912 г.: «Ася сделала для журнала прелестную обложку: надпись в строгой чисто греческой рамке и Аполлон с геммы или монеты, с лирой у алтаря: без всякого треска и в то же время строго прекрасно» (РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 35).

1912

235. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

Январь 1912 г. Москва

Дорогой Эмилий Карлович!

Пишу Вам несколько деловых слов.

На днях пишу Вам подробно и лично, а сейчас, видя В. Ф. за письмом к Вам[1], приписываю несколько слов о деле.

1) Выясняя состав первого №, мы все пришли к мысли, что несколько страничек *фактически новых* привлекли бы ряд лиц, интересующихся поэзией: дело идет a) о напечатании маленькой статейки о занятиях ритмом в № первом, написанной мной, b) о приложении к № второму учебника ритма (страничек 5) с комментариями[2].

2) Дело о Городецком. Городецкий много раз обращается с просьбой напечатать его книжечку стихов (размером не более «Ночных Часов» Блока[3]); мы уже *дважды* отклоняли его предложения; с этим третьим предложением обращается он уже в третий раз. Книжка, по мнению Кожебаткина, стоила бы не более 200 рублей. Городецкий уже много раз писал о нас очень сочувственные рецензии; вообще нам помогает рецензиями о всех наших книгах.

Жду указания от Вас (скорейшего), как быть с ответом Городецкому[4].

Желаю Вам ясности, бодрости и морского ветра на море.

Любящий Вас неизменно

Борис Бугаев.

P. S. Я пишу Вам на днях[5].

P. P. S. Ввиду выбытия книги С. М. Соловьева до неопределенного срока[6] книжечка Городецкого в этом году заняла бы его место.

Сережа по одним слухам неизменен; по другим ему лучше[7].

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 51. Написано на почтовой бумаге издательства «Мусагет». Приложена пояснительная записка (Н. П. Киселева?): «Датируется по времени подготовки „первого №“ <журнала „Труды и Дни“> и по вопросу о печатании Мусагетом стихов Городецкого».

[1] В. Ф. — Ахрамович. Письмо написано в редакции «Мусагета».

[2] Той же темы касался Ахрамович в недатированном письме к Метнеру: «Борис Николаевич предполагает помещать в „Трудах и Днях“ некоторые материалы по занятиям кружка ритмистов. В первый номер он хочет дать свою статью о ритме; во втором будет напечатан выработанный кружком „Vade mecum ритмиста“ (страничек 5–6). Эта затея встретила общее одобрение мусагетцев» (РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 16). Ни статья Белого (ср. примеч. 8 к п. 203), ни «Учебник ритма» в «Трудах и Днях» не были опубликованы; последний был доведен до корректуры, сохранившейся в двух экземплярах (с пометами и исправлениями Белого) в редакционном архиве «Мусагета» (РГБ. Ф. 190. Карт. 55. Ед. хр. 7, 8) и в собрании Н. В. Котрелева (Москва). По сообщению П. Н. Зайцева, разработке «Учебника ритма» было посвящено заседание Ритмического кружка 21 ноября 1911 г. (*Бугаева К. Н.* Андрей Белый. Летопись жизни и творчества // РНБ. Ф. 60. Ед. хр. 107. Л. 74). Этот текст (под заглавием «К будущему учебнику ритма») был впервые опубликован как Приложение 2 к работе С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова «О стиховедческом наследии Андрея Белого» (Труды по знаковым системам. XII. С. 119–131).

[3] «Ночные часы. Четвертый сборник стихов (1908–1910)» А. Блока (М.: Мусагет, 1911) вышел в свет в конце октября 1911 г.

[4] Книга стихов С. М. Городецкого не была издана «Мусагетом».

[5] Следующее обращение Белого к Метнеру — в письме В. Ф. Ахрамовича (на почтовой бумаге «Мусагета») от 17 января 1912 г., сопроводительном к корректуре 1-го номера «Трудов и Дней»:

Приписываю под диктовку Бориса Николаевича. Возникает вопрос о maximum'е затрат на рекламу. Сколько мы можем тратить — сто, двести, триста? Александр Мелетьевич находит, что более *ста* нельзя, но он же говорит, что приложить проспект при газете будет стоить рублей двести. Об этом наведем подробные справки (в «Рус<ских> Вед<омостях>» и в «Речи»), но пока нам необходимо знать действительный maximum. Может быть, нам обратиться с этим вопросом к Карлу Петровичу?
<Далее — текст рукой Белого:>

Голубчик Эмилий Карлович,

ответьте немедленно: от этого зависит количество печатаемых анонсов. Никакого промедления теперь уже нельзя делать. Предполагая приложить

к «*Р<усским> В<едомостям>*» или «*Речи*», невозможно печатать около 500 экземпляров анонсов, ибо около 30 000 тысяч *<так!>* подписчиков «*Р. В.*» или «*Речи*». Прилагая к газете, надо иметь минимум 30 000 анонсов.

(РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 16. Л. 4 об.). В тексте упоминаются А. М. Кожебаткин и К. П. Метнер. Под «проспектом» подразумевается «Каталог книгоиздательства „Мусагет“ (1910–1912)» — видимо, в краткой форме предполагавшийся для рекламных публикаций в газетах.

[6] «Цветник царевны. Третья книга стихов (1909–1912)» Сергея Соловьева (М.: Мусагет, 1913) вышла в свет в конце января 1913 г.

[7] 31 октября 1911 г. С. Соловьев в состоянии нервно-психического расстройства покушался на самоубийство, после чего находился в психиатрической лечебнице в течение нескольких месяцев. См. об этом: *Белый — Блок.* С. 420–421, 423, 431.

236. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

30 января 1912 г. Петербург

Милый, милый друг!

Огромное Вам спасибо за предложение о романе[1]. Думаю; и непременно воспользуюсь, милый друг, Вашим благородным предложением. Сейчас у меня в разгаре инцидент с «*Русской Мыслью*»[2]. Я с Асей в Петербурге[3], и на днях у меня важный разговор со Струве, долженствующий решить судьбу романа[4]. Поступок «*Русской Мысли*» со мной рассматривается как почти *подлость* и в Москве, и в Петербурге. Даже Гумилев предложил мне выйти из состава сотрудников «*Русской Мысли*», если они поступят со мной варварски. Между прочим, мой роман вызывает одобрение со стороны петербургских писателей. Утверждают, что он будто бы удачнее первой части[5] (мнение Вячеслава, Аничкова, Гумилева, Кузмина и мн<огих> других). Гр<игорий> Ал<ексеевич> Рачинский с Булгаковым хотят предать гласности инцидент со мною, если «*Р<усская> М<ысль>*» отвергнет мой роман (кстати сказать: мне пришлось, пишучи этот роман, 2 месяца жить в долг). Предлагаемая Вами комбинация с романом (спасибо, милый) ужасно хорошо устраивает меня. Но: лучше уже дождаться решения «*Русской Мысли*»; к 10-ому февралю все выяснится.

Живем с Асей на башне: Вячеслав великолепен, лучезарен и более *крепок* и *наш*, чем даже в первый приезд[6]. Он тихо и медленно эволюционирует *к нам*, *нам* и *нам*.

Одобряет наше с Вами отношение к Логосу[7]. Крайне стоит за *формулу журнала*: говорит, что о мистике надо говорить покровенней; скорей укоризненно относится к московскому *штейнерьянству*; о Штейнере предпочитает молчать. Словом: он — более с нами, чем с Алешей[8] и Сизовым в вопросе *de rebus mysticis**. О журнале: Вячеслав хочет ежемесячно писать нам нечто вроде обзоров общего характера с отметкою замечательных, по его мнению, книг[9]. Он хочет много нам писать: для нас он начал статью «*Степные колосья*», отрывки из которой читал: эти отрывки — *лучшее из всего, что я знаю*: лучше его предыдущих статей[10]. Вообще он хочет завести у нас свой дневник. Говорил со многими по поводу журнала; намечаются желающие сотрудничать. Профессор Аничков постарается написать нам для нас (скоро)[11]; на днях веду разговор с Сюннербергом[12]; Кузмин пишет о «*Cor ardens*»[13]. Блок пишет статью[14]. Кстати о Блоке: Блока еще не видел, с ним творится нечто странное; он болен — но вообще его *нельзя* видеть[15]. Все изумляются, сам же Блок мне пишет, что он понял Стриндберга и под его знаком (разумею *Inferno*)[16]. Значит: *его преследуют*; это страшно, опасно для Блока, боюсь за него (похожее на Сережу[17]). Пока на Блока не можем рассчитывать, но все-таки статью даст[18]. «*Сер<ебряный> Голубь*» появился уж с месяц в Москве в немецком переводе (пока не видал)[19]; русское издание *исчерпано*[20]; как приеду в Москву, переговорю со *Скорпионом*.

Петербург одновременно и утомляет, и дает нравственное удовлетворение. Очень меня все радушно принимают, и очень одобряют меня, как писателя: а то в Москве Брюсов очень уж мне перегрыз горло[21], так что я совсем пал духом, как писатель; развилось такое чувство: никому-то ты не нужен; *литературная* Москва чужда; Брюсов преследует; часть друзей (Петровский, Сизов, Киселев) плюет на литературу, снисходительно покачивает головой на то, что ты пишешь какой-то там роман. И как-то падаешь духом. Здесь немного воспрянул: действительно в Петербурге меня, *как писателя*, любят; даже Сологуб оказывает всяческое внимание.

---

* О предметах тайных (*лат.*).

Мы с Асей закутили на башне: немного — это хорошо; долго — утомительно; но после 3-месячной упорной работы приятно почить на лаврах.

С Городецким виделся; переговорил; откровенно выяснил наш взгляд на печатание сборников. Городецкий отказался от своего предложения по-*товарищески*, просто[22]; ему хотелось быть в *Мусагете*; но печататься ему *есть* где. Стало быть, мы *даже* его не обижаем. Итак, с Городецким все дело обстоит благополучно; мы можем его *не печатать*. Вячеслав глубоко извиняется за свои книги: не желает нас обманывать впредь; говорит, что к осени действительно приготовит *обе книги*, но до осени перегружен делами *очень*[23]. Предлагает нам, если бы мы хотели иметь его книгу, собрать все им написанные статьи (уже у него есть на книгу) и издать, когда хотим; если хотим сейчас, так сейчас; если через два года, так через два года[24]. Предлагает свои статьи сейчас лишь в возмещение за опоздание книг.

Как быть с этим.

Мне ужасно радостно, что мы как-то с Вячеславом договорились; на *московское* (вы знаете, на что) он смотрит нашими глазами (это об А. Р.[25]). Ужасно много за 2 года произошло, но *ничего не случилось*: мы были *до*, мы *есмы*, мы *будем*; у него твердость, бодрость и широкий взгляд на будущее; и если не будет учителей, видимых, будут учителя *невидимые*. Ибо — с нами Бог.

Мне очень дорого, что Вячеслав понял Асю, а Ася — Вячеслава; и между нами троими сейчас хорошая дружба.

Милый, милый — вспоминаю Ваш приезд в Петербург два года назад[26], не хватает Вас, не хватает совместного обсуждения многого; все-таки говорю — Вячеслав наш, наш и наш.

И башня — единственное явление в русской культуре.

Между прочим, Вячеслав вспоминает Вас часто: говорит, что интимно Вы ему близки и что у него и у Вас есть свой цикл невидимых отношений; он чувствует и точки расхождений с Вами, и точки связей; утверждает, что близости все же больше, чем резких расхождений.

Думается, он знает Ваш лик (милый, этот лик — лик слепительный); будьте же рыцарем и теме Вольфингов не отдавайтесь чрезмерно, ибо, как-никак, Зигфрид должен (слышите, *должен*) с себя стряхнуть Зигмунда[27].

Милый мой Вольфинг, милый *Wanderer**, как я сейчас ощущаю Вас: и мне хочется Вам сказать мой ясный восторг, мою любовь, мое утверждение Вас, мое ратоборство даже за Вас: если будет Вам тягостно, не уходите в свой угол, не омрачайтесь и в безнадежности не опускайте рук: милый друг, мы Вас не отдадим: мы явимся; мы будем рядом с Вами биться за *Ваше*, ибо *Ваше*, личное — не Ваше только.

О, как сейчас поется мне, и хочется подвига, хочется благородных арийских войск. Наше дело — великое дело: и судьбе не удастся нас съесть.

Нас мало; но мы — есмы.

Целую Вас крепко. Жму руку. Люблю Вас. И через завесу пространств вижу Ваш образ, старинный мой друг. Господь с Вами.

Борис Бугаев.

Башня. Час неопределенный. Ни день ни ночь.

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 52. Над текстом помета Н. П. Киселева: «Штемпеля: С.-Петербург. 30 I 1912; Москва. 31 I 1912» (даты почтовых штемпелей отправления и получения с несохранившегося конверта). Фрагменты опубликованы: ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 390–391.

[1] Видимо, от Метнера поступило предложение опубликовать новый роман Белого в «Мусагете».

[2] Начальные главы романа, позднее получившего заглавие «Петербург», Белый передал в редакцию «Русской Мысли» в середине января 1912 г. (10 января он писал Брюсову: «…моя порция романа „Злые тени“ готова <…> 15-го или 16-го числа я очень хотел бы видеться с Вами, чтобы лично Вам передать роман. Оконченная порция представляет собой около 13 печатных листов <…>» // Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. С. 425). О дальнейшем Белый сообщал Блоку 17 или 18 января: «„*Р<усская> М<ысль>*“ ввиду того, что я не представил конца романа, отказалась мне дать хотя бы что-нибудь <…> я не представил конца романа не потому, что я ленился, а потому, что роман разросся; я обещал 12 печатных листов (и весь роман); дал же около 15-ти листов (но окончание не готово); прошу отсрочки на 3 месяца и обязуюсь в 3 месяца закончить; их же прошу оплатить мне представленную часть рукописи. Ответ „*Русской Мысли*“: никакого аванса до окончания романа» (*Белый — Блок*. С. 435). О возникшей конфликтной ситуации Метнеру сообщал также А. С. Петровский в письме от 27 января 1912 г.: «У Б. Н. все плохо ладится с Рус<ской> Мыслью. Брюсов всячески теснит его, гонорар сбавили до

---

* Странник (*нем.*).

1400 р., сколько бы не было листов, хоть 20, между тем как он представил 14½ и это только ⅔ всего. Кроме того, Брюсов делает массу купюр. Это объясняется тем, что в 1912 г. идет его собственный роман» (РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 35. С № 1 за 1912 г. в «Русской Мысли» был начат печатанием роман Брюсова «Алтарь Победы»).

[3] Белый и А. Тургенева прибыли в Петербург 21 января 1912 г., поселились в квартире Вячеслава Иванова (на «башне»: Таврическая ул., д. 25, кв. 24).

[4] П. Б. Струве отказался публиковать роман Белого в «Русской Мысли». 2 февраля 1912 г. он информировал Брюсова: «...относительно романа Белого я пришел к совершенно категорическому *отрицательному* решению. Вещь эта абсолютно неприемлема, написана претенциозно и небрежно до последней степени. Я уже уведомил Белого о своем решении (телеграммой и письмом), — я заезжал к нему на квартиру Вяч<еслава> Ив<ановича> Иванова, но не застал его там. Мне лично жаль огорчать Белого, но я считаю, что из расположения к нему следует отговорить его от печатания подобной вещи, в которой проблески крупного таланта утоплены в море настоящей белиберды, невообразимо плохо написанной» (ИРЛИ. Ф. 444. Ед. хр. 65). См. также: *МДР.* С. 437–440. Дополнительные версии причин, обусловивших решение Струве, выдвинуты Л. К. Долгополовым («Творческая история и историко-литературное значение романа А. Белого «Петербург» // *Андрей Белый.* Петербург. 2-е изд., испр. и доп. С. 555–556) и М. А. Колеровым в статье «Почему П. Б. Струве отказался печатать „Петербург" А. Белого» (De visu. 1994. № 5/6. С. 86–88).

[5] Под первой частью подразумевается «Серебряный голубь».

[6] Белый подразумевает свое первое проживание в петербургской квартире Иванова — с конца января по первую декаду марта 1910 г.

[7] Подразумевается группа философов, формировавших и выпускавших в «Мусагете» русское издание международного журнала по философии культуры «Логос».

[8] А. С. Петровский.

[9] Единственный опыт реализации этого намерения — статья Вяч. Иванова «Marginalia» (Труды и Дни. 1912. № 4/5. Июль — октябрь. С. 38–45), содержащая отзывы о книгах «Модернизм и музыка» Вольфинга (Метнера), «Дикая порфира» М. Зенкевича (СПб., 1912), «Осенний сон» Е. Гуро (СПб., 1912).

[10] Ср. сообщение в письме Белого к Блоку от 8 или 9 марта 1912 г. (в изложении предполагаемого содержания 3-го номера «Трудов и Дней»): «В. Иванов *„Дикие колосья"* (дописываются)» (*Белый — Блок.* С. 443). Эта статья, видимо, не была завершена автором; сохранился ее план, опубликованный Г. В. Обатниным в обзоре «Из материалов Вячеслава Иванова в Рукописном отделе Пушкинского Дома» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб., 1994. С. 43–44).

[11] Е. В. Аничков в журнале «Труды и Дни» не печатался.

[12] К. А. Сюннерберг (Конст. Эрберг) представил в «Труды и Дни» статью «Искусство — вожатый», которая была опубликована в № 3 за 1912 г. (С. 10–17).

[13] «Cor ardens» — собрание стихотворений Вяч. Иванова (Ч. 1. М.: Скорпион, 1911). Статья М. Кузмина «„Cor ardens“ Вячеслава Иванова» была опубликована в № 1 «Трудов и Дней» за 1912 г. (С. 49–51) в сокращенном виде; это вызвало протест автора и литературный инцидент, подробно освещенный Н. А. Богомоловым в статье «История одной рецензии», включающей полный текст отзыва Кузмина, опубликованный по рукописному оригиналу (см.: *Богомолов Н. А.* Русская литература первой трети XX века: Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск, 1999. С. 502–513).

[14] Блок представил статью «От Ибсена к Стриндбергу» (Труды и Дни. 1912. № 2. С. 8–14).

[15] Белый и Блок встретились в ресторане Лейнера 24 февраля 1912 г. (см.: *Белый — Блок.* С. 441–442); подробное описание этой многочасовой встречи Белый дал в «Воспоминаниях о Блоке» (*О Блоке.* С. 382–391). В «Воспоминаниях об Александре Александровиче Блоке» он свидетельствует: «Помню <...> одну незабвенную встречу с А. А. в феврале двенадцатого года <...> в один из периодов, которые назывались в петербургских литературных кругах периодами мрачности А. А., когда его нельзя было увидеть. В этой полосе мрачности он находился, когда мы с женой жили в Петербурге у В. И. Иванова, на „Башне“. А. А. не виделся в ту пору ни с кем решительно, и особенно трудна была ему атмосфера „Башни“» (Александр Блок в воспоминаниях современников. В 2 т. М., 1980. Т. 1. С. 320).

[16] Блок писал об этом Белому в неизвестном нам письме и повторял в письме к нему же от 25 января 1912 г. (текст представлен в дневнике Блока в черновом автографе): «В письме в Москву я Т<ебе> писал, почему мне страшно увид<еться> *даже с Тобой одним*, если бы я б<ыл> здор<ов>. Кр<оме> того пис<ал>, что нахожусь под знак<ом> Стриндберга» (*Белый — Блок.* С. 439). «Inferno» («Ад», 1897) — роман Августа Стриндберга; Блок читал его в январе 1912 г. (см.: *Блок Александр.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 124). 6 февраля 1912 г. Белый писал Блоку: «О Стриндберге. Ты, конечно, разумеешь *Inferno*. Когда я читал *Inferno*, то я был глубоко потрясен *своим*, *родным* страданием. И была мне радость в том, что вот не один...» (*Белый — Блок.* С. 440).

[17] С. М. Соловьев. См. примеч. 6 к п. 235.

[18] 25 января 1912 г. Блок писал Белому в ответ на его просьбу участвовать в «Трудах и Днях»: «Я продолжаю писать очень мало, однако; но и сквозь тяжелое равнодушие, кот<орое> мной овладело эти дни, постараюсь написать» (*Белый — Блок.* С. 439).

[19] См. примеч. 1 к п. 225.

[20] Имеется в виду отдельное издание романа Белого «Серебряный голубь», выпущенное в свет издательством «Скорпион» во второй половине мая 1910 г. тиражом 1000 экз.

[21] Белый, видимо, остался в неведении относительно того, что Брюсов, как руководитель литературно-критического отдела «Русской Мысли», пытался убедить Струве в необходимости печатать его роман в журнале. См. письмо Брюсова к Струве, опубликованное И. Г. Ямпольским в статье «Валерий Брюсов о „Петербурге“ Андрея Белого» (*Ямпольский И.* Поэты и прозаики. Л., 1986. С. 349), а также: *Черников И. Н.* В. Я. Брюсов и творческая история романа А. Белого «Петербург» // Брюсовские чтения 1983 года. Ереван, 1985. С. 206–213.

[22] См. п. 235, примеч. 4.

[23] Речь идет о многократно анонсированных «Мусагетом» книгах, как «готовящихся» или «печатающихся»: «Эллинская религия страдающего бога. Опыт религиозно-исторической характеристики» Вячеслава Иванова и «Лира Новалиса в переложении Вячеслава Иванова». Запланированные в «Мусагете» издания не состоялись.

[24] Этот замысел реализовался четыре года спустя: *Иванов Вячеслав.* Борозды и Межи: Опыты эстетические и критические. М.: Мусагет, 1916.

[25] А. Р. Минцлова. Подразумевается эзотерический союз («братство»), инициированный ею в Москве среди ближайших участников «Мусагета».

[26] Как свидетельствует Белый, во время его первого проживания на «башне» Иванова в 1910 г. Метнер приезжал туда «на два только дня» (*Андрей Белый.* Начало века. Берлинская редакция (1923). С. 620).

[27] Персонажи «Кольца нибелунга» Р. Вагнера: Зигмунд (он же Вельзунг), сын бога Вотана от смертной женщины (опера «Валькирия»), и Зигфрид, сын Зигмунда и Зиглинды (оперы «Зигфрид», «Гибель богов»).

237. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

3 февраля 1912 г. Петербург

Милый, дорогой,

сама судьба держит меня в Петербурге. В. И. Иванов выдвинул такие вопросы, что у меня голова идет кругом. И совершенно ясно: Ваше присутствие в Петербурге *необходимо*. Без Вас ничего нельзя предпринять ни с «*Тр<удами> и Днями*», ни с комбинацией, намечающейся здесь: Вячеслав свидетельствует, что Ваше присутствие необходимо, хотя бы на *два дня*.

С 16-го числа Вам предоставляется башня. Вам только *ночь* езды.

Я не могу писать, почему Вы *необходимы*. Вячеслав сам бы приехал к Вам, но просит передать, что он связан *лекциями*, которых пропустить не может[1].

Итак, ждем. Башня в Вашем распоряжении. С отъезда Аси[2] комната свободна.

Милый, я должен был бы написать неубедительную диссертацию о Вашем приезде, и потому свидетельствую только: Вы — нужны. Я же задерживаем лекцией 23-го[3].

До беседы en *trois* с «*Тр<удами> и Днями*» мы в сложнейшем и щекотливейшем положении.

Надеюсь, письмо будет Вам передано.

Засим телеграфируйте: приедете ли, и когда?

Остаюсь любящий Вас

Борис Бугаев.

Милый, ради Бога приезжайте. Вячеслав приветствует.

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 53. Над текстом помета рукой Метнера: «3/II 12» (видимо, дата отправления на почтовом штемпеле с несохранившегося конверта).

[1] Речь идет о преподавательской работе Вяч. Иванова на петербургских Высших женских историко-литературных курсах Н. П. Раева. Согласно расписанию лекций и практических занятий на курсах, приложенному к письму Н. П. Раева А. А. Мусину-Пушкину от 10 марта 1912 г., Вяч. Иванов преподавал там античную литературу на первом и втором курсах еженедельно четыре часа на каждом (половина времени — лекции, половина — практические занятия). См.: *Лаппо-Данилевский К. Ю.* О преподавании Вячеслава Иванова на курсах Н. П. Раева // Русская литература. 2011. № 4. С. 77.

[2] Отъезд А. Тургеневой в Москву был назначен на 16 февраля.

[3] 23 февраля 1912 г. в Петербурге в большой аудитории Соляного городка состоялась публичная лекция Белого «Современный человек». Ранее выступление Белого под тем же названием не было дозволено в Москве (17 января 1912 г. В. Ф. Ахрамович сообщал Метнеру: «Лекция Белого „Современный человек" не разрешена администрацией. Говорят, препятствие встретилось со стороны *духовной консистории* (sic)» // РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 16).

238. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

11 февраля 1912 г. Петербург

11 февраля.

Дорогой, милый друг,

Приезжайте в Петербург. До 25-го я задерживаюсь. Есть тому причины, о которых мучительно долго писать. По письму Вячеслава, милый, Вы видите, что причины приехать Вам есть[1].

Приезжайте же, ради Бога, дня на два. 16-го уезжает Ася. Если она приедет до Вас, то Вы отчасти у нее могли бы узнать причины.

Милый друг, настоятельно прошу: приезжайте. Во всяком случае телеграфируйте, ждать Вас или не ждать.

Остаюсь глубоко любящий

Б. Бугаев.

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 54. Справа от авторской датировки указан год (рукой Метнера): «1912».

[1] В тот же день Вяч. Иванов писал Метнеру: «Если бы Вы приехали в Петербург и остановились на башне, я был бы счастлив! Счастлив видеть Вас, быть с Вами в семейной среде, переговорить о бесконечно многом, о чем можно говорить только с глазу на глаз, — и, быть может, при Вашем участии выбраться из целых дебрей проблем теоретических и практических, представших моему и Бориному сознанию... И, сверх всего, возникли важнейшие предположения, серьезнейшие планы, касающиеся нас всех совокупно и раздельно; обсуждение этих планов, настоятельно необходимое, возможно лишь в беседах с Вами. Так нужно Ваше присутствие, что я сам поехал бы немедленно для этого в Москву, но фактически не имею к тому ни малейшей возможности, будучи прикован многоразличными причинами к месту» (Вопросы литературы. 1994. Вып. II. С. 331. Публ. В. Сапова).

239. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

Середина февраля 1912 г. Петербург

Милый Эмилий Карлович!

Вы удивляетесь задержке номера[1]. Она обусловлена рядом естественно возникавших причин. Скажу прямо: когда В. И. Иванов прочел номер первый, то он очень похвалил его, но поставил вопрос ребром: «Вы — о культуре: культура... но, культура для нас есть символизм, т. е. то искомое мировоззрение и мироощущение, в чем все три мы (Вы, я, он) согласны — (символизм для него и меня). Ну так почему о символизме, в более прямом определении — ни слова?»[2]

Символизм в России затерт ренегатством Москвы (Брюсов) и ренегатством Петербурга (явные разительные примеры тому я видел). И вот в трудные времена, когда к «*Мусагету*» стоят ближе всего Иванов (автор «*К звездам*»[3]) и Белый (написавший до 1200 печатных страниц только о *символизме*) — о символизме

ни слова в программном номере. Ввиду того, что Вячеслав нам много пишет, обещает не пропускать ни одного номера и в то же время бросает вопрос — «и вы тоже? И автор „Символизма“ глотает то, что ему дороже всего?»

Ряд разговоров привел к тому, что я сериозно почувствовал — предстоит выбор: между Ивановым и Гессеном, Яковенко. И альтернатива: если программный № будет такой, Иванов и Блок писать не станут, и мы — обречены все время пробавляться логосовцами; если передвинуть центр первого №, Иванов душой *и пером* — наш навсегда, а Гессен и Яковенко *все-таки будут*, но не в столь густом виде. И я — задержал[4].

Теперь: поймите — в связи со всем этим открыва<ется> ряд комбинаций, Иванов пытается собственно для моего *«вышвырнутого романа»*, который, по его мнению, лучше всего, что появлялось за последний период, создать журнал[5]: конфигурация такова, что для решения судеб *«Тр<удов> и Дней»*, моего романа, демонстрации символистов и ряда вещей нужен предварительный разговор с Вами. И судьба первого №, участие Иванова и многое, о чем я не могу писать, ибо надо писать *том, а не письмо*, зависит от Вашего приезда. Вы отсрочиваете до 23<-го> — и все затягивается до 23<-го>. Поймите же, что я не могу выкинуть Иванова из журнала, ибо тогда, без поддержки его и Блока, ***все*** самое нужное будет звучать под сурдинкой.

Милый, по тону Вашей телеграммы вижу, что сердитесь. И не мог поступить иначе. Может быть, поступил не совсем обдуманно, как член редакции К<нигоиздательст>ва *«Мусагет»*, а как то велела мне совесть русского символиста, видящего, что делается кругом в 1912 году. И опять Вы можете мне сказать, как сказали когда-то: «Не соединяйте свое писательское служение всецело с *Трудами и Днями*».

Но —

Мог ли формалистично выпустить от нас Иванова и Блока, ради того, чтобы *поспеть* к такому-то числу[6]. Объяснение мусагетцам не давал, ибо спешил в Москву со дня на день. А потом нахлынул ряд неожиданностей. Я написал длиннейшую мотивировку задержки №, но Вячеслав сказал: «Все равно это — не объяснение: объяснение *должно быть* между Э. К., Тобою и мною».

И потому, я чувствую, что поступал правильно.

Но, дорогой, Вы должны приехать — не позднее 23-го[7]. Или печатайте номер, но знайте, как гибельно отразится все это на судьбах журнала.

В последнем случае надо напечатать объявление об «Аполлоне»[8], ибо в ближайшем № «Аполлона» идет анонс о «*Трудах и Днях*».

Милый, спешите.

Борис Бугаев.

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 55. Фрагменты опубликованы: ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 394–395.

[1] Речь идет о 1-м номере «Трудов и Дней», подготовленном к выпуску в свет; его содержание Белый обсуждал в Петербурге с Вяч. Ивановым. 16 февраля 1912 г. Белый в этой связи отправил телеграмму Метнеру: «Умоляю задержать и скорее ехать от приезда <зависит> выход номера письмо идет — Бугаев» (РГБ. Ф. 167. Карт. 25. Ед. хр. 37). На ее получение Метнер отозвался ответной телеграммой, текст которой неизвестен.

[2] Свои соображения, возникшие по ознакомлении с корректурами 1-го номера «Трудов и Дней», Вяч. Иванов высказал в письме к Белому и Метнеру от 3 февраля 1912 г., в том числе отметил ряд неприемлемых для него фрагментов и формулировок в текстах различных авторов («...насмешливая игра с этими словами <...> на страницах журнала, где значусь я „ближайшим сотрудником", — несовместимо ни с моим достоинством, ни с моими убеждениями») и высказал решительное несогласие с определением (в вводной статье Метнера «„Мусагет"») религии как части культуры. См.: Русская литература. 2015. № 2. С. 80–82. Публ. Н. А. Богомолова и Дж. Малмстада.

[3] Имеется в виду книга Вяч. Иванова «По Звездам: Статьи и афоризмы» (СПб.: Оры, 1909).

[4] В результате были произведены радикальные перемены в содержании 1-го («программного») номера «Трудов и Дней»: были сняты статьи «логосовцев» С. И. Гессена и Б. В. Яковенко и на первом плане провозглашено исповедание символизма (журнал открывался статьями «Мысли о символизме» Вяч. Иванова и «О символизме» Андрея Белого); были учтены и возражения Иванова по частным вопросам.

[5] См. примеч. 2, 4 к п. 236. Намерение Вяч. Иванова осталось нереализованным.

[6] Подразумевается запланированная в редакции «Мусагета» дата выхода в свет 1-го номера «Трудов и Дней».

[7] Метнер приехал в Петербург 22 февраля. См.: Вопросы литературы. 1994. Вып. II. Примеч. В. Сапова.

[8] Объявление о подписке на художественно-литературный журнал «Аполлон» (на 1912 г.) было помещено в «Каталоге издательства „Мусагет“ (1910–1912)», приложенном к № 1 «Трудов и Дней» (С. 28). Проблема взаимоотношений между редакциями «Мусагета» и «Аполлона» затронута в статье: *Глуховская Елена, Чабан Александра.* «Аполлон» и «Мусагет»: между борьбой и компромиссом (к истории одного письма) // Летняя школа по русской литературе. 2015. Т. 11. № 2. С. 144–157.

240. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

17 марта 1912 г. В дороге

Милый, милый Эмилий Карлович!

Привет! Если б Вы знали, как я Вам благодарен за нравственную поддержку все это последнее время. Сила надежды так сильна: верю во что-то хорошее, крепкое: вчера, на вокзале, Вы мне показались смущенным[1]. Неужели Вы думаете, что у меня есть какая-то двойственность в отношении к «мусагетской *политике*»? Мне было больно это расслышать в темпе Ваших слов. Христос с Вами, милый друг! От Аси самый хороший привет: ***летом увидимся***. Пишу из поезда. Остаюсь глубоколюбящий Вас

Б. Бугаев.

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 56. Открытка; почтовые штемпели — отправления: Луков. 17. III. 1912; получения: Москва. 18. III. 1912.

[1] 16 (29) марта 1912 г. Белый и А. Тургенева выехали из Москвы за границу: через Берлин (18 (31) марта), Кёльн (19 марта (1 апреля)) в Брюссель (вечером того же дня), куда А. Тургенева направлялась для продолжения занятий у гравера М.-О. Данса.

241. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

До 9 (22) апреля 1912 г. Брюссель

Дорогой Эмилий Карлович!

Воистину Воскресе![1]

Благодарю: не ожидал. Когда соберусь с духом, то напишу Вам письмо обстоятельно и пунктуально. Пока же благодарю

Вас за прилив крови к голове и мигрень, ставшие обычными последний год по получению от Вас писем.

Поэтому отвечаю лаконично:

1) У Кожебаткина я был 2 раза, а *не три*[2]: оба раза за получением новостей из Петербурга, ибо уезжал из Москвы. Оба раза *не застал* и посидел 5 минут с его женой. ***Стыдитесь***.

2) Роман продал Некрасову[3], ибо: разрывая с «*Шиповником*» и Лядским[4], я шел на дружеское условие: сохранить роман для общего журнала[5]. ***Вы*** в Москве сказали, что средств для журнала не найдется; *общий журнал* рушился. При мне Вячеслав Вас спросил: может ли «*Мусагет*» ***пока*** до журнала меня обеспечить. Вы сказали *да*. Я сношения со всеми издательствами разорвал. И когда вернулся в Москву, оказалось: *Мусагет* не может обеспечить. Мне оставалось или тотчас *опять* ехать в Петербург продавать роман, или обеспечить себя, ибо *деньги мне нужны*. Я считаю себя свободным от обязательств и невольно, без вины *Мусагета* подведенным с романом[6].

3) Вы критикуете мои действия в журнале[7] и отдельные места статей: я всю зиму собирал статьи. Стало быть: я не гожусь в редакторы и жалею, что столько сил убил на собирание материала.

4) Я вообще больше *не желаю* жить в Москве в атмосфере нареканий и сплетен: Господь со всеми Вами. Оставьте в покое меня!

5) К *Мусагету* не охладевал. К Вам — тоже. Но каждое Ваше письмо — ушат холодной воды и перенесенная мигрень. Если так будет продолжаться, я взмолюсь: оставьте меня, дайте мне со спокойным духом дописывать свой роман; мало того, что бежишь из душной и зловещей атмосферы сплетен: тебе еще вдогонку летят нарекания и подозрения.

6) Я вообще, Эмилий Карлович, ***прошу Вас*** не писать таких писем: лучше объясняться с глазу на глаз. А то у меня от таких писем делается *многодневное* нервное расстройство. Или освободите меня от *Мусагета*, или вообще я прошу доверия. Иначе не умею поступать.

7) Относительно имения[8]. Я и сам знаю, что заложить легко, но: на этой операции на бумагах на 5000 теряешь тысячи полторы + сумма адвокату. Если я заложу, мне ни *рубля* не останется + обязательство платить в год 500 рублей: чудовищно невыгодные условия.

8) Относительно д'Альгейма не отвечаю, ибо это к рубрике моего *таинственного* влечения к Кожебаткину.

Остаюсь искренне любящий Б. Бугаев.

P. S. Настаиваю на том, чтобы Брюсова не печатать[9].

P. S. Считаю, что во всех взведенных на меня обвинениях я прав. Оправдываться не буду, но… работать при таких условиях, когда Тебя ***ТОЛЬКО****** критикуют, и не помянут добром Твои растрачиваемые часы, я ***НЕ МОГУ****.

О гонораре в «Тр<удах> и Днях» я говорил, что он минимальный; Скалдин *не имеет ни гроша*, и В. Иванов просил меня для Скалдина сделать исключение[10].

То, что пишете о романе, *сугубо обидно*. Денег от Некрасова я получил пока всего 300 рублей, а уже ***инсинуации***. Ваши слова о консервативном издательстве — *инсинуация*. Вообще тон Вашего письма мелочный и неприятный. Я ссоры с Вами не хочу, но считаю себя глубоко обиженным. О Мусагете <и> недовольствах с Кожебаткиным не говорил.

Не выводите меня из терпения оскорблениями!

Лучше не пишите!

На сплетни, химеры и обидные подозрения, высказанные не с глазу на глаз, а в письме, *я не отвечаю*!

ГЛМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 32.

Первый (неотправленный) вариант ответа на неизвестное нам письмо Метнера, отосланное из Москвы около 25 марта (7 апреля) 1912 г. Содержание этого письма Белый вкратце излагает в первом абзаце п. 245. 7 (20) апреля 1912 г. он писал из Брюсселя Н. П. Киселеву: «…что с Эмилием Карловичем? Он мне прислал нервное, почти крикливое письмо на 20 больших листов, полное укоризн и химер. Все письмо наполнено упреками за первый номер журнала, какими-то фантастическими ужасами перед моей *якобы* дружбой с Кожебаткиным, каким-то сыском моего поведения и сообщениями *града бабьих сплетен*, из которых каждая вырастает почти в химеру. Я оскорблен, обижен, ничего не понимаю, за сплетни не ответственен, с Кожебаткиным *не дружу*, с Мусагетом не *разрывал* и т. д. и т. д.» (Арабески Андрея Белого: Жизненный путь. Духовные искания. Поэтика. Белград; М., 2017. С. 53. Публ. А. Л. Соболева). По поводу того же «чудовищного письма» Белый высказался в письме к А. С. Петровскому от 9 (22) июня 1912 г.: Метнер «на протяжении 10 страниц не только сам

---

* *Подчеркнуто 11 чертами.*

** *Подчеркнуто 9 чертами.*

обвиняет меня в недобросовестности с романом, но подчеркивает, что это и мнение всех друзей, всей вообще Москвы <…> и далее: с гордостью сообщает мне, что он *рыскал* по моим следам и собирал обо мне сведения (т. е. сплетни и слухи), т. е. гордится поступком (сыском), который есть либо поступок, *недостойный товарища*, либо поступок невменяемый» (*Белый — Петровский*. С. 207). Сам Метнер излагал суть своих претензий к Белому в письме к Вяч. Иванову от 3 апреля 1912 г.: «Бугаев *продал* роман и *помирился* с Кожебаткиным. Т. е. совершил двойное предательство. <…> Примирение с Кожебаткиным (упорное искательство этого примирения во имя того, что оба они, видите ли, имеют основание быть недовольными Мусагетом) положительно ничем не объяснимо или же морально очень скверно для Бугаева. Сам же он заварил кашу, требовал от меня удаления Кожебаткина от должности секретаря, а когда я, внимая его просьбе и желая восстановить мир в редакции, нарушаемый истерическими реакциями Бугаева на хамоватый деспотизм Кожебаткина, решил соединить это секретарское coup d'état с намеченной мной ревизией мусагетских дел <…> и направить все дело в парламентское русло во избежание личных, слишком личных осложнений и оттенков, — Бугаев не вовремя, не дождавшись конца им самим затеянного дела, сбежал за границу (это еще извинительно, т<ак> к<ак> ему в Москве негде было жить и работать) и перед отъездом подложил грандиозную свинью мне, помирившись с Кожебаткиным и даже заключив с ним теснейшую дружбу на почве „общего недовольства Мусагетом"» (*Соболев А. Л.* К истории журнала «Труды и Дни»: реестр подписчиков // Russian Literature. 2015. LXXVII-IV. С. 686–687).

[1] Пасха в 1912 г. — 25 марта ст. ст.

[2] Эти визиты происходили в Москве в первые две недели марта 1912 г., после возвращения Белого из Петербурга (28–29 февраля) и незадолго перед отъездом 16 марта за границу.

[3] Договоренность с издателем К. Ф. Некрасовым (организовавшим издательство собственного имени в Ярославле, с конторой в Москве) относительно публикации романа Белого «Петербург» была достигнута в Москве при личной встрече в середине марта 1912 г. Посредническую роль в данном случае сыграл С. А. Соколов («Гриф»). 10 марта 1912 г. К. Ф. Некрасов телеграфировал Белому из Ярославля: «По письму Грифа прошу оставить новый роман за мной отвечайте Ярославль голос Некрасову когда приехать Москву оформить условие — Некрасов» (РГБ. Ф. 25. Карт. 21. Ед. хр. 37). В письме к Некрасову от 22 марта 1912 г. Белый обозначал условия: «Я согласен отдать Вам мой роман *Петербург*, заключающий около 22 печатных листов по 40 000 букв (немного более или менее) за 2200 рублей. <…> Согласно нашему разговору, Вы даете мне за полученную часть рукописи в счет авторского гонорара 1100 рублей. Я же в течение 3-х месяцев, т. е. к концу июня, представляю Вам окончание романа» (приведено Л. К. Долгополовым; см.: *Андрей Белый*. Петербург. 2-е изд., испр. и доп. С. 558).

[4] Во время пребывания Белого в Петербурге в феврале 1912 г. предложения опубликовать его новый роман поступили от З. И. Гржебина (издательство «Шиповник»), от «Издательского товарищества писателей» и от журнала

«Современник», в редактировании которого участвовал Е. А. Ляцкий. См.: Андрей Белый. Письма к Е. А. Ляцкому / Публ. А. В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С. 218–223.

[5] Этот новый журнал под названием «Петербургский Вестник» задумали организовать Вяч. Иванов и Е. В. Аничков при финансовой поддержке Э. К. Метнера главным образом в целях публикации в нем нового романа Белого, однако никаких конкретных шагов, направленных к реализации этого замысла, не последовало. В письме к Блоку от 8 или 9 марта 1912 г. Белый сообщал: «Разговоры с Аничковым о новом журнале обусловили то, что я дал слово Вячеславу не решать с романом до 1) разговора с Метнером en trois, 2) я отклонил реальные разговоры a) с Евг<ением> Ляцким, b) „*Шиповником*", c) „*Группой писателей*". Метнер сказал, что для нового журнала достанет деньги к концу 1912 года. Иванов просил Метнера обеспечить меня, чтобы я мог роман мой дописывать с совершенным спокойствием и дать его в наш будущий общий журнал (не „*Труды и Дни*"). Редакция бы тогда заплатила бы „*Мусагету*". Метнер обещал. Я разорвал все разговоры согласно товарищескому слову, данному Иванову (как будущий член редакции члену редакции). Приезжаю в Москву — сюрприз: Метнер говорит, что 1) денег не будет (журнал пролетает), 2) *Мусагет* получил до сентября вдвое меньше, чем ждал, и не может дать аванса под роман, который в 1913 году печатается» (*Белый — Блок.* С. 444–445).

[6] Ср. позднейшее описание затрагиваемой ситуации в мемуарах Белого: «…я продаю роман издателю Некрасову; ура! обеспечен побег за границу! Добыта нужная до зареза тысяча. Но ставший бардом „Петербурга" Е. В. Аничков и Вячеслав Иванов настаивают: роман — богатейшее приобретение для нужного петербуржцам журнала; Аничков берется достать несколько тысяч; и вызывает спешно Метнера в Петербург; если он пожертвует несколько тысяч рублей со своей стороны, то средства для журнала налицо; спешно приехавший Метнер, конечно же, не обещает ничего точного; этим журнал повисает в воздухе; впоследствии Метнер жестоко меня обвиняет в том, что я продал роман Некрасову; что же мне оставалось делать, коли издательство, хваставшееся, что оно существует для меня, проворонило „Петербург", к которому выказывало систематическое невнимание <…>» (*МДР.* С. 440).

[7] Подразумеваются «Труды и Дни».

[8] См. примеч. 6 к п. 199.

[9] Имеется в виду цикл Брюсова «Miscellanea», представленный в «Труды и Дни» (см. примеч. 28 к п. 230). Вопрос о его публикации обсуждался на редакционном собрании издательства «Мусагет» 14 октября 1911 г.; в протоколе собрания зафиксировано:

«*Г. А. Рачинский* читает материал Брюсова. Предварительно: Ницше писал лучше. Брюсов отвечает сам за себя. Уместна ли полемика и сведение счетов, характера „Весов".

Резюмэ:

1) Ряд мыслей, направленных против мистических и религиозных уклонов журнала.

2) Панматематика — вздор.

3) Ницшеанский фортель (по форме только) о сладострастии девственности.

4) Жалуется на обидевших его Ив<ана> Ив<ановича> и Ив<ана> Ник<ифоровича>.

Ф. А. Степпун против двух последних заметок.

М. И. Сизову нравится — и панма<тема>тика тоже.

Б. Н. Бугаев: полемики вообще не надо.

Б. В. Яковенко: панарифметику лучше выбросить, математики будут смеяться.

Рачинский резюмирует: Мы будем очень благодарны Бор<ису> Ник<олаевичу>, если ему удастся отговорить Брюсова от помещения трех инкриминируемых отрывков» (РГБ. Ф. 167. Карт. 17. Ед. хр. 28. Л. 4 об. — 5). Гранки цикла Брюсова «Miscellanea» (датированные: 17 января 1912 г.) сохранились в архиве «Мусагета» (РГБ. Ф. 190. Карт. 55. Ед. хр. 4). Из составивших его 9 заметок в приведенном «резюмэ» Рачинского упомянуты: 5-я, начинающаяся словами: «Странно, что среди математических наук до сих пор существует только „теория чисел", но нет „пан-арифметики", аналогичной „пан-геометрии"...»; 7-я («Древние римляне любили гладиаторские игры...»), заканчивающаяся словами: «...античность открыто поклонялась сладострастию. Христианство ввело культ девственности. Не есть ли это тот же утонченный культ сладострастия?»; 8-я и 9-я с критическими выпадами против Ю. Айхенвальда и Г. Чулкова. Заметки 7–9 в гранках перечеркнуты, наложена резолюция: «Вместо 7–8–9 попросить у Брюсова что-нибудь более объективное».

[10] В «Трудах и Днях» была напечатана статья А. Д. Скалдина «Затемненный лик (По поводу книги В. В. Розанова „Метафизика христианства")» (1913. Тетрадь I и II. С. 89–110). Переиздана в кн.: *Скалдин А. Д.* Стихи. Проза. Статьи. Материалы к биографии / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Т. С. Царьковой. СПб., 2004. С. 369–384. Статья Скалдина появилась в «Трудах и Днях» по настоянию Вяч. Иванова и вопреки желанию Метнера, признававшегося в письме к М. С. Шагинян от 18–26 сентября (1–9 октября) 1913 г.: «Скалдин мне прямо противен. — По поводу статьи Скалдина было столь<ко> неприятностей с Вячеславом, что моя уступка (вынужденная) даст ему понять наше нежелание Скалдина» (РГБ. Ф. 167. Карт. 25. Ед. хр. 27. Л. 2).

242. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

9 (22) апреля 1912 г. Брюссель

Дорогой и глубокоуважаемый Эмилий Карлович!

Воистину Воскресе![1]

Воистину — для чего же мы в лжи. *Воскресе* — а мы, невоскресшие? Пишу так странно, ибо принимаю Ваше *Христос*

Воскресе полно, от души... А как не вяжется все остальное Вашего письма с первыми его хорошими словами. И вот не хочу с Вами, милый, полемизировать по многим причинам:

1) полемика в письмах незаслуженно оскорбляет, ибо всякое письмо, будучи случайно в форме выражения, запечатлевается в сознании *на недели* между тем, как личный, пусть неприятный разговор так или иначе приходит к концу. 2) Не хочу омрачать мое *Воистину Воскресе* передрягами. 3) Только что я перенес грипп ужасающей формы: всю святую неделю мы с Асей были больны[2]; жар в 40° стоял 4 дня; теперь от болезни ослабел и из экономии сил, нужных мне для романа[3], не хочу себя обессиливать, отвечая на все незаслуженные резкости Вашего письма, ибо вижу в нем расстроенные нервы, химеры: только этим объясняю себе то особое удовольствие, с которым Вы обрушиваете на мою голову ушат неправдоподобных сплетен. Неужели в этом *ушате сплетен* Ваше «Христос Воскресе»?*

Мое *Воистину Воскресе* да не будет таким.

А теперь отвечаю кратко.

Я не представлял, что *необходимые* исправления «*Путевых Заметок*» так обременят «*Мусагет*»[4]. Количество корректурных значков не было оговорено. Впрочем, полагаю, что дальнейшие отделы не нуждаются в столь большой правке. Сызнова переделывать «*Путевые Заметки*» у меня нет ни времени, ни охоты. Может быть, «*Мусагет*» обременен моей книгой? Скажите. Единственный за год моей жизни в России — единственный слушатель моих путевых заметок (остальные не соблаговолили даже взглянуть в книгу) высокого о них мнения: этот слушатель В. И. Иванов.

Так как Вы упрекаете меня в том, что я сбыл «*Мусагету*» мое старье, т. е. «*Арабески*» и «*Символизм*», то я очень огорчен: но прежде чем критиковать *старье*, надо его прочесть в целом. А этого никто из мусагетцев не проделал.

Благодарю очень моего *единственного* читателя в Москве Н. К. Метнера за его *комплимент* моей глубоко бестактной

---

* Это Ваше *Христос Воскресе* и первая весть с родины разрушило мое настроение, верьте, на много дни: сняло с работы и т. д. и т. д. Вот так *Христос Воскресе!* (*Примеч. Белого*).

и ненужной статье о *символизме*[5], в которой я касаюсь глубоко похороненного и сданного в архив вопроса (по мнению логосовцев) — вопроса о том, есть ли школа русского символизма. Я-то думал, что вопрос этот *по-новому* ставится в первом номере нашего общего журнала; оказывается, я ошибся: мой товарищ по журналу опять-таки не без удовольствия цитирует мнение врагов символизма, логосовцев, о том, что вопрос, затронутый нами с Ивановым, ненужный вопрос. А раз вопрос этот не нужен, то не нужен вообще и я и Иванов в журнале.

Относительно гонорара за «*Труды и дни*» я, помнится, говорил В. И. Иванову, что гонорар минимальный; помнится, что говорил и Вам *о том, что это я говорил*: так что вторичный вопрос Ваш о том, говорил <л>и я о гонораре, я воспринимаю, как *недоверие* к *моим* словам. Спасибо.

Что же касается до А. Ф. <*так!*> Скалдина, то В. И. Иванов ходатайствовал о том, чтобы Скалдину платили иногда авансом, ибо Скалдин — человек, не имеющий ни гроша денег; и ему не грех заплатить авансом[6].

Относительно В. Я. Брюсова Вы мое мнение уже знаете: я полагаю, что напечатать его афоризмы хорошо, *но без двух последних*: если напечатаем, что Айхенвальд дурак, то это 1) неправда (Айхенвальд бездарный, но почтенный, честный, неглупый и весьма достойный человек), 2) журнал, открывающий свою деятельность с руготни, быстро погибнет. Что касается до Чулкова, то поговорите об этом с Ахрамовичем, и Вы увидите, что, если мы напечатаем *передержку* Брюсова, то хлопотам и неприятностям конца краю не будет. Итак, моя окончательная резолюция: *не печатать выходок Брюсова*[7]. Если же Брюсов считает, что мудрствование о пан-математике идеологически связано с бранью по адресу Айхенвальда, то я не виноват. Как всюду в письме, Вы и тут будто вините меня за то, что я подвожу *Мусагет* под ссору с далеким нам всем Брюсовым. Что делать: ведь не виню же я «*Мусагет*», что отказ Гиппиус[8] и многие мелочи поссорили меня с очень, очень и очень близкими мне Мережковскими, для которых холодность «*Мусагета*» есть измена моя им. Вообще, если мы будем друг друга упрекать, то всегда найдется чем ответить на упреки. Я нахожу, что метод упреков в *письмах*,

а не в разговоре, есть верное средство превратить какую угодно дружбу в холодные и натянутые отношения, ибо в разговоре все объясняется, а в письме отстаивается и крепнет месяцами.

Относительно статьи Вл. Пяста[9] скажу вот что: без Вас, так же как без Блока и Иванова, я отказываюсь вести журнал в том виде, в каком он существует. Слабость статьи Пяста для меня не тайна. Я должен был, принимая ее, считаться с непременным желанием Иванова и Блока видеть ее в печати[10]. И потому упреки Ваши *тут не причем*. Считаю эту статью слабой лишь в стилистическом отношении. В осведомительном отношении она *очень и очень полезна*, возвращая к недавнему спору о символизме, положившему основу теперешней группировки русских символистов: Иванов, Блок, я. Опять-таки удивляюсь, почему Ваше *veto* не проявилось, пока статья была в наборе, если лично она Вам так неприятна. Ведь проявляется же мое *veto* о Брюсове. Что ж нам, соредакторам, церемониться с *veto*. Относительно правки: я статью правил до некоторой границы, дальше которой без разрешения автора не мог идти. А ждать разрешения было поздно.

С Н. В. Недоброво, вовсе не мечтающем выступать в печати, надо быть осторожным. Мне больших трудов стоило его уговорить выступить впервые, как писателю. Достоинства его статьи так превосходят недостатки, что статья должна быть, по-моему, напечатана[11]. Опять-таки Ваше veto остается в силе. Относительно исправления конца статьи: вместо того чтобы писать мне в Бельгию, отчего не написали Вы ему в Петербург. Пока мы переписываемся, время тянется; и, без сомнения, Вы сговорились бы с ним быстрей.

Вы просите меня быть построже: но, дорогой, авторы народ обидчивый: и, приглашая в журнал *избранных*, аристократов духа, как Недоброво, нужно помнить, что нельзя их заставить *маршировать по команде*. Я по крайней мере умею создать атмосферу согласия, стараюсь натолкнуть на мысль. Командовать и отдавать приказание считаю невозможным, как считаю невозможным для себя выслушивать *советы*, имеющие характер циркуляров Правительства.

Если мои слова Вас шокируют и Вы остаетесь при своем мнении, то… не поздно прикончить со всей затеей. Я по крайней мере,

опираясь на Блока и Иванова столь же, сколь и на Вас, нахожусь в самом тягостном положении: я выслушиваю диаметрально противоположные упреки с Вашей стороны и со стороны Петербурга. Вы, который так цените *количество* минут, уделяемых людям, как же Вы не видите, что месячная тягостная жизнь в Петербурге моя[12] *едва-едва* дала возможность осуществить блок: Иванов, Вы, я, Блок. И Вы, не ценя брошенных на ветер месяцев мною для создания работы, только и находите возможным критиковать да критиковать. Вы прожили 3 дня в Петербурге[13] и пришли в ужас, устали. *Я Вас ждал* две недели в этом «*ужасе*». Это Вы забываете: Вы забываете и то, что месяцы у меня проходят на создание хоть какого-либо *status quo*, а я пишу роман (Вы романа не пишете), что хотя бы это письмо отнимает у меня два рабочих дня. Вы, который чувствует утомление после написанной статьи, как же Вы не понимаете, какое утомление чувствую я одновременно: выкарабкиваясь из матерьяльных сложностей, получая неприятности, истощенный огромным количеством написанных и ответственных страниц, ведущий большую переписку: если бы Вы не побоялись пошире раскрыть глаза, то Вы никогда не стали бы с такой *сухой черствостью* в многостраничном письме, точно с порочною целью вывести меня из себя, исчислять все дефекты моей деятельности. Ваш Христос Воскресе — лучше бы не было Его! Этот Христос Воскресе наполнил дни мои такой горечью, что я уже с ужасом жду писем из Москвы, и что неспроста я все серьезнее помышляю уйти от всех — друзей, как и врагов: ибо у меня создается впечатление, что и те, и другие *по-разному* только измучивают и лишают сил продолжать работу. Да, дорогой друг: я чувствую себя среди друзей, как перст, одиноким, непонятым, оскорбленным. И не будь у меня моего ангела Хранителя, Аси, я ушел бы из мира.

Теперь о «химерах»...

Если уж Вам желательно исследовать мои действия в Москве, — верьте, от этого желания Вашего и прочей *опеки* надо мной со стороны друзей я и убегаю подальше-дальше — если уж Вы хотите проследить мои поступки, надо быть точным и не присочинять к фактам субъективных догадок, сплетен и тому подобного. Вы пишете, что Кожебаткин мой друг, что

я настойчиво ходил к нему перед отъездом, был три раза и жаловался на *Мусагет*. Слушайте: я *кричу Вам* — не смейте говорить вздора! У Кожебаткина я был 2 раза, когда должен был через 2 дня уехать[14], и надо было наскоро узнать, какие статьи он привез из Петербурга. Путаясь в канцелярии губернатора[15] и едучи на свиданье с Некрасовым, я случайно оказывался недалеко от него: и так как я знал, что он возвращается из Петербурга такого-то числа, я и зашел к нему, но его не застал, ибо он не приехал. Тогда я поднялся наверх к Ахрамовичу и переговорил о делах. На другой день, будучи на Тверской, я опять зашел, ибо уезжал через день и думал, что его уже не увижу, а знать реальное содержание 2<-го> номера мне надо было, как надо было говорить о «*Путевых Заметках*». Прочие часы были расписаны. И на этот раз я его не застал. Ваши слова есть полнейшая белиберда. Встретился я с Кожебаткиным случайно в Мусагете на другой день, говорил пять минут, и так как перед отъездом мне хотелось быть в мире со всеми, а я был всю зиму очень сух и подчас груб с Кожебаткиным, то я и сказал, что хочу проститься с ним в мире. Все это касалось не *Мусагета*, а моей частной обиды на его путаницу с письмами. Правда, только моя любовь к Вам заставляет меня давать Вам этот пространный ответ, ибо всякому другому я сказал бы: руки прочь — это Вас не касается. Чтоб успокоить Вас, я Вам заявляю официально: *если нужен мой голос, то мой голос в вопросе о Кожебаткине присоединяю к Вашему*. И прошу Вас сердечно больше мне о Кожебаткине ни слова, ибо из Ваших слов прочитываю, будто он мой — интимный друг. Если бы даже я его любил (а я его не люблю), то моя любовь к нему и «*Мусагету*» столь же похожи друг на друга, как любовь к сыру или колбасе походит на любовь к 9<-й> симфонии Бетховена. Право, это так скучно объяснять и так; само собой разумеется.

Даю объяснение и о романе. Роман пытался пристроить с согласия *Мусагета* в Петербурге и разорвал переговоры 1) благодаря «*Петербургскому Вестнику*» (существованье коего зависело от нескольких тысяч в Москве)[16], 2) благодаря Вашему ответу на вопрос, предложенный В. И. Ивановым (обеспечите ли Вы меня до журнала). Вы ответили: «Да».

Я *прервал все сношения* и вернулся в Москву. А когда вернулся в Москву, то 1) *Вы сказали, что денег из Москвы на журнал*

не будет («*Журнал*» рушился и падало мое обещание сохранить роман), 2) о том же, что «*Мусагет*» издает первую + вторую часть «*Голубя*», как Вы писали из-за границы, *Вы ни слова*[17].

Я остался не обеспечен, в известном смысле второй раз подведен (ибо отклонил три предложения) — подведен без чьей-либо вины. Вместо этого мне предлагают из *Пути* 150 рублей в месяц, а я всю зиму строил жизнь на 1000 «*Русс<кой> М<ысли>*», полученной единовременно, что ***главное***: на 150 рублей (обнаружилось в Брюсселе, что Ася должна Дансу более 200 рублей + платья ей, верхняя одежда мне, костюм, табак, месячная плата Дансу), т. е. на 150 рублей путейских (раскладывая переезды, одежду, 200 р. долгу, месячная плата Дансу[18], дорогие гравировальные доски и пр.), т. е. 50 рублей на человека в месяц, оставалось: *голодать*. Когда и рука помощи (без вины помогавших) обернулась только в *иронию*, я так испугался *необходимости* представлять контролю друзей количество папирос и количество франков обеда и пр., что решил сперва отказаться от путейской поддержки. Видя же, что *Мусагет* неодобрительно смотрит на мое желание бежать от *душной сплетенной* Москвы, куда, может быть, еще не вернусь никогда, то ухватился за любезное предложение С. А. Соколова написать Некрасову. Это была самооборона. Пока получил от Некрасова 300 рублей[19]. Пока что он не отвечает на письма, и я уверен, что обманет и он. Пока все еще висит в воздухе, Вы уже опять-таки зло упрекаете меня. И опять-таки измышляете обидности, на которые мне остается лишь с улыбкой пожать плечами: политические де причины играли роль в отдаче моего романа; я де действовал в пику *кадету* П. Б. Струве. Но все, что я знаю о Некрасове, только то, что он — видный *кадет* в Ярославле. Видите: и тут Вы осведомлены неверно. Назло Вашим колкостям о моем поправении оказывается, что я печатаюсь в издательстве *кадетском*, т. е. той же платформы, как и «Русская Мысль».

Пункт последний: имение — и тут Вы язвите, не спросив меня основательно о причинах задержки продажи его. Всю зиму я делал все зависящее от меня через: Адамова, Поццо, Балмашева и Соколова, т. е. через Тарасова[20]. Адамов и Поццо 6 месяцев вытребовали разбросанные документы и собрали. Я множество раз торопил, но надо было иметь дело с кавказскими

учреждениями. Тарасов наобещал, и потом оказалось, что поверенные его не оправдали надежд. Оставалось ехать самому. В Петербурге я чуть не продал имение и собрал верные сведения. Просьба поехать В. К. Кампиони сейчас рациональней всего. А заложить нерационально, хоть просто[21]. Если заложить на 5000 тысяч <*так!*>, то на пяти тысячах, выдаваемых бумагами Азовско-Донского банка, теряются 1000 рублей при размене на деньги + известная сумма поверенному (скажем, рублей 400); освобождаются 3600; 3000 отдаю Мусагету; 600 рублей, а у меня сейчас долгу больше + 300 рублей ежегодного взносу в банк; если в 7000, то 500. Так поступая, я могу лишиться имения, ибо не уверен, что 300 или 500 рублей взнесу в банк. Такой убийственной для меня глупости я не сделаю, ибо это — петля на шею. Сделаю, если потребует «*Мусагет*».

Относительно слухов и сплетен о нашем с Вами разрыве: я бессилен; Вы говорите «*нет дыму без огня*». Конечно, это легко сказать: а вот когда эс-еры говорили, что я под Москвой на вилле устраиваю маскарады в костюме Адама, стало быть, тоже была тут правда? А мы жили и голодали с Эллисом в Москве. Нет, милый: предъявляя серьезные обвинения и подкрепляя их сплетнями, Вы точно ищете нарочно серьезного разрыва со мной. По крайней мере Ваш *Христос Воскресе* есть нападение на меня, совершенно меня ошеломившее, ибо ни *иоты* правды нет во всех Ваших упреках. Относительно слухов и сплетен о нашем с Вами разрыве: я столь же невинен в том, сколь Вы невинны в убийстве ксендцом Мацохом своего брата[22]. Эллис Вас, между прочим, обвиняет в этом убийстве: остается, следуя Вашему методу, думать, что деятельность Ваша вредно отражается в Царстве Польском. Ну, а если это так, то, вероятно, мозги неизвестных мне сплетников знают больше, нежели, например, знаю я. И вот последний этот упрек, упрек мне в том, что создаются какие-то сплетни о нас, мне либо смешон, либо оскорбителен. Но в обоих случаях прошу Вас мне об этом не писать. Да и далее: умоляю Вас не смущать моей тишины на *недели* и *месяцы* нервы расстраивающими химерами, ибо я за себя не ручаюсь: видя, что каждый мой поступок в *Мусагете* создает *легенду* и чрез *легенду* является поводом для Ваших нападок, я уйду из *Мусагета*, не вернусь в Москву,

ибо дружба и общее дело хороши не там, где они предлог для взаимного истязательства, а там, где они — животворный залог *действительного* общения, а не общения сквозь призму третьих и внешних лиц.

О П. И. д'Альгейме, успокойтесь: все Вами рассказанное столь же химерично. В угоду Вашей подозрительности не рвать же мне житейских отношений с людьми, близкими мне через жену[23]. И тут у меня одна просьба: у нас с Асей так уж сложился быт жизни, что мы читаем письма друг друга: я распечатываю попросту ее, она — мои. И вот случилось, что без меня, без всякой задней мысли Ася прочла Ваше письмо, в котором ее *дядя*[24], которого она горячо любит, назван *авантюристом*. Пощадите ее родственные чувства и впредь не пишите таких слов.

Ну вот кончил. Ася спрашивает меня, отчего я такой красный, а у меня мигрень и сильнейший прилив к голове. Дорогой друг, это всегда бывает последнее время при получении от Вас писем и при ответе на них. Так было все лето: Вы меня летом заставили пережить с десяток мигреней, и с ужасом я думаю, неужели опять это повторится теперь, и мое *бегство* из Москвы тщетно: что опять Москва за мной погналась сплетнями и неприятностями — «*Христос Воскресе*» — что ли: да не будет так. Я очень, очень прошу Вас, более: умоляю. Я не Эллис, и тяжелая атмосфера взаимных недоразумений так тяжело ложится на моем здоровье и работоспособности, что я сериозно прошу Вас, дорогой друг, лучше приберечь до встречи Ваши подозрения, жалобы, ибо: на расстоянии, в письмах все это принимает оттенок далеко, быть может, не тот, который Вы вкладываете. Если мы будем и впредь препираться: знайте — я в Москву не вернусь. Я лучше весь год просижу где-нибудь на Волыни *в тишине и не в обиде*, чем вернусь в место, где тебя ежечасно пригвождают то к кресту, то к позорному столбу[25].

Воистину Воскресе, дорогой, милый друг: слышите — *Воскресе* — и *воистину*!

Любящий Вас Б. Бугаев.

P. S. Адрес. Bruxelles. Place S-te Gudule. 25.

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 57. Датируется по почтовому штемпелю: Brussel. 22 IV 1912. Почтовый штемпель получения: Москва. 13. 4. 12. Фрагменты опубликованы: ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 397.

Отправлено адресату вместо п. 241; см. преамбулу к примечаниям, относящимся к этому письму.

[1] См. примеч. 1 к п. 241.

[2] 25–31 марта (7–13 апреля) 1912 г. Ср. сообщение в письме Белого к Блоку от 4 (17) апреля 1912 г.: «По приезде в Брюссель не писал, потому что никак не нашли себе помещения. Наконец, нашли и свалились с Асей в 40-градусном жару: у нас сделались сильнейшие бронхиты. И вот еще 8 беспомощных дней: только теперь выкарабкиваемся из болезни» (*Белый — Блок.* С. 447). О том же — в письме Белого к Н. П. Киселеву от 7 (20) апреля 1912 г.: «Тяжелую Святую Неделю провели мы с Асей: болезнь, почти сорок градусов жара 4 дня, полная беспомощность при отсутствии прислуги. Одно время я уже почти решил, чтоб нас перевезли в больницу <...> всего страннее, что у нас с Асей был всего только... грипп» (РГБ. Ф. 128).

[3] В апреле 1912 г. Белый работал над 4-й главой романа «Петербург».

[4] Книга Белого «Путевые заметки» (в первоначальной редакции) с рисунками А. Тургеневой была предложена «Мусагету» для публикации отдельным изданием.

[5] Имеется в виду статья Белого «О символизме», опубликованная в № 1 «Трудов и Дней».

[6] См. примеч. 10 к п. 241.

[7] См. примеч. 28 к п. 230. Имеются в виду заметки Брюсова из цикла «Miscellanea» с критическими суждениями о Ю. И. Айхенвальде («...откровенное требование, чтобы поэт был непременно невеждою, столь примечательно, что имя критика стоит сохранить: это — Ю. И. Айхенвальд») и Г. И. Чулкове в связи с его высказываниями о брюсовской «повести XVI века» «Огненный Ангел» (в которой выведены Фауст и Мефистофель в соответствии с их изображением в книге Иоганна Шписа 1557 г.): «Нашелся, однако, такой критик (Георгий Чулков), который стал упрекать Мефистофеля „Огненного Ангела“ в том, что речи его недостаточно умны, что Мефистофель Гёте — умнее. Неужели критик был не осведомлен, что Гёте писал „Фауста“ в конце XVIII и начале XIX века?» (*Брюсов Валерий.* Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. С. 389, 402). Сомнения относительно публикации заметок Брюсова возникали еще до отъезда Белого за границу (см. примеч. 9 к п. 241); 17 (30) января 1912 г. В. Ф. Ахрамович писал Метнеру: «Много сомнений вызывают в редакции два последних параграфа брюсовских *Miscellanea.* Дело в том, что прослышавший про выпад Брюсова Чулков заявил мне, что не медля пришлет письмо в редакцию, уличающее Брюсова в передержке. Завтра в „Эстетике“ Борис Николаевич хочет поговорить с Брюсовым по поводу полемического тона его фрагментов» (РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 16). 27 января (9 февраля) Ахрамович сообщал ему же:

«С Брюсовым решено поступить так — три инкриминируемых фрагмента помещены у него как раз в конце, и мы, по условиям размера нашего журнала, не включаем их в первый номер, откладывая на неопределенное время» (Там же). О тех же «афоризмах В. Брюсова, сравнительно невинных», писал Метнеру Вяч. Иванов 29 марта 1912 г.: «...Брюсов или сам откажется от своих полемических изречений, или видоизменит их форму так, что они, ничего не утрачивая из его диалектики, усовершенствуют свой éthos и *квалификаций* мысли и мыслительной способности, а также моральной личности противников содержать не будут» (Вопросы литературы. 1994. Вып. II. С. 333). В ответном письме от 3 апреля Метнер сообщал: «Свою квалификацию Чулкова и Айхенвальда Брюсов уже в прошлый мой визит наотрез отказался изменить и заметил, что лучше возьмет афоризмы назад» (Русская литература. 2015. № 2. С. 78. Приведено в комментариях Н. А. Богомолова и Дж. Малмстада). В результате «Miscellanea» в «Трудах и Днях» не появились (см. также: *Соболев А. Л.* К истории журнала «Труды и Дни»: реестр подписчиков // Russian Literature. 2015. LXXVII-IV. С. 673-674). В вынесении окончательного решения по этому вопросу не могла не сказаться личная неприязнь Белого по отношению к Брюсову, которого он считал причастным к отвержению рукописи его романа «Русской Мыслью». В частности, в цитированном выше письме к Вяч. Иванову Метнер отмечал: «Я нахожу тон Бугаева по адресу Брюсова резким, истеричным и с оттенком личной ненависти. И этого мнения держатся здесь, в Москве, решительно все: и враги, и друзья».

[8] В чем заключалось конкретное содержание «отказа», неясно. Участие З. Н. Гиппиус в «Трудах и Днях» представлялось «мусагетцам» возможным (см. п. 232, примеч. 23).

[9] Статья Вл. Пяста «Нечто о каноне» была опубликована в № 1 «Трудов и Дней» (С. 25-35).

[10] Касаясь формирования «Трудов и Дней» в письме к Белому от 25 января 1912 г., Блок отмечал: «...*Пяст*, по-моему, нужнейшее лицо в этом журн<але> <...> я хот<ел> бы, чтобы Т<ы> увиделся с П<ястом>. Через него Ты коснешься моего круга, что важно нам об<оим>» (*Белый — Блок.* С. 439). Вопреки высказанной оценке статьи «Нечто о каноне», Белый в письме к Блоку от 8 или 9 марта 1912 г. просил новую статью Пяста для «Трудов и Дней»: «...поговори с Пястом, уговори его за лето приготовить нам статью <...> через Тебя Пяст *входит к нам*: он — наш; и потому-то, если он напишет, то мы его печатаем осенью. Передай и мою горячую просьбу, чтобы он *написал*» (Там же. С. 443).

[11] Имеется в виду стиховедческая статья Н. В. Недоброво «Ритм, метр и их взаимоотношение» (Труды и Дни. 1912. № 2. С. 14-23; переиздана в кн.: *Орлова Е. И.* Литературная судьба Н. В. Недоброво. Томск; М., 2004. С. 286-287). В том же номере «Трудов и Дней» была помещена информационная статья Недоброво «Общество ревнителей художественного слова в Петербурге» (С. 23-27). Статья Недоброво «О метре и ритме» значится

в проекте содержания 2-го номера «Трудов и Дней», сообщаемом Белым в письме к Блоку от 8 или 9 марта 1912 г. (*Белый — Блок.* С. 443).

[12] Белый жил в Петербурге у Вяч. Иванова с 21 января до конца февраля 1912 г.

[13] См. примеч. 7 к п. 239.

[14] См. примеч. 2 к п. 241. А. М. Кожебаткин в это время уже официально не исполнял секретарских обязанностей в «Мусагете».

[15] Видимо, подразумеваются хлопоты с оформлением заграничного паспорта.

[16] См. примеч. 5 к п. 241.

[17] Подразумеваются планировавшиеся в «Мусагете» второе издание «Серебряного голубя» и издание нового романа Белого. Письмо Метнера, затрагивающее эту тему, нам неизвестно.

[18] См. примеч. 1 к п. 240.

[19] См. примеч. 3 к п. 241.

[20] См. примеч. 6 к п. 199. А. М. Поццо был помощником присяжного поверенного. Упоминаются помощник присяжного поверенного Амазасп Карпович Адамов, присяжные поверенные Владимир Михайлович Балмашев, а также либо Георгий Михайлович Тарасов, либо Иван Иванович Тарасов.

[21] Ранее Белый склонялся к противоположному решению; 8 или 9 марта 1912 г. он писал Блоку: «...я поручаю здесь заложить имение: которое закладываю за 7 тысяч (Недоброво навел соответств<ующие> справки, указал учреждения, и к осени я получаю залог в 7 тысяч: это — точно). Тогда — расплачиваюсь с *Мусагетом* (3 тысячи), с Тобой и спокойно продаю имение <...>» (*Белый — Блок.* С. 445).

[22] Имеется в виду уголовное дело по обвинению Дамазия Мацоха, бывшего иеромонаха Ченстоховского монастыря, в убийстве своего двоюродного брата Вацлава (в октябре 1909 г.) и хищении денег из монастырской казны и драгоценностей из убранства чудотворной иконы Божией Матери Ченстоховской. 14 (27) февраля 1912 г. Мацох был осужден на 12 лет каторги.

[23] Упоминая о сестрах Тургеневых, Белый сообщает: «Оленина-д'Альгейм была их тетка» (*МДР.* С. 324). В действительности их родство не было столь близким: мать М. А. Олениной-д'Альгейм Варвара Александровна Оленина (урожд. Бакунина; 1838–1894), вышедшая замуж в 1862 г. за Алексея Петровича Оленина, была родной сестрой Николая Александровича Бакунина (1828–1893), отца Софьи Николаевны Бакуниной (в первом браке Тургеневой, во втором — Кампиони; 1868–?) и деда ее дочерей сестер Тургеневых.

[24] Подразумевается П. И. д'Альгейм.

[25] В дополнение к этим увещеваниям Белый заметил в письме к Н. П. Киселеву от 7 (20) апреля 1912 г., говоря о Метнере: «...милый, намекните

ему, что только моя сдержанность заставила меня ему ответить *корректно*. И чтобы он осторожнее писал впредь. И так уже после критики моего поведения с журналом *я отказываюсь принимать какое-либо активное отношение* к журналу. Собирать статьи, думать и потом выслушивать укоризны. Кроме того: во мне крепнет после таких писем, как последнее письмо Метнера, — у меня крепнет намерение вовсе не вернуться в Москву, не прикладывать моих рук к Мусагету, дабы не быть объектом нареканий, сетований, сплетен, химер...» (Арабески Андрея Белого. С. 53).

243. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

11 (24) апреля 1912 г. Брюссель

Дорогой друг!

Пишу Вам под впечатлением «*Тристана*»[1], которого вчера слышал в первый раз (здесь вагнеровские празднества, немецкие артисты — частью из Байрета[2]).

После 5-часового внимания: мы были совершенно раздавлены, потрясены гениальностью целого, но... хотелось ругаться. Тут нечто все время переходит границы искусства. Относительно Тристана вот что хочется сказать: той эссенции, которая дает жизнь опере, другому бы композитору хватило на 10 опер. Из одного «*Тристана*» мог бы вырасти сильный композитор. Вагнер *до безобразия* сгустил здесь гениальность мелодии. И впервые ставит себе вопрос: не безобразен ли гений, если он показывает свой лик, не вуалируясь простою талантливостью. Первый акт «*Тристана*» уже целая опера в пяти актах. И когда упал занавес после первого акта, я себе говорил: «Что же будет дальше? Тут прошла драма».

Второй акт, особенно первые две трети его (до прихода короля) — *океаны чувственности*: дышать невозможно от здоровеннейшей и вместе утонченной чувственности; признаюсь — временами становится неприятно.

Третий акт: тут вспомнились слова Ницше, которые я впервые лишь понял; смысл их: «Если бы фабула и аполлинический элемент не занавешивал дионисических метаний 3-го акта, то сердце слушателя должно бы разорваться»[3]. И да: часовое томление Тристана, потом часовое томление Изольды — черт возьми: что делает Вагнер с пигмеями слушателями?

Теперь целое — целое «*Тристана*» чудовищно: атомы ж музыкального тела его — сплошь гениальны. Целое — пирамида; частности — утонченный орнамент, покрывающий пирамиду: орнамент, который надо рассматривать в лупу. Что скажете о Хеопсовой пирамиде, миллионы массивов которой покрыты орнаментом, который должно рассматривать в лупу? Если цель — в утонченности орнаментальных мотивов, то за глаза достаточно и одного массива: если цель — в громадности целого, то при созерцании пирамиды *орнамент не нужен*. Вопрос: титан Вагнер, восставший из глубины земных недр, или рафинированнейший из рафинированнейших конца века? Ницше решил по-*второму*, но это решение — решение узкое, ибо скорое и легкое. Решение, чтоб поскорей отделаться от загадки. Но и решение первое (Вагнер — древний титан) — успокоительное облегчение: в нем тоже может притаиться подвох. Кто же Вагнер в «Тристане»? Ответьте.

После вчерашнего представления «*Тристан*» стоит предо мной — как чудовищность гениальности, как *чудовищность избытка* (будь он беднее, как музыка, он бы не был уродлив). Что такое «Тристан»? Искренне любящий Вас

Б. Бугаев.

P. S. Всем Вашим привет.

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 58. Датируется по почтовому штемпелю отправления на конверте: Brussel. 24. 4. 1912.

[1] «Тристан и Изольда» (1865) — опера Рихарда Вагнера в трех действиях; либретто написано самим композитором на основе легенды о Тристане и Изольде, представленной в литературных памятниках XIII в.

[2] Байрёйт — город в Баварии, в котором на средства, собранные почитателями Вагнера, был в 1872 г. воздвигнут театр, специально предназначенный для постановок его опер.

[3] Видимо, Белый имеет в виду рассуждение о «Тристане и Изольде» в гл. 21 «Рождения трагедии из духа музыки» Ницше: «К <...> подлинным знатокам музыки обращаю я вопрос: могут ли они представить себе человека, который был бы способен воспринять третий акт „Тристана и Изольды“ без всякого пособия слова и образа, в чистом виде, как огромную симфоническую композицию, и не задохнуться от судорожного напряжения всех крыльев души? <...> Здесь, в сущности, между нашим высшим музыкальным возбуждением и упомянутой музыкой продвигается трагический миф и трагический герой, лишь как символ наиболее универсальных фактов, о которых непосредственно может говорить только музыка. Но в качестве

такого символа миф — если бы мы ощущали как чисто дионисические существа — остался бы совершенно в стороне от нас. <...> Однако тут-то и пробивается вперед *аполлоническая* сила, направленная на восстановление уже почти расколотого индивида, с целебным бальзамом упоительного обмана <...>» (*Ницше.* Т. 1. С. 141–142. Пер. Г. А. Рачинского).

244. БЕЛЫЙ И А. ТУРГЕНЕВА — МЕТНЕРУ

17 (30) апреля 1912 г. Брюссель

Дорогой Эмилий Карлович!

Происходит что-то уму непостижимое: я послал за эти 15 дней до 40 писем, и ни от кого ответа на них не получал. Между прочим, послал Вам два письма; последнее уже дней 10 тому назад, а первое дней 12 (ответ на Ваше)[1]. От Ахрамовича уже очень давно *ни строчки*. Так что я *устал* писать, и последние дни никому не писал: виною ли тут русская почта, бельгийская — не знаю: но впечатление, что будто находишься в Африке.

Относительно «*Путевых Заметок*» я не подозревал стоимости корректур: пересылать мне материал не стоит, ибо книга закончена. Относительно первого отдела — «*Сицилии*»: этот именно отдел был написан с недостаточной обработкой, ибо писался в газеты. Я его обработал. *Тунисия* ж и *Египет* проработаны, и корректурная правка там будет ничтожна[2].

Что касается отчета[3], то при присылке его я ждал указания о сроке высылки. Относительно отчета, то пришлю замечания о нем. Пока же — кроме других чудовищностей — вот чудовищность: это розданные экземпляры. В рубрике стоит: роздано «*Символизм*» 247 экземпляров[4]. Я должен сказать, что максимум розданных автором за все время — 60 экземпляров. Максимум разосланных по редакциям ну 75; итого *60 + 75* = 135; ну, скажем, брали еще (мусагетцы), так что считаю 150. Куда же девались *100* экземпляров? Для ме<ня> это таинственно. Таинственно для меня и с «*Арабесками*»[5]. «Арабески» вышли, когда я был в Африке. Я получил 1 истрепанный экземпляр. По возвращению я не *рассылал никому* «Арабесок». Как автор имел в течение всей зимы *экземпляров 6*, не более (из полагающихся мне, как автору, 20–30 экз<емпляров>). Об «*Арабесках*» не было ни единой рецензии[6]. Сомневаюсь, чтобы

книга была разослана вряд ли в большом кол<ичестве> экземпляров. Откуда же чудовищная цифра в 190 розданных бесплатно книг? Этот пункт отчета меня совершенно сбил с толку. Как автор *я* имею право на «*Арабески*» еще на 15 (минимум экземпляров), ибо *повторяю*: авторских экземпляров не имел и всего раз 6 давал книгу с надписью. Откуда же чудовищная сумма? «*Трагедию Творчества*» имел 10 экземпляров, не более: откуда же 112?[7] Этот пункт меня бесит. Тут что-то не так. Ася просила Кожебаткина Наташе и Софье Николаевне[8] высылать мои книги (по 1 экземпляру): это, конечно, не было сделано. Ася не *получала* ни одной книги *с ее обложкой*[9]. Видите — авторы не так уж широко обращаются с книгой. А цифры бесплатно розданных книг чудовищны.

<Рукой А. А. Тургеневой:>

Милый Эмилий Карлович, о закладе пишу я[10], потому что я наводила все справки и Боря может спутать. Вот что мне сказал двоюродный брат Поццо, знающий в этих делах. — Если заложить за 7 тысяч, то, кроме 3 т<ысяч> Мусагету, надо на поездку и плату поверенному — снятие нового плана — (старые не годятся) и ведение дела около 2 тысяч. Кроме того 500 р. в год процент — иначе имение пролетает. 500 р. наготове иметь Боре не так-то легко. Это значит поставить крест на имении.

Но раз пришла крайность — снеситесь с Поццо, у него все бумаги. Желательно заложить на сумму долга плюс все расходы и немного денег на расплату с первыми процентами. Нам говорили про какого-то Преображенского или Богоявленского[11] — друга Соколова — Поццо знает, который занимается этими делами, и брат нотариуса — что очень удобно. Впрочем, выбрать поверенного лучше вам с Поццо.

Пишите, что Боре делать с своей стороны и кому давать доверенность.

Всего хорошего.

Ася Тургенева.

Привет вашим.

<Рукой Белого:>

Ася прервала мое письмо и непременно хотела сама Вам писать по этому пункту. Вы вообще совершенно несправедливо подозреваете меня в бездеятельности всю эту зиму. Но пока бумаги

не вернулись в Москву, ничего решительного предпринять нельзя было: возвращение же бумаг зависело: 1) от местного, кавказского учреждения, 2) от Кистяковского и Адамова (его помощника). Всю зиму не мог добиться бумаг. *Моя вина в том, стало быть*, что я лично не поехал на Кавказ в то учреждение, из которого упорно не высылали бумаги, или что я *насильственно* не принудил Кистяковского действовать поспешнее. Насильственно принуждать человека, говорящего с Вами сверху вниз, значит чуть ли не возбуждать против него дело. Стало быть, ничего иного, как ждать, мне не оставалось. И я не понимаю Ваших упреков в предыдущем Вашем письме, на которое, кстати сказать, я ответил уже дней 12 тотчас по получению, послал заказным (расписка у меня имеется).

Что касается «*Тао-Те-Кинг*», я эту вещь чуть ли не с отрочества любил, впоследствии читал и перечитывал[12]. Издать брошюрою, конечно, ее хорошо[13]. Есть тут у меня один пункт: ...да, нет, конечно, издать, по-моему, можно. О Конисси: причем тут Конисси? Конисси мне *очень не понравился* в летучей встрече с ним в Иерусалиме в прошлом году. Но Конисси и *Лао-Дзы*, конечно, не имеют ничего общего.

Спешу тотчас же отправить Вам это письмо (за час перед тем получил Ваше); сегодня 17 апреля (по русскому стилю). Интересно, когда Вы получите письмо. Между прочим я писал: 1) Вам 2 раза, 2) Киселеву[14], 3) Петровскому, 4) 3 раза Ахрамовичу, 4) Бердяеву[15], 5) Степпуну, 6) Блоку[16], 7) матери Блока[17], 8) Рачинскому, 9) Сизову, 10) Маргарите Кирилловне[18] и мн<огим> другим.

Получил лишь письмо от Сизова, да 2 от Вас. Все прочие — ни звука.

Остаюсь искренне преданный Вам

Борис Бугаев.

Привет Вашим.

Не знаю ничего о 2-ом номере журнала[19], о присланных статьях, о корректурах «*Пут<евых> Заметок*», о том, прислал ли Брюсов «Египет»[20]. Передайте все это Ахрамовичу, и, если Вам нет времени, то пусть он напишет.

Скоро напишу Вам о том, как живу, что делаю. Буду много писать о Некрасове[21].

В предстоящем собрании мой голос вместе с Вашим: секретарем да будет Ахрамович, если вообще нужен секретарь[22]. История с Кожебаткиным, его интриги, сплетни, и главное, Ваши постоянные беспокойства о моей де дружбе с ним, — все это сделало то, что при имени Кожебаткина начинаю злиться. Ну его, к черту!

P. S. «Путевые Заметки» могут печататься, ибо все, следующее за Сицилией, не нуждается в правке стиля, а лишь в ретуши.

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 59. Датируется по почтовому штемпелю отправления на конверте: Brussel. 30. 4. 1912.

[1] Имеются в виду п. 243 и 242.

[2] См. примеч. 4 к п. 242. О корректурных гранках «Путевых заметок» Белого с густой авторской правкой, оказавшихся за пределами государственных архивохранилищ, сообщает Н. В. Котрелев в предисловии («Злосчастная судьба счастливой книги. К истории путевых заметок Андрея Белого») к публикации «Африканского дневника» Белого (Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. I. М., 1991. С. 329–330).

[3] Видимо, финансово-деловой отчет о распространении и продаже изданных «Мусагетом» в 1910–1911 гг. книг Белого «Символизм», «Арабески» и «Трагедия творчества. Достоевский и Толстой».

[4] Книга была издана тиражом 1000 экземпляров.

[5] Тираж книги «Арабески» — 1000 экземпляров.

[6] В библиографии Андрея Белого, составленной Н. Г. Захаренко и В. В. Серебряковой с использованием разысканий К. Н. Бугаевой и Д. М. Пинеса, зафиксировано семь рецензий и информационных сообщений об «Арабесках» (Русские советские писатели. Поэты. Биобиблиографический указатель. Т. 3. Ч. 1. М., 1979. С. 181).

[7] Тираж «Трагедии творчества» — 1000 экземпляров.

[8] Н. А. Тургенева и С. Н. Кампиони.

[9] Имеются в виду «мусагетские» издания, вышедшие в 1911 г. в оформлении А. Тургеневой, — «Stigmata» Эллиса и альманах «Антология».

[10] Речь идет о закладе кавказского участка земли (см. примеч. 6 к п. 199).

[11] Либо Владимир Петрович Преображенский, либо Николай Иванович Преображенский.

[12] Рассказывая в мемуарах о своих юношеских философских увлечениях, Белый упоминает о ряде произведений, публиковавшихся тогда в «Вопросах Философии и Психологии», в том числе о переводах «из книг „Тао-Те-Кинг“ Лао-Дзы» (*Андрей Белый*. Собр. соч.: На рубеже двух столетий.

М., 2015. С. 272). Имеется в виду публикация: «Тао-те-кинг» Лаоси / Пер. с кит. Д. П. Конисси // Вопросы Философии и Психологии. 1894. Кн. 23 (3). С. 380–408. Это — наиболее значительный трактат по философии даосизма — «Дао дэ цзин» (*кит.* «Книга о дао-пути и благой силе — дэ»; IV–III вв. до н. э.), приписываемый легендарному основоположнику даосизма Лао-цзы. См.: Древнекитайская философия. М., 1972. Т. 1. С. 114–138.

[13] Книга вышла в свет в июле 1913 г. без обозначения издательства «Мусагет»: *Лао-Си*. Тао-Те-Кинг, или Писание о нравственности / Под ред. Л. Н. Толстого, пер. с китайского профессора университета в Киото Д. П. Конисси, примечаниями снабдил С. Н. Дурылин. М.: Тип. Т/Д «Печатное дело», 1913 (на с. 4 обложки указание: «Склад издания в книгоиздательстве „Мусагет“ <...>»). Предполагалось ее издание в «мусагетской» серии «Орфей», но, согласно сообщению в одном из недатированных (первая половина 1912 г.) писем В. Ф. Ахрамовича к Метнеру, «воспротивился помещению „китайской мудрости“» в этой серии А. С. Петровский (РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 16). Историю издания книги изложил в своих мемуарных записках С. Н. Дурылин (см.: *Дурылин Сергей*. В своем углу. М., 2006. С. 461–466), который сообщил, однако, что основным противником ее издания выступил Белый, и передал слова В. Ф. Ахрамовича: «Вы знаете Бориса Николаевича!.. У него ужас перед китайцами. Он чуть не падает в обморок, когда их увидит. И во сне ему часто грезятся китайцы. Тут у него от Вл. Соловьева что-то» (Там же. С. 464–465).

[14] Подразумевается письмо от 7 (20) апреля 1912 г. (РГБ. Ф. 128).

[15] Это неизвестное нам письмо Н. А. Бердяев упоминает в письме к Белому от 16 (29) мая 1912 г. (De visu. 1993. № 2 (3). С. 18. Публ. А. Г. Бойчука).

[16] См. письмо от 4 (17) апреля 1912 г. (*Белый — Блок*. С. 447–448).

[17] См. письмо Белого к А. А. Кублицкой-Пиоттух от 2 (15) апреля 1912 г. (Там же. С. 572–573).

[18] См. письмо к М. К. Морозовой от 3 (16) апреля 1912 г. (*«Ваш рыцарь»*. С. 183–184).

[19] № 2 «Трудов и Дней» (март — апрель 1912 г.) в это время готовился к печати.

[20] Речь идет о передаче рукописи путевых очерков Белого «Египет», представленной Брюсову для публикации в «Русской Мысли», Е. А. Ляцкому в петербургский журнал «Современник» (см. примеч. 32 к п. 232). Еще до отъезда за границу, в марте 1912 г., Белый писал Ляцкому из Москвы: «...я написал о Египте этюд, довольно большой, очень просто написанный и стилистически отделанный; в нем 100 ремингтонных страниц. Струве и Брюсов его напечатали бы в течение 1912 года, но только к концу, ибо, как они говорят, они перегружены географией. <...> Брюсову этюд мой очень нравится, и он бы напечатал сейчас, но Струве стоит за то, чтоб напечатать после. Если „*Современник*“ может напечатать вскорости мой этюд или по крайней мере дать рублей 200 аванса за него (ужасно нужны

сейчас деньги), я бы его прислал <…>» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. С. 222). В мае 1912 г. Белый писал Ляцкому из Брюсселя: «От Ахрамовича (из „Мусагета") я знаю, что, кажется, принят „*Египет*" и что он идет в майской книжке» (Там же. С. 225).

21 Видимо, Белый собирался детально рассказать об условиях и обстоятельствах договора, заключенного с К. Ф. Некрасовым (см. примеч. 3 к п. 241).

22 Имеется в виду собрание сотрудников «Мусагета», на котором в должности секретаря издательства предполагалось утвердить В. Ф. Ахрамовича взамен А. М. Кожебаткина.

245. БЕЛЫЙ — Н. П. КИСЕЛЕВУ, Э. К. МЕТНЕРУ, А. С. ПЕТРОВСКОМУ, М. И. СИЗОВУ

Не позднее 23 апреля (6 мая) 1912 г. Брюссель

Друзья мои,
Николай Петрович, Эмилий Карлович, Алексей Сергеевич и Михаил Иванович!

Считаю письмо это, обращенное к Вам коллективно, наиболее удобным и кратким ответом на коллективное обвинение меня в неверности «*Мусагету*» и данному слову. Недели три тому назад я получил письмо от Э. К. Метнера, полное обвинений разнообразного порядка[1]; мне ставилось в вину небрежное редактирование «Трудов и Дней», ставилось в вину мое примирение с Кожебаткиным, ставилась в вину продажа романа Некрасову[2], ставилось в вину халатное отношение к продаже кавк<азского> имения[3], ставилось в вину мое охлаждение к *Мусагету*, ставилась в вину моя будто бы измена Мусагету и сближение с Домом Песни[4], ставились, наконец, на вид распускаемые Брюсовым сплетни о моей будто бы ссоре с Э. К. Метнером. Ставились в вину разнообразные и друг с другом не связанные погрешности. Письмо меня удивило тем более, что накануне отъезда и в день отъезда мы встретились с Э. К. Метнером как друзья[5], и я уехал за границу с самым пламенным стремлением работать в «*Трудах и Днях*», уехал с самым пламенным чувством к *Мусагету*, ко всем Вам, друзья мои, в частности к Э. К. Метнеру.

Признаюсь, письмо Э. К. Метнера меня ошеломило: впечатление от него было таково — вот человек *во что бы то*

ни стало добивается моего охлаждения к нему, к *Мусагету*, «*Трудам и Дням*»: вообще к общему делу, и для этого он передает мне сплетни, которым верит: сплетни эти: мое охлаждение к *Мусагету*, небрежность к *Трудам и Дням, ссора с ним*. Т. е. лучшие мои чувства к общему делу были *несправедливо заподозрены*; *несправедливо я был облит ушатом вонючих сплетен*; человеческое мое достоинство оскорблено. Подозрениями об моем холодном отношении к общему делу добились лишь естественного моего охлаждения. Ибо *общее дело не* совместимо со сплетнями.

Эмилию Карловичу ответил я обстоятельно[6], но из письма Н. П. Киселева узнал, что Э. К. письма моего *не получал* и, стало быть, мой ответ на все пункты письма надо писать вторично, т. е. вторично бросить *два рабочих* дня для того, чтобы с головой уйти в слякотное перечисление мелочных фактов и мелочных опровержений. Отвечать вторично я отказываюсь: неисправность почты не от меня зависит. Ася свидетельница, что письмо я послал (содержание оного ей прочел), и у меня имеется расписка от почты (письмо отправлено заказным).

Беспокоясь о мотивах, побудивших Э. К. Метнера резко меня обвинять, я спросил Н. П. Киселева, в чем дело[7]. Н. П. Киселев прислал мне письмо, полное дружеских чувств, за которое я ему глубоко благодарен[8]. Но в этом письме и он *вменяет* мне два обвинения: (a) продажу романа Некрасову, (b) мой крутой поворот к Кожебаткину, который, по словам Н. П. Киселева, утверждает, что будто я был *у него и у него ему говорил следующее*: «*Двум людям, недовольным „Мусагетом“, незачем быть в ссоре между собою*».

В пропавшем письме Э. К. Метнеру я с достаточной резкостью сказал, что ничего подобного не было.

Но услышав эту *ложь* во второй раз от Н. П. Киселева, я вынужден по этому поводу сказать Вам несколько принципиальных слов.

Предварительно скажу о романе и Кожебаткине.

I Кожебаткин. Ввиду моего холодного отношения к нему с момента отъезда в 1910 *году*[9] до нынешнего времени, я в бытность мою в Москве в 1911–12 году никаких разговоров с ним не имел, да и вообще, кроме «*Мусагета*», почти нигде с ним не встречался; я позволил себе в течение 1912 и 11 года несколько резкостей по адресу Кожебаткина, вследствие чего, *кроме*

недовольства им как секретарем, между нами была явная неприязнь. Я обижался на него за его халатное отношение к письмам, он — за несколько резкостей по его адресу. Эта *ссора* личного характера *никакого* касания не имеет к делам редакции. Мой отъезд из Москвы[10] (вследствие того, что билеты были разобраны и после 16-го марта не было возможности выбраться из Москвы) — был неожиданно поспешен для меня. А за несколько дней перед тем Кожебаткин уехал в Петербург; я дал ему несколько писем, поручений по делам «*Трудов и Дней*» к Блоку, Вячеславу, Недоброво[11]; кроме того, у меня было дело к Евгению Ляцкому[12]; наконец, он должен был привезти с собой несколько статей. Зная, что он возвращается утром 14-го марта (или 13<-го> или 12<-го>, не помню), будучи около (в канцелярии губернатора) и имея дело к Ахрамовичу, я зашел и к Кожебаткину *единственно*, чтобы получить статьи и узнать о петербургских сотрудниках и Евг. Ляцком, ибо время у меня все было разобрано предотъездными хлопотами, и я мог просто не встретиться с Кожебаткиным; дома его не застал, ибо он *не вернулся из Петербурга*, но жена его Ж<анна> Е<вгеньевна> упросила меня посидеть; я посидел с женой Кожебаткина из любезности минут пять (мы с Асей были нелюбезны с Кожебаткиными, не ответили на визит и т. д.): жена Кожебаткина говорила, что печально, что между мной и ее мужем какие-то неприятности; и я сказал, что лично я эти неприятности позабыл (действительно: лично я просто перестал на него сердиться — но какое до этого дело «*Мусагету*», раз я против Кожебаткина как секретаря?). Помню, что я сказал, что, вероятно, мы уже с Кожебаткиным не увидимся, и что у меня, кроме желания узнать *новости из Петербурга*, есть к нему дело о «*Путевых Заметках*». Жена Кожебаткина сказала: «Шура приедет завтра утром и днем будет у Вас». Я же сказал, что завтрашний день я весь в бегах. Тогда я вспомнил, что у меня на другой день первое и последнее свидание с Некрасовым, который остановился рядом с Тверской. Я и сказал, что проездом на Тверскую я на минуту заеду к Кожебаткину поговорить о делах. Что и сделал, но Кожебаткин еще *не вернулся, так что я не говорил с ним у него на дому.*

На другой день, случайно встретившись с вернувшимся К<ожебаткины>м в «*Мусагете*», я имел 5-минутную беседу,

состоявшую из следующего: Кожебаткин утрированно-дружественно и с чарующей улыбкой на лице мне сказал, что он рад, что старые недоразумения кончены, и что мы прощаемся в мире. Я не противоречил и *даже сказал*, что *давно* хотел ликвидировать все наши личные недовольства друг другом, как основанные *на не стоящих внимания мелочах*; может быть, у меня были *очень добрые* ноты, но мной руководило лишь хорошее чувство, ибо я как бы прощался с ним, зная, что к возвращению моему в Москву уже его не будет в *Мусагете*, ибо голос мой, заявляю всем Вам, ***против него, как секретаря***. Прошу заявлением этим пользоваться в возможных *заседаниях с голосованьем*.

Вот и все о пресловутой дружбе моей с Кожебаткиным. Все прочее есть вздор и сплетни. То обстоятельство, что ⊕[13] *друзья и братья верят сплетням, а не моему заявлению в верности*, показывает, что *бóлее чем мусагетская* связь между нами существует на словах, не на деле: *братья* верят сплетням; *брату* остается, как не пользующемуся доверием и оскорбленному, сказать: *я выхожу из коллектива, сохраняя хорошие и добрые чувства к каждому, но сохраняя свободу действий. Пока из Москвы поступают лишь сплетни и подозрения, я заявляю Вам, друзья мои, — связи в Главном у меня с вами нет. И не удивитесь, если я за свой страх и ответственность ищу правды: в церкви ли, в Штейнере ли, в теософии — это Вас не касается. Вы мне не верите — я ухожу из нашего коллектива.* ⊕

---

2) О романе. Н. П. Киселев указывает на то, что я дал формальное обещание 1) Метнеру, 2) Иванову роман сохранить до 1913 года[14]. Вам, друзья мои, я должен напомнить об обстоятельствах дела с романом.

С осени 1911 года во всех разговорах с Струве и Брюсовым главным пунктом моих требований к «Русс<кой> Мысли» было получение единовременной тысячи рублей в момент представления рукописи. И я знал, что делал: я знал, что во второй половине года нам с женой необходимо быть в Брюсселе, необходимо мне и ей платье и прочее, т. е. необходимы сверх-обычные траты на несколько сот рублей (перечислять *статьи* этих трат считаю невозможным); далее: я рассчитывал, помимо *1000 «Русс<кой>*

Мысли», зарабатывать хоть что-либо, рассчитывал, что из той же «*Р<усской> М<ысли>*» буду получать за «*Египет*», рассчитывал, что «*Путевые Заметки*» уже будут напечатаны, рассчитывал пристроиться попрочнее в «*Речи*». Повторяю: план нашей жизни был *строго рассчитан.* И расчет этот был построен по необходимому нам *minimum*'у. Только таким образом необходимость мне *спокойно* работать со *спокойным* отдыхом обеспечивалась, как обеспечивалось *спокойствие* работы моей жены, в будущность этой работы я всегда верил и после слышанных мной от Данса (ее учителя) слов *верю, как никогда.*

Только поэтому я взял на себя непосильное и изнуряющее бремя: в 3 месяца я написал столько, что в Петербурге *все писатели* удивлялись, как мог я столько сделать. И вот к январю, к началу моего инцидента с «Р<усской> М<ыслью>», я был совершенно болен. Провал многих надежд устроиться материально выносила лишь надежда на получение *1000* рублей. С обманом «*Русской Мысли*» падало все: моя работа, работа жены, отдых и т. д. Только нежной поддержке со стороны В. И. Иванова обязан я, что перенес спокойно эти дни в Петербурге. От Эмилия Карловича Метнера получил я письмо из-за границы следующего содержания[15]: если не устроится с «*Русс<кой> Мыслью*», то «*Мусагет*» предложит мне a) переиздать *Голубя*[16], b) издать роман «*Петербург*», c) перевести оный на немецкий язык и издать в Германии[17], что за все это я получу столько же, сколько обещала мне «*Русская Мысль*». Я ответил с глубокою благодарностью. Но в письме Э. К. Метнера *тогда же* стояли слова: «*Если сумеете устроить роман, устраивайте*».

Далее: насколько я понимаю список издаваемых нами книг, издание *романов* все же отклонение, *по-моему*, от нашей программы, ибо я предпочел бы «*Голубю*» *в* «*Мусагете*» *второй том Беме*[18]. Так понимал я, и, пользуясь 1) carte blanche*, 2) невозможными экономическими условиями, я завел переговоры с Евг. Ляцким, Союзом писателей, с «*Шиповником*».

Вот каково было мое поведение в первые дни после обмана «*Русской Мысли*».

---

* Свободой действий (*фр.*).

Одновременно с этим 1) я получаю письмо из Москвы, что М. К. Морозова хочет мне помочь, и что «*Путь*», может быть, даст мне *1000*; я, конечно, очень сконфузился, но после сообразил, что «*Пути*» я могу предложить монографию[19]; но уже тогда я думал, что речь идет о единовременной *1000*, ибо только в единовременном получении у меня была гарантия устроиться, т. е., думал я, мне «*Путь*» поможет на *основании договора* с «*Русской Мыслью*», где главным пунктом обсуждения была *единовременность* получения.

Одновременно В. И. Иванов звонится к Аничкову и говорит ему, что журнал, который Аничков ему предлагал в 1910–11 году, необходим, что роман мой — *Standpunkt** журнала, и что мне *сейчас же* нужна *1000*. Аничков ответил, что поговорит с издателем, что журнал вероятен, но не сейчас, а сейчас он лично бы дал мне *тысячу*, чтоб задержать роман, но что у него свободных денег нет.

Я тогда задерживаю срок разговора с «*Шиповником*». И мы с Вячеславом ждем Аничкова.

Восьмичасовой разговор с Аничковым, Ивановым и мной привел к следующему: образуется журнал, члены редакции коего Аничков, Метнер, Иванов, я и Блок, что издателя надо сперва заинтересовать, и 2–3 книжки журнала нужно выпустить собственными силами, что Петербург мог бы собрать паями тысяч *8*, и что тысяч *8* должна была бы собрать Москва, ибо для 4<-х> хорошо поставленных книжек толстого журнала нужно 16 тысяч.

Достанет ли Москва 8 тысяч — вот вопрос, который мне ставят Аничков и Вячеслав; я отвечаю, это зависит от многих причин: сольются ли «Труды и Дни» (пай 2 тысячи) с журналом, захотят ли некоторые лица (называю имена) вложить недостающие 3 пая, и говорю, что Э. К. Метнер ответит на это с бóльшим основанием. Собрание решает: без разговора с Э. К. Метнером все приостанавливается. Я спрашиваю, как же мне быть, ибо завтра мне *нужны* деньги (несколько сот), ждать я не могу. Отвечают: не давайте *решительного* согласия до разговора с Э. К. Метнером. По поводу «*Тр<удов> и Дней*» и журнала телеграммой вызываем Э. К. Метнера[20].

Сущность разговора (Метнер, Иванов, я) — такова: Э. К. Метнер не обещает определенно, что Москва даст нужные деньги

* Позиция (*нем.*).

для возникновения журнала, но что он попытается зондировать почву; окончательный ответ он даст потом. Тогда В. И. Иванов (который знал степень необходимости для меня иметь деньги) по личному почину предлагает Э. К. вопрос: «Что делать Андрею Белому с его романом? А. Белый обещается сохранить роман для журнала, но А. Белому необходимы деньги. Может ли Э. К. Метнер, как Редактор *Мусагета*, гарантировать Белому возможность ждать?» Э. К. Метнер обещает, а в личной беседе со мной говорит о месячном жалованье. Я, не навязываясь *Мусагету*, с глубокой благодарностью принимаю предложение Э. К. Метнера, полагая, что месячное жалованье + *1000 «Пути»*, которую понимаю как единовременный аванс, *вполне* меня обеспечивает. И даю формальное обещание *ждать «Петербургского Вестника»*, ибо я столь же заинтересован в появлении моего романа в *этом журнале, как и В. И. Иванов, как равноправный сочлен редакции оного: хранить роман для журнала представляет для меня одинаковый интерес*, как и для Иванова, даже бóльший, ибо В. И. Иванов есть лишь доброжелатель романа, а я — его автор и одновременно член Редакции.

На основании этого соглашения я *рву* переговоры с тремя издательствами[21], т. е. лишаюсь возможности немедленно пристроить роман (ибо обещаемая поддержка в то время для меня еще журавль в небе, а денег в кармане уже нет: и *синица* в руки необходима).

Так мы и порешили: я не без страха думаю о судьбе нашей поездки, которой срок уже прошел. С этими чувствами приезжаю в Москву: встречаюсь с Рачинским; Рачинский, *первый* сообщивший мне о желании «*Пути*» (еще когда Э. К. Метнер был за границей), со мною об этом *ни слова*: и я не знаю, как мне быть: словам письма я доверился, а теперь подтверждений этих слов нет; мне же первому заговорить неловко. Наконец перемогаю себя, заговариваю: Г. А. Рачинский держит передо мной многочасовую речь о том, что «*Путь*» не располагает суммами, что «*Путь*» желает мне помочь (Боже мой, до чего я чувствую благодарность «*Пути*», но... *суть-то вся* заключалась для меня *в единовременной тысяче*) и в течение 6 месяцев выплачивает мне 1000 рублей, т. е. по 150 рублей в месяц. Я очень поблагодарил и, конечно, *из благодарности к «Пути» и весьма понятному чувству деликатности* не стал спорить: но я бы мог сказать вот что: «Милые мои

друзья! Я очень ценю Вас и глубоко Вам предан, но... я должен существовать: существовать литературой в Москве мне нельзя, ибо в Москве нет ни журналов, ни широкой литературной среды. Мне остается покинуть Москву и переехать в Петербург, где, благодаря моим литературным связям, я мог бы зарабатывать до 300 рублей в месяц; стоит мне переехать в Петербург, и я бы мог с благодарностью отклонить поддержку „*Пути*", ибо мой труд оплачивался бы вдвое дороже... А на 150 рублей в месяц я жить не могу, не могу уехать за границу на основании тех же суждений, какие лежали в основе переговоров в „*Р<усской> М<ысли>*", т. е. все дело в единовременной *1000*, которую я работой, черт возьми, заслужил, ибо 15 печ<атных> листов „*Романа*" + 15 печ<атных> листов „Путевых Заметок" при нормальной расценке труда = минимум *4000*, т. е. году с лишком свободы и независимости. Вместо единовременной тысячи я должен был получить ⅕ ее, то есть этого не хватило бы даже на первые дни за границей по причинам, которые я могу изложить тому или другому из Вас *конфиденциально*, но не могу возвестить *urbi et orbi**, ибо у меня все же есть самолюбие».

Итак, с обещанной *1000* «*Пути*» я потерпел фиаско. А второе фиаско меня ожидало вот в чем: «*Мусагет*» остался без денег, следовательно, на поддержку «*Мусагета*» я, как задолжавший, и не мог рассчитывать: о плане издания *обеих частей* «*Голубя*», т. е. о своем предложении из заграницы, Э. К. Метнер не произнес ни слова (и эта возможность получить аванс отступала в неопределенность). Кроме того: *Э. К. Метнер* мне решительно сказал, что денег на «*Петерб<ургский> Вестник*» Москва не даст, да я и видел, что Москве абсолютно этот «*Вестник*» не нужен, не интересен, как неинтересно, может быть, и то, что я пишу (я же вижу полное равнодушие к себе, как к писателю, со стороны ряда близких — равнодушия не заявляемого, но проявляющегося в тысячах мелочей**).

Заявление Э. К. Метнера о том, что в Москве для журнала денег нет = полному краху «*Пет<ербургского> Вестника*», которому я дал обещание сохранить роман *при условии поддержки. После*

* Городу (т. е. Риму) и миру; т. е. всем и каждому (*лат.*).

** *В автографе*: мелочах

этого заявления я оказался совершенно свободным по отношению к формальному обещанию: формальное обещание имеет силу пред *чем-либо* или хотя бы пред *тенью чего-либо* — пред тем, что может быть: без поддержки из Москвы журнал *быть не может*, и формальное обещание мое стало обещанием перед *Grand néant**. Об этом я скорбел 1) как член Редакции нерожденного журнала, 2) как подведенный невольно, ибо оставалось *вновь* ехать в Петербург, *вновь* в полной неопределенности начинать сношения с редакциями (об этом Э. К. Метнер не подумал — вообще о реальных трудностях, когда они касаются не нас лично, даже друзья думают *слишком поверхностно и отвлеченно*). Хорошо Э. К. Метнеру, имеющему прекрасный кабинет, часы досуга и внешние удобства и, кроме того, *ответственного романа не пишущему***, отвлеченно исчислять бюджет, не студента, а *писателя с женой*, их жизнью и потребностями бюджет, не принимая в соображение реальных не вполне отчетливо видимых фактов. Словом, ему ничего не стоило сказать мне: не будет журнал<а> («Пет<ербургский> Вестник»), и он даже не подумал, что это *значит для меня*, для которого факт существования журнала есть факт свободы.

Легкость, с которой он это сказал, не соблаговолив выяснить, что же *мне* теперь делать с разоряющим меня *пустым* обещанием, привела меня к мысли *спасать свою свободу* от невозможного для меня в то время бюджета в 150 рублей; и я махнул рукой и на обещание Метнера обеспечить меня для журнала, и на свое (сохранить рукопись), ибо хранил бы я ее — для кого?

Теперь *Мусагет* ропщет на то, что я отдал роман, который *де* был бы украшением «*Мусагету*». Помилуй Бог, какая честь! *Украшением* роман стал лишь тогда, когда произвел он успех среди петербургских литераторов, заявивших интерес хотя бы тем, что они старались познакомиться с его содержанием. За 6-месячную жизнь в *Москве никто из друзей* даже не пытался поинтересоваться, над чем я работаю. Писатель же всегда пишет для *кого-нибудь*. У меня было впечатление, что роман мой, если и интересен кому-либо, то только не мусагетцам, не *Мусагету*.

* Великим ничто (*фр.*).

** *В автографе*: не пишущего

Отсюда мое авторское самолюбие и породило некоторую сдержанность: поймите же — навязывать обе части «*Голубя*» *Мусагету* я не хотел. Сообщая мне о невозможности достать денег для «*Пет<ербургского> Вестника*», Э. К. Метнер ***не повторил*** своего предложения издать обе части, а я из чувства деликатности промолчал. И далее: *жить на 150 рублей в месяц я не мог*, единовременно получаемая тысяча пролетела. И никто, никто даже не понял, в какое положение я поставлен. Мне оставалось или *для возможности* окончить роман скорей продать его, или переехать в Петербург и там приискать себе работу.

На основании всего сказанного a) с романом я чувствовал себя свободно всегда на основании *неоднократных заявлений* Редактора *Мусагета*, что я могу пристроить мой роман на стороне. И необходимости его предупредить не было (об этом ниже), b) попытка Э. К. Метнера достать деньги для «*Петерб<ургского> Вестника*» или *не была предпринята*, или *не увенчалась успехом*. Во всяком случае: помню его слова: «Денег достать неоткуда». И этим формальное обещание мое ***себе***, как члену Редакции, и В. И. Иванову само собой ***падало***. Обвинения Н. П. Киселева вполне основательны при предположении, что он не знаком с тем, в каком смысле я давал обещание; да и мысль о сохранении романа для журнала принадлежит *мне* с Вячеславом задолго до того, как Э. К. Метнер приехал в Петербург. И потому сторона всего этого дела не та, какой она выглядит из письма Н. П. Киселева.

Теперь, обвиняя меня, Э. К. Метнер какими-то экивоками указывает на реакционность издательства Некрасова: а смысл этого экивока таков: поссорившись с *кадетами* и в пику Струве[22] я пристраиваюсь к правым. В этом освещении личность моя выглядит довольно гнусно: прошу Ал<ексея> Сер<геевича> Петровского, Н. П. Киселева, М. И. Сизова высказать мнение: похоже ли все это на меня? Сколько я знаю, Некрасов *кадет*[23], т. е., помимо возмущающей меня инсинуации в авантюризме, тут фактическая неправда (если б я был авантюрист, я получал бы 15 тысяч, не сидел бы на шее у *Мусагета* и не выслушивал бы попреки в авантюризме).

Как брат и член того же коллектива я спрашиваю Э. К. Метнера: серьезно ли это нарекание? Если он действительно думает, как написал, наше участие в общем деле — возможно ли?

Дорогие друзья!
обрываю это письмо, ибо спешим на «*Гибель Богов*»[24]. Вагнеровские торжества — единственная роскошь, которую мы позволяем себе, ибо не услышать «*Тристана*», «*Валькирию*», «*Гибель Богов*» с ба<й>рейтскими исполнителями нельзя[25]. И вот я ловлю себя на том несоответствии между *строем души* нашей брюссельской жизни, тишиной и какими-то счастливыми знаками, нами слышимыми, — с той душной атмосферой, которую вызывают московские письма. По-видимому, в Москве что-то есть нездоровое, отравляющее атмосферу. Обрываю письмо, чтоб потом продолжать....

Извиняюсь за бессвязную форму изложения: дело в том, что пишу все это уже во второй раз, ибо по *воле небес* письмо к Э. К. Метнеру пропало. Не заставляйте же меня 3<-й> раз писать всё о том же. 3 таких письма = рабочей неделе по нервной затрате сил.

Мое свидание с Некрасовым, после которого до последнего времени всё можно было еще изменить, ибо окончательного решения пока не было, состоялось перед самым отъездом. Говорить о свидании этом до факта свидания не хотелось: ибо я даже не думал, что из этого что-либо выйдет. Последние дни мы с Э. К. Метнером не видались, все по той же причине — предотъездной беготне и массе личных дел (у меня и Аси). Перед отъездом я говорил с Э. К. о разговоре с Некрасовым, и в его лице *не встретил* ни возмущенья, ни решительного настоянья — чтобы я подумал. Так что факт его *глубокой обиженности* для меня полный сюрприз. И я сетую: надо было мне в лицо сказать свое мнение; тогда не было бы всей этой путаницы. Тогда я бы мог *еще* из-за границы что-либо переменить.

Вообще церемониться друг с другом в разговорах с глазу на глаз, чтоб потом осыпать упреками в письмах, — этой системы я не понимаю. Она-то и порождает химеры. Отчего Э. К. Метнер не обрушился на меня при прощанье, не выдвинул мне своих оснований; отчего он это сделал в письменной форме. Разговор — имеет начало и конец: недомолвки, даже ссора в личной беседе — открытая гроза. А за всякой грозой — очищение атмосферы.

Письменные пререкания — только копят неразразившееся электричество, сеют недоверие между близкими и плодят химеры.

Друзья мои, если Вы считаете себя друзьями, не подавайте повод мне думать, что Вы ищете со мною разрыва. Мое отношение к *Мусагету* и ко всем таково, каков был наш вечер накануне моего отъезда (когда Э. К., М. И. и А. С. собрались у меня), а не таково, как рисует *какой-то враль со стороны*. Это ясно: и довольно этого заявления. Подозрения, требования показать *паспорт*, кроме того, что оскорбительно, раздражает. Даже мирно настроенный гражданин после полицейского обыска становится оппозиционно настроенным. А обыск, совершаемый при помощи сплетен, оскорбителен сугубо.

Неужели это не понятно? Неужели не понятно, что реакция на подозрение в добром чувстве только одна: охлаждение этого чувства. И в свою очередь после письма Метнера мнительность моя выросла: это — естественно. Мое отношение хотя бы к «*Трудам и Дням*»: тщетно просил я А. С. Петровского, М. И. Сизова высказать свое мнение о 1-ом номере, тщетно просил Рачинского; тщетно в 4 письмах к Ахрамовичу просил дать реальные сведения о том, какова судьба 2<-го> номера, когда он выходит, какие статьи поступили в Редакцию, написал ли В. И. Иванов статьи, тщетно спрашивал, почему не поступает ко мне в гранках материал 2<-го> номера.

Гробовое молчание, да несправедливейший разнос первого номера со стороны *соредактора*[26], который мог видеть в гранках допущенные мной оплошности и вовремя их исправить, а не *сваливать* на сочлена по выходе номера все погрешности. Естественно, что *гробовое молчание* на мои письма и просьбы объяснялись мной по-своему. И вывод: уже *две недели* как я не предпринимаю никаких шагов к 3<-му> номеру: не пишу в Петербург, ибо *у меня пропала охота быть критикуемым и только критикуемым всякий раз, когда я что-либо активно сделаю в Мусагете.* Не выходить из *Мусагета* я собираюсь, не бросать *Труды и Дни*: я жду, чтоб рассеялась та психически создавшаяся атмосфера после письма Э. К. Метнера, *что интриган, ведущий в Мусагете политику, добивается чего-то, нарушающего мусагетский status quo**.

* Существующее положение (*лат.*).

Думать о Мусагете, болеть *Мусагетом*, редактировать журнал, т. е. отвлекаться постоянно от *своего личного дела* мне становится необоримо трудным. Друзья мои — чего мне надо? Мне надо — свободы и покоя. *Журнала, редакции* не надо мне. Все это надо, когда есть *общее дело*, когда это *долг*. Самое ужасное для меня теперь слышать, когда мне говорят, что *Мусагет* главным образом для меня! Поймите — мне ничего не надо, кроме тишины и душевной уравновешенности, которой наносит удары всегда — Москва, Москва и Москва. Разве Вы не видели, что после летнего недоразумения[27] с Э. К. Метнером я всю зиму только и старался быть дальше от той *клоаки сплетен*, которая образовалась где-то *вблизи от Мусагета*. Я уезжал в деревню, в Петербург, и в *Москве почти не был*.

И злая ирония и тут связывает меня с какими-то *мелкими интригами*. Как же не сказать мне: «*Je m'en fiche*»*.

Здесь, в Брюсселе, я едва пришел в себя, а меня опять вдогонку, точно нарочно, доканали *мерзостями*.

Друзья мои: если я в *Мусагете*, так это потому, что я с Вами, потому что знаю — что за *Мусагетом* стоит нечто бóльшее: И вот я поколеблен *теперь*: если верят интригам, если *какие-то мы* поворачиваются против меня и *забывают, что в 1909 году* было время, когда мне было предложено собрать близких *нашему*, и что из всех я только про себя сказал: «Вот — они». И эти они — Вы, друзья мои. Если все это было, то *значит*, что я Вас люблю, Вам верю, и надеюсь, что чувство это — *не политика*, не Редакция, не *Мусагет*, не *Труды и Дни*. Редакция, журнал, издательство без сквозящего, вечного неизменного за всем — ерунда: и кой черт Мне *Мусагет*, если наши отношения могут быть поколеблены *какой-либо злободневною пылью*. Если же злободневная пыль колеблет отношения эти, что я вижу из письма Метнера, из некоторых строк письма Н. П. — если Вы думаете, что я способен интриговать с интриганом и т. д. — я проникаюсь равнодушием к *нашему делу издательскому*, как к сосуду скудельному,

---

* «Мне наплевать» (*фр.*).

из которого выдохся дух. И далее: я беру мой посох — и прощайте, друзья; Вы меня не увидите вместе: встречайте, ищите *тот свет*, который меня переполнил *когда-то*, которому я не изменил (ибо и ныне ищу и буду искать без Вас — всё того же, Главного, как искал и *без* Вас до 1909 года).

Все зависит не от меня, а от Вас: корень зла — в Вашем недоверии, а не в моей душе. От Вас будет зависеть, пойдем ли мы и впредь одною дорогой или разойдемся, потому что Вы *напали на меня, а не я на Вас*. Свалок, драк, скандалов и безобразий *я не хочу* — и их не будет.

При получении впредь чего-либо, оскорбляющего меня, я буду просто *не отвечать: замолчу. Это — мое последнее разъяснение.*

Ибо я не Эллис, и все пререкания отзываются неделями мигреней, неработоспособностью, а работоспособность моя сейчас — мой насущный хлеб.

Не лишайте же меня моего единственного богатства: внутренней деятельности, и или не пишите мне вовсе, или подумайте, как иные неосторожные слова отзываются *больно в душе.*

Привет и мир Вам.

Борис Бугаев.

P. S. Друзья мои! Первый акт моей самостоятельности — мой отъезд в Кёльн к Штейнеру[28]. Ввиду того, что я ощутил потребность быть в мире и истине, что на *Москву, посылающую лишь душные сплетни*, я махнул рукой, ввиду того, что без Φ жить я не хочу, не могу, я спешно на 3 дня выезжаю в Кёльн, к Штейнеру.

Кольцо оставлено *не нам*, а ***мне и через меня*** Вам[29]. В своих подозрениях Вы забыли, что А<нной> Р<удольфовной> ***мне*** было сказано. Ритуально я был *первый* и *последний* ***при ней***.

Кольца я Вам не отдам.

РГБ. Ф. 128 (архив Н. П. Киселева). Опубликовано А. Л. Соболевым: Арабески Андрея Белого. С. 54–64 (датировка: 21–24 апреля (4–7 мая) 1912. Брюссель, Кёльн). Написано перед отъездом из Брюсселя в Кёльн, отправлено 7 мая 1912 г. (дата почтового штемпеля в Кёльне). Почтовый штемпель получения: Москва. 27. 4. 12. Обратный адрес на конверте — Брюссель.

[1] См. п. 241, преамбула к примеч.

[2] См. примеч. 3 к п. 241.

[3] См. примеч. 6 к п. 199.

[4] «Дом песни» — организованный в Москве П. И. д'Альгеймом и М. А. Олениной-д'Альгейм в 1908 г. центр концертно-лекционной пропаганды новых идей в музыке. Деятельность этого объединения отражена в одноименной газете, выходившей в Москве в 1910–1911 гг. два раза в месяц.

[5] В п. 240, посланном после этой прощальной встречи, Белый, однако, отмечает ноты недовольства в словах Метнера.

[6] См. п. 242.

[7] См. п. 241, преамбула к примеч.

[8] Это письмо Киселева не выявлено.

[9] Подразумевается отъезд Белого и А. Тургеневой 26 ноября (9 декабря) 1910 г. в многомесячное заграничное путешествие.

[10] См. примеч. 1 к п. 240.

[11] См. письмо Белого к Блоку от 8 или 9 марта 1912 г. (*Белый — Блок*. С. 442–445). Письма Белого к Вяч. Иванову и Н. В. Недоброво, относящиеся к первой половине марта 1912 г., нам неизвестны.

[12] См. примеч. 19 к п. 244.

[13] Обозначение эзотерического союза, объединяющего «мусагетцев».

[14] Речь идет о проекте печатания романа «Петербург» в новообразованном журнале (см. примеч. 5 к п. 241).

[15] Это письмо Метнера не выявлено.

[16] О предложении Метнера переиздать в «Мусагете» роман «Серебряный голубь» идет речь в п. 242.

[17] Перевод романа «Петербург» на немецкий язык был осуществлен позднее без посредничества «Мусагета»: *Andrej Belyj*. Petersburg / Autorisch. Übersetzung aus dem Russischen von Nadja Strasser. München: Georg Müller, 1919.

[18] Издание художественной прозы не было приоритетным в программе деятельности «Мусагета», но не исключалось: например, в самых ранних объявлениях о готовящихся изданиях значились «Серафита» О. де Бальзака и «Люцинда» Ф. Шлегеля. Под первым томом Я. Бёме Белый подразумевает его мистический трактат «Aurora, или Утренняя Заря в восхождении», готовившийся к печати в переводе А. С. Петровского. См. примеч. 20 к п. 203.

[19] Перед отъездом за границу в марте 1912 г. Белый получил от М. К. Морозовой денежный аванс в надежде на его новые работы для издательства «Путь» (см.: *Голлербах Евгений*. К незримому граду: Религиозно-философская группа «Путь» (1910–1919) в поисках новой русской идентичности. СПб., 2000. С. 129–131). Морозова предлагала Белому в недатированном

письме, отправленном за границу: «Мы хотели бы издать маленькой, хорошенькой книжкой Ваше исследование о чувстве природы у Пушкина, Баратынского и Тютчева. <...> Затем мы хотели бы, чтобы Вы написали нам небольшую статью о Фете, листа в 2 печатных, по 40 тысяч букв. Ее мы думаем издать отдельной брошюрой. Содержанием ее, как Вы сами предлагали, будет философия Фета, вообще его миросозерцание» (*«Ваш рыцарь»*. С. 186).

[20] См. п. 239, примеч. 7.

[21] Подразумеваются издательство «Шиповник», «Издательское товарищество писателей» и редакция журнала «Современник» (в лице Е. А. Ляцкого).

[22] В январе 1906 г. П. Б. Струве был избран в ЦК Конституционно-демократической партии, в котором занимал правые позиции; приняв участие в сборнике «Вехи» (1909), вызвавшем неприятие в руководстве кадетской партии, он в дальнейшем эволюционировал в сторону «национально-либерального империализма».

[23] К. Ф. Некрасов был членом 1-й Государственной думы, куда был избран как член местного отдела конституционно-демократической партии от Ярославля; после ее разгона был среди подписавших «Выборгское воззвание», за что был приговорен к трехмесячному тюремному заключению, которое отбывал в 1908 г. См.: Из истории сотрудничества П. П. Муратова с издательством К. Ф. Некрасова / Вступ. ст., публ. и коммент. И. В. Вагановой // Лица: Биографический альманах. 3. М.; СПб., 1993. С. 160).

[24] Заключительная часть тетралогии Р. Вагнера «Кольцо нибелунга» (1876). Исполнялась в брюссельском оперном театре «La Monnaie» 4 мая 1912 г. (см. примеч. А. Л. Соболева: Арабески Андрея Белого. С. 64).

[25] См. п. 243, примеч. 1, 2. «Валькирия» (1870) — вторая часть «Кольца нибелунга». Согласно справке Л. Р. Тиняковой (см.: Там же. С. 68), в театре «La Monnaie» в 1912 г. «Лоэнгрин» давался 5, 6 и 20 апреля, «Тристан и Изольда» — 23 и 25 апреля, «Валькирия» — 30 апреля.

[26] В печатном объявлении о подписке на 1912 г. новый журнал «Труды и Дни» характеризовался: «Двухмесячник ИЗДАТЕЛЬСТВА „МУСАГЕТ“ под редакцией АНДРЕЯ БЕЛОГО и ЭМИЛИЯ МЕТНЕРА при ближайшем участии Александра Блока и Вячеслава Иванова и при сотрудничестве Валерия Брюсова, Б. Н. Бугаева, Вольфинга, С. И. Гессена, Н. П. Киселева, В. О. Нилендера, А. С. Петровского, Г. А. Рачинского, М. В. Сабашниковой, Бориса Садовского, Сергея Соловьева, Ф. А. Степпуна, А. Топоркова, Г. Г. Шпетта, Эллиса, Б. В. Яковенко и др.»

[27] Подразумевается эпистолярная полемика Белого и Метнера, проходившая летом 1911 г.

[28] Приписано, вероятно, непосредственно перед отъездом из Брюсселя в Кёльн 23 апреля (6 мая) либо в дороге. Решение выехать в Кёльн было принято спонтанно, после получения сообщения от А. С. Петровского

в неизвестном нам письме, что Р. Штейнер будет выступать в Кёльне 6, 7 и 8 мая. В письме к Блоку от 1 (14) мая 1912 г. Белый сообщал: «В 2½ мы решаем ехать в Кёльн; в 3½ берем билеты. В пять — уезжаем. В 11 ночи мы в Кёльне с нелепой мыслью добиться свидания с Штейнером, не будучи лично знакомыми, не будучи членами Ложи» (*Белый — Блок.* С. 457).

29 Возможно, именно это кольцо подразумевается в словах А. Р. Минцловой, обращенных к «мусагетцам» в письме от 16 августа 1910 г., о том, что она «душу свою <...> передала Андрею Белому»: «В мгновение, когда я передала Белому все, что было у меня в руках, в то мгновение (это было 15/28 августа, день Успения Богородицы) зажглось что-то великое... <...> люблю Вас как одно целое. Уже мистическая община» (приведено в Предисловии А. И. Серкова в кн.: *Киселев Н. П.* Из истории русского розенкрейцерства. С. 29).

246. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

27 апреля (10 мая 1912 г.). Брюссель

Старинный друг![1]

Ну что Вы, ну зачем?.. Опять полемика, опять разногласие... Все это плодит какое-то perpetuum mobile*. Итак, я считаю, что сделал ошибку, пославши длинное послание «*друзьям*»...[2] Если то, о чем я пишу там, окрепло, то ведь не в письме проявится оно — в деле. Зачем *слова*, и ***слова на бумаге***, и <u>***слова на бумаге***</u>, доходящие по адресу чрез много дней, когда эмоция, вызвавшая то или иное резкое слово, уже угасла и душа светит душе и улыбается душе: слыша в пространстве хорошую мысль о друге, укрепляешься: а письмо, не выражающее сущность переживания моего, *Вам* в момент получения ложится гибельною неправдой.

Я пишу сейчас, усмиренный, с любовью глядя сквозь *дым и чад*, отделяющие нас: *Вы же еще не получили моего отчаянного* письма, вызванного действительным душевным страданием[3]: после написания этого письма пролетели огненным метеором наши кёльнские дни, разговор со Штейнером — коллективно-общий (я начал, Ася кончила)[4]. Вот все это прошло, я вернулся с огромным просветлением: *годы*, казалось, прошли в эти 3 дня. Получаю Ваше письмо о Тристане[5], радуюсь, что вот мы слышим друг друга, собираюсь

* Вечно движущееся (*лат.*).

Вам писать, как прежде, о многом и Главном, *в чем живу*, и… — *трах*: на другой день получаю Ваше послание на десяти листах, где Вы прощаетесь со мной и из которого явствует, что между нами *лично* Главное порвалось, причем даже неизвестно, *которое из двух писем* — первее: о Тристане (хорошее) или другое (дурное). В одном Вы говорите: *до свиданья*. В другом, как друг, по-старому говорите глубокие и мне нужные вещи: хорошее письмо помечено не то 14-м, не то 19<-м> (не разобрал), а другое (дурное) 15-ым[6]. Которое из двух последнее? Не знаю: письма сместились в пространстве: а я — путаюсь. Если после письма, где Вы будто рвете со мною, Вы все-таки написали о *Тристане*, значит ничего не порвано между нами, и я радуюсь: я протягиваю Вам руки, старинный друг. Если же — до грозного, то… какая-то муть, подозрение, недоверие — словом, какое-то самолюбивое *начеку* просыпается во мне (Вы знаете, что все мужчины до известной степени, если наступят на ногу, потрясают мечами): словом, хорошие, из глубины души исходящие слова обрываются: ибо не волен я над проявлением беспричинной волны душевного тепла, и не волен я, когда вопреки сознанию эмоциональный холод на время застилает лучшие чувства. Чем неожиданней, чем радостней было Ваше письмо о Тристане (так гармонировавшее с нашей кёльнской поездкой), тем *обидней* и резче *тотчас же* получить противоположное…

Что-то оборвалось: я сказал себе Нет — *об этом* я ему не напишу, пока… не угаснет застилающая его от меня (о, временно!) волна горечи.

Это я пишу к *психологии писем*. *Психология* писем не имеет ничего общего с душой пишущего в *недоразумениях*: пространства плодят химеры.

Теперь уже неизвестно, кто виноват в том, что Вам больно было от моих слов: что мне было больно от Ваших, — да что говорить: спросите лучше Асю. Две недели я ходил, точно пришибленный; и, как странно: отсюда у нас с Асей как-то бессознательно выросла тяга к Штейнеру, — *говорю «у нас» и подчеркиваю, ибо Вы даже не подозреваете, что такое Ася* в смысле поддержки и полета. Она — воистину Валькирия[7] (кстати: Штейнер с ней был совсем по-особенному — он сразу понял, откуда она)… Ну, да не в этом суть….

Суть в том, что оба мы раздражены, оба не можем даже спокойно обсуждать мусагетские дела (я, по крайней мере, сейчас внутренно отмахиваюсь от мусагетского, ибо какая-то гарь стоит предо мной, когда я вспомню о Ваших обвинениях). А если бы я Вам рассказал *события*, бывшие с нами за полторы недели, если бы Вы более посвятили меня в Ваше, в чем Вы, — наверное, я проще бы понял, в чем вина моя; и Вы не приписывали бы мне многого.

Поймите: не в фактичности обвинений меня *соль обиды*. Я не согласен с мнением Вашим о моей продаже романа, я не согласен с инкриминируемым мне поведением относительно Кожебака[8]. Если бы Вы написали спокойнее, я бы возражал и обдумывал свое поведенье без привкуса эмоционализма. *Соль обиды* в непередаваемом тоне, в темпе Ваших указаний мне, в многотональности обвинений: Вы всё в кучу собрали — сплетни и действительные факты (т. е. продажу); дела редакторские (критику первого номера[9]) с моральными; сериозные вещи с мелочами (например, с отъездом моим — кстати об отъезде: ведь это просто смешно — Вы знали, что вообще я уезжаю *до* Пасхи[10] (стало быть, на страстной). А вышло: мусагетские дела, корректура, отсутствие денег и мн<огое> друг<ое> создали то, что заблаговременно я не мог взять билетов на поезд. И предстояло: либо просидеть *страстную и святую* в Москве, либо воспользоваться *единственно оставшимися билетами*. Вы узнали о моем отъезде за 1½ дня, а я за 2 дня, не более. Вы и эту мелочь (т. е. вину Брестской жел<езной> дор<оги>) инкриминируете мне). То есть, *тон* Вашего письма (пусть ложно воспринятый) меня так глубоко взволновал, а не факты. Ведь *тон* (неужели и это надо напоминать) делает дело…

На полученное мной письмо (дурное) мог бы ответить столь же пространным в том же смысле, как с Брестской ж<елезной> дорогой и моим пресловутым объяснением в любви к Кожебаткину *у него на дому*, тогда как пресловутое «*объяснение в любви*» происходило в Мусагете и продолжалось 5 минут[11]. Вы скажете: это — мелочи; но мелочных искажений в куче собранных Вами фактичностях <*так!*> и предвзято освещенных — бездна: все эти факты, Вами приводимые, — полуфакты, а истины, выводимые

Вами из них, — *полуистины*; полуфакты, полуистины — не то чтобы ложь, но и не правда — ведь все это хуже абсолютно ложного: ложнее ложного и обидней обидного.

Судья. Обвиняемый, Вы у Кожебаткина были?

Обвиняемый. Был.

Судья. Вы примирились?

Обв<иняемый>. Примирился.

Присяжные заседатели. Ага, кознь доказана.

Обвинительный приговор: Доказано, что на дому у Кожебаткина 3 раза произошло соглашение члена редакции Белого, недовольного «*Мусагетом*» и желающего при помощи изгоняемого секретаря добиться каких-то своих целей.

А правильный суд — вот картина его.

Судья. Обвиняемый, у Кожебаткина были?

Обвин<яемый>. Был.

Судья. Для какой цели?

Обвин<яемый>. Идучи к Ахрамовичу и зная, что Кожебаткин, вернувшись из Петербурга, привезет ему нужные до отъезда статьи*.

Судья. Сколько раз были?

Обв<иняемый>. 2 (а не три) раза, ибо сам назначил Ко<жебатки>ну час, думая, что он вернется из Петербурга.

Судья. Вы застали его?

Обв<иняемый>. Оба раза не застал.

Судья. Где Вы встретились?

Обв<иняемый>. В Редакции.

Судья. Вы примирились?

Обв<иняемый>. Да, если хотите: в сущности никакого примирения и не было.

Судья. Вы ругали «Мусагет»?

Обв<иняемый>. Никогда… Может быть, когда-нибудь говорил, что надо было бы изменить то-то и то-то. Недовольство той или другой частностью не есть ругань, ибо я не унтер-офицерская вдова[13], и ругая «*Мусагет*», ругал бы себя.

---

* Кстати, я знал, что если не увижу до отъезда статей 2<-го> номера[12], то не увижу их до напечатания, ибо материала не получал. (*Примеч. Белого*).

Словом, у Вас в письмах и обвинениях ложь и правда обо мне смешались, а — *черт в смешеньях.*

Нас черт попутал! И ну его к черту, ибо этот черт — джент<л>ьмен с насморком и в цилиндре, смесь Хлестакова и Чичикова: он — хуже черта с рогами.

Во имя будущей работы гоните, будем гнать этого джентьмена.

Не хочу писать.

Хотел Вас просто обнять и вопреки последнему Вашему письму (а по Вашему предпоследнему — но для меня сила в *реальности* получения, ибо *реальна* боль от него — отсылка же иллюзорна): итак, хотел Вас обнять, а сунулся в обсуждения, — и опять, и опять, и опять пошли мелочи.

А душевный порыв превратился… в пар: не то, чтобы не было его, он упал *глубоко*, в центр души и не имеет пока ни слов, ни выраженья… На периферии же докучно звучащие молоточки бьют в мозг однозвучно: Il faut le battre, le broyer, le pétrire (Толстой, «Анна Каренина»)[14] — pardon: вовсе не то бьют молоточки; молоточки бьют: Ко́же — Ба́к! Ко́жа — Ба́ка! Кожу́ — Ба́ку! И т. д. Словом, довольно о «*баке — баках*» — и довольно навсегда!

Когда *Кожи* и *Баки*, сии элементали, не будут питаться порождающей их мозговою игрою[15] (знаете ли Вы *мозговые игры* ночью, когда не спится: я эти *милые игры* испытываю всякий раз по получению Ваших злых писем — не колдуйте же, друг!) — итак, когда *Кожи* и *Баки* иссякнут и Ваш образ из-за них встанет прежний, я напишу Вам о том, какие странные вещи происходили с нами до Кёльна, что видели в Штейнере и как потрясла меня «*Гибель Богов*»[16]. Лучше, чтобы наши думы о Мусагете соприкоснулись чрез «*Кольцо Рейна*»[17], а не *кольцо дымовое*, выпущенное в Мусагете ртом захожего интеллигента, незнакомого ни мне, ни Вам (ибо он заходил в наше отсутствие); это дымовое кольцо из рта неизвестного *осело раз навсегда* Кожебаткинским «*Ы*». Ну, целую Вас! До свиданья.

Б. Бугаев.

Ах, милый Эмилий Карлович! Разве Вы не знаете, как я Вас люблю: ну что толку, если мы навсегда разойдемся. Видимо я буду

далеко от Вас, а душой — близко. Разойдемся ли, сойдемся ли — все равно: где-то *выше* и *дальше* мы опять встретимся, и *общее дело* (какое, не знаю) встанет в сознании. У меня отношение к Вам таково, что если бы Вы меня оскорбили, или обнажили бы меч против меня, *я щеки бы не подставил, конечно*, а вызвал бы на дуэль, но стрелял бы незаметно для Вас в воздух: видимость же поединка была бы, и никто бы не знал, что для меня поединок есть форма самоубийства, ибо братьев я в душе не предавал; и братьев убить не могу.

А когда я взойду на высочайшие ступени (когда это будет — через миллиарды веков?), я сумею и щеку подставить, ибо это будет формою моего благородства; а пока форма моего благородства есть меч. Обнажите Вы меч, я меч обнажу в свою очередь, но наносить удары Вам не буду, как не буду на Вас нападать.

Это я по поводу Ваших слов о возможности нашего разрыва. Подстерегать, преследовать, наносить удары не стану, ибо я — *тоже светлый*. А *Светлый Светлого* не убьет. Но защищаться я буду, и меч мой при мне.

Ну — так мир или меч?[18]

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 60. Датируется по почтовому штемпелю отправления на конверте.

Ответ на неизвестное нам письмо Метнера.

[1] Обращение — заглавие посвященного Метнеру стихотворного цикла в книге Белого «Золото в лазури» (см. примеч. 9 к п. 12).

[2] Имеется в виду п. 245.

[3] Это письмо Белого не выявлено.

[4] О пребывании с А. Тургеневой в Кёльне 23–25 апреля (6–8 мая) 1912 г. и встрече с Р. Штейнером Белый подробно рассказал в письме к Блоку от 1 (14) мая (*Белый — Блок*. С. 457–461), а также в письме к А. С. Петровскому от 11 (24) мая (*Белый — Петровский*. С. 202–203).

[5] Это письмо Метнера (ответное на п. 243) не выявлено.

[6] Приводятся даты апреля по старому стилю.

[7] Валькирии — востребованные из скандинавской мифологии Р. Вагнером в тетралогии «Кольцо нибелунга» воинственные девы, подчиненные верховному богу, участвующие в распределении побед и смертей в битвах, уносящие павших в бою храбрых воинов в Валгаллу и там прислуживающие им.

[8] См. п. 241, примеч. 2, 3.

[9] Подразумеваются критические высказывания Метнера по поводу 1-го номера «Трудов и Дней».

[10] Пасха в 1912 г. — 25 марта.

[11] Подробно об этом см. в п. 245.

[12] Имеются в виду привезенные из Петербурга статьи, предназначавшиеся для 2-го номера «Трудов и Дней».

[13] Персонаж из «Ревизора» Н. В. Гоголя. Городничий говорит Хлестакову (действие 4-е, явление XV): «Унтер-офицерша налгала вам, будто бы я ее высек <…>. Она сама себя высекла».

[14] Образ из сна Анны («Анна Каренина», ч. 4, гл. III): «Он копошится и приговаривает по-французски, скоро-скоро и, знаешь, грассирует: „Il faut le battre le fer, le broyer, le pétrir…“» («Надо ковать железо, толочь его, мять…» — *фр.*) (*Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. Т. 18. М.; Л., 1934. С. 381).

[15] «Мозговая игра» — название главы 2-й романа «Петербург» в первоначальной редакции. См.: *Андрей Белый*. Петербург. 2-е изд., испр. и доп. С. 462.

[16] См. п. 245, примеч. 24. «Странные вещи» Белый подробно охарактеризовал в письме к Блоку от 1 (14) мая 1912 г. (*Белый — Блок*. С. 454–457), а также в мемуарах (*Андрей Белый*. Начало века. Берлинская редакция (1923). С. 738–748). О тех же «оккультных переживаниях» Белый упоминает в недатированном письме к Н. А. Тургеневой (конец мая — начало июня н. ст. 1912 г.): «…вот уже 2 месяца, как мы с Асей сумасшествуем: нет — то не сумасшествие. Ведь с нами происходили прямо *невероятности*, совершенно реальные необъяснимые вещи» (*Rizzi Daniela*. Из архива Н. А. Тургеневой: Письма Эллиса, А. Белого и А. А. Тургеневой // Europa Orientalis. XIV/1995: 2. С. 313).

[17] Контаминация названий «Кольцо нибелунга» и первой оперы из этого цикла «Золото Рейна» (1869).

[18] О реакции Метнера на это и предыдущие полемические послания Белого можно судить по его письму к Вяч. Иванову из Пильница от 19 мая (1 июня) 1912 г.: «Вы себе представить не можете, „что за комиссия“ иметь сотоварищами таких двух путаников и химеристов, как Бугаев и Эллис. <…> С Бугаевым еще труднее, чем с Эллисом, ибо он органически не выносит никаких указаний, советов, никакой критики. Если бы я Вам показал всю нашу переписку-перебранку (кстати, и за прошлое лето), Вы убедились бы, что за двумя-тремя (признаваемыми мною) придирками в мелочах (я становлюсь педантом, когда плохо себя чувствую) — во всем остальном вся вина падает на Бугаева. Если эти его письма ко мне будут впоследствии опубликованы, то я предстану в них как выскочка, деспот, капрал, заставляющий аристократов духа маршировать по команде, как прижимала, как неряшливый хозяин, попавший под власть жуликоватого приказчика, как сыщик, сплетник, а главное как *архихимерист*;

это я — единственный трезвый человек изо всей арбатско-мусагетской компании, если не считать слишком трезвого Киселева... Бугаев поклонился Штейнеру, и теперь мой деспотизм будет еще более проклинаться» (Вопросы литературы. 1994. Вып. II. С. 335. Публ. В. Сапова).

247. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

2 (15) мая 1912 г. Брюссель

Дорогой Эмилий Карлович!

Пишу Вам не по личному делу, а по делу Эллиса. Дорогой друг, извините, если я вмешиваюсь в отношения между Конторой «*Мусагета*» и Эллисом (Эллис у меня в Брюсселе[1]), но: Контора «*Мусагета*» ужасно с ним поступает. Эллис всю эту зиму *голодал*. И мой долг вмешаться. Эллис должен знать точно, может ли он получать свои 60 рублей (120 марок)[2]. Дело «*Мусагета*» ему посылать или нет; но *обязанность* «*Мусагета*» заранее его известить, почему ему без всякого предупреждения 1) в последний раз вместо 60 рублей прислали всего 30, 2) почему высылка денег систематически на 1–3 недели запаздывает. На 120 марок в месяц кое-как прожить можно; но если принять во внимание, что он ходит в лохмотьях, что помимо ежедневных потребностей у него могут разорваться башмаки, что каждая серия лекций Штейнера существует на взнос (10–15 марок), что иногда Доктор ему *предписывает* ехать за ним, то на *120* марок почти невозможно жить (это я знаю по опыту). И вот: если «*Мусагет*» дает ему *120* марок, то *честь* всех друзей Эллиса в том, чтобы 1) эти 120 марок присылались сполна, 2) чтобы они присылались *точно в срок*, ибо запаздна <*так!*> на 1 неделю = *голоданию*. Принимаю это к сердцу, ибо *по себе* знаю, какова мусагетская аккуратность. Довожу до Вашего сведения, что последний месяц ему было выслано *60* марок (вместе 120) *без всякого объяснения*. Это — жестоко.

Остаюсь искренне любящий Вас Борис Бугаев.

P. S. Дорогой Эмилий Карлович! Умоляю Вас, войдите *реальнее* в мелочи «*Мусагета*». Ведь со мной в смысле высылки проделывали черт знает что. Войдите в положение Эллиса. Не верьте Кожебаткину. Тут *что-то не так*: проверьте *все* квитанции; показывал ли Вам Кожебаткин квитанции, что посланы деньги (ведь

это ничего на значит). Эллис был в Карлсруэ, Штутгарте: деньги могли его не застать и вернуться, а Кожебаткин Вас не уведомить. Эллис утверждает, что он не все месяцы получал.

Далее: на основании показания Прорубникова, будто Эллису он выслал *100* рублей, «*Мусагет*» ему *не выслал*. А Прорубников (шельма) Эллису *не высылал*[3].

И «*Мусагет*» посадил Эллиса на голодание. Я в ***негодовании***. Надо сделать расследование. Я — *выл* из Африки; теперь *воет* Эллис. Неужели оба мы — лгуны. Умоляю, сделайте расследование.

P. P. S. Эллис просит меня сделать поправку: Прорубников Эллису не не послал, а *100* рублей *не дослал*. Но Эллис 300 рублей был должен «*Дону*»[4].

Не теоретизируйте, что Эллис «*не от мира сего*». *Тут что-то не так.*

Только К. П. Христофорова спасла Эллиса от голодной… смерти?!![5]

Стыдно «*Конторе*» Мусагета!!…

Надо уведомлять о деньгах *точно* и высылать *точно*. А если нельзя, то заранее *уведомить*.

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 61. Датируется по почтовому штемпелю отправления на конверте.

[1] Ср. сообщение в письме Белого к А. С. Петровскому от 11 (24) мая 1912 г.: «Мы вернулись из Кёльна в среду вечером 8-го мая, а в понедельник к нам из Берлина приехал Эллис, прожил 3 дня. Был великолепен (вообще он *очень* подвинулся). Мы расстались в прекраснейших отношениях» (*Белый — Петровский*. С. 203. Понедельник — 13 мая н. ст.). См. также: Письмо Белого к Блоку от 19 мая (1 июня) 1912 г. // *Белый — Блок*. С. 464–466; *Андрей Белый*. Начало века. Берлинская редакция (1923). С. 753–757.

[2] С основания «Мусагета» Эллису были назначены ежемесячные денежные выплаты как ближайшему сотруднику и организатору издательства.

[3] В. Ф. Прорубников был владельцем московского издательства «Сфинкс», в котором планировалась к печати тетралогия Р. Вагнера «Кольцо нибелунга» в переводе Эллиса («…*Кольцо* Вы продали *Сфинксу*», — отмечал Метнер в письме к Эллису от 1 (14) ноября 1912 г. // РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 6). 7 (20) ноября 1912 г. Эллис писал в редакцию «Мусагета» по поводу этого перевода: «…прекращение ответов мне о судьбе рукописи и ненапечатание оной — побуждает меня уполномочить „Му<саге>т" *официально* затребовать ответа и считать рукопись своею, затребовав ее от „Сфинкса" с возвратом гонорара, уже уплаченного» (РГБ. Ф. 167. Карт. 7. Ед. хр. 78).

[4] «Дон» — меблированные комнаты в Москве на Плющихе (дом Патрикеева), где Эллис постоянно проживал до отъезда в 1911 г. за границу.

[5] На свое тяжелое материальное положение жаловался сам Эллис — в частности, в письме к Метнеру из Берлина от 4 (17) июня 1912 г.: «Приезжаю из Христиании, встречаю Азарха. Он говорит, что мной в „Мусагете“ недовольны, что вообще мои переводы Вагнера отвергнуты, что я денег получать больше не буду. <...> Заявляю, что *абсолютно* других ресурсов к жизни не имею, и лишение гонорара = равносильно нищенству и голодной смерти. <...> Живу я более чем скромно, отказываю в необходимом; в Бельгию ездил на деньги Белого, в Христианию на деньги, одолженные Сиверс, в Ганновер и Штутгарт на деньги „Сфинкса“» (РГБ. Ф. 167. Карт. 7. Ед. хр. 64. Упомянут Рувим Яковлевич Азарх — слепой хасид, которому Эллис тогда помогал в быту). Развернутые цитаты из письма к нему Эллиса, посвященного в основном той же теме и содержащего те же отчаянные прогнозы («Я на улице с призраком голодной смерти с 40 марками, оставленными мне Э<милием> К<арловичем> лично из милости...»), приводит Белый в письме к А. С. Петровскому от 9 (22) июня 1912 г. (*Белый — Петровский.* С. 205–211).

248. БЕЛЫЙ — Н. П. КИСЕЛЕВУ, Э. К. МЕТНЕРУ, А. С. ПЕТРОВСКОМУ, М. И. СИЗОВУ

7 (20) мая 1912 г. Брюссель

Николаю Петровичу, Эмилию Карловичу, Алексею Сергеевичу, Михаилу Ивановичу.

Дорогие мои друзья!

Пишу это письмо не для пререкания, а для мира и согласия в будущем. Для этого мне нужно очень отчетливо выявить свои грани, чтобы позиция моя была ясна для Вас. Это тем более необходимо, что теперь, после поездки в Кёльн, свидания и разговора со Штейнером[1], которому я предложил ряд вопросов, просто решающих мое отношение к Нему и его делу, Вам, должно быть, важно знать, *где* я и в *чем* я.

Еще осенью я твердо решил, что буду ждать *только до мая*, что томление неопределенности, отсутствие продолжения раз начатого пути, путаница с *м<е>д<и>т<а>циями*, обрывочность указаний, как быть с ними, действует разлагающим образом на меня, на каждого из нас, на весь наш дружеский коллектив, проявляясь и во внешней деятельности (хотя бы в «*Мусагете*») нерешительно, без инициативы (что говорить — истекший сезон был нудный, вялый сезон: что-то было *неладное* между

нами — Кожебаткин ведь лишь *эмблема* неладицы, *ларва*[2], паразитировавшая на нашей путанице, и *только*). Скажу еще более: в Москве я просто физически задыхался все время. Вы спросите о причинах: причины таковы. Я считал, что раз мы *коллектив*, то и во внешнем, в журнале, должна быть общая платформа, что я должен быть выразителем равнодействующей нас всех. В «*Весах*» я действовал за свой страх: как символист *врубался* в ряды петербургских писателей, наделал ошибок, быть может: но все тут было *четко* и *ясно*. Все лично мной платформировано: между статьей общего характера и последней рецензией было единство. В «*Мусагете*» я стал в высшей степени нечеток, ибо считал своим долгом, не предавая позицию Эмилия Карловича, не предавать позицию Алексея Сергеевича и вместе с тем не предавать «*Пути*»[3], не предавать Блока, Иванова. Вышло — какое-то кадетство: как согласовать 1) «*Логизм*» Гессена, 2) «*Оккультизм*» Киселева, 3) «*Направленчество и Россию*» Блока, 4) «*Символическую школу поэзии*» Иванова, 5) «*Символизм, как миросозерцание*» мой, 6) «*Культуру*» Эмилия Карловича, 7) Заглядывание к Штейнеру Алексея Сергеевича и Михаила Ивановича[4]. Едва я напирал на «*логизм*», морщились: Алексей Сергеевич, Михаил Иванович, Николай Петрович, В. Иванов. Едва я стал напирать на «*символизм*», как заморщились: Степпун, Яковенко, и я получил критику первого номера от Э. К.[5] И все забывали *филантропичность* моей позиции: корчась от логосовских статей[6], Алексей Сергеевич не сказал своего веского, определенно выраженного слова. Сотрудничество есть *со-действие*. *Со-действия* в деле не было со стороны большинства мусагетцев. За исключением Э. К., я должен отметить ужасающую пассивность в деле со стороны, например, М. И. Сизова, Алексея Сергеевича. Эмилий Карлович то уезжал, то был <в> деревне, так же как и я, и мы встречались редко по независящим от нас обоих обстоятельствам. Отсюда естественная недоговоренность. Далее *со-трудничество* в смысле идейного *со-действия* абсолютно не встретил я в ряде членов «*Мусагета*» в столь любимой мне области: в литературе и искусстве. Никакого идейного общения, никакого волнения о предметах искусства в М. И. Сизове и А. С. я не встретил: наоборот — искусство последних десятилетий было объявлено гнилым, мне советовалось писать à la Крыжановская[7]. Должен сознаться,

что единственно с кем я от времени до времени (за исключением Э. К.) говорил в «*Мусагете*» о искусстве, это был... Кожебаткин!

Мы вот завели «*символический*» журнал, а ведь для большинства мусагетцев символизм почти ненужное слово: ну кто разбирал, соглашался или хотя бы полемизировал с моим мнением о символизме? Ведь «*Эмблематикой Смысла*»[8] занялся разве что... В. Иванов из Петербурга. Я имею основание думать, что *реально* моя позиция относительно символизма, мой разбор символизма попросту друзьям неизвестен, не нужен. Иначе у некоторых друзей не было бы столь большой *апатии* к животрепещущим вопросам искусства. Все, что я писал как теоретик, как практик (ритм)[9], было вне плоскости большинства товарищей по Редакции. Моя статья о *мистике*[10], например, была принята не как стремление от чистосозерцательной мистики к практическому пути, а как озорство этого Бориса Николаевича, которого нужно опекать неизвестно *от чего* и *во имя чего. От чего* меня опекали? От жажды к деятельности? *Во имя чего? Во имя того*, к чему прикоснулись некогда ритуально через меня?

Мое недоумение, как всем нам быть, как гармонически в своей личности преломить разноустремленность нас всех, *я знаю*, понималось (например, Эмилием Карловичем*) как беспринципность. Друзья мои: блюдя ради нас несуществующее *status quo***, я превратился из льва в верблюда[11]: нагрузился степуновским скарбом от «*Логоса*». Стоило мне сделать шаг, как появлялось за спиной моей опекающее мнение. Словом, шаткость, неопределенность, недоумение, неуверенность этого года происходили во мне из доброго чувства, из желания не развертывать своего личного знамени — знамени Андрея Белого — во имя всё чаемого знамени целого кружка людей.

А где это знамя? Чего идейно хочет коллектив? Куда плывет «*Мусагет*», как целое? Ясна ли позиция: разрублен ли гордиев узел разноустремленности?

Уезжая из Москвы, я был полон желания продолжать и впредь со всеми считаться, всех опрашивать, обивать все пороги: аллегорически начинать день в беседе с Ахрамовичем в стенах редакции,

---

* *Сверху приписка Метнера*: Эллисом!

** Положение дел (*лат.*).

далее забегать к Ник<олаю> Петровичу, чтоб продолжить день с Эмилием Карловичем и окончить в беседе с Наташей[12] и Асей все о том же, о «*Мусагете*», о надеждах и опасениях, ибо я люблю «*Мусагет*». Для «*Мусагета*» я тащился в Петербург, там выслушивал критику Вячеслава, защищал «*Логос*», чтоб потом, в Москве спорить у Степпуна, защищая Вячеслава. Помню разговор с Гершенсоном, когда он нас всех укорял лишь в *гутировании* мистики, ибо «*центра не видно у Вас*» (слова Гершенсона); «будьте оккультистами, будьте религиозными проповедниками, но не будьте людьми, равномерно ценящими и понимающими *все*» (слова Гершенсона). Я часами сражался за «*Мусагет*» и в *Петербурге*, и в «*Пути*». А когда я в «*Мусагете*» отстаивал «*Путь*», Эмилий Карлович меня заподозрил в желании* перебежать в «*Путь*» (летняя переписка). Словом: бо́льшего идейного самопожертвования во имя *коллектива* (иные члены которого уже год относительно идейной платформы в рот набрали воды) *быть не может*.

И вот, уезжаю я — мне в спину летит обвинение в неверности «*Мусагету*».

Это было последнею каплей: я не сержусь — но видит Бог, две недели я ходил, как будто меня облили ведром холодной воды.

Параллельно с этим уже с месяц у нас с Асей ряд знамений, требующих разрешения[13]: есть минуты, когда человек бежит на исповедь: только *старец* или *ведающий* может дать совет, как быть. Такие странные знамения вплоть до встреч и *странных явлений* настолько участились для нас, начиная с нашей болезни и с общего сна[14] (я и Ася увидели во сне Штейнера единовременно — после всё и началось). Словом, «*сидеть у моря и ждать погоды*» было уже невозможно: *час приходил*...

Передряга с Москвой разрешила меня от последнего замедления. Моя политика выжидания принята как беспринципность**. Моя *филантропичность* безжалостно раскритикована, друзья мои (некоторые из друзей *биографически* забыли наши отношения: если бы они вспомнили годы нашего знакомства, я не был бы для них «*объектом опекания*»). Недоверие ко мне, первому и последнему

---

* *Примечание Метнера*: *Не потому!!*

** *Сверху приписка Метнера*: Эллисом! *Его же примечание*: А моя политика выжидания наименована «головка виснет»!

в коллективе, показало мне, что *коллектива* в специфическом смысле уже нет, и что я свободен. Когда я писал первое свое письмо ко всем Вам[15], и потом ходил по улицам Брюсселя, я чуть не плакал от незаслуженного недоверия. За помощью мы поехали к Штейнеру, и да: *получили ее*. Считаю долгом сказать: с июля я в Мюнхене *при Штейнере*[16]; что он велит, то и будет. Пора и мне позаботиться *лично о себе*, где мне учиться, дабы в будущем Вы, друзья мои, не упрекали меня в отсутствии четкости.

Теперь скажу каждому из Вас то, что накопилось у меня.

Эмилию Карловичу.

Эмилий Карлович, старинный мой друг: Вам я обязан более, чем кому-либо! Вы некогда раскрыли мне многие тайны музыки; Вы реально познакомили меня с благородством германской души, Вы приблизили Ницше, образ Гёте зазвучал магическою симфонией — забуду ли Вас? Никогда, никогда. Далее: мы вместе глядели на одни зори, подавали друг другу руки, как братья-рыцари. Разбитый, усталый, я приплелся к Вам в Нижний[17], и Вы успокоили меня. Далее: не раз Вы оказывали мне дружеские услуги, которые забываются только со смертью. Выходя из *коллектива*, я считаю, что я остаюсь лично с Вами.

Но вот мои грани различия с Вами: я более, чем Вы, русский; русская Душа, русский надрыв, русский народ, плачущий, по выражению Штейнера, «*детскими слезами*», в Вас подчас вызывает брезгливость, а русского «*мужичка*», с которым я часами просиживаю, как с своим-братом, Вы обегаете, лишь увидите издали. Тут я не с Вами, а глубоко с Блоком: Вы боитесь хаоса, забывая подчас, что *хаос есть реальная плоть Космоса: кто не войдет в гущу хаоса, тот не сумеет этой гущи сорганизовать*. Мое принятие Штейнера идет и по этой линии против Вас, ибо он *бóльше Вас чует в безобразии настоящей России нетленную красоту России грядущей*. Я иду к нему в надежде вернуться некогда в Россию служить ей полезным работником. По другой грани мы расходимся тоже: Вас шокирует Штейнер, что из Гёте он делает *средство* пропаганды; соглашаюсь, Гёте громаден: и нельзя им жертвовать: о, искусство до последнего издыхания буду я оберегать от всех теософов, оккультистов, оберегать даже от иных мусагетцев. И Штейнеру я искусства не отдам. Но — Вы забываете, что есть вопрос, о котором *прямо* мы никогда не говорили (а вот пришло

время начать с него в коллективном послании): это вопрос о Христе. *Гёте* или *Христос*? Допустим, что такой альтернативы не может быть. Но если бы была, то я *со Христом* против *Гёте*. Я не *пантеист*: я был, есмь и буду исповедующим имя Христово и реально чувствующим *Его Приближение*. Вместе с тем я не могу быть во внешней Церкви, изжил позицию Мережковского, знаю, надо теперь становиться под определенное знамя Христово: полтора года ждал призыва[18] — и нет его. И потому я теперь иду к Штейнеру: Христос и Россия! О том и другом говорит мне Штейнер. И верю — культура, искусство приложатся. А у нас вот хранят глубокое молчание о Христе и России (в Мусагете), о культуре же много говорят. Я говорю: я — с культурой. Но если бы встало противоположение: быть с культурой в пассивности, или стать активным солдатом подготавливаемого Крестового Похода и быть вне плоскости культуры, я бы стал крестоносцем. Я понимаю, *о последнем* не говорят, но есть моменты, когда не сказать о *последнем* значит отречься: если бы встретилась альтернатива — «*метать бисер*» «*между водкой и селедкой*» с одной стороны и «*отречься от Христа*» простым молчанием, я стал бы между *водкой и селедкой метать бисер*, чтобы *не отречься молчанием*.

А Гёте, культуру, корректность и космичность (не хаотичность) приемлю во всех тех пунктах, где они не умалчивают о Христе там, где иной раз уже молчать становится невозможным. Поймите, друг: у меня бывают минуты *знания*, *ощущения* того, что Штейнер говорит о Приближении. Как же я могу не идти на голос об этом, особенно видя, что в атмосфере московского *перевоздержания*, осторожности и мусагетской боязни сказать свое последнее *credo*, как веруем, — в этой атмосфере *цветы не цветут*, *сплетаются сплетни* и *братья начинают коситься на братьев*. Оттого-то мы с женой и поехали в Кёльн.

Николаю Петровичу.

Николай Петрович! К Вам моя любовь, мое уважение — уважение глубокое и стремление слушать Ваше строгое и правдивое слово. Не понимаю я в Вашей позиции следующего. Вы вместе с Эмилием Карловичем против Штейнера: но Вы считаете себя православным и Ваше Главное, насколько я Вас понимаю, есть православный Путь. Как же Вы примиряете в себе наш общекультурный путь с неуклонно узкой и глубокой линией православия?

Если сумеете научить, научите: я вот измучился, изошел кровью между нашим знаком и философией, между Востоком и Западом, Москвой и Петербургом, Россией* и Европой: скажите — в итоге этих восемнадцати месяцев нашли ли Вы равновесие, считаете ли Вы, что все между нами благополучно; если *да*, скажите, в чем наше преимущество перед всеми; если *нет*, то... куда идти? Вам, как церковнику, я скажу: были года, я искал в Церкви внешней *слов поучения*, и я нашел лишь красноречивое молчание, полное и смысла, и вместе многосмыслий: лучшее в Церкви молчит. Мы гибнем, а *они* всё молчат: заговори *они*, я был бы не со Штейнером, а *они* молчат, молчат, всё молчат, пока несведущие (вроде путейцев) предлагают лишь схемы. Вы-то хотите быть и во внешнем круге видимой Церкви, а она Вас не приемлет: она Вас отлучит за Ваши эстетические вкусы, за Ваши увлечения алхимической литературой. Я не рву с Церковью, но я вынужден вне очертания церковной ограды искать ответы на вопросы мои. Они *не знают о Христовом Приближении.* И радость Воскресения во Плоти им чужда. Словом, они хотят Креста: Розы никогда не примут они. Выходя из коллектива, я протягиваю с любовью и благодарностью руку Вам: будемте друзьями и впредь. Я же не могу оставить плоть, общество, искусство, жизнь: я не могу быть без Розы.

Оттого-то мы с женой поехали в Кёльн.

И еще. Штейнера все христиане подозревают в люциферизме и предвзятом толковании Христа. Я должен заявить, что слышал лекцию Штейнера «*Христос и XX век*»[19]. Эта лекция была точно нарочно для меня прочитана: все мои сомнения в его понимании Христа *рассеяны* этой лекцией. Его понимание не посягает на *символ веры*, ни на православное *раскрытое в разуме* учение, а углубляет, говорит о еще не раскрытом в истории («Многое имею еще сообщить Вам», но... «а когда приидет Утешитель»[20]). Отрицая принципиально углубление ⴲ символизма о Христе, Вы должны отрицать и учение Соловьева о догматическом развитии. Мои лично сомнения о Христе этой слышанной лекцией сняты. Из всех тем именно эта была для меня наиспорнейшая в Штейнере. Не случайно он ее при мне читал. Отрицание Штейнера должно быть основано на реальном знакомстве с ним: на свиданиях

---

* *Сверху приписка Метнера*: ? в кот<орую> *не* верит Штейнер

и разговорах с ним, а не на подозрении. После *реального* соприкосновения с ним в ореоле знамений, мы решили хотя бы два месяца пожить *при нем*, чтобы ответить на вопрос, что есть Штейнер. И мое главное пожелание видеть Вас в Мюнхене на августовском курсе в качестве эксперта от Москвы, где много говорят против Штейнера и где мало соприкасались реально с его личностью. Приезжайте: предупреждаю Вас, штейнерьяда отныне в Москве усилится, и Вам все равно придется когда-нибудь ехать к нему, хотя бы для того, чтобы уметь в будущем бороться со все растущим его влиянием.

Алексею Сергеевичу.

Алеша, брат мой! Тебе ли писать о том, что нас разделяет, когда Тебя ощущаю воистину братом! Мне ли забыть многое, многое за 10 лет нашей близости! Знай только, помни — Ты мне брат: и все имеющиеся между нами «*разногласия*» и «*при*» не относи к себе лично: помни, я говорю о сегодняшнем непонимании наших отношений, свято неся вечную ноту нашей неразрывной близости. Так и помни. А теперь позволь мне для будущей ясности облегчить душу.

Линия моего непонимания Тебя заключается в том, что вижу иногда у Тебя желание *опекать* там, где никакой *опеки* быть не может. У Тебя есть много чисто-отеческого желания снисходить, понимать, оберегать, помогать. Это Твоя прямо *жемчужная* черта прекрасна, я ей преклоняюсь, но… с некоторого времени тут что-то не так: ты снисходишь… почти до слепоты. Для Тебя слово *увлечение* есть почти страшное слово. Ты безмерно спокоен, или желаешь казаться таковым. И часто Ты в этом кажешься *слепым*. От этого Ты начинаешь производить впечатление человека, у которого выдохлись все интересы. Искусство Тебе не дорого: Ты уже даже перестаешь понимать искусство. Мне иногда зимой было трудно с Тобой говорить, ибо на все у Тебя одно: «Э, да что там!»… Смотри: за «*э да что там*» как бы Ты не просмотрел, что совершается в душах близко от Тебя стоящих людей. Помнишь наш разговор в Бобровке[21], когда я кричал: «Говоришь, говоришь, вопишь, а не слышат!» Ведь это я Тебе говорил, но и тогда, в Бобровке Ты меня не услышал. Вы все под моим молчанием и моей видимой растерянностью просмотрели линию моего выхождения из *коллектива*. Уже полтора года, с Каира, я пытаюсь каждому из

Вас что-то сказать, и у меня впечатление, будто Вы не слышите меня, погрузились каждый в себя и из этой Нирваны равнодушно, *без увлечения* судите, взвешиваете, режете по живому, говорите о *коллективе*, но это — звук пустой. Алеша, опомнись: протри глаза — не Тебе меня опекать; решать за другого, что ему нужно: вспомни: я всегда был с именем Христовым, я никогда не менял круто основной линии пути; а Ты? На первом курсе я с Тобой сражался за *Главное*, и, конечно, *Главным Главного* было имя Христово. На втором курсе Ты круто повернул, и я, доходивший почти до бешенства в спорах с Тобою за *все святое*, в два месяца был заподозрен Тобой в антихристианстве? Ты пошел в Академию[22]. И настали года, когда я уже был опять-таки более христианином в исповедании, чем Ты. Никогда не рисовал я ломаных линий, каким был, таким стал. Я упрекаю Тебя в том, что вижу, как Ты забываешь вчерашнее. Как бы я ни менял тактику, я не есмь тот, кого опекают. Всю эту зиму при попытках говорить ребром у Тебя я встречал «*э, да что там*». Алеша, бойся страшного паралича в развитии личности, имя которому «*благодушие и равнодушие*».

Милый брат, целую Тебя. Помни: эти слова мои не обвинение, а только до *nec plus ultra** подчеркивание одной едва звучащей в Тебе ноты; если она зазвучит громче, Тебе грозит остановка. Этой нашей общей остановки боюсь я: мы из *коллектива* превратились в *коллегию* друг друга опекающих и друг за другом ходящих дозором вплоть до наведения справок и сыска. Сторож коллектива, оберегая *коллектив* от увлечений, гневов, восторгов, как бы не стал Ты оберегать общее и от «*звуков сладких и молитв*»[23]. Побольше Тебе истерики, безумия, вдохновения — побольше «*эллисовщины*», иначе сетованья Эллиса о Вашем с Мишей кадетстве превратятся в сетованья реальные. Боязнь *увлечения*, желание, чтобы все было благополучно, часто обертывается окаменением и утратой огня, а с огнем угашаются в сердце все интересы.

Огня интереса к реально происходящему в душе ближнего я желаю Тебе.

Михаилу Ивановичу.

Миша, милый: Ты не думай, что я забыл ту особую линию наших с Тобой отношений, которая началась с прихода в гости ко

---

* Последняя степень (*лат.*).

мне, «*Всаднику Белому*»[24], Тебя, «Всадника Рыжего». С этого дня я Тебя особенно нежно полюбил; я всегда был с Тобою, и когда мы встречались, и когда не встречались. Твоего письма из Ялты в трудные для меня дни я тоже не забыл[25]: все знаю, все помню. С той поры много изменилось — Ты возмужал, углубился: я уважаю глубоко Твою выдержку, твердость воли, постоянство в намеченной цели и систематичность. Уже давно — мы братья. И выходя из *коллектива*, я не только жму руку Тебе на прощание, я жму руку Тебе, как путнику на параллельном и мне близком пути. Что же я имею против Тебя? Против Тебя я немного имею, но уж буду до конца четок. Буду намеренно углублять мои недовольства. Алексей Сергеич снисходительно опекает и при том часто не видит, что он опекает, и во имя чего в данном случае опекать: опекает и снисходит *так вообще*; и потому иногда бывает *слеп*: получается *путаница*. Ты же часто уходишь, Твоя опасность: «*Мое дело сторона*». «Вы — мусагет, а я — штейнерист». Ты подчеркиваешь иногда свою неприкосновенность в том, в чем мы сообща *барахтались этот* сезон, думая, что соблюдаем какое-то *status quo*. Тебе я скажу прямо: когда мы в Брюсселе встретились с Эллисом[26], Эллис мне сказал: «Жму Тебе руку за то, что Ты всю зиму твердо держался в стороне от Штейнера. Я даже против Тебя старался организовать в Москве кружок, но я на Тебя не сердился, ибо лучше Штейнера проклинать, чем заглядываться на него».

Так вот: *крайний левый* штейнерьянец подал бывшему *крайнему правому* (с его точки зрения) свою левую руку, осуждая кадетскую тактику М. И. Сизова и Петровского. Я знаю, что это не так, но считаю нужным заявить, что я не был в штейнеровском *бунде*[27], ожидая *времен и сроков*. Относительно себя я соблюдал *во имя всех нас* (как носитель лозунга) строжайший нейтралитет: на Штейнера, как *мне временно* запрещенное, не заглядывался и даже вызывал с Вашей стороны нарекание в индифферентизме. Но моя нерешительность, боль, молчание, убегание в сторону, надеюсь, были красноречивыми показателями, как мучительна для меня остановка в *пути*. Вы этого не поняли.

Поймете ли Вы меня теперь? Я не знаю. Что касается меня, я себя понимаю прекрасно. В день, когда я счел *необходимым* ввиду отсутствия ясности наших отношений выйти, я столь же определенно и решительно, с «*увлечением*», так сказать, попал

в Кёльн предложить Доктору прямой вопрос, как мне быть *далее*. И когда вместо ответа Доктор нас позвал, я не счел нужным говорить о том, что пути наши не сходятся (какие это у нас пути — «*сидеть у моря и ждать погоды*» до смерти?). Я определенно заявил Штейнеру, что согласен: и теперь, если потребует тактика движения, я поступлю в какие угодно «*теософы*» и в какие угодно «*тетки*»[28], раз прикажет тот, кому я доверяю. То, что я знаю о Гельсингфорсе[29] (а я все знаю), заставляет меня надеяться, что и Вы с Алешей отныне придете прямо к Штейнеру, а не станете «*так сказать*» штейнерьянцами.

Милый друг, вот сказал, как умел[30].

Дорогие друзья, еще раз прошу верить моей любви, преданности к каждому. Да хранит Вас Господь.

Б.

P. S. Если Алексея Сергеевича это письмо мое уже не застанет, то по прочтению оного Э. К. Метнером, Н. П. Киселевым и М. И. Сизовым я *очень* прошу переслать и А. С. Петровскому по его летнему адресу[31].

РГБ. Ф. 128 (архив Н. П. Киселева). Опубликовано А. Л. Соболевым: Арабески Андрея Белого. С. 69–77 (датировка: Около 7 (20) мая 1912. Брюссель). Датируется по почтовому штемпелю отправления: Brussel. 20 V 1912. Штемпель получения: Москва. 10. 5. 12.

1 См. примеч. 4 к п. 246.

2 Лярва — в древнеримской мифологии душа умершего злого человека, приносящая живым несчастья и смерть.

3 Московское религиозно-философское издательство «Путь» здесь осмысляется как параллельное и альтернативное «Мусагету», отстаивавшее национальные культурные ценности в противовес «мусагетским» западноевропейским.

4 Приобщение А. С. Петровского и М. И. Сизова к штейнерианству Белый относит к лету 1910 г.: «В то время Сизов и Петровский примкнули к учению Штейнера; мне то не нравилось» (*О Блоке*. С. 357). В августе 1910 г. Петровский слушал лекции Штейнера в Мюнхене и Берне, 18 августа 1910 г. вступил в Теософское общество (см.: *Малмстад Дж.* «Мой вечный спутник по жизни». Переписка Андрея Белого и А. С. Петровского: хроника дружбы // *Белый — Петровский*. С. 36–37; *Майдель Рената фон.* «Спешу спокойно...»: К истории оккультных увлечений Эллиса // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 227). 5 (18) мая 1912 г. Белый писал

матери о Петровском и Сизове: «...оба завзятые штейнерьянцы; ведь они в Москве устроили штейнеровский кружок» (*Малмстад Джон.* Андрей Белый в поисках Рудольфа Штейнера: Письма Андрея Белого А. Д. Бугаевой и М. К. Морозовой // Новое литературное обозрение. 1994. № 9. С. 118).

[5] Э. К. Метнер охарактеризовал 1-й номер «Трудов и Дней» в неизвестном нам письме к Белому (см. п. 241, преамбула к примеч.).

[6] Подразумеваются статьи, опубликованные в 1910–1911 гг. в «мусагетском» международном журнале по философии культуры «Логос».

[7] В. И. Крыжановская пользовалась известностью в первые десятилетия XX в. как автор многочисленных романов, ориентированных на невзыскательную читательскую аудиторию, на темы оккультизма, спиритизма, магии и т. п.

[8] Статья Белого, опубликованная в его книге «Символизм» (1910).

[9] Подразумеваются четыре статьи по стиховедению, опубликованные в книге «Символизм».

[10] Имеется в виду статья «Нечто о мистике» в № 2 «Трудов и Дней».

[11] Образы из «Речей Заратустры. О трех превращениях» («Так говорил Заратустра», ч. 1): «Три превращения духа называю я вам: как дух становится верблюдом, львом верблюд и, наконец, ребенком становится лев» (*Ницше.* Т. 2. С. 18. Пер. Ю. М. Антоновского).

[12] Н. А. Тургенева.

[13] См. п. 246, примеч. 16.

[14] См. примеч. 2 к п. 242. Подробное описание сна — в письме Белого к Блоку от 1 (14) мая 1912 г. (*Белый — Блок.* С. 454–455).

[15] Имеется в виду п. 245.

[16] Ср. сообщение о встрече в Кёльне с Р. Штейнером (Доктором) 24 апреля (7 мая) в письме Белого к матери от 5 (18) мая 1912 г.: «Доктор выслушал нас (у нас был к нему ряд вопросов); сначала говорил я, потом Ася через переводчицу — М. Я. Сиверс. В итоге разговоров случилось вот что: Доктор нас позвал к себе — в июле. С июля месяца он в Мюнхене. В августе он читает курс. Он сказал: „Приезжайте в Мюнхен не к курсу, а к нам: поживите с нами нашей общей жизнью, а там посмотрим". Словом, выходит, что мы едем прямо вступить на путь ученичества под руководством Штейнера или Штейнером приставленного лица» (*Письма к матери.* С. 153).

[17] Имеется в виду поездка к Метнеру в Нижний Новгород во второй половине марта 1904 г.

[18] Подразумеваются мистические предначертания, которым Белый был подвержен в 1910 г. под определяющим воздействием А. Р. Минцловой.

[19] Лекция, прочитанная в Кёльне 24 апреля (7 мая) 1912 г. Своими впечатлениями от нее Белый в подробностях поделился в письме к Блоку от 1 (14) мая 1912 г. (см.: *Белый — Блок.* С. 457–460).

[20] Ин. 16: 12; 15: 26 (неточные цитаты).

[21] Белый вместе с Петровским жил в Бобровке в конце февраля — начале марта 1909 г. и в конце марта — апреле 1910 г.

[22] А. С. Петровский поступил в московскую Духовную академию осенью 1903 г., взял отпуск оттуда осенью 1906 г., после чего занятий в Академии не возобновил; в 1907 г. поступил на службу в библиотеку Румянцевского музея.

[23] Цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Поэт и толпа» («Поэт по лире вдохновенной…», 1828).

[24] Ср. первую строку стихотворного послания М. И. Сизова «Андрею Белому» (23 марта 1905 г.): «Ты первый всадник, всадник белый» (*Лавров А. В.* «Прекрасный рыцарь Парсифаль»: М. И. Сизов — корреспондент Андрея Белого // Лавров А. В. Символисты и другие. С. 450).

[25] Видимо, имеется в виду письмо Сизова из Алушты от 1 августа 1906 г. (см.: Там же. С. 455).

[26] См. п. 247, примеч. 1.

[27] Bund (*нем.*) — союз, лига.

[28] Насмешливое обозначение значительного контингента поклонниц Р. Штейнера и слушательниц его лекций. Впоследствии Белый писал в «Воспоминаниях о Штейнере» (гл. 2, главка 12): «„*Тетки*“ *обдавали* его <Штейнера. — *Ред.*> кипятком преданности, смешанной с парами душной влюбленности, на что порою он жаловался с эстрады. <…> „*Тетка*“ — определение антропософки, догматически шаржирующей антропософию; с „*теткой*“ — боролся доктор всю жизнь; а „*тетка*“ — перла и перла в общество на протяжении 20 лет, преодолевая все искусственные преграды, ставимые ей на пути <…>» (*Андрей Белый.* Собр. соч.: Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности; Воспоминания о Штейнере. М., 2000. С. 309). Ср. аналогичную характеристику: «…соединение сектантства с поразительным отсутствием интересов к чему бы то ни было, кроме Штейнера, характеризовало тот тип теософок, которые были прозваны „*теософскими тетками*“; и характеризовала тот тип удивительная любовь к сплетням (мистическим, оккультическим, просто житейским). <…> „*тетка*“, так сказать, выступала наружу при первом знакомстве с движением Штейнера: она первая к вам подскакивала, начинала учить, агитировать, ставить отметки вам, даже за вами подглядывать; с беззаветным усердием „*тетка*“ готова была наставлять вас, расстраивать даже семейную жизнь. <…> Этот тип теософки, всегда появляяся на авансцене движения пред новичками, годами отпугивал от движения многих искренно и глубоко подходящих; воистину: выдержать „*тетку*“ и не сбежать — есть победа над искусом; „*тетка*“ — жалкая, балаганная карикатура, повешенная на дверях „*храма познания*“ <…>» (*Андрей Белый.* Начало века. Берлинская редакция (1923). С. 781).

[29] С 3 по 14 апреля (н. ст.) 1912 г. Штейнер прочел в Гельсингфорсе цикл из десяти лекций «Духовные существа в небесных телах и царствах природы»; там же 11 апреля он выступил с отдельным обращением к русским слушателям, в котором изложил свои представления о «русской народной душе» (см.: *Штейнер Рудольф*. О России: Из лекций разных лет / Сост., пер., коммент. Г. А. Кавтарадзе. СПб., 1997. С. 9–20).

[30] М. И. Сизов дал характеристику этого письма Белого и его предыдущего письма к «мусагетцам» (п. 245) в письме к Вяч. Иванову от 24 мая 1912 г.: «Одно Ваше предсказание оправдалось: Борис Ник<олаевич> написал нам сюда сначала, что он, если ему не доверяют (придирка к мусагетским недоразумениям), и сам не нуждается, даже больше — что в нем нуждаются, и порывает, и едет к Штейнеру. Затем, после свидания с Ш<тейне>ром, написал, что он с ним, „что Ш<тейне>р прикажет, то и будет", „прикажет — поступлю в какие угодно тетки и теософы". <...> При этом Б<орис> Ник<олаевич> упрекает меня и Алекс<ея> Серг<еевича> в кадетизме. „Лучше, говорит он, Вам прямо идти к Ш<тейне>ру, чем быть «так сказать» штейнерианцами". К этому присоединяется и упрек в рассудочности и отсутствии увлечения. Я на это ему ответил, что *увлечением* тут дело для меня не решается при всем моем восторге (действительно) и доверии к Ш<тейне>ру, что они со Львом <Эллисом. — *Ред.*> могут меня записать в „так сказать" штейнерианцы» (РГБ. Ф. 109. Карт. 34. Ед. хр. 34).

[31] Дополнительные пояснения относительно этого послания Белый дал в письме из Брюсселя к Н. П. Киселеву, отправленном 19 мая (1 июня) 1912 г.: «...многое в моем письме (коллективном), вероятно, эмоционально несправедливо, и я искренно прошу меня извинить. Но этот эмоциональный тон <...> вызван письмами Э. К., неоднократно писавшего мне в таком тоне, что у меня не оставалось сомнения: я принужден был думать, что Вы, друзья мои, считаете, что я совершил какую-то измену. Я просил убедительно Э. К. писать в более спокойном и корректном тоне; и в ответ получил еще более нападающее письмо, мелочность обвинений (если бы они и были справедливы), высчитывания количества прегрешений и т. д., размазанное на 25 страницах большого формата, вместе с тем молчание Миши и Алеши, которым я писал, — все это и вызвало с моей стороны коллективное письмо. Так что Ваше письмо и письмо Ал<ексея> Сергеевича, полученные впоследствии, мне показали, что Э. К. *больной*, *расстроенный* человек, и я пожалел, что поднял такой шум на истерические многостраничные письма. Тщетно я умолял Метнера *не писать* мне длинных нападательных писем (после каждого у меня пропадала часто охота иметь реальное сопр<икосновение> с *Мусагетом*). Я и теперь получаю громадные письма, где *отражаются последние мои* разъяснения и т. д. Чего Э. К. хочет, так истерически *вопя* 2 месяца, не знаю. Я же отказываюсь ему отвечать по пунктам, жалею, что написал оба коллективных письма, свидетельствую Вам свою искреннюю, неизменную любовь и преданность» (Арабески Андрея Белого. С. 82. Публ. А. Л. Соболева).

249. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

19 мая (1 июня) 1912 г. Брюссель

Дорогой друг!

Сейчас получил Ваше письмо длинное[1]. Прошло около месяца после отправки моего письма до Кёльна[2], до ряда событий невероятных в нашей жизни с Асей. И ответ Ваш через месяц повергнул меня в грустное чувство: *когда же все это кончится*! Вот два уж месяца, как хочу я Вам написать о целой *эпопее*, нами пережитой, но Ваши письма отнимают *какую бы то ни было возможность психически* иметь с Вами общение духовное вне *Кожебаткина* и продажи *романа*, который, кстати сказать, я не мог писать около 3 недель из-за писем Ваших[3]. Боже мой: вот реакция на Ваши письма: видя конверт от Вас, я уже нервничаю, кончаю письмо — неизменные — прилив к голове и мигрень. А Вы *требуете*, чтобы я перечитывал Ваши перечисления мотивов, почему правы Вы, а не я.

Ну хорошо. Я дал себе слово — не возвращаться к полемике; но поскольку я считаю, что образ мой очерчен Вами в письмах искаженно, то я не могу согласиться с очень многим Вашего письма. Ибо стоит мне объяснить, что я 3 часа у Кожебаткина не сидел[4], как вы строите новое обвинение: почему же Вы не писали Кожебаткину. Ответишь на это — и вырастет опять новое.

Я и решил: больше не писать ни о чем подобном. Считайте себя правым. При свидании мы поговорим, ибо *perpetuum mobile* есть *perpetuum mobile*. Сколько бы мы ни объяснялись письменно, мы не подвинулись бы.

А жаль, очень жаль, что Вы загнали нашу переписку в какой-то роковой тупик, из которого совершенно не слышен голос «*старинного*» друга, к которому мысленно я возвращаюсь, с которым имею «*умопостигаемые*» беседы и с которым в письме так трудно эмпирически побеседовать о *Главном*, *Странном* темпе нашей брюссельской жизни. Впрочем, Вам, вероятно, и не интересно знать, что с нами *было*...

Сейчас у меня остался месяц до срока окончания романа, и надо работать *безмерно*, чтобы выполнить обещание представить окончание к 20 июню[5]. Наш день в Брюсселе проходит так: с 10 *до* 7 часов пишу. С 7 *до* 10 занимаемся немецким языком,

читаем интимные курсы Штейнера и делаем к ним комментарии. После 10 чувствуется такая усталость, что просто ужас. Такой темп жизни вызван тем, что мы в начале июля в Мюнхене (около Штейнера), а в августе слушаем курсы.

Вообще вопрос о Штейнере мы решим не *издалека*, а основательно его узнав, и как личность, и как Учителя, ибо первый же разговор с ним и 3 проведенных в Кёльне дня в его атмосфере разбили все мои отвлеченные схемы о нем. Остается *неминуемо реально* узнать и его, и его доктрину.

Наши недоразумения, наша взаимная усталость, «*при*» и прочее есть для меня показатель нашего общего несовершенства. Охотно признаю, что весьма несовершенен и я, и прошу меня простить в том, что в моих письмах или в моем поведении показалось Вам странным. Прошу только об одном: отложим все это до личных разъяснений. Никакого чувства у меня против Вас нет, но пререкаться четверть года из-за того, 3 минуты или 3 часа я дружил с Кожебаткиным, я не могу (я работаю по 10 часов в день и готовлюсь к очень важному шагу жизни); а в таком настроении все «*пререкания*» просто ужасны: просто рассматриваешь их как нечто *во что бы то ни стало желающее* тебя *сорвать* (*il faut le battre, le pétrire, le broyer*)[6].

Охотно уступаю Вам до личного разговора Вашу *абсолютную* правоту: только не будем пререкаться.

Милый, на днях Вам пишу и опять-таки о спорном пункте: о своих отношениях к д'Альгейму и о том, почему я все-таки еду в *Bois-le-Roi*[7], хотя Вы наложили на меня *нравственный* запрет. Тут опять мы не сходимся. Мой адрес: France. Bois-le-Roi. Seine et Marne. Chèz Monsieur Pierre d'Alheim. Ася приветствует Вас. Крепко жму руку. Остаюсь глубоколюбящий Вас

Борис Бугаев.

P. S. В Берлин не приеду, ибо еду *работать с утра до ночи*.

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 62. Датируется по почтовому штемпелю отправления на конверте. Отправлено в Пильниц.

[1] Это письмо Метнера не выявлено.

[2] Имеется в виду п. 245.

[3] Речь идет о работе над 4-й главой романа «Петербург».

[4] О предотъездной встрече Белого с А. М. Кожебаткиным см. п. 245.

[5] Обещание, данное Белым издателю К. Ф. Некрасову (см. примеч. 3 к п. 241).

[6] См. п. 246, примеч. 14.

[7] Имеется в виду дом П. И. д'Альгейма и М. А. Олениной-д'Альгейм в Буа-ле-Руа (под Парижем, вблизи Фонтенбло). Белый приехал туда около 22 мая (4 июня) 1912 г. 17 (30) мая он писал матери из Брюсселя: «Переезжаю во Францию. Ася остается неделю у Данса (он ее не отпускает), а я еду к д'Альгеймам, потому что надо кончать роман, а в Брюсселе стало шумно и жарко» (*Письма к матери.* С. 155).

250. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

23 мая (5 июня) 1912 г. Буа-ле-Руа

Многоуважаемый и дорогой Эмилий Карлович!

Вы пишете[1], что *окончательно* убедились в том, что нечего от меня ждать понимания моих *прегрешений*, ибо то, что Вы ждете от меня, сводится к тому, чтобы я перед Вами раскаялся и признал, что Вы во всем правы. Вы не понимаете, что настойчивый тон, невозможная едва терпимая раздражительность Ваших нападок, прошлогоднее выражение Ваше «*уважение пало*»[2] (которое я не мог никогда забыть и никогда не забуду, ибо подобных выражений по отношению ко мне *никогда никто* себе не позволял): — словом, настойчивая запальчивость Ваших писем в свою очередь показывает мне *окончательно, «что нечего ждать от Вас надлежащего отношения»* к моей просьбе не писать мне писем такого содержания и отложить вопрос о наших отношениях до свидания.

Итак, это мое последнее письмо на темы нашей переписки.

Неоднократно я протягивал Вам руку примирения: Вы *тоном* Ваших писем показали мне, что не принимаете мое желание через все заговорить с Вам<и> по-настоящему, по-дружескому.

Мое коллективное письмо оправдательного характера[3] вызвано *Вашим* указанием мне, что в «*Мусагете*» все удивляются моим поведением, и потому я и понял, что Вы лишь выразитель дружного негодования на меня друзей: в письме своем я повторил главным образом *лишь то*, что написал Вам лично в первом письме[4], ибо от Вас получил уведомление, что Вы моего письма к Вам *не получали.*

Вы и Штейнера использовали для того, чтобы ткнуть меня носом новый раз в кашу нашей переписки.

Что Вы́ все толкуете о моих поступках, стоите над душой и два месяца не даете мне покоя. *Вы мне сорвали* мою работу, измучили — и гвоздите, гвоздите, гвоздите.

Убедительно прошу Вас, дорогой друг, лучше вовсе не писать мне, чем безрезультатно *препирать* и *попирать* меня и самому *препираться* о мои письма, которые суть лишь самооборона. Когда на Тебя нападают, то Ты защищаешься, ибо не желаешь ходить в морально полученных синяках. Вы даже не замечаете, как *грубо* иной раз бьете меня хотя бы пожеланием о том, чтобы отношения наши были *perpetuum nobile**: ведь, судя по контексту всех писем, отношения наши благодаря мне — суть *perpetuum ignobile***, где автор *ignobilia**** я. Вы гипертрофируете всякий мой *lapsus linguae***** по отношению к Вам, а сами вы покрываете меня своими *lapsus*'ами. Вы слишком чутки к *тону* моих писем и весьма *нечутки* к тону, каким Вы пишете.

Вы с какою ожесточенностью сами жжете все мосты между нами: после получения Вашего последнего письма у меня опустились руки: если я написал позорящее Вас письмо, ради Бога простите, умоляю Вас, ибо я ни в мыслях не хотел Вас оскорбить.

Вы же не видите, что заставляете думать меня о Вашем отношении ко мне после заявления (прошлогоднего) *уважение пало* и после «*прекрасно звучащего*» сетования о *perpetuum ignobilia*. С неуважаемым автором, отношения с которым суть *ignobilia*, *не переписываются*. Требовать, чтобы адресат внимательно глотал подобные выражения как *уважение пало*, *стану капралом* и *perpetuum nobile* (в противоположность ignobile), конечно, становятся на дороге всякого понимания.

Вы сообщаете мне обо мне заведомо ложные сведения о том, будто я имел трехчасовую беседу с К<ожебаткин>ым конспиративного характера *тоном*, не допускающим сомнения в том, что вы *верите заведомой лжи*, не понимая, что уже фактом этого сообщения *в тоне доверия* к сообщению вы жестоко меня оскорбляете, вызывая меня на бурнейшую реакцию.

* Вечно благородными, прославленными (*лат.*).

** Вечно незначительные (*лат.*).

*** Незначительность, неважное качество (*лат.*).

**** Обмолвка, оговорка (*лат.*).

После же вы только между строк только сообщаете мне, что весьма рады, что дело обстояло не так, с *недопустимою легкостью*, не имея ни капли раскаянья, ни даже понимания того, что вы, размазывая *ложь* на многих страницах, доставили мне дни нестерпимого страдания и горечи незаслуженной обиды. Словом, если бы Вы реагировали с тою же чуткостью на обидность для меня Ваших писем, с какой реагируете на каждую мою фразу, — не было бы двухмесячной переписки, не было бы с моей стороны *явного нежелания* перечитывать Ваши *прокурорские акты*. Конечно, я *неврастеник* («*при такой неврастении нечего ожидать, что Вы можете отнестись к письмам так, как надо*»[5]). Merci! Когда В. К. Кампиони позволил себе однажды заметить мне нечто подобное, то я около недели с ним *не говорил*. Сказать это столь же *деликатно*, как ткнуть пальцем в *горбатого* и крикнуть: «Горбач! Горбач». По поводу неврастении напомню Вам евангельский текст о *сучке* и *бревне*[6]. И так что же двум неврастеникам объясняться на неврастенические темы, в которых давно уже элемент дела исчез. «*Мусагет*» испарился, о «*Трудах и Днях*» ни слова, а на желание мое писать об ином, внутреннем, важном для меня — я получаю немой ответ: «*Je m'en fiche*»...*

Ладно: не стану приставать к Вам с внутренним, и не пишу больше о нашей тяжбе.

Наша переписка, согласитесь, не есть ни *деловая*, ни *духовная*, ни холодная, ни горячая: она — душевная, теплая и слякотная канитель, где мы пересчитываем, кто кого переоскорбил.

Не я напал на Вас: Вы бросили мне заряды обвинений: прокурорски судя, уже предрешали суд и вынесли приговор, поверили Кожебаткину (*факт невероятный*!!!) и тем поставили меня в невозможность спокойно Вам отвечать.

Ваши письма показали, что у Вас нет *ни капли уважения ко мне*, раз Вы можете верить заведомо ложному.

В последний раз умоляю: до личного свидания *en deux*** (когда спокойно, с глазу на глаз возможно вернуться к нашим отношениям) не будемте касаться темы двухмесячной канители. Я предупреждаю Вас, что еще слишком остро чувствую боль огорчения,

* «Мне наплевать» (*фр.*).

** Вдвоем (*фр.*).

чтобы со спокойным беспристрастием и милой улыбкой на лице отвечать на темы вроде «*ignobile*».

Остаюсь крепко любящий Вас Борис Бугаев.

P. S. Я не вполне понимаю, чего Вы хотите от меня: я готов анализировать все свои недостатки, знаю, что слаб и нищ. И охотно прошу прощения в том, что Вам доставил столько неприятных минут. Одного я не стану делать: унижаться и кланяться! Я уже многократно пытался идти Вам навстречу, и Вы требованием, чтобы я признал, что Вы во всем великолепны и правы, показали мне, что хотите чего-то иного, чем примирения или разбора: Вы хотите какого-то публичного моего покаяния в едва понимаемых мною проступках против Мусагета и Вас.

P. P. S. Фатально: сегодня утром встал работать: получил Ваше письмо, и — рабочий день сорван...

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 63. Датируется по почтовому штемпелю отправления на конверте. Отправлено в Пильниц.

[1] Письмо Метнера, о котором здесь идет речь, не обнаружено.

[2] См. п. 224.

[3] Имеется в виду п. 245.

[4] Имеется в виду п. 242.

[5] Видимо, цитата из неизвестного нам письма Метнера.

[6] Мф. 7: 3 («И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазе не чувствуешь?»); Лк. 6: 41.

251. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

Конец мая ст. ст. (первая декада июня н. ст.) 1912 г. Буа-ле-Руа

Дорогой Эмилий Карлович!

Позвольте мне через раздирающую наши отношения полемику принести мои искренние извинения в резком тоне всех моих отповедей Вам.

Не оправданием, а психологическим объяснением оных пусть послужат мне нижеследующие пункты: 1) не я первый затеял полемику, 2) в вопросе о Кожебаткине я не виновен (что же касается моего личного примирения с ним в *то время*, ибо теперь после всего бывшего — это не так: что касается личного

примирения в *то время*, то это вопрос, которого не вправе касаться мои друзья, если они касаются в тоне *требования* объяснения, ибо это их не касается. 2) Роман продал под влиянием *необходимости* после окончательного провала «*Петербургского Вестника*»[1]. И не раскаиваюсь: ибо это дает мне несколько месяцев независимости в момент, когда независимость эта нам с женой необходима.

Конечно, это все не оправдания, а объяснения резкой отповеди Вам.

Итак, я прошу Вас простить, если я огорчил Вас.

Конечно, действительность обнаружила наше диаметрально противоположное отношение к ряду вопросов. И с этим постараемся мириться на будущее время.

Я от всей души прошу меня извинить за весь инцидент этой двухмесячной переписки.

Мне остается еще для удовлетворения Вашего нравственного требования объяснить мое присутствие в *Bois-le-Roi*[2], что я и сделаю на днях.

Постараюсь действовать так, чтобы мои дальнейшие действия в «*Мусагете*» не вызвали нарекания друзей: буду осторожен и скромен.

Остаюсь искренно преданный и любящий Б. Бугаев.

P. S. Позвольте мне выразить Вам горячую мою благодарность за хорошие Ваши слова в № Втором «*Трудов и Дней*» о моей Симфонии[3].

Я — весьма скромного мнения о том, что я сделал. Оттого-то я порой и высказываю несправедливые нарекания друзьям по поводу того, что они не балуют меня советами в моих все еще робких шагах на поприще литературы (это к Вам не относится).

Моим друзьям я пишу письма, в которых прошу меня извинить во всем бывшем тем более, что вряд ли мы увидимся вскоре и поэтому мне, перед важным событием моей жизни, важно расстаться со всеми близкими в мире.

P. S. Относительно коллектива Вы правы. Эллиса — почти правы.

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 64. Отправлено из Буа-ле-Руа в Пильниц. Почтовый штемпель отправления неразборчив.

[1] См. примеч. 5 к п. 241. Ср. суждение Вяч. Иванова в письме к Метнеру от 3 июля 1912 г.: «*О романе Белого.* <...> Тяжело <...> похоронить мечту о журнале, где бы мы дружно и действенно, властно и реально заговорили с обществом не о лаборатории, а о жизни» (Вопросы литературы. 1994. Вып. II. С. 344. Публ. В. Сапова).

[2] В Буа-ле-Руа Белый прожил до начала июля н. ст. 1912 г.

[3] Имеется в виду заметка Метнера «Маленький юбилей одной „странной" книги (1902–1912)» (Труды и Дни. 1912. № 2. С. 27–29), приуроченная к 10-летию со времени выхода в свет «Симфонии (2-й, драматической)» Андрея Белого. См.: Андрей Белый: pro et contra. Личность и творчество Андрея Белого в оценках и толкованиях современников. С. 340–341. О ней Метнер упоминает в письме к М. К. Морозовой из Пильница от 28 мая (10 июня) 1912 г., отправленном по получении настоящего письма: «С Бугаевым заключено перемирие. Он смягчился, не знаю, под впечатлением моей заметки о нем во II № „*Тр<удов> и Дн<ей>*" или же под влиянием Штейнера...» (РГБ. Ф. 171. Карт. 1. Ед. хр. 52 б). Обстоятельств написания заметки Метнер коснулся в письме к Вяч. Иванову от 19 мая (1 июня) 1912 г.: «Получив от него <Белого. — *Ред.*> ужаснейшее письмо, я, познакомившись вкратце с содержанием последнего, отложил его в сторону и сосредоточил свою мысль на положительном моменте нашей дружбы, результатом чего явилась небольшая заметка о юбилее симфонии II. <...> Только через два дня я снова взял письмо Бугаева и ответил ему *сухо*, но *спокойно* по пунктам, за что получил титул „черствого и бессердечного человека"» (Вопросы литературы. 1994. Вып. II. С. 335–336. Упоминаются п. 242 и 246).

252. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

4 (17) июня 1912 г. Буа-ле-Руа

Bois-le-Roi.

Дорогой друг!

Спасибо за радостное Ваше письмо[1]: о, как я измучился за эти два месяца нашего расхождения. Ведь Вы не можете и вообразить, до чего Вы мне дороги, до чего грустно и тягостно мне всякое расхождение наше. Пишу Вам на днях большое и обстоятельное письмо о многом, так произвольно и странно вторгшемся в нашу жизнь.

Да будет между нами мир и да соединим наши мечи, ибо нас — мало: мы такие *«бездомные»*, такие бесприютные. Нам ли разрушать катакомбу, в которой мы ныне.

Старинный, старинный друг[2]: ну конечно, мы будем вместе: ведь встреча с Вами — для меня *роковое и очень важное в жизни*. Если мы будем посягать и на это, то… что останется от нас.

Милый друг, в Москве вы прочтете мое *послание*: не обращайте на него внимания: оно, порождение бессонных ночей и неотвязных дум, тревоги. Мне сейчас очень грустно, что я написал 2 коллективных письма *под влиянием минуты*[3].

Да канет все это в прошлое. Ну, обнимаю Вас и крепко, крепко жму крепко руку. Ася приветствует. На днях много пишу. (Собираюсь Вам прислать о «Тр<удах> и Дн<ях>» и о себе целое исследование). Здесь — до 20-х чисел июня.

Ваш Б. Бугаев.

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 65. Датируется по почтовому штемпелю отправления на конверте. Отправлено в Москву.

[1] Это письмо Метнера не обнаружено.

[2] См. п. 246, примеч. 1.

[3] По всей вероятности, имеются в виду п. 245 и 248.

253. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

2 (15) июля 1912 г. Мюнхен

Дорогой друг,

Извиняюсь за долгое молчание. Поймите, оно вызвано не случайно. Оно — из наилучших побуждений. Между нами встал ряд недоразумений. Мы с ним покончили. Мне надо Вам писать о столь большом и глубоком, что *не могу* я сразу от писем о Кожебаткине перейти к другому. Написать Вам сейчас о самом важном, о чем хотел (*единственно* только об этом хотел) писать из Брюсселя, ***не могу***. Тогда вместо *Главного*, что просилось наружу, мы писали друг другу о Кожебаткине. И напиши я тотчас же о *другом*, другое зазвучало бы в какофоническом ладе. Вот первая причина моего молчания.

Вторая причина внешняя. Я так безмерно устал. Подумайте: 2 месяца в Брюсселе шли в *темпе* невероятном: 1) внутри ряд изумительных феноменов, происшедших с нами (просто сказка из 1001 ночи), в результате которых мы кинулись в *Кёльн* и попали в Мюнхен[1]. 2) Упорнейшая работа над романом (обессиливающая и высасывающая мозг)[2]. 3) Ежедневные занятия немецким языком и разучивание курсов Штейнера[3]. 4) Неприятности с Москвой. Такой сложности я не выдержал и почти свалился от нервного переутомления в Bois-le-Roi.

В *Bois-le-Roi* было не легче: присоединились разговоры, вопросы совести, бои с д'Альгеймами. *И вместе с тем самые ответственные места романа.*

На переписку фактически нет времени, а писать Вам после бывшего между нами втрое сложней; это — работа двух-трех дней (я боюсь Вам писать: напишешь фразу неловкую от *усталости*, от безмерной усталости, Эмилий Карлович, а Вы ее поставите еще как *лыко в строку*, и снова возникнут серии писем).

Вот отчего я жду времени и вдохновения, чтобы сказать Вам *Главное*, что имею, без этого же все письма, все объяснения непонятны.

Поэтому скоро, но *не сейчас* напишу Вам о *журнале* (его, так сказать, личную критику), о *книге* Вашей[4], о *Мусагете*, о *себе* и *Вас*.

Пока же вот очень важное для меня сериозное и лично деловое: дело об имении[5] поставлено на хорошую дорогу. В. К. Кампиони берет отпуск, едет, снимает план (для закладки это надо, какой-то план, которого нет в бумагах), на месте узнает ценность земли (он же специалист), разбивает на участки и на месте же видит, что предпринять, продать ли частично, сдать ли <в> аренду, продать целиком, или заложить. Лучше всего заложить, ибо дорога решена и через 2 года тысяч на 10 имение дорожает[6]. Закладка не так проста, как Вы писали. Нужен ряд хлопот и 3–4 месяца с момента начала дела. Но... но... но... Вот тут-то вся суть: до Кёльна мы думали вернуться; порцию денег за роман я получаю (½ половину) по напечатанию, ввиду ряда измучивших причин роман я не мог к сроку окончить; роман к сроку не выйдет. И с середины сентября до ноября нам будет сложно. У В. К. Кампиони

для поездки на Кавказ, планов, житья там (ему нужно 300 рублей). Он 100 достает. 200 мы обещали выслать, но *не можем*, ибо деньги нам нужны до окончания курса в Базеле[7] (от Штейнера мы *не уедем теперь*). Тогда: В. К. Кампиони *не едет на Кавказ*. И все дело опять застревает. Если бы *Мусагет* мог выслать В. К. Кампиони 200 рублей *теперь* к *августу*, то через 3–4 месяца Мусагет получил бы мой долг. Если нет, то... И все дело в 200 рублях. Ответьте, дорогой друг, может ли *Мусагет* выслать В. К. Кампиони 200 рублей или нет к августу *тотчас же*, чтобы мы изыскали средства на поездку сейчас же. С нетерпением ждем скорого ответа. Остаюсь искренне любящий

Борис Бугаев.

Вообще: можно ли сейчас достать 200 рублей до октября (роман выйдет тогда) или до закладки?

Наш адрес: München. Akademiestrasse 7. *Pension Romana*. III St. Мне.

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 66. Датируется по почтовому штемпелю отправления на конверте.

[1] См. примеч. 16, 4 к п. 246, примеч. 15 к п. 248. Белый и А. Тургенева приехали в Мюнхен (из Франции через Страсбург) в начале июля н. ст. 1912 г.

[2] В мае 1912 г. Белый закончил 4-ю главу романа «Петербург», в июне работал в Буа-ле-Руа над 5-й главой.

[3] К этой работе была привлечена последовательница Штейнера Матильда Шолль. Ср. сообщение в письме Белого к А. Д. Бугаевой от 14 (27) августа 1912 г.: «Мы уже 3 недели, как работаем без устали с утра до ночи: 1) работа немецким языком, 2) разучиваем циклы Доктора, 3) к нам ходила 2 недели теософка, приставленная Доктором объяснять мистерии <...>» (*Письма к матери*. С. 158).

[4] Книга Метнера (Вольфинга) «Модернизм и музыка», вышедшая в свет в конце мая 1912 г. Ср. сообщение в письме Метнера к М. К. Морозовой от 28 мая (10 июня) 1912 г.: «Книга моя вышла» (РГБ. Ф. 171. Карт. 1. Ед. хр. 52 б).

[5] См. примеч. 6 к п. 199.

[6] Подразумевается запланированная прокладка новой дороги, связующей унаследованный Белым участок земли с черноморскими селениями.

[7] В Базеле с 2 (15) по 11 (24) сентября 1912 г. Штейнер прочитал курс лекций «Евангелие от Марка».

254. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

15 (28) июля 1912 г. Имение К. В. Осипова

Траханеево[1] 15/VII 912.

Милый дорогой Борис Николаевич! Если Вы получили мое письмо, отправленное в Bois le Roi 3/VII[2], то знаете, что *я* считаю *себя* у Вас в долгу как корреспондент, а не обратно. И мне сейчас и некогда и не хочется тратить времени на переписку, ибо я слаб и должен весьма беречь свои силы, чтобы хоть что-н<ибудь> сделать при моей плохой работоспособности. Спешу лишь уведомить Вас, что распоряжение о высылке 200 рублей Кампиони сделал немедленно по получении Вашего письма здесь. Если все запоздало на несколько дней, то лишь потому, что я застрял у Марг<ариты> Кирилловны[3], где я на этот раз особенно хорошо отдохнул и душой и телом. Журнал[4] у нас висит в воздухе. Материалу никакого для сентябрьского номера (т. е. для 4-ой собственно июль-августовской тетради), кот<орый> ведь *необходимо* выпустить в начале сентября. № III я выпускаю, не дожидаясь Скалдина от Вас и статьи Вячеслава[5]. Обнимаю Вас и приветствую Асю, Наташу[6] и весь русский вагон теософов в Мюнхене[7]. Ваш Э. Метнер.

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 11.
Ответ на п. 253.

[1] Село, граничившее с имением К. В. Осипова, как и деревня Свистуха, которую Метнер указывал в письмах 1911 г. Указав место отправления («Траханеево на Клязьме») в письме к М. К. Морозовой от 18 июня 1912 г., он добавлял: «(Не правда ли, это лучше звучит, чем Свистуха, а Траханеево — село рядом со Свистухой)» (РГБ. Ф. 171. Карт. 1. Ед. хр. 52 б).

[2] Это письмо Метнера от 20 июня (3 июля) 1912 г. не выявлено.

[3] Метнер гостил у М. К. Морозовой в Михайловском (Калужская губ., ст. Оболенское). Письмо его к ней, отправленное по возвращении в Москву, датировано 11 июля 1912 г. (РГБ. Ф. 171. Карт. 1. Ед. хр. 52 б).

[4] «Труды и Дни».

[5] 3-й номер «Трудов и Дней» (Май — июнь 1912 г.) увидел свет с опозданием относительно обозначенного календарного срока. Рукопись статьи А. Д. Скалдина (см. примеч. 10 к п. 241) была отправлена Белому для просмотра и утверждения к печати. 19 мая (1 июня) 1912 г. Метнер писал Вяч. Иванову из Пильница: «...*против* Скалдина целый хор в *Мусагете*;

поэтому я и отправил статью Бугаеву. Что касается меня, то я статьей восхищен *в целом*. <...> Если Бугаев не выразит никакого протеста, то статья пойдет целиком. Если Вы ручались Скалдину, что статья пройдет без изменений, так это и будет вопреки протесту в *Мусагете*» (Вопросы литературы. 1994. Вып. II. С. 337. Публ. В. Сапова. Исправлено по автографу). Статья Вячеслава Иванова «Манера, лицо и стиль» была опубликована в № 4/5 «Трудов и Дней» (1912. Июль — октябрь. С. 1–12). Рукопись ее, однако, была отправлена в «Мусагет» одновременно с письмом Вяч. Иванова к Метнеру от 3 июля 1912 г. (см.: Вопросы литературы. 1994. Вып. II. С. 344), т. е. ко времени отсылки настоящего письма должна была находиться в редакции. Видимо, здесь подразумевается исправленная авторская корректура.

[6] Н. А. Тургенева.

[7] Р. Штейнер находился в Мюнхене с 29 июля по 7 сентября н. ст. 1912 г., выступил там с курсом лекций; там же состоялись постановки трех его драм-мистерий. 14 (27) августа 1912 г. Белый сообщал из Мюнхена матери: «Здесь до 30 человек русских. Из Москвы здесь: Петровский, Сизов с женой, М. И. Сизова, Викентьев, Киселев, madame Недович, Волошина, Григоров с женой и др. Из Петербурга приехала Сер<афима> Павл<овна> Ремизова, жена Алексея Михайловича» (*Письма к матери*. С. 159).

255. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

15 (28) августа 1912 г. Мюнхен

Дорогой друг!

Позвольте мне Вас поблагодарить за то, что Вы сочли возможным выслать Вл<адимиру> Конст<антиновичу> Кампиони деньги, ибо, право, это очень меня выручает: так или иначе, но почти наверное я сумею заплатить *Мусагету* мой долг в декабре, ибо на закладку имения уйдет не менее 3–4 месяцев.

Позвольте мне извиниться: на Ваше хорошее, хотя и полемическое письмо[1] я молчал: молчал по многим причинам; одною из причин была следующая и весьма понятная: ввиду того, что Ваше письмо было ответом на мое 2-ое коллективное письмо[2], а я получил оный ответ через 2½ месяца, весьма понятно, что Ваша живая реакция по прочтению моего второго письма не соответствовала моей психической настроенности во что бы то ни стало защищать пункты этого моего письма. Да и кроме того: так не хотелось возвращаться, к темам, смежным с нашей

полемикой. На письмо Ваше отвечу прямо и кратко. 1) Все, что Вы пишете о Христе, меня успокаивает, приводя к нашим разговорам 1902 года. 2) Гёте недостаточно знаю, чтобы о нем судить. 3) Штейнера недостаточно знаете Вы, чтобы судить о нем. Вот пожили бы Вы месяца два при нем, тогда бы мы могли поговорить на эту тему. Иначе: мне кажутся Ваши возражения на тему о Штейнере не достигающими цели. Замечу, дорогой друг, лишь одно: я и Вам пишу «*Вы*» с большой буквы; так принято выражать уважение; если я Вам пишу «*Вы*» с «*В*» большого, то следовало бы, говоря о Вас, как о третьем лице, писать Он с «О» большого. То, что я пишу Доктор, Он, с больших букв, есть показатель моего уважения: а уважение есть чувство, в котором, кажется, нет ничего предосудительного.

Объясняю еще мое молчание тем, что последние два месяца и совсем замолчал, ибо: Вы не можете себе представить здешней жизни, до чего она напряженна и как все работают, работают по 18 часов в день: жизнь кипит бурно, стремительно: Доктор (видите, опять «Д» с большой буквы) последние два месяца *не спал*: и это не в переносном, а в буквальном смысле слова. Мы тоже работали: 1) каждый день уроки немецкого языка для Наташи[3] и Аси, 2) каждый день перевод мистерий[4], 3) лекции Эллиса по важным циклам, которые мы не успели прочесть, 4) мы переводили циклы, 5) работа, заданная мне Доктором, 6) режим, требующий особой сосредоточенности.

Видите, до писем ли?

Дорогой друг, позвольте мне теперь посетовать на Вас: Вы были в двух шагах от нас, в Байрете, и не известили во́время[5]; не приехали в Мюнхен, не могли даже уведомить, чтобы я приехал и поговорил с Вами хотя бы два часа лично, чем устранилась бы самая необходимость писать изнурительно огромные письма. То, что я хотел бы сказать Вам лично, придется суммировать в пунктах Петровскому[6], а это сложнее. Ведь не знаю, когда увидимся, ибо мы с Асей не приедем в Москву: наша участь решена. По крайней мере год мы не можем уехать от Доктора, и Вы прекрасно понимаете, почему; далее: мы сейчас хрупки, как фарфор; теперешняя наша работа Доктору такова, что ряд месяцев будет нас приводить в состояние чрезвычайной нервной хрупкости, граничащей с нервным расстройством, и лишь потом приведет

к укреплению всей физическо-душевной конструкции. Да, Эмилий Карлович, мы занимаемся радикальным ремонтом негодных ветшающих построек, называемых личностями: друзья должны этому радоваться, ибо, надеюсь, мы придем со временем в такое состояние, когда уже друзья перестанут измерять в градусах падение или возрастание своего уважения или неуважения к нам.

Что ж, уезжая из Москвы, мы вызвали реакцию: нас обвиняли, мне вменяли в обязанность делать то-то и то-то: не делать того-то; я и внял: только учиться друг у друга нам не пристало, ибо у каждого есть свои аффекты и дефекты; я и выбрал себе учителем Штейнера тем более, что мое личное глубокое потрясение всем строем его обращения с нами разделяет и Ася. Рубикон мы переступили; и теперь: лучше нам умереть голодной смертью в Берлине, но неподалеку от Доктора, чем вернуться в Москву, где все мы порядком-таки измучили друг друга, и где все равно работать нельзя. Вам лучше в бытовом отношении. Вы устроились в деревне, приезжаете раз в неделю и потом отдыхаете в природе: но прожить еще один сезон так, как прожили мы с Асей, в Москве, в одной комнатушке, на народе и так работать, получая щелчка то от Брюсова, то от мусагетских недоразумений — нет: да при режиме, данном мне доктором, я умер бы теперь в Москве. Мы вернемся в Россию, через год, полтора, набравшись сил, окрепнув для сознательной и стойкой работы.

С *Мусагетом* меня связывает глубокое чувство: никогда не ощущал необходимость Мусагета так, как сейчас; но могу работать в *Мусагете* лучше из Берлина, чем оставаясь в Москве.

Да при отсутствии денег возвращение в Россию и сколько-нибудь сносная жизнь дороже. Если умирать с голоду, лучше умирать с голоду в атмосфере покоя и при Учителе, нежели в атмосфере Москвы.

Но не стану писать о том, что было. Была и моя вина, были и химеры. Все хорошо, что хорошо кончается; и надеюсь, недоразумения наши в прошлом. Прошу верить, что мое, так сказать, штейнерьянство нисколько меня не откидывает ни от друзей, ни от литер<атурной> деятельности, ни от *Мусагета*: временно, на полгода я *должен* замкнуться в полную сосредоточенность и спокойствие, на несколько месяцев как бы умерев для всего, ибо, кроме личной потребности на это время уйти в келью, это

необходимый первый шаг сколько-нибудь реального ученичества, без которого (я говорю не шутя, а совершенно серьезно) нам с Асей грозит настоящее психическое расстройство (мозг не выдержит). Если в этот промежуток времени Москва будет нас терзать, остается повеситься. И так-то едва выдерживаешь атмосферу в 100 давлений, и так еще предстоят эти 4 месяца всякие сложности и давления судьбы: если к этому присоединятся еще недоразумения с друзьями — я говорю серьезно: *во мне что-то окончательно лопнет*. Вы не можете себе и представить, как изнурителен путь, намечающийся сам собою для нас с Асей у Доктора. Как ужасно выдерживать давление одного присутствия неподалеку от Доктора: ведь это — *гигант*, с шуткою предлагающий Вам 15-пудовую гирю (для него она — пушинка; Вы же раздавливаетесь). А между тем, если по воле внешних или внутренних причин мы с Асей сейчас отступим, или хотя бы уедем, мы *сломаемся уже навсегда*: уехать *уже* нельзя. Вступая в адские ступени чистилища, убежать отсюда — значит навсегда остаться в аду, ибо зажженного пламя испытания никто не снимет, кроме Доктора; уйти, вернуться — значит уйти от Рая; с Кёльна до сих пор (4 месяца) мы уже идем по пути, так что поздно сходить. И я умоляю Вас, старинный друг, серьезно принять это в душу. Если Вам был близок Андрей Белый, если Вы хотите, чтобы и впредь был бы Андрей Белый, а не идиот из сумасшедшего дома, примите это и помогите нам в этот решающий миг быть спокойными. Ибо чувствую где-то вдали подходящую силу и знаю: если приближение ее будет сорвано теперь, *вся душа оборвется уже навсегда в этой жизни*.

Дорогой друг, есть еще один пункт, в котором умоляю Вас, что-либо мне помочь; этот пункт есть пункт денежный.

Знаю и не забуду безмерной услуги, которую благодаря Вам оказал мне *Мусагет*: знаю, что смысл нашего путешествия в Сицилию, Тунис, Египет и Палестину был преддверием к первому шагу по пути ученичества (если Вы прочтете сполна мой этюд *Египет*, то Вы узнаете реально по описанию пирамид, Сфинкса, Каира и т. д., что *нечто* в наших душах началось уже ранее Доктора, а работа Доктору есть работа над эфирными чувствованиями, пробудившимися в нас с Асей у подножия *пирамид*). Наша поездка в *Египет* была не только началом отплытия от Москвы, началом

пути с Асей, свадебным путешествием; это свадебное путешествие стало и преддверием к нашим первым шагам на тернистом и длинном пути, который реально развертывается вблизи от Доктора.

Только теперь понимаю то особое чувство разочарования, которое охватило меня, когда я весной 1911 года вернулся в Москву и увидел, что никто из друзей не понял сущности того во мне, что мы с Асей увидели, как *вúдение*, в Африке. Я чувствовал сплошное чувство досады от того, что слова мои об Африке кажутся лишь словоохотливостью туриста, что «*Путевые Заметки*» мои, которые для меня *не менее важны*, чем «*Голубь*»[7], даже никем не читались, что «*Путевые Заметки*» остались для всех *кинематографом* образов, а не вздохом души, в далях мира и далях пространства увидевшей Свет. Что делать: иные идут к Штейнеру через зубрежку циклов, шагая через страницы; мы с Асей именно тогда приближались к нему, когда шагали по странам, и в Египте, у подножия пирамид, и у порога мечети Омара[8] под неприязненными криками нас проклинавшей кучки мусульман мы уже *реально* приобщались первой медитации Доктора. Путь наш к Штейнеру начался с Монреаля, когда мы в Соборе встретили Рождество, продолжался под бирюзовыми лучами луны на плоской крыше Радеса, и в пустыне у Керуана[9], и в пустыне Ливийской под лучами египетского полудня... Ничего, нечего не поняли друзья, когда мы вернулись в Москву (я не о Вас, дорогой друг, а о всей сумме *нас* в Москве); после *таинств* путешествия нас встретили лишь мелочами: помню — говоришь: «*В Африке мы узнали*», а тебя обрывают: «Пять месяцев тому назад Кожебаткин»...

Уже тогда мы реально отделились от Москвы.

Сезон 1911–1912 года был для нас лишь сезоном *удуший* в Москве, где даже работа срывалась; все равно: если бы мы роковым образом не поехали бы к Штейнеру (вблизи которого поняли, что такое для нас был Египет), мы бы говорили на разных языках с Москвою. Этот же истекший сезон привел меня в состояние такого рамолисмента, что я погиб бы, если б не Штейнер.

И вернуться в Москву теперь → плюхнуться в сплошное, бесцельное безобразие (да еще с содранной от медитаций кожей (первые медитации Штейнера — хирургическая операция) и обнаженными нервами) → значит погибнуть.

Вот...

Ввиду этого, дорогой, умоляю Вас: не заставляйте нас предпринимать обратного путешествия в Москву за поисками денег, ибо все равно наше возвращение в Москву будет возвращением за несколькими стами рублей, из которых рублей 300 съест само путешествие, ибо жить без Штейнера нам нельзя.

Теперь: вот наше положение. Мы — втроем, едем в Базель[10]; через 2½ недели денег не будет (порцию денег за роман 1100 получим лишь в декабре, ибо роман лишь через месяц кончу[11]); тогда же будут деньги от залога. Через 4 месяца мы богаты; но ирония судьбы в том, что 4 месяца до этого нам предстоит голодная смерть. Ради Бога, помогите: и вот сетую; если бы *Мусагет* напечатал «*Путевые Заметки*», *которые уже ровно год, как готовы*, я имел бы нравств<енное> право просить за них гонорар; к этому праву присоединилось бы и горячее желание автора видеть свое детище напечатанным тогда, когда сердце к нему не остыло еще (право, «*Путевые Заметки*» книга хорошая, а не отбросы, как мнят мусагетцы). *Мусагет* же откладывает книги годами; почему? Денег нет: но год тому назад деньги были. Почему же год тому назад не издали хотя бы первую часть. Я не сетую: я горюю; ибо ужасно мне теперь, ибо знаю, что у Мусагета нет денег, знаю, что я работаю много. Не виноват *Мусагет*, но не виноват и я, русский писатель, которому в критический момент всей жизни, с ободранными нервами, с невозможностью уехать в Россию приходится, как милостыни, просить денег. Помогите! Если не мусагетскими деньгами, то нельзя ли занять мне рублей 200. Я уже написал соответствующее письмо Марг<арите> Кирилловне, прося занять у нее до декабря[12], т. е. до получения денег от Некрасова. Но мне нужно сейчас иметь рублей 500, ибо 1) прожить месяц в Базеле, 2) отправить Наташу в Россию[13] (ей *необходимо* было жить при Докторе — *это между нами*), 3) на устройство жизни в Берлине.

Жить дешево, а устроить дешевую жизнь на много месяцев *не дешево* в первый месяц. И вот: ради Бога, пока что пришлите скорей 200 рублей, или телеграфируйте: помните, пишу это письмо 28 августа (нового стиля) и в пространство, ибо Вы не дали свой адрес никому (вот за это надо мне Вас теперь журить, как Вы меня: ни Эллис, ни Петровский, ни Киселев не знают Вашего адреса). Через 2½ недели денег не будет ни гроша.

Кроме того: предлагаю *Мусагету*:

1) переиздать том Симфоний (4 Симфонии),
2) два тома стихов (выборку из 3 томов),
3) *Путевые Заметки*,
4) *«1-ый том Голубя»*[14],

(или Некрасову). Вот мой выход пока гасить мусагетский долг; если бы год тому назад *Мусагет* мне предложил бы это, часть долга была бы погашена уже теперь.

Жду горячо, с нетерпением ответа по адресу:

Suisse (Schweiz). Basel (Bâle). Poste restante. В Базеле будем через неделю.

Обнимаю Вас, дорогой друг. От Аси привет.

Анне Михайловне[15] привет. Всем Вашим также.

Борис Бугаев.

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 67. Авторская датировка — в тексте, в заключительной части письма.

Ответ на п. 254.

[1] Имеется в виду письмо Метнера от 20 июня (3 июля) 1912 г. (см. п. 254, примеч. 2).

[2] Имеется в виду п. 248.

[3] Н. А. Тургенева. О новых условиях жизни в окружении Штейнера Белый рассказал в недатированном письме к В. К. Кампиони, относящемся к июлю — августу 1912 г. (в публикации ошибочно датировано 1915 г.): «...попали мы с Асенькой в *ежовые рукавицы*: Д<окто>р Ш<тейнер> строгий, и уехать нам сейчас абсолютно невозможно. Оба мы поступили в учебу: весь день расписан. То лекции, то уроки немецкого языка, то уроки самому доктору, принялись немцы за нас горячо. И без шуток <...> если сейчас уедем от Доктора, нам с Асей — *капут*; ранее году и не мыслимо возвращаться в Россию; только сидим и учимся» (Cahiers du Monde russe et soviétique. 1977. Vol. XVIII. № 1/2. P. 151. Публ. Жоржа Нива).

[4] Драмы-мистерии Р. Штейнера «Врата Посвящения» («Die Pforte der Einweihung»), «Испытание Души» («Die Prüfung der Seele»), «Страж Порога» («Der Hüter der Schwelle»).

[5] Метнер выехал из Москвы в Германию (в Байрёйт) 28 июля (10 августа) 1912 г. Своими впечатлениями от постановки «Парсифаля» Вагнера в Байрёйте он поделился в письме к М. К. Морозовой из Пильница от 26 августа (8 сентября) 1912 г. (РГБ. Ф. 171. Карт. 1. Ед. хр. 52 б).

[6] А. С. Петровский в это время находился в Мюнхене.

[7] Здесь подразумеваются, видимо, две части задуманного романного цикла — «Серебряный голубь» и «Петербург».

[8] См. примеч. 6 к п. 219.

[9] Кайруан — город к югу от Туниса. Белый и А. Тургенева посетили его 26–27 февраля н. ст. 1911 г. Белый рассказал об этом «священном городе Тунисии» во 2-м томе «Путевых заметок» («Дервиш (Из путевых заметок)» // Велес: Первый альманах русских и инославянских писателей. Пг., 1912–1913. С. 85–103; «Кайруан» // Воля России (Прага). 1923. № 1. С. 1–19; «Африканский дневник». С. 331–348). См. также: *МДР.* С. 372–376.

[10] Подразумеваются Белый, А. Тургенева и Н. Тургенева. Белый и А. Тургенева переехали из Мюнхена в Базель 21 августа (3 сентября) 1912 г. (см. письмо Белого к А. Д. Бугаевой из Мюнхена, датированное этим днем // *Письма к матери.* С. 160). С 15 по 24 сентября н. ст. 1912 г. Штейнер прочитал в Базеле курс из десяти лекций «Евангелие от Марка».

[11] В обозначенный срок это намерение осуществить не удалось.

[12] См. недатированное письмо Белого к М. К. Морозовой, относящееся к середине августа ст. ст. — концу августа н. ст. 1912 г. (*«Ваш рыцарь».* С. 187–193).

[13] Вопреки высказанному выше предположению (см. примеч. 10), Н. Тургенева не поехала вместе с А. Тургеневой и Белым в Базель, а отправилась в Россию сразу по окончании (31 августа н. ст.) мюнхенского курса лекций Штейнера. В цитированном выше письме к матери от 21 августа (3 сентября) Белый сообщал: «Сегодня утром проводили Наташу» (*Письма к матери.* С. 160).

[14] Т. е. роман «Серебряный голубь».

[15] А. М. Метнер.

256. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ И «МУСАГЕТЦАМ»

Июль — август (?) 1912 г. Мюнхен

«МУСАГЕТУ»

Ввиду всевозможных осложнений в прошлом и для пресечения взаимного непонимания в будущем я суммирую то, что имею сказать «*Мусагету*» (редактору-издателю или той корпорации лиц, находящихся в Москве и связанных с Издательством, которая составляет идейную группу «Мусагета»).

Разделяю мои пункты на пункты теоретического порядка, предложения, недовольства.

I. *Пункты теоретического порядка.*

Здесь определяю свой взгляд на «*Мусагет*».

1) Предполагаю, что «*Мусагет*», если помнить историю его возникновения, не есть только издательство, но издательство, имеющее идейные цели.

2) Предполагаю, что я член Редакции, более того, член Редакции, — проводивший реально свои взгляды в «Весах». И потому считаю возможным вмешиваться во все детали издательства (если оба мои предположения не разделяются редактором-издателем или коллегией лиц, составляющих «*Мусагет*», прошу меня своевременно вывести из заблуждения).

3) Я считаю, что «*Мусагет*» не есть только полезное книгоиздательство, но и живое дело, формы проявления которого разнообразны, гибки, текучи; как живое дело, «*Мусагет*» не может руководиться застывшим кодексом кодификации и параграфов. Как живое дело, «*Мусагет*» должен более заботиться о тактике выявления себя во времени: слышать «*шум времени*», ибо само собой разумеется, что члены Редакции «Мусагета» относятся с уважением к Прекрасному, Вечному, неизменному во все времена. Но на *вечном* и *прекрасном* в этой плохой современности не построишь *живого дела*: культурные ценности или творятся, или культурные ценности являются предметом разговора. Я понимаю *Мусагет*, как самое творчество того, что впоследствии будет объектом рассуждения, *культура* он или нет, и не довольствуюсь пониманием «*Мусагета*», как учреждения, заключающего культурные ценности всех веков и народов в переплет с изображением марки «Мусагета».

4) То есть: «*Мусагет*» не музей, а храм, а — живой алтарь.

5) Алтарь служения русскому и не русскому символизму (в предположении, что символизм, само собой разумеется, есть *культура*).

6) Есть творчество культуры: и есть констатирование культурных ценностей. Есть буддийская, христианская, арийская и т. д. культуры и есть Будда, Христос, Зигфрид и т. д. Не знаю, был ли культурен Господь наш Иисус Христос, но знаю, что он создал культуру. Хотел бы, чтобы «*Мусагет*» служил тому, что впоследствии может быть рассмотрено, как новая культура. В словах «*мистерия*», «*религия*», «*посвящение*» слышу нечто, часть чего впоследствии бывает всецело *культурой*. Не знаю, культурен ли я, утверждая, что *культура* есть остывание *лавы* творчества; а сама *лава* творчества продукт посвятительного религиозного огня. Не полемизирую со словом *культура*, но в своем личном

деле в оном не нуждаюсь, предоставляя оформливать уже со стороны, культурна ли моя литер<атурная> деятельность или нет.

7) «*Мусагет*» отсюда для меня — алтарь служения Ведомому мне Богу: формы же проявления служения этому Богу сообразны с «*шумом времени*». Признаю лишь до *некоторой степени* (но признаю всецело), что иногда время определяет эти формы так, что Ведомый Бог в этих формах является, как Неведомый, т. е. в маске за подписью «*Культура*». Этому Богу служу с ограничением (но служить могу).

8) В этом смысле для меня *Маской* божественного дыхания был символизм, и я лично в слове *Культура* не нуждался: если в этом слове нуждаются мои сотоварищи по Редакции, протестовать я не буду, но буду стремиться аксентуировать иные слова: *мистерия*, *Бог*, и наконец *Символизм*.

9) Алтарем «*неведомому богу*»[1] (в сущности ведомому) был для меня символизм, в тайном своем предчувствующий «*новую землю и новое небо*»[2]. Эта нота звучала в Вл. Соловьеве: но *в символизм* специально это предчувствие внесли В. Иванов, Ал. Блок и я.

10) Как один из трех, собственно двух, теоретиков русского символизма я в *Мусагете* не могу допустить, чтобы эта нота *не была уважена*, т. е. чтобы со мной не считались.

11) Символизм был лишь вопросом, осознанием первоисточника великой культуры, грядущего чрез ars в mysterium.

12) Реальным раскрытием символизма для меня является *розенкрейцерство*. Отношения к *розенкрейцерству* не минуешь при осознании реальных путей *культурной* работы в «*Мусагете*».

13) Слово «*оккультизм*», стоящий в программе моего товарища по Редакции Эллиса, вызывает ряд недоразумений (есть оккультизм и оккультизм). Будучи до сих пор согласен с товарищем Эллисом, я заявляю, что под *оккультизмом* разумею я некоторые стороны развития, бессознательно затронутые символизмом и реально осознанные в *розенкрейцерстве*. В этом смысле розенкр<ейцерский> оккультизм лишь углубляет *тайное чаяние русского символизма* и не становится в отношение антиномии с моим пониманием «*Культуры*». Я считаю единственно реальным углублением символизма в ⊕[3]. Я с ⊕ *не вопреки* моей литер<атурной> деятельности, а *благодаря*.

14) Не знаю, «*культура*» ли мои *симфонии*, но писал я их с иным чувством, нежели чувство культурного служения; я писал их, как реальное предчувствие космических событий будущего, а не как *образы* на потребу культурного созерцания.

15) Не удивительно, что единственным продолжением моего пути есть то течение, в котором слышу я прямой ответ на чаяния, отображенные в моих произведениях; и мой путь не может быть связан констатированием, что и эти чаянья тоже «*культура*», что и им есть местечко в этнографическом музее культур всех веков и народов.

16) Я — писатель идейный: и идейное вмешательство мое в идейный путь «*Мусагета*» неизбежно, пока я состою членом Редакции «*Мусагета*».

17) Или напротив: если мой путь реализации культуры будущего и служения культуре будущего в ⴲ символизме и в ⴲ оккультизме признается реально нарушающим *status quo** понимания культуры «*Мусагетом*», я прошу не обращаться** ко мне с вопросами идейного порядка.

18) И в последнем случае *Мусагет* остается для меня чрезвычайно нужным книгоиздательством, с которым я могу быть периферически связан идеями и кровно связан практически, как писатель, нуждающийся в дружеском издательстве.

19) Все пункты, намеченные здесь, касаются не вопроса моего об участии в Мусагете, а вопроса о том: есмь ли я, как и Эллис, один из руководителей издательства.

20) Если мы с Эллисом признаемся действующими членами Редакции, я просил бы считаться с нашими мнениями хотя бы в такой мере, в какой считались с нашими мнениями 2 последних года существования «*Весов*», где мы делали реально политику «*Весов*», хотя и не были во всем согласны с Брюсовым.

21) В «*Мусагете*» же абсолютно не считаются с Эллисом[4]; и часто лишь уведомляют меня о состоявшемся без нас решении, что есть в сущности *non-sens* (стоит уехать из Москвы, как остаешься в полной неизвестности о «*Мусагете*»).

---

* Существующее положение (*лат.*).

** *В автографе*: опрощаться

22) Если же более реальное вмешательство в дела и судьбы *Мусагета* не признается желательным, я просил бы точного уведомления о *степени* нашего вмешательства и *кодификации* границ нашего участия в установлении программы деятельности.

23) Если же мы вовсе устраняемся из *Мусагета* и *В. Иванов* и *Ал. Блок* не призываются Э. К. Метнером на наше место, для меня явствует, что на штаб-квартире русского символизма спущен флаг движения, так или иначе (с *Мира Искусства*) где-либо развевавшийся в продолжение 12 лет. И тогда это есть момент исторический: русский символизм, не имея пристанища, обращается в странст<в>ие подобно *бегунам*[5], не имеющим Града.

24) Это спущение флага движения не упраздняет, конечно, полезной роли книгоиздательства, в котором мы надеялись найти приют для наших книг. Весь вопрос тут в установлении внутренней связи своего «*Я*» с внутренней жизнью *Мусагета*.

25) Так же мы будем сотрудничать, присылая наши рукописи, ждать появления наших книг; но мы не будем тогда заявлять, что *Мусагет* есть издательство, судьба которого связана с тем, что установлено нами, как путь (мной в «*Символизме*» и «*Арабесках*», Эллисом в книге «*История русского символизма*»[6]).

Вот пункты теоретические.

Предложения.

1) Надеюсь в недолгий сравнительно срок вернуть «*Мусагету*» мой долг *Мусагету*.

2) Подобно тому, как Мусагет признал полезным издать собрание стихотворений Ал. Блока[7], не найдет ли *Мусагет* полезным реально приступить к скорейшему изданию:

a) Моих четырех *Симфоний*.

b) Моих стихов в 2-х томах, где я бы сделал выборку.

c) «*Путевых Заметок*».

d) Первой части *Голубя*[8] (в случае принципиального согласия о первой части *Голубя* я пишу особое письмо).

В таком случае, если это предложение принимается и осуществляется в ближайшем будущем, то часть моего долга покрывается гонораром за означенные книги. Если бы *Мусагет* сделал мне 1½ года тому назад соответствующее предложение,

то значительная часть долга моего была бы покрыта. Я много слышал о том, что можно было бы издать мои произведения, и о том, как долг мой бременит *Мусагет*. Почему же за 1½ года со стороны *Мусагета* не было предпринято шага, облегчающего *мне уплату долга* и облегчающего *Мусагет*, хотя бы тем, что книги готовы, авторский гонорар уплачен и т. д.

Будь это сделано ранее, мы стояли бы на пути ликвидации наших деловых счетов.

Ведь сумма гонорара за помеченные книги превысила бы 1000 рублей, т. е. освободила бы мне 1000 рублей при уплате долга после ликвидации с имением[9].

Я молчал, ибо, признаться, я ждал со стороны *Мусагета* этого предложения. ***Но предложения не было.***

Недоумения.

1) Почему *Мусагет* не отвечает на письма?

2) На мое *деловое* письмо, как Редактора «*Тр<удов> и Дней*» (около 3 месяцев тому назад), я не получил *никакого ответа* от секретаря В. Ф. Ахрамовича; между тем в этом письме я спрашивал, к какому сроку мне готовить статью для 3 № и какой материал имеется в портфеле Редакции. Дважды я спрашивал и, не получив *ответа*, решил, что умываю руки. Лишь от Э. К. Метнера чрез 1½ месяца я получил извещение в тоне сетования, что материала нет, и что № выходит летом.

С и м п т о м а т и ч н а я, у ж а с а ю щ а я х а л а т н о с т ь в деле письмен<ных> ответов *лишает меня всякой возможности* сноситься с ред<акцией> «Труд<ов> и Дней».

3) На мое деловое письмо, где Редактор Э. К. Метнер, мне ответили, что адрес Э. К. Метнера неизвестен. А у меня вопрос, от которого зависит все мое будущее в ближайшие дни. *Подчеркиваю*: адрес Редактора должен быть известен *всегда*.

4) На мою телеграмму В. Ф. Ахрамовичу ответ получил А. С. Петровский в такой форме: «Передайте Бугаеву, что адрес Метнера неизвестен».

5) Я прошу передать В. Ф. Ахрамовичу, что неответ на деловое письмо и ответ на телеграмму не мне, а Петровскому, рассматривается мной, как нарушение элемент<арных> правил приличия.

(Адрес ведь мой в Мусагете). Должен ли я в таком молчании видеть неуважение и игнорирование меня лицом, стоящим непосредственно при *Мусагете*. Или и это лишь *досадная оплошность*? Я просил бы вообще раз навсегда принять во внимание, что я никаких ссор не желаю, но что хронически и в Африке, и в Боголюбах, и в Мюнхене в деле сношения с Редакцией наталкиваешься на сплошные бестактности, в результате которых в душе накопляется досада, так что все вопросы, связанные с *Мусагетом*, при их постановке приобретают *несимпатичный оттенок* какой-то затаенной враждебности со стороны остающихся членов Редакции в Москве и нервной повышенности в тоне писем со стороны членов Редакции, вынужденных проживать за чертой Москвы.

Я хотел бы, чтобы это оказалось обычной формой московской небрежности, а не выражением враждебного настроения. При последнем, согласитесь, трудно иметь сношения с *Мусагетом*.

Примите уверение в моем уважении.

Борис Бугаев.

РГБ. Ф. 128 (архив Н. П. Киселева). Опубликовано А. Л. Соболевым (Арабески Андрея Белого. С. 84–88. Датировка: Август 1912. Мюнхен).

На конверте — надпись рукой Белого: «*Мусагету* (Редактору-Издателю, *или Коллегии лиц*)». Возможно, письмо было передано в Москву с кем-то из слушателей лекций Р. Штейнера, посетивших Мюнхен в августе 1912 г.

[1] Деян. 17: 23 («…проходя и осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник, на котором написано: „неведомому Богу“»).

[2] Откр. 21: 1 («И увидел я новое небо и новую землю <…>»).

[3] Здесь — обозначение розенкрейцерства.

[4] В защиту Эллиса в связи с умалением Метнером его прав и статуса в «Мусагете» Белый резко высказался в письмах к А. С. Петровскому от 9 (22) июня и 27 июня (10 июля) 1912 г. (см.: *Белый — Петровский*. С. 205–217). В свою очередь Петровский писал об Эллисе Метнеру из Москвы 18 июня (1 июля) 1912 г.: «Лев вернулся из Христиании, Зейдель с <*1 нрзб*> заявили ему, что приходил г. Метнер и просил их ему передать, что переводы его в „Мусагет“ не приняты, и жалованья он больше получать не будет; и оставил ему 40 марок. Лев, разумеется, поверил и горестно (но вполне корректно и даже спокойно) пишет нам, чтобы мы похлопотали за него, чтобы его не лишали жалованья до сентября. Стороною же я узнал, что у него был нервный припадок и он лежал в постели, и теософы сделали для него сбор в 150 марок. <…> Я уже написал ему, что все вздор, и ему переврали, но надо бы написать и Вам <…>» (РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 35).

О тех же обстоятельствах упоминает Эллис в письме к Н. П. Киселеву от 16 (29) сентября 1912 г.: «...клянусь, что за весь год один лишь раз получил деньги аккуратно и был доводим Му<саге>том систематически до психической болезни, вылечиваемой лишь *теософской* любовью и состраданием товарищей» (РГБ. Ф. 167. Карт. 7. Ед. хр. 72).

[5] Представители бегунского, или страннического, толка беспоповщины, одного из направлений старообрядчества, возникшего в конце XVIII в.; отрицали необходимость священников, сохранили лишь малую часть церковных обрядов.

[6] Имеется в виду книга Эллиса «Русские символисты».

[7] Собрание стихотворений А. Блока в трех книгах (М.: Мусагет, 1911–1912). См. примеч. 16 к п. 206.

[8] Подразумевается роман «Серебряный голубь».

[9] См. примеч. 6 к п. 199.

257. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

27 августа (9 сентября) 1912 г. Базель

Дорогой друг!

Месяц тому назад я узнал от москвичей, что пока адрес Ваш неизвестен[1]. 16 дней тому назад, когда уже настала крайняя пора мне просто немедленно узнать, не поможет ли мне «*Мусагет*» временно 200-стами рублей, я запросил «*Мусагет*» телеграммой, где Вы. Получил телеграмму с тем же лаконическим уведомлением: «Адрес Э. К. Метнера неизвестен». Уже две с лишним недели лежит в Москве мое письмо, где я умоляю тотчас меня уведомить, может ли «*Мусагет*» немедленно мне помочь, ибо в противном случае через 2½ недели нас вышлют в Россию этапным порядком или посадят в долговую тюрьму (швейцарские законы мне неизвестны). Дело шло не в том, чтобы «*Мусагет*» выслал, а в том, чтобы понял, что от немедленности *ответа* зависит наше существование. Если бы «*Мусагет*» ответил «*Нет, не вышлю*», я не обиделся бы, я сказал бы «*на нет суда нет*»; и с тяжелым сердцем возопил бы по всем направлениям «*караул, погибаем: спасите*»... Авось нашлись бы добрые люди.

Но время упущено (16 дней упущены: через неделю ни единого франка и через 5 дней «*Мусагет*» получит это письмо); если

бы я и нашел добрых людей, то добрые люди не нашли бы меня с Асей, ибо Бог знает, что с нами будет через неделю[2].

16 дней тому назад то же я писал Марг<арите> Кирилл<овне>[3], прося *вовремя* ответить, может ли она помочь, телеграммой, дабы выиграть драгоценное время. И 16 *дней* от нее ни звука[4].

Всякий имеет моральное право отказать: но морального права нет у друзей держать человека в положении тягостной неизвестности: ни да, ни — нет. Зарежьте, но режьте же, черт возьми, поскорее.

Тягостно было бы мне обратиться к издержавшемуся Сереже[5], или к Анне Алексеевне Рачинской[6]. Но в положении, когда хочется кричать *ка-ра-ул*, мирятся с тягостностью. А теперь благодаря Вам и Марг<арите> Кирилловне даже этот тягостный «*караульный*» выход совершенно отрезан.

Вы спросите, почему не писал я ранее. Да, жалею — но разве я, обвиняемый в халатности и разгильдяйстве моим уравновешенным и здравомыслящим другом, доходил до такой степени неряшества, что, будучи членом редакции, от оной редакции скрывал бы свой адрес на протяжении месяца. А тем более непростительная халатность Редактору «*Мусагета*» не давать адреса своего, зная, что от сотрудников могут быть необходимые, спешные запросы, ответить на которые может лишь Редактор.

Обнимаю Вас, дорогой друг, и — ка-ра-ул!!!

Борис Бугаев.

Простите мне эту шутку: в нашем положении остается только стоически шутить.

Не сердитесь: но Вы ведь не переживали трагикомедии, подобной нашей; а в Москву мы все-таки *не вернемся*...

Пока пишу Вам адрес: Suisse. Bâle. Hôtel Bernerhof. Chambre № 20. Мне.

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 68. Над текстом — помета Н. П. Киселева: «Штемпеля: Basel. 9 IX 1912; Москва. 31 VIII 1912» (даты отправления и получения на конверте). Отправлено по адресу издательства «Мусагет».

[1] Об этом идет речь в п. 256. Метнер уехал в Байрёйт, согласно его сообщению в письме к Вяч. Иванову из Пильница от 16 (29) сентября 1912 г., «в конце русского июля», предлагая писать ему в Байрёйт до востребования (Вопросы литературы. 1994. Вып. III. С. 282, 281. Публ. В. Сапова);

в письме к А. Блоку от 3 октября 1912 г. он называет точную дату отъезда (28 июля), места своего пребывания (Байрёйт, Нюрнберг, Регенсбург, Вена) и сообщает, что после этого «в Пильнице (Дрезден) <...> провел оседлым три недели» (Неизданная переписка А. Блока и Э. К. Метнера / Публ., предисл. и коммент. А. В. Лаврова // Александр Блок. Исследования и материалы. СПб., 1998. С. 202).

[2] Ср. сообщение в недатированном письме Белого к Н. А. Тургеневой из Базеля (около 25 августа (7 сентября) 1912 г.): «Приходится жить в отеле и платить за мерзкую, холодную комнатушку с полупансионом по шести франков в день, т. е. 12 франков за обоих. Еще всякая мелочь, т. е. минимум приходится платить 20 франков в день. Денег всего 190 франков, т. е. ровно на 9 дней. А с присланными Ал<ександром> Мих<айловичем> <Поццо. — *Ред.*> и Киселевым проживем еще дней 5, ибо придется через десять дней сделать взнос за теософские листки. Далее — ничего. <...> денег у нас в лучшем случае дней на 12–14» (Europa Orientalis. XIV/1995: 2. С. 316. Публ. Даниелы Рицци).

[3] См. примеч. 12 к п. 255.

[4] Письмо от М. К. Морозовой, отправленное из Москвы 25 августа (7 сентября) 1912 г., с выражением готовности высылать ежемесячно по 300 руб. и сообщением о высылке этой суммы немедленно, Белый получил в Базеле 31 августа (13 сентября). См.: «*Ваш рыцарь*». С. 195–196.

[5] С. М. Соловьев.

[6] В цитированном выше письме к Н. Тургеневой Белый просил ее «в случае нашего отчаянного кризиса (дней через 7 <...>)» написать А. А. Рачинской «с просьбой занять у нее рублей 300» (Europa Orientalis. XIV/1995: 2. С. 316).

258. ВЯЧ. ИВАНОВ И БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

30 августа (12 сентября) 1912 г. Базель

<Текст Иванова:>

12 сент.

Дорогой Эмилий Карлович.

Пишу Вам из Базеля, куда приехал для свидания с Борей[1] — и пока только три словечка деловых, — но, впрочем, вместе и для того, чтобы сказать Вам, что обнимаю Вас заочно — почти буквально, потому что Вы всё передо мной, с необычайною живостью иллюзии (если это не Ваш астрал, как невольно заподозришь, беседуя все время с «штейнерианцами»). И, главное, прежде всего, благодарю Вас, дорогой Эмилий Карлович, за книгу

о музыке, чрезвычайно интересную для меня, хотя уж очень бранчливую (*сверх* меры), остроумную, во многом существенном симпатичную, в другом — несогласную со мной, но никогда не обижающую моих чувств лучших и *основных*[2]. Спасибо и за «статьи-статуи» на неподобающем (!) месте, в предисловии, без повода...[3] О Дионисе у Вас несколько сбивчивых слов, быть может симптомов некоторого заблуждения[4]. Кажется, пришлю Вам несколько афоризмов о Дионисе для Тр<удов> и Дней...[5] Ибо ведь Труды и Дни *существуют*? *Nein*?? Так вот значит и деловое. Удивительный порядок в моих мыслях сегодня!! Отчего это? —

Дела:

1) Прошу о высылке корректуры моей статьи, предназначенной для № 3 и присланной через 2–3 недели после Пасхи...[6] Ведь Вы же получили большую и важную статью, очень важную для меня??

2) Статья Скалдина должна непременно идти, в силу условия, по кот<орому> о ее годности сужу я. И т<ак> к<ак> я сказал автору, что она идет, то я связан, и его статья — моя статья. Но вычеркнуть кое-что, конечно, можно. Печатать же необходимо, иначе я в ложном положении[7].

3) Статью о Брюсове автора, имя которого забыл, мне присланную для совещания, передаю А. Белому. Она меня отнюдь не пленила. Я был бы скорее против ее напечатания (по соображениям, между прочим, и тактическим), но не безусловно[8].

Адрес мой: Lausanne, poste restante.

Любящий Вас всею душой

Вяч. Иванов.

P. S. Письмо Кузмина в ред<акцию> Аполлона было для меня сюрпризом книжки (что не очень рекомендует Кузмина), но *формально* он во всем прав[9].

<Текст Белого:>

Дорогой Друг!

Видите, на этот раз «*Д*» с большой буквы (видите, с большой буквы пишу не только слово «*Доктор*» но и слово «Друг»[10]); итак: дорогой Друг! Существуют ли «*Труды и Дни*», спрашиваю я, Редактор? Три с половиною месяца тому назад *тщетно тщился*[11]

я узнать что-либо деловое о журнале. Ничего! Просил, чтобы меня известили о сроке выпуска 3 №, а мне не ответили[12]. Считаю недопустимым, чтобы хоть 1 № вышел без моей статьи (видите из этого, что писать буду много, ***но***: ввиду распределения всех моих дней *требую* за *месяц до* выхода номера, чтобы я был извещен о сроке выхода). Считаю необходимым напечатание статьи Скалдина. Изумляюсь, что о письме Кузмина и о статье Чудовского[13] не уведомлен. В случае продолжения бойкотирования меня, как редактора, считаю невозможным оным числиться. На «*Трудах и Днях*» я нарезался с Ахрамовичем, ибо многого не знал о полемике, что узнал от Вячеслава. Обнимаю Вас. Б. Бугаев.

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 69. Текст Белого опубликован в примечаниях А. Л. Соболева к публикации переписки Белого и Н. П. Киселева (Арабески Андрея Белого. С. 96). Отправлено адресату в Москву в одном конверте с письмом Вяч. Иванова (последнее в публикацию В. Сапова «В. И. Иванов и Э. К. Метнер. Переписка из двух миров» не вошло и не было выявлено: в примечаниях к ответному письму Метнера определено как несохранившееся; см.: Вопросы литературы. 1994. Вып. III. С. 285).

[1] Вяч. Иванов выехал из Эвиана (близ Лозанны) в Базель по получении 9 или 10 сентября н. ст. 1912 г. открытки от Белого с сообщением своего базельского адреса (см.: Русская литература. 2015. № 2. С. 83. Публ. Н. А. Богомолова и Дж. Малмстада). Трехдневную встречу с Вяч. Ивановым в Базеле Белый описал в мемуарах (см.: *НВ.* С. 360); охарактеризовал ее также в письме к А. С. Петровскому от 6 (19) ноября 1912 г.: «Ты просишь написать об Иванове. Был он у нас; прожили вместе 3 дня. Эмпирически был он страшно мил, уютен, хорош. Тронуло меня его прекрасное отношение ко мне. С трогательностью расспрашивал о Докторе» (*Белый — Петровский.* С. 234). Иванов подробно изложил свои впечатления от этой встречи в письме к А. Д. Скалдину из Монтрё от 10 (23) октября 1912 г.: «С Борисом Николаевичем я виделся в Базеле, куда приезжал к нему на три дня. Такие определения, как „метит в под-Штейнера", принадлежат к оркестру нашего суетного злоречия. Не благодарное ли дело — цельно отдаться учителю? Я нашел Андрея Белого поглощенным изучениями уроков Штейнера и работами, им указанными. Отрывки все еще неоконченного „Петербурга" по-прежнему блистательны, стихов нет вовсе, но и роман не пишется: все сознание устремлено на другое. Утверждая, что (говоря вообще) столь цельное решение прекрасно, я нахожу вместе с тем, что оно было для Бори и неизбежностью. Он во многих отношениях подошел к краю. Но что будет плодом нескольких лет этого ученичества? Прежде всего, не погибнет ли художник? Однако, *до* Штейнера не подошел ли уже тот прежний гениальный художник к краю?.. Предсказать ничего

нельзя. Все зависит от того, совлечется ли Боря своего *я* на этом пути. Если нет, бесплодны окажутся и его исключительные дарования в частных областях мистики. Если да, — пусть умрет прежнее, ибо родится во сто крат больше — подобное ли прежнему или вовсе неожиданное, все равно. Теперь я вижу его в безличном подчинении руководящей воле, в пассивной самоотдаче; но под ней припряталась дурная самость, подлежащая разрешению. Думаю, что мистагогическое ведение Штейнера имеет целью разрушить последнюю и вместе вернуть Боре свободу. Тут долгие, трудные, темные пути. Но мы все должны быть благодарны тому (Боре), что подвизается и о нас» (Из переписки В. И. Иванова с А. Д. Скалдиным / Публ. М. Вахтеля // Минувшее: Исторический альманах. 10. Paris, 1990. С. 133).

[2] Имеется в виду книга Метнера (Вольфинга) «Модернизм и музыка». Метнер отвечал Иванову в письме из Пильница от 16 (29) сентября 1912 г.: «Очень тронут Вашими милыми и одобрительными словами о *Модернизме и музыке*. Сверхмерная бранчливость весьма естественна, как результат моего темперамента + материала книги (которую я рассматриваю как метлу... и только» (Вопросы литературы. 1994. Вып. III. С. 284. Публ. В. Сапова). «Бранчливой» называет Иванов книгу Метнера и в начальной фразе своего печатного отзыва о ней (Труды и Дни. 1912. № 4/5. С. 38).

[3] Подразумевается фраза в авторском Предисловии: «Сказанное относится не только к статьям-статуям в роде тех, что соединены в книгу *По звездам* Вячеславом Ивановым <...>» (*Вольфинг*. Модернизм и музыка: Статьи критические и полемические (1907–1910). Приложения (1911). М.: Мусагет, 1912. С. I).

[4] Имеется в виду прежде всего раздел VII Приложений («Аполлинизм и дионисизм») — дополнительное пояснение к использованию терминов эстетики Ницше, присутствующему на множестве страниц книги. См.: Там же. С. 274–275. «Дионисийскую» тему Иванов положил в основу своего развернутого отзыва о книге «Модернизм и музыка» в составе статьи «Marginalia» (Труды и Дни. 1912. № 4/5. С. 38–42).

[5] Это намерение осталось нереализованным.

[6] Имеется в виду статья «Манера, лицо и стиль» (см. примеч. 5 к п. 254). В № 3 «Трудов и Дней» Иванов не участвовал. Указанная статья не попала в него, видимо, из-за недоразумения с прохождением корректуры. 16 (29) сентября Метнер отвечал Иванову: «...Ваша просьба о высылке корректуры меня очень удивила, ибо она была Вам давно выслана», — на что Иванов твердо заявлял (Монтрё, 22 сентября (5 октября) 1912 г.): «Повторяю, что я не получил корректуры большой весенней статьи, и покорнейше прошу о немедленной высылке в Lausanne, poste restante» (Вопросы литературы. 1994. Вып. III. С. 282–283, 287).

[7] См. примеч. 10 к п. 241, примеч. 5 к п. 254. Метнер отвечал Иванову в цитированном письме: «Статья Скалдина была взята Бугаевым с собой за границу и до сих пор продержана. Вопрос об ее помещении

вовсе не подымался. Шла речь о двух-трех местах <в публ. ошибочно: «листах». — *Ред.*> статьи, которые возбудили страшные дебаты в нашем кружке (Рачинский, Киселев, Петровский были очень против). Бугаеву было предоставлено как Редактору окончательно решить судьбу этих мест. К сожалению, Бугаев ничего не сказал в своей приписке к Вашему письму об этих местах...» (Там же. С. 283).

[8] Метнер отвечал в том же письме: «Статья о Брюсове и меня отнюдь не пленила. Однако именно по практическим соображениям и в особенности ввиду недостатка материала для двойного номера, мне кажется, ее можно было бы пустить. Впрочем, Бугаев ее или потеряет, или продержит года два. — Если же он найдет возможным ее поместить, тогда я сдам в набор. Статья все же неплохая» (Там же). Статья о Брюсове («Философия поэта») в «Трудах и Днях» напечатана не была, в архиве «Мусагета» (РГБ. Ф. 190) не сохранилась. Ее автор — Петр Иванович Майгур, историк литературы, преподаватель 11-й мужской гимназии и женской гимназии Ржевской. Белый знакомился с его статьей раньше, чем Вяч. Иванов, которому В. Ф. Ахрамович писал 22 мая 1912 г.: «Посылаю Вам, по поручению Эмиля Карловича, статью Петра Ивановича Майгура о Брюсове. Статью эту читал и не дочитал Борис Николаевич, который, по-видимому, просто не хотел быть судьей статьи на такую тему» (РГБ. Ф. 109. Карт. 11. Ед. хр. 64). Подробнее см.: *Соболев А. Л.* К истории журнала «Труды и Дни»: реестр подписчиков // Russian Literature. 2015. LXXVII-IV. С. 689-690.

[9] Письмо в редакцию М. А. Кузмина (Аполлон. 1912. № 5. С. 54-56) содержало протест в связи с опубликованием в «Трудах и Днях» его статьи «„Cor ardens“ Вячеслава Иванова» в сокращенном без согласования с ним виде, а также ряд полемических высказываний по поводу других материалов, появившихся в том же журнале. См. примеч. 13 к п. 236.

[10] Как выясняется из п. 255, Метнер в одном из неизвестных нам писем к Белому выражал недоумение в связи с тем, что тот пишет слово «Доктор» (т. е. Штейнер) с прописной буквы.

[11] Словосочетание из «Новогреческой песни» («Спит залив. Эллада дремлет...») Козьмы Пруткова: «Пока тщетно тщится мать // Сок гранаты выжимать...» См.: *Козьма Прутков.* Полн. собр. соч. М.; Л:, 1965. С. 83 («Библиотека поэта». Большая серия).

[12] 15 (28) сентября 1912 г. Метнер писал из Пильница В. Ф. Ахрамовичу: «В письме Вячеслава от 12 IX нового стиля есть весьма ругательная и совершенно несправедливая приписка Бугаева, где он утверждает, что 3½ месяца он не имеет никаких сведений о *Трудах и Днях*, между тем он сам де исписал себе пальцы, желая чего-либо дознаться??! Он пишет буквально „тщетно тщился“! Вами очень Бугаев недоволен! И ему, пожалуйста, ответьте» (РГБ. Ф. 167. Карт. 24. Ед. хр. 1).

[13] Имеется в виду информационная статья «„Труды и Дни“» В. А. Чудовского (Аполлон. 1912. № 5. С. 54-56).

259. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

13–14 (26–27) сентября 1912 г. Пильниц

Пилльниц 13/26–IX–912.

Дорогой Борис Николаевич!

Начинаю серьезно думать, что какой-то диавол здорово работает над тем, чтобы похерить и *Мусагет*, и все связанные с ним дружбы и личные связи… Этот диавол мне неизвестен, а okkulte Forschung* производить я и не умею, да и не хочу. Знаю одно, что, помимо теософской внешней правды и справедливости, существует просточеловеческая, за которую я раньше всего изо всех сил моих держусь… Вот на основании этой мне ясной правды и подвергая самому придирчивому анализу *все* свои слова и поступки в отношении к Вам и к Эллису за *все* время нашей дружбы, я прихожу к тому заключению, что неповинен ни перед Вами, ни перед Эллисом, ни прямо, ни косвенно, ни деланием, ни упущением решительно ни в чем. Клянусь в этом всем для меня святым! Прошу Вас об этом сообщить Эллису, ибо, надеюсь, он понимает, что после его последнего письма я никаких личных сношений иметь с ним не могу[1]. Это не означает разрыва, а просто «не могу»; мне больно! Я почти не в состоянии и Вам писать; но пишу потому, что тут уж нельзя не писать, и, кроме того, Вы сами старались поправить дело, тогда как Эллис после означенного письма (оставленного мною без ответа) просто замолчал. —

А теперь перехожу к тяжкой обязанности отвечать Вам пунктуально на Ваши два письма, *только что* очутившиеся в моих руках, и начну с того,

1) почему я так поздно получил их. Если я упрекал Вас и Эллиса в том, что Вы забываете давать свой адрес, а затем негодуете на молчание и неполучки, то я тем более должен был *не* поступать так же, хотя и есть огромная разница между мною и обоими Вами, ибо обо мне всегда можно справиться у родителей по телефону или написать по родительскому адресу. Вы опять спешите в первом письме вернуть мне упрек, сделанный Вам и Эллису,

* Оккультное исследование (*нем.*).

а в последнем письме упрекаете прямо в неряшестве и непростительной халатности, не совершив предварительно того «сыска», который совершаю всегда я, не боясь клички «судебный следователь». Уезжая из Москвы, я определенно сказал, что еду в Байрейт, сколько останусь там не знаю, писать: Hauptpostlagernd[2]. Уезжая из Байрейта с Колей и с Анютой[3], я оставил на Байрейтской почте приказ посылать письма Wien Hauptpostlagernd, ибо мы не знали, сколько дней мы пробудем в Нюрнберге, Регенсбурге и сколько времени мы будем ехать по Дунаю в Вену. В Байрейте я не получил ничего ни от редакции, ни от Мусагетцев. В Вене я тоже ничего не получил. Уезжая из Вены, я* дал свой адрес в Пилльнице. Но и в Пилльнице я долгое время ничего не получал редакционного. Почему всюду я получал письма от своих? Еще недавно получил письмо, прогулявшееся из Байрейта в Вену и оттуда сюда в Пилльниц. Если бы неукоснительно посылали мне в Байрейт, я бы давно все имел. Неужели редактор не смеет совершить маленького путешествия, не зная вперед всех отелей, где он остановится и сколько дней и проч.? Далее: всем давно известен адрес Пилльница: Herrn Emil Medtner Pillnitz — Elbe Sachsen. Кажется, просто. Отчего не попробовать (раз уже началось диавольское недоразумение) послать сюда. Ведь знают же, что без Пилльница не обходилось ни одно путешествие? Наконец, *все* были осведомлены, что я в Байрейте: и Петровский, и Киселев, и Сизов; я удивляюсь, что никому не пришло в голову *наугад* отправить пятипфеннигову<ю> открытку Bayreuth Hauptpostlagernd. Ведь могли же себе представить, что, уезжая, я сам не знал еще, где помещусь в Байрейте!.. Но довольно об этом! Повторяю: в Москве всем, и в Редакции и дома, было известно, куда надо писать… Что я не делаю сейчас попыток post factum оправдать свое мнимое «неряшество», тому доказательством служит то, что по прибытии в Пилльниц я более недели ждал известий из Москвы и № III *Тр<удов> и Дн<ей>* и, наконец, потеряв терпение, написал Ахрамовичу; доказательством же того, что оставшиеся в Москве члены редакции не могли не знать, где я, служит то, что № III *Тр<удов> и Дн<ей>* я получил уже на другой

* Коля и Анюта уехали из Вены прямо в Москву. (*Примеч. Метнера*).

или третий день после отправления моего запроса, следовательно, *независимо* от запроса, кот<орый> еще не мог достичь Москвы. —

Кто отправил Вам из редакции телеграмму «Адрес Э. К. Метнера неизвестен»???? Это чудовищно! Повторяю: надо было слепо следовать тому, что я сказал, и писать Bayreuth Hauptpostlagernd. Но допустим, что я не говорил этого; неужели перед тем, как посылать телеграмму, нельзя было протелеграфировать в Правление Моск<овской> Кружевной Фабрики и узнать у отца или Карла Карловича[4] мой адрес??? И как только Вы могли *поверить*, что я уезжаю, не оставив своего адреса *больному* отцу, за здоровье которого мы все время так опасаемся!!! И кстати: ведь отец казначей *Мусагета*, член хозяйственной комиссии, причастен *Мусагету*; стало быть, можно было *официально* и его запросить. Но довольно, довольно, довольно! Я глубоко сожалею и огорчен страшно, что Вы метались и страдали; но удивляюсь на Вашу беспомощность, несообразительность, с одной стороны, и на действительную халатность телеграфного ответа, с другой. — Кто во всем этом виноват, пока не знаю. По получении сегодня сразу семи писем в одном пакете* из Редакции (в числе их два от Вас) я немедленно телеграфировал *отцу*, чтобы он выслал Вам 300 рублей. Письма же в редакцию с разбором и проборкой еще не писал, ибо сел писать Вам. —

2) Вы пишете: «Ваша живая реакция по прочтению моего второго письма (коллективного) не соответствовала моей психологической настроенности во что бы то ни стало защищать пункты этого письма». Вот, дорогой мой, в этом-то все и дело: я подпишусь подо всем, что я Вам когда-либо писал; под *сутью*, разумеется, не под буквой, которая всегда и у всех стареет отпадает изменяется. — Каждое свое нападение и каждое отражение Вашего нападения я и по сию пору считаю правильным и готов всячески доказать эту свою правоту (мои грехи в другом; к Вам они отношения не имеют); эта моя правота проистекает от того, что я, как Вы выражаетесь, «сыщик»! О, если бы Вы были «сыщиком»! О если бы Вы не подчинялись *только* настроению и не выуживали бы *только* настроение у своих корреспондентов!

---

* Вот *это* есть ответ на мой запрос! И то с небольшим запозданием. (*Примеч. Метнера*).

3) О Штейнере лучше не буду говорить из уважения к Вашему чувству по отношению к нему. Только одно: с каких пор Андрей Белый держится столь демократического принципа, по которому надлежит, чтобы иметь право произнести суждение о человеке, как деятеле, «жить при нем несколько месяцев»! Обжиться можно ведь с очень многими! Я никогда не отрицал в Штейнере ни моральной чистоты, ни оккультнопедагогической гениальности. Не смею отрицать и его проницательности психологической, допускаю и ясновидение!! Но на каком основании должен я (или кто-л<ибо> со мною единомыслящий и единочувствующий) заставлять себя «жить при Штейнере», раз несколько книг его, серьезно прочитанных, и лекция (эзотерическая; о Гёте), прослушанная с напряженным вниманием и полным *не*предубеждением[5], почти каждой строкой своей, почти каждым произнесенным словом, самы<м> звуком голоса и жестами; одним словом, раз *все явление*, взятое в целом (и неповерхностно), говорит мне *нет*. Ни один писатель и ни один оратор не раздражал меня так, как Штейнер. У меня 1000 аргументов против него! Пусть он — святой, но... я должен себе искать другого. Он глубочайшим образом мне чужд и, может быть, и... враждебен! Зачем буду я жить возле него? Чтобы привыкнуть! Чтобы отвыкнуть от себя, от того (разумеется) в себе, что ценно! Штейнер — сила; бесспорно! Но именно потому слабому не устоять! Я готов потерять себя в Боге, но не в Штейнере! Зачем (если я даже и безбожник), зачем должен я принять Бога из рук Штейнера? А если для приятия Бога необходима оккультная гимнастика (и все равно, у кого брать уроки этой гимнастики) — — (теперь мода на всевозможные гимнастики) — — то я не хочу Бога! Ибо если для приобретения ритма необходима ритмическая гимнастика, то... то *я* не хочу быть ритмичным... Но тут-то я знаю, что с помощью ритмической гимнастики ритма не приобретешь: кто имеет ритм, тот сделает его более продуктивным, более гибким и т. п.; кто же не имеет его, тот приобретет лишь метрическую дрессуру. Думаю, что так же и с Богом. Кто имеет Его, тот может «работать» и «упражняться» (но лишь под руководством *своего* святого); кто же не имеет Бога, тому никакой оккультизм не поможет, в особенности же преподанный несимпатичным ему Мейстером. —

4) Ваше рассуждение о большой букве в слове *Вы* (в письме) и в слове Он (вообще) — извините меня — весьма странно.

5) Байрейт для меня нечто столь подлинное, несомненное и священное (несмотря на кучу серьезных недостатков), что я желал отдаться этой «медитации» после «концентрации»[6], а потому никоим образом не мог желать разговора с Вами после всего ставшего между нами, да еще с присоединением сюда столь взрывчатой темы, как Штейнер! — Вагнер *и* Штейнер! Нет, это, — свыше сил моих! Или тот, или другой! Пока мне достаточно Вагнера. —

6) «Друзья должны радоваться», пишете Вы, «тому, что мы занимаемся радикальным ремонтом негодных ветшающих построек, называемых личностями»!! Радоваться буду я *потом*, а теперь, пока я невыразимо страдаю при мысли, что Вы ремонтируете свою личность сверху, вместо того, чтобы начать снизу. Мы в такой мере явно расходимся (авось когда-нибудь опять сойдемся!), что я в последний раз решаюсь говорить откровенно. В личном и деловом отношении, едва только что-либо начинает идти не совсем гладко, как Вы (так же как и Эллис) становитесь просто невыносимы. Ваша несправедливость, забывчивость, постоянное «с больной головы на здоровую», постоянная отдача себя во власть моментального настроения, запутывание самых простых вещей и внезапное упрощение действительных сложностей, все Ваше экзотерическое поведение (поскольку я могу судить по отношению ко мне и к *Мусагету*) столь невыносимо, нестерпимо, что для меня является *грозным* вопросом, какую цену имеет ремонт купола, когда фундамент шатается?.. Я не виноват в том, что невиноват перед Вами (и перед Эллисом); я вовсе не выдаю себя за безупречного человека: и я многогрешен; но перед Вами и перед Эллисом (снова клянусь) я совершенно чист! —

7) «Не учиться друг у друга»; это — конечно, «нам не пристало»; в особенности я никогда не брал на себя роль учителя в чем бы то ни было (хотя нередко меня к этому и приглашали), — — — но верить друг другу, быть верным, доверчивым, не видеть в советах — желание опекать, в деловых замечаниях коллеги — диктаторство и полемику и т. п. —

8) Я пишу Вам на этот раз действительно в последний раз и думаю, что иначе поступить и не могу и не смею. Вы пишете,

что «во мне что-то окончательно лопнет, если и т. д.» Боюсь, что во мне уже лопнуло. Дай Бог, чтобы я ошибался. —

9) Чтобы «Андрей Белый и впредь был», я страстно хочу, а потому сделаю все возможное, чтобы поддержать Вас. —

10) Неужели Вы не помните, в каком восторге был я, слушая Вашу лекцию об Эгипте[7], слушая Ваше чтение отрывков из других частей Ваших *Путевых Заметок*? Наконец, я читал несколько фельетонов, как в печати, так и в рукописи…[8] Уже который раз Вы упрекаете «друзей» в равнодушии и непонимании Вашего творчества. Доставалось и бедному Петровскому, и Мише Сизову, и другим, намекалось и на меня… Кто же тогда Вас ценит, если не мы! Вот Вы ушли в «работу» Штейнеру и ни слова не пишете мне о книге моей[9]; неужели Вы думаете, что я хотя бы на мгновение был на Вас за это в претензии; ну что моя книга, когда Вы заняты «ремонтом личности»; а Вы с год тому назад бранили Петровского и в разговоре, и в письмах ко мне за его равнодушие к Вашему второму *Голубю*[10], ибо Вы в то время были страшно против теософии и оккультного пути и очень за искусство, за литературу, за немедленное создание журнала и т. д.; но Вы забывали при этом, что Петровский «работает» Штейнеру и что его относительное равнодушие к вопросам чистого искусства есть результат «концентрации»; Вы не замечали при этом, что Петровский, вложивший всю душу свою в перевод Бёме[11], жаждал Вашего внимания к его работе, ждал, что Вы прослушаете его чтение перевода… —

11) Что *Путевые Заметки год тому назад* ***готовы*** (???), это — — — ??? — — — Очень прошу Вас вспомнить и опомниться. Хотя бы, напр<имер>, то, что Вы собирались пропустить целый ряд *заметок* по журналам — — — Это стыдно, Борис Николаевич; стыдно и больше ничего!

12) Переиздание Ваших сочинений возможно лишь после их распродажи. Распродана только I симфония. Надежда есть, что распродадут вскоре *Голубя*[12]. Но, разумеется, раз Вы продали второй роман Некрасову, то Мусагету смысла не имеет печатать второе издание первого романа; поэтому снеситесь с Поляковым и, если он разрешит, предлагайте Ваш первый роман Некрасову. —

13) Ни в одном из писем Вы, редактор *Тр<удов> и Дн<ей>*, ни словом не упоминаете о журнале, который Вы сами преждевременно вызвали к жизни (ибо я уступил только Вашему ультиматуму — начать журнал с *1912 г.*); да, Вы горели, пылали месяца два, но скоро журнал стал Вам в тягость; а теперь Вы и забыли думать о нем; я не упрекаю; я понимаю Вас; конечно, я жалею, что я уступил; если бы я воспротивился и отложил до *1913* г., то… то… журнал оказался бы, по всей вероятности, вовсе даже и не нужным. — № III май — июнь не мог быть мною выпущен в конце июля из-за того, что ни Вы, ни Вячеслав не возвращали статей, отосланных на просмотр[13]; Вячеслав не присылал корректуры своей статьи[14]; а Вы ничего, как «*Андрей Белый*», не слали. Я уехал, оставив распоряжение немедленно выпустить № III, не дожидаясь больше ничего, ибо есть же предел запаздыванию. Я не упрекаю ни Вас, занятого теософией, ни Вячеслава, пережившего сильный внутренний и внешний конфликт и занятого переездом за границу[15]. Но неужели интерес к журналу так уж мал, что о нем даже в письмах не упоминают. Неужели не было 10 минут времени прочесть статью Скалдина и возвратить ее *Мусагету* со своим заключением?[16] Мы едва собрали материал для III №; портфель журнала совершенно пуст. Я сделал все, что мог, и участвовал во всех трех номерах, пожалуй, даже слишком ретиво. — — — — —

Вот Вам чертова дюжина пунктов. Я устал. До завтра! Простите!

14/27-IX-912. — Хотел было сегодня подвести итог сказанному, но судьбе угодно было послать мне еще одно испытание, вероятно для того, чтобы я с более легким сердцем (хотя и с более истерзанным) принял ***бесповоротное*** решение, о котором дальше и будет речь… Сегодняшнее испытание заключается в полученных мною только что двух письмах (снова через Москву в редакционном конверте); оба отправлены из Базеля 19/IX и заключают в себе: одно Вашу приписку к письму Вячеслава, другое — письмо Эллиса[17]. — Мое терпение лопнуло! Да! Сейчас я буду *жесток*! Подобно тому, как в феврале Вы, попав на башню, вспомнили, под влиянием Вячеслава, что в уже решенном

нами сообща I программном номере *Тр<удов> и Дн<ей>* мало подчеркнут символизм[18], Вы теперь внезапно вспомнили о существовании *Тр<удов> и Дн<ей>* потому, что приехал к Вам Вячеслав! Все Ваше письмо обидная ерунда! Ничего Вы «тщетно не тщились»! *Вас* запрашивали о статьях! В частности, о Скалдине! *Вы* упорно молчали! Вы пишете, что Вы не знали о сроке выхода № 3 — ?? Ведь это — смешно! «Май — июнь» конечно должен выйти между началом мая и концом июня! Я уехал в конце *июля*, и от Вас не было ни слова! Стыдно: разве Вы не знаете, что «срок выхода» русского журнала зависит не от редакции, а от сотрудников! От *меня* о письме Кузмина и о *статье* Чудовского[19] Вы ничего узнать не могли, т<ак> к<ак> все это произошло во время моего отсутствия, и раз Вы видели, что я молчу, то Вы могли представить себе, что я или болен, или (как это, к сожалению, имело место по причинам мне пока еще неизвестным за отсутствием письма от Ахрамовича) — что я сам ни о чем не знаю! Кто из редакторов кого сознательно или бессознательно бойкотировал??? Что Вы «нарезались на „Трудах и Днях“ и с Ахрамовичем» (если только и это вполне может быть и не так, и не то) — тут я ни в чем не виноват. По Вашему желанию я устранил от секретарства Кожебаткина и назначил Ахрамовича, которого Вы сами хотели. Если Ахрамович не годится, то предложите другого секретаря; я не знаю, кто станет работать с такими капризными хозяевами за 50 р. в месяц как секретарь и журнала и издательства. — Ваша приписка к письму Вячеслава довершила все. Меня доконали. — Так что над милым началом письма Эллиса я уже гоготал от смеху... Кто виноват в *хаосе* «Мусагета»??? Только и исключительно: Эллис и Вы. ***Никто*** больше! Единственная моя вина в том, что я ***мало*** деспотичен был; но, поверьте, не из недостатка в разумном деспотизме, а лишь потому, что был всегда убежден в невозможности симулировать органичность и гармонию при помощи начальнических нажимов, в *таком* деле, как литературное сообщество. Одно время Вы (который вместе с Эллисом вставили в *Мусагет* своего «друга» Кожебаткина) считали последнего «ангелом-хранителем Мусагета»; через несколько месяцев «ангел-хранитель» превратился в «демона разрушителя»! Я не замечал ни того,

ни другого. Были промахи и очень сильные именно там, где *я* мало смыслю. Но кто устроил хаос и в чем преимущественно Вы видите оба этот хаос, я не знаю. — Я удивляюсь на то, что Эллис не счел нужным даже извиниться за свое последнее письмо и начинает новое базельское хотя и с милого обращения ко мне, но снова с упрека все в том же хаосе, отказываясь приводить примеры хаоса, потому что «это — скучно». — Впрочем, дальше идут примеры; но 1) книги и брошюры, выходящие в Мусагете, конечно, ему посылаются, так же как и каталог; 2) его «манифест» был отклонен, и об его участии в журнале я раза два подробно ему писал; 3) писал я ему о том, как будет поступлено с его рукописями, которые он будет присылать; 4) что *Арго* будет сдан в набор осенью, тоже ему сообщалось[20]. Где хаос, где, где!! Только в Ваших головах в Вашем расстроенном воображении. Были ссоры, недоразумения, ошибки, но хаоса я не вижу. Хаосом было бы, если бы мы печатали без разбору все, что писал последнее время Эллис в стихах и в прозе. Хаос был бы, если бы мы в *Тр<удах> и Дн<ях>* объявили торжественно, что «культура зиждется на синтезе оккультизма и символизма». Хаос был бы (позволяю наконец себе это сказать), если бы *Мусагет* находился всецело во власти Эллиса и Андрея Белого. О, тогда был бы хаос! Невиданный! во всей мировой истории! Но, к счастью (или к несчастью: не знаю уже больше), моя маленькая персона нет-нет да и задержит движение к хаосу… Все милое и лестное, что пишет Эллис мне в своем письме, падает перед одним этим ложным обвинением (хотя он и спешит сказать, что не обвиняет меня)… Мне не надо похвал, а только признание фактического… Но *факты*, по-видимому, не существуют для оккультистов, а только для судебных следователей. — Ни Вы, ни Эллис не помните ни того, что Вы писали мне, ни того, что говорили. — Прошлого для Вас, без оглядки несущихся в будущее, — не существует. Я составлю записку, излагающую всю историю возникновения и действования *Мусагета*, и предложу ее опровергнуть заинтересованным[21]. — Я глубоко сожалею, что содействовал основанию *Мусагета* и отнял у себя столько времени и сил. — Я прошу Вас прочесть это письмо Эллису, т<ак> к<ак> писать ему я не стану. Не стану больше и Вам писать.

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ

Дорогому глубоколюбимому другу въ знакъ глубокаго уваженія съ изъ глубины души вырвавшимся привѣтомъ.
Андрей Бѣлый.
Москва. Май. 1910 года

Дарительная надпись Э. К. Метнеру на авантитуле кн.: Андрей Белый. Серебряный голубь. М.: Скорпион, 1910 г.

Дорогому, многоуважаемому Эмилію Карловичу Метнеру въ знакъ глубокаго расположенія и любви

Андрей Бѣлый.

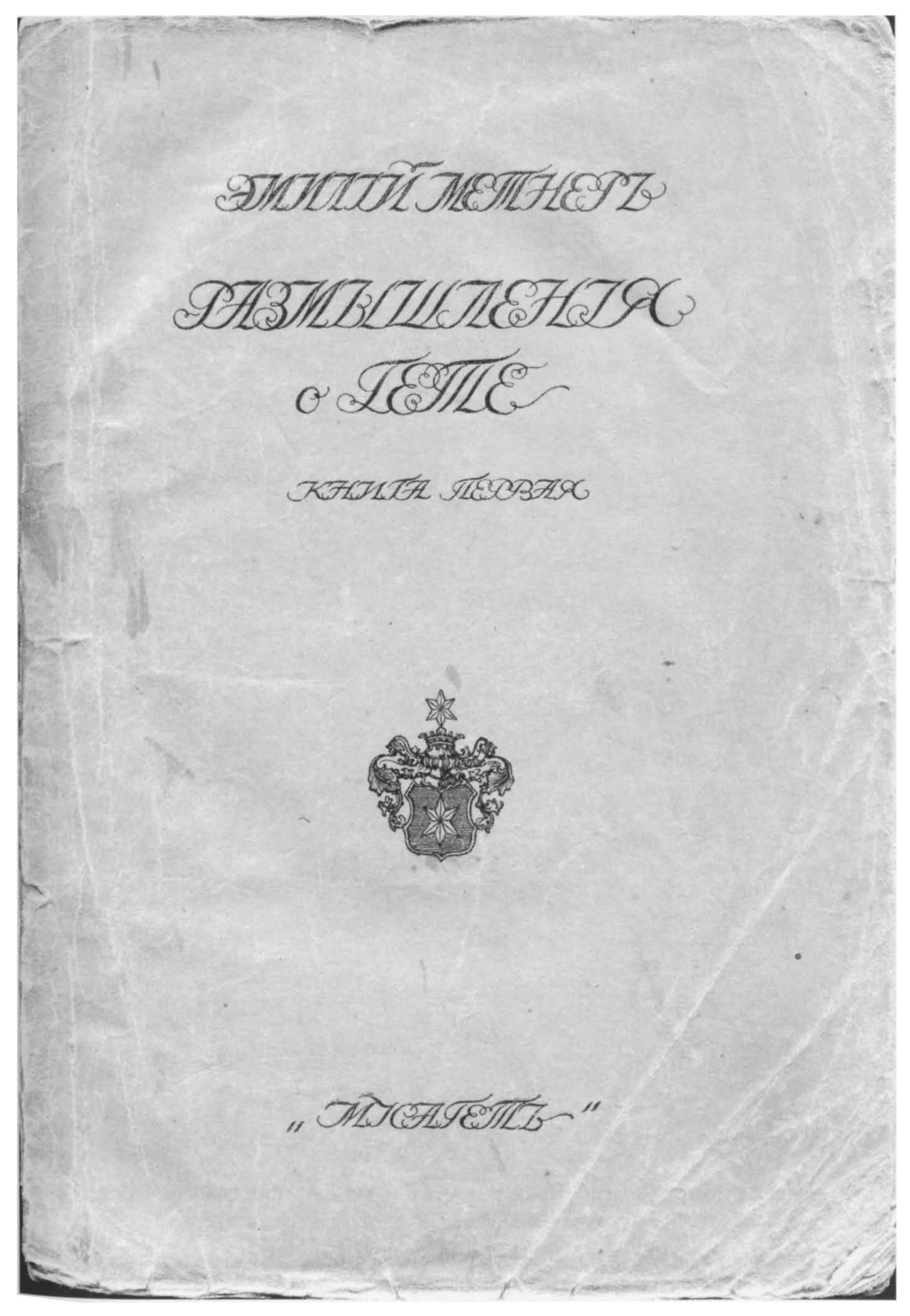
Дарительная надпись Э. К. Метнеру на титульном листе кн.: Андрей Белый. Возврат. III симфония. М.: Гриф, 1905 г.

„Пепелъ" — книга самосожженія и смерти,
но сама смерть есть только завѣса, закрывающая горизонты дальняго, чтобы найти
ихъ въ ближнемъ. (Предисловіе къ „Урнѣ")

Ти-Рей съ озолощенной урной
Надъ пологомъ ненастныхъ тучъ
Не пепелъ изольетъ, а лучъ
Изъ бездны времени лазурной.

Свѣтъ проходя сквозь пепелъ и пыль, образуетъ зарю: нѣтъ зори безъ пепла; въ комъ есть пепелъ разувѣреній, тому открыта ласка зари.
…… И Фениксъ возстаетъ изъ пепла.
Земля, удобренная пепломъ, приноситъ больше цвѣтовъ.
Дорогому, неизмѣнному и старинному другу, Эмилію Карловичу Метнеру отъ Андрея Бѣлаго

Дарительная надпись Э. К. Метнеру на титульном листе кн.: Андрей Белый. Возврат. III симфония. М.: Гриф, 1905 г.



Эмилий Метнер. Размышления о Гёте. Кн. 1. Разбор взглядов Р. Штейнера в связи с вопросами критицизма, символизма и оккультизма. М.: Мусагет, 1914 г. Обложка

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ.

РУДОЛЬФЪ ШТЕЙНЕРЪ И ГЕТЕ

ВЪ

МІРОВОЗЗРѢНІИ СОВРЕМЕННОСТИ.

Отвѣтъ Эмилію Метнеру на его первый томъ „Размышленій о Гете".

„Ждемъ снисходительно-популярнаго отвѣта".
Эмилій Метнеръ.

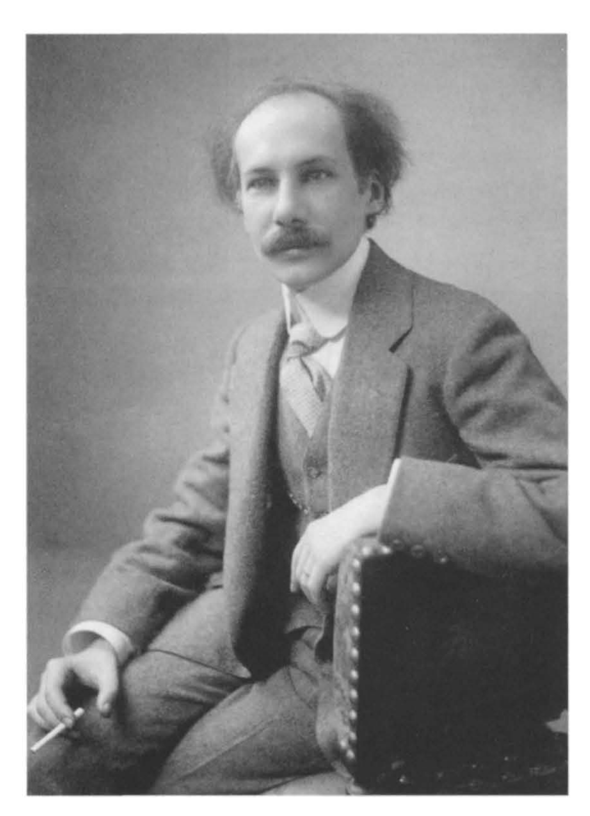
ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДУХОВНОЕ ЗНАНІЕ"
МОСКВА, 1917.

Андрей Белый. Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности.
М.: Духовное Знание, 1917 г.. Титульный лист

Андрей Белый в студенческом мундире. Фотография О. Ре́нара.
21 апреля 1903 г. © Государственный музей А. С. Пушкина

Андрей Белый в гостиной квартиры на Арбате. Зима 1900—1901 гг.

Андрей Белый и А. А. Тургенева.
Фотография «Benjamin Couprie». Брюссель. 1912 г.



Андрей Белый. Фотография «Benjamin Couprie». Брюссель. 1912 г.
© Государственный музей А. С. Пушкина

А. А. Тургенева. Портрет Андрея Белого. Москва. 1909 г.
© Государственный музей А. С. Пушкина

Письма от Вас и от Эллиса, не вскрывая, буду возвращать обратно; жду от Вас обоих только открытые письма по редакционному адресу; если же надо написать что-нибудь деловое подробнее, прошу адресовать на имя Киселева, Петровского или Сизова. Довольно. Старинный друг[22] ушел надолго, когда возвратится и вернется ли вообще — неизвестно[23]. А теперь дело:

a) Проповеди оккультизма в *Тр<удах> и Дн<ях>* я не допущу.

b) Если журнал не может выходить вовремя (что зависит *только* от сотрудников) и если он должен влачить жалкое и для никого почти не нужное существование, то я его закрываю с 1913 г.

c) Признавая, что Вы переживаете кризис, *Мусагет обязан* поддержать Вас материально, пока это надо, даже если Вы ничего ему <не> даете; Эллис обещал освободить *Мусагет* от своей субсидии: но если бы ему это не удалось с начала 1913 г. (как он обещал), то и ему будет продолжаться выдача ежемесячно.

Будьте счастливы! Ваш Э. М. —

РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 28.

Ответ на п. 255 и 257.

[1] 16 (29) сентября 1912 г. Метнер сообщил Вяч. Иванову: «С Эллисом я покончил после его возмутительного письма два месяца тому назад» (Вопросы литературы. 1994. Вып. III. С. 281. Публ. В. Сапова). Вероятно, имеется в виду письмо Эллиса к Метнеру от 4 (17) августа 1912 г. из Мюнхена, содержавшее ряд ультимативно сформулированных положений:

«Почему „Мусагет“ должен стать под знак <розенкрейцерства> <в тексте вместо слова — схематическое изображение креста и розы. — *Ред.*>

1) Выступление *Мейстера Шт<ейне>ра* знаменует небывалый кризис культуры, и никакой культуры без инспирации Его быть в будущем не может. <…>

5) *Только „Му<саге>т“* может и должен сейчас дать формулу перехода от символизма к оккультизму ритмически и четко.

6) Есть возможность дать невидимый руль „Му<саге>та“ в руки Мейстера Ш<тейне>ра и вести судно так, чтобы его матросы *со временем* дали борцов за политическую свободу России и мучеников во имя ⊕.

7) Лица, руководящие Му<саге>том в разрыв с голосом высших миров, ритмом событий и зовом времени, не выражающие мнения и стремления *всех*, должны быть устранены без всяких слов!» (РГБ. Ф. 167. Карт. 7. Ед. хр. 68).

[2] См. примеч. 5 к п. 255, примеч. 1 к п. 257.

[3] Н. К. Метнер, А. М. Метнер.

4 К. К. Метнер — брат Э. К. Метнера, доверенный правления акционерной компании «Московская кружевная фабрика».

5 См. п. 163, примеч. 15.

6 Кавычками выделены формы духовной работы в «учительной» методике Штейнера.

7 См. примеч. 37 к п. 232.

8 Подразумеваются очерки Белого, составившие книгу «Путевые заметки».

9 Имеется в виду книга статей «Модернизм и музыка».

10 Речь идет о романе «Петербург» (годом ранее еще только задуманном).

11 См. примеч. 20 к п. 203.

12 «Северная симфония (1-я, героическая)» и «Серебряный голубь», вышедшие в издательстве «Скорпион» соответственно в 1904 и 1910 гг.

13 Ср. сообщение в недатированном письме В. Ф. Ахрамовича к Метнеру, относящемся к маю 1912 г.: «Статей для „Трудов и Дней“ нет совсем, никто не отвечает на письма, по выражению Степпуна „Труды и Дни“ похожи на „*чумных щенят*“. Нам придется выпустить двойной номер (июль — октябрь), материалу необходимо листов на 8–9» (РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 16).

14 Речь идет о статье Вяч. Иванова «Манера, лицо и стиль» (см. примеч. 5 к п. 254, примеч. 6 к п. 258).

15 19 мая 1912 г. Вяч. Иванов с беременной от него падчерицей В. К. Шварсалон и с дочерью Лидией выехал из Петербурга во Францию; 17 июля н. ст. в городе Невесель (Савойя) у него родился сын Димитрий. Эта семейная ситуация послужила основанием для нелицеприятных толков и инцидентов в петербургской окололитературной среде.

16 См. примеч. 10 к п. 241, примеч. 5 к п. 254, примеч. 7 к п. 258. 12 октября н. ст. 1912 г. Вяч. Иванов писал Белому из Монтрё: «Милый Боря, пошли же статью Скалдина в „Труды и Дни“, если она у тебя» (Русская литература. 2015. № 2. С. 87. Публ. Н. А. Богомолова и Дж. Малмстада).

17 Имеются в виду п. 258 и письмо Эллиса, отправленное из Базеля 6 (19) сентября 1912 г.: «Дорогой и неизменный друг! И я присоединяю<сь> к голосу моего брата Бугаева и моего идейного врага В. Иванова! Оба они правы. Хаос в „Мусагете“ достигает баснословных пределов. Не буду присоединять частных примеров, это скучно! Скажу лишь, что я даже не знаю, какие книги, брошюры вышли, куда девался мой „манифест“, что программный каталог и какова судьба моих рукописей, должен ли я продолжать перевод Вагнера, когда, наконец, „Арго“ вступит в печать, и ничего не знаю о „Трудах и Днях“, о к<ото>рых даже со-редактор Белый ничего не знает и сообщить не может» (РГБ. Ф. 167. Карт. 7. Ед. хр. 70).

18 См. п. 239.

[19] См. примеч. 9, 13 к п. 258.

[20] «Арго» (первоначальное название — «Гобелены») — вторая книга стихотворений Эллиса, в 1912 г. не опубликованная «Мусагетом». В значительно расширенном виде, с включением двух новонаписанных разделов, вышла в свет в марте 1914 г.: *Эллис*. Арго: Арго. — Забытые обеты. — Мария: Две книги стихов и поэма. М.: Мусагет, 1914. См.: *Глуховская Елена*. Эллис и Э. К. Метнер: К истории издания книги *Арго* (1914) // Russian Literature. 2015. LXXVII–IV. С. 519–531.

[21] Ср. утверждения в письме Метнера к Вяч. Иванову от 16 (29) сентября 1912 г.: «...считаю необходимым поставить Вас в известность о прекращении моих чисто личных сношений с обоими беснующимися неофитами, а также заявить Вам, что я готов принести клятву перед Богом и привести доказательства перед третейским судьей как в том, что все обвинения, возводимые на меня Бугаевым и Эллисом, сплошь ложны, так и в том, что *все* замечания, к которым меня вынудило нелепое поведение обоих, основательны. Я вижу, что мне придется составить записку о возникновении и действовании *Мусагета* на основании имеющихся у меня документов (писем, записок, протоколов заседаний) и предложить ее для критики ближайшим сотрудникам. Тогда всплывет на поверхность все действительно хаотическое в *Мусагете*, выяснится моя роль во всем и скажется, что творцами хаоса именно и являются Белый и Эллис. Хаоса же в том, как выражается *Мусагет* вовне, я совершенно не вижу; есть некоторая смутность очертаний, вполне естественная, если принять во внимание разнородность элементов, которые не могли, конечно, дать гармоническое созвучие в столь короткий срок, да еще вдобавок при таких вулканических кризисах главных действующих лиц. Dixi! Если я еще услышу глухие жалобы на хаос, я закрываю весь *Мусагет* и исчезаю *навсегда* для моих литературных друзей» (Вопросы литературы. 1994. Вып. III. С. 281–282).

[22] См. п. 246, примеч. 1.

[23] 20 сентября (3 октября) 1912 г. Белый писал Н. П. Киселеву по поводу этих заявлений Метнера: «...в Базеле лопнула с треском десятилетняя связь с Э. К. Метнером. Вижу, что это кармически (а он, вероятно, думает, что не кармически, а „*скандалически*“): Господь с ним, желаю ему всего, всего счастливого. <...> А это уже между нами: с ужасом вижу, до чего Э. К. болен, ибо последнее его письмо, состоящее из яростных выкриков, плевков, заушений, тому свидетельство: но, ввиду того, что он заявляет, что он единственно здоровый человек, а мы с Эллисом кандидаты в сумасшедший дом (выражения его вроде „*больная ерунда*“ и т. д. не самые еще сильные выражения), то мое дружеское „*успокойтесь*“ принял бы он лишь за „*больную смену настроений*“. Ввиду этого я должен, сжав зубы *для него и себя*, вырвать действительно его из своей души до того периода времени, когда он сознает „невозможность своего поведения“» (Арабески Андрея Белого. С. 94. Публ. А. Л. Соболева).

260. БЕЛЫЙ — ПЕТРОВСКОМУ

24 сентября (7 октября) 1912 г. Фицнау

Дорогой Алеша,

Извиняюсь, что удручаю Тебя; но так как у меня нет никакого выхода иного, то очень очень прошу передать Э. К. Метнеру нижеследуюшие чисто деловые, а не личные соображения.

Но прежде несколько пояснительных слов Тебе. Э. К. Метнер в резких формах извещает меня, чтобы я сносился с ним впредь либо открытками, либо чрез посредство Тебя, угрожая в противном случае возвращать письма нераспечатанными. Не желая Тебя удручать, я все же не имею никакого иного выхода.

И вот что я прошу Тебя пункт за пунктом или прочесть, или передать устно следующее.

I) Обидевшая Э. К. Метнера приписка к письму В. И. Иванова вызвана была тем, что меня окончательно вывело из себя одно обстоятельство: бывший у меня В. Иванов с раздражением жаловался, что статья, посланная через 2 недели после Пасхи, не была ему послана в корректурах и что он удивлен, что из «*Тр<удов> и Дней*» никакого извещения о судьбе статьи[1]. Э. К. Метнер и В. Ф. Ахрамович мне пишут, что корректуры посланы; но я, основываясь на словах В. Иванова и на *опыте* неполучения известий о «*Тр<удах> и Днях*» в течение 3-х месяцев, имел все основания обижаться и удивляться, что на мое полное необходимых вопросов письмо, посланное В. Ф. Ахрамовичу еще в июне, я никакого ответа не получил. Э. К. пишет мне в том смысле, что я *лгу*. Передай Э. К., что факт остается фактом:

a) В. И. Иванов думал, что статья его потеряна.

b) Эллис утверждает, что ему не было послано ряда его интересующих вещей (между прочим, *Каталога*)[2].

c) Я получил «*Экхарта*» только после троекратной и настойчивой просьбы (книга уже 2 месяца была в продаже)[3].

d) Мне как бывшему Редактору «*Трудов и Дней*» было важно знать полемику; я пять 5 <*так!*> месяцев тому назад просил всех мусагетцев (каждого порознь) и В. Ф. Ахрамовича (в отдельности) извещать меня обо всех отзывах печати: о статье Чудовского и письме в «*Аполлоне*» Кузмина меня ни единым звуком из Москвы не уведомили[4].

e) Передай Э. К. Метнеру, что с Ахрамовичем я не «*нарезался*» (по его выражению)[5], а нахожусь в очень хороших отношениях и лично очень его люблю; но полагая, что молчание на мою просьбу сообщить материал статей (только теперь, *через 4 месяца*, просьба моя исполнена) вызвано непонятной для меня обидой на меня (ведь Ты только сказал, что письмо его мне вернулось в Москву обратно), чему подтверждением служило и то обстоятельство, что на мою лично ему адресованную телеграмму он лично мне *не* ответил, а через Тебя и т. д., все это меня удивляло и несколько раздражало. Но это раздражение естественно и понятно и ни о каком «*нарезывании*» не может быть речи.

f) «*Трудами и Днями*» я действительно интересовался и интересуюсь, но: не зная, когда решили выпускать 3-й номер (летом или осенью) я просил сообщить В<итольда> Ф<ранцеви>ча; его ответ до меня не дошел, а для меня, лично работающего Доктору, зан<имающегося> немецким и пишущего роман, написать статью трудно. Я ждал точного определения времени выхода номера, но не получил указаний и принялся за текущую работу; только через 2 месяца (в конце июля н<ового> с<тиля>) получил письмо Э. К. Метнера с указанием, что летний № готов и выходит без моей статьи[6]. Тогда писать было *поздно*... Вскоре приехали Вы (Ты и Миша[7]) и — помнишь? — Когда Ты сказал, что, по-твоему мнению, журнал кончится, я вспылил и сказал: «*Как же у меня, редактора, не спросили*?» У меня было действительно еще прежде намерение фактически не редактировать (ибо невозможно это из заграницы): но *всегда было намерение писать*, как и *был громадный интерес вмешиваться в дела «Мусагета»*. Ты должен это подтвердить Метнеру, как и Н. П. Киселев, с которым в Мюнхене я имел несколько очень больших разговоров, где высказывался категорически в *этом смысле*. Э. К. Метнер «*ничтоже сумня<ше>ся*» называет выражение моего интереса к «*Мусагету*» *ложью*. Подтверди ему, что о «*Мусагете*» я старался *сам*, *первый* говорить, но что Ты не раз отклонял меня от разговора о *Мусагете*: передай Э. К. Метнеру мое впечатление о том, что двое *беглых* оккультистов Белый и Эллис, по моему мнению, в 10 раз более интересуются *Мусагетом*, чем бывшие на *побывке* в Мюнхене проживающие в Москве Мусагетцы. Ибо это возмутительно: одновременно же — одни с раздражением морщатся при желании

моем говорить о *Мусагете* (моя единственная возможность говорить лично с москвичами — ибо в почту не верю), другие же неприлично обрывают мой интерес к «*Мусагету*», говоря, что мои жалобы на малую осведомленность суть «*больная** *ерунда*» (подлинное слово Э. К.)[8].

g) Передай Э. К. Метнеру, что прошу в видах истины не распространять обо мне ложных мнений; эти слова относятся к месту его письма, где он пишет: «но тогда вы были с искусством против теософии» (предполагается, что я ныне против *искусства* с теософией). Передай ему, что в свою очередь для меня эта фраза есть чистейшая *ерунда*: я с ⊕, а не с теософией, ибо теософия Д<окто>ра не есть общепринятая «теософия» (в кавычках); против *той* теософии я и был, и есмь; с ⊕ же я и был, и есмь. Точно также я *был и есмь* с искусством: характерной чертой моего искусства есть соединение эстетизма с ⊕, т. е. *символизм*, каковое истолкование его смотри мои статьи за 1904 и 05 годы «*Символизм, как мироп<онимание>*» (Арабески)[9], «*Теургия*» (Нов<ый> Путь), «*О целесообразности*» (Н<овый> П<уть>)[10] и т. д. Для меня оккультизм и есть теургия: спор об окк<ультизме> и теургизме есть спор о «*стриженом и бритом*». Неужели не понимает этого Редактор *Мусагета*, заявляющий категорически: «*Синтеза символизма с оккультизмом я не допущу в Тр<удах> и Днях*». Мне остается уйти из Редакции, ибо к чему тогда Редакция прилагает руку к этому синтезу, печатая мой «*Символизм*», «*Арабески*» и «*Историю русского символизма*»[11], где этот синтез уже проведен: о большем для «Тр<удов> и Дней» и не мечтаю.

i) Обычно я тотчас же отвечаю на письма и по получению письма от Ахрамовича ему сейчас же обстоятельно написал. Узнавши материал и срок выхода №, я сейчас же принялся доделывать мою статью для «*Трудов и Дней*» праздно валяющуюся у меня в набросках вот скоро месяц, ибо, не зная, существуют ли «*Тр<уды> и Дни*», я, признаться, не торопился (да и время мое строго разделено по часам и сидеть над статьей пред *пустым пространством* не интересно). Статью высылаю[12].

k) Э. К. Метнер чуть ли не кричит на меня в письме на 3-х страницах, что *как так не знали, где я*… Выходит, что и это я солгал.

---

* *Над словом надписано*: обидная

Прилагаю при сем a) телеграмму, доказывающую, что адрес его действительно неизвестен[13], b) ссылаюсь на Твои слова, отбившие у меня охоту писать в Байрейт: «Адрес Э. К. неизвестен. А в Байрейте его сейчас верно уже нет»[14]. Писать же в Пилниц не зная наверное, где он, было нецелесообразно, ибо ответ от него был мне нужен немедленно.

l) Передай, что Эллис в Штутгарте и мы съедемся лишь через 3 недели, тогда я и покажу Эллису открытку Э. К.[15], и что Эллис просит напечатать в журнале его предисловие к «*Парсифалю*»[16]. Если бы я был Редактор, то я бы настаивал; но как сотрудник довожу до сведения.

m) Прошу с № 4 снять редакторскую подпись мою[17].

n) Эллис в «*Труды и Дни*» писать будет и мог бы писать в духе «Истории русск<ого> символизма». Но видя в книге этой синтез «*символизма и оккультизма*», спрашивает у Редактора разрешения писать в этом духе (вот ведь: в чисто эстет<ическом> журнале «*Весы*» писали о чем угодно, а на старости лет хотят нас засадить в рамочку!).

o) Передай Э. К. Метнеру, что я извиняюсь за тревожный тон моего второго письма к нему[18], ибо оно все «*караул*»: действительно 3 недели жду ответа *рокового* для меня о деньгах: ни от кого ничего. Остается на 3 дня денег — ни звука (ужасное положение!). Если бы не 25 франков В. Иванова, случился бы с нами невероятный скандал; к тому же *оба* простужены и не у кого занять (ибо никого из теософов в Базеле нет). К завершению путаницы от А. М. Поццо получаю 130 франков за подписью «*Rugdeff*» и получить не могу: взвоешь тут[19]. И вот я ставлю Э. К. альтернативу: или он, Э. К. Метнер, не сообщал месяц своего адреса, или *огульно, все Мусагетцы* (Ахрамович, Ты, Ник<олай> Петр<ович> Киселев), *ложно* утверждающие, что адрес Метнера неизвестен — путаники; или же в Конторе — хаос. Этот логический вывод квалифицируется Э. К. Метнером как личное ему оскорбление и он оскорбительно заявляет, что письма, ему адресованные, он будет не распечатывать.

p) «*Мусагет*» отвергает переиздание моих сочинений. Не стану спорить! Прошу передать лишь фактические поправки: «*Сер<ебряный> Голубь*» распродан (кажется). И «*Пепел*» распродан *наверное*; и ссылка на невозможность печатать — отговорка.

Книга стихов Блока 3-ья была *нераспродана*, когда объявили собрание его сочинений[20]. Ряд лирич<еских> сборников К. Бальмонта был *нераспродан*, когда *С<корпио>н* стал выпускать собрание сочинений[21]. 4 симфонии *Скорпион* собирался выпустить 4 года тому назад и даже объявил в анонсе. Но что делать: на «*нет суда нет*». И все-таки предлагаю «*Мусагету*»:

a) Мой *распроданный* «*Пепел*», второе издание которого для меня *важно*.

b) «*Драматическую Симфонию*», распроданную тоже.

r) Э. К. Метнеру глубокое спасибо за 300 рублей, но → *конечно*: они пришли уже, когда мы переехали в Vitznau[22], ибо между моим письмом Э<милию> К<арловичу> (в Мусагет) и получкой прошло уже недель 5 с лишком, а в Базеле ведь не вечно же мы. Теперь: только что получил из Базеля извещение о переводе Юнкером[23] суммы, на что пишу в Базель, чтобы прислали в Vitznau (опять благодаря тому, что А. М. Поццо неразборчиво написал *Bugaeff* (и вышло Rugdeff) именно у нас может быть недохватка в этих 100 франках): тогда: по получению 300 рублей вычитаю сумму в 100–200 франков и остальные возвращаю Э<милию> К<арловичу>, но куда? в Москву? в Pilnitz? Пусть мне напишут, когда он вернется в Москву; занятую сумму вернет А. М. Поццо по получению обратно в конце октября своего перевода мне (прилагаю записку *бюро* о том, что произошла путаница). Наконец: если «*Мусагет*» обещает приступить *наконец* к печатанию «*Пут<евых> Заметок*», то, возвращая 300 рублей, я буду просить «*Мусагет*» мне ссудить их в счет гонорара за «*Пут<евые> Заметки*» (если с имением в декабре не решится дело, то может статься, что в конце декабря *страшно* деньги эти понадобятся)[24].

Ну вот, кажется, все. Извини, голубчик, но — прочти эти пункты Э. К. Метнеру, ибо, пересказывая их устно, неизменно забудешь.

Остаюсь искренне любящий Тебя

Борис Бугаев.

P. S. Прошу очень Тебя Э. К. прочесть все пункты. Привет всем. Адрес Schweiz. Vitznau (bei Luzern). Vierwaldstättersee. Herrn Boris Bugaïeff. Hôtel Rigibahn.

P. P. S. Выписку из *Mandatausgabe*, где вместо Bugaïeff стоит Rugdeff, берегу (может понадобиться); надеюсь, что мне поверят.

P. S.* Действительно виноват, что не выслал Скалдина[25]; но, пожалуй, это и есть мое единственно подлинное прегрешение; и во всяком случае есть оправдание: я даже забыл о Скалдине в 4-х месячный промежуток, когда о «*Тр<удах> и Днях*» ничего не знал. Ввиду того, что мы в Vitznau налегке (а вещи сданы на хранении в Мюнхене) то, может, статья (впрочем, не уверен), что статья эта в отложенных бумагах осталась в большом сундуке; во всяком случае завтра сделаю ген<еральный> смотр вещей и, может быть, найду здесь; в противном случае высылаю через 3 недели.

В заключении всего скажу, к общему недоразумению присоединяется: a) письма мои пропадают, b) выяснилось, что ряд писем ко мне пропал. Деньги приходят с опозданием или с перевранной фамилией, c) может статься, что 300 рублей мне не перешлют из Базеля, а прямо вернут в Москву, ибо Vitznau — деревушка, а швейцарцы — тупы[26].

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 70. Датируется по почтовому штемпелю отправления: Vitznau. 7. X. 12. Почтовый штемпель получения: Москва. 27. 9. 12.

Письмо хранится в подборке писем Белого к Метнеру — т. е. по получении было передано А. С. Петровским Метнеру. По своему основному содержанию адресовано Метнеру — как ответ на п. 259, — что позволяет включить данное письмо в корпус переписки.

[1] См. примеч. 14 к п. 259.

[2] Имеется в виду «Каталог издательства „Мусагет“ (1910–1912)».

[3] См. примеч. 19 к п. 203.

[4] См. примеч. 9, 13 к п. 258.

[5] В действительности этот глагол первым употребил сам Белый (см. п. 258).

[6] Имеется в виду п. 254.

[7] М. И. Сизов. Он и Петровский приехали в Мюнхен в августе 1912 г.

[8] У Метнера: «обидная ерунда» (см. п. 259).

[9] Статья «Символизм как миропонимание», впервые опубликованная в «Мире Искусства» (1904. № 5), вошла в книгу Белого «Арабески» (1911) разделенной на две статьи: первая (разделы 1 и 2) — под тем же заглавием (С. 220–238), вторая (раздел 3) — под заглавием «Священные цвета» (С. 115–129).

[10] Статьи «О теургии» (Новый Путь. 1903. № 9) и «О целесообразности» (Новый Путь. 1904. № 9); вторая переиздана в «Арабесках» (С. 101–114).

---

* *Текст на отдельном листке.*

[11] Подразумевается книга Эллиса «Русские символисты».

[12] Речь идет о статье «Круговое движение» (см. п. 261).

[13] К письму приложена телеграмма В. Ф. Ахрамовича Петровскому от 31 августа н. ст. 1912 г., посланная в Мюнхен (Ursulastr<asse>. 9. Menzel): «Передайте Бугаеву адрес Метнера не знаем — Ахрамович» (текст в оригинале — латиницей).

[14] В недатированном письме к М. К. Морозовой (около 28 августа (10 сентября) 1912 г.) Белый, касаясь своего финансового положения, сообщает: «Встревоженный, я хочу подробно все выяснить у Э<милия> К<арловича>. Мне говорят: адрес его неизвестен. Я еще жду. Телеграфирую в Москву. Получаю ответ: адрес неизвестен; и мое объяснительное письмо лежит в Москве без движения. Так в полторы недели рухнули у меня все планы матерьяльно устроиться <...>» (*«Ваш рыцарь»*. С. 197–198).

[15] Эта открытка Метнера, адресованная Эллису, видимо, не сохранилась.

[16] Подразумевается предисловие к выполненному Эллисом переводу либретто оперы-мистерии Р. Вагнера «Парсифаль», оставшемуся неизданным.

[17] В объявлении о журнале, помещенном в № 4/5 «Трудов и Дней» за 1912 г. (С. 150), было указано: «Редактор — Эмилий Метнер»; имя Андрея Белого значилось в общем алфавитном перечне ближайших сотрудников. Аналогичное указание — на заключительной странице текста этого номера журнала: «Редактор-издатель Э. К. Метнер» (С. 149).

[18] Имеется в виду п. 257.

[19] «Rugdeff» — искаженное написание фамилии адресата вместо «Bugaeff». Как выясняется из цитированного выше письма Белого к Морозовой, А. М. Поццо должен был послать из Москвы Белому 100 марок за проезд Н. А. Тургеневой в Москву из Мюнхена; Белый оплатил ей проезд из своих средств (см.: *«Ваш рыцарь»*. С. 198).

[20] Подразумеваются «Собрание стихотворений» А. Блока в трех книгах (М.: Мусагет, 1911–1912) и его книга «Земля в снегу. Третий сборник стихов» (М.: Изд. журн. «Золотое Руно», 1908).

[21] Речь идет о Полном собрании стихов К. Д. Бальмонта (тома 1–6, 8–10), осуществлявшемся в издательстве «Скорпион» в 1909–1914 гг.

[22] В Фицнау (Швейцария) Белый и А. Тургенева жили с 1 по 26 октября н. ст. 1912 г. 18 сентября (1 октября) Белый писал матери: «Едем из Базеля. Доктор Штейнер ждет нас в Берлине, где будем около 20 октября нового стиля. <...> Пока же Штейнер едет отдыхать в Италию, а мы работать куда-нибудь в тишину. Мы пока выбрали себе Фирвальштетское озеро; наметили деревушку в горах (на берегу озера) около Люцерна». В тот же день Белый отправил матери открытку с видом Фицнау, сообщив: «Мы живем в очаровательном месте недалеко от Люцерна. Наши окна выходят прямо на озеро, и из окон видны снеговые горы. Здесь отдохнем недели 3» (*Письма к матери.* С. 163, 162).

[23] Торговый дом «И. В. Юркер и К°», действовавший в России.

[24] См. примеч. 6 к п. 199. В недатированном письме к Морозовой (август 1912 г.) Белый сообщал: «В. К. Кампиони поехал на Кавказ закладывать мое имение, на закладку надо 4 месяца, т. е. ранее декабря я не буду иметь возможности уплатить „*Мусагету*" долг (3000)» («*Ваш рыцарь*». С. 192).

[25] См. примеч. 16 к п. 259.

[26] Почти одновременно с этим письмом, адресованным Петровскому, А. Тургенева отправила из Фицнау (25 сентября (8 октября) 1912 г.) письмо к Метнеру (полученное в Москве 29 сентября (12 октября)), также представляющее собой попытку разрешения остро обозначившегося конфликта (РГБ. Ф. 167. Карт. 3. Ед. хр. 25):

Милый Эмилий Карлович, как я с вами несогласна. — Кто же более, чем я, имеет право быть строго к Боре? Разве Доктор Штейнер. И ему это право приходится оставить не по своему желанию, а просто в силу обстоятельств. Но только ему.

Второе несогласье. Уважение мужчины к мужчине только смешно и никакой цены не имеет. Уважение eines Mannes zu einem Manne имеет свою красоту, но красоту прошлого и толстокожих трехаршинных рыцарей. Уважение человека к человеку остается, но тут ни пол, ни связь родственная или другая роли не играет.

Но это уважение не было затронуто в вашей переписке, несмотря на все раны, которые вы так старательно наносили друг другу. Она была в другой плоскости. Если вам обоим теперь может казаться, что уважение колеблется или пало, то потому, что вокруг вас вырос действительный лес химер, и да, надо дать умереть им с голоду или встать на них, как святые готических соборов. Можно еще оседлать их, как делали дорогие Боре кентавры, но это, пожалуй, самое трудное. И тогда только можно говорить об уважении и неуважении. И другими словами, чем ваша безобразная двухлетняя переписка.

Я думаю, что с бо́льшим проком могут говорить двое слепых о солнечном закате, чем вы о Мусагете. Но вы не слепые, так в чем же дело — ? Посторонний, читая вашу переписку, сказал бы — вот 2 умных и, конечно, искренных человека, так какой же черт их попутал. Черт попутал, путаете и вы. Так как я живу с Борей и знаю его как пять пальцев, а вас почти не знаю, то мне кажется, что более путаете вы, но утверждать не смею. Еще об уважении. Когда два рыцаря дрались и у одного ломалось копье, другой бросал свое копье и оба брались за мечи. Это не жалость и не неуважение, а только уважение к себе. А друзья, советующие снисходительность и подушки, забыли Заратустру, и я вам очень благодарна, что вы их не послушали, т<ак> к<ак> это было бы действительно оскорблением.

В жизни таких длинных писем не писала и мысли не хотят больше вязаться, а сказать бы надо вам многое. Поэтому прошу вас, пойдите на вечер как-нибудь к Наташе <Н. А. Тургенева. — *Ред.*> и поболтайте с ней. Только часы забудьте дома.

Еще одно. Заратустра утверждает, что женщины кошки и что понятья чести у них нет. Хоть я с ним и не согласна, но, может быть, потому мне кажется смешным и скорей глупым решение Бори также возвращать вам ваши письма. Он считает себя оскорбленным, и чтобы пресловутое уважение eines Mannes zu einem Manne не пало, считает нужным подчеркнуть это.

Не переписываться хорошо. Но зачем вы это сделали в такой форме. Оскорбленное достоинство (не честь) — ерунда, но вы действительно нанесли ему рану, которая, может, и не скоро заживет.

Я думаю, что вам трудно далась ваша двухлетняя переписка, чего она стоила Боре, это я знаю.

Ну прощайте, Эмилий Карлович. Надеюсь очень, что когда-нибудь вы с Борей встрети<те>сь по-настоящему. Когда он мне рассказывает про ваше с ним прошлое, где столько хорошего, то мне кажется, что прошло время тэзы, проходит антитэза, когда-нибудь да придет же синтез. Не в смысле каком-нибудь философском, в философии я ни черта не понимаю, а в смысле

E D N
I C M
P S S R

Надеюсь, что когда-нибудь и мы с вами встретимся.

Ася.

Адрес до 20-го окт<ября> (нов<ого> стиля)
Vitzenau <*так!*> (bei Luzerne). Vierwal<d>stät<t>ersee.
Hôtel Rigi-Bahn.
Frau Bugaïeff Turgeneff.
Потом Berlin Poste Restante. Herrn Bugaïeff для меня, т<ак> к<ак> на почту я хожу редко.

(В тексте начальными литерами обозначено изречение, восходящее к девизу средневековых розенкрейцеров и использованное Р. Штейнером: «Ex Deo nascimur. In Christo morimur. Per Spiritum Sanctum reviviscimus» — «От Бога рождаемся. Во Христе умираем. Воскресаем в Духе Святом». Ср. письмо А. Р. Минцловой к Белому от 17 июня 1909 г. и комментарий к нему Е. В. Глуховой: Русская антропологическая школа. Труды. Вып. 4. Ч. 2. М., 2007. С. 247–248).

261. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

28 сентября (11 октября) 1912 г. Фицнау

Многоуважаемый Эмилий Карлович!

Высылаю статью в «*Т<руды> и Д<ни>*» → «*Круговое вращение*»[1]. Если статья не подходит, некоторым образом переступая грань платформы, то я нисколько не обижусь на редакционное примечание, снимающее ответственность Редакции с моей статьи.

В «Тр<уды> и Дни» буду много писать, но писать *свое*, *интимное*. Был бы рад, если б Ред<акц>ия уделила мне «*свой угол*» à la «*своего угла*» Розанова в былой памяти «*Новом Пути*»[2]. Одно деловое соображение напишу Н. П. Киселеву, который Вам передаст.

Примите уверение в совершенном почтении. Борис Бугаев.

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 71. Открытка — цветная фотография: «Basel. Spalentor». Датируется по почтовому штемпелю отправления (по адресу издательства «Мусагет»): Vitznau. 11. X. 12. Почтовый штемпель получения: Москва. 2. 10. 12.

[1] Имеется в виду статья Белого «Круговое движение (Сорок две арабески)». Опубликована в № 4/5 «Трудов и Дней» за 1912 г. (Июль — октябрь. С. 51–73).

[2] Речь идет об авторском разделе В. В. Розанова «В своем углу» (Новый Путь. 1903. № 2–12), в котором он помещал свои статьи, тексты из своей переписки, а также опубликовал книгу «Юдаизм».

262. МЕТНЕР — БЕЛОМУ И ЭЛЛИСУ

1–6 (14–19) октября 1912 г. Имение К. В. Осипова

Траханеево 1/14–X–912.

Обращаюсь к Вам обоим, т<ак> к<ак>, во-первых, имеется общее до Вас, во-вторых, не мешает, чтобы и особенное к каждому из Вас стало известным и тому и другому. Вы сами вынудили меня обратить к Вам опять закрытое письмо, ибо, не вняв моей просьбе, писали (для сообщения мне) и Петровскому[1] и Киселеву далеко не только насущно-деловое, но и личное, и притом снова в обиднейшей форме возмутительные несправедливости. Я сохраняю в этом письме возможное хладнокровие и прошу его хладнокровно читать. Для написания краткого и систематичного послания у меня нет ни сил, ни времени. Длинное и бессистемное набросать и легче, и скорее. Я уже отправил Вам обоим (согласно предложенному мною условию) по открытке (по Вашим последним адресам)[2]; надеюсь, что Вы их получили и знаете: Бугаев о моей просьбе сохранения его имени как редактора; Эллис — о сдаче в набор его «Манифеста» под условием моей редакторской правки этой в свое время совещанием отвергнутой статьи[3].

1) В приписке от 12/IX к письму Вячеслава Бугаев пишет: «На *Трудах и Днях я нарезался* с Ахрамовичем, ибо и т. д. — — —»[4]. В оправдательном своем письме к Петровскому от 7/X (т. е. менее, чем через месяц!) Бугаев пишет: «Передай Метнеру, что с Ахрамовичем я не „нарезался“ (по *его* выражению), а нахожусь в очень хороших отношениях etc.» — и далее: «…ни о каком „нарезывании“ не может быть и речи…»[5] Это выпадение памяти (объясняемое, может быть, «сдирающими кожу» (по выражению Бугаева) медитациями) чрезвычайно характерно для Вас обоих, и, если понадобится, я могу привести десятки таких выпадений, с которыми и связано большинство мелких недоразумений, из коих в воображении самих же страдающих этими выпадениями слагается представление о мусагетском хаосе.

2) Передо мной письмо Бугаева Петровскому. Письмо же Бугаева Киселеву было мне лишь прочитано, а не вручено[6]. Оно глубоко возмутило своей неправдой, и я был в таком гневе, что думал, что со мною случится нервный удар. Киселев и присутствовавшие при чтении Петровский и Сизов могут подтвердить сказанное. Мне скоро 40 лет; я отбывал воинскую повинность, состоял при прокуроре палаты, адвокатствовал и, наконец, был чиновником на ответственном и трудном посту. Никогда мне не приходилось встречать подобного безобразия в деловых отношениях и никогда я не думал, что мне придется быть так оклеветанным и опозоренным. Клянусь, что внес в *дело*, нас объединяющее, весь свой жизненный опыт, и надеюсь, что будущий историк (которому придется заняться крупным явлением Андрея Белого и связанными с его именем течениями русской литературы) будет столь справедлив, что отдаст мне должное и не поверит истерическим письмам Бугаева и Эллиса, вызывающим в Москве целый скандал.

Итак, передо мной письмо Бугаева Петровскому. Я бы мог вскрыть неверность и передержку почти каждого раздела этого письма, но ограничусь немногим. а) Мои письма Бугаеву от 10/VI, 3/VII, 15/VII[7] все содержат запросы о *Тр<удах> и Дн<ях>* и сетовании на отсутствие материала, а также напоминание о Скалдине. — Бугаев и в письме к Петровскому, и в письме к Ахрамовичу (очень любезном, ибо обрушиваться надлежит только на Метнера) повторяет уже опровергнутое мною в письме

от 13–14/26–27–IX требование об уведомлении за месяц о дне выхода двухмесячника (словно Бугаев новичок в журналистике!); причем в письме к Петровскому он говорит, что *не знал*, когда выйдет III № (т. е. весенний-летний), летом или осенью? Странно, что все письма Бугаева ко мне дошли (но в них он на мои вышеперечисленные запросы не отвечает); письма же о *Тр<удах> и Дн<ях>* Ахрамовичу не дошли! Наконец, почему Бугаев, не получая ответа на свои не дошедшие до Ахрамовича запросы, не запросил меня и притом заказным письмом! Странно, что и Вячеслав не сделал того же, не получив отправленную ему корректуру[8]. Пусть мне укажут тот случай, когда *я* не отвечал бы на деловые запросы!? И Эллис и Бугаев не нашли нужным довести до моего сведения неполучение некоторых книг. Эллис в свое время месяцы молчал об инциденте с его месячным окладом[9].

b) Писать *подробные* доклады нельзя требовать от секретаря, получающего 50 р. в месяц. Никаких отзывов в печати о *Тр<удах> и Дн<ях>* не попадалось, кроме фельетона Шагинян в южной газете, № которой в одном экземпляре[10]; если угодно, я его вышлю; № Аполлона сравнительно недавно вышел, и я сам его прочел лишь на днях; ничего ужасного в нем нет; глупое письмо обидевшегося Кузмина и осторожная заметка Чудовского[11]. Вдаваться в полемику не стоит. Могу вырвать страницы и прислать Вам, но прошу не затерять и возвратить обратно. — *Аполлон* более не обменивается с нами изданиями, а значение его (по-моему) слишком невелико, чтобы делать ему честь записываться на его издание и полемизировать с лицеистами, у кот<орых> молоко на губах не обсохло. Повторяю, если Вы — иного мнения, то попробуйте ответить Чудовскому. —

c) Охотно верю Вашему желанию писать для *Тр<удов> и Дн<ей>* и «вмешиваться в дела Мусагета», но зачем Вы кривите душой и, дорогой Борис Николаевич, к чему закрывать глаза на чрезмерность всего того, что Вам ныне приходится проделывать (Штейнер, нем<ецкий> яз<ык>, Роман). Внутри Вы не забываете ни о чем, но внешне — — — Вы не замечаете, как проходят недели и месяцы; когда же наконец спохватитесь, то ищете себе оправданий вроде неизвестности точного срока выхода двухмесячника (когда раз навсегда было решено на собрании

не запаздывать). NB слова *ложь* я не произносил; больной ерунды также, и сказал *обидная* ерунда[12]; обидная — для меня, ибо не отвечать мне на мои запросы, писать незаказные письма Ахрамовичу, и потом во всем обвинить меня, если вышла путаница, разве это — не обидно.

d) Бугаев и в особенности Эллис пишут обо мне москвичам ужаснейшие письма, где приписывают мне слова, кот<орых> я не произносил, и не скупятся на всевозможные обидные прозвища вроде Столыпин, инородец, сыщик и т. п., а Бугаев просит меня через Петровского «в видах истины ложных мнений» о нем?!! Это прямо курьез!

е) И Бугаев, и Эллис влагают мне в уста, а затем подымают на смех фразу, кот<орую> я не произносил: «Я не допущу синтеза символизма и оккультизма». Я сказал: «Хаос был бы, если бы мы в *Тр<удах> и Дн<ях>* объявили *торжественно*, что культура зиждется на синтезе оккультизма и символизма» — и затем в конце того же письма (от 13–14/26–27-IX) я сказал: «*проповеди* оккультизма в *Тр<удах> и Дн<ях>* я не допущу». Это — огромная разница. Очевидно, писатели разучились читать письма своего интимного друга. — Мои слова означают: I. Не надо делать шума; II менять платформу; III выступать с проповедью. В особенности неофитам в период подготовительный с расстроенными нервами и неустановившимися формулами во время, м<ожет> б<ыть>, ломки мировоззрения следует *молчать* о новом и делать спокойно старое дело. Zerne schweigen und dir wird die Macht*, гласит одна оккультная медитация. Едва ли Штейнер одобрил бы немедленное внесение оккультных мотивов в журнал, посвященный культуре. — Никогда в голову мне не приходило «запрещать» рассуждения о связи искусства и религии или культуры и мистерии в том духе, в каком ведутся подобные рассуждения в Ваших книгах (это относится и к Эллису, и к Бугаеву). — Напрасно оба Вы из себя выходите, доказывая мне исконность Вашего оккультизма. Другое дело определенная проповедь данной оккультной школы и «ваяние новых лозунгов» (по выражению Эллиса). Если я *это* допущу, то Вы сами оба через год будете мною недовольны. Кроме того, тогда

---

* Учись молчать и обретешь силу (*нем.*).

уйдет Вячеслав. Вот что он пишет мне на днях (5 окт<ября> / 22 сент<ября>): «Синтеза оккультизма и символизма я не признаю, как эстетической платформы или программы журнала. Здесь огромная опасность для искусства вообще, а кроме прочего я защищаю знамя символизма, а не выдаю его, не подмениваю его; не укрываюсь в чужие ряды. Я сам могу быть оккультистом; но своего оккультизма через это одно не стану по возможности и преднамеренно вносить в свой символизм»[13]. Накануне получения этого письма я сказал в Редакции, что если бы я сам стал штейнерьянцем, я все же не сделал штейнерьянским *Мусагета*. — Итак, в *Тр<удах> и Дн<ях>* возможны *и* статьи об оккультизме, но... возможны статьи *и* против оккультизма и, в частности, критика (напр<имер>, идеалистическая) сочинений Штейнера. — A priori сказать, какая статья Ваша или Эллиса (об оккультизме) приемлема, — нельзя. Вы сейчас в трансе; этого отрицать нельзя; подвергните себя (оба Вы) дружественной критике Вячеслава и моей. —

f) О фатальном недоразумении с моим адресом я уже писал. Из сказанного уже ясно, что *моей* вины тут нет. (Перечтите письмо). — Ахрамович виноват в том, что дал Бугаеву недопустимую телеграмму: «адреса Метнера не знаем». A Bayreuth Hauptpostlagernd! A Pillnitz! т. е. первый и последний пункты моего пути (а они оба были известны, неизвестны были только даты). Мой адрес не был и не мог быть известен даже мне самому *только в течение нескольких дней* пути из Байрейта через Нюрнберг, Регенсбург, Пассау, Линц в Вену (по Дунаю). — Отец телефонировал Ахрамовичу: «*точный* адрес *сейчас пока* неизвестен»... Ахрамович отправил нелепую телеграмму и успокоился, не спрашивая больше отца в течение многих дней. — Ахрамович был весь август болен и, говорят, имел крупные неприятности в семье. Надо простить ему; он весь август был вне себя. Оттого он запоздал и с выходом III № *Тр<удов> и Дн<ей>*, кот<орый> я оставил ему вполне приготовленным к выходу, и с брошюрой Тэна[14].— Последнее особенно досадно, т<ак> к<ак> на Тэне мне хотелось видеть, как пойдет мусагетская книжка, являющаяся сезонным пирогом. Но годовщина 12-го года уже отпразднована, а мы еще не выпустили Тэна. Явно, что Ахрамович шесть недель *НИЧЕГО* не делал. — Оттого не сдан и *Арго*[15], ибо Ахрамович взялся просмотреть рукопись со стороны

корректорской и ничего опять-таки не сделал. Помните Вы оба: у меня не было людей, и Ахрамовича и Кожебаткина Вы оба рекомендовали. Да и где взять секретарей за ничтожное жалование. Тут я совсем не причем. — — — Как Вы словно обрадовались, найдя возможность упрекнуть меня по поводу адреса, вместо того, чтобы сообразить, что подобное «неряшество» и «халатность» не столько «непростительны», как Вы, Борис Николаевич, изволили писать, сколько явно немыслимы и совершенно не отвечают всему habitus'у* Вашего «старинного друга»![16] Странно, что Петровский (Сизов? и Киселев?), все трое, выехавшие за границу *до* меня, утверждали, что мой адрес неизвестен; откуда они знали, что я, уехав, *не* оставил адреса? *Им* был мой адрес неизвестен, *им*, как уехавшим *до* меня: вот и все!

g) Бугаев пишет, что Петровский (а Сизов? а Киселев?) уклонялся от разговора о *Мусагете* и с раздражением морщился, говоря, что *Труды и Дни* кончаются. Я должен сказать, что эти уклонения, отговорки, голословные заявления с отказом продолжать разговор, что все это весьма простительно, хотя и несколько эгоистично! В самом деле, ведь если начать говорить, то придется резать правду-матку или же фальшивить. Первое опасно, второе — грешно. Ну и уклоняются. Но, видно, мне *придется* настоять на том, чтобы перестали «уклоняться» и открыто высказались. Еще один скандал, и я *потребую* третейского суда. —

h) Так как Бугаев, надеюсь, внял моему увещанию и согласился, по крайней мере, в 1912 г. остаться редактором *Тр<удов> и Дн<ей>*, то и я внимаю его настоянию относительно напечатания в *Тр<удах> и Дн<ях>* Эллисовского предисловия к *Парсифалю*; но с одним условием — Бугаев должен продержать редакторскую корректуру. Тогда *Манифест* Эллиса пойдет (если он согласен, чтобы я его выправил) в тетради №№ 4–5, а *Предисловие к Парсифалю* в тетради № 6[17] (*Арго* пойдет в первую голову, так что *Парсифаль* выйдет только к ***Пасхе***[18]; но это уже самое позднее; ***NB***: у нас мало денег будет в 1913 г.). — Тут же кстати скажу, что не мешало бы Бугаеву с Эллисом потолковать о версификации *Парсифаля*, которую Бугаев так не одобрял. — Клянусь, что Эллис,

* Облик (*лат.*).

усовершенствовавшись в нем<ецком> яз<ыке>, будет недоволен своим переводом. Нельзя, господа, учиться и, учась, тут же фиксировать для публики свои уроки. Это относится не только к переводам, но и к статьям по оккультизму. —

i) Это ***я***-то хочу Вас обоих в «рамочку засадить»!? Пишите о чем хотите и как хотите, но помните о той «рамочке», которую Вы сами себе поставили, участвуя в основании *Мусагета*; *Мусагет* — одно, *Духовное Знание*[19] — другое; нельзя раздувать *Мусагет* до того, чтобы в него вошло и *Духовное Знание*, достаточно *Орфея* и *Логоса*...[20] Кстати, *Духовное Знание* отклоняет от себя *Парсифаля* Эллиса, даже если бы *Мусагет* дал деньги на издание! Это — характерно! А вот *Мусагет* должен, быть может, помещать у себя статьи о мистерии Штейнера, заявляющие, что *Фауст* Гёте детская забава в сравнении с этими мистериями, или статьи, где пытаются доказать, что Кант — дилетант и испортил философию (см. Philosophie und Theosophie Steiner). — Мусагет должен остаться верным Канту, Гёте, Вагнеру, или его существование есть ложь, есть фикция. —

k) Приходится вернуться к пресловутому инциденту с моим адресом, ибо Бугаев все в том же письме Петровскому сам еще раз возвращается к этому инциденту, по-видимому, неисчерпаемому в его глазах: *во-первых*, я протестую против передержки (их, впрочем, много в последних письмах Бугаева), заключающейся в том, будто я заявил, что буду возвращать письма нераспечатанными потому только, что меня упрекнули (ложно) в «неряшестве» с адресом (...«этот логический вывод квалифицируется Метнером как личное ему оскорбление etc»...); *во-вторых* (см. выше пункт f об адресе), из предложенной Бугаевым альтернативы (увы и ах) следует логически, что «Ахрамович, Петровский, Киселев, ложно утверждавшие, что адрес Метнера неизвестен, — путаники», только я этого выражения не употребил бы, ибо Ахрамович потерял голову (как я уже говорил), а Петровский и Киселев, как уехавшие *до* меня[21] (впрочем, не помню точно, уехал ли Петровский до меня, но он простился со мною за несколько дней до моего отъезда с тем, чтобы выехать как можно скорее); итак, самое бóльшее, что могли утверждать Петровский, Киселев и Сизов, это то, что *они* не знают моего *точного* адреса, а не то, что мой

адрес *вообще* неизвестен; если же они утверждали последнее, т. е. «вообще», то они «путаники», и я это им скажу в лицо. —

l) «Метнер отвергает переиздание моих сочинений», пишет Бугаев, вновь подтверждая мою мысль о том, что писатели разучились читать. Проще прочесть пункт 12 моего письма Бугаеву от 13–14/26–27–IX и сказать, какая здоровая вполне голова способна сделать из этого пункта вышеозначенный вывод?? (А такими «выводами» пестрит вся последняя переписка Бугаева). Отклоняет *Мусагет* только переиздание Голубя, и это потому, что второй роман продан Некрасову. С этим отклонением вполне согласны и Петровский, и Киселев, и Рачинский, и мой отец (т. е. и Лит<ературный> Совет, и Хозяйств<енная> Комиссия). Все остальное, *разумеется*, может быть переиздано, если Вы будете иметь *письменное* разрешение на это от Полякова и других издателей, о чем и намекается в пункте 12 (...«спишитесь с Поляковым»...) — — — Прежде всего было бы желательно издать все три симфонии в одной книге в формате и шрифтом IV симфонии. Но надо узнать, разрешает ли Поляков или проданы ли III и I симфонии[22].—

m) К чему Бугаев хочет возвращать часть высланных ему денег? Они уже занесены как аванс за *Путевые заметки*. Кстати: каковы результаты поездки Кампиони?[23]

n) Письмо Бугаева Петровскому прочтено и отвечено; совершенно то же я бы мог сделать и с письмом Бугаева к Киселеву, если бы оно находилось передо мной; и это письмо так же полно недоразумений и обид; а *все*, что пишет мне Бугаев, начиная с своего нападения летом 1911 г. и с злобного отпора на спокойно-деловое отражение этого нападения, все это свидетельствует лишь об одном: моей души Бугаев *никогда* не понимал, а любил он какую-то фигуру, которую он выкроил себе из суммы субъективных слишком субъективных впечатлений от моей личности. — — — Грустно это признать!

3) То же самое можно сказать и об Эллисе. И он очевидно никогда не чувствовал моей души, раз у него могли вырваться по моему адресу слова, вопрошающие, могу ли я «исполнять свое слово *честно*, и где гарантия, что *обмана* не будет», и слова, заявляющие, что «наконец у него нашлись истинные друзья среди теток и теософов, на слова которых можно положиться», что, «конечно,

разочароваться до конца можно только один раз»[24]. И все это из-за того (письмо Эллиса от 24/VII–12), что он уехал, не оставил своего адреса, и потому деньги пришли позднее. Эллису неоднократно доказывалось, что его сетования о деньгах в огромном большинстве случаев не основательны; ему присылалась выпись из книги Карла Петровича[25], которую он, Эллис, не опротестовал и опротестовать не мог; но через два-три месяца затянул снова ту же песню. Но допустим на мгновение, что Эллис прав и что Кожебаткин систематично запаздывал с присылкою денег; отчего Эллис ждал пять месяцев и потом только сообщил об этом? Отчего вообще в случае небрежности «Конторы» или «Секретаря» *немедленно* не извещают меня, дабы я мог по горячим следам проверить дело? Отчего, в частности, Эллис не уведомляет о получении им денег? — Если бы Кожебаткин был вор, он все-таки удержать денег не мог бы, ибо существуют квитанции от банка с обозначением адресата. (Кроме того, кстати сказать, имеется у нас разносная книга, где квиттируются все почтовые посылки). —

4) Кожебаткин, конечно, не вор, но, как и все вокруг, легкомысленный и не признающий положения: «дружба дружбой — а служба службой». Отсюда он то небрежничал, то смешивал личное с деловым (как и все вокруг). Я неоднократно подтягивал его, но *что* я могу сделать с человеком, который служит за небольшое жалованье, так сказать, больше по дружбе с литераторами? На вопрос, правда ли, что он не отправил Вам нескольких книг, он ответил, что не отправил только *Логос* и Блока, ибо и то и другое Эллис считает макулатурой... (за точное выражение я не ручаюсь, но смысл верен)...[26] Я, конечно, сделал ему выговор, но что тут поможет! Раз человек смешивает свое должностное дело с приватными соображениями! Раз нет дисциплины! Где, где вообще в России дисциплина? И что тут можно сделать! (Что касается каталога, то Дмитрий[27] уверяет, что он был отправлен вместе с *Модернизмом и Музыкой*[28], а Дмитрию я верю больше, чем всем другим в редакции, ибо он — старый солдат; очевидно, каталог выпал из бандероли; как только будет, Лев Львович, известен Ваш адрес, Вы немедленно получите все Вами неполученное). — Базировать свое заявление о Мусагетском хаосе на нескольких небрежностях секретарей — это вопиющая несправедливость!

5) Относительно *Арго* и *Парсифаля* скажу еще раз, что они не были двинуты к печатанию оттого, что многое в этих книгах наводило на сомнения, о чем Вам небезызвестно. *Арго* просматривали многие и многие находили, что Вы в данный момент своего эволюционирования не способны к художественной самокритике и впоследствии сами будете дружески журить нас всех за снисходительность к Вам. В частности, Бугаев был того же мнения и особенно восставал против деталей версификации *Парсифаля.* Пусть Бугаев поговорит с Вами, Лев Львович, об *Арго* и о переводе. В дальнейшем я соглашался на принятие Вашего перевода *Лоэнгрина*[29], но не указывал срока его печатания. — (У меня есть копии писем к Вам, и я могу доказать неоднократное обсуждение мое этих вопросов, так что Вы, Лев Львович, напрасно в числе примеров мусагетского хаоса приводите неосведомленность Вашу об этих вопросах). — Никто никогда не сомневался в большом даровании Эллиса, но столь же никто (я думаю) не сомневается, что статьи и стихи, выходящие из-под Вашего пера в момент переходный Вашего духовного развития, ниже Вашего дарования, дорогой Лев Львович! И чувствуя это, Вы в одном письме (не помню, ко мне или еще к кому-либо, не к Сизову ли? — это можно восстановить) сами отказывались от печатания *Парсифаля.* — Когда я слушал Ваш перевод, он мне показался более разработанным, но когда я потом вторично просмотрел его с текстом, я увидел массу промахов и натянутостей. Всех их не исправишь, оттого я и ограничился двумя-тремя вопросительными знаками. Но теперь уже решено. Мы его печатаем, так же как и *Арго.* Но предупреждаю, Вас ждет жестокая критика. —

6) Вот Эллис в том же письме, которое я сейчас с трудом дешифрирую, дает далее блестящую страницу повсеместного упадка культуры[30]. Я помню, я предлагал ему в одном давнем письме написать о германских впечатлениях. Ни гу-гу… — — — Только дальше я не согласен: в Германии и сейчас много ценного, и для меня Штейнер все же вопрос, а не ответ! — А. Белый же для меня не пример, ибо, признавая всю его гениальность, я вовсе не считаю (и никогда не буду считать) его за вождя, за которым надлежит следовать, ибо то, что, б<ыть> м<ожет>, необходимо А. Белому, вовсе не нужно мне и другим. А. Белый — романтик

и индивидуалист и менее всего способен сыграть ту роль, какую сыграл в России Лев Толстой, в Германии — Гёте.

7) Письмо Эллиса от 6/19-IX-912. Он утверждает, что на письма его с запросами о *Парсифале* и *Арго* он не получил ответа[31]: это — неправда! У меня есть копии. Я уже этого касался в настоящем послании, а потому прибавлю здесь лишь, что о колебаниях по поводу его рукописей ему не могло не быть известно, в частности он забывает, что по поводу *Парсифаля*, помимо сомнений в переводе[32], были сомнения, когда он требовал помещения предисловия Штейнера, были переговоры с *Духовным Знанием*; относительно *Арго* были переговоры с ним, по поводу сокращения книги и снятия интимных посвящений. (Напр<имер>, все, что касается кончины Лени Сабурова[33].) Все это тянуло и задерживало поступление книг в типографию. —

8) Письмо Эллиса от 7/20-IX-912, адресованное Киселеву для передачи мне[34]. Тут Эллис снова касается моего заявления по поводу его столкновения с женихом Сизовой[35]. Точно я ему не писал подробно, *кто* и *почему* побудил меня к увещанию его. Маргарита Васильевна[36], страшно взволнованная, передавала мне о тех поношениях, кот<орые> Эллис себе позволил по адресу Сизовой и ее жениха, и просила меня образумить Эллиса[37]. Я написал (у меня есть копия письма). Эллис вместо того, чтобы *отрицать* свою брань (этого сделать он не мог), стал *извинять* ее оккультными соображениями... Я уже тогда сказал Эллису, что он не может называть сплетнями и клеветой сказанное мне Маргаритой Васильевной, ибо *этого* я не могу позволить, относясь к Маргарите Васильевне с глубочайшим уважением. В разбираемом письме снова летят слова: «клевета и сплетни». Итак: как с точки зрения Бугаева, так и Эллиса я — сплетник... Спасибо! На добром слове!

9) Фраза «не допущу синтеза символизма и оккультизма» (повторяю) ***не*** написана в моем письме к Белому, а если она (по словам Эллиса) войдет в биографию Белого[38], то лишь как доказательство небрежности, с которой такой крупный писатель читает важные письма своего друга и коллеги. — Эта «бессмертная» и «классическая (?) фраза», говорит далее Эллис = снятию его «манифеста» с программного № *Тр<удов> и Дн<ей>*... Но в этом «снятии»

участвовал Бугаев, следовательно!..?.. Относительно «синтеза оккультизма и символизма», как он проявился уже в прежних сочинениях Бугаева и Эллиса, я распространяться здесь не могу и скажу лишь, что *кое-что* и в *Теургии* мне в свое время было не по нутру[39]; я тогда же, в 1903 г. написал Бугаеву огромное возражение[40], кот<орое> мы хотели даже поместить в *Новом Пути*. Это *кое-что* отразилось и в статье *Против Музыки* и вызвало нашу первую полемику, в которой Бугаев допустил под влиянием Соколова-Кречетова обидную инсинуацию против меня в своем *письме в редакцию* какой-то газеты!!![41] Эллис тогда стоял всецело за положения моей статьи *Борис Бугаев против Музыки*!!! Это *кое-что*, которое иронически я бы назвал желанием прыгнуть выше своей спины, раз оно вырастет в главное и существенное в Вас обоих, неминуемо выроет между мною и Вами обоими непереступаемую бездну. Не я бросаю (по выражению Эллиса) «каждый день бездны между собою и будущим», а растет бездна между мною и Вами[42]. —

10) Я никогда не «кокетничал эстетически с Крестом и Розой», как говорит Эллис; вот это — чистейшая и возмутительнейшая клевета! Если только я верно понял неясно изложенный намек! Это — полное непонимание моей личности. —

11) «Все Его (Штейнера) враги — мои враги, все Его хулящие да погибнут»[43] (в том числе и я, которому Вы сулите безумие и стирание в порошок)... И остались Вы, Лев Львович, всё прежним инквизитором, всё прежним ультракатоликом, т. е. ветхозаветником, т. е. юдаистом. Никакой внутренней свободы, которую внесли в мир германцы, в Вас нет! Э, э, жечь, жечь и сейчас слышится в Ваших словах.

12) Читаю «Досье» Эллиса[44]. Мусагет — литературное издательство; все эзотерическое должно остаться именно эзотерическим. Comenius-Gesellschaft — литерат<урное> общество, издающее гуманитарные и мистические книги[45]; но Comenius-Gesellschaft — ложа эзотерическая; однако об этом по *книгам* не видно. Штейнер — отнюдь не сверхчеловек. В этом я глубоко убежден. Сверхчеловеки не занимаются смешением мякины с чистым зерном (Иеремия XXIII, 25 etc.) — Эллис отнюдь не переводчик Вагнера, ибо Эллис — талантливейший ритор, которого я знаю среди современников, и импровизатор, Вагнер

же — мифотворец, музыкант и руносозидатель, т. е. поэт лапидарный и стихийный. — Мистерии Штейнера *НИКОГДА* не будут изданы *Мусагетом*. Им место в *Духовном знании*. —

13) Эллис подымает старый вопрос об *Орфее*, кот<орый> окончательно оформился в Петербурге. Принципиально же вопрос о выделении линии мистической был решен именно нами тремя (Бугаевым, Эллисом, Метнером).

14) Мой абсентеизм, диктатура Секретаря и невозможность сноситься со мною — чистейший вымысел. Для интимных деловых разговоров всегда к услугам был наш деревенский дом.

15) Мусагет стал анархией постольку, поскольку анархичен Белый и Эллис. Конституция тут не причем.

16) *Логос* наиболее дисциплинированное крыло мусагетской армии. Называть *Логос* некультурным есть смешная дерзость и ничего более.

17) Какие рукописи Эллиса редактировались без его ведома???? —

18) Когда раздавались по адресу Эллиса «угрозы не издавать???»[46]

19) «*Люди* высокой пробы» ???????[47] Х а - х а - х а -----?!!!

20) Будет ли гибель *Мусагета* «ударом всей русской литературе», я не знаю, но погибнет он только благодаря неистовствам болеющих прививкой штейнерьянства главных членов его, не сознающих своего лихорадочного состояния. —

21) Руль *Мусагета* передавать в руки Штейнеру я не уполномочен. — Требовать это от меня значит быть в экстазе, который я не разделяю.

22) Пункт 7-й «досье» прямо говорит о необходимости устранения меня «без всяких слов»! Ну не курьезно ли это??

23) Эллис может быть поставлен в ряды ближ<айших> сотрудников, если будет напечатана хотя бы одна статья его старомусагетского тона. —

24) Что я не считаюсь с Эллисом и с Белым — смешно слышать!

25) Штейнера я видел и слышал. Предисловие его (лекцию) к *Парсифалю* читал. Скажу наконец, что *ЛГАТЬ* нечего на меня: я прочел 2 цикла, Geheimwissenschaft[48], массу записок, десяток брошюр. В общем, наверное, больше, нежели Эллис. —

26) Если голос мой как «главного редактора» оказывается «отрезанным» от «всех сотрудников» (досье Эллиса), то пусть эти «все» считают себя отрезанными от *Мусагета*, который в таком случае ликвидирует свои дела и прекратит существовать. —

27) Издатели существуют для писателей, но писатели не вправе насиловать совесть издателей. —

28) «Исторически обесценится значение Вагнера и моего (Эллиса) истолкования к нему, как *предшественнику* (!!!!) мистерий Штейнера». Эта «бессмертная и классическая фраза» войдет в «биографию» Эллиса[49]. —

Я кончил. Ответа на это письмо я не допускаю ни прямо по моему адресу, ни через друзей. Ответ может быть только один: предложение третейского суда и точная деловая предметная сводка обвинений меня как редактора и как человека[50].

В заключение прошу подумать 1) над афоризмом Гёте: «Das Erste und Letzte, was vom Genie gefordert wird, ist Wahrheitsliebe»* (Spr<üche> in Prosa 547)[51], 2) над различием внутренней дисциплины и внешней дисциплины и над тем, что есть соединства, есть предприятия, которые держатся только *внутренней* дисциплиной или почти только; к ним принадлежат литературные товарищества вообще и *Мусагет* в особенности. Отсюда одни меня называют капралом, Столыпиным, дрессировщиком, тиранном и т. д., другие упрекают в недостатке деспотизма. — Я же сам обвиняю себя только в одном: в оптимизме, и притом в двояком: т<ак> с<казать> эмпирическом, что я мог рассчитывать на полное доверие к себе друзей, столь эволюционирующих, и на их бережность к предприятию (я говорю *не* о материальных средствах); и, во-вторых, в оптимизме, т<ак> с<казать>, мистическом, т. е. что я, жизнь которого сплошное разочарование и отречение, мог думать, что мне удастся наконец создать дело, которое переживет меня.

Итак, прошу стать на чисто-формальную почву. Все *уже* выяснено моим письмом. Остаются *только* открытки. Если мои пункты относительно журнала, книг и т. д. Вами обоими принимаются, то мы можем до поры до времени еще работать вместе.

Э. Метнер.

---

* Первое и последнее, что требуется от гения, — любовь к правде (*нем.*).

РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 29. Об отправлении этого письма адресатам 6 (19) октября Метнер упоминает в письме к Эллису от 1 (14) ноября 1912 г. (РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 6).

[1] См. п. 260.

[2] Эти открытки, видимо, не сохранились.

[3] Видимо, первоначальный текст «манифеста» лег в основу статьи Эллиса «О задачах и целях служения культуре» (Труды и Дни. 1912. № 4/5. С. 87–96).

[4] См. п. 258.

[5] См. п. 260.

[6] Подразумевается фрагмент письма к Н. П. Киселеву, отправленного из Фицнау 20 сентября (3 октября) 1912 г.: «...передайте от меня привет Э. К. Метнеру, передайте, что я ссылаюсь на Вас, как на свидетеля того, что „*Мусагетом*" я интересовался и вкладывал в него душу, но ввиду того, что всякое мое стремление разобраться во всей почтово-телеграфной неразберихе и моя естественная досада, что я не могу толком добиться ничего о „*журнале*", рассматривается им, как выходки сходящего с ума скандалиста, — передайте ему: ввиду этого я приветствую *карантин*, который он устанавливает между собою и мною; передайте и то, что еще 5 месяцев тому назад многократно хотел я ему предложить им предложенную меру по отношению к письмам его, но... ложная деликатность и „пустые" приличия удержали меня от подобного предложения. Передайте ему, что и по отношению к его письмам я буду впредь поступать, как он по отношению к моим, что нисколько на него не сержусь, что *так лучше*; что я рад сложить с себя всякое чувство ответственности за „*Труды и Дни*" и „*Мусагет*", что так обидевшая его приписка мной прочтена В. Иванову, который не увидел в ней ничего обидного, что я грустно прощаюсь с ним с надеждой встретиться, если не в этой, то в следующих *инкарнациях*, но что в ближайшие годы лучше нам не сталкиваться.

Можете это место письма прочесть ему» (Арабески Андрея Белого. С. 94. Публ. А. Л. Соболева).

[7] Из этих писем известно только третье (п. 254).

[8] Подразумевается корректура статьи Вяч. Иванова «Манера, лицо и стиль». См. примеч. 6 к п. 258.

[9] См. п. 247.

[10] Имеется в виду статья Мариэтты Шагинян «Труды и Дни» из ее авторского цикла «Литературный дневник» (Приазовский край (Ростов-на-Дону). 1912. № 123, 10 мая. С. 2), в которой первому номеру «мусагетского» журнала была дана двойственная оценка: «Мусагет есть совокупность (а не соединение!) очень многих, *чересчур* многих замечательных мыслителей. <...> Дать общее выражение этой разноголосице, посадить вьющиеся языки пламени на один стебель, подвести итог несоединенным

усилиям, — дело хорошее. И журналу „Мусагета“ нельзя не порадоваться». Критика не удовлетворяет слишком общий характер «мусагетских» установок: «...остаешься среди „разносторонностей“, не подведенных к общему знаменателю. <...> Боюсь, что „Трудам и Дням“ предстоит печальная участь сборного пункта разношерстной армии, где с пшеницей проскользнут и плевелы, с медом капнет и деготь. Пока, в первой книжке, дегтю несравненно больше, чем меду». В частности, статья Белого «О символизме» произвела на Шагинян отрицательное впечатление «той любезной и несколько путанной говорливости, которою заменяют иногда светские люди необходимость „высказаться во всеоружии“. Небрежно, наскоро написанная, подчас утомительно крутящаяся вокруг одного места, — она раздражает. Досадно за Белого, за дешевизну и легковесность его работы, словно не раскрывающей тему, но как бы отделывающейся от нее тайно, а явно прикрывающей ее неумеренной говорливостью и случайными импровизациями». Самую высокую оценку Шагинян дала «Мыслям о символизме» Вяч. Иванова и статье Метнера (Вольфинга) «Лист».

[11] Имеется в виду № 5 журнала «Аполлон» за 1912 г. См. примеч. 9, 13 к п. 258.

[12] См. п. 260, примеч. 8.

[13] Неточная цитата. См.: Вопросы литературы. 1994. Вып. III. С. 287.

[14] Имеется в виду кн.: *Тэн Иполит.* Наполеон Бонапарт (Taine H. Les origines de la Françe contemporaine. Le regime moderne, tome 1, livre 1) / Пер. О. К. Синцовой. М.: Мусагет, 1912. Вышла в свет в первой половине ноября 1912 г.

[15] См. примеч. 20 к п. 259.

[16] См. п. 246, примеч. 1.

[17] Статья Эллиса «„Парсифаль“ Рихарда Вагнера» была опубликована в разделе «Wagneriana» в тетради 1/2 «Трудов и Дней» в 1913 г. (С. 24–53).

[18] Подразумевается неосуществленное отдельное издание «Парсифаля» Р. Вагнера в переводе Эллиса.

[19] «Духовное Знание» — начавшее свою деятельность в Москве в 1911 г. книгоиздательство, организованное последователями Р. Штейнера. См.: *Maydell Renata von.* Vor dem Thore: Ein Vierteljahrhundert Anthroposophie in Russland. Bochum; Freiburg, 2005. S. 223–229.

[20] Издававшиеся «Мусагетом» книжная серия и журнал, посвященные соответственно религиозно-мистической («Орфей») и теоретико-философской («Логос») проблематике.

[21] Подразумевается отъезд в Мюнхен в августе 1912 г. для слушания лекций Штейнера и присутствия на представлениях его драм-мистерий.

[22] 3-я «симфония» «Возврат», в отличие от других «симфоний» Белого, выпущенных издательством «Скорпион» (руководитель — С. А. Поляков), была опубликована в издательстве «Гриф».

23 См. примеч. 23 к п. 260.

24 Цитируется письмо Эллиса к Метнеру, отправленное из Мюнхена 21 июля (3 августа) 1912 г., содержавшее жалобу на неполучение от «Мусагета» денег в течение двух недель: «Конечно, теперь это не столь уже тяжко, ибо здесь среди теток и теософов у меня нашлись истинные друзья, на слова к<ото>рых можно положиться, конечно, разочароваться до конца можно только один раз, но...... скажите откровенно, может и хочет или нет „Мусагет“ исполнять свое слово *честно*. Где гарантия, что *обмана* не будет и дальше?» (РГБ. Ф. 167. Карт. 7. Ед. хр. 67).

25 К. П. Метнер. Подразумевается учетная книга, фиксировавшая денежные выплаты «Мусагета».

26 Имеются в виду журнал «Логос» (1911–1912. Кн. 2/3) и книга А. Блока «Собрание стихотворений. Кн. 3. Снежная ночь (1907–1910)» (М.: Мусагет, 1912), вышедшая в свет в марте 1912 г. Ср. замечание в письме Метнера к Эллису от 1 (14) ноября 1912 г.: «...дело не в слове „макулатура“, хотя *устно* Вы так назвали *Снежную Ночь*» (РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 6).

27 Служащий (конторщик) редакции «Мусагета».

28 «Каталог издательства „Мусагет“ (1910–1912)» и книга Метнера (Вольфинга) «Модернизм и музыка».

29 Либретто оперы Р. Вагнера «Лоэнгрин» в переводе Эллиса не было опубликовано.

30 В письме к Метнеру от 6 (19) сентября 1912 г. Эллис заявлял: «Вся современная культура, и можно *пока* говорить лишь о герм<анской> культуре (я с Вами солидарен), в небывалом упадке.

Монизм, гнозеологизм и упадок искусства (не только новой музыки), милитаризм, парламентаризм, академизм — все *гниет*. <...> Католицизм здешний мертв, в чем я с ужасом убедился, протестантизм полагает миссию Христа в проповеди против алкоголя...

Ницше забыт!

<...> Где старая, великая Германия? Не видите ли Вы золотые сны о ней, как Ницше о Элладе? <...> Все спят, а в Германии звучит лишь старое. И это ужасное время один голос, как труба, зовет и вещает о тайнах извечных, о тайнах, на к<ото>рые лишь намекали романтики; Гёте и Вагнер, о тайнах мистерии Граля и ⊕. Вы можете, конечно, не признать этого голоса, но не выслушать Его Вы не смеете» (РГБ. Ф. 167. Карт. 7. Ед. хр. 70).

31 Имеется в виду письмо Эллиса из Мюнхена, продиктованное Н. П. Киселеву, с претензиями к «Мусагету»: «...замедление печатания „Арго“ с каждым днем обесценивает и обессмысливает значение этой книги, рукопись которой была готова еще полтора года назад. Замедление печатания Вагнера обессмысливает всю мою работу за год» (Там же. Ед. хр. 69).

32 О неудовлетворительном качестве переводов Эллиса с немецкого как главной причине отвержения их «Мусагетом» Метнер писал ему также 1 (14) ноября 1912 г.: «Если Вы будете беспощадно работать над переводом

драм Вагнера, и если Ваша работа окажется вполне удовлетворительной (по мнению Бугаева и моему), то исподволь можно будет напечатать в *Мусагете* и все Ваши переводы. *Парсифаля* я устал просматривать, и проштудируйте его еще раз с Бугаевым, кот<орый> ведь теперь изучает усердно нем<ецкий> язык» (РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 6).

[33] См. примеч. 5 к п. 231.

[34] Это письмо (недатированное в автографе) датировано здесь неверно. Согласно почтовым штемпелям, оно отправлено из Базеля 16 (29) сентября, получено в Москве 20 сентября (3 октября) 1912 г. (РГБ. Ф. 167. Карт. 7. Ед. хр. 72).

[35] В указанном письме Эллис заявлял, намекая на М. В. Сабашникову: «...был оскорблен по интимному вопросу о М. Сизовой без суда и следствия по одним клеветам и сплетням человеком, считаемым за друга <...> Раз в жизни бывает то, что я пережил в Гельсингфорсе, но об этом нельзя говорить». О своих предшествовавших отношениях с М. И. Сизовой Эллис поведал Метнеру в письме от 8 (21) июля 1912 г.: «Я 8 л<ет> любил Марию Ив<ановну> Сизову, как воплощение готической идеи, мало того, я связал с ней весь свой путь к ⊕. Эта связь была магической и сверх-чувственной. Последнее доказывается уже тем, что я был поверенным 6½ лет в ее трагической любви к одному человеку, имени к<оторо>го я не хочу называть. Чистота, верность ее любви к этому человеку, разлученному с ней *внешними* условиями, была такова, что я поклонялся ей одновременно романтически и мистически. Почти 8 л<ет> между нами не было ни тени непонимания, были общие сны, медитации, видения, была магия! Все ее страдания я принял на себя, и величайшим моим горем была эта ее любовь. <...> Я спас ее от психического расстройства, силой своей любви, преданности и *фанатизма* приведя ее к Д<окто>ру. В Берлине она воскресла, поняла лично Д<окто>ра и дала мне слово-клятву вместе со мной, все оставив, служить Ему, как апостолу Новой Церкви. Конечно, ни о каких «мистериях с постелями» не могло быть и речи. Она решила *героически остаться верной духовно своей любви и через нее привести* к Д<окто>ру и этого человека» (РГБ. Ф. 167. Карт. 7. Ед. хр. 66). Сохранилась большая подборка писем Эллиса к М. И. Сизовой (РГАЛИ. Ф. 575. Оп. 1. Ед. хр. 20).

[36] М. В. Сабашникова.

[37] Речь идет о событиях, происходивших в Гельсингфорсе в первой половине апреля н. ст. 1912 г., где Штейнер выступал с курсом лекций; в числе слушателей были М. И. Сизова и ее будущий первый муж историк и египтолог Владимир Михайлович Викентьев. Эллис описал инцидент в цитированном письме к Метнеру от 8 (21) июля 1912 г.: «*Вдруг* в Г<ельсинг>форсе она <Сизова. — *Ред.*> является под руку (по-мещански) с человеком, к<ото>рый позволяет себе *ограждать* ее от моего влияния, более того, — отводит меня в сторону и заявляет, что „ввиду *неоформленности* моих отношений к М. И. я должен их прекратить, т<ак> к<ак> он *жених*!“ <...> Когда я, изумленный, спросил Марию Ив<ановну> о ее

прежней любви, она заявила, что продолжает любить и того человека, как прежде, но что она *скрыла все* от своего „жениха". Моему разочарованию и отчаянию не было никаких границ. Это был самый сильный удар в моей жизни. <...> Разглашение в искаженном виде моего письма создало величайший абсурд. Ее „жених" написал мне ряд писем уже совершенно в уличном стиле („пощечина", „мерзавец" — мелькали в них), что ему в виду, кажется, никем не было поставлено, и *вызвал меня на дуэль*. <...> Вот какие теософы водятся на белом свете! Я согласился на дуэль, дав себе слово не стрелять, но *страстно* желая своей кровью закрепить свой протест против теософического попрания заветов романтизма, аскетизма и готики. Из этого сделали еще химеру, уже обвиняя меня в жестокости. Понял меня в этой истории только *Steiner*. <...> Через это именно я вошел в круг Его ближайших учеников, получив от Него предлож<ение> *навсегда* остаться около Него и практически работать под Его руководством». В письме к Метнеру от 16 (29) июня 1912 г. Эллис заявлял: «В инциденте с *М. Сизовой* Вы ровно ничего не понимаете, к сожалению. <...> Довольствуйтесь тем, что *Д<окто>р* лично сказал мне, что я связан с ней в прежней инкарнации и что эта связь имеет отношение к эзотеризму» (РГБ. Ф. 167. Карт. 7. Ед. хр. 65).

[38] Имеется в виду фраза из цитированного выше письма Эллиса к Н. П. Киселеву от 16 (29) сентября 1912 г.: «Мой манифест, снятый с самого начала, = классическому „не допущу синтеза символизма и оккультизма" — фраза, написанная Э. К. Белому в последнем письме. Эта фраза войдет в биографию Белого». Подразумевается п. 259.

[39] Имеется в виду статья Белого «О теургии» (1903), которую Эллис упомянул в том же письме к Киселеву: «Первая статья Белого „О теургии" была уже этим синтезом, все остальное — развитием его» (подразумевается «синтез символизма и оккультизма»).

[40] См. п. 47.

[41] См. п. 138, примеч. 2, 6, п. 141, примеч. 4.

[42] Упрек, брошенный Эллисом Метнеру в письме от 6 (19) сентября 1912 г.: «...Вы удалялись от нас всех и центра, нас всех животворящего, — каждый день бросаете бездны между собой и будущим. От этого внутреннего разрыва шатается „Мусагет", и хаос поглощает нас всех».

[43] Цитата из письма Эллиса к Н. П. Киселеву от 16 (29) сентября 1912 г.

[44] Имеется в виду письмо Эллиса к Метнеру от 4 (17) августа 1912 г. (см. примеч. 1 к п. 259). Далее цитируются фрагменты из него.

[45] «Общество Коменского» было основано в Берлине в 1891 г. в целях публикации и изучения трудов как самого Яна Амоса Коменского, так и его предшественников и последователей.

[46] Выдвигая в письме от 4 (17) августа 1912 г. семь пунктов претензий по адресу «Мусагета», Эллис в одном из них заявляет: «Угрозы не издавать».

[47] Подразумевается формулировка из того же письма: «Только в „Мус<аге>те“ есть лица, связанные традицией долгой дружбы, работы, взаимной веры, не карьеристы и люди высокой пробы».

[48] Книга Р. Штейнера «Очерк тайноведения» («Die Geheimwissenschaft im Umriß». Leipzig, 1910).

[49] Метнер иронически переадресует Эллису его высказывание по поводу «биографии Белого» (см. выше, примеч. 38).

[50] Конфликтную ситуацию, нашедшую отражение в этом письме, Метнер обрисовал в письме к А. Блоку от 3 октября 1912 г.: «Наконец приехал в Москву; здесь <…> меня ждали новые оскорбления, обвинения, инсинуации и возмутительные несправедливости в письмах и различных „досье“ Эллиса и Бугаева и печальные повествования о состоянии духа обоих из уст Петровского, Киселева и М. Сизова, трех теософов, побывавших в Мюнхене на цикле Штейнера и поживших с обоими друзьями. <…> Подобным оскорблениям я не подвергался никогда в жизни. И все обвинения, которые выставляются обоими против меня, ложны. <…> Белый сошелся с Эллисом и оба они слились в одно существо Белоэлис <…> это существо быстро эволюционирует и ничего не помнит из того, что сказано им позавчера. Мне влагаются в уста фразы, которых я никогда не писал, и делаются нелепейшие выводы; в то же время отрицается действительно сделанное или сказанное ими обоими за последнее время. <…> Белоэлис требует штейнеризации Мусагета. Белоэлис считает Штейнера вершиною культуры, сверхчеловеком, предтечей второго Христа и т. п. <…> Если же в 1913 г. Белоэлис будет требовать изменения платформы журнала, то я закрываю журнал и ликвидирую Мусагет» (Александр Блок. Исследования и материалы. СПб., 1998. С. 202–203).

[51] Цитируются «Максимы и рефлексии» Гёте («Maximen und Reflexionen», IX, 518).

263. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

9 (22) октября 1912 г. Фицнау

Многоуважаемый Эмилий Карлович!

Считаю долгом уведомить Вас, что 1) Эллис в Штутгарте[1]. 2) О статье Скалдина я писал в письме А. С. Петровскому[2]. 3) Статью о Н. К. Метнере постараюсь прислать в первой половине русского ноября (ответ на *циркулярную* открытку)[3]. 4) О В. К. Кампиони буду писать подробно и просить А. С. Петровского Вам передать[4].

Примите уверения в совершенном почтении и преданности.

Борис Бугаев.

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 73. Видовая открытка: «Blick vom Rigi-Känzzli auf Pilatus, Bürgenstock und Stanserhorn». Датируется по почтовому штемпелю отправления: Vitznau. 22. X. 12. Штемпель получения: Москва. 13. 10. 12.

[1] Эллис поселился в Дегерлохе близ Штутгарта у голландской теософки Иоганны Поольман-Мой, тогда последовательницы Штейнера.

[2] См. P. S. к п. 260.

[3] См. примеч. 24 к п. 187. Упомянутая открытка, видимо, не сохранилась. В письме к Эллису от 1 (14) ноября 1912 г. Метнер писал в связи с намерением Белого: «Со статьей о Н. Метнере *особенно* торопиться нечего, т<ак> к<ак> со сборниками все еще висит» (РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 6. Подразумевается несостоявшийся «мусагетский» сборник о современных композиторах).

[4] В. К. Кампиони фигурирует здесь как доверенное лицо Белого в деле продажи «имения» — участка земли близ Адлера (см. примеч. 6 к п. 199).

264. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

Около 9 (22) октября 1912 г. Фицнау

Деловое и официальное.

Многоуважаемый Эмилий Карлович!

Считаю долгом Вас уведомить официально о нижеследующем: *общее* содержание Вашего письма за исключением нескольких пунктов (о которых ниже) считаю приемлемым *в принципе*; полемические несогласия идейного порядка, деловые недоразумения и так далее, и так далее мы обсудим впоследствии, когда *психологически* будет возможно друг другу и говорить, и писать.

Общее мое впечатление: пока работать мы можем.

Для нормальности работы в «*Трудах и Днях*» ставлю следующие условия: я соглашаюсь остаться Редактором «*Тр<удов> и Дней*» лишь в том случае, если об учителе моем, докторе Штейнере, вообще не будет статей — ни хвалебных, ни критикующих. Обещаю уговорить отсутствующего *в Vitznau* Льва Львовича Кобылинского *не писать* на темы об оккультизме; пресловутого синтеза «*символизма*» с ходячими представлениями об оккультизме я не предлагал, а говорил лишь о *точке* ⊕ в *символизме* (требую отличия ⊕ от ходячего представления об «оккультизме»). Теперь: то, что понимаю я под «*синтезом*», уже есть в двух

посланных статьях[1] (элементы *синтеза* есть). Если статьи приемлемы, то и вся моя «новая» линия (никакой «*новой*» линии у меня нет) в них налицо. Извиняюсь за цитаты из «*Мистерий*»[2]. Но *цитата* не разбор, не проповедь. Прошу их так и принять.

Оставаясь Редактором «*Трудов и Дней*», должен я напрямик заявить, что ни статей В. Иванова, ни статей Э. К. Метнера *pro* или *contra* Штейнера я не пропущу; ибо положение мое перед Штейнером было бы совершенно ложным, если бы я, оставаясь учеником его, пропускал в редактируемом мною журнале теоретические рассуждения о его *чисто практическом* деле*.

Вот мое единственное условие; и оно справедливо: *антиштейнеристы* обязываются молчать о деле доктора; тогда и *штейнеристы* из уважения к общему делу *обещают* свой нейтралитет.

Оставаясь с Вами товарищем по Редакции, многоуважаемый Эмилий Карлович, я прошу о единственном: Вы называете мои «*ответы по крайнему разумению*» «*передержками*», «*ложью*». «*Передержка*» и «*ложь*» предполагают сознательный и злой умысел. А таковое предположение, поймите Вы, было бы тоже «*передержкой*» и «*ложью*». Настаивать на сознательной «*лжи*» моих писем, значит *навсегда* (в сей жизни и в будущей) искать разрыва со мной.

В последнем случае вопрос о «*третейском суде*» между мною и Вами выступает сам собою. Условия мои в случае этого суда уже написаны мною (первой реакцией на письмо Ваше было — искать этого суда); при внимательном перечтении Вашего письма я увидел в нем нечто еще, кроме грубого утверждения, что я «*передержщик*»; и вот это «*нечто*» и побудило меня написать Вам формальное и примирительное письмо во имя общего дела, нас связывающего. А предложение третейского суда и мои условия этого суда я в видах общего мира и блага пока прячу в свой чемодан.

Уведомляю Вас о том, чтобы Вы не думали, будто я от суда уклоняюсь; третье напоминание о суде (первое летом 1911 года, второе весной 1912 года) заставляет меня с величайшей серьезностью отнестись к этому напоминанию. Только одно миролюбие,

---

* *Помета Метнера*: а о Гёте

действительная потребность в столь нужном для меня самоуглублении и *общее дело* вынуждают меня *в последний раз* постараться в пределах формальных отношений искать хоть островка гармонии и солидарности.

С надеждою на существование хотя бы минимальной этой гармонии позвольте засвидетельствовать, многоуважаемый Эмилий Карлович, мое уважение к Вам.

Борис Бугаев.

P. S. «Я бы мог вскрыть неверность и *передержку** почти каждого раздела этого письма» (Метнер: последнее письмо его мне), «я протестую против *передержки*** (*их много в последних письмах Бугаева****)…», «*лгать нечего на меня*****». И все резюмировано: «*Das Erste und Letzte, was vom Genie gefordert wird, ist Wahrheitsliebe*» (Гёте). Сопоставляю эти выдержки и вижу ясно, что я обвиняем в *сознательной* лжи и *сознательной* передержке, тогда как в лучшем случае могла идти речь о полной запутанности в понимании *текста писем*, смысла слов и толкования недостаточно оформленных выражений. Если Вы, Эмилий Карлович, не объясните точного смысла, о какой *лжи* и *передержке* вы говорите, сознательной или невольной (от неясности толкования), и не заявите мне, что я не передержщик, то, несмотря на всю готовность договориться хоть бы до минимума согласия, вопреки необходимой работы над собой и невозможности мне приехать в Россию, я должен буду воззвать к третейскому суду между нами[3].

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 72.

Ответ на п. 262.

[1] Речь идет о статьях Белого «Линия, круг, спираль — символизма» (Труды и Дни. 1912. № 4/5. С. 13–22) и «Круговое движение» (см. примеч. 1 к п. 261).

[2] В «арабеске» 38 статьи «Круговое движение» приводятся три цитаты из 1-й картины драмы-мистерии Р. Штейнера «Испытание Души» («Die Prüfung der Seele»), повторенные в мистерии «Страж Порога» («Hüter der Schwelle»). См.: Труды и Дни. 1912. № 4/5. С. 72.

* Курсив мой. (*Примеч. Белого — здесь и ниже*).

** Курсив мой.

*** Курсив мой.

**** Курсив мой.

[3] Данное письмо было отправлено по адресу «Мусагета» на имя Н. П. Киселева вместе со следующим недатированным письмом к Киселеву (почтовый штемпель отправления: Vitznau. 22. X. 12; штемпель получения: Москва. 12. 10. 12):

Дорогой Николай Петрович!

В последний раз удручаю Вас письмом к Э. К. Метнеру. Э. К. Метнер, написав <*так!*> огромное письмо мне, смысл которого (если точно я понял) таков: или *он прав*, или да будет третейский суд между нами.

Передайте ему, что это мое письмо (ознакомьтесь с его содержанием) есть последний ответ на «*или — или*»; в нем, как видите, я делаю последнее усилие, чтобы не было окончательно развала. Требования мои не велики: *я не передержчик, ни лгун* (лейт-мотив последнего письма, и уже прямо-таки «*гусак*», на всю жизнь встающий между мной и Эмилий Карловичем).

Приложите усилия его урезонить и ответить на мой встречный шаг к нему встречным шагом.

В случае неизбежности суда уведомьте тотчас же, дабы я прислал уже написанные мои условия.

Передайте в таком случае пока, что я прошу Суда по возвращенью в Россию, ибо бросить *все* и ехать сейчас на Суд в Москву я *не могу решительно*.

Остаюсь искренне преданный Вам

Борис Бугаев.

P. S. Эллису письмо Э. К. я передам по приезде в Штутгарт.

Адрес. Stuttgart. Post-lagernd. Deutschland.

(РГБ. Ф. 128; Арабески Андрея Белого. С. 96–97. Публ. А. Л. Соболева).

265. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

Около 15 (28) октября 1912 г. Дегерлох

Многоуважаемый Эмилий Карлович!

Эллис шлет статью[1]. Прочел и одобрил оную. Несколько упоминаний об оккультизме чисто внешни[2]. Если они шокируют, Эллис согласен на цензуру: писать будет для каждого номера. Упоминание обо мне можно бы пропустить[3]. В общем статья хорошо *литературно* написана. Скоро пришлю еще статью. «*Тр<уды> и Дни*» надо беречь, по-моему.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности.

Б. Б.

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 74. Видовая открытка: «Rigi-Kulm (1800 m) und Pilatus (2132 m)». Почтовый штемпель отправления не прочитывается. Датируется по почтовому штемпелю получения: Москва. 19. 10. 12. Обратный адрес: Stuttgart. Degerloch. Werrastrasse, 45 (Белый и А. Тургенева жили в Дегерлохе с конца октября н. ст. вместе с Эллисом).

[1] Имеется в виду статья Эллиса «Мюнхенские письма. I. Умер ли символизм?» (Труды и Дни. 1912. № 4/5. С. 46–50). См.: *Эллис.* Неизданное и несобранное. Томск, 2000. С. 184–188.

[2] Учение Штейнера Эллис обозначает в этой статье как «научный оккультизм». В ее заключительных строках говорится: «...самое существенное и живое течение среди бесчисленных вырастающих повсюду школ и направлений в сфере „оккультизма“, я говорю преимущественно о современном, немецком „*научном оккультизме*“, всеми силами стремится к символике и символизму» (Труды и Дни. 1912. № 4/5. С. 50).

[3] Подразумевается фрагмент той же статьи: «Разве лучшие строфы стихов *А. Белого* и все его до сих пор неразгаданные „Симфонии“ не стремятся, оставаясь в области ars symbolica, в то же время намекнуть на что-то гораздо более реальное и объективное, не произвольно-сущее; можно ли постичь их, не проникнувшись его учением о символизме и теургии, которые он сам в своей синтетической работе „Символизм“ недвусмысленно сочетает в одно великое целое с областью эзотеризма религий и в частности „оккультизма“» (Там же).

266. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ и В. Ф. АХРАМОВИЧУ

Около 23 октября (5 ноября) 1912 г. Дегерлох

Официально.

Дорогой и многоуважаемый Эмилий Карлович!

откровенно мучаюсь инцидентом со статьей Яковенки. 1) Люблю и ценю Яковенку. 2) Знаю, что, останавливая статью, вступаю с Вами в редакционный конфликт[1].

И все же.

Два основания, по которым совесть моя страдает еще больше, если статья пройдет: а) резкий презрительный тон по отношению к *антропоморфизму*[2]: антропоморфизм же во внешнем своем выражении есть *гуманизм.* Отрицание философии антропоморфизма есть отрицание человечности философии. В более внутренном: резкость по адресу антропоморфизма есть резкость по адресу *символизма.* Символизм есть выражение антропоморфизма наших дней. Наконец, в интимнейшем: антропоморфизм есть религия. По гуманизму, символизму, религии бьет Яковенко и по их адресу пишет «*в возврате к философствованию в антропоморфических представлениях — дерзость вандалов Герострата*»[3].

Главное же основание: личное — как я посмотрю в глаза Бердяеву. Ведь меня связывает с ним тесная связь. Изо всех тем Яковенки — только эта тема, тема Бердяева, для меня нестерпима; и опять рок: именно *потому-то* Яковенко ставит меня в несносное положение. Пропустить резко-задирательную статью о Бердяеве и одновременно обмениваться с Бердяевым от поры до поры интимными письмами, это было бы с моей стороны подло.

Объясните все это Яковенке: видит Бог, я не придираюсь.

А во всем виновата спешность: впервые ведь получаю я материал № *уже сверстанный* в предположении, что ни иоты в нем не изменю (за несколько дней до выхода). Есть еще один выход: статью напечатать с выноской: «*Содержание этой статьи резко не разделяется мной. В одном из следующих №№ будет мною написан ответ г. Яковенке. Андрей Белый*».

Вот придуманный мною выход.

Остаюсь искренне преданный и готовый к услугам

Борис Бугаев.

Дорогой Витольд Францевич!

Я нисколько не виноват в том, что корректуры лежат в Берлине, ибо твердо знаю, что писал про Штуттгарт[4].

Вместе с тем кукольным редактором я быть не могу.

1) Я не могу подписать свое имя под статьей Яковенки: «*Философия Свободы*» заслуживает критики; но чтобы книга эта была связана с костром Джорждано Бруно и *отвратительными* воспоминаниями: нет-с, позвольте![5] Передайте Э. К. Метнеру следующее: пусть он вспомнит, как я ему жаловался на *легкий тон* рецензии Степпуна по поводу той же «*Философии Свободы*» в «*Логосе*»[6]. И видеть в 10 раз более неприязненную — на этот раз статью и *не* в *Логосе*, а в ***нашем*** журнале — для меня невыносимо.

Как хотите. Или я накладываю *veto* на статью в таком виде, или, что *рациональнее*, я ухожу от редактирования. Нельзя нам с Э. К. Метнером редактировать вместе. Мы глядим в диаметрально противоположные стороны.

Повторяю: писать я буду много, факту существования «Тр<удов> и Дней» очень рад, согласен на редакторскую цензуру: но не кормите меня насильно тем, *чего я не ем*; а таковою насильственной кормежкою для меня является статья Яковенки,

блестящая, интересная, как все принадлежащее Яковенке, но злая и *несправедливая*. Кроме того: Бердяева я лично *нежно люблю* и не могу допустить издевательства над ним в своем журнале. Выход единственный: необидное для меня сложение редакторских функций (ибо в случае *veto* моего — Яковенко обидится).

2) Первая статья «*Учебника*» самонадеянна[7]. О формуле *ритма* говорить рано. Мы еще сами не знаем, что такое ритм, и определение ритма «Учебником» есть определение ощупью[8]. Через день высылаю.

Все же другие статьи (я сейчас получил их) не вызывают сомнений.

Далее: моих статей не ожидайте: я только что получил с Poste restante Ваши открытки и уже теперь выписываю берлинскую корр<еспонденцию> в Мюнхен. Если мои статьи идут в №, то придется их мне не корректировать. Что Вам стоило с материалом присланным прислать и их? Остаюсь искренне любящий Вас

Борис Бугаев.

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 75. Датируется по почтовому штемпелю получения: Москва. 9. 11. 12. Отправлено на имя В. Ф. Ахрамовича по адресу издательства «Мусагет».

[1] Речь идет о статье Б. В. Яковенко «Философское донкихотство», представляющей собой критический разбор взглядов Н. А. Бердяева, изложенных в его книге «Философия свободы» (М.: Путь, 1911). Верстка статьи Яковенко, набранной для «Трудов и Дней», сохранилась в архиве Метнера (РГБ. Ф. 167. Карт. 26. Ед. хр. 19); на ней — записи Белого: «В общем статья интересная, но будь она напечатана, положение мое невыносимо...»; «Цена совр<еменной> критической философии невелика: слова, слова и слова, а в жизни — пустота: знаем мы состоятельность *в жизни* этих громких фраз» (С. 3, 4).

[2] Ср. утверждения в статье Яковенко: «Свою религиозную философию г. Бердяев величает философией подлинно-объективной и реальной. <...> Между тем, на деле, она антропоморфистична, субъективна и психологистична» (Северные Записки. 1913. № 10. С. 174).

[3] В статье Яковенко: «...не высокое дерзание заключается в возврате к дикому и первобытному философствованию, протекавшему в суеверных и антропоморфических представлениях, а дерзость — дерзость вандалов или Герострата» (Там же. С. 175).

[4] Видимо, речь идет о корректурах статей для «Трудов и Дней», присланных Белому в Берлин. В ноябре (н. ст.) он жил в Дегерлохе (близ Штутгарта), оттуда 24 ноября переехал в Мюнхен и оттуда 30 ноября

отправился в Берлин. О причинах, побудивших скорректировать первоначальные планы и направиться из Фицнау вместо Берлина в Штутгарт, Белый сообщал в недатированном письме к Н. А. Тургеневой (вторая половина октября н. ст. 1912 г., Фицнау): «...наша связь с Фрау Полманн в Базеле *только упрочилась*. <...> Фрау Полманн зовет нас к себе в Штутгарт, обещает много нам отдавать времени и, так сказать, *репетировать* с нами то, что мы должны нести Д<окто>ру, до 25 ноября н. ст.; Д<окто>р приезжает в Мюнхен на маленький курс в 4–5 лекций. *Из Берлина ехать было бы сложно*, а Штутгарт в расстоянии 2 часов езды от Мюнхена и очень близко от Швейцарии. Кроме того, там уже нам подыскана комнатка рядом с ними и *за городом*, на горе, около леса. И вот мы решаемся ехать в Штутгарт до 25 ноября, встретиться с Д<окто>ром в Мюнхене и уже всем вместе после Мюнхена ехать» (Europa Orientalis. XIV/1995: 2. С. 324. Публ. Даниелы Рицци).

5 Отмеченные Белым фрагменты статьи Яковенко «Философское донкихотство» лишь отчасти вошли в ее опубликованный в «Северных Записках» текст; приводим их по верстке, предназначавшейся для «Трудов и Дней»: «С религиозной философией à la г. Бердяев исторически связаны тяжелые, подчас даже отвратительные воспоминания. Только до крайности развитая сила воображения способна оторвать от этой концепции те последствия, которыми она когда-то так трагично ознаменовалась. Или мы забыли уже костер Джордано Бруно, этот символ религиозного издевательства над свободой философской мысли! Или нам не памятно вырождение религиозного духа, сопряженное со стремлением философски оформить содержание религиозных верований и убивающее свободу и непосредственность религиозного переживания схоластической сухостью философски-насильственных схем! Или перед нами не живы еще все ужасы общественного существования той эпохи, однобокость и заскорузлость общественных взглядов, гнет произвола и насилия, урезанность общественных проявлений! Одних этих воспоминаний уже достаточно для того, чтобы решительно отвернуться от религиозной философии г. Бердяева и не поверить в действительность вымышленной им Дульцинеи» (С. 2). Текст «Или мы забыли уже ∾ философски-насильственных схем!» подчеркнут Белым, который сделал к нему приписку: «Или мы забыли, что мы вивисекционные „*кролики*“?».

6 Рецензия Ф. А. Степуна на «Философию свободы» Бердяева была опубликована в кн. 1 «Логоса» (М., 1911. С. 231–232).

7 Речь идет о корректуре (гранках) «Учебника ритма», предполагавшегося для публикации в «Трудах и Днях» (см. примеч. 2 к п. 235). В связи с отказом «Мусагета» от напечатания этого коллективно выработанного инструктивного текста Белый впоследствии отмечал: «Ценнейший учебничек, брошенный в пыль редакцией „Мусагета“ после моего отъезда из Москвы и не опубликованный своевременно, — укор Метнеру; ибо он лишил моих тогдашних сотрудников права на приоритет в ряде научных уточнений, а меня подвел под многолетние нарекания» (*МДР.* С. 352).

[8] К определению ритма, сформулированному в § 1 «Учебника ритма», Белый сделал свои дополнения и коррективы (выделяются здесь курсивом): «Ритм, *устанавливаемый условно*, есть чередование [тезисов и арсисов] *повышений или понижений* независимо от того, определяются ли они долготой, *краткостию* или ударяемостью *и неударяемостью. Такое определение ритма есть рабочая, вспомогательная гипотеза, а вовсе не определение догматически узаконенное*», — и добавил подстрочное примечание: «Если авторы этого § знают, что есть ритм, то я поздравляю их: определение ритма здесь есть *недопустимая смелость*» (Труды по знаковым системам. XII. С. 120–121).

267. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

16 (29) ноября 1912 г. Имение К. В. Осипова

Траханеево 16/29–XI–912.

Дорогой Борис Николаевич!

Форма Вашего последнего письма (об Яковенке) позволяет мне обратить это письмо Вам лично.

1) 1/14–XI отправлено мною очень большое письмо на имя Эллиса, в котором я даю объяснения по поводу Вашего письма о третейском суде и о передержках[1]; говорю о Ваших Арабесках[2], об их враждебном жесте, о Штейнере и о многом другом. Эллис сообщает мне, что этого письма он Вам не решился дать; прошу Вас взять у него и прочесть; я вторично не могу писать, и, право же, там ничего обидного нет; наоборот, многое из сказанного должно удовлетворить Вас[3].

2) Анна Алексеевна просила меня (в письме из Vitzenau)[4] после 20/X нов. стиля отправлять все в Берлин до востребования, что и было мною и конторою исполнено. О Штуттгарте (т. е. о перемене Вашего маршрута) Вы уведомили поздно, когда все уже полетело в Берлин. Почему же Вы удивляетесь в письме к Ахрамовичу?

3) Вашего протеста против статьи Яковенки о Бердяеве я не ожидал; что Вы найдете ее «несправедливой», не ожидал тоже; полагал, что Вы предложите зачеркнуть костер Бруно, отвратительные воспоминания, вообще всю идеологию Русских Ведомостей[5], которая мне самому донельзя претит, и все те места, где смешивается (нечаянно!) религия, суеверие, религиозная философия и сам Бердяев в одну кучу, что являет собою

смешение (недостойное Яковенки) и аналогичное смешению Бердяевым всех неугодных ему философов в кличке «рационалисты» (в чем ведь сам же Яковенко справедливо упрекает Бердяева...)[6]. Не ожидал я запрета статьи о Бердяеве уже потому, что Вы сами позволили себе ряд эксцессов против ныне Вам ненавистного кантианства[7]; я полагал, что Вы сохраните толерантность к резкой отповеди противной стороны, которая в лице Яковенки имеет своего представителя в *Мусагете*, достаточно широком, чтобы вместить и ценное в неокантианстве. Ведь о том же Бердяеве можно было бы дать еще статью в Т<рудах> и Дн<ях>. —

4) Ввиду Ваших *Арабесок* (произведения гениального и столь цельного по замыслу, что сокращать его было бы эстетическим святотатством), я, конечно, не счел бы возможным отказать Яковенке в напечатании его статьи (разумеется, с моей правкою); я предпочел бы тогда уступить Вашим настояниям и вычеркнуть Ваше имя как редактора (тем более что конкуренция статей обоих Борисов и вызванный ею конфликт между редакторами наводят на печальные размышления о цельности и целесообразности Тр<удов> и Дн<ей>); но всему делу придан был иной оборот тем протестом против Яковенки, который заявлен был Рачинским и поддержан Петровским и Киселевым. Этому протесту *в соединении его с Вашим* я уже не счел возможным не внять[8]. Решено было отклонить Яковенку, сохранить Ваше имя как редактора и (вследствие недоразумения с берлинским адресом, вызвавшим запоздание выхода №№ IV–V) выпустить тройной номер с Арабесками, может быть, оговорив их несколько от «группы сотрудников журнала». —

5) Однако конфликт усложнился благодаря тому, что Яковенко *случайно* прочел у Степпуна корректуру Арабесок (***NB:*** я строго запретил давать корректуры кому бы то ни было, кроме автора, редакторов и корректора; *полагаю*, что нарушено было это распоряжение ввиду того, что Степпун собирался в Молодой Мусагет на чтение Вашей статьи и выпросил корректуру, чтобы приготовиться к обмену мнений. Я *полагаю*, только предполагаю, ибо письмо Яковенки получил только вчера сюда в деревню и не могу знать настоящей причины нарушения установленного мною порядка). Судя по письму, Яковенко глубочайшим образом потрясен Вашим выпадом против неокантианства, что не мешает ему, однако, восхищаться формою Вашей статьи. Письмо

его — замечательно сочетанием огромного в ежовых рукавицах сдерживаемого темперамента и ярко выраженных типовых черт объективного теоретика[9]. Он указывает между прочим на то, что прежде, чем печатать Арабески, где прямо обижен Гессен, следовало бы сообщить последнему их содержание[10]. Его требования сводятся к тому, чтобы ему разрешили *в нынешнем же году* (***NB!***) в *Тр<удах> и Дн<ях>* написать большое возражение на Арабески, что иначе он выходит из Мусагета; особенно невыносимо для него оставаться в Мусагете ввиду того, что одновременно: ему отказывают в напечатании его статьи, где защищается его позиция от нападок религиозной философии, и в то же время помещают статью, где производится нападение с другой теософской позиции на его же позицию. Дальнейшее пребывание в Мусагете он считает contradictio in re*. — «Меня бы, напр<имер>, совсем успокоило, если бы *Донкихотство* мое шло рядом с *Арабесками*. Это было бы признаком того, что я могу говорить в *Тр<удах> и Дн<ях>* своим голосом»... «Мое *Донкихотство* для меня случайная статья, и я за нее совсем не держусь»... Он хочет лишь, чтобы «*Тр<уды> и Дн<и>* были трибуною, открытою для обоих течений *Мусагета*». Всего же больше его смущает Гессен, которому «еще труднее будет оставаться сотрудником»... О Степпуне ни слова. Вероятно, Степпун колеблется.

6) Выход из этого нового осложнения чрезвычайно труден. Я вижу двоякий.

I. a) Снять Ваше имя как редактора, выставив причиною дальность расстояния[11]; b) выпустить не тройной, а двойной номер (№№ IV–V); в нем напечатать Арабески; c) вслед за тем выпустить № VI с возражением Яковенки, подвергнутым моей правке.

II. a) Передать обе статьи (с Вашего согласия и с согласия Яковенки), т. е. и *Донкихотство* и *Арабески*, журналу Кожебаткина *Мнемозине***, которая их, конечно, рядышком напечатает, ни в чем

* Противоречие в существе (*лат.*).

** Кстати о Мнемозине и Кожебаткине. — С 1 декабря Кожебаткин окончательно покидает Мусагет. Все его интриги и дипломатические шаги ни к чему не привели. Я отношусь к нему по-прежнему так же, как и с первого дня знакомства. Поэтому не вижу с своей стороны ни для себя, ни для других мусагетцев препятствий для участия в его журнале, если материал туда будет поступать через Мусагет, которому должен быть предоставлен приоритет.

не сумлеваясь[12]. b) выпустить теперь же тройной номер *Тр<удов> и Дн<ей>* без Арабесок, вместо которых Вы, м<ожет> б<ыть>, успеете прислать что-н<ибудь> другое. c) Ваше имя как редактора в тройном №№№ сохранить. Так как это письмо (за отсутствием точного мюнхенского адреса) может пролежать «до востребования» несколько дней, а ждать дальше просто неприлично (уже вторая половина ноября), то (если я не получу *немедленного* ответа по телеграфу) придется остановиться на первом выходе, т<ак> к<ак> я не знаю, согласны ли Вы сотрудничать в Мнемозине и, в частности, передать туда эту свою статью. — Выход, предложенный Вами (напечатание Донкихотства с Вашим возражением) *теперь* (после протеста Рачинского против Донкихотства и протеста Яковенки против Арабесок) — не есть окончательный выход, который удовлетворил бы всех. Я попробую, когда буду в Москве на этих днях, найти в связи с Вашим предложением третий выход, но думаю, что *теперь* от возражения на Арабески Яковенко едва ли откажется. Кроме того, остается вопрос, как быть с Гессеном?

7) Не удивляйтесь тому, что сняты имена ближайших сотрудников и они проставлены в общем списке[13]. Вячеслав, вследствие неминуемого «сдвига платформы» (как он выражается), просит снять свое имя как «ближайшего»[14]; *заменить* Вячеслава Эллисом и поставить рядом Блока и Эллиса значит констатировать «сдвиг», *какой-то* сдвиг; кроме того, надо запросить Блока и поставить его в неприятное положение, если он не найдет возможным стать рядом с Эллисом вместо Вячеслава; самое лучшее снять вовсе всех ближайших сотрудников.

8) Выскажитесь определеннее за или против *Учебника ритма*. Кроме того, пришлите весь посланный Вам на просмотр материал, пожалуйста, возможно скорее.

9) Хотя Вам и прислан был сверстанный материал (ввиду весьма понятной спешности), но «психологически» это не должно было действовать на принятие Вами решения. Сверстана каждая статья отдельно, так что выбросить статью или часть статьи ничего не стоит. —

10) Соотношение ***Вами*** терминов антропоморфизма, гуманизма, символизма и религии в том смысле, как это делаете Вы в последнем письме, меня крайне изумляет; 1) это нечто новое в Вас; 2) оно *отчасти* справедливо (и для меня приемлемо — Вы

сами знаете это —), но *здесь* кажется неуместным, ибо Яковенко (конечно, гуманист и, конечно, религиозный человек и, конечно, настолько охотник, что знает неискоренимость антропоморфизма из гносеологии) снимает претензии Бердяева и потому термин антропоморфизм берет в *одиозном* смысле (есть другой и хороший антропоморфизм, см. *Мод<ернизм> и Муз<ыка>*, стр. 61–63[15]). — — — Конечно, я объясню Яковенке Ваши основания к протесту; но он за протест *только* на Вас не обидится (тем более, что я не из-за Вашего только протеста отклоняю статью); обиделся он за сочетание протеста с выпадом против неокантианства. — Кончаю пока, т<ак> к<ак> хочу сейчас же отправить это письмо. Итак, возьмите у Эллиса мое письмо и прочтите. Эллису скажите, пожалуйста, что я ему при первой возможности отвечу.

Жму Вашу руку. Ваш Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 6. Л. 28–36. Текст — в копировальной книге Э. К. Метнера.

Ответ на п. 266.

1 Имеется в виду п. 264.

2 Подразумевается статья «Круговое движение (Сорок две арабески)». См. примеч. 1 к п. 261.

3 Приводим фрагменты из письма Метнера к Эллису от 1 (14) ноября 1912 г. (РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 6. Л. 3–23), отмеченные здесь и имеющие непосредственное отношение к Белому:

7) Формулировать все, что я имею contra Steiner, нелегко, и во всяком случае теперь, сейчас я этого сделать не в состоянии, так как занят по горло. Помимо внутреннего неизъяснимого протеста, у меня протест и внешний, умственный. Штейнер — антисимволист, ибо метахимик и замаскированный материалист. О профетизме Штейнера я уже писал. Он смешивает пшеницу с мякиной. Я предпочитаю выслушать Ницше отдельно и Серафима отдельно, а не такую неразбериху. Наконец, Штейнер — не в моем вкусе. Он хуже всех немцев пишет по-немецки. Он доктринер, не будучи специалистом. Он дилетант, не будучи ницшевски-смелым. Он плохо философствует вместо того, чтобы дерзостно изрекать. Наконец, он так лишен самокритики, что считает себя художником. Все это просто невыносимо для меня. В *частности* я сейчас (повторяю) вдаваться не могу. В итоге Штейнер обскурант и потому нравится романтикам. — В то же время я считаю Штейнера абсолютно честным высоконравственным человеком, обладающим огромною оккультною силою, большою дозою ясновидения, недюжинным талантом педагога, мистагога и демагога; но он *не* для избранных, а для массы; едва ли он состоит в ордене; я, по крайней мере, весьма сомневаюсь в этом. Я думаю, что можно найти помимо Штейнера! <...>

9) Третейский суд есть единственный путь открыть глаза Бугаеву и Анне Алексеевне на всю нашу историю. Прием печальный, но мне плохо верится, чтобы возможно было избегнуть его. <...>

22) Письмо Бугаева (официально-тактически-дипломатическое) не может меня примирить с ним. Отвечать ему таким же письмом значило бы насиловать свою природу. Мы коренным образом различные с ним существа, и раз гармония между нами улетучилась, трудно рассчитывать на ее восстановление. Но работать вместе до поры до времени мы, конечно, можем. Говорю «до поры до времени» потому, что в его Арабесках (особенно в конце) наметился жест, мне интимно глубоко враждебный; в этом жесте пока антимусагетского момента нет (ибо широк Мусагет, гораздо шире и меня, и Вас, и Бугаева); но, более выразительно сделанный, этот жест *может стать* антимусагетским; это не химеризм с моей стороны, и я мог бы при свидании (в письме это трудно) Вам математически точно показать, очертить этот жест; в этом жесте есть большая доза Скрябинизма, только, конечно, без специфического придатка эротики, которая все окрашивает собою в Скрябине и от которой свободен Андрей Белый. Быть может, этот жест случайный, один из многих, последующими будет объяснен и как бы затушеван, но пока он... грозит... издалека. — В №№ 4–5 *Тр<удов> и Дн<ей>* этот жест будет парализован жестом второй статьи Wagneriana (Миф etc.) и рецензией на книгу Бердяева Яковенки. Имеющие уши, да слышат. — Скажите Бугаеву, что «психологии» для меня не существует и что я могу с ним переписываться, если он перестанет заниматься дипломатией. Далее обращаю внимание на следующие пункты:

I. Статья Арабески есть в значительной степени хвалебная статья о Штейнере (ничего не имею против, но это — факт); косвенно она штейнерьянская, ибо антикантианская с ссылками и намеками, откуда сей ветер дует. Ничего и против этого не имею, но тогда возможна и почтительнейшая критика штейнерьянского антикантианства. «Практического дела» Штейнера, конечно, касаться невежественными руками я сам никому не позволю (тут я становлюсь штейнерьянцем), но Штейнер ратует против Канта, пишет вкривь и вкось о Гёте, и это уже отнюдь не практическое дело и даже не теоретический оккультизм, а просто проповедь *своего* экзотерического мировоззрения, которое в других эзотерических сочинениях приводится в тесную облигаторную связь с высоким оккультизм<ом>. Это есть догматический индивидуализм совершенно нестерпимый. Я не настаиваю пока на помещении критических отзывов о чисто литературной деятельности Штейнера, но оставляю за собой право в случае медленного, осторожного, но неуклонного (хотя бы и косвенного) штейнеризирования столбцов *Тр<удов> и Дн<ей>* подать сигнал к мобилизации критических статей о книгах Штейнера *Гёте, Шиллер, Философия и Теософия, Очерки современного мировоззрения, Новейшая лирика* и т. п. —

II. Передержки в письмах Бугаева я, как уже говорил, считаю главным образом явлением выпадения памяти вследствие не совсем нормального состояния. Умысла я не хочу видеть в этих (для меня все-таки обидных)

искажениях фактического. Слово ложь («лгать нечего на меня») произнесено мною только однажды и притом по поводу действительно глубоко обидному для меня: именно и Вы и Бугаев неоднократно (и несмотря на все мои протесты) обвиняли меня в том, что я сужу о Штейнере по двум брошюрам, что я не читал Geheimwissenschaft (это — Вы: на основании неразрезанных листов моего Вами увезенного экземпляра; я читал по экземпляру Сабашникова) и т. п. И вот только к этому обвинению (страшно обидному) в легкомыслии и верхоглядстве (это меня, педанта!) я пришпилил слово ложь. — Бугаев делает ряд выписок из моих писем и фразу «лгать нечего на меня» с частного случая распространяет на все (pars pro toto* — прием поэтический, но в данном случае он более чем неуместен). <...>

V. Что касается первой статьи Бугаева, то, каюсь, я не разобрался в ней; вторая же *Арабески* (несмотря на «жест») мне страшно понравилась; местами она прямо гениальна. —

В приведенном тексте Метнер упоминает свою статью «Наброски к комментарию» («I. Предварительные замечания», «II. Миф, мистерия, символ и мистика») в рубрике «Wagneriana» в «Трудах и Днях» (1912. № 4/5. С. 23–37). «Первая статья» Белого — «Линия, круг, спираль — символизма» (см. примеч. 1 к п. 264).

[4] См. примеч. 25 к п. 260.

[5] «Русские Ведомости» — московская ежедневная газета, издававшаяся в 1863–1918 гг., орган либеральной интеллигенции.

[6] Эти сомнения и претензии Метнер изложил Яковенко, о чем свидетельствует письмо последнего к нему (Лианозово, 18 октября 1912 г.): «Когда я перечел свою статью о Бердяеве, то почувствовал, что не знаю, как внести те видоизменения, о которых Вы говорили. Дело в том, что я в тексте неоднократно подчеркиваю свое отношение к религии, постоянно оттеняю, что Бердяев нарушает не только философию, но и религию, которая должна быть свободна от философствований и всяческих интеллектуальных надстроек. <...> Я внес еще несколько фраз, но больших изменений сделать не умею (хоть и очень хочу). <...> если хотите, напишу примечание, в котором скажу, что религии не отрицаю и что антирелигиозный характер моя статья приобретает только в силу внешнего полемического устремления против псевдо-религиозности Бердяева. Засим буду очень рад, если Вы сами найдете возможным что-нибудь изменить» (РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 63).

[7] Речь идет об интерпретации Канта и кантианства в статье «Круговое движение».

[8] Упоминая о протесте упомянутых «мусагетцев» против статьи Яковенко в письме к В. Ф. Ахрамовичу от 16 (29) ноября 1912 г., Метнер добавлял: «Их протест против статьи о Бердяеве я считаю вполне законным

---

* Часть вместо целого (*лат.*).

и уважительным» (РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 6. Л. 25–26). Ср. сообщение в письме Яковенко к Метнеру от 20 ноября 1912 г. о встрече с Г. А. Рачинским: «Из разговора с ним выяснилось, что „Донкихотство“ не идет потому, что „не подходит к программе журнала“. А не подходит в нем, главным образом, отрицание возможности религиозной философии. Это значит, что статья моя отклонена на *принципиальном* основании» (РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 63). 16 (29) ноября 1912 г. Метнер писал Яковенко: «Ваша статья отложена не на основании запрета Бугаева (ибо в видах справедливости я решил было поместить обе статьи, и Вашу и Арабески, в одном номере), а вследствие протеста других членов Мусагета. Уступая последним, я дам Вам возможность реваншироваться ответной статьей в № VI Тр<удов> и Дн<ей>, который выйдет вслед за №№ IV–V, в декабре; если же перерешу, то и Арабесок не напечатаю вовсе» (РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 6. Л. 27). Статья Б. В. Яковенко «Философское донкихотство» была опубликована в журнале «Северные Записки» (1913. № 10. С. 169–181), переиздана в кн.: Сервантес: Pro et contra. Дон Кихот Сервантеса в русской мысли. Антология / Сост. В. Е. Багно. СПб., 2011. С. 823–838.

[9] В этом письме к Метнеру от 13 ноября 1912 г. Яковенко заявлял: «Можно ли мне, как *представителю* кантианства <…>, как писателю, всюду подчеркивающему его основную и принципиальную правоту, и, можно сказать, его проповедующему, — так можно ли мне быть сотрудником (близким) такого органа, одна из статей которого именует все неокантианское движение „идиотством“ и вообще издевается над ним? <…> для меня, как представителя кантианства, не было бы нисколько несоответственно оставаться сотрудником „Тр<удов> и Дн<ей>“ и при наличности данной статьи Белого, если бы я, как кантианец, имел голос в журнале, т. е., если бы на меня не накладывалось veto. — Говоря конкретнее — если бы я мог ответить Белому и в столь же резкой и презрительной форме, в какой охотится он на неокантианца. — Т. е. если можно считать „Тр<уды> и Дни“ трибуной, открытой одинаково для *обоих* течений. <…> Итак, могу ли я надеяться на то, что буду допущен до выступления против Белого — и не тогда, когда Белый, возможно, устранится, а теперь, когда он является редактором?

То, что Белый наложил запрет на „Донкихотство“, есть признак отрицательный. Тем скорее он наложит запрет на полемику против него.

Как же тут быть!..

Меня бы, напр<имер>, совсем успокоило, если бы „Донкихотство“ мое шло рядом с „Афоризмами“ Белого. <…> Но „Донкихотство“ отложена ввиду протеста Белого… Предполагается предложить ему разбивать его по пунктам. Но мне-то можно будет в след<ующем> № (и непременно еще тогда, когда Белый — редактор) разбить его нынешнюю статью по пунктам? <…> Его статья, сама по себе, мне *понравилась*. Мое *„Донкихотство“* для меня случайно, и я за него *совсем не* держусь… Но, ведь, будет нелепо и необъяснимо <…>, если Белый будет ругать дорогое мне в органе, с которым я тесно связан, я же не буду в состоянии защищать это

дорогое мне и ругать Белого» (РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 63). В письме к В. Ф. Ахрамовичу от 16 (29) ноября 1912 г. Метнер всецело солидаризировался с доводами Яковенко: «Считая Яковенко очень большою ценностью и не желая расставаться с ним, я непременно помещу его возражение в № VI, хотя бы помещение этого возражения разрушило самый Мусагет, ибо на фанатическом догматизме и несправедливости основанное мною издательство покоиться не должно. Бугаев, не разрешая *Донкихотство* и предлагая *Арабески*, поступил как непримиримый в своей экокоммуникативности сектант. <…> Надеюсь, что в данный тяжелый миг поймут, что личные симпатии к гениальному милому, но беснующемуся Бугаеву должны уступить справедливости и принципу толерантности, без которых Мусагет я себе не представляю» (РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 6. Л. 25–26).

[10] В письме от 13 ноября Яковенко отмечал: «Лично я думаю, что в еще более резкой форме этот вопрос должен встать перед Гессеном… Ему еще труднее будет оставаться сотрудником». В тексте статьи «Круговое движение» имя С. И. Гессена не фигурирует, но улавливается определенный нелицеприятный намек на него.

[11] В тот же день Метнер писал о прекращении редакторских полномочий Белого как вопросе решенном В. Ф. Ахрамовичу: «От редакции надо <…> объявить об уходе Бугаева как редактора ввиду затруднительности „действия на расстояние“»; также — в письме к Яковенко: «Выход Бугаева как редактора *Тр<удов> и Дн<ей>* решен, и об этом будет заявлено в №№ IV–V, причем причиною выхода будет выставлена невозможность руководить журналом из заграницы».

[12] Журнал под указанным названием не состоялся. Ему предшествовал другой неосуществленный замысел: в письме к М. К. Морозовой от 19 июля 1912 г. Метнер сообщал, что Кожебаткин «будет <…> издавать Библиографический журнал» (РГБ. Ф. 171. Карт. 1. Ед. хр. 52 б).

[13] В объявлении о подписке на «Труды и Дни» в № 1–3 за 1912 г. указывалось, что новый журнал выходит «при ближайшем участии Александра Блока и Вячеслава Иванова»; в № 4/5 за 1912 г. был дан общий алфавитный перечень «ближайших участников» (25 имен) и указан один редактор — Эмилий Метнер.

[14] В письме к Метнеру из Рима от 2 (15) ноября 1912 г. Вяч. Иванов аргументировал свое решение неприятием «штейнерианского» уклона в «Трудах и Днях», который стремились проводить Белый и Эллис: «К доктору Штейнеру не скрываю своих симпатий (симпатий скорее интуитивных, чем рациональных). „Штейнерианство“ этих симпатий, напротив, во мне не возбуждает; разумею движение на Западе. Но что такое штейнерианство Белого и Эллиса, опять-таки вовсе еще не знаю. Символизм же мешать с штейнерианством не хочу. <…> Во всяком случае, в идейные авантюры я не пущусь и ответственность за модификацию символических учений в теософическом смысле нести не хочу. Этим объясняется мой выход из *ближайших* сотрудников» (Вопросы литературы. 1994. Вып. III. С. 291. Публ. В. Сапова).

[15] Метнер отсылает к своему рассуждению о «коллективистической тенденции», которая «толкает как раз сильнейших индивидуумов к постепенному расширению площади относительной объективности»: «Часто в тот момент, когда эти избранные, одинокие воображают себя действующими исключительно субъективно, они действуют наиболее нормально-антропоморфично, т. е. с наибольшею относительною объективностью. Тем же антропоморфизмом окрашены, конечно, и знания человека о природе». К слову «антропоморфизм» Метнер делает уточняющее примечание: «Конечно, есть и „дурной“ чрезмерно наивный антропоморфизм, не сознающий себя таковым» (*Вольфинг.* Модернизм и музыка. С. 62).

268. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

17–20 ноября (30 ноября — 3 декабря) 1912 г. Имение К. В. Осипова

Траханеево на Клязьме 17/30–XI–912.

Дорогой Борис Николаевич! Только что отправил Вам München Hauptpostlagernd большое заказное письмо[1] и вот сегодня сажусь писать Вам дальше, хотя это и убой драгоценного для меня теперь (лично) времени. Но не могу молчать! Помимо всех внешних недоразумений, в которых продолжаю считать себя невиновным (что берусь точнейшим образом доказать), обнаруживаются несогласия принципиальные. Вы сами восклицаете: «Мы глядим в диаметрально противоположные стороны»…[2] Когда-то мы глядели в одну сторону, на те же зори и сражались у оврага с теми же врагами, защищая серебряный колодезь[3]. М<ожет> б<ыть>, я и остановился в своем развитии… Ведь я старше Вас и раньше должен кончить «эволюцию»… Но видит Бог, я смотрю все туда же, так что «противоположная сторона» явилась от Вас и для Вас; вероятно, и раньше (в 1903 г. — Теургия; в 1907 г. — Против Музыки…[4]) иногда бывало, что лучи нашего зрения расходились не надолго… Но теперь это словно фиксируется… Эта фиксация связана, м<ожет> б<ыть>, с личным раздором; я хочу сказать, что последний облегчает Вам (морально) выявление наших принципиальных разногласий, которые раньше Вы старательно ретушировали во имя личной дружбы; очень жаль, что принципиальное беспощадно не разграничивалось в период тесной дружбы; житейская мудрость велит поступать обратно: во время слития душ искать различие в духовном; во время

душевного взаимоотталкивания не выдвигать духовного несогласия, а скорее цепляться за то, что соединяет две души в духе; иначе получается «эмоциональность» на высшем плане, которая профанирует последний. К сожалению, так как мы связаны общим делом, нас обязывающим перед обществом, так как Вы успели уже внести в работу над этим общим делом элементы, нас с Вами разделяющие, и внесение это аккомпанирует у Вас весьма прозрачною в своей отрицательности эмоцией, то я, уповая на остаток Вашего личного расположения ко мне и на факт затишья наших личных и чисто деловых схваток, решаюсь со всею осторожностью и добродушием, на кот<орые> только способен, коснуться принципиального. —

Когда Шпет («просто умный человек», как его назвал Эллис) появился в Москве[5], он очень скоро выразил свое удивление, что два столь различных человека, как Вы и я, связаны столь большой дружбой. Мне это передала Елена Михайловна, жена Кали[6]. — Конечно, мы очень различны, но тем ценнее и плодотворнее должна была бы явиться наша дружба. — Вы часто говорили и писали мне, что многому научились от меня; конечно, я научился у Вас еще большему, нежели Вы у меня. — Но если бы мы захотели точнее определить, чему именно мы друг у друга научились, мы не смогли бы. Но... тем ценнее результаты взаимного нашего обменного обучения... Теперь как будто пора этого взаимоучения прошла и началось какое-то взаимо*му*чение... Надо и с этим покончить. Поэтому надо, забыв личную рознь, спокойно размежеваться в основных принципах. —

«Ты куда? Остановись, обернись» так не раз взывал и я «к благоразумию». Но так взывает с «черным хохотом» — «компания нибелунгов»[7]. Следовательно, по-Вашему я — нибелунг[*].

* * *

«В духе — не улыбаются, а вопиют, взывают, глаголят»[8] — — — Но почему? Потому что не могут справиться с «душевностью»; вопиют «в духе», но не вопиет «дух». Не только Христос не вопил, но и Ницше и Гёте и Беме в высочайшие моменты

[*] *Фраза приписана карандашом.*

не вопили, а «улыбались». Христос почти всюду «улыбчив». Главным же образом «вопят в духе», когда γλωσσαιλαλειυ* форсируется через искусственное импульсирование; «духи пророческие», говорит ап. Павел, — «послушны пророкам, потому что Бог не есть Бог неустройства, но мира»[9]. Не бушующие вопли ценны, а кроткая учительная струя; вопить надо в одиночестве, выжидая, когда все стихнет, и тогда — говорить. Конечно, если речь — на высшем плане.

* * *

«Тишайшие слова суть те, что приносят бурю. Мысли, которые приходят на голубиных лапах, управляют миром» (Тихий час. Т<ак> г<оворил> Заратустра)[10]. «Поразило и Ницше мировое вращение» (XXVI арабеска — как вывод А. Белого)[11].

?

Неокантианство — — — как паллиатив против порнографии! Я слишком мало учен, чтобы защищать неокантианство. Не «черт возьми Риккерт»[12], которого призывает на помощь чуть ли не каждая страница *Символизма*![13] Надоел — мы подымаемся ввысь, идем по спирали (т. е. эволюционируем в пустоту); долой круг — — — этот символ творческой законченности! Правда, немногие умеют выковывать кольца (умел это Вагнер); сомкнутие круга в Аверченке и в мантике[14] доказательство не негодности круга, а только кружащихся; горе тем, кто начал Аверченкой; quod <ab>initio vitiosum est, non potest tractu temporis convalescere** — говорили непроизвольно-символично римские юристы.

Арабески 35-ая, 36-ая и т. д. до конца особенно выявляют жест и его характер и его направление. Он характерен, этот жест, в типично-«скрябинских» словах: «остается Заратустру отвергнуть… стать тем, кого ждал Заратустра»[15], и направлен он против стоящих с мечом у ковчега (который объявляется бюстом и переплетом[16], чем именно впервые и совершается «мерзость запустения») и против ходящих на ногах (двух ногах!),

---

* Глоссолалия (*греч.*).

** Что порочно с самого начала, то не может быть исправлено течением времени (*лат.*).

предпочитающих лучше спотыкаться на своих на двоих, нежели быть уносимым по спирали неведомо кем, нежели заноситься ввысь, рассматривая ковчеги, как ступени.

Не осуждаю я того, кто «неуклонно восходит»[17], но думаю, что это уже — сверхкультурно; культурное же творчество именно в борьбе, именно в охране, именно в оценке. И я — «оценщик только оценщик»; но полагаю, что в моих оценивающих суждениях, которые охраняют и нападают (даже на Чандалу[18] — — — и черная работа — почтенна), все же больше «творчества», чем в плохих стихах, картинах и композициях... К зачумленным прикасался Наполеон и тем бил по чуме; чумным не стал, а убил чуму, ибо поднял дух зачумленных... Вот почему «мы так делаем» (арабеска XXXV)[19], предоставляя белоручкам спиралить на космическом дирижабле, внимая пленительному для них зову времени. Кто же рискует при этом без возврата и кто не боится умереть — покажет время. —

Арабеска XXXVII содержит точку на i: — — — «мы же голубя гоним», мы — «культуртрэгеры»[20]; гонение голубя — мой сон, который я неосторожно рассказал; «культуртрэгер» — мой титул с 1907 г. (см. журнал «Перевал», ответ Белого на статью Вольфинга «Борис Бугаев против Музыки»)[21].

Не «мирового» я «испугался»[22], а плохих стихов Штейнера, в которых выражен «зов времени»[23]. Старая штука — этот соблазн космическим полетом.

In dem wogenden Schwall* ∪∪–́∪∪–́
In dem tönenden Schall ∪∪–́∪∪–́
In des Welt-Athems ∪∪–́–́∪
Wehendem All, — –́∪∪–́
    ertrinken, ∪–́∪
    Versinken, — ∪–́∪
    Unbewußt, — –́∪–́
    Höchste Lust![24] –́∪–́

---

* / — полуударение, –́ — целое ударение; за точность ∪ — не ручаюсь, это — спорно. (*Примеч. Метнера*).

Этот, черт возьми, Вагнер, по-видимому, лучше прослышал о зове. Да и Гёте обладал хорошим слухом (но не на все зовы шел, NB!); так он однажды запел совсем по-вагнеровски:

Ewiger Wonnebrand ∪∪∪–́∪–́
Glühendes Liebeband, ∪∪∪–́∪–́
Siedender Schmerz der Brust, ∪∪∪–́∪–́
Schäumende Gotteslust! ∪∪∪–́∪–́
Pfeile, durchdringet mich, –́∪∪–́∪∪
Lanzen, bezwinget mich, –́∪∪–́∪∪
Keulen, zerschmettert mich, –́∪∪–́∪∪
Blitze, durchwettert mich, –́∪∪–́∪∪
Daß ja das Nichtige –́∪––́∪∪
Alles verflüchtige –́∪––́∪∪
Glänze der Dauerstern, –́∪––́∪∪
Ewiger Liebe Kern[25]. –́∪––́∪∪

Беру первое, пришедшее в голову. А Новалис!! И вдруг гора из 37 арабесок, мечущих гром и молнию на бедных профессоров философии (на бедного прилежного Гессена, у кот<орого> не растет борода)[26], на культуртрэгеров и занимающихся очищением авгиевых конюшень нашего антимузыкального, но зовущего и *вопиющего* (в обоих смыслах) *времени*, гора афоризмов, пригибающих гордую выю Ницше, дабы, встав на нее, можно было карабкаться по спирали дальше, эта гора родила мышь в виде строф Штейнера, в которых нет ни единого стиха, ибо это — полное отсутствие и ритма и рифмы — но зато изложено «общее» космическое «место», много раз спетое другими с подлинным вдохновением.

Если это — не проповедь штейнерьянства, то… тогда… это — неудачно законченная, хотя и гениально-дерзновенно начатая очередная статья для журнала, посвященного вопросам культуры.

Одним из основных наших принципиальных разногласий было и останется то, что, по-моему, надо вопить и брыкаться, когда речь идет об искусстве, науке, о пред- и предпредпоследнем, о Последнем надо или молча улыбаться, или, улыбаясь, спокойно и властно говорить. Я и Ницше не люблю там, где он вопит о Последнем; по-Вашему — наоборот: «любимые в охране

не нуждаются»; «нападение на подножие есть падение»; «бить по чуме — стать чумным»; но о Последнем возопием дальше (что значит дальше?) «мы должны проклять Заратустру» — любимого (а не защищать его); должны его превратить в «подножие»; «стать дерзновеннее самого Заратустры»[27]; по-моему: надлежит быть активным в жизни и для жизни здесь и о здешнем; и пассивным в ожидании конца; борьба в первом и упование в последнем.

«Закованный рыцарь застыл движением»[28]. Вероятно, один из тех «толстокожих трехаршинных рыцарей», о которых мне писала Анна Алексеевна[29]. Но я предпочитаю остаться застывшим и толстокожим, чем скользить по спирали.

Вы говорите о своем «расхождении с современностью»[30]. Напрасно: Вы становитесь все современнее и современнее. Не разумеете же Вы под современностью только Аверченко, порнографию, неокантианство. Но Штейнер, но космический скрябинизм, но спиральные элеваторы духа, но преодоление во что бы то ни стало — все это современно и все это то в прекрасных благородных, то в уродливых и нечистых формах отвечает духу времени.

Эллис пишет мне замечательные письма; очевидно, он опять на пороге какой-то «переоценки»; я очень рад и заинтересован; что будет дальше. Хоть бы раз мне удалось тоже что-нибудь решительно переоценить. Говорю это без иронии. — — — Вероятно, оттого я отчасти и Napoleonträger*, «будучи чем-то» от него; это что-то — любовь к монументальности и неуменье переоценивать.

Если Вы действительно собираетесь писать о Коле[31] (который тоже не умеет переоценивать), то напоминаю Вам, что дал Вам статью Сабанеева[32] (для доказательства от противного) и некоторые ориентировочные мысли и что Вы сами некогда сделали выписки из рецензий, кот<орые> взяли у отца. С Вами ли они? Судьба сборников еще в воздухе[33], но если у Вас сама собою напишется статья, то она может быть напечатана и в *Тр<удах> и Дн<ях>*.

* Представитель Наполеона (*нем.*).

Если увидите Эллиса, то сообщите ему то же самое по поводу статьи о Коле; я ему также дал те же ориентировочные мысли.

Если хотите — покажите Эллису это письмо. А сами не сердитесь на него и не упрекайте меня в химеризме, ибо Вы сами знаете (или не знаете), что в Арабески вплетены видимо и невидимо наши принципиальные расхождения.

Ваш Э. Метнер.

P. S. Привет Анне Алексеевне.

P. S. 20–IX / 3–XII 912. Сейчас перечитал письмо и вижу, что отрывочность его может возбудить недоразумение относительно круга и спирали. Дело в том, что я не стою ни за круг, ни за спираль. Защищал же частичную правду круга, как творческого кольца, и нападал на спираль, символизирующую в конической форме некоторую эволюцию и конец, если конус стоит на основании, или то же вечное возвращение, если (что уродство) конус стоит на вершине; символизирующую ту же эволюцию в пустоту неизвестности, если спираль цилиндрическая. Дело не в стереометрических символах, а в принципах мировоззрения и в ритме мироощущения. М<ожет> б<ыть>, Вы и правы со своею спиралью (кто это может проверить), но *как* Вы проводите свою правду, все, что создается вокруг этого проведения, в этом именно и заключается наше принципиальное и ритмическое разногласие. — — — Бобров предлагает свой перевод *Сезона в Аду* Римбо[34]; книжка небольшая; гонорара не требует; но мне не понравилась эта вещь; т<ак> к<ак> я французов и не люблю и не понимаю, то, запрашивая Вас и Эллиса, поступлю сообразно с вынесенным Вами отзывом. Напишите, присылать ли рукопись или Вы знаете эту вещь и решите так, без нее. Ваш Э. М.

P. P. S. Не могу удержаться, дорогой Борис Николаевич, чтобы не спросить Вас как Вы толкуете ныне 19-ый афоризм из *Нечто о мистике* (*Тр<уды> и Дн<и>* № II)[35]. Или я больше ничего не понимаю (а, м<ожет> б<ыть>, и никогда ничего не понимал), или для Вас теперь этот афоризм должен звучать так, как если бы его написал кто-н<ибудь> другой. И куда теперь девалась «иллюзия Ницше» — «иллюзия Апокалипсиса»? И не похожа ли

«воронка Мальстрема» на конус, образуемый спиральным вращением?[36] А все рассуждения на тему «In deinem Denken leben Weltgedanken»* на «бум, бум» (см. афоризм 13-ый из *Нечто о мистике*)?[37] Теперь я Вашими словами скажу о Вас. Андрей Белый «не понял, что старое и новое раздельно не существуют в категории времени; есть одно: старое и новое во все времена» (аф<оризм> 10), «Не преодолевать призваны мы; мы призваны сказать *стой* всяческому преодолению. Всякому глубиннику, специалисту по падению в им новооткрытую бездну должны мы сказать etc.» (аф<оризм> 11)[38]. — Не обессудьте: судебный следователь продолжает исполнять свою обязанность.

Ваш Э. Метнер.

P. P. P. S. Целый ряд обстоятельств, дорогой Борис Николаевич, вынудил меня к тому, чтобы задержать отправление этого затянувшегося письма, прибавив к нему новый постскриптум.

1) Сообщаю Вам новое, на этот раз окончательное решение вопроса о выходе *Тр<удов> и Дн<ей>* в связи с конфликтами по поводу Ваших Арабесок и статьи о Бердяеве. Опуская все последние перипетии, формулирую: решено

a) Снять Ваше имя как редактора (объяснив невозможностью редактировать издалека, да еще при частых переездах)[39].

b) Выпустить №№ 4–5 отдельно (двойным) и вскоре вслед за ним № 6-ой, чтобы в нем могли быть помещены новые статьи: Ваша, Вячеслава, Эллиса[40].

c) Поместить полностью Ваши *Арабески*, а затем сейчас же после них открытое письмо Степпуна на Ваше имя, подвергающее Ваши Арабески весьма почтительной, очень доброжелательной, но основательной (во многом) критике[41]. В прошлом письме я упомянул, что Степпун колеблется. Его колебания были в зависимости от удачи написания ответа Вам. Ответ одобрен Рачинским, Киселевым и мною. Ответ, по мнению Степпуна, удовлетворит Гессена, кот<орого> Степпун берется умаслить. В VI № Вы можете отвечать Степпуну[42]. В VI же № может быть помещен и ответ на Арабески Яковенки[43] и других, кто пожелает. Так<им> обр<азом>, VI номер, выходящий отдельно, — необходим. Мое

* В твоем мышлении живут мысли вселенной (*нем.*).

предположение (в прошлом письме) относительно того, как попали корректуры Арабесок к Степпуну, оказалось верным. Обстоятельство, что Арабески были прочтены в заседании Молодого Мусагета, является формальным основанием к тому, чтобы открытое письмо Степпуна было помещено в одном номере с Арабесками. Впрочем, помещение этого письма в том же номере есть conditio sine qua non* дальнейшего сотрудничества логосцев в *Тр<удах> и Дн<ях>*.

d) Снятие Вашего имени как редактора (явно неизбежное) не означает, однако, что с Вашим мнением не будут считаться. В частности, прошу ответить решительнее об учебнике по ритму[44] и возвратить немедленно (пожалуйста) все остальные статьи, имеющиеся у Вас на просмотре. Иначе VI номер тоже опять запоздает. —

2) Ваше последнее деловое письмо Ахрамовичу[45] содержит целый ряд пунктов, кот<орые> он и доложил мне. Отвечаю только на один, ибо остальное считаю или само собою разумеющимся, или просто странным недоразумением. Впрочем, и этот один пункт, строго говоря, тоже недоразумение. Сначала я был против Вашего отказа от редактирования журнала; всякий выход такой является более или менее скандалом; Вы как литератор это должны понять; произнося слово «скандал», я и в мыслях не имел упрекнуть Вас в желании скандальничать, хотя и имел основание думать, что причиною отказа является *не только* дальность расстояния; я просто тогда *пока* не видел оснований к Вашему уходу; теперь вследствие конфликтов со статьей Яковенки[46] и Арабесками Ваш отказ приемлем. С этими моими соображениями соглашались и Рачинский и Киселев. Упор Ваших Арабесок в Weltgedanken Штейнера и призыв услышать «зов времени», конечно, превращают Ваше штейнерьянство, которое Вы называете Privatsache**, в Gemeinsache***; *все* это так и принимают; первый Вячеслав, кот<орый> просил снять свое имя, как ближайшего сотрудника[47]. Дорогой Борис Николаевич, ведь Вы же не умеете или не хотите прятать от всех свои Privatsachen; так было всегда!

---

* Необходимое условие (*лат.*).

** Частным делом (*нем.*).

*** Общее дело (*нем.*).

3) На письмо Анны Алексеевны[48] я отвечу другой раз; упоминаю здесь о нем потому, что один пункт письма связан с главным содержанием этого моего письма. Я хочу сказать по вопросу о личной задетости. Всякий непредубежденный человек, прочтя все мои письма к Вам (и зная мое отношение к Вам), сказал бы: Эм<илий> Карл<ович> нападает на Бор<иса> Ник<олаевича> за то и за это, и это «то и это», вполне конкретное, им, Эм<илием> Карл<овичем>, ясно формулируется и доказывается. Т<ак> к<ак> эти нападения вызваны деловыми отношениями, то Бор<ис> Ник<олаевич> может и обижаться, но не вправе видеть в этом нападении желание обидеть. Прочтя же Ваши письма (начиная с того, которым открылась кампания; ибо Вы первый напали, и притом безо всякой причины[49]) и познакомившись со всеми обстоятельствами дела, такой непредубежденный человек должен сказать, что, и нападая и защищаясь, Вы почти все время оперировали продуктами Вашего воображения, кроме того, нападали уже прямо лично и из личных соображений. Вот почему ведь я и заговорил о третейском суде. Можно разбить голову об стену, читая Ваши письма. Остается поэтому смешной, правда, в нашем-то быту выход: третейский суд! Так вот приблизительно то же самое и с Вашими Арабесками. ***Не*** увидеть в Арабесках личных намеков, значит быть слепым! Портрет Гессена нарисован мастерски двумя-тремя штрихами. Его *все* узнали. Мой сон о Голубе, рыцари, защищающие бюсты, культуртрэгерство[50] и т. п., все это по моему адресу. Неужели мы все химеристы. Я на Вас вовсе не в обиде, но отрицать направление Вашего жеста на определенных лиц — смешно. Не увидеть в Арабесках защиты своей новой Privatsache тоже смешно. Итак, и здесь (конечно, с высокой точки зрения м<ожет> б<ыть> и вполне правильное, даже святое) опять нападение лично и из личных соображений. Когда я нападаю в своей книге *Мод<ернизм> и Муз<ыка>* на многих, то делаю это открыто, цитирую противника, иногда называю его имя и нападаю, только защищая дорогие мне бюсты. Вот почему попутно огульно и голословно опрокидывать целые течения, которые прекрасно могут двигаться себе дальше, не мешая устойчивости защищаемых мною бюстов, я не стал бы. Вы же обрушиваетесь на все кантианство (кот<орое> защищали

несколько месяцев тому назад) только потому, что штейнеровская вода крещения смыла с Вас кантианство и что последнее прямо ненавистно Штейнеру. (Читаю сейчас еще одну книгу Штейнера, где ему приходится касаться Канта[51], и то краснею со стыда, то негодую при каждой странице). —

4) Ваши заметки на полях присланных Вам корректур прочел с большим интересом и весьма тронут лестными отзывами о Wagneriana[52]. Но удивляюсь, что многое там для Вас приемлемо после того, что Вы высказали в Арабесках. Я кладу оружие и отказываюсь спорить с Вами на эту тему письменно. Мой мозг не вмещает подобных противоречий. Мое мнение о Ваших Арабесках Вы знаете, и то, что я восхищен очень, и то, что я лично вовсе не задет (хотя и признаю, что камешек брошен в мой огород), и то, что почти во всем несогласен с Вами. Но ввиду Ваших отметок к Wagneriana я смущен, и прошу поэтому принять все мои вышеизложенные замечания к Арабескам как плод моих недоумений. Недоумений*, но не *химер*. Так и знайте, письмо, в котором я прочту слово химера, черт попутал, бес расстояния, демон переписки и т. п., я не дочитываю до конца и оставляю без ответа. Кроме того, если я услышу, что Вы или Анна Алексеевна продолжаете упрекать и подозревать меня в химеризме, я решительно потребую третейского суда. —

5) Последний пункт, который спешу Вам сообщить, — следующий. Вы получили от Блока письмо относительно Вашего романа[53]. Имейте в виду, что факт основания издательства *Сирин* Терещенки первостепенной важности. Отец мой сказал, что Терещенко обладает многими миллионами. Мой искренний совет согласиться на предложение Терещенки, который, конечно, выкупит Ваш роман у Некрасова, не станет Вас погонять и ставить Вам условия и заплотит Вам больше, чем Некрасов. Кроме того, Мусагету совсем уже не обидно будет, что Ваш роман печатается у Терещенки, т<ак> к<ак> это не маленькое издательство, конкурирующее с Мусагетом, вроде Некрасова. Вообще имейте в виду, что Терещенко намеревается монополизировать всю ценную русскую литературу. Блок уже ушел к нему. Брюсов также. Сологуб

* Право недоумевать я мог бы тоже доказать еще подробнее, нежели это сделано в упомянутых замечаниях. (*Примеч. Метнера*).

(кажется) также[54]. Но Терещенко, по всей вероятности, — эклектик (я говорю на основании слухов, надеюсь, что на этот раз буду свободен от упреков в сплетне); ядра он не создаст, или, во всяком случае, надо помешать ему создать ядро. Надо *так* размежеваться Мусагету и Сирину. Пусть Сирин издает все сочинения всех крупных писателей, но пусть он только останется издательством, а не литературным сообществом. Пусть он отымет у Мусагета Блока, Вас, Вячеслава, но отымет Ваши печатные труды, Ваши рукописи, но не Ваши души. Печатание сочинений сотрудников *Мусагета* в *Сирине* будет тогда только выгодно Мусагету. Теперь выслушайте, пожалуйста, мое мнение о том, как *Вам* следовало бы отнестись к дальнейшим (помимо романа) предложениям *Сирина.* Если Вы получите предложение издать *собрание Ваших сочинений*, то Вы дайте свое решительное согласие, но под тем непременным условием, чтобы *Мусагету*, по отн<ошению> к которому у Вас обязательства, был вполне возмещен наносимый тем ущерб. Напишите тогда Терещенке, чтобы он сам снесся с *Мусагетом* и по окончании переговоров уведомил Вас о сумме гонорара, который он может Вам предложить. Если Вы будете с ним вести переговоры помимо *Мусагета*, то от этого только проиграете, т<ак> к<ак> то, что *Мусагет* будет дорожиться Вами, только подымет сумму гонорара Вам и даст Вам в то же время возможность перестать себя считать денежным должником *Мусагета.*

Вот и все пока. Прибавлю только, что 1) тогда и *Пут<евые> Зам<етки>* могут быть напечатаны у Терещенки; 2) *отдельно* ему стихов Ваших не продавайте и скажите, чтобы он обратился в Мусагет, т<ак> к<ак> Вы и стихи и симфонии уже обещали.

Дорогой Борис Николаевич! Я не теряю надежды, что Вы поймете, что так дальше нельзя. Я устал. Больше не могу ни спорить, ни писать. Если Вы не понимаете меня, не способны признать, что мое положение совершенно отчаянное, что не могу же я, ясно видя, в чем прав, ясно видя, что и впредь не застрахован от Вашей нервности, дальше вести *Мусагет.* Иногда мне прямо хочется, чтобы *Сирин* взял и съел всё и всех. И оставили бы меня в покое. Вы видите, что я вконец опустошен. Избавьте меня от необходимости писать Вам неприятные для нас обоих вещи. Тогда, может быть, я и смогу вернуться к Вам. Ваш Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 6. Л. 37–60. Текст — в копировальной книге Э. К. Метнера.

[1] Имеется в виду п. 267. См. примеч. 3 к п. 266.

[2] Цитата из письма к В. Ф. Ахрамовичу (см. п. 266).

[3] Обыгрывается название имения Бугаевых.

[4] См. п. 47, п. 138, примеч. 2, 6, п. 141, примеч. 4.

[5] Г. Г. Шпет переехал из Киева в Москву в 1907 г., был прикомандирован к Московскому университету.

[6] Е. М. Метнер (урожд. Братенши), жена К. К. Метнера и сестра А. М. Метнер.

[7] Цитируется 7-я «арабеска» статьи Белого «Круговое движение»: «...когда мы поем, нам вдогонку летит черный хохот компании нибелунгов: „Ты куда? Остановись, обернись!“» (Труды и Дни. 1912. № 4/5. С. 54). Видимо, подразумевается «бешеный хохот» нибелунга Альбериха в четвертой сцене оперы Р. Вагнера «Золото Рейна». См.: *Вагнер Рихард.* Кольцо нибелунга: Избранные работы. М.; СПб., 2001. С. 83.

[8] Цитата из 24-й «арабески» «Кругового движения» (Труды и Дни. 1912. № 4/5. С. 64).

[9] 1 Кор. 14: 32, 33.

[10] Цитата из главы «Самый тихий час» части 2-й поэмы «Так говорил Заратустра» (см.: *Ницше.* Т. 2. С. 106). Белый развивает тему «тихого часа» Заратустры в «арабеске» 25-й «Кругового движения» (Труды и Дни. 1912. № 4/5. С. 66).

[11] Приведен искаженно весь текст 26-й «арабески» (Там же); у Белого: «мозговое вращение».

[12] В 29-й «арабеске» той же статьи описывается звон некой головы-циферблата: «Шесть! Черт возьми — Риккерт!..» (Там же. С. 67).

[13] Подразумевается книга статей Белого «Символизм» (1910).

[14] Мантика — искусство гадания. Творчество Аркадия Аверченко иронически осмысляется в статье «Круговое движение» как итог развития, которое претерпели современные художественные вкусы: «...более всего мы читаем... Аверченку: он так легко пишет — опережает в легкости Ницше» (Труды и Дни. 1912. № 4/5. С. 64).

[15] Сокращенная цитата из 37-й «арабески» той же статьи (Там же. С. 71).

[16] Подразумеваются положения, развиваемые в 35-й и 36-й «арабесках» той же статьи: «Не в стоянье с мечом — охранение идеалов культуры, завещанных Ницше»; «...мы с подчеркнутым уважением принимаемся охранять... бюст проповедника жизни, переплетаем творение проповедника в замшевый переплет; даже мы... нападаем на чандалу» (Там же. С. 70).

[17] Там же, в 35-й «арабеске»: «Охранение идеалов культуры не в нападении на ниже лежащее: нападение на подножие есть падение: подлинно нападая, мы неуклонно восходим» (Там же).

[18] Чандала — низшая каста у индийцев, состоящая из семей смешанного, не чисто арийского происхождения.

[19] Во время египетского похода генерал Наполеон Бонапарт посещал чумных больных в марте 1799 г. в лазарете Яффы. В 35-й «арабеске» «Кругового движения» говорится: «...к зачумленному невозможно прикосновение... даже ударом. Бить по чуме — стать чумным. Но мы это делаем» (Там же. С. 70).

[20] В рассуждениях о «культур-трегере» из этой «арабески» Метнер уловил полемический выпад по своему адресу: «И мера культуры все еще — великая личность, если мерой культуры не является культур-трегер: но культура не с *трегером* <...> По прочтении *Заратустры трегерством* мне нечего делать <...> По прочтении *Заратустры* мы должны проклясть Заратустру, или стать дерзновеннее самого Заратустры, чтобы тучею голубей из грядущего низлететь к нему в грудь. Мы же *Голубя* гоним» (Там же. С. 71).

[21] В «Письме в редакцию» Белого, написанном в ответ на статью Метнера (Вольфинга) «Борис Бугаев против музыки», последний фигурирует как «блестящий культуртрэгер» (Перевал. 1907. № 10. С. 59).

[22] Метнер здесь переадресует к себе слова из 38-й «арабески» «Кругового движения»: «...лучшие среди нас бьют отбой дерзновению во имя всяческой трезвости <...> Мира они испугались: *мировое* повергает их в ужас <...>» (Труды и Дни. 1912. № 4/5. С. 71–72).

[23] Речь идет о приводимых Белым в 38-й «арабеске» цитатах из драм-мистерий Штейнера. См. примеч. 2 к п. 264.

[24] Цитируется ария Изольды из 3-го действия оперы Р. Вагнера «Тристан и Изольда»: «В потоке волн, // В шумах и звуках, // В дыхании мира, // овевающем все сущее, // — утонуть, // погрузиться, // отрешиться — // высшее наслаждение!».

[25] Весь текст, который произносит Pater ecstaticus во 2-й части «Фауста» Гёте (действие 5-е, сцена «Горные ущелья, лес, скалы, пустыня»): «Вечное пламя блаженства! Горячие узы любви! Кипящая боль в груди! Пенящееся стремление к Богу! Пусть пронзят меня стрелы! Пусть сразят копья, раздавят камни! Пусть поразит молния! Пусть погибнет во мне все грешное и ничтожное, лишь бы сияли звезды, — зерна вечной любви!» (Фауст, трагедия Гёте. В переводе и объяснении А. Л. Соколовского. СПб., 1902. С. 297).

[26] Имеется в виду фрагмент из 10-й «арабески» «Кругового движения»: «Новокантианец, коллективно составленный из в отдельности взятых остроумных и вполне разумных людей, есть именно такое чудовище: смесь младенца со старичком — ни ребенок, ни муж, а гадкий мальчишка, оскопившийся до наступления зрелости и потом удивившийся, что у него не растет бороды» (Труды и Дни. 1912. № 4/5. С. 56–57).

[27] Цитатные фрагменты из «арабесок» 35–37-й той же статьи (Там же. С. 70, 71).

[28] Образ из 42-й «арабески» той же статьи: «Я смотрел на черепицы, на башни и на каменный Мюнстер: на стене в броню закованный рыцарь застыл движением, нападающим на дракона» (Там же. С. 73).

[29] Имеется в виду письмо А. А. Тургеневой от 8 октября 1912 г. (см. примеч. 25 к п. 260).

[30] В 42-й «арабеске»: «...понял я еще раз и свое расхождение с современностью» (Труды и Дни. 1912. № 4/5. С. 73).

[31] О намерении представить статью о Н. К. Метнере Белый сообщил Метнеру в п. 263.

[32] Видимо, речь идет о статье Л. Л. Сабанеева о Н. К. Метнере, представленной для готовившегося в «Мусагете» сборника о современных композиторах. См. примеч. 2 к п. 233.

[33] Ни один из задумывавшихся в «Мусагете» тематических сборников статей различных авторов не был осуществлен.

[34] «Сезон в аду» («Une saison en enfer», 1873) — книга поэтической прозы Артюра Рембо. О работе по подготовке книги Рембо С. П. Бобров сообщал Белому еще в письме от 16 февраля 1911 г.: «Кончил я моего Римбо. <...> Это будет маленькая книжка — там будет статья о жизни и творчестве Римбо, и переводы: 1) стихотворений, 2) поэмы в прозе и его „Saison en Enfer". Очень похожий на Ваши ранние симфонии и странным образом напоминающий... <...> Ницше — „Заратустру"» (Письма С. П. Боброва к Андрею Белому. 1910–1912 / Вступ. ст., публ. и коммент. К. Ю. Постоутенко // Лица: Биографический альманах. 1. М.; СПб., 1992. С. 158–159). Издание Рембо в переводе Боброва в «Мусагете» не состоялось. В архивных фондах Боброва сохранился практически полный перевод поэтического наследия Рембо (см.: Там же. С. 160. Комментарии К. Ю. Постоутенко).

[35] Имеется в виду заключительный фрагмент статьи Белого «Нечто о мистике»: «Мистика лишь преддверье религии — страшный, покрытый сверху цветами ров, окружающий храм. Подходя ныне к храму вечным путем искушенного сознания, легче всего нам свернуть себе шею на этом вечном пути. Мы должны подходить к мистике со страхом и трепетом, не пленяясь зовущими голосами ее видений; те зовущие голоса, пока они не связаны с определенной религией, несмотря на то, что звучат нам всеми ангельскими созвучиями, — только крик искушающей нас пустоты» (Труды и Дни. 1912. № 2. С. 52).

[36] Образы из фрагмента 15 той же статьи: «Когда я отталкиваюсь от предметов мимо меня летящей действительности, разрыв моего „я", влекущий в тот разрыв за мной мир, как в воронку Мальстрема, — тот разрыв рождает иллюзию будущего: новое „я" (дно воронки) помещается тогда впереди, как последняя историческая цель, если это новое „я" попытаюсь словесно представить в категории времени. „Я" тогда появляется после меня. В том иллюзия Ницше, в том иллюзия Апокалипсиса, если я на религию брошу чисто мистический (по существу безрелигиозный) взгляд» (Там же. С. 51).

[37] Приведена строка из 1-й картины мистерии Штейнера «Испытание Души» («Die Prüfung der Seele»), цитированная Белым в 38-й «арабеске» «Кругового движения» (Труды и Дни. 1912. № 4/5. С. 72). Заключительная фраза фрагмента 13 статьи «Нечто о мистике»: «Философия мистики в смысле объяснения мистики со стороны — гетерономна всегда: всегда это — *„бум-бум“* преходящей философской системы, ничего не понимающей в мистике» (Там же. № 2. С. 50).

[38] Цитаты из той же статьи (Там же. С. 49–50). Оборванная вторая цитата заканчивается так: «если ты думаешь открыть новое, если ты на вечной мистике углублений хочешь построить по-новому свою жизнь, ты уподобишься спортсмену, севшему на деревянную лошадь» (Там же. С. 50).

[39] В № 4/5 «Трудов и Дней» за 1912 г. в сообщении «От редакции» было напечатано: «Андрей Белый намеревается остаться за границей на неопределенное время; поэтому, сохраняя за собой права и обязанности члена литературного комитета издательства *Мусагет*, он вынужден отказаться от редактирования *Трудов и Дней*, так как эта работа издалека, в особенности при частых переездах, сопряжена для него с большими внешними неудобствами» (С. 149).

[40] № 6 «Трудов и Дней» (1912. Ноябрь — декабрь) включал статьи всех упомянутых лиц. В цитированном выше сообщении «От редакции» оповещалось: «Следующий выпуск *Трудов и Дней* (ноябрь — декабрь) выйдет в половине января» (С. 149).

[41] В № 4/5 «Трудов и Дней» следом за статьей Белого «Круговое движение» помещена статья: *Степпун Федор*. Открытое письмо Андрею Белому по поводу статьи «Круговое движение» (С. 74–86).

[42] В № 6 «Трудов и Дней» за 1912 г. Белый опубликовал свой «Ответ Ф. А. Степпуну на открытое письмо в № 4–5 „Трудов и Дней“» (С. 16–26).

[43] Статья Б. В. Яковенко на указанную тему в «Трудах и Днях» не появилась.

[44] См. примеч. 6 к п. 266.

[45] См. п. 266.

[46] См. п. 267, примеч. 8, 9.

[47] См. примеч. 13 к п. 267.

[48] Имеется в виду приводимое ниже письмо А. А. Тургеневой, отправленное из Мюнхена 14 (27) ноября и полученное в Москве 17 (30) ноября 1912 г. (РГБ. Ф. 171. Карт. 2. Ед. хр. 74; хранится в архиве М. К. Морозовой, которой, видимо, Метнер передал его для ознакомления):

Милый Эмилий Карлович,

если бы я приняла ваше первое письмо как женщина, то как глубоко могла я оскорбит<ь>ся вашими словами, что мужчина, кот<орый> мне — женщине — ближе всего, может быть не достоин уваженья. Однако я как человек постаралась отнестись к этому и со стороны, хотя мне как женщине и как Асе было больно.

А вы пишете, что недопустимо называть вас «толстокожим рыцарем». Боже мой, в какую пучину сложностей повергают меня эти слова. Право, в моих раскрытых чемоданах больше схематичности. Раз) Я вас толстокожим рыцарем не называла — это говорилось против принципа. Два) Сознаюсь, что легко было принять мои слова лично. Но в таком случае вы под этим определеньем были в компании Бори (что, на мой взгляд, как женщины, делает вам только честь, т<ак> к<ак> мое право женщины ставить Борю на пьедестал). 3) Как хорошо, что я не мужчина, т<ак> к<ак> мне угрожала бы серьезная опасность быть «толстокожим рыцарем». Четыре) Милый Эмилий Карлович, легче не видеть солнца, чем не видеть, что толстокожести в вас ни на грош. Пять) Да я и не хочу совсем быть логичной.

6) Ну конечно, мое право девочки Тургеневой говорить дерзости и требовать, чтобы на них не отвечали тем же. Ну да, я женщина. По моему глубокому убеждению, я где-то мужчина гораздо более, чем мужчина. Кроме того, я человек, но этого вы за мной не признаете, и настаивать я не буду.

Вы пишете, что, будь я мужчиной, я такого письма вам не написала. — Почти наверное — у мужчины и у женщины психология разная. Но все же я надеюсь, что была бы вне специфически мужского понятия «чести» в кавычках и отказалась бы от дуэли, кот<орую> вы бы мне после моего I письма предложили.

Не знаю, логично ли, но знаю, что естественно человеку, живущему изо дня в день с одной из спорящих сторон и видящим <*так!*>, как в ней преломляются факты, быть на ее стороне. Но я написала, что это мое *личное* мнение, и за него не стою — (следовательно, считаю возможным, что оно ошибочно, и моего внеличного мнения не высказываю), почему же вы это не приняли во внимание, когда обижались на мою фразу. Или вы хотите, чтобы я считала Борю бесчестным? или вас? Но это абсурд, и остается все свалить на спину попутавшего Мусагет черта. Этот черт ловко воплощался то в Эл<л>иса, то в Ахрамовича, то в почту, в д'Альгеймов и в вечного Кожебаткина. Ну прощайте, милый Эмилий Карлович, может быть, я и тут написала что-нибудь обидное? Но верьте, что этого желания у меня не было, и мне очень грустно, если я что не так сказала и вы не так приняли. Знайте, что к вам у меня самое хорошее чувство.

Ася.

Не думаете ли зимой попасть к нам?

P. S. Итак, Эмилий Карлович, если ваши оба письма написаны женщине, а не человеку, то в I-ом заключается самое глубокое оскорбленье, какое мне как женщине можно нанести. II-ое — самыми простыми правилами приличья недопустимо ни по тону, ни по форме, если оно также написано женщине. Но я знаю, что у вас не было сознательного желания меня ударить, и потому принимаю их только как человек. Еще незначительная поправка: если бы Мусагет сделал мне честь принять меня под свой штемпель, то место мое не в мусагетских мальчиках. Ну всего вам хорошего.

Как бы я хотела, чтобы это хоть письмо было понято так, как написано. И если в нем против моей воли проскальзывает огорчение или обида, то знайте, что ни злобы, ни ничего нехорошего к вам нет во мне.

P. P. S. Я согласна, давно пора кончить с обвиненьями и начать извиненья. Но с письмом Ахрамовича все по-старому. Он написал одно — письмо в июне на два или три Бориных — и знал со слов Алексея Серг<еевича>, что оно не дошло, все же в июле и августе он, зная это, не написал второго письма. Он был болен и не виноват, но оплошность остается. Из-за этого Боря (не зная, что ему писали до приезда Петровского) три месяца думал и мучался тем, что Мусагет его отстраняет, а Мусагет обвинял его в желании уйти. Д'Альгеймы только на основании химеры послали наши письма на Волынь — адрес у них был. И опять, как же не обвинить мусагетского черта. Как только будет определенно известно, Боря вам напишет, но, кажется, в середине зимы он сможет вернуть 1500 р.

49 Видимо, имеется в виду п. 223.

50 См. выше, примеч. 26, 16, 20.

51 Возможно, имеется в виду работа Штейнера «Истина и наука» («Wahrheit und Wissenschaft. Vorspiel einer „Philosophie der Freiheit"». Weimar, 1892), глава II которой — «Основной теоретико-познавательный вопрос Канта». См.: *Штейнер Рудольф.* Истина и наука. Пролог к «Философии свободы» / Разрешенный автором перевод Б. Григорова. М.: Духовное Знание, 1913. С. 21–30.

52 В этой рубрике в № 4/5 «Трудов и Дней» были опубликованы «Наброски к комментарию» Метнера. См. примеч. 3 к п. 267.

53 18 ноября 1912 г. А. Блок писал Метнеру из Петербурга: «...здесь <...> открылось новое издательство „Сирин", которое, в лице основателя своего Терещенки, хочет иметь дело со мной <...> я написал Белому в Мюнхен, по поручению „Сирина", чтобы он прислал „Сирину" свой новый роман <...>. Ходят слухи, что роман не кончен и что он продан Некрасову. Последнее — не страшно, можно выкупить. Первое же заставляет думать о том, что предполагают многие: что он и не кончится, и Белый „бросил литературу"» (Александр Блок: Исследования и материалы. СПб., 1998. С. 206). Тремя днями ранее Блок, сообщая Белому в письме от 15 (28) ноября об основании «Сирина», выступал от лица нового издательства с предложением: «М. И. Терещенко поручил мне просить Тебя прислать Твой *новый роман* для того, чтобы издать его отдельной книгой, или включить в альманах. <...> Если роман кончен, если Ты согласен выкупить его у Некрасова, которому Ты, кажется, его продал, — пришли его в „Сирин". <...> Ты получишь, во-первых, ответ об условиях без промедления, во-вторых — гонорар, максимальный из возможных, во всяком случае — не меньший, чем у Некрасова или в любом другом месте <...>» (*Белый — Блок.* С. 474). См. общую характеристику «Сирина»: *Голлербах Е. А., Мухаркин Д. М.* Издательство «Сирин» // Книжное дело в России в XIX — начале XX века: Сб. научных трудов. Вып. 12. СПб., 2004. С. 57–74.

54 Издательство «Сирин» предприняло издание многотомных собраний сочинений В. Брюсова и Ф. Сологуба, а также новое издание Собрания стихотворений А. Блока в трех книгах (последнее издание не состоялось).

269. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

25 ноября (8 декабря) 1912 г. Берлин

Scharlottenburg. Luther Strasse 27. Pension Wegner.
Берлин 8 декабря[1].

Дорогой и многоуважаемый Эмилий Карлович!

Отвечаю так поздно, потому что сейчас только получил 2 Ваших письма; они пропутешествовали из Мюнхена в Берлин, из Берлина в Мюнхен[2]; и лишь сейчас я их получил по адресу.

Совершенно согласен со всем, что Вы пишете о «*Тр<удах> и Днях*» (ответе мне Яковенко, Степпуне, смещении меня с редактирования; меня это радует и нисколько не изменяет сути «Трудов и Дней», ни моего деятельного участия; мои *априорные* соображения о трудности редактирования в *действительности* возымели место; и — да будет!).

Глубоко скорблю, что «*философутик*» мой действительно вышел похожим на Гессена, но *post factum* я осознал это: что делать — в процессе творчества я просто не вижу эмпирического сходства. Намерения вывести Гессена у меня не было.

И пеняю Вам очень, что Ваш редакторский карандаш вóвремя не прошелся по этому месту.

О Терещенке, «Сирине» я ничего не знал; письма от Блока не получал[3] (пять месяцев как я не получал от Блока писем).

Следовательно: все соображения о «*Сирине*», моем участии или неучастии там преждевременны.

Я и останавливаться на них не желаю.

Полагаю, что гармония в наших с Вами отношениях будет достигнута диетой письменных сношений и обилием личных свиданий. *Те* и *другие* — верю — обратно пропорциональны.

Оттого-то принципиально не поднимаю в письме вопросов, Вами затронутых.

Скажу только: когда обе стороны лично симпатизируют друг другу и серьезно пытаются прийти к «*во здравие*», а не к «*за упокой*», то избегают говорить в *четвертый* и в *пятый* раз о третейском суде.

А то ведь получается картина с Австрией и Сербией: Австрия мобилизирует пушки и 800 тысяч войска и, выставив жерла орудий на Белград, *делает дружеское* представление[4]. Да не будут

наши дружеские отношения стоять в зависимости от *мобилизации* аргументов и суда.

Примите уверение в моей преданности и уважении к Вам.

Борис Бугаев.

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 76.

Ответ на п. 267 и 268.

[1] В Берлин Белый и А. Тургенева прибыли 21 ноября (4 декабря) 1912 г. (см. письмо Белого к А. Д. Бугаевой, отправленное в этот день // *Письма к матери*. С. 167).

[2] В Мюнхене Белый и А. Тургенева находились с 12 (25) по 17 (30) ноября 1912 г.; в эти дни там выступал с докладами Р. Штейнер.

[3] Письмо Блока, отправленное в Мюнхен, пришло туда после отъезда Белого и было затем переадресовано в Берлин. Белый ответил на него недатированным письмом, отправленным (судя по почтовому штемпелю получения: Петербург. 7. 12. 12) около 4 (17) декабря 1912 г. (*Белый — Блок*. С. 475–477).

[4] Упоминается эпизод, относящийся к 1-й Балканской войне (9 октября 1912 — 30 мая 1913) между Балканским союзом (Болгария, Сербия, Греция, Черногория) и Турцией: Австро-Венгрия, не желая допустить выхода Сербии к Адриатическому морю, начала военные приготовления на ее границах.

270. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

8 (21) декабря 1912 г. Москва

Москва 8/21–XII 912.

Дорогой Борис Николаевич! Очень рад и тому, что Вы, наконец, получили мои два письма[1], и тому, как Вы на них реагировали. В *общем* Ваш ответ от 18/XII н. с.[2] меня удовлетворяет. Если Вы не дополучили еще письма (Блок писал Вам и, кажется, неоднократно[3]), то советую Вам отправить открытки во все города, где Вы были, An die Postverwaltung Vitzenau etc. Bitte höflichst alle Briefe und Postsendungen, welche an Herrn Boris oder Frau Anna Bugaëw (следует адрес, напр<имер> Vitzenau) adressiert sind, nach Charlottenburg etc nachzuschicken Achtungsvoll Boris und Anna Bugaëw*. —

---

* В почтовое управление Фицнау etc. С глубоким почтением прошу все письма и корреспонденции, адресованные господину Борису Бугаеву или госпоже Анне Бугаевой <…>, пересылать в Шарлоттенбург etc. С глубоким уважением Борис и Анна Бугаевы (*нем.*).

Теперь Вы уже знаете, что все было отправлено в Берлин на основании распоряжения Вашей супруги, Вами своевременно не отмененного.

Андрея Белого не смеет править ни один редактор в мире[4]. Даже если бы встал из гроба Шиллер, который был гениальнейший из корректоров, превращавший средние статьи путем незаметных выпусков и вставок в статьи первосортные, и умел править статьи первосортные так, что авторы всему говорили да, что сделал его карандаш, — даже Шиллер не прикоснулся бы к Вашей статье.

Если Вы верите тому, что, поверх всех наших недоразумений, продолжает жить моя любовь к Вам, и если Вы доверяете моей деловитости, то прошу Вас уполномочить меня *немедленным* письмом на ведение переговоров с Терещенко (который желает со мною познакомиться) об издании Ваших сочинений в *Сирине* (разумеется, не о монополии: *Мусагет* и *Путь* останутся открытыми для Вас), а также, в частности, написать, находите ли Вы возможным (если Терещенко выкупит Ваш роман у Некрасова) передать рукопись Терещенке. Немедленно отвечайте потому, что наше свидание с Терещенко вопрос ближайшего будущего. Терещенко человек, по описанию Блока — очень милый и во многом нам близкий; он желает (как пишет Блок в последнем только что полученном письме) размежеваться с *Мусагетом*, быть не только в мире, но и в дружбе[5]. Надеюсь, что Вы доверите мне *предварительные* переговоры; я же ввиду огромных средств *Сирина* выработаю (обменявшись соображениями с Блоком) *приблизительные* гонорары, конечно, бóльших значительно размеров, нежели те, какие Вы получали до сих пор. — Спешу отослать это письмо, а потому заканчиваю — прибавив лишь два пункта: 1) Взываю я к третейскому суду только с отчаяния, чтобы не стукаться головою об стену. Сравнение меня с Австрией неверно; еще менее верно — сравнение Вас с Сербией; *скорее* тогда уже — обратно. Но после *этого* Вашего письма я, в качестве Сербии, перестаю взывать к международному трибуналу. — 2) Очень прошу Вас

все, что Вы имеете своего и чужого для последнего (VI) номера *Тр<удов> и Дн<ей>*, немедленно выслать; мы *должны* выйти 31 декабря. В особенности статью Скалдина[6]. — 3) Прошу Вас написать мне о Вашем согласии быть сотрудником *Сирина*; Вам делается это предложение через Блока и через меня; необходим быстрый ответ, ибо выходит вскоре объявление об новом издательстве.

Жму Вашу руку.

Привет Асе.

Ваш Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 6. Л. 76–77. Текст — в копировальной книге Э. К. Метнера.

Ответ на п. 269.

[1] Имеются в виду п. 267 и 268.

[2] Описка или ошибка Метнера; имеется в виду п. 269 (от 8 декабря н. ст.).

[3] См. примеч. 53 к п. 268.

[4] Отклик на упрек Белого Метнеру (в п. 269) на то, что тот не воспользовался своим «редакторским карандашом».

[5] Речь идет о письме Блока от 5 декабря 1912 г., в котором он рассказывал Метнеру о результатах вчерашних деловых переговоров с М. И. Терещенко: «„Сирин“ очень рад вступить в дружественные отношения с „Мусагетом“. Для этого, конечно, хорошо Вам с Терещенкой познакомиться. <...> Человек он такой доброжелательный и „настоящий“, что Вы, по-моему, можете говорить с ним совершенно откровенно, напр<имер>, и о долгах Бор<иса> Ник<олаевича> „Мусагету“ <...> Давайте, в виде этого, действовать сообща на Бор<иса> Ник<олаевича> и тащить его от Некрасова» (*Фрумкина Н. А., Флейшман Л. С.* А. А. Блок между «Мусагетом» и «Сирином» (Письма к Э. К. Метнеру) // Блоковский сборник. II. Тарту, 1972. С. 392).

[6] См. примеч. 16 к п. 259.

271. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

13 (26) декабря 1912 г. Берлин

Многоуважаемый и дорогой Эмилий Карлович!

От А. А. Блока и от Вас слышал я о возникновении Книгоиздательства «Сирин» и о симпатичных заданиях этого издательства[1]. От А. А. Блока кроме того получил я неофициальное

уведомление о том, что К<нигоиздательст>во «*Сирин*» приглашает меня в число сотрудников. Мне остается благодарить К<нигоиздательст>во «*Сирин*» за внимание ко мне и согласиться[2]. Но малая осведомленность моя о реальных ближайших целях издательства, а также трудность конкретно договориться о характере моей работы в новом Книгоиздательстве и о форме участия в оном вынуждает меня обратиться к Вам с покорною просьбою, оправдываемой отчасти нашею многолетнею дружбою и общей работою в общем деле — в «*Мусагете*»: в случае, если возникнут переговоры о характере моего участия в «*Сирине*» и об условиях этой работы, я поручаю Вам, дорогой друг, вести за меня эти переговоры с руководителями издательства и даю Вам (как знающему меня, мои условия работы и мои литературные обязательства) — полную *carte blanche** на ведение всех переговоров с «*Сирином*», как предварительных, так и деловых.

Только крайняя необходимость заставила бы меня на несколько дней оторваться от дел, задерживающих меня в Берлине, и приехать лично в Россию, буде такая необходимость налицо. Если возможно этого избежать, я бы был Вам, милый Эмилий Карлович, признателен глубоко.

Надеюсь на Ваше согласие и заранее крепко Вас за это согласие благодарю.

Остаюсь искренне любящий Вас и уважающий

Борис Бугаев.

Berlin. 26 дек<абря> (н. ст.) 1912 года.

P. S. Параллельно с этим письмом пишу Вам другое, подробно объяснительное и личное[3].

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 77. Почтовые штемпели: Berlin. 27. 12. 12; Москва. 10. 12. 12; 11. 12. 12.

[1] См. п. 268, примеч. 53.

[2] В недатированном письме к Блоку, отправленном в Петербург около 4 (17) декабря 1912 г., Белый также благодарил за приглашение участвовать в «Сирине»: «Если против меня не имеется ничего, то я согласен и благодарю Тебя» (*Белый — Блок*. С. 475) — и подробно описывал положение дел с романом «Петербург» и условия его публикации.

[3] Имеется в виду п. 272.

---

* Чистый листок (*фр.*; в значении: свобода действий).

272. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

13 (26) декабря 1912 г. Берлин

Берлин. 26 декабря н. с.

Милый, милый Эмилий Карлович,
только что получил Ваше последнее письмо. И глубоко тронут Вашим безмерно добрым предложением говорить о Терещенке.

Поэтому, откладывая пока тему о наших с Вами недоразумениях, которые ликвидировать бы хотел единым махом, пишу главным образом деловое письмо (для разделения труда Ася Вам пишет об имении[1]) о Терещенке и литературе.

Но сперва несколько слов о нас с Вами. Верьте, что все эти месяцы единственным моим горем (*действительным*, а не фиктивным) были наши письма друг к другу — и горем, настолько реально измучивающим меня, что неделями я хватался за голову, ***не умея*** предпринять ничего, чтобы трезво и четко распутать *гордиев узел* (для меня) нашей переписки. И скажу отчего.

Неужели Вы думали, что упорство, желание *последним* резюмировать предметы наших ссор или запальчивость *только* двигала мною: я знал — пока не перегорит в душе наша ссора, я *бессилен* что-либо реально выполнить в моей работе Доктору[2]. Мне так легко было бы согласиться с Вами вполне, так легко было бы у Вас попросить извинения и словом *покончить* с недоразумением. Но я хотел, чтобы все, вмененное Вами мне в вину, было мне кристально ясно и очевидно (у меня масса недостатков, и все эти месяцы я в особо покаянном настроении относительно ряда *окаянств*, мною учиненных в жизни): но именно многое из того, что Вы мне вменяли в вину, я относил к недомолвке, недоразумению: и я мучался еще (кроме ссоры) и тем, что не могу отчетливо Вас понять; я хотел все мелочи наших недоразумений осветить сознанием; и многое мне тут так и осталось неясным. Сколько раз садился я Вам писать, с тем чтобы Вам высказать, что согласен с Вами, что беру *вину* нашей переписки на себя исключительно, но, задумываясь, с мучением я вскакивал и говорил себе: «Не могу, не могу словесно согласиться и в глубине глубин остаться *при своем мнении*».

К этому присоединялось нечто еще и внешнее: тон *требования*, чтобы я признал себя во всем виноватым (я себе говорил: Как можно *требовать* извинения, согласия на Ваши положения, когда все это свободно должно вытекать из моей инициативы, из моего почина («*дух дышит, где хочет*»...)[3]). И всякая хорошая инициатива, лишь только она рождалась в моей душе, была подсекаема в корне при словах «*третейский суд*» или «*возвращаю письма, не распечатывая*».

Мне было бы легче всего во имя *душевного* нашего согласия не реагировать на периферическую «*колючую изгородь*» Ваших писем, под которою я слышал струю Вашего душевного благородства; но, особенно чувствуя Вашу *правдивость*, я не мог сказать на Ваши периферически-колкие выпады «*Вы — правы*», ибо это было бы насилием над моим *Духом*.

Ко всему этому присоединялась еще чисто внешняя нервность (ведь эти 4 месяца я переживал мучительную душевную операцию, которая лишь теперь позволяет не кричать от боли и первые благие последствия которой овевают душу предвестием «*весенних зорь*»); и особенно мне было больно в Вашем письме слова о «*сдирающих кожу медитациях*» (слова эти были обращены не к Вам, а к А. С. Петровскому[4], и употребление их Вами в одном из писем, как «*полемического аргумента*» против *чего-то там* (чего бы то ни было), показалось мне невыносимым и несоответствующим Вашей обычной нежности и деликатности в отношении к друзьям: эта фраза заставила меня стиснуть зубы еще на ряд месяцев; я дал себе тогда почти слово: с Вами не говорить ни о чем *интимном — никогда*...).

Слова о «*сдирающих кожу медитациях*» показались мне вот какими: представьте себе — при виде мусульманина, молящегося на морском берегу на закат, турист европеец с кинематографом под мышкою стал бы, указывая пальцем на мусульманина, хохотать: «Молится... Ха-ха-ха... Молится...». Вот такою по отношению ко мне показалась мне Ваша фраза (я знал, что сознат<ельного> желания у Вас оскорбить меня не было — но все же психологически она в письме стояла для меня как оскорбление); я себе сказал: «Э. К. в таком состоянии запальчивости, что *даже* добрая, свободная инициатива моя протянуть

руку примирения вызовет в нем лишь раздраженное «*ха-ха*», раз он может полемически воспользоваться фразой из письма не к нему о том, что есть для учеников розенкрейцерского пути дело, столь же интимное и важное, как молитва (слова о «*медитациях, сдирающих кожу*» стояли в том месте письма, которое Вам *не предназначалось* для чтения…). Ну тогда, оскорбленный до слез, я Вам ответил — простите, милый! — многими колкостями; «*Арабески*»[5] вылетели из меня в ту эпоху не как статья, а как крик «*до слез обиды*» в пространство. У меня, ей Богу, было в те дни настроение стихотворения из «*Золота в лазури*»* <…> по плану, предложенному Вами и который Вы мне пишете; что «*Сирин*» принципиально принимает обе рукописи[6]. Блок написал с большой теплотой, но очень не *реально*, т. е. не ответив мне, как же мне с Некрасовым быть и удобно ли мне именно *взять и отнять*, так сказать, у него рукопись, полагаясь на его любезность[7]. О «*Путевых Заметках*» же я ответил Блоку, что снесусь с Вами, как и о романе[8] (тут случились три деловых дня, а я все собирался Вам написать).

Сегодня я получил Ваше письмо, которое так выводит меня из затруднения и за которое я Вам, дорогой, милый друг, благодарен безмерно. Вы пишете: «*прошу Вас уполномочить меня немедленным ответом на ведение переговоров с Терещенко об издании Ваших сочинений*». Милый друг, спасибо — никогда не забуду: все мои сомнения и трудности личного ведения переговоров через Блока, письма которого все же *туманны* в деловом отношении, — все мои сомнения Вашим благородным предложением сняты; с радостью присоединяю к этому письму еще официальное письмо к Вам, уполномачивающее Вас[9]. Спасибо.

Мне тем более это все улыбается (в матерьяльном, *лишь матерьяльном*, смысле), что речь идет *о собрании моих сочинений*, а о них-то Блок не обмолвливается ни единым словом, заставляя меня думать, что речь идет о «*Петербурге*» или о «*Путевых Заметках*», передача которых обставлена сложностями всякого рода.

Спасибо.

---

* *Последующий текст утрачен (двойной лист с оборотами — четыре страницы рукописного текста).*

Присоединяю к вышесказанному еще одно объективно-мрачное рассуждение о себе, как авторе (верьте, рассуждение это не от мрачности настроения, а от мрачности нашего положения с Асей, вопреки психической успокоенности все эти дни); все эти дни мы с Асей безмятежно спокойны и покорно-ясны тому, что нас ожидает в близком будущем; а нас ожидает нечто прескверное на физическом плане: месяца через полтора нам нечего есть, неоткуда *благородно* взять в долг, нечем отработать. И потому, что это так неизбежно-реально и в *порядке вещей*, мы даже ничего и не предпринимаем.

Вот в каком я положении: у меня 3500 долга «*Мусагету*», долг Блоку 800 рублей, долг Морозовой 1100 рублей (покроется по выходе романа), обязательство «*Пути*» (монография и статья — о поэтах)[10].

2½ месяца моя миссия окончить «*Петербург*» (я могу лишь сказать, что он будет вдвое значительнее и зрелее «*Голубя*»); 2½–3 месяца следующих я работаю над монографией[11].

Итого 6 месяцев, т. е. полгода я неработоспособен (ведь мы еще упорно, лично работаем Доктору, учимся: и эту работу полагаю я очень серьезной — без Доктора я уже протянул бы язык). 6 месяцев я все отработываю проеденное, оторванный от России, с психической невозможностью писать «*фельетонишки*», «*рецензии*» и с огромною жаждою больших фундаментальных работ: передо мной встает моя 3-ья часть «*Трилогии*», «Трилогия: Антихрист» (драматическая: нечто, меня преследующее всю мою жизнь с отрочества, мое «*Hauptwerk*»*)[12]; *пора ему приходит*. Далее большая книга раздумья моего, нечто вроде соединения «*Заратустры и Беме*», книга, мысли к которой зреют и которые я не могу выжимать в статейную дребедень. Мой «*Sturm und Drang*»[13] приходит к концу: мне 32 года — и все написанное мной стоит предо мной, как эскиз; я говорю «нет» этому эскизу, но вижу в нем *контуры* большого, большого полотна. С молитвою и в глубоком покое хотел бы я остаться с самим собой перед моими фундаментальными творениями: я ношу их в себе,

---

* Главное произведение (*нем.*).

я слышу их силу в моем *немом*, несказанном молчании и уже ради них я обязан сказать *нет* всякой житейской суете.

2½ года я разрывался суетою и мелочами, набирал заказы, отодвигал свои «*Hauptwerken*» на задний план, во имя такой-то и такой-то «*книжечки*».

Дорогой друг: все эти месяцы я себе говорю: «Ты должен иметь силу выйти из паутины заказов для работы над фундаментальным, или ты, как поэт, от усилия, не подогреваемого художественным императивом, сорвешься».

И я решил.

Или серьезно работать, или замолчать как писателю.

Трудность матерьяльная, лавина неоплатных долгов, растущая над нашими головами, последние месяцы вызывает во мне скорее не желание избежать ее, а наоборот, подставить ей голову; ибо я устал, ужасно устал, безмерно устал морально: а моральная моя усталость от невозможности успокоиться, от искания денег; едва обернешься, едва с величайшими треволнениями через голову ряда скандалов и моральных ударов выцарапаешь себе право на 3–4 месяца не думать о деньгах, едва успокоившись примешься за работу, как тебя со всех сторон начинают упрекать за то, что Ты должен тому-то, что Ты не исполнил данное обещание: словом — житейская суета. А там, глядь — прошли эти 3 месяца и опять грозный вопрос: а чем жить? а чем заплатить уже имеющийся долг? А во имя чего занять? А откуда?

Т. е. хочу я сказать: я уже не могу работать, когда самое человеческое право — право, без которого не только что работать, но и успокоиться нельзя, — право на кусок хлеба и обиталище стоит под знаком вопроса. Подумайте: я пишу «*Петербург*» — («*Петербург*» лучше «Голубя» — свидетельство В. Иванова, А. Толстого, Аничкова, Эллиса и мн<огих> др<угих> вплоть до Кузмина и Гумилева[14]) — а как я пишу? Имел ли я душевное равновесие во время писания? Сколько сомнений, волнений я переживал за этот год из-за права писать «*Петербург*». Сначала, уродуя роман (все, что написано за этот период, я вынужден сызнова переработать), я в 2½ месяца отвалял 13 печатных листов[15], густотою и насыщенностью которых удивлялись все петербуржцы; все *не верили* мне, что я в *такой срок* написал; срочность и быстрота

написания сказалась в архитектоническом безобразии написанного (ее я вытравляю теперь): архитектоника мне *изгадила* уже «*Серебряного Голубя*»: будь у меня деньги и простор времени — таков ли был бы «*Сер<ебряный> Голубь*»?

Спешно пишучи «*Петербург*», я надеялся на единовременное получение *1000* рублей к Рождеству 1911 года. *1000* рублей изгадили мне 3½ главы, т. е. 13 печатных листов; кроме того: к Рождеству 1911 года я едва стоял на ногах от мозгового переутомления (существовал я за эти 2½ месяца писания долгом: я занял у Блока 500 рублей, ибо «*Русск<ая> Мысль*» не дала мне аванса. С Рождества 1911 года до февраля 1912 года — много горького, разбивающего нервы я пережил с *историей* с Брюсовым и Струве[16]. Все это время до отъезда за границу я вместо того, чтобы отдыхать, мучился вопросом, как жить, и не мог работать над окончанием «*Петербурга*».

Наконец перед отъездом за границу появился стремительно Некрасов; я, не думая ни о чем, с отчаянием отдал ему роман[17], ибо я без *денег* за роман *не мог ехать за границу*, а должен был бежать в тишину: неприятности, переутомление, разрывание на части в Москве превратили меня просто в медиумическое создание; и я должен был уехать: за границу или... в санаторию.

И вот: вместо того, чтобы в Брюсселе спокойно работать, там меня настигли сетования за роман[18]; я от *горечи* необходимости писать и невозможности *писать* от тревоги душевной измучился.

И вот теперь: роман еще не кончен, а вызвавшие переутомление нервное 3½ главы, которые я писал под угрозою остаться без денег, я переработываю.

Роман, *мое дитя*, к которому я относился с вдохновением, требовал отгороженности от «*житейских волнений*»[19]: и что же — самый процесс написания был окружен атмосферой ряда скандалов.

Я романа в грязь не уронил: он, может быть, лучшее из мной написанного: «*житейскую суету*» во время писания я откидывал, но... какою ценою?.. Эта цена (1100 полученных до сих пор за роман рублей, т. е. 4–5-месячное житье без думы о деньгах) *с суммой скандалов* такова, что я без горечи, а совершенно объективно себе говорю:

«*Я так больше не буду работать над большими полотнами*». Достоинства романа вопреки роя сует и беспокойств есть «*Пиррова победа*».

«*Служенье муз — не терпит суеты*»[20].

Это не фраза: поиски за деньгами Пушкина привели его к состоянию почти нервной болезни, вызвавшей дуэль; Достоевский весь *скапутился* благодаря денежной нужде. Гёте — не знал, что такое с величайшею душевною мукою *месяц* хлопотать о праве *полтора месяца* не думать о хлопотах.

И вот я себе говорю: у меня куча долгов; наивно было бы обманывать себя и других, что с долгами распутываешься, предлагая в счет закрепощения будущей свободы работать издательством темы <*так!*>, ничего общего не имеющие с твоими личными заданиями, ради права еще на 2–3 месяца отклонить от себя призрак голода и унижения.

Может быть, я не крупный художник, и может быть, мне суждено как художнику навсегда замолчать, но я должен сказать:

«*Служенье муз не терпит суеты*».

Более выбарахтываться из *капута* я не могу: я — устал, смертельно морально устал заявлять, что мне интересно писать, например, монографию о старце «*Федорове*»[21], чтобы в долг получить от «*Пути*», «*Сирина*» или кого бы то ни было лишних 500 рублей, когда душа моя полна *моим Hauptwerk'ом*: все равно 500 рублей будут прожиты через 2 месяца, голод не устранится, *Hauptwerk* будет стоять и звать к написанию, и писать о старце Федорове будет для меня моральной мукою, ибо так же могу написать монографию об «*оврагах*», как и монографию о «*Федорове*»: тем и другим интересуюсь до известной степени, но вполне охвачен иным, фундаментальным. Такое существование на физическом плане есть не жизнь, а *агония*. Пишу это спокойно, ибо это — вывод 1911 и 1912 года. И отсюда-то при всей психической ясности, граничащей с легкомыслием, я формулирую мой пессимистический вывод о себе.

Вот хотя бы эта часть моего письма о себе: Вы думаете, мне легко писать на 6 страницах большого формата то, что есть для меня *аксиома* и что может даже близкому другу показаться «*преувеличением*».

Нет: «*преувеличение*» есть реальная правда.

4 месяца я жил надеждой, что залог у Вл<адимира> Кон<стантиновича> Кампиони даст мне право, расплатившись с частью долгов, морально отдохнуть от моей «*эмпирической воли*», подверженной действию холода, голода, чтобы, отоспавшись в покое, приняться за III-ью часть «Трилогии». Но треклятый призрак войны: и налаженное дело рухнуло. Радость быть *независимым год*, радость, без которой я уже не могу работать (поверьте, это сериозно), обернулась в всю ту же «*Майю*»[22], превратилась в «*пытку надеждой*»[23]. Но на этот раз я философски равнодушен.

Я готов на все.

Я от доктора не могу уехать еще с год (работа доктору не мешает мне ни отдыхать, ни работать литературно, наоборот: от «*медитаций*» ярче вспыхнули для меня стоящие предо мною литературные и поэтические задания: «*теософию*» проповедовать никакого желания не имею, ибо с «*теософией*» у меня почти и нет ничего общего); в Берлине мне жить будет дешевле, чем в России; мы здесь живем одиноко: и работать здесь, *писать*, в тысячу раз удобнее и плодотворнее.

Далее: как Ибсен в эпоху создания Бранта[24], доведенный до полного отчаяния нуждой, вопреки своей гордости возопил свое «*спасите меня*» норвежскому королю (— в результате чего получил пенсию и стал работать над *Hauptwerk*'ами)[25], так и я; подобно Ибсену я заявляю — не Вам, не друзьям — а всем русским людям, или, вернее, никому (себе и пространству): «Я стою на рубеже: я хочу работать над большими полотнами. Мне надо отмыться от вечного страха завтра быть без гроша; я не могу размениваться и уходить в *майю* долгов, невыполнимых обязательств и полуинтересных мне заказов того или иного издательства. Через 2 месяца я кончаю роман. Через 5–6 работу «*Пути*». Далее мне нужна пауза полной тишины, полного отдыха: и потом я принимаюсь за III часть трилогии». 2 года я должен быть обеспечен: это право мое, как человека: раз я родился на свет, я родился не для того, чтобы испытывать физический голод и холод. Далее: говорят, будто книги мои кому-то нужны и существование мое, труд мой, кому-то нужен и не бесплоден: я не знаю, так ли это (*императив к творчеству* в моей груди — но окружающие имеют право отрицать его). Если я нужен, если сознание моей

потенциальной еще не выявленной в творчестве силы (все написанное мной — эскизы) есть правда, я обращаюсь в пространство и говорю: «Я устал, я не могу больше в поисках *близкого* хлеба затягивать петлю вокруг своей головы и в неинтересных заказах срывать свой голос „поэта“: стихи поднимаются и опускаются в моей душе, а времени для писания стихов — нет (ах — деловое письмо: ах — завтра нечего есть, ах — недоразумения с Брюсовым, ах — срок Некрасову). Я больше так не могу».

Ибсен писал королю: «Ваше величество; несмотря на то, что моя драма *Брант* обращает на себя внимание, несмотря на свое призвание драматурга, я чувствую, что должен навсегда оставить свое призвание, если Вы не придете ко мне на помощь...»[26].

Так писал Ибсен.

Я пишу не королю, не Эмилию Карловичу, не друзьям: Душою говорю я это себе; душа моя устала:

«Служенье муз не терпит суеты».

Милый: через 1½ месяца я опять без гроша: на этот раз ни к кому не обращусь, ибо периодическое откладывание на 1, 2 месяца матерьяльного кризиса есть не жизнь, а *агония*.

И представьте себе, какое *обратное* действие такое состояние оказывает на оккультную работу.

Я лучше всех знаю, что *оккультист* должен пережить все; *и я, через год, закалюсь в хладнокровии. Но есть особый путь:* путь форсированной, чрезвычайно накладываемой работы, путь быстрого *ведения*; этот путь в первой, подготовительной стадии подобен взрыву котла паровой машины: Доктор ведет до *взрыва*; и потом уже начинается период закала.

И я знаю подлинно: доктор сейчас нас ведет особенно форсированно, бурно; я показывал одной замечательной оккультистке часть моих отчетов Доктору (эта оккультистка — *голландская дама* Эллиса[27]), и она сказала: «То, что представляете Вы Доктору с *Madame Assja*, совершенно исключительно, невероятно по быстроте и подвинутости в одном смысле, но страшно опасно в другом: вас нужно на ½ года спрятать на необитаемый остров, а то могут произойти непоправимые вещи. Скорей уезжайте к Доктору, а то, если до встречи с ним преждевременно вы (это строго между нами) выйдете из себя (т. е. сознательно, *не во сне*, скинем

физическую оболочку), то я не знаю, что может произойти: Доктор Вам дает испытание: сколько Вы оккультно можете вынести: это путь исключительный...» (Слова нашего друга, очень подвинутого).

Милый, пишу это Вам по праву Вашему знать обо мне все (между нами это): только 4 месяца упорной оккультной работы, а мы уже с Асей на пороге *реального выхождения из себя* (т. е. того, что испытывается во время реально переживаемой смерти); *это* случается и вообще не со всеми и во всяком случае *это* бывает после многомесячного, а иногда многолетнего пути. В этот период *реально* перестраивается кровообращение, дыхание; сам Доктор мне сказал: «*Будьте мужественны: надо теперь Вам пройти через это*» (т. е. через борьбу тел и сознательное выхождение из физ<ического> тела). У нас с Асей оказались особые способности к *особому виду пути* (самому дикому и странному для людей века сего); и нас надо сперва *прогнать сквозь строй* ***ада***, и очищения в астральном странствии, а потом уже *застопорить* и медленно укреплять *житейское* и *суетное*.

Суета, треволнения, ссоры, все это на нас действует так, как срывание повязки с живой операционной раны.

Пишу это, чтобы Вы, вспомнивши Ваши слова о «*сдирающих кожу медитациях*», о *шатании* основ моей личности: поняли, что Вы, будь Вы даже и справедливы, говорили это человеку, как бы лежащему на операционном столе перед событиями реальными и потрясающими душу до дна...

Пишу это все еще и потому, что Доктор *повернут к нам совсем не так, как к Алеше или Мише*[28] *или многим другим*: у нас свой, особый «*путь*». И даже захоти мы сейчас уехать от Доктора, нам еще ряд месяцев уехать нельзя, ибо Доктор нас не отпустит: ради нас. Он постоянно следит и контролирует нас и нашу работу.

Наоборот: работать, писать, *творить* — могу и хочу.

Но два я-да сейчас для нас с Асей настоящая гибель: отъезд вынужденный от Доктора = сердечной болезни, нервному расстройству, или какому-нибудь в этом роде сюрпризу (так мы стоим: еще не утвердились *там*, и полувыходим *отсюда*); через год, полтора мы можем быть, как все, а сейчас невозможно.

Милый, вникните: если я эти *два года буду* так из месяца в месяц тревожиться — ни Бориса Николаевича (с достоинствами

и недостатками), ни Андрея Белого не будет, а будет — «жалкий уродец». И взываю: «Войдите в наше положение». И дайте слово: *обо всем написанном никому.*

Опасности для нашей жизни реальные (это между нами): мы сами *вломились* туда, куда, может, нам было рано. У меня я знаю, отчего *это* произошло (от неправильных медитаций Анны Рудольф<овны>[29] и от вынужденного окк<ультного> голода с января 1910 года до начала работы у Доктора). Доктор лишь оформил уже имеющееся в потенции: и отсюда чрезмерная быстрота нашего движения в сторону *миров иных* (которая после одного этапа сменится, наоборот, возвращением ко всему внешнему).

Ради Бога поймите, что *все это реально*: а поняв это, Вы поймете и сериозность нашего положения, и серьезное для всей будущей жизни и творчества: «Быть или не быть».

Повторяю, *это* не касается самой работы творчества, а покоя и возможности жить и дышать, не думая о завтрашнем дне.

(Доктор особенно настойчиво подчеркнул: «Не отходить от творчества. Быть *в символизме*. Но... — не уезжать в Россию, и главное: совершенно успокоиться»). Относительно моих припадков нервности он сказал Асе: «Оставьте его: это все борьба пробуждающихся тел. Тишина: и он справится сам со всеми нервностями, но при условии покоя...».

Милый друг: а покоя на физическом плане нет. Остается одно: легкомысленно игнорировать надвигающееся и не верить «*Сирину*». «*Сирин*» хочет издать собрание моих сочинений: не верю; это опять «*Майя*», как с имением.

И пессимизм мой законен: он ограждает меня от разочарования.

Разве уж если «*Сирин*» меня обеспечит на два года? Тогда есть чему радоваться; иначе: 500 рублей гонорара лишних, т. е. отсрочка на 2 месяца, т. е. опять *агония*.

Не верю.

И все же, спускаясь в область «*Майи*», я спрашиваю дружески Вас: «*Собрание моих сочинений*» + «*Петербург*» или без? И далее: милый, спросите возможно дороже, и так, чтобы в случае, паче чаяния это удастся, то нельзя ли сумму, мне следуемую, разложить на 2 года по 3<00> рублей в месяц, начиная от февраля, +

часть денег на уплату хотя бы 1500–2000 тысяч <*так!*> «*Мусагету*» и 500 Блоку.

Если же Вы найдете возможным, чтобы я «*Сирину*» запродал всю *Трилогию* (с обязательством представить и III-ью часть «*Невидимый Град*»)[30], то можно было бы все это продать за гораздо более дорогую цену. А я тогда дружески Вам обещаю хорошую, хорошую книгу, ничем не уступающую «*Трилогии*»: «Мусагету». Если бы мне 2 или 3 года выплачивали бы право жить, я за это бы время написал и III часть «*Трилогии*», и Первую часть «*Антихриста*», и книгу стихов (ведь, ей Богу, стихи не пишутся от «*суеты*»: в два бы года набежала большая книга стихов и Первая часть «*Антихриста*» (драма): *для* «*Мусагета*»).

Реально я бы ожил и все бы совместилось: большие полотна, Доктор, и Андрей Белый; все недоразумения рассеялись бы.

Но этому я не верю, милый: не верю. И построив картину возможной идиллии, я спокойно разрушаю ее.

Это — Майя. И вот что обидно: из глубин губит «*Майя*». Губит «*Майя*»... просто отсутствия в нужный момент нескольких тысяч.

Милый друг, вопреки недоразумениям я многое тут написал слишком «*голо*» и «*интимно*» (особенно о себе и Докторе); раз я это написал: верьте — я уже где-то, вопреки всем видимым факторам наших разногласий, сказал Вам: «*если в чем виноват, простите*». В чем и насколько, это мы установим объективно и справедливо при личном свидании.

Остаюсь глубоко любящий и верящий в нашу дружбу

Борис Бугаев.

P. S. Адрес: Berlin. Scharlottenburg. Luther Strasse. 27. Pension Wegner. Если что нужно будет экстренно телеграфировать, то с 28 — до 3 января нов<ого> стиля мы на обязательном для нас курсе в Кёльне (где, вероятно, будет и *деловое* свидание с Доктором)[31]. На эти дни адрес: Köln. Postlagernd.

РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 78. На конверте надпись (рукой Н. П. Киселева?): «Из этого письма вынута записка о романе (стр. 2)». Опубликовано (с купюрами) Л. К. Долгополовым (*Андрей Белый*. Петербург / Изд. подгот. Л. К. Долгополов. Л., 1981. С. 512–515 («Литературные памятники»)).

Ответ на п. 270.

[1] См. примеч. 6 к п. 199. Приводим это недатированное письмо А. Тургеневой (РГБ. Ф. 167. Карт. 3. Ед. хр. 26); в нем идет речь главным образом о хлопотах, которые предпринимал ее отчим Владимир Константинович Кампиони в целях продажи кавказского земельного участка.

Милый Эмилий Карлович.

Не писала вам о кавказских делах, т<ак> к<ак> планы были слишком хороши и не верилось мне, что они исполнятся и что нам удастся спокойно без долгов и исканий пожить.

Теперь вы, должно быть, всё знаете. Мой вотчим был на Кавказе и навел все справки. Земля, кот<орая> никак не возделывается, ни в какой банк заложена быть не может. К тому же Александра Дмитриевна <Бугаева. — *Ред.*> подарила 3 десятины — лучшую часть участка — тому, кто ее обворовал при продаже леса, и надо новый план, что сопряжено с большими трудностями. Далее, в постройку ж<елезной> д<ороги> на Кавказе не верят и потому цены еще не подымаются. Сейчас именье стоит 8–10 тысяч. Как только ж<елезная> д<орога> будет, цена сразу поднимется и будет повышаться.

Володя за какое-то большое частное дело должен был получить деньги, из кот<орых> он обещал нам сразу 3000 т. <*так!*> для Мусагета и Блока и потом помесячно года на 1½ в общем около 7 тысяч. Но со слухами о войне (особенно на Волыни) все изменилось, и ожидаемых денег он не получил — и весь план с залогом сам собой падает. Это тем более грустно, что с ноября мы все же расчитывали на эти деньги и ничего — не предпринимали — да и предпринимать-то в сущности нечего.

Теперь Володя нам пишет, что в феврале он, может быть, получит часть денег и даст нам из них тысячи три, но на это ни в коем случае расчитывать нельзя.

Вот —

Теперь — если вы беретесь за Борины дела с Сириным, могу и я вас попросить об одном?

Дело в том, что если бы Мусагет печатал Пут<евые> Заметки, то я, зная, что Мусагету трудно, принимала как большую любезность с его стороны напечатанье моих рисунков и хотела даже просить Мусагет этого не делать или выбрать из них два-три.

Но Сирин — другое, и от него я считаю возможным брать деньги, вопервых, потому что — они мне стоили труда и, главное, потому что нам деньги нужны, во-вторых потому, что, хотя они не слишком хороши, но и не чересчур плохи и могут иметь интерес документальный, в-третьих, потому, что я если не чином, то знанием не ниже Феофилактовых и К°.

Но русских цен я не знаю, — во Франции и Бельгии они стоят от 400 до 600 франков.

В случае, если это выгорит, очень прошу прислать мне рисунки, кот<орые> лежат в Мусагете. Тогда Кожебаткин их у меня спешно вытребовал, и несколько вещей осталось не пересмотренными.

Ну все это очень скучно — и я прошу вас только в том случае, если это не наделает вам лишних хлопот.

Ну прощайте — хороших вам праздников. Собираетесь ли за границу?

Ася.

Ну скажите же ради Христа, ну похожа ли я на «супругу»?

Ну что общего между мной и «супругой»? Ну и что может быть хуже «супруги»? Не называйте же меня так, пожалуйста

Всего хорошего.

<Приписка Белого:>

Милый друг! Поздравляю Вас и всех Ваших (если «*Ваши*» меня хотят знать) с праздником.

В заключительных строках письма А. Тургеневой — реакция на упоминание ее Метнером как «супруги» в п. 270. А. Блок фигурирует в письме в связи с тем, что он одолжил Белому крупную денежную сумму. Николай Петрович Феофилактов — художник-график, основной оформитель журнала «Весы». Рисунки А. Тургеневой, сделанные в ходе путешествия по Средиземноморью и предназначавшиеся как иллюстрации к книге Андрея Белого «Путевые заметки», не были опубликованы; местонахождение их нам неизвестно.

[2] Речь идет о «медитациях» и других заданиях, предписанных Штейнером Белому при встречах с ним в июле — декабре 1912 г. См. составленный Белым перечень «Свидания с Доктором» (ЛН. Т. 205. С. 758–759).

[3] Ин. 3: 8.

[4] Упоминаемое письмо Метнера нам неизвестно. В текстах сохранившихся писем Белого к А. С. Петровскому за вторую половину 1912 г. приведенное словосочетание не встречается. Ср. фразу из письма Эллиса к Метнеру от 20 октября (2 ноября) 1912 г.: «...роковое безденежье и запаздывание каждый месяц гонорара, в к<ото>ром Вы не виноваты, но к<ото>рое доводило меня до грызения рук и стоило „сдирающих кожу медитаций“, о к<ото>рых сообщал Вам Бугаев» (РГБ. Ф. 167. Карт. 7. Ед. хр. 77).

[5] Подразумевается статья «Круговое движение (42 арабески)».

[6] Имеются в виду рукописи «Путевых заметок» и роман «Петербург».

[7] В письме к Белому от 7 (20) декабря 1912 г. Блок, однако, предлагал: «*Постарайся сам взять у Некрасова необходимые главы* под предлогом, который советует Тебе выставить Метнер (у нас с ним — переписка)» (*Белый — Блок*. С. 478). О предлагаемых основаниях для расторжения договора с К. Ф. Некрасовым Метнер написал Блоку 24 ноября (7 декабря) 1912 г.: «Едва ли удобно будет Бугаеву порвать с Некрасовым. Но есть один дипломатический выход. Так как *Мусагет* <...> не может энергично двинуть его *Путевые Заметки*, то если *Сирин* возьмет вместе и роман и путевые заметки, тогда у Бугаева будет предлог взять рукопись романа у Некрасова, сказав, что *Сирин* печатает оба сочинения, что *Путевые Заметки* откладываются *Мусагетом* и что ему, Бугаеву, последнее крайне невыгодно. <...> Я уже сообщил Бугаеву об этой комбинации» (Александр Блок. Исследования и материалы. СПб., 1998. С. 208).

[8] Упомянутое письмо Белого к Блоку датировано тем же днем. См.: *Белый — Блок.* С. 478–480.

[9] Это «официальное» письмо не выявлено.

[10] В марте 1912 г. Белый получил от владелицы издательства «Путь» денежный аванс под обещанные для издательства книгу о Фете и статью о чувстве природы у русских поэтов. См.: «*Ваш рыцарь*». С. 182, 186.

[11] Замысел монографии о Фете остался неосуществленным.

[12] Речь идет о юношеском замысле мистерии «Антихрист» (1898–1899). Фрагменты этого незавершенного произведения были опубликованы под заглавиями «Пришедший. Отрывок из ненаписанной мистерии» (Северные цветы. III альманах книгоиздательства «Скорпион». М., 1903. С. 2–25) и «Пасть ночи. Отрывок из задуманной мистерии» (Золотое Руно. 1906. № 1. С. 62–71). Сохранившиеся черновые рукописи «Антихриста» опубликованы Даниелой Рицци (см.: *Andrej Belyj.* Antichrist: Abbozzo di un mistero incompiuto / Edizione e commento di Daniela Rizzi. Trento, 1990).

[13] «Буря и натиск» (*нем.*) — литературное движение в Германии, сложившееся в начале 1770-х гг. (название — по одноименной драме Ф. М. Клингера), объединенное мятежными настроениями «бурных гениев».

[14] Оценки и впечатления всех перечисленных лиц, кроме Эллиса, были высказаны Белому после чтения им начальных глав романа (в первоначальной редакции) в январе — феврале 1912 г. в Петербурге.

[15] Речь идет о первоначальном, незаконченном тексте романа, написанном в октябре — декабре 1911 г. и переданном в редакцию «Русской Мысли».

[16] См. п. 236, примеч. 2, 4.

[17] См. примеч. 3 к п. 241.

[18] Подразумеваются упреки, высказанные Метнером в неизвестном нам письме, на которые Белый ответил в п. 242.

[19] Образ из стихотворения А. С. Пушкина «Поэт и толпа» (1828): «Не для житейского волненья».

[20] Строка из стихотворения Пушкина «19 октября» («Роняет лес багряный свой убор...», 1825).

[21] Мысль о написании работы, посвященной анализу «философии общего дела» Н. Ф. Федорова, у Белого дальнейшего развития, насколько известно, не получила. См.: *Гречишкин С. С., Лавров А. В.* Андрей Белый и Н. Ф. Федоров // Гречишкин С. С., Лавров А. В. Символисты вблизи: Статьи и публикации. СПб., 2004. С. 101–114.

[22] Майя (*санскр.*) — в древнеиндийской мысли магическая сила сотворения, божественная иллюзия, видимость; демонические чары, обман. «В индусской философии лишь то, что неизменно и вечно, называется реальностью; все то, что подвержено изменению через разложение и дифференциацию и что имеет, вследствие этого, начало и конец, считается *майей* — иллюзией» (*Блаватская Е. П.* Теософский словарь. М., 1994. С. 268).

[23] «Пытка надеждой» — рассказ Огюста Маттиаса Вилье де Лиль-Адана, входящий в его цикл «Новые жестокие рассказы» («Nouveaux contes cruels», 1888); дает картину изощренной жестокости испанской инквизиции.

[24] «Бранд» (1865) — драматическая поэма Г. Ибсена.

[25] В этом письме из Рима от 15 апреля 1866 г. Ибсен ходатайствовал о предоставлении ему денежных средств для существования и дальнейшего творчества; в результате соответствующее королевское предложение было внесено в стортинг и 12 мая 1866 г. Ибсену было назначено писательское жалованье. Ту же аналогию с Ибсеном Белый провел в неизвестном нам письме к В. Ф. Ахрамовичу, о чем он позднее сообщил в письме к А. С. Петровскому (вторая половина февраля — начало марта 1913 г.), обрисовывая свое тяжелое материальное положение: «...все это породило мою тихую жалобу Ахрамовичу, что я сейчас в положении Ибсена, когда он взревел уже после Бранда к норвежскому королю, что если ему не помогут, ему навсегда придется бросить литературу (и это — так: я или напишу огромные полотна, или навсегда замолчу <...>» (*Белый — Петровский.* С. 248).

[26] Белый в краткой форме излагает содержание обращения Ибсена к королю; ср.: «Первым плодом моего заграничного путешествия явилась недавно изданная в Копенгагене драматическая поэма „Бранд", которая в течение нескольких недель со времени своего появления в свет успела обратить на себя внимание и за пределами моей родины; но получаемыми выражениями признательности и одобрения я не могу существовать, авторского же гонорара, хотя он относительно и не мал, не хватает для продления моего пребывания за границей и вообще даже для обеспечения моего ближайшего будущего. <...> Частное предложение, которое, как мне сообщили, собираются внести некоторые члены стортинга, не имеет шансов на успех; обращаться же к правительству — поздно. Поэтому моя единственная и последняя надежда на короля. В руках вашего величества дать мне умолкнуть, склониться под бременем самого горького отречения, которое только может выпасть на долю души человеческой, — отречения от дела своей жизни. Мне пришлось бы уйти с того поля битвы, на котором я, знаю, призван бороться, и это было бы для меня тем тяжелее, что я до сих пор никогда не изменял своему призванию» (*Ибсен Генрик.* Полн. собр. соч. / Пер. с датско-норвежского А. и П. Ганзен. Т. 8. М.: Изд. С. Скирмунта, 1906. С. 147–148).

[27] Подразумевается голландская теософка Иоганна Поольман-Мой (ван дер Мойлен, van der Meulen; 1874–1953), тогда последовательница Штейнера, впоследствии автор эзотерических и космологических сочинений, изданных под псевдонимом Intermediarius; спутница жизни Эллиса с 1912 г.

[28] А. С. Петровский, М. И. Сизов.

[29] А. Р. Минцлова.

[30] Под I и II частями трилогии подразумеваются романы «Серебряный голубь» и «Петербург». III часть под указанным названием написана не была; позднее (в 1916 г.) ее замысел модифицировался в план цикла автобиографических книг под общим заглавием «Моя жизнь». См.: *Лавров А. В.* Автограф романа Андрея Белого «Котик Летаев» // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1994 год. СПб., 1998. С. 351–352.

[31] В Кёльне Штейнер выступал с курсом лекций «Бхагавадгита и послания апостола Павла» с 28 декабря 1912 г. по 1 января 1913 г. Личный разговор со Штейнером в эти дни Белым не зафиксирован.

273. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

Около 17 (30) декабря 1912 г. Имение К. В. Осипова

Никакой «Майи» тут нет, и Вы, конечно, будете надолго обеспечены[1]. ***Если*** переговоры и подписание контракта затянется больше, чем на 1½ месяца, то *Мусагет* пока даст Вам еще взаймы. — Надеюсь, что если я сумею что-либо придумать для Вашего имения, то Вы тогда передадите мне это дело[2]. Пока о нем можно забыть. — Еще раз до свиданья, дорогой Борис Николаевич! Вы представить себе не можете, до чего я устал. — До чего в Москве все тяжело и сгущенно. И идет всюду какая-то вакханалия. Посылаю Вам характерные объявления с низин.

Ваш Э. М.

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 11. Заключительная часть письма на обрывке листа. Предыдущие листы с текстом письма утрачены.

Ответ на п. 272.

[1] Подразумеваются финансовые условия печатания книг Белого в издательстве «Сирин».

[2] См. примеч. 1 к п. 272.

274. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

18 (31) декабря 1912 г. Имение К. В. Осипова.

Траханеево на Клязьме 18/31-XII-912.

Дорогой друг! Спешу (опять спешу и очень) вкратце формулировать результат нашей полуторачасовой* беседы[1]. NB говорили мы вообще о Мусагете и Сирине, затем о Блоке и о Вас.

---

* Терещенко приехал в Москву всего на несколько часов, чтобы говорить со мною, с Брюсовым и навестить Скрябина. Об этом я уже написал Вам из Москвы сегодня утром. Многого важного мы просто не успели коснуться. Но принципиально все ясно. И дело в шляпе, если кое в чем уступить. — (*Примеч. Метнера*).

1) Ваше сотрудничество в Сирине означает следующее: a) Вы обязуетесь в условленный срок подготовить собрание своих сочинений — стихов, романов, статей и т. п. b) Вы обязуетесь отдавать Сирину все свои крупные произведения: *книги* статей, *книги* стихов, монографии (выходящие из размеров небольшой брошюры), романы и т. п., сохраняя за собой право печатать *отдельные* стихотворения, *отдельные* статьи в органах других издательств.

2) Книги, уже обещанные Вами другим издательствам, т. е. Некрасову и Пути, Вы разрешаете Сирину выкупить, Сирин же, в свою очередь, обещает Вам совершить эту сделку выкупа таким образом, чтобы издательства, перед которыми Вы обязались, не понесли от этой операции никакого материального ущерба и остались вполне довольны, переуступив свои права на Вашу работу. Сирин готов переплатить (разумеется, ***не*** за счет Вашего гонорара) Некрасову, лишь бы выкуп Вашего романа не оставил после себя неприятных моральных ощущений у Вас. И вообще Вам вовсе не нужно вмешиваться в это дело; Вы дали свое согласие и будьте спокойны: Некрасов останется доволен сделкой. Вам даже не нужно самому писать Некрасову. О Вашей книге для *Пути* рано говорить, ибо она еще и не написана[2]; но, поверьте, и Маргарита Кирилловна[3] не обидится на Вас и уступит свое право Сирину, ибо дело Сирина столь грандиозно, что оно «вне конкуренции», задачи его слишком широки для того, чтобы преследующие более узкие специфические цели Мусагет или Путь могли чувствовать себя обиженными, обойденными тем, что их сотрудник печатает *крупное* произведение не у них, а у Сирина.

3) В ближайшем будущем Сирин желает выпустить Ваш Петербург, выкупив его у Некрасова, и Ваши Путевые Заметки. Любопытно, что последних Терещенко совсем не знает, но берет их без размышлений на основании наших с Блоком отзывов о них. Но… относительно Путевых Заметок есть не маленькое *но*. Оно заключается в том, что Сирин не будет *принципиально* издавать книг с иллюстрациями, портретами, заставками и т. п. Отсюда затруднение: как быть с рисунками Аси? На эту тему мы не успели поговорить. Вижу два выхода: или надо уступить и оставить рисунки втуне, или (с согласия Сирина) издать избранные места из *Путевых Заметок* с рисунками, но уже в Мусагете. Тогда, разумеется, за Мусагетское издание будет выплачен гонорар только

Асе за рисунки. Последнюю комбинацию я выставляю предположительно на тот случай, если Вы будете на ней настаивать и если Сирин с нею согласится. Ибо, конечно, как бы ни было досадно, что рисунки Аси остаются без воспроизведения, но рушить все дело из-за этого было бы рискованно.

Об этом я спишусь с Михаилом Ивановичем Терещенко, но предварительно жду от Вас совершенно искреннего беспощадного мнения, ибо понимаю, что Вам не может не быть досадно из-за Аси, да и я (совсем откровенно) жалею, что осуществлению этой глубокой «книжки с картинками» все время ставится судьбою одно препятствие за другим. Быть может, осуществить эту прекрасную затею Мусагет окажется в состоянии впоследствии, когда издание *Пут<евых> Заметок* Сирина будет наполовину распродано и публика, благодаря рекламе (кот<орая> у Сирина будет поставлена на широкую ногу), будет сильно заинтересована книгой; тогда, б<ыть> м<ожет>, избранные места с рисунками как роскошное нумерованное издание будет иметь полную raison d'être*. Итак, друг, не стесняясь, выстреливайте быстрее Ваше решение.

4) По поводу Вашего долга Блоку говорить с Сирином неудобно. Думаю, что Блок настолько близок с Вами, что откровенно скажет Вам, ждет ли он возвращения этого долга теперь вскоре или может ждать. Ведь Сирин заплотит Блоку большой куш за собрание сочинений[4], и едва ли Блок нуждается сейчас в отдаче этих 800 р... Что же касается Вашего долга Мусагету (3664 рубля), то тут Терещенко ***сам от себя*** настаивает, чтобы ***все*** денежные обязательства его будущих клиентов до конца были ликвидированы Сирином, дабы эти клиенты не чувствовали себя под психологическим давлением каких-либо долговых обязательств и могли спокойно работать крупную работу, не отрываясь для замазывания долгов. Так Терещенко поступил и с долгами Ремизова и Сологуба Шиповнику[5] и другим. Это он мне *конфиденциально* совершенно напрямик заявил, сказав при этом, что отдача этого долга совершенно не отразится на гонораре *в смысле отодвинутия его выплачивания.* Для Мусагета, конечно, выгодно покрытие долга (это прямо выручает нас из почти безвыходного положения: вспомните список подлежащих изданию книг, Вам присланный

---

* Разумное основание (*фр.*).

в одном письме). Но и для Вас эта расплата выгодна, и притом *не только* в «психологическом» отношении; именно раз Вы совершенно расплатились с Мусагетом, то, во-первых, Вы *получаете* гонорар за статьи в Тр<удах> и Дн<ях> вместо того, чтобы его (как это до сих пор делалось) вычитывали из долга; во-вторых, в крайних случаях (вроде нынешним летом) Вы всегда можете взять аванс; в-третьих, если бы даже вдруг Блок *потребовал* от Вас возвращения Вашего долга, то и это частями можно было бы сделать из сумм *Мусагета*, раз Ваш долг *Мусагету* покрыт вполне; вмешивать же *Сирин* в Ваши долговые обязательства не учреждениям, а частным лицам, не следует; это мое мнение; прибавлю, что, насколько я понял Терещенко, он отклонил бы сам для себя такое вмешательство; другое дело, если ***по*** заключении контракта с Сирином Вы напишете Терещенке, чтобы контора Сирина выплатила Ваш долг из причитающихся Вам сумм Блоку; это — Ваше право; но *условие* Сирина таково, чтобы долги авторов учреждениям были ликвидированы ***до*** заключения с ними контрактов. Кстати скажу, что по окончании всех переговоров Вам будет представлен для подписания письменный договор, который, разумеется, предварительно будет проанализирован мною и Николаем Петровичем Киселевым.

5) Теперь о гонораре. Точно пока он не установлен. Знаю только, что роман Ваш Петербург (22 листа) предположительно оценивался в 4400 р. Ввиду преобладания в собрании Ваших сочинений элемента статей и рассуждений сейчас пока трудно установить общую цифру гонорара, но, конечно, она будет превышать все, что только когда-либо могли бы дать Вам все другие издательства. Я все время говорил о Вас с Терещенко в таком тоне (а это не трудно мне, ибо я искренно — и Вы это знаете — восхищаюсь Вашим дарованием), что возможность деградирования Вашего гонорара по сравнению с гонораром Брюсову и другим совершенно исключена. Постараюсь по выяснении некоторых деталей договориться о гонораре окончательно, а пока могу только Вам сообщить следующее, что с момента подписания договора Вы начнете получать свой гонорар ежемесячными взносами по 333 рубля в месяц, т. е. 4000 р<ублей> в год. *Думаю, что Вы таким образом надолго обеспечены.* Сумма в 4000 р. в год установлена мною (она может быть несколько уменьшена или несколько

увеличена по Вашему усмотрению) так<им> обр<азом>: по моим расчетам за Ваше отсутствие из Москвы Вы в ¾ года истратили 3000 р. на жизнь (не считая путешествия из России) ибо 1000 + 1200 (Путь и Марг<арита> Кир<илловна>) + 600* (Некрасов) + 400 (Мусагет) = 3200. Дорогой, Вы не примите этого расчета за критику! Я только должен был приблизительно установить месячный взнос, ибо Терещенко предпочитает выплачивать гонорар помесячно**, и сумма 333 р. его вовсе не смутила.

6) Терещенко, говорят, *не* понравился очень Брюсову; мне он понравился. Он вполне русский и вполне европеец, т. е. русский европеец, а я люблю таких. Конечно, он слишком русский и слишком европеец для Брюсова, который и недостаточно русский и недостаточно европеец; не знаю, говорит ли Вам что-л<ибо> этот мой схематизм? Положиться на капитал Терещенки можно вполне (у него 15 миллионов); убежден, что и на честность его и благородство тоже можно положиться.

Спешу кончить. О медитациях, сдирающих кожу[6], Вы писали и мне, хотя и не совсем в этих выражениях; простите, если я, цитируя, обидел Вас; помнится, мысль моя была в том, что нельзя при таких медитациях быть вполне ответственным за то, что пишешь и говоришь. Мне не хочется сейчас рыться в копировальной книге и отыскивать это место. Оставим все это в стороне. Прошу Вас не обижаться на статью Степпуна; она должна была быть напечатанной[7]; Вы можете ему ответить! Но он Вас *очень* любит и страшно высоко ценит. А теперь пока до свиданья! Поздравляю Асю и Вас с наступающим Рождеством. Пишите кратко и формулятивно (а главное, до конца откровенно) о сделанном мною в этом письме докладе. Обнимаю Вас. Ваш любящий Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 6. Л. 83–94. Текст — в копировальной книге Э. К. Метнера.

[1] 15 декабря 1912 г. В. Ф. Ахрамович извещал Метнера: «...сегодня (в субботу) получил письмо от А. А. Блока: просит известить Вас, что Терещенко приедет в Москву в понедельник» (РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 16). В понедельник 17 декабря Блок записал в дневнике: «Терещенко сегодня

---

* Я не знал, что Вы взяли у Некрасова еще 500 р. (*Примеч. Метнера*).

** Сологуб тоже будет получать помесячно. (*Примеч. Метнера*).

в Москве — говорит с Метнером?» (*Блок Александр*. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 193). 27 декабря 1912 г. Блок сообщил Метнеру: «М. И. Терещенко рассказал мне о Вашем разговоре с ним, и у него осталось хорошее впечатление» (Блоковский сборник. II. С. 393. Публ. Н. А. Фрумкиной и Л. С. Флейшмана).

2 См. примеч. 10 к п. 272.

3 М. К. Морозова.

4 «Собрание стихотворений» А. Блока в трех книгах в «Сирине» не было осуществлено; в 1914 г. была доведена до корректуры лишь его первая книга (см.: *Блок*. Т. 1. С. 193–194, 403).

5 В петербургском издательстве «Шиповник» были осуществлены издания Сочинений А. М. Ремизова в 8 томах (1910–1912) и Собрания сочинений Ф. Сологуба в 12 томах (1909–1912). Эти издания были повторены в «Сирине»: Ремизова — в 1912 г., Сологуба — в 1913 г. См. положения договора, заключенного между Сологубом и «Сирином» в ноябре 1912 г.: Федор Сологуб. Разыскания и материалы. М., 2016. С. 458.

6 См. п. 272, примеч. 4.

7 Имеется в виду статья, помещенная в «Трудах и Днях» следом за статьей Белого «Круговое движение»: *Степпун Федор*. Открытое письмо Андрею Белому по поводу статьи «Круговое движение» (1912. № 4/5. С. 74–86). См.: Андрей Белый: pro et contra. С. 342–353.

275. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

26 декабря 1912 г. (8 января 1913 г.). Берлин

Берлин. 8 января (н. с.).

Дорогой, любимый друг!

Простите, что не отвечал долго: был в Кёльне[1]; а Ваши письма пришли в мое отсутствие. Что ответить? Я растериваюсь: я глубоко, глубоко благодарен Вам, дорогой Эмилий Карлович, как за Ваши слова ко мне, так и за все те услуги дружеские и хлопоты, которыми Вы, знаю, полны из-за меня. Все, что Вы пишете, меня сказать — радует (не скажу): выручает — выручает неожиданно: да. И прежде всего конфузит безмерно: верьте: я никогда не забуду Вашей любви ко мне и Ваших добрых чувств. И верьте: происшедшее за эти 8 месяцев между нами и положу на сердце себе, как *урок*, постараюсь сызнова все пережить, и сумею найти сызнова путь к Вам. Я буду стараться, чтобы глубокая борозда,

проведенная судьбой в 1912* году между нами, претворилась *лишь в этап* новой дружбы и нового союза.

И знаю: я это сумею сделать.

Милый, старинный друг — пусть Вы ушли от меня: я приду к Вам и постараюсь Вас найти; если не сумею, это будет моей виной, моей кармой.

Но довольно: буду на днях *лично* много писать Вам, а пока спешу ответить лишь на деловое: делайте, как найдете возможным со всеми моими делами. Да, конечно, я на все согласен. Единственный пункт сомнения и печали: как же мои большие книги — они не будут в «*Мусагете*»? Милый, снимите с меня тяжесть, а то я боюсь, что Вы, желая меня выручить, так охотно сбываете меня «*Сирину*». Все, что Вы пишете, прямо является спасением для меня: но при мысли, что это спасение в ущерб мусагетской моей деятельности, страшусь. Скажите же, что это — ничего. В случае осуществления обязательств с «*Сирином*» в том виде, в каком Вы мне это рисуете, буду же много, много, много писать в «*Трудах и Днях*».

Теперь только формально

1) Я согласен на условия «*Сирина*».

2) Я согласен на то, что будущие книги будут печататься у него.

3) Я не знаю, какую сумму заплотит мне «*Сирин*» за собрание сочинений, но, конечно, моей мечтой было бы прожить обеспеченно года два.

4) 333 рубля в месяц (как жалованье) меня выручает безмерно. Получая 4000 в год, в 2 года я должен получить 8000 тысяч; принимая во внимание выкупку романа 1100 + 3600 «*Мусагету*» + 1100** Маргарите Кирилловне[2] в счет романа, т. е. в счет суммы Некрасова это составит Терещенке 8000 + 5900 = около 14 тысяч. Так ли я понимаю? Я обещаю в течение этих двух лет третью часть «*Голубя*» — «*Невидимый Град*»[3], за который по справедливости можно будет взять 3000 рублей; итого *13 900* будет стоить

* *В автографе описка*: 1812.

** *В автографе описка*: 11 000.

«*Сирину*» уплата моих долгов + 2-годовое содержание; 3000 из этих 13 900 будет стоить мой роман «Невидимый Град». Тысячи 3000 «*Петербург*», около 1000 «*Путевые Заметки*». Итого 7000 три больших новых моих книги уже входят в эти 2 года. Так что считаю, что все доселе появившееся в печати, то есть

1) 4 «Симфонии»,
3 «книги стихов»,
«Серебряный Голубь»,
3 книги статей,
и книжечка рассказов
(*Куст*, *Адам*, *Световая сказка*, еще сказка, «Пришедший» + кое-что)[4], т. е. 12 уже видевших свет книг как собрание сочинений продаю за 7000 рублей.

А за собрание моих сочинений полное 12 напечатанных книг и 3 больших новых (если с монографией «*Пути*» устроится[5], то и 4 новых книги), т. е. от 15 до 16 книг если бы я просил 15 тысяч рублей, то, право, было бы не дорого. Эти 15 тысяч распределились бы так.

1913 год мне —	4000
1914 год мне —	4000

	8000

Долги:

«Мусагету»	3600
Некрасову	1100
М.К. Морозовой (за 2-ую часть гонорара «Петербург»)	1100
Блоку	800

Итого	6600

8000 + 6600 = 14 600

14 600 за 15 книг → право, это можно было бы… *Это считая долги.* А если Терещенко, как явствует из Вашего письма, не считает *сумму* долгов за счет гонорара, что кажется мне неправдоподобным и уже совершенно фантастичным, то, *право*, в этом случае, быть может,

и 1915 год мог бы он мне обеспечить. Тогда, невзирая на колоссальную сумму долгов (6600 р.) я получил бы за 1913 — 4000
1914 — 4000
1915 — 4000

Эта 3-летняя свобода бы окрылила меня, скажу прямо: спасла бы меня, как художника.

В сумме эти 15 книг (включая «*Невидимый Град*», за который примусь после «Петербурга») заключали бы не так-то уж мало художествен<ной> прозы. Смотрите.

1) 1-ая Симфония
2) 2-ая Симфония
3) 3-ья Симфония
4) 4-ая Симфония } Том
5) Серебряный Голубь (том)
6) Петербург (том)
7) Невидимый Град (том)
8) Пепел (том)
9) Золото в лазури + Урна (том)
10) Путевые Заметки (худ<ожественная> проза) том

Десять томов была бы художественная проза и стихи.

И далее статьи.

11 и 12) Арабески + Луг зеленый + будущие статьи. 2 тома.
13) Символизм (без ритма)[6] том
14) Ритм 1 том.

Я не знаю размер тома у «*Сирина*», но вот предлагаемые 14 томов большого формата (каждый том в этом виде равен приблизительно № «*Логоса*»[7]). Из этого собрания сочинений 10 томов падают на стихи и худож<ественную> прозу и лишь 4 на статьи.

1) Том «*симфоний*» (с приложением рассказов, *Пришедшего* и т. д.) будет не *менее* 300 страниц большого формата.

2) Том «Серебряного Голубя» не менее 250 страниц.

3) Том «Петербурга» не менее 300 страниц.

4) Том «Нев<идимого> Града» не менее 300 страниц.

5) Том «Пепла» будет меньше (страниц 150).

6) Том «Золота в лазури» + *Урна* + последние стихотворения не меньше 250 страниц.

«Путевые Заметки» (не меньше 300 страниц).

Арабески + Луг зеленый + последние статьи по 300 страниц (2 тома).

Том Ритма (с примечаниями) 260 страниц; том «Символизма» до 350 страниц.

Видите: *томы* основательные; при меньшем формате эту массу можно разбить и на 20 томов: все дело в формате. Я предлагаю принцип естественного деления[8].

Я не знаю, если у Брюсова долги, входит ли 20 000 тысяч <*так!*> гонорара в покрытие долгов, если 20 000 *помимо долгов*, то справедливо в таком случае мне за эти томы 12 000 тысяч <*так!*> *помимо долгов* (т. е. 3 года свободы и работы); если же *долги* мои вычитают у меня из общей суммы, то предлагаю так; за 14 больших томов 15 тысяч, т. е. *расплату долгов* и 2 года свободной независимости и работы, обязуясь в 2 года написать «Невидимый Град» и, может быть, Первую часть трилогии «Антихрист» (за последнее не ручаюсь: она, быть может, и не поспеет через 2 года)[9]. За «*Нев<идимый> Град*» — ручаюсь.

Пишу это, милый, лишь Вам платонически, а не реально: безусловно Вам верю и безусловно не могу стать на реальную почву, не зная ни «*Сирина*», ни своей *цены*. Одно знаю: 333 рубля очень хорошо в месяц. Между нами (хотя бы год, полтора так пожить).

Не удивитесь цифре (300 рублей): эта цифра есть наша с Асей цифра. Вам она кажется большой, но опыт (Африка, Брюссель и т. д.) показал, что фактически это наша средне-хорошая жизнь. Можно жить нам на 200 рублей, очень *терпя* нужду и *без возможности переездов*, на 250 рублей не терпя нужды и *без возможности* переездов. Наконец, 300 рублей, не терпя нужды *и с возможностью переездов*.

Чтобы Вы не подумали, что это — мотовство, представляю Вам средний бюджет нашей жизни.

В Берлине нам с Асей *по закону жить нельзя*: следовательно, мы устроились благодаря содействию хозяйки, которая, конечно, отчасти пользуется нашим положением; перед полицией мы freulein Turgeneff и B. Bugaïeff. Перед жильцами Herr und Frau

Bugaïeff* (хозяйка посвящена в наш *modus vivendi*)**. *За это*: приходится платить за комнаты (две), сообщающиеся, 130 марок в месяц без отопления и освещения. Отопление, освещение и кофей марок 40. Итого:

Комната
Отопление
Освещение } 180 марок
Кофе
Чай

Обед (вегетарианский, следовательно не готовый, а по карточке → вегетарианская столовая от нас у черта на куличках) — обед от *5 до 6 марок* в день, т. е. в месяц *150 марок*.

За границей страшно дороги папиросы, а мы — курящие: мы курим по 25 пяти <*так!*> папирос в день, т. е. *50*, т. е. *100* на два дня. Дешевые папиросы здесь отравлены морфием. Неопасные папиросы 100 штук — 3 марки.

В месяц мы курим

100 × 15 = 1500, т. е. папиросы обходятся 45 марок.

Две-три газеты (французская и русская) 40 пфеннигов. 40 × 30 = 1200, т. е. 12 марок.

Ужин к вечеру + хлеб от 1,5 до 2 марок.

2 × 30 = 60 марок.

Итого: не стесняя себя в *элементарном* → вот уже какая сумма:

180
150
45 } = 447 марок
12
60

Теперь: каждая публичная лекция Доктора нам стоит от 3 до 4 марок. В месяц от 2 до 3 лекций, итого марок *10*.

Передвижения (немного).

Прачка в месяц (5 марок в неделю) 20 марок.

Зубной порошок, мыло, чай, сахар, мелочи, сладкое — марок *20*.

* Господин и госпожа Бугаевы (*нем.*).

** Образ жизни (*лат.*)

Опыт показал, что каждый месяц обнаруживается какая-нибудь необходимая покупка (то сапоги, то та или иная статья белья, то Асе, то мне); на это непредвиденное уходит марок 25 минимум.

Итого

$$\left.\begin{array}{l}10\\20\\20\\25\end{array}\right\} 447 + 75 = 522$$

$$\frac{}{75}$$

522 марки, живя сносно, тихо и абсолютно не бывая в театрах, не покупая книг и т. д. 250 рублей (кроме того бумага, марки почтовые и др.).

Теперь: как ученики Доктора мы должны посещать большие циклы Доктора, должны же от времени до времени покупать себе цикл.

Итого: железная дорога, гостиница, циклы, цена за курс (так за 5 лекций курса кельнского с нас взяли по 7 марок, т. е. 14 марок). На все это мы кладем 50 рублей в месяц (поездка не каждый месяц, но поездка вдвоем, *конечно*, берет более 50 рублей). Вы видите, что, живя скромно, нигде не бывая, но и не терпя нужду в элементарном, *включая поездки*, наш нормальный бюджет, а не максимальный, есть 300 рублей, т. е. по 150 рублей на человека.

И оттого-то для спокойной и правильной жизни и работы нам 333 рубля в месяц есть *справедливое жалованье* (живи мы на квартире, оседло, устройся надолго — сумма расходов значительно сократилась бы, но ведь *квартиру* в Берлине снять мы *фактически* не можем (Вы знаете, почему).

Конечно, я могу не покупать газет, не курить, таскаться через весь Берлин к черту на кулички в вегетарианскую столовую, сидеть без циклов, и страстно стремясь на цикл, не попасть туда (а без цикла — пропадает самый быт нашего *странничества*: ученики Доктора — *Wanderer*'ы*, с котомкой за плечами: Доктор строго настаивает на *пользе* атмосферы *странствий* для его учеников). Но из суммы всех этих маленьких лишений создается

* Странники (*нем.*).

докучно-досадная аура. Вот почему лучше я согласился бы получать 333 рубля в месяц *полтора года*, чем *250*, например, два: от каких-нибудь 50 рублей зависит столь многое в нашем быту.

Может быть, мы — моты: но право же: мы месяцами сидим без книг, без музыки, без театра; и ни на что не тратимся. Мы только спокойно и скромно живем.

Поэтому во всех переговорах с Терещенко поддержите, дорогой, комбинацию 4000 тысяч <*так!*> в год, хотя бы она укорощала срок получения. Нам здоровее и важнее 1½ года жить тихо, в покое, не лишаясь доктора, чем, например, 3 *года* лишая себя необходимого.

Вот, дорогой, мои соображения из Берлина к Вашему сведению. Стремительно обрываю письмо и бегу на почту.

Несколько пунктов и о «*Тр<удах> и Днях*» пишу на днях в личном письме.

Дорогой друг, с новым годом, воистину да будет он нам всем *Новый и Светлый*. Почему-то верю в него. 19*13* год изгадил 1912. 1913 году всё будут внешние тучи, а внутренняя атмосфера, верю, разрядится. Слышу весенний воздух уже, а в душе где-то *тихие зори*.

И хочется *милую зорю* не спугнуть: тихо в сердце взрастить.

Обнимаю Вас крепко! с Новым Годом и… счастьем! Всем Вашим глубокий привет.

Ася Вас сердечно приветствует и просит передать, что нам обоим *очень* улыбается Ваше предложение с «*Путевыми Заметками*» (интимное иллюстрированное издание).

Ну Христос с Вами.

РГБ. Ф. 167. Карт. 3. Ед. хр. 1.

Ответ на п. 273 и 274.

[1] См. примеч. 31 к п. 273. В тот же день Белый писал А. Д. Бугаевой: «…мы только что вернулись из Кёльна, где прослушали курсы „Бхагават-Гита и послания апостола Павла“. Курс был столь огромен по содержанию, столь потрясающим по открывающим горизонты, что кёльнская неделя пролетела сплошным оцепенением» (*Письма к матери*. С. 169).

[2] М. К. Морозова.

[3] См. п. 272, примеч. 30.

[4] Рассказы Белого при его жизни отдельным сборником не издавались. Рассказ «Куст» был опубликован в «Золотом Руне» (1906. № 7/9. С. 129–135), «Адам. Записки, найденные в сумасшедшем доме» — в «Весах» (1908. № 4. С. 15–30), «Световая сказка» — в «Альманахе „Гриф“» (М., 1904. С. 11–18), «сказка» «Горная владычица» — в журнале «Перевал» (1907. № 12. С. 20–25). «Пришедший» — см. примеч. 12 к п. 272.

[5] См. примеч. 10, 11 к п. 272.

[6] Подразумеваются четыре стиховедческих статьи, входящие в книгу «Символизм».

[7] Согласно договору об издании журнала «Логос», заключенному с издательством «Мусагет» 2–15 ноября 1909 г., каждый выпуск журнала должен был заключать 15 печ. листов (печ. лист — 40 000 букв). См.: *Безродный М. В.* Из истории русского неокантианства (журнал «Логос» и его редакторы) // Лица: Биографический альманах. 1. М.; СПб., 1992. С. 399.

[8] Намеченный здесь проект многотомного издания своих сочинений стал первой попыткой Белого систематизировать свое творчество; см. последующие авторские планы собрания сочинений, относящиеся к 1917 г. (Издательство В. В. Пашуканиса), 1920 г. (Издательство З. И. Гржебина), 1925 г. («План посмертного издания»): *Бугаева К., Петровский А., <Пинес Д.>* Литературное наследство Андрея Белого // Литературное наследство. Т. 27/28. М., 1937. С. 576–577; *Лавров А. В.* Материалы Андрея Белого в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981. С. 64–69.

[9] Конкретных попыток вернуться к воплощению этого юношеского замысла Белый, насколько известно, в зрелые годы не предпринял.

276. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

29 декабря 1912 г. (11 января 1913 г.). Имение К. В. Осипова.

Траханеево на Клязьме 29/XII 912.

Дорогой Борис Николаевич!

Пришел мой черед из инертной, но истеричной Москвы направить Вам сердечный новогодний привет в шумный своими стогнами Берлин! И «мне нечего писать»[1], и по той же причине, по которой в январе 1909 г. — Вам. И у меня есть одно нечто весьма «тяжелое», которое особенно «волнует» меня именно теперь. — Все остальные «невзгоды», даже наша распря, отнявшая у меня столько сил и здоровья, — ничтожный пустяк (сравнительно!) перед тем основным, «начертанным судьбой самой»[2] срывом

моей жизни, который должен быть мною одиноко и безо всякой помощи извне преодолен.

Привет от меня Асе. Коля и Анюта[3] кланяются. Надеюсь, что мое большое письмо о разговоре с Терещенко Вас удовлетворило и успокоило[4]. Спешу кончить, чтобы не слишком запоздать с своими новогодними пожеланиями. Обнимаю Вас, старинный друг, крепко.

Любящий Э. Метнер.

P. S. Не очень сердитесь на Степпуна[5].

РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 6. Л. 95. Текст — в копировальной книге Э. К. Метнера.

[1] Цитата из стихотворного письма Белого к Метнеру (п. 157).

[2] Обыгрывается образный строй того же текста: «(Волнует и пьянит оно) — // Тяжелое воспоминанье...»; «Дорога от невзгод к невзгодам // Начертана судьбой самой...».

[3] Н. К. Метнер, А. М. Метнер.

[4] Имеется в виду п. 274.

[5] Подразумевается полемический ответ на статью Белого «Круговое движение» (см. примеч. 7 к п. 274).

1913

277. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

4 (17) января 1913 г. Имение К. В. Осипова

Траханеево на Клязьме. 4/17 I 913.

Ваше большое, наполненное цифрами письмо, дорогой друг, я только вчера вечером успел пробежать глазами, т<ак> к<ак> все время у нас гости. А гости в деревне редки, но зато метки: ибо приезжают на целый день, и себе уже не принадлежишь вовсе. (Вчера целый день провел у нас Скрябин). И сейчас я не хочу подробно заняться Вашими цифровыми соображениями, откладываю пока это и прямо отвечаю Вам на важное по существу.

1) Печатание всех Ваших больших книг и собраний Ваших сочинений *Сирином* не есть уход из *Мусагета*, если Вы продолжаете принимать близкое и руководящее участие в *Мусагете*. Другое дело, если бы Вы печатали все это не у *Сирина*, а у Некрасова или в *Скорпионе*. *Сирин* — столь грандиозное предприятие, что нелепо с ним конкурировать; русский писатель, который, будучи приглашен в *Сирин*, уклонился, тем самым, если он еще не популярен, нанес себе жестокий урон, потому что как гонорарные условия, так и рекламирование и организация сбыта, вследствие огромных средств *Сирина*, не могут быть нигде доведены до такой высоты требования. Следовательно, раз конкурировать с *Сирином* немыслимо, надо ему уступить большую дорогу, а самому выбрать себе свою тропинку. Надо уступить *Сирину* так, чтобы использовать его в то же время и для *Мусагета* и для мусагетцев.

Уступая, надлежит компенсировать это: 1) влиянием на направление *Сирина* (что именно и возможно через вступление в *Сирин* мусагетцев: Вас, Блока); 2) рикошетной рекламой, которую делает *Сирин Мусагету* тем, что издает его авторов, ибо заслуга *Мусагета* не уменьшается, а увеличивается от того обстоятельства, что тяжелый почин сделан *Мусагетом*, а провести авторов в большую публику *Мусагет* предоставляет огромному, на коммерческую ногу поставленному предприятию. — Вы знаете, что я был огорчен Вашей продажей романа Некрасову[1], но в данном случае «сбываю так охотно» Вас *Сирину* потому, что эта сделка *морально* (а вовсе не материально*), выгодна *Мусагету*: Вы остаетесь интимно в *Мусагете* и мусагетируете *Сирин.* —

2) *Сирин* готов переплатить Некрасову и, разумеется, *не* за счет Вашего гонорара. Но уплата долга *Мусагету* (и *Пути*, если Вы об этом долге заявите), конечно, сократит гонорар, но не отодвинет его выплачивание. Почему *Вам самому* выгодно, чтобы *Мусагету* долг был выплачен; об этом я Вам подробно писал. Только получив Ваш долг, *Мусагет* сможет впоследствии авансировать Вас, если бы это внезапно понадобилось.

3) В двадцатых числах русского января я буду в Петербурге, где и состоится окончательное совещание мое с Сирином об уступке *Мусагетом* Блока и Андрея Белого. Приводимые Вами цифры предположительного гонорара я к тому времени взвешу с Ахрамовичем (кот<орый> знает о договорах с другими писателями) и приму их во внимание в разговоре с Терещенко.

4) Что касается Вашего заграничного бюджета, то и без детального его показания ясно, что меньше 300 р. Вам не обойтись при двух комнатах, при вегетарианстве и при частых переездах.

5) «Интимное» иллюстрированное издание избранных мест Вашего *Путешествия* в идее меня очень привлекает и занимает, и принципиально я выговорю себе право осуществить этот план, когда буду говорить с Терещенко, но, конечно, приступить к печатанию можно будет, когда полное издание Путевых Заметок будет *Сирином* хотя бы на ⅓ продано.

---

* Материально, через несколько лет, когда Вы войдете в «моду», было бы выгоднее *Мусагету* иметь права на Ваши книги. Но это соображение было бы не мусагетского стиля. (*Примеч. Метнера*).

Спешу отправить это письмо, а потому кончаю приветом от всего сердца Асе и Вам. Все наши теоретические разногласия призваны лишь изукрасить нашу дружбу, сделать более полной и содержательной гармонию нашей связи. Наши житейские распри стали серьезной угрозой продолжению дружбы, но раз она устояла теперь, то впредь ей нечего бояться никаких бурь. И, конечно, мы найдем дорогу друг к другу даже при полном удалении наших мировоззрений. Обнимаю Вас крепко, милый друг. Ваш Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 6. Л. 98–101. Текст — в копировальной книге Э. К. Метнера.

Ответ на п. 275.

[1] См. п. 241, преамбула к примеч.

278. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

5 (18) января 1913 г. Берлин

Дорогой, старинный друг — с новым годом, с новой крепостью, со светом!

Тяжел был 12-ый год. Но если после него в наших отношениях все же не произошло ничего радикально меняющего их, если с полной радостью, с легким сердцем я опять называю Вас милым, старинным другом, то *значит дружба, настоящая дружба* есть: она есть источник веры и бодрости.

С новым, воистину с новым годом, *старинный друг*!

Я не знаю, конечно, что *реально волнующее Вас теперь* стоит перед Вами: я чувствую всеми фибрами души, что *такое волнующее* есть; не чувствуй я этого, я был бы гиппопотамом; и потому, родной Эмилий Карлович, я прошу Вас от всей души простить мне, что *вольно или невольно* я входил в Вашу душу *болью* за этот период времени; виноват или не виноват я пред Вами (я знаю, что виноват — может быть, *не так*, *не в том*, в чем Вы определили бы мою вину перед Вами) — все равно: вина моя еще в том, что самолюбиво *отгрызался* я на Ваши укоризненные письма; и тем

вносил лишнее смятение в и без того смятенную Вашу душу. Вина моя — слепота, слабость, эгоизм. И *пока что*, не входя в детали наших недоразумений, я прошу Вас простить меня.

Я не знаю, конечно, что *реально волнующее* стоит перед Вами, но я помню, как встречал я 1909 год, когда без веры, без надежды в объективно блещущий луч Света, изнемогший, окруженный извне литературными скандалами, с душу сжигающим воспоминанием бывшего со мной прежде, *без Аси*, окруженный неприветливой домашнею обстановкою, без физических сил после операции в 1907 году[1] (доктор говорил мне в Париже, что последствия операции будут органически чувствоваться еще года три), без личной цели жизни я писал Вам в Берлин[2]; и не знаю как, не знаю чем, Вы меня поддержали нравственно; чем же мне поддержать Вас теперь, сейчас? Как сказать Вам, Вольфинг, что Вы не Вольфинг. Более, чем кто-либо, знаю я тщету теоретических утешений; слова «*мужайтесь, дорогой друг*» со стороны производят обычно обратное действие; и нет, не скажу я их Вам.

И все же, да не покажется, милый, Вам это дерзостью, у меня есть какая-то отчаянная надежда когда-нибудь, если не скоро, Вам в чем-то помочь, и надежда эта коренится отнюдь не в средствах увещания, или внешней словесной поддержки; эта надежда — факт наших отношений; более того — факт провиденциальной, кармической связи каких-то *мы* друг с другом; кто эти *мы*, я не смею точно утверждать; знаю и то, что и Вы, и я в эти *мы* входим; что эти *мы* кармически связаны, явствует хотя бы из того, что раз колеблется что-то между общею совокупностью этих каких-то *нас*, происходит нечто совершенно безобразное; так, когда отношения наши шатаются, я испытываю ни с чем не сравнимое чувство *безобразия*: я не могу спокойно жить, работать, думать. Так: за эти 8 месяцев я совершенно измучился — а от чего? От того, что Э. К. Метнер рассорился с Б. Н. Бугаевым. Ну что ж такое? Б. Н. Бугаев имеет много друзей, Э. К. Метнер тоже: одним другом больше, одним меньше — что ж такого? А между тем мои бессонные ночи, мои мигрени, моя ни с чем не сравнимая злость на себя и на Вас *одновременно* мне доказывала и ночью, и днем, что тут речь не о дружбе, а о чем-то несравненно более важном, о пути, о нарушении клятвы какой-то на *мечах* и т. д.

То же самое я наблюдал в Эллисе. Факт нашей переписки заставил Эллиса в Брюсселе еще чуть ли не разболеться[3]. В горячих выражениях он заклинал меня скорее оставить нашу ссору, говоря, что мы *все погибнем*, если мы окончательно друг с другом разорвем, что будет разбито нечто драгоценное.

Более того: в эпоху нашей переписки в сентябре и октябре, когда мы с Асей были в Базеле и Фицнау, я — это между нами — вел Доктору дневник виденного физическими глазами[4]; из того, что я *видел* в то время, многое оказалось впоследствии *почти вполне объективным*; из этого явствует: оккультная работа бурно шла во мне; а из этого явствует еще и следующее: более, чем когда-либо, должен я был держаться всяческой гигиены (выдержка, контроль мыслей и т. д.); более всего я хотел мира с Вами, но некие «*злые вихри*», буквально как что-то постороннее входили в меня, и я жаловался Асе, что я не могу справиться с мыслями, что мысли мои *стали сами себя мыслить* и что, когда мысли эти становились дисгармоничными мыслями (мысли о наших неладах), то я испытывал такое ощущение, что мысли эти, как стая *орлов*, кидались на меня и раздирали на части; у меня были минуты, когда я чуть не плакал оттого, что злые мысли *сами собою мыслятся* и что чем более я хочу от них воздержаться, тем сильнее они кидаются на меня (прежде этого никогда не было со мной); в этот период я писал «*Арабески*»[5]. Вечером же среди *видимого мною* я видел всегда неприятные существа (золотые, звездовидные многоножки, обливающие меня теплом: одну из зарисованных картинок этого рода я показал Доктору: и Доктор приписал к картине: Attake, Luftdämonen*. Все эти дни на меня шла атака *демонов воздуха*; но связи между золотыми многоножками, виденными в ту пору *всегда* ночью после медитаций, и душившею, в меня входящею злостью, я не испытывал. Объяснения Доктора пролили свет[6].

Видите, милый: кармическая связь нас до такой степени явна, что когда мы пытаемся потрясать основы той связи, мы можем сделаться (как было со мной в Vitznau) объектами воздушных атак и т. д. Когда из Vitznau мы переехали в Штуттгарт[7], то Эллис мне опять

* Атака, воздушные демоны (*нем.*).

сказал: «Если Ваше недоразумение не кончится, то я не знаю почему, но... *все погибло*»[8]: и первый *тактически* стал писать в «*Тр<уды> и Дни*», Вам, чтобы положить начало какому-то примирению.

Все это я пишу, чтобы подчеркнуть, как кармическая связь существует между всеми нами и как вредно для всех нас подвергать испытаниям эту связь.

И обратно: эта связь обнаруживается в помощи друг другу — я не сумею опять сказать, *где, в чем* бывает эта помощь, как она реально проявляется (все это относится к полуосознанной сфере): но помощь чудесная *друг другу* есть, она бывала.

Она была мне в тот день, когда Вы подошли ко мне и шепнули на ухо, что тема 2-ая Сонаты Н. К. *все о том, об одном*[9]; она была, быть может, Вам в факте моей 2-ой Симфонии; опять-таки она была мне от Вас в Нижнем[10]; и опять-таки она была Вам от меня весной 1909 года; и далее она была мне от Вас в факте «*Мусагета*». То, что за мной *долг* какой-то поддержки Вам, какого-то слова, преисполняет меня *чудесной надеждою*, что раз *долг* есть, то в будущем *сумею, сумею* его заплатить.

А как сумею, что я сумею — разве я знаю? Может быть, будет это тогда, когда мы вместе посмотрим на новые *зори*: зори с нами; и небо — небо всегда над головой; когда в небе нет туч, в час заката, оно «*милое, вечное, старое и новое во все времена*»[11]; нужно только отметить это и как-то шутливо на «*сей факт*» подмигнуть, посмеяться этому, а для этого надо вместе выйти в поле, полюбоваться закатом, понюхать воздух, прочесть текущую в небе «*Летопись мира: последние вечерние приложения*». Потом взять камни: и метать в овраги, уничтожая врагов.

Отнято ли у нас небо? Нет: оно *еще пока* над нашими головами, или оскудели знамения и все кругом тускло и мертво? Нет: никогда атмосфера не была столь напряженна; Европа стоит покрытая стальными штыками; всемирно-исторические события гремят. *И это — утешение.*

«Что-то в слово просится, что-то недосказано,
Что-то совершается: но ни здесь, ни там»[12].

И тяготы безымянные, жизненные положения, которым нет названия, не есть ли это все то же, что еще испытывал покойный Вл. Соловьев:

«Пустыня без цели
И путь без стремленья...»[13]

Ведьмы порой обречены на тяжесть, которой нет названия: «*В те дни будет скорбь, какой не было от создания мира*»[14]. Эта скорбь, конечно, выражается не в отвлеченном начале; с этою *скорбью* бывает и подбор событий в нашей жизни; у меня этого подбор событий был на рубеже между 1908 и 1909 годом. У Вас — теперь; но наша связь — гарантия к тому, что *скорбь эта* моментами разрешается в невыразимейшую сладость (черта, общая нам всем):

«И голос все тот же звучит в тишине *без укора*:
Конец уже близок: желанное сбудется скоро»[15].

«*Голос все тот же*», «*желанное*» — вот что нас соединило, связало. И пока существует союз наш, смерть *одного* из нас есть *поражение всем*; но и: *радостное упование одного* есть несомненная поддержка всем.

Я пишу все это вне закона достаточного основания, т. е. просто без оснований; но без всякого основания мы когда-то *подмигивали на зорю*: *безосновное* однако не раз ложилось в *основу* чего-то; с *основанием теперь* мы ссылаемся на то, чему никогда не было оснований. И оттого-то без всякого основания, вопреки всему я говорю Вам, милый: чуется мне, что «*голос все тот же*» между нами; он «дышит, где хочет, и его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит»[16].

Для Вас, *сейчас*, этот голос ушел неизвестно куда; для меня с весны он «*опять возвращается*»[17] — голос все тот же:

...«звучит в тишине без укора:
Конец уже близок: желанное сбудется скоро...»

И зная кармическую связь нашу на основании прежнего, *безосновного*, безосновно легшего в нашу дружбу, я говорю: или мы разбиты, разъединены, или моя безосновная надежда на то, что «*возвращается*», должна так или иначе Вам, *в Вашем*, отдаться как *Свет*: если не сейчас, то впоследствии.

Но тут Вы мне можете возразить: «Пути наши разошлись. Вы — с доктором Штейнером, а я — с Вагнером; и оставьте меня: с меня достаточно Вагнера; байретская «*медитация и концентрация*» несочетаема с бездарными общими местами мистерий[18], монистическими, схоластическими циклами: нельзя одновременно идти двумя путями...» (пародирую Ваше письмо мне в Мюнхен)[19].

И только теперь отвечаю на все это. Чтобы ответить Вам на Ваше мюнхенское письмо, мне надо *пропеть* ответ, ибо это всё деликатнейшие темы; и не сердитесь, что в эпоху *полемики нашей* я Вам вовсе не ответил ни звука; так что признайтесь: Вы нигде, ни в чем не имели случая слышать от меня моего определения своей позиции у Штейнера. Просто Вы стоите перед фактом: был Б. Н. Бугаев поэт-символист, клялся, что он не склонит головы перед *теософскою схоластикою*, что путь ⊕ для него начался еще в «*старом и новом во все времена* и *в музыке Н. К. Метнера*», поехал этот Б. Н. Бугаев за границу да и стал вдруг *теософскою теткою*[20]; погодите, Б. Н., уж встретим мы Вас за это в колья! Вот что прозвучало в Вашем письме мне в Мюнхен.

И так как я еще не утратил последних *искр* разумения и последней любви к «*многострунной культуре*»[21] и «*символизму*», то комический образ полемически во-ображенного Вами Б. Н. Бугаева и поставленного перед носом настоящего Б. Н. Бугаева оскорбил настоящего Б. Н. Бугаева, который в эту эпоху сказал себе: «Черт возьми, надо было по крайней мере сперва *лично* справиться, что такое произошло с Б. Н. Бугаевым — у Б. Н. Бугаева, прежде чем расстреливать *Б. Н. Бугаева-тетку*». И обиженный на то, что в Москве при известии о моей поездке к Доктору первый жест был мобилизоваться против моей воображаемой теософии вместо естественного жеста, оправдываемого многолетнею нашей дружбою: «объясните же, что Вы вынесли от Штейнера и что означает Ваша перемена фронта»? Но этого вопроса не было, да не было даже *вопроса* для друзей, что Б. Н. Бугаев, не раз в жизни проявлявший оригинальность поступков, мог оригинально подойти и к Доктору Штейнеру (он подошел, например, к Доктору Штейнеру, как к *почтенному декаденту и символисту*, а не как к схоласту).

Вот на это-то Б. Н. Бугаев (теперь он только кается) обиделся насмерть (Б. Н. Бугаев иногда непростительно зазнается): «*смели*» заподозрить его «*оригинальность*», смели заподозрить, что автор «*Симфоний*» и «*Символизма*» подошел не *симфонически* и не *символически* к Штейнеру, а так подошел, как подходят художественные «*скопцы*». Каюсь теперь в этой обиде, но так как она отошла в область истории уже, я считаю нужным о ней сказать, ибо отсюда у Б. Н. Бугаева появился тон обиды и тон озорства: «Да, вот: я — символист; и нате — выкусите: я есмь теософская тетка».

(Ведь писал же мне Ахрамович такую чепуху, как: он де боялся, что погиб мой талант; но, прочтя мои статьи, он кое-что понял в моей *штейнериаде*). Теперь, когда опрос свидетелей может установить, что мои отрывки из романа (свидетель В. И. Иванов, которому я читал свеженаписанные отрывки)[22] не уступают, а превосходят написанное до Штейнера[23], авось начнут признаваться, что А. Белый все еще символист, и что Штейнер есть эпоха для него «пятой симфонии»[24], а не схоластики (почему-то на *риккертианство* мое не качали головами, а на штейнерьянство качают)*.

Видите: пролегомены эти только к пародируемому отрывку Вашего письма мне: «*Пути наши разошлись. Вы — с доктором Штейнером, а я — с Вагнером; и оставьте меня: с меня достаточно Вагнера*» и т. д. Я утверждаю: пути наши не разошлись, если «*старое, милое, вечное*» соединяет еще нас, старинный друг; но, дорогой: естественно А. Белому, писавшему об *Орлецах*, Хандриковых, «*возвращающемся*», стремиться вступить уже в *личное общение* с орлецами, стариками, Орловыми, ибо, милый: «Хандриков — я, Орлов — Доктор»[25]. То, что я нашел своего *Старика*[26], что связь моя с Доктором по чину *Орловки* и что на наших свиданиях мы разговариваем о «*колпачниках*»[27], а Доктор оглушает меня сюжетами из «*симфоний*», что и медитации наши с Асей носят характер «*старинных дел мастерства*» и «*симфонических*» упражнений — об этом никто и не подумал.

Итак: может быть, Э. К. Метнер сказал «*нет*» персонажам творчества А. Белого, это другой вопрос: но что А. Белый у Доктора именно потому, что он автор Симфоний — этого продукта имагинации; и образы, реально посещающие этого Белого, есть та же *имагинация*, т. е. Симфонии, им написанные, — это Вам говорит сам Белый; ведь не для изучения же номенклатуры циклов он сидит у Доктора; самая *эта номенклатура* есть сознательная схема, не касающаяся реального, вызываемого проведением в жизнь схемы, а Доктор — не сухой педант, а совершенный безумец, сшибающий с ног слона иными из своих заявлений à la «*Симфония*». Я не виноват, что к теткам доктор Штейнер повертывается *теткою*, к рационалистам — рационализмом;

---

* *Приписка Метнера*: но Штейнер значительнее Риккерта и он не идеалист.

я только свидетельствую, что к нам с Асей Доктор повертывается «*символистом и декадентом*», ибо он действует сообразно слову апостола Павла*: «Для Иудеев я был как Иудей, чтобы приобрести Иудеев; для подзаконных как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных; для чуждых закона — как чуждый закона... для немощных как немощный, чтобы приобрести немощных. *Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых*»...[28]

Так как большинство вокруг Доктора немощны, то он и дает им безумие свое в *схеме*: но за *схемою* для ученика Доктора не умозрение, а *факт, событие странное, Орлов, Орлец*... Между нами: Доктор однажды сказал: «*Циклы — это что: чучелы, сделанные из соломы, стоящие лишь как вехи того, что скоро будет не теорией, а действительностью*»...

Когда при мне оспаривают то или иное теоретическое положение Доктора, то я смеюсь: поймите, теоретическое положение Доктора отстоит от Доктора так же далеко, как мой реферат, читанный некогда профессору Зографу по зоологии[29], от меня. Ибо поймите же: «Я — кто? Натуралист? Химик? Критик? Или писатель?» Да, но я мог бы в гимназиях преподавать физику.

Доктор считает нужным читать введения к некой положительной науке: «Geheimwissenschaft»**. Если Вы думаете, что он всего-навсего *Geheimwissenschaftler*, то Вы глубоко ошибаетесь. Доктор ведет к новой церкви, к церкви *Розы*; *религия* — вот основа его деятельности, тактически прикрытой извне. А потому: чему же, милый, Вы удивляетесь в одном письме, что я, скажем, в феврале 1912 года писал о религии (§ 20-ый моей статьи о мистике)[30], а в мае того же года стал *штейнерьянцем*: несколько раз я перечитывал мою статью «*Против мистики*» и говорил и Асе, и А. С. Петровскому в Мюнхене (спросите Петровского): «Я согласен с каждым словом моей статьи». Более того: я высказал лишь положение Доктора, что *нам сейчас мистики не надо*: так же как я покрывал извне символизм, как *realiora*[31], покрышкою из Erkenntnisstheorie***, и обрушивался на дурную метафизику, так Доктор свою *религию* извне покрывает *Geheimwissenschaft*, обрушиваясь на философию.

* *Приписка Метнера*: Павел — путаник.

** «Тайноведение» (*нем.*).

*** Теория познания (*нем.*).

Все, написанное мной о религии, остается в силе для меня: Вы мне написали: «Перечтите § 20 Вашей статьи „*Против мистики*", если Вы и с ним согласны, то я — ничего не понимаю». Согласно Вашему предложению, я открыл § 20-ый, прочел и сказал себе: «Ничего не понимаю в непонимании Э. К.: ну да, более чем когда-либо я за религию против мистики».

Д. С. Мережковский *некогда* чаемую им религию противополагал всем бывшим, как религию *Конца*, основанную на Апокалипсисе. Доктор Штейнер провозглашает смерть национальным религиям с Голгофы, ибо Христианство олицетворенный синтез религий и далее с религией в прежнем, историческом смысле идти некуда: нет — есть куда; надо идти к религии действующего Хр<истова> импульса*; («*Христовство*» в противоположность христиан-*ству*); это *действенная религия*, религия притягивания будущего (путем теургического творчества) есть религия *Конца*, религия эсотерическая с «*Апокалипсисом*» в центре; к ней-то и ведет розенкрейцерство; о ней-то и будет говорить грядущий за Доктором (это между нами) Хр<истиан> Розенкрейц[32], которому он сейчас лишь расчищает путь, ставит *вехи*; через 36 лет первое появление Антихриста; к этому сроку уже будет первая ячейка апокалипс<ической> церкви — *церкви розы* (все это стоит в *центре движения*): но и циклы уже извне намекают на это (см. «*Von Jesus zu Christus*», «*Ев<ангелие> от Иоанна*», «*Апокалипсис*»[33] и мн. др.).

Удивляюсь, родной, что Вы можете думать, что я отказался для Доктора от 2-ой «*Симфонии*», Трилогии «*Восток и Запад*»[34], Вл. Соловьева, Мережковского и всего — *бýди, бýди*[35], что говорили мы на зоре. Именно *все это особенно, сызнова, реально* меня привязывает к Доктору (и «*бýди, бýди*», и «*Толстой и Достоевский*», и поэзия А. Блока, и «*Три разговора*»[36], и Соловьев, и *Христовство*, и «*старое и новое во все времена*», и «*2-ая Симфония*», и «*Новалис*», и *зори, зори*).

Я удивляюсь, что все это мне надо еще разъяснять, будто со мной какой-то *кризис* теперь, когда в *1912* году замкнулось 10-летие и все, что жило до 1902 года (включительно), *сызнова ожило*, а чад, смрад («*ждали Утешителя, а надвигался мститель*»[37])

* *Приписка Метнера*: об этом мы с Вами говорили осенью 1902 года.

стоит как измена юношеской весне. И если в 1902 году встала из зори наша дружба, наш без слов разговор, то как же теперь, когда *1902-ой* год стоит предо мной *огнем зори озаренный*, когда «*Предчувствую Тебя, года проходят мимо*»[38], как же мне сказать тому, с кем стоял я рядом в 1902-ом году: «Я теперь у Доктора Штейнера: наши пути — разошлись».

Нет — тысячу раз нет, наоборот: «По-новому сходятся, по-новому сойдутся, ибо — *опять возвращается*: леопардовая шкура догорает на западе»*.

Тот факт, что Вы, по-моему, не так видите Доктора Штейнера, не играет никакой роли, ибо разве о *людях тут*, о *суждениях*: разве сами люди, суждения не знаки того, что бархатной грустью подкатывается к сердцу, что заставляет смеяться в зорю, с зорей…

Все это, как солнце, стоит в центре моего духа, а поверхностнее, *в душе*, недоразумения, усталости, *сдирающие кожу медитации*[39]; все мои *душевные недомогания* очень остры, и я, не скрываю, на волосок от «*срыва*». Но разве я пошел бы на все это механически, методически, разумно, мертво, скажу прямо — *оккультически*, если бы в духе моем не звучал *милый голос*:

«Весь горизонт в огне! И ясен — нестерпимо»[40].

И вот с нестерпимой, бездоказательной ясностью я могу Вам сказать: «Зная кармическую связь всех нас, видя зорю пред собою, и имея опыты прошлого за собой, я могу, положась на нечто *совершенно безосновное*, но *телеологически всегда выносящее в будущее*, свидетельствовать: озаренность моего духа есть первое веяние какого-то грядущего озарения каждого из нас, связанного друг с другом в глубочайших и немых тайниках Духа:

«Пусть все поругано веками преступлений и т. д.
……………..Мы вечны: с нами Бог».

Вл. Соловьев[41].

Пишу на днях деловое; скоро шлю в «*Тр<уды> и Дни*» статью о Ник<олае> Карловиче[42]. Денег хватит лишь до русского

---

* *Приписка Метнера между строк*: Вы сами сказали: мы с Метнером смотрим в разные стороны.

1-го февраля. Если с Терещенкой наладится, нельзя ли мне с февраля уже получать жалованье. Впрочем, не смею верить. Получили ли мое длинное чисто деловое письмо (оно должно было прийти 28, 30, 29 декабря) в Мусагет, там мои соображения[43]; если нет — телеграфируйте: я повторю их сызнова; по Вашему новогоднему письму не вижу, что получили. Если не получили письма, очень жаль; я подробно там пишу обо всем деловом и очень важном для меня.

Итак с новым годом, старинный друг!

Приветствую с новым годом Николая Карловича. Приветствую Анну Михайловну[44]. Ася приветствует тоже.

Крепко жму Вашу руку.

Остаюсь любящий Вас Б. Бугаев.

P. S. На Степпуна лично не сержусь, но *официально* обижен: там в письме есть совершенные неприличия[45]. Степпуна поздравляю с новым годом.

РГБ. Ф. 167. Карт. 3. Ед. хр. 2. Датируется по почтовому штемпелю. Штемпель получения: Москва. 8. 1. 13.

Ответ на п. 276.

[1] См. п. 132, примеч. 1.

[2] Подразумевается п. 157.

[3] Ср. сообщение в письме Белого к А. С. Петровскому от 11 (24) мая 1912 г. из Брюсселя: «...очень было обидно получать от Э<милия> К<арловича> такие ужасные письма. Одно я показал Эллису; так он ужаснулся и испугался за Э<милия> К<арловича>» (*Белый — Петровский.* С. 201).

[4] Ср. регистрационные записи Белого (1912): «Отчет Доктору о своей работе; представил схему» (31 июля); «Подробный отчет Доктору о ходе работы. Одобрение Доктора» (24 сентября); «Передали Доктору наши тетради и получили по новой медитации» (29 ноября) (ЛН. Т. 105. С. 758). В начале декабря (н. ст.) 1912 г. Белый писал Н. А. Тургеневой: «С Vitznau мы Д<окто>ру приготовили много: мы с Асей по тетради, своего рода Vortrag о наших медитациях; кроме того: с Базеля Ася зарисовывала Д<окто>ру все ей виденное; зарисовывал и я. Кроме того: у меня был с собой своего рода „*Дневник ощущений*“. Большинство материала Д<окто>р из Мюнхена взял с собой, чтобы просмотреть заранее. <...> Наши Vortrag'и Д<окто>р назвал субъективно-реальными; подробно охарактеризовал, откуда и как получаются наши схемы; определил их, как продукт соединения имагинации с логикой» (Europa Orientalis. XIV/1995: 2. С. 329–330. Публ. Даниелы Рицци).

[5] Подразумевается статья «Круговое движение (Сорок две арабески)».

[6] Ср. сообщения в цитированном выше письме Белого к Н. А. Тургеневой об аудиенции у Штейнера: «...в один мой рисунок Д<окто>р уткнулся и сказал: „Атака на вас Luftdämonen (демонов воздуха)“. И т. д. В резюме Д<окто>р сказал, что сейчас половина мною виденного есть отражение борьбы моих тел друг с другом; Д<окто>р мне сказал: „Через это нужно пройти без страха... Вы уже *кое-чего* достигли...“. А Асе сепаратно (без меня) сказал, что моя нервность есть отражение моей борьбы с собой и что я сам без помощи справлюсь и соберусь...» (Europa Orientalis. XIV/1995: 2. С. 330).

[7] О приезде в Дегерлох под Штутгартом Белый сообщал матери открыткой, отправленной 16 (29) октября 1912 г. (см.: *Письма к матери*. С. 165).

[8] Ср. суждения в письме Эллиса к Метнеру от 13 (26) октября 1912 г. из Дегерлоха: «Я чувствую, что нельзя стремиться к рыцарству, к служению Граалю и ненавидеть, враждовать! <...> я даю Вам честное слово впредь от всякой полемики и вражды удержаться и, поскольку могу, удерживать Бориса Н<иколаевича>» (РГБ. Ф. 167. Карт. 7. Ед. хр. 75).

[9] Подразумевается Соната f-moll ор. 5 Н. К. Метнера. Ср. признания Э. К. Метнера в письме к Н. К. Метнеру от 12 апреля 1904 г. из Нижнего Новгорода об этом произведении: «Несмотря на то, что соната пользуется большим успехом среди ознакомленных с нею музыкантов, сокровенный смысл ее и в особенности то, о чем говорит точно из глубочайшей древности совсем простыми словами (Urworte) фе<е>рическая вторая тема, — это — книга за семью печатями для Рахманинова, Гедике, Танеева, Гольденвейзера и даже Гофмана. Чуть ли не полгода понадобилось мне, чтобы привыкнуть к этой сонате, чтобы перестать захлебываться, тонуть в ней <...> Какую сложную систему ощущений и мыслей, переплетенных между собою так, что не под силу утомленной душе в ней разобраться, приводит в движение, сдвигает с места эта „вторая тема“» (ГЦММК. Ф. 132. Ед. хр. 4302).

[10] Имеется в виду общение с Метнером в Нижнем Новгороде весной 1904 г.

[11] Неточная цитата из части 2-й «Симфонии (2-й, драматической)» (*Симфонии*. С. 93).

[12] Цитата из стихотворения Вл. Соловьева «Les revenants» («Тайною тропинкою, скорбною и милою...», 1900). См.: *Соловьев*. С. 136.

[13] Цитата из стихотворения «Сон наяву» («Лазурное око...», 1895). См.: Там же. С. 110.

[14] «Ибо тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира доныне <...>» (Мф. 24: 21); «Ибо в те дни будет такая скорбь, какой не было от начала творения, которое сотворил Бог <...>» (Мк. 13: 19).

[15] Неточно цитируются заключительные строки стихотворения Вл. Соловьева «Сон наяву».

[16] Ин. 3: 8 (неточная цитата).

[17] Цитата-рефрен из части 3-й «Симфонии (2-й, драматической)» (*Симфонии*. С. 112–114).

[18] Подразумеваются мистерии Штейнера.

[19] Имеется в виду п. 259 (примеч. 6).

[20] См. примеч. 26 к п. 248.

[21] Образ из части 2-й «Симфонии (2-й, драматической)»: «Все это были люди высшей „*многострунной*" культуры» (*Симфонии*. С. 89). Понятие «многострунности» вошло в языковой обиход младосимволистов — в частности, нашло отражение в переписке Белого и Блока (см.: *Кузнецова О. А.* Понятие «однострунность — многострунность» у Блока (К вопросу о формировании лирической «трилогии») // Александр Блок. Исследования и материалы. Л., 1987. С. 69–78).

[22] Ко времени встречи с Вяч. Ивановым в Базеле в сентябре 1912 г. у Белого была закончена 5-я глава «Петербурга».

[23] После базельской встречи с Белым Вяч. Иванов, однако, писал Метнеру из Монтрё 22 сентября (5 октября) 1912 г.: «За художника в А. Белом <…> боюсь, как ему подробно объяснял, умоляя беречь в себе художника. <…> Дай Бог, чтобы вышел из теперешнего только пассивного подчинения, вырос до внутренней свободы, что, полагаю, возможно и в штейнерианстве и, б<ыть> м<ожет>, составляет мистагогическую цель Штейнера по отношению к Боре. Ибо я склонен предполагать о Штейнере все хорошее» (Вопросы литературы. 1994. Вып. III. С. 287. Публ. В. Сапова). В то же время Эллис после ознакомления с новонаписанными фрагментами «Петербурга» призывал Метнера в письме от 8 (21) июля 1912 г.: «…послушал я его роман и почувствовал, что мы не должны судить его. В нем одновременно гений Гоголя и Вл. Соловьева. Это две гениальности в одном ребенке. Мы все больше и меньше его, больше, ибо у него не до конца сформировано „ich", меньше, ибо его астр<альное> и эфирное тело столь прозрачно и восприимчиво, что он является *жертвенным* выразителем того, что звучит в высочайших сферах. Наша миссия все простить ему внутренне, хотя высказывать ему все возражения, как делаете и Вы, должно. Наша общая миссия стать вокруг него железной стеной и сохранить его. Он трагически связан с рус<ской> народной душой, и путь его тернист…» (РГБ. Ф. 167. Карт. 7. Ед. хр. 66).

[24] Условное обозначение; после 4-й «симфонии» «Кубок метелей» Белый новых опытов в этом индивидуальном жанре не предпринимал.

[25] Персонажи 3-й «симфонии» Белого «Возврат» — главный герой, магистрант Хандриков и доктор Орлов, в санатории которого (Орловке) лечился Хандриков; Белый их уподобляет здесь соответственно себе и Р. Штейнеру. Ту же аналогию он проводит в письме к Н. А. Тургеневой от 18 сентября (1 октября) 1912 г., рассказывая о встречах с Штейнером: «…на чертежи мои как-то отрезал с шутливой свирепостью „Gut…".

Я растерялся, превратился в Хандрикова, моргал глазами. Он посмотрел на меня, увидел, что я не улыбаюсь, и уже почти прикрикнул: „Aber gut... Sehr gut!..“» (Europa Orientalis. XIV/1995: 2. С. 319).

[26] Образ из «симфонии» «Возврат» — демиург, символ предмирного состояния, вечности.

[27] Негативно окрашенный образ-символ из той же «симфонии» (I часть, гл. VIII).

[28] 1 Кор. 9: 20–22 (неточная и сокращенная цитата).

[29] Будучи студентом естественного отделения физико-математического факультета Московского университета, Белый в октябре 1899 г. выступил с рефератом «О простейших (Mezozoa)» в семинарии у профессора Н. Ю. Зографа. См.: *Андрей Белый.* Собр. соч.: На рубеже двух столетий. М., 2015. С. 312.

[30] Имеется в виду 19-й (заключительный) фрагмент статьи «Нечто о мистике». См. п. 268, примеч. 35.

[31] Реальнейшее (*лат.*); составная часть лозунга «a realibus ad realiora» («от реального к реальнейшему»), сформулированного Вяч. Ивановым в статье «Две стихии в современном символизме» (Золотое Руно. 1908. № 3/4, 5; см.: *Иванов Вячеслав.* Собр. соч. Т. II. Брюссель, 1974. С. 553, 561). Полемический отклик Белого — статья «На перевале. XII. Realiora» (Весы. 1908. № 5. С. 58–62), вошедшая в его книгу «Арабески».

[32] Христиан Розенкрейц — легендарный основатель Братства Розы и Креста, предполагаемый автор «Химистической женитьбы» («Chymical Nuptials»). Исторически достоверных свидетельств о нем не выявлено. Для Белого была значима трактовка этого образа Штейнером, осмыслявшим его как Тринадцатого, подготовленного коллегией из двенадцати мужей, вмещавших в себе всю сумму духовной мудрости древних эпох и своей собственной эпохи: «Эзотерически, в оккультном смысле, он являлся Христианом Розенкрейцем уже в тринадцатом веке; экзотерически он именуется так лишь в четырнадцатом веке. Ученики же этого Тринадцатого — это последователи других двенадцати в тринадцатом веке. Это розенкрейцеры»; «Вследствие розенкрейцерской работы эфирное тело Христиана Розенкрейца становилось от столетия к столетию все сильнее и все могущественнее. Оно действовало не только через Христиана Розенкрейца, но и через всех тех, которые становились его учениками. Христиан Розенкрейц все снова инкарнировался с четырнадцатого столетия» (*Штейнер Рудольф.* Мистерия и миссия Христиана Розенкрейца: Лекции 1911–1912 гг. СПб., 1992. С. 14, 16).

[33] Циклы лекций Штейнера: «От Иисуса ко Христу» (10 лекций, 4–14 октября 1911 г.), «Евангелие от Иоанна» (12 лекций, 18–31 мая 1908 г.), «Евангелие от Иоанна (в отношении к четырем другим евангелиям)» (14 лекций, 24 июня — 7 июля 1909 г.), «Апокалипсис Иоанна» (12 лекций, 18–30 июня 1908 г.).

[34] Эту трилогию должны были, по замыслу Белого этого времени, составить романы «Серебряный голубь», «Петербург» и ненаписанный «Невидимый Град».

[35] «Бу́ди, бу́ди!» — цитата из «Братьев Карамазовых» (ч. 2, кн. 6, гл. III «Из бесед и поучений старца Зосимы»). См.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1976. Т. 14. С. 287.

[36] «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением Краткой повести об антихристе и с приложениями» (1899) — последняя книга Вл. Соловьева.

[37] Цитата из части 4-й «Симфонии (2-й, драматической)» (*Симфонии.* С. 134).

[38] Начальная строка стихотворения А. Блока (4 июня 1901 г.).

[39] См. п. 272, примеч. 4.

[40] Строка из стихотворения А. Блока «Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...».

[41] Контаминация начальной строки стихотворения «Ночь на Рождество» (1894) и окончания заключительной строки («Бессильно зло; мы вечны; с нами Бог!») стихотворения «Имману-эль» («Во тьму веков та ночь уж отступила...», 1892). См.: *Соловьев.* С. 107, 89.

[42] Статью о Н. К. Метнере Белый в «Труды и Дни» не представил.

[43] Имеется в виду п. 275.

[44] А. М. Метнер.

[45] См. п. 274, примеч. 7.

279. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

8 (21) января 1913 г. Берлин

Выдержки из слов Доктора.
Абсолютно приватно
(ни-ко-му).

1.

В сущности всякая голова — голова Медузы: змеевидные мысли, как ветром волнуемые волоса, разлетаются во все стороны от любой головы, вызывая сравненье с Медузой. (Из лекции в Берлинской ложе. Январь. 1913 года)[1].

2.

Мы еще недостаточно оживили свое эфирное тело; оживи мы его, мы пульсацию этого тела, многообразные его истеченья, движенья переживали бы и в физическом теле, *как движенья,*

как пульсации внутри наших физических ощущений; и эфирные ощущения были бы ведомы нам *не извне — изнутри.* (Из лекции в ложе. Январь 1913 года).

3.

Впрочем, в одном пункте совершенно пронизаны друг другом эти тела: в голове; и пульсация эфирного тела изнутри нам знакома (как вещь в себе): это — *пульсация мысли, ибо самый процесс мышления — вот одно только из многообразных движений эфирного тела.* (Из той же лекции. Январь 1913 года).

4.

Если бы мы воскресили все части нашего эфирного тела и работали ими в соответственных центрах тела физического, то во всех частях тела нам изнутри бы открылись движенья, соответствующие тому, которое в голове ощущаемо в мысли. *И мыслили б руки.* (Из той же лекции. Январь 1913 года).

5.

Физический мозг так относится к эфирному мозгу, как выкристаллизованный в воде кусок льда к ней самой; в обоих мозгах — максимум приближения тел этих друг к другу; в руках уже есть расхождение; эф<ирный> мозг является гораздо более неловким органом, чем эфирные руки; эти последние вводят в познание высших миров. *Эфирные руки — нечто весьма интересное*... (Мюнх<енский> курс. Лекция II-ая. 1912 г.)[2].

6.

Эфирные руки и внешне иначе протягиваются к добру, иначе к злу. (Мюнхенский курс).

7.

Полезное оккультное упражнение (Доктор складывает руки на груди и смотрит перед собой в пространство): с неподвижными физическими руками вызывать самостоятельное движение эфирных рук. (Лекция в ложе. Январь. 1913 года).

8.

Работою следует пробуждать свое эфирное тело кусок за куском; иначе будешь видеть в эфире все то же и то же. (Мюнхенский курс. 12 г.).

9.

В физическом теле — чередование сна и бодрствования; в элементном теле (эфирном) — сон и бодрствование одновременны; тот кусок видит и бодрствует; этот — ничего не видит и спит. (Не спит мозг и спят руки). (Мюнх<енский> курс 12 года).

10.

Когда человек может чувствовать свое эфирное тело, ему сперва начинает казаться, будто *ширится он в мировые дали пространства; испытание страха, тревоги не минует тут никого; оно гнетет душу: будто ты закинут в пространства; под ногами — нет почвы.* (Мюнх<енский> курс. 12 года).

11.

В обычной душевной жизни человек говорит: «*Я — чувствую, я — мыслю*»... При жизни в эф<ирном> теле является чувство: «*Мысли думают себя*». Сам человек погашен: *вещи думают, чувствуют и хотят вокруг него.* В той мере, в какой себя чувствуешь в *расширении, распространении,* в той же мере глушится сознание, знание: чувствуешь себя отданным мировой объективности. (Мюнх<енский> курс 12 года).

12.

Есть случаи, когда из физического тела выпа<да>ет эфирный мозг; это случай — *интуиции.* Иногда выпадает эф<ирная> гортань — *инспирация*; иногда сердце — имагинация. Есть особый случай имагинации: из эфирного плана западают вещи чрез солнечное сплетение; попадая оттуда в сердце, они тускнеют в тумане субъективизма. (Из беседы Доктора со мной и Асей)[3].

13.

Древние индусы ходили с эфирным капюшоном вокруг головы: эфирный мозг их значительно расширялся за пределы физического; и отсюда их развитое эфирное зрение; *то, чем отличаются от нашего способа изображения природы древнеиндийские памятники искусства, являют печать эфирного зрения.* Индус видел двумя зрениями; оттого-то для него одно из зрений (физическое) рисовало лишь Майю пред ним. (Из курсов).

14.

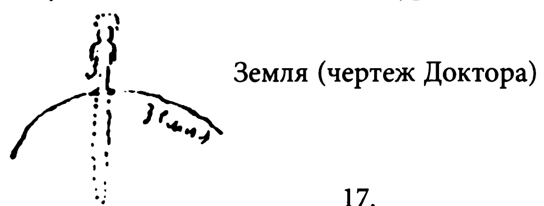
Культура Индии — культура эфирного тела. (Из курсов).

15.

В наше время эфирный мозг налагается на физический; в прежнее время границы обоих мозгов не совпадали; человек нормально ходил как бы с выпавшим мозгом. Центр мышления перемещался в зависимости от *предмета мышления*; при высоко настроенном мышлении, при предмете высоком центр перемещался за пределы физической головы; не голова вовсе думала: *думало ее окружение* в то время, как физический мозг молчал. Древние люди говорили тогда: «*Я надел на себя праздничное платье*». Соответствующее эфирное ощущение при эфирном мышлении называли «*праздничным платьем*». (Кёльнский курс 1913 года)[4].

16.

Физически такое перемещение ощущалось, *как будто бы физическая голова открывалась в темени*; и *что-то над теменем приподымалось*; человек сам приподымался над собой: эфирный над физическим; ощущал себя в *новом теле*. Но *новое тело* бросало как бы свою *тень* на тело физических ощущений; физическое тело при этом в ощущении казалось громадным чрезмерно и удлиненным — до невероятности; телесно ощущали себя слитым со всем земным шаром, врастающим в центр Земли; физич<еские> ноги казались при созерцании *короче чем следует*, потому что казалось, что они продолжаются змеиным хвостом до центра Земли. Так себя ощущал человек. (Кёльнский курс 1913 г.)



Земля (чертеж Доктора)

17.

Человек ощущал себя *змеей*; а вещество тела — *змеевым веществом*. Обыкновенно говорили тогда: «Во мне зашевелилась змея: я пришел в *змеевое состояние*»... Это было понятно всякому — более или менее. (Кёльнский курс 1913 г.).

18.

Характерно: среди всех народов *вдруг* прошлась легенда о *змееборце*, свернувшем голову змее. Например: греческие легенды. Что это значило? Во время старого способа ясновиденья

человек ощущал себя привставшим над собою самим *на змеевом хвосте*. Это был старый способ ясновидения. Христос окончательно пресек этот способ, выгнал *змею* из человека («Семя жены сотрет главу Змию»). Христу предшествовала реформа: Кришну *стер приподнятую эф<ирную> главу; эфирный мозг был введен в физический*; возможность *змеевого состояния* без помощи Иоги пресеклась. Границы миров совпали. (Объяснение, как это было сделано, опускаю). (Кёльнский курс. 1913 года).

19.

Надо было нечто *праздничное* и в этом смысле *новое* ввести в обыденную мысль; при совпадении границ мозгов, это влившееся в мозг *новое* в физическом мозге впервые себя осознало, как логика в нашем смысле: Empfindungseele* стала Bewustseinseele**. (Кёльнск<ий> курс).

20.

Это и было убиением *змеи*: внелогической, дологической мудрости: змея вошла в тело; в будущем она выйдет из тела под нашими ногами и опустится в землю. (Кёльнск<ий> курс).

21.

В эпоху *убиения змеевого состояния* появилось два лагеря людей, не понимавших друг друга: люди с чем-то *новым* в мозгу (логикой в нашем смысле) и без всякого ясновидения (сократизм); и люди с остатками старого ясновидения и без логики в нашем смысле. Эпоха — Verständnisseele***. (Кёльнск<ий> курс).

22.

Образы высокой Гиты[5] провиденциальны: так, там говорится о загадочном дереве, растущем вверх корнями, ветвями вниз, листья которого — сладкая пища Вед[6] для *ученика*. Что это значит?

Вот что.

Объективно установимо: самосозерцание мозга с позвоночником и нервами отпечатлевается в эфирном, развивающемся зрении, как световой, далекий центр, от которого на созерцателя

---

* Душа ощущающая (*нем.*).

** Душа сознающая (*нем.*).

*** Душа понимающая (*нем.*).

идут световые ветви-лучи; *это и есть древо, вверх корнями растущее*; корни — световой центр — кажутся в мировых далях; ветви — лучи от центра — падают на медитирующего ученика; образы эфирного плана возникают между ветвями (в лучах); *эти образы — сладкие листья Вед*; а сам человек при этом, испытывая *змеевое состояние тела*, есть как бы *змея на тех познанья листах.* Он — *змея на древе познания добра и зла.* Если бы образ этот применить к библейскому, то следовало бы тут сделать еще ряд оговорок. (Кёльнск<ий> курс).

23.

Первое действие развивающегося эфирного зрения — ви́дение растительнообразных, световых форм: дерева, цветы, лучевые хризантемы и т. д. (Трюизм для всех учеников Доктора).

24.

Все мифологическое о древе, рае, саде, дубе и т. д. есть воспоминание об утраченном (сравнительно недавнем) зрении на эфирный план. (Из курса, кажется: «*Апокалипсис*»[7]).

25.

Будхи[8] как бы дает отзыв в эфире: сознание растений всегда в *будхи*; душу растений ясновидящий уже замечает в эф<ирном> плане сравнительно на ранних стадиях ок<культной> работы. (Слова Доктора).

26.

Человек при начале развития в нем имагинации на эфирном плане начинает видеть ряд образов; сперва он думает, что это всё — *Wesen*'ы*; но часто он видит имагинативно, т. е. *символически* части собственного эф<ирного> тела. Так: самосозерцание в эфирном плане гортани дает имагинат<ивный> образ то *совы*, то *лебедя в нимбе*; позвонок — иногда золотой орел; печень — крылатый бегемот; живот — змея. И т. д. (Слова Доктора Асе)[9].

27.

Эфирное тело — тело воспоминаний; колебание его в голове — «*мысли мыслят себя*»; при потрясениях, опасностях эф<ирное> тело частями выскакивает наружу; и врачами отмеченный факт,

---

* Существа, характеры (*нем.*).

что вся жизнь проносится в воспоминании в минуты смертельной опасности, есть следствие частичного выхождения эф<ирного> тела. (Из курсов).

28.

В древности культурою иоги посвящаемые готовились к отделению эф<ирного> тела; воспоминание всей жизни, *вся жизнь в новом свете* — проносилась пред ними; отсюда — душевное потрясенье от эфирного сотрясенья; отсюда *κάϑαρσις** пред мистерией.

И это *вéденье* вынес на площадь Креститель. Он революционно демократизировал методы пробуждения эф<ирного> тела — в Крещении, чтобы спешно приготовить народ к появленью Спасителя. Что происходило?

Обстановка Крещения потрясала: погружались с головой в воду и держались *долгое время* под водой с риском захлебнуться: под водой крещаемый переживал состоянье утопленника, состоянье *смертельной опасности*: часть эф<ирного> тела отрывалась от физического; мгновенно вся жизнь проносилась в воспоминании, *по-иному*; *сотрясенный* крещаемый видел *нечто* по-новому, в *первый раз*. Сотрясение вело к *душевному потрясению*. Иные умирали, иные сходили с ума. Совершенно иначе, чем нам, звучали крещаемым слова: «*Покайтесь: приблизилось Царствие Небесное*»[10]. (Слова Доктора).

29.

Сущность медитации есть сосредоточенье в образах, ничему будничному не адекватных; образы медитаций суть *символы*; во всяком символическом образе, т. е. в образе, соединяющем в себе *нечто* неотобразимое в действительности, лежит уже начало *медитативное* (мой вывод: символизм — свободная, инстинктивная медитация); а задача медитации на первых порах вытянуть из глубины души *нечто* самостоятельное, что не связано с дождем повседневных, обычных представлений; сперва это достигается сосредоточиванием на символическом представлении, далее слитием с ним; наконец, жизнью в символическом

* Очищение (*др.-греч.*).

представлении; переживающий медитацию приходит далее *к самостоятельному творчеству* медитативных образов, к творчеству целого мира представлений и образов, *к соединению мысли и образа в одно*; наконец, к *ви́дению* этих образов. Эта первая стадия *ясновиденья* есть имагинация*. (Публичная лекция).

30.

Если бы знали, что многое из обычных наших ощущений и переживаний уже есть рудимент к переживанию в более высших телах, то стали бы внимательней относиться к духовной науке, ибо минимальное реальное знание ее открывает и объясняет нам многие субъективно переживаемые и ощущаемые, но словами невыразимые факты душевной жизни. (Слова Доктора).

Р. Штейнер.

Довольно: устал...

Вот, дорогой друг, ряд сентенций Доктора, частью лично слышанных на интимных лекциях, частью вычитанных из курсов. Для чего я привел их Вам? Вот для чего.

Вы представитель того распространенного мнения, что Доктор есть сухо-рассудочный человек, что у него все дело в *мозгологической номенклатуре*, что символистам, художникам, людям *сочным* и *красочным*, нечему учиться *вялым схемам* Доктора; всё у Доктора рассудочно, а *безумию* творчества чужда схоластика оккультизма.

В *pendant* Бердяев полагает, что Доктор *неоригинален*, неталантлив, преследует творчество и в нем мало *оргиастического безумия*[12].

---

* Распространено заблуждение, будто ясновиденье противоположно *творчеству*; мне всегда это мнение казалось не выдерживающим критики, но я не спорил, до публичной лекции в Кёльне «*Методы духовной науки*»[11], где Доктор чисто аналитически проследил стадии развития ясновиденья; и вот первую стадию ясновиденья он так-таки и определил, как символическое творчество; конечно, как понимать связь символизма и оккультизма: можно эту связь понимать, как нечто *идиотическое*, но надеюсь, что я еще не стал вполне идиотом, говоря о слитии символизма + оккультизма, я *только всего* и разумел: Доктор не бестворческий зоркий сухарь, а символизм не беззоркий хаос: его скелет — потенция к ясновиденью. (*Примеч. Белого*).

Я не старался подбирать.

Я собрал лишь ряд сентенций Доктора, сгруппированных вокруг одного пункта «*эфирного тела*»[13]. Говорят: ох уж эта номенклатура, эта сухая схема «*тел*». Вот я выбрал одно из тел, чтоб Вы высказались откровенно.

1) Сухую ли схему я представил Вам или *нечто, ведомое изнутри* и пережитое?

2) Где Вы во всей истории мистики хоть раз встретили нечто, адекватное этому заряду прессованных безумнейших узнаний и переживаний? Или все это *подлинная тайна*, и тогда Доктор есть единственный в мире *посвященный*, зовущий открыто к себе? Или он — талантливейший из когда-либо бывших мистиков?

Ну признайтесь: где Вы встретите нечто подобное «*змеевому состоянию*», «*эфирным рукам*», «*голове Медузы*» и т. д. Можно было бы нечто, как реально узнанное, найти у Ницше, у Гёте и т. д. Но чтобы построить на «*таком*» громадное знание и сознательно заставить «*такое*» извне *номенклатурой*, чтобы при случае с тонкой улыбкой обмолвиться «*змеевым состоянием*» и т. д. Ну сопоставьте талантливые рассуждения Эккарта (в сущности до чтения Эккарта мы *многое* знаем), все эти рассуждения о *горьком* и *кислом* у Бёме, сопоставьте *гениальных* мистиков истории с сухим схоластом, неталантливым, нелюбезным «*геккелианцем*» д<октором> Штейнером*, и справедливость заставит признать Вас, что неталантливый Штейнер говорит *вещи*, которые не говорились — *нигде, никогда*...

Я Вам привел серию сентенций более практического характера (к сведению учеников), сказанных вскользь, мимоходом, в разное время. Но эти «*вскользь*», «*мимоходом*» пестрят всюду слова Доктора; никакого *бум-бума* на них Доктор не строит: они тихо *усмехаются из-под номенклатуры*, а сам Доктор из-под *номенклатуры* только и делает, что без слов *усмехается* и *подмигивает* ученикам. Говоря о голове Медузы (помните Ваш «*медузин ужас*»), Доктор посмотрел на нас, как бы говоря: «Да, да, да — медузина голова» и т. д.

---

* Кстати о геккелианстве Штейнера: на лекции о Германе Гримме его спросили: «Вы последователь Гримма?» Он ответил: «Вовсе нет: я всего только прочел о нем лекцию. Когда я писал о Геккеле[14], меня спрашивали тоже, не последователь ли я Геккеля»... (*Примеч. Белого*).

Вместо *вскользь замечаний* об эфирном теле я бы мог привести вскользь замечания об *астральном теле* или Христе, или Христиане Розенкрейце, или, наконец, о том, почему нужна номенклатура и почему «*вскользь замечания*» брошены только *вскользь*. Если Вы беспристрастно вчитаетесь в приведенные «*вскользь замечания*» и поверите, что и самая-то номенклатура для сколько-нибудь зорких учеников, кое-что *опытно узнавших*, есть стеклянная лишь поверхность, пропускающая всюду сквозь себя не стекольно-номенклатурный, а творчески-живой, заставляющий подчас вскрикивать реальнейший, а не схоластический смысл. И Вам станет понятнее, почему *не идиоты* все же Эллис и Белый попали при Докторе в *идиотическое* положение учеников.

Да, если бы мы с Эллисом не были *символистами*, если бы «*змеевое состояние*» звучало бы нам абракадаброй, если бы мы более интересовались головными конструкциями философского творчества и писали реторически-философическую бездарность à la Степпун, Штейнер ударился бы о нас — как горох о стену.

Но поелику мы *символисты*, поелику стоим на границе между подлинным *ясновиденьем* и *буднями* (на пороге имагинации), потолику и *имагинация* Доктора звучит нам, как исконно *ведомое, позабытое, старое и новое во все времена*[15]: и не доктора Штейнера учимся мы понимать, а учимся понимать себя — у себя *на старинной, забытой родине*.

Со времени моего появления у Доктора я просто ничего не понимаю: мне описывался какой-то *оккультический тип, мне несимпатичный*, — педант оккультизма: а в личном общении со мной встал предо мной — Заратустра, плясун легконогий, при случае то повертывающийся словами более *новыми*, чем вся новизна, то повертывающийся старинным египетским гиерофантом, то поющий мне «*о старом и новом во все времена*» (рождественская лекция о *любви*).

Вместе с тем за этот период времени почему-то меня считают чему-то изменившим, тогда как я именно не ушел, а *вернулся*, боятся за мою свободу и т. д.

Ничего не понимаю.

Только потому и пишу Вам все нижеследующее, что в моем представлении представление о Вас, себе и Докторе до такой степени *смещается с места*, что я предполагаю с Вашей стороны

следующий вопрос: «Хорошо, допустим, что все это хорошо: а Вам-то, Вашему творчеству какое до этого дело?»

А вот какое.

Вы знаете: у меня в произведениях есть *многое*, мне самому непонятное, как реальное переживание; всю жизнь хожу и говорю себе: «Кто мне объяснит, что такое это, когда „*предметы сходят с мест*“ (Симфония), когда „*дети бредят*“, когда все „*то, да не то*“; кто объяснит мне, что такое „*опять возвращается*“ и т. д.[16] То, что производит впечатление *безумия* на одних и *таланта* на других, что есть *реальнейшее* содержанье меня самого, входящее в *коренное осмысливанье* моей личной жизни, — все это всегда мне объяснялось по одному и тому же: „*Нервы, болезненность*“ — говорили одни. „Талант“ — говорили другие».

Но *то* и *другое* — не объяснение.

Теперь: я берусь за книги; *Ницше*, *Ибсен* говорят мне лишь то, что многое *моего* было и у них; а *мистики* всех времен и народов лишь благо-рассуждают о сладчайших *Иисусовых* и *не Иисусовых* переживаниях в Духе.

«Этого мне *мало*», кричу я всю жизнь про себя: «*эстетизм*» и «*мистицизм*» не про меня; и строю концепцию «*символизм*» (заметьте) мимо *философизма, эстетизма* и «*мистицизма*».

Мне нужно *реальное* знание, реальное уразумение: *религия* этого, т. е. связь меня *во мне* с *вне меня*-смыслом.

А вот Доктор первый *мне меня объясняет*; и не только объясняет, но и дает реальный путь *продолжения* и *раскрытия* меня — в *моем*: то же, что есть для меня подлинное начало творчества, созидания в себе *того*, о чем до сих пор я лишь писал, как «*о*» чем-то внешнем — это подлинное начало *творчества* опять-таки рассматривается, как заблуждение.

Что же мне — всё писать «*о*» и самому по мере писания книги за книгой отходить от этого «*о*», т. е. становиться тенью себя, выжатым лимоном себя?.. Ведь вот что мне советуется осуждением моего пребывания у Доктора. Хорошо: что же Вы нашему теперешнему пути противопоставите, как *реальный эквивалент*? Вы *отрицаете* Доктора, а что Вы *полагаете*? Я шел, шел, шел и вот *до-шел прямо* до Доктора; а мне говорят, что я куда-то *свернул*. Если я свернул в закоулок, то начало сворачивания — в 1902-ом году, т. е. я должен был бы в пластично-классической форме описывать

пластично-классичные образы вместо того, чтоб лепетать о *закатах*. Поймите, в этом лепете о закате уже сидит то, что внешне может быть названо оккультизмом. Или: почему же 1909 год, когда мы *оба*, заметьте, говорили об оккультизме, мне не поставить в вину? Ведь мое «*да*» ⊕ есть уже опасное отклонение, мой приход к Доктору есть лишь повторение «*да*» сказанного в 1909 году и пригрезившегося в 1902-м. Вопрос мог быть лишь в том, что Доктор *не то*, что это мое «*да*» в 1909. Но Доктор именно *это*, квинт-эссенция *этого*. Почему сейчас мальчишка Степпун с треском вещает ко мне «*берегитесь*», а в 1909 году не вещал[17].

Полноте, дорогой: будто я изменил Канту. Это — неправда: в 1909 году я писал в «*Символизме*» теоретически то, что сказал в 1912 году афористически (резкость выражений есть лишь прием выражения). Сопоставьте мою статью «*Песнь жизни*» (сборник «Арабески»), написанную и прочтенную публично в 1908 году: по адресу неокантианской схоластики там сказано то же, что и в 1912 году в «Арабесках»[18]. А возможность понимания Риккерта так, как я его хочу понимать в *Символизме* (как формулу перехода к новоплатоникам), я продолжаю утверждать и *теперь*. И опять-таки в иных случаях я готов отстаивать *неокантианство*, где оно право (например, в полемике с эмпирио-критицизмом). Нужно наконец *меня понять* и основываться *на всем* написанном мною, понять, что «*Песнь жизни*», «*Символизм, как миропонимание*», «*Эмблематика Смысла*» суть фрагменты все той же в моей душе сидящей системы, которую случайно мне еще не удалось написать (но не более меня написали «*свои системы*» Яковенко и Степпун). Как-никак у них мировоззрение — школьников: своих *мировоззрений* пока что они не дали; а у меня *это мировоззрение есть*, разбросанное в статьях, многосложное, многоярусное, не систематизированное, правда, но *в себе цельное*, основы которого

1) Единство: Воплощение, т. е. Слово-Плоть (т. е. sui generis* гностика христианства).

2) Раскрытие этого единства формальное, негативистическое в методах (между прочим и риккертианских): «Эмблематика Смысла».

---

* Своего рода (*лат.*).

3) Раскрытие его *реальное*, в материи: символизм, как теория творчества в эстетике; теургизм, как раскрытие его в религиозной практике.

Я пишу разными стилями, разными методами, то негативистически, то реально. И поэтому школьному мальчишке, Степпуну, меня изловить в кажущемся противоречии, прием неблагодарный (изнутри) и чрезвычайно благодарный, как *жест у авансцены* — жест философа, ловящего *глупого* поэта (я, например, не ловлю философов в незнании точной науки, а ведь, как бывший естественник, Doctor Naturwissenschaft*, мог бы).

А вот мальчишка и в области оригинальности мысли, и в самой философии менее меня сделавший, — пользуясь *авансценным жестом*, пишет в дружественном журнале меня оскорбляющие слова, будто я (?) оповещаю (??) ежегодно (?!?!) о смене убеждений (???)[19]. Ведь это — наглая, циничная ложь, оправдываемая разве что — жестом общественного позора: жест в духе Серг<ея> Кречетова. Повторяю, дорогой, я не сержусь на Степпуна, но... отвечать на *такого рода письмо* считаю невозможным[20].

Ну не будем об этом. Я ведь только отсылаю Вам эти мысли Доктора. И факт их присылки Вам — строгая тайна от всех. Я ужасно Вам доверяю; более того: считаю нужным этими отрывками из Доктора нечто сознательно приоткрыть, о чем-то намекнуть.

Никому об этом, пожалуйста: ни даже «ортодоксальным» штейнерьянцам (мы ведь с Эллисом в Москве считаемся не *ортодоксальными*, хотя и бóльше Доктора знаем, и на многое слышали «*да*» самого Доктора). Получили ли мой большой ответ на Ваше новогоднее письмо?[21]

Христос с Вами.

Борис Бугаев.

«*Ортодоксальные*» штейнерьянцы возопиют, что я сообщаю *запретное*. Но у меня внутр<еннее> чувство говорит за посылку Вам этих фрагментов. Я тоже посылал Бердяеву *нечто* из циклов. Потом признался Доктору и получил от него разрешение.

---

* Естествознание (*нем.*).

Только Иванову (Вячеславу) Доктор *не разрешил абсолютно*: про Иванова Доктор сказал: «Не сомневаюсь, что человек он замечательный; только... к *этому* не у всех талант; тут нужно *нечто особое*; и думаю, что циклы были бы Иванову вредны...»[22]

Терещенко еще не был[23]. Милый, если в принципе возможно, нельзя устроить с ним до февраля?

Присоединяю это письмо к, оказывается, непосланному.

Дорогой Эмилий Карлович!

Вслед за двумя огромными письмами (ответом на Ваше новогоднее письмо и письмом с выдержками из Доктора) пишу это краткое и очень важное — для меня.

Прежде всего, дорогой друг, не сердитесь на мое ворчанье по поводу Степпуна; и не говорите ему, что я Вам ворчал: я на Степпуна *не обижен ни капли*; понимаю трудность его положения и естественную запальчивость. И очень люблю его, как и всех *логосов*. Во вторых: *действительно* — выдержки из Доктора только для Вас и *строго между нами*. Я вправе послать их Вам, но если бы они разошлись в *московском нашем общем кругу*, то *право* мое обернулось бы против меня.

А теперь о деловом.

Сегодня, кажется, 8 января; это письмо придет, вероятно, в Москву не раньше 14-го. В двадцатых числах Вы едете в Петербург[24]; в случае, если состоится продажа моих собр<аний> сочинений, вероятно она состоится не ранее февраля (начала, середины, конца) — пока совершится выкуп романа и т. д... На все это, знаю по опыту, уйдет *более* времени, чем предположительно. Дорогой друг, между тем *пока* денег у нас лишь до первых чисел русского февраля, вернее до 1 февраля; и мне хотелось бы знать, не мог бы «*Сирин*» в случае, если уладится со мной, к 1-ому же февралю выслал <*так!*> первую порцию денег, или: не выслал ли бы «*Мусагет*» в счет *долга*, который он ведь в случае благоприятного исхода получает *в момент* совершения условия. И не черкнете ли по этому поводу теперь: *февраль* у нас *не* обеспечен *никак*.

С нетерпением жду ответа и на деловое, и на личное: у меня какой-то *духовный голод* Вам писать, *не на тему о наших* недоразумениях. И есть многое, многое сообщить.

Да, кстати: Блок мне писал, что сообщит мой адрес Терещенко, и что Терещенко заедет в Берлин ко мне (в десятых числах); признаюсь, мне это скорей неприятно; ведь я не *au courant** Вашего разговора и в случае, если бы Т<ерещенко> захотел со мной говорить о *гонораре*, *продаже* и т. д., я боюсь, что напутаю[25].

Будете ли проездом в Берлине, и когда? Сейчас Доктор в Австрии[26]; говорят, что в начале марта большой курс в Амстердамме[27].

Как хорошо бы Вас увидеть в Берлине!

Остаюсь глубоко преданный и любящий

Борис Бугаев.

От Аси привет. Всем Вашим привет.

РГБ. Ф. 167. Карт. 3. Ед. хр. 3. Датируется по указанию Белого в тексте: «Сегодня, кажется, 8 января». Почтовый штемпель отправления: Berlin. 22. 1. 13. Штемпель получения: Москва. 12. 1. 13.

1 С докладами, предназначенными для членов новоучрежденного Антропософского общества, Штейнер выступал в Берлине 7 января и 14 января н. ст. (*Lindenberg Christoph*. Rudolf Steiner. Eine Chronik. 1861–1925. Stuttgart, 1988. S. 328).

2 С курсом из восьми лекций в Мюнхене «Об инициации. О вечности и мгновении. О духовном свете и жизненной тьме» Штейнер выступал с 25 по 31 августа 1912 г., а также читал там лекции между 25 и 30 ноября 1912 г.

3 Ср. изложение фрагментов этой беседы, состоявшейся 29 ноября 1912 г. (см. примеч. 4 к п. 278), в письме Белого к Н. А. Тургеневой (начало декабря н. ст. 1912 г.): «Вещи *того* мира западают так: через солнечное сплетение. <…> указания Д<окто>ра потрясающе реальны. „Это — кусочек вашего мозга“» (Europa Orientalis. XIV/1995: 2. С. 330. Публ. Даниелы Рицци).

4 См. примеч. 31 к п. 272.

5 Имеется в виду «Бхагавадгита» (*санскр.*; букв. — песнь Бхагавата, песнь Господа, т. е. Кришны) — древнеиндийская философская поэма, вошедшая в эпический свод «Махабхараты» (кн. 6, гл. 23–40).

6 Веды (*санскр.* веда, букв. — знание, вéдение) — совокупность наиболее ранних текстов на древнеиндийском (ведийском) языке, созданных примерно с середины 2-го тысячелетия до н. э. до VI в. до н. э.

---

* В курсе (*фр.*).

[7] См. примеч. 33 к п. 278.

[8] Буддхи (*санскр.*) — в индийской философии общее обозначение познавательных способностей; интеллект, ум, способность различения, восприятие, суждение; тонкая субстанция всех умственных процессов.

[9] Ср. передачу тех же слов в цитированном выше письме: «Указывая на лебедя в нимбе, Д<окто>р мне сказал: „Самовосприятие эфирного горла"; Асе он ряд рисунков подвел к самовосприятию эфирных органов (бегемот — печень, сердце — селезенка, змея — желудок, особо нарисованный орел — позвонок и т. д.)» (Europa Orientalis. XIV/1995: 2. С. 330).

[10] Мф. 3: 2.

[11] С публичными лекциями «Истины духовной науки» и «Заблуждения духовной науки» Штейнер выступил в Кёльне соответственно 2 и 3 января 1913 г.

[12] Развернутую оценку воззрений Штейнера Н. А. Бердяев дал в письме к Белому от 8 июня 1912 г.; в нем, в частности, говорится: «Штейнера, как писателя, я не люблю и не считаю его талантливым. Мне неприятен его популяризаторски-педагогический дух, его рассудочность, его <...> желание сделать мистику наукообразной и превратить оккультизм в Геккелевское естествознание иных планов бытия. <...> Почему Штейнер так окончательно отвергает дионисическую стихию жизни, почему не хочет знать ценность инстинктивного, страстного и подсознательного, почему дает такую исключительную власть началу рассудочному, почему он такой интеллектуалист. Это мне органически неприятно в Штейнере. Я не могу допустить окончательного угашения дионисически-страстных оргийских сил жизни и допускаю лишь их просветление, лишь овладение ими Логоса» (Мосты. 1965. № 11. С. 360–361. Публ. Л. Муравьева, с послесл. Ф. Степуна).

[13] В теософской и антропософской терминологии эфирное, или жизненное, тело заключает в себе духовный, исполненный жизни облик, ощущаемый человеком помимо физического облика: «...эф. тело не есть только произведение веществ и сил физ. тела, но самостоятельная, действительная сущность, которая только и вызывает к жизни <...> физические вещества и силы. <...> Жизненное тело есть сущность, которой в каждое мгновение в течение жизни физ. тело охраняется от распадения»; «Эф. тело есть подвижный в себе организм, беспрерывное выражение мыслей, чувств и воли» (Anthropos: Опыт энциклопедического изложения духовной науки Рудольфа Штайнера / Сост. Г. А. Бондарев. М., 1999. Т. I. С. 303).

[14] Интерес Штейнера к мировоззрению Эрнста Геккеля нашел отражение в его работе «Геккель и его противники» («Haeckel und seine Gegner». Minden i. W., 1900). Статья Штейнера «Геккель, мировые загадки и теософия» в переводе О. Анненковой была опубликована в «Вестнике Теософии» (1908. № 11).

[15] См. примеч. 11 к п. 278.

[16] См. п. 278, примеч. 17. Обыгрываются также фрагменты из «Симфонии (2-й, драматической)»: «...нервному родственнику казалось, что предметы сходят с мест своих» (часть 1-я); «Мы не нуждаемся в гностических бреднях <...> Мы не дети: любим чистое золото, а не мишуру» (часть 4-я); мысли философа: «Не то, не то... Опять все не то» — и слова демократа: «Не то, совсем не то» (часть 1-я). См.: *Симфонии.* С. 68–69, 128.

[17] Имеется в виду полемический фрагмент из «Открытого письма Андрею Белому по поводу статьи „Круговое движение"», в котором Степун предостерегает: «Берегитесь, берегитесь!.. Не сели ли Вы, собравшись путешествовать вверх по спирали, верхом на деревянного карусельного коня. На таком коне Вы далеко не ускачете, во всяком случае не дальше профессорских кабинетов и швейцарских отелей» (Труды и Дни. 1912. № 4/5. С. 86).

[18] Т. е. в статье «Круговое движение (42 арабески)».

[19] Подразумевается фраза из «Открытого письма...» Степуна: «Вы же ежегодно меняете свою философскую точку зрения и ежегодно оповещаете читающий мир о свершившемся в Вас превращении» (Труды и Дни. 1912. № 4/5. С. 86).

[20] На ту же тему Белый высказался в письме к Вяч. Иванову (январь 1913 г.): «Читал ли Ты письмо Степпуна ко мне? Считаю тон его вполне *неприличным*; с содержанием же согласен; и не будь тон *неприличен*, я воспользовался бы этим письмом как предлогом к интересной полемике <...> реагировать на письмо Степпуна я не буду никак: я даже ни словом не заикнусь Редакции, что с ее стороны *для внешних* мой уход от Редактирования, сопоставленный с *Письмом* в том же №№ журнала, истолкуют как демонстрацию» (Русская литература. 2015. № 2. С. 95. Публ. Н. А. Богомолова и Дж. Малмстада). Белый, однако, написал «Ответ Ф. А. Степпуну на открытое письмо в № 4/5 „Трудов и Дней"», который был опубликован в следующем выпуске журнала (Труды и Дни. 1912. № 6. С. 16–26). Предполагалось и продолжение этой полемики, согласно сообщению в письме Метнера к М. С. Шагинян от 13 (26) мая 1913 г.: «Яковенко собирается писать для *Тр<удов> и Дн<ей>* статью о споре Степпуна и Белого, причем намерен высечь и того и другого; взять их за шивороты и постукать друг о друга лбами, а затем хорошенько встряхнуть обоих» (РГБ. Ф. 167. Карт. 25. Ед. хр. 26. Л. 13), — однако своего намерения Яковенко не осуществил.

[21] Имеется в виду п. 278.

[22] Разъяснения об этом Белый давал Вяч. Иванову в цитированном выше письме: «Доктор скорей отклонил, чтобы я посылал Тебе курсы; дело вовсе не в Твоей неподготовленности (кто станет об этом говорить), а просто в том, что *по принципу* Доктор настаивает на том, что читающий его курсы должен быть лично *ведом* ему в человечески-конкретном смысле: отвлеченно Доктор Тебя знает, по рассказам, как замечательного человека и гениального поэта. Но *оккультизм* (слово Доктора) требует еще чего-то: в данном случае еще личного знания Тебя *им*, Доктором, ибо в курсах есть

штрихи чисто оккультные <...>. Так на мою просьбу посылать курсы Тебе он ответил уклончиво: уклончивость ответа я прочел как *нежелание* его, чтобы я посылал» (Русская литература. 2015. № 2. С. 96). Впоследствии А. А. Тургенева вспоминала о Вяч. Иванове: «Он ждал, что мы представим его доктору Штейнеру, поскольку хотел вступить в Теософское общество. Но мы были изумлены решительным отказом доктора Штейнера, который тем не менее допускал присутствие в обществе самых странных персонажей. „Пусть господин Иванов и большой поэт, — сказал он, — к оккультизму у него нет ни малейшей способности; это было бы во вред и ему, и нам. Я бы не хотел встречаться с ним; попытайтесь отговорить его“» (*Тургенева Ася.* Воспоминания о Рудольфе Штейнере и строительстве первого Гётеанума. М., 2002. С. 39). Эта ситуация подробно проанализирована в статье Е. В. Глуховой «Андрей Белый — Вячеслав Иванов: концепция духовного пути» (Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. СПб., 2006. С. 101–108).

23 15 (28) декабря 1912 г. Блок сообщил Белому: «После нашего 20-ого числа у Тебя будет Мих<аил> Ив<анович> Терещенко, переговорит с Тобой обо всем» (*Белый — Блок.* С. 481).

24 Об этом намерении Метнер сообщил в п. 277.

25 Встреча Белого с Терещенко, возвращавшимся из Канн в Петербург, состоялась в Берлине между 19 и 21 января (1 и 3 февраля) 1913 г. (см.: *Белый — Блок.* С. 490).

26 С 19 по 29 января (н. ст.) 1913 г. Штейнер совершил лекционную поездку в Вену, Грац, Клагенфурт, Линц и Прагу.

27 В Амстердам Штейнер в марте 1913 г. не ездил.

280. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

16 (29) января 1913 г. Берлин

Дорогой Эмилий Карлович!

Посылаю Вам это чисто деловое письмо. Не знаю, застанет ли оно Вас в Москве.

Сообщаю Вам наши ближайшие планы. Мы в Берлине до 15-го марта, т. е. до 2, 3-го марта по новому стилю. Далее нам *необходимо* по внутр<еннему> долгу и по *внешнему* долгу пред Доктором быть на курсе в Гааге, который продлится до 2-го апреля[1]. После второго апреля мы месяца на 3 едем в Волынскую губернию отдыхать, работать до Мюнхена. Так что: ровно 15 марта нов<ого> стиля мы вовсе уезжаем из Берлина, ровно 4 апреля мы в Боголюбах месяца на 2½.

Теперь. Денег у нас ровно на 14 дней. 1-го февраля (сег<одня> 29 января) мы должны сделать взнос за месяц (помещение); и после этого взноса у нас остается ровно до 15 февраля, 2-го февраля ст<арого> стиля.

Как с Терещенко?[2] И если с Терещ<енко> *еще* не улаживается, то... как вообще нам быть? В случае, если бы даже Мусагет мог помочь, то... все-таки: к 15 марту мы должны обладать суммой денег для 1) помещения сундуков в Берлине, 2) для поездки в Гаагу, 3) для взноса за слушание лекции, 4) для обратного путешествия из Гааги в Боголюбы.

Если возможно, выдвиньте все это Терещенко, чтобы по возможности нам определенно знать, а то, зная по прошлому опыту, какие неожиданные случайности возникают на почве запоздания на 2 дня денег, мы все время будем в полной неуверенности. 2) Милый друг, поскорее ответьте: как нам быть с февралем; ведь мы абсолютно в феврале без гроша; и достать не у кого; Терещенко так и не заезжал ко мне.

Опять тревожусь.

Остаюсь искренне любящий Вас и преданный

Борис Бугаев.

P. S. Всем Вашим привет.

P. S. Зная по опыту, как все «*проблематично*» с возникновением издательств, и будучи проучен только что с надеждами на «*имение*»[3], я опять внутренно охвачен ожиданием, что получу печальную (но не неожиданную) новость, что с Терещенко что-нибудь *не так*. И есть ли, вообще, Терещенко.

Если предположение мое, что с Терещенко не все ладно, имеет какое-нибудь *реальное основание*, ради Бога напишите мне тотчас, ибо Вы понимаете, до чего для меня этот вопрос есть вопрос «*быть или не быть*». И обратно, если нет оснований для беспокойства, то нам заранее уже нужно знать сроки получения денег в виду ближайших для нас очень *реальных* и существенных перспектив.

Милый друг, напоминаю: сегодня 29 января нового стиля.

1-го февраля — платеж (120 марок). 15 февраля недельная плата за обеды и далее в буквальном смысле слова *ни гроша*.

15 февраля *нового стиля, а не старого*.

РГБ. Ф. 167. Карт. 3. Ед. хр. 4. Почтовый штемпель отправления: Berlin. 30. 1. 13; штемпель получения: Москва. 19. 1. 13.

[1] В Гааге Штейнер с 20 по 29 марта 1913 г. прочитал курс из десяти лекций «Какое значение имеет оккультное развитие человека для его оболочек и для его Я».

[2] См. примеч. 25 к п. 279.

[3] См. примеч. 6 к п. 199. О неутешительном положении дел с продажей или закладом «имения» Белому сообщил В. К. Кампиони. В начале января (н. ст.) 1913 г. А. Тургенева писала сестре, Н. Тургеневой: «...через полтора месяца мы без копейки и негде достать (с Володей все рухнуло) <...>» (Europa Orientalis. XIV/1995: 2. С. 333). Белый обрисовал создавшуюся ситуацию в письме к А. С. Петровскому (вторая половина февраля — начало марта 1913 г.): «6 месяцев тому назад в итоге поездки В. К. Кампиони выяснилось состояние моего имения (оно лет через 5 будет стоить 30 000), невозможность его продажи теперь, невозможность его залога в *банки* и сложный план залога его у Вл<адимира> Константиновича, причем нам освобождалось тысяч 8 <...> в возможность заклада мы верили; и до декабря жили надеждой, что к 1-ому февралю уже будем получать порции *заклада*. В декабре все это рухнуло (ибо *война* испортила дела Вл<адимиру> Константиновичу, а он не мог взять в залог имение): мы остались в перспективе ужасной; за плечами долги, неоткуда достать ничего <...>» (*Белый — Петровский*. С. 248. Речь идет о первой Балканской войне между Балканским союзом и Турцией, начавшейся в октябре 1912 г.).

281. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

18 (31) января 1913 г. Москва

Москва 18/1-913.

Дорогой друг! Надеюсь, Вы получили мой ответ на Ваше длинное деловое[1]. После этого я получил от Вас еще два больших письма[2]. Но не успел, да и не успею сейчас ответить Вам, т<ак> к<ак> еду в Петербург, где будет Колин концерт[3] и где я встречусь с Терещенко. Первое Ваше письмо я прочел, второе только вчера вечером мне передали. Его я даже не пробежал, увидев сразу всю кардинальную важность написанного. Поверьте, что я с полным и благоговейным вниманием отнесусь ко всему, что Вы из такой глубины мне пишете. Постараюсь в след<ующем> письме хотя бы кратко сказать свое мнение. Сейчас скажу, что разделяю строго две вещи: Ваше развитие, Ваш рост, Ваш путь,

с одной стороны, и то, как это выявляется в Вашем творчестве, то соприкасаясь, то отклоняясь от тех или других идей, с другой стороны. В целесообразность и органичность первой стороны всего явления «Андрей Белый» я верю, но в другой стороне вижу известную прерывность движения и скачки в сторону, которые Вы и должны обосновать. К Штейнеру у меня двойственное отношение, и не думаю, чтобы оно стало когда-либо цельным и вполне положительным. Пусть это «тем хуже» для меня. Стало быть, не суждено мне быть посвященным.

Некрасов оказался очень большим жилою. Требует даже проценты за выданный Вам гонорар[4]. Это — пустяки, и Терещенко не постоит за этим, но... характерно. Кроме того, он требует, чтобы ему возместили издержки по печатанию первых 9 листов, кот<орые> он уже (без Вашего разрешения) напечатал; говорит, что Вы его обманули, пропустив все сроки, и он счел себя вправе печатать[5]. Между тем, Вы ведь начало переделали[6]. Пусть все это Вас не волнует, т<ак> к<ак> все уладится. Сообщаю только для характеристики Некрасова.

Пора кончать. Нашли ли Вы те заметки о Коле, кот<орые> я Вам дал для статьи?[7] Если Вы их использовали, то пришлите их как-нибудь в письме мне назад, а то у меня нет копии (ее я дал Эллису), а между тем тут нужно для предвар<ительной> заметки. Впрочем это ***не важно***, если Вы это затеряли. Обнимаю Вас крепко. Привет Асе.

Ваш Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 7. Л. 1–2. Текст — в копировальной книге Э. К. Метнера.

[1] Имеются в виду п. 275 и 277.

[2] Имеются в виду п. 278 и 279.

[3] 21 января 1913 г. в Малом зале Петербургской консерватории состоялся III камерный концерт А. И. Зилоти, посвященный произведениям Н. Метнера (сонаты ор. 22 и 25 и четыре «сказки», сыгранные автором, и вокальные пьесы в исполнении автора и А. М. Ян-Рубан). См.: Новое Время. 1913. № 13241, 21 января. С. 5; Русская Музыкальная Газета. 1913. № 5, 2 февраля. Стб. 137.

[4] Речь идет о выкупе издательством «Сирин» у издательства К. Ф. Некрасова рукописи начальных глав романа Белого «Петербург» (см. примеч. 3 к п. 241).

[5] Набранные в издательстве К. Ф. Некрасова корректурные листы глав 1-й и 2-й (без окончания) в первоначальной редакции сохранились в архиве Андрея Белого (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 18); этот текст ныне опубликован в кн.: *Андрей Белый.* Петербург / Изд. подгот. Л. К. Долгополов. Л., 1981. С. 420–494 («Литературные памятники»). Ср. сообщение в письме Метнера к Эллису от 2 (15) декабря 1912 г.: «Неприятность <…> кот<орая> грозит Бугаеву со стороны Некрасова, заключается в том, что этот делец, наскучив ожиданием продолжения романа, решил выпустить часть первую без ведома автора. Так говорит Кожебаткин. Может быть, он и врет» (РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 6. Л. 72).

[6] Переработкой начальных глав «Петербурга» Белый занимался с ноября 1912 г. по январь 1913 г.

[7] Эти заметки о Н. К. Метнере не выявлены.

282. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

19 и 21 января (1 и 3 февраля) 1913 г. Берлин

Дорогой друг,

Получил от М. И. Терещенко телеграмму; жду его сейчас[1]. Очень волнуюсь: хотел бы не касаться деталей и даже плана моего издания в «Сирине», предоставляю все Вам и заранее благодарю.

Пишу это письмо лишь для одного: просить Вас, если Вы не получили моего маленького *делового* письма[2], как-нибудь сделать, чтобы выручить нас за февраль; через несколько дней (дней через 10) у нас — ни гроша. Если это возможно, прошу меня уведомить, дорогой друг.

Буду скоро опять Вам писать много. Сейчас с лекции Доктора[3] — и мы с Асей совершенно пьяны, ибо *то*, о чем мы все когда-то мечтали, *это* Доктор назвал *Антропософией.*

Вот ход мыслей; была *София*; о ней пели поэты (напр<имер>, Данте); в нее влюблялись греч<еские> философы; она была «*милая*». Период развития Bewustseinseele* превратил *Ее*, милую Софию, в *философию*; период этот кончается, «*милая София*» в философии умерла, чтоб воскреснуть в человеке и стать *антропо-софией.* Лейт-мотив всей лекции:

«Предчувствую Тебя, года проходят мимо»[4].

* Душа сознающая (*нем.*).

Милый друг, ради Бога не забудьте уведомить о деньгах; крепко обнимаю. Б. Б.

РГБ. Ф. 167. Карт. 3. Ед. хр. 6.

[1] См. примеч. 25 к п. 279. В письме к Блоку от 8 (21) февраля 1913 г. Белый отмечал: «М. И. Терещенко мне очень понравился: какая у него деликатная манера говорить с людьми. Впрочем, мы беседовали менее часу» (*Белый — Блок.* С. 490).

[2] Имеется в виду п. 280 (доставленное в Москву после того, как Метнер уехал в Петербург).

[3] 1 февраля 1913 г. Штейнер выступал на заседании правления Немецкой секции Теософского общества, 3 февраля — на учредительном генеральном собрании Антропософского общества (см.: *Lindenberg Christoph.* Rudolf Steiner. Eine Chronik. С. 329–330).

[4] См. примеч. 38 к п. 278.

283. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

21 января (3 февраля) 1913 г. Петербург

Петербург 21/I 913.

Милый Борис Николаевич! Сейчас заметил, что Вы в письме беспокоитесь о феврале[1]. Конечно, так или иначе Вы получите месячный оклад своевременно. С Терещенко Вы уже, вероятно, виделись[2]. Помнится, я писал Вам, что его визит будет совершенно личный и ни о каких делах Вам вовсе нет надобности говорить с ним, если Вы этого не хотели бы. Вчера был у Блока весь вечер: мы были совсем одни и досыта наговорились[3]. Он — прекрасен. Через час будет концерт Коли[4]. Записки, о которых я Вам писал в прошлом письме, оказались бы полезными для одной предвар<ительной> заметки перед московским концертом, кот<орый> будет 9 февраля[5]. Третьего дня был на религиозно-философском собрании, где было очень скучно и говорили Поликсена Соловьева (поверхностно) и какой-то рыжий путаник[6].

Ну, до свиданья, дорогой мой.

Очень спешу. Привет Асе.

Ваш Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 7. Л. 3. Текст — в копировальной книге Э. К. Метнера.

[1] Подразумевается заключительная часть п. 279.

[2] См. примеч. 25 к п. 279. Ср. дневниковую запись Блока от 24 января 1913 г.: «А. Белый не очень понравился М. И. Терещенке (опять, как и о Метнере, отмечает „юркость“), но говорит — умный» (*Блок Александр*. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. С. 211).

[3] 20 января 1913 г. Блок записал в дневнике: «У нас обедал Метнер, ушел около 11-ти часов вечера <...> мы с Метнером долго говорили» — и далее конспективно изложил темы беседы, в том числе: «О Боре и Штейнере. Все, что узнаю о Штейнере, все хуже. <...> В Боре в высшей степени усилилось самое плохое (вроде: „я не знаю, кто я“... „я, я, я... а там упала береза“). Матерьяльное положение Бори („Мусагет“, М. К. Морозова и „Путь“, провал с именьем). Неуменье и нежеланье уметь жить. <...> Несколько практических разговоров о „Мусагете“, „Сирине“, Боре и мне» (Там же. С. 209–210).

[4] См. примеч. 3 к п. 281.

[5] См. п. 281, примеч. 7. 9 февраля 1913 г. в Малом зале Российского благородного собрания состоялся второй экстренный концерт «Clavier-Abend» Н. Метнера. Программа была составлена из его собственных произведений.

[6] Заседание петербургского Религиозно-философского общества состоялось 19 января 1913 г., в повестку дня входило сообщение П. С. Соловьевой по поводу доклада Д. В. Философова «О принципе единства в Церкви»; в обсуждении темы участвовали А. В. Карташев и Е. П. Иванов («рыжий путаник», по определению Метнера). Подробнее см.: *Ермичёв А. А.* Религиозно-философское общество в Петербурге (1907–1917). Хроника заседаний. СПб., 2007. С. 135–137). Об этом заседании Блок записал в дневнике (20 января 1913 г.), упомянув среди присутствовавших Метнера: «На доклад П. С. Соловьевой мы с мамой опоздали, остальное было мучительно: Женя запутался, Карташев его выругал» (*Блок Александр*. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. С. 209).

284. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

29 января (11 февраля) 1913 г. Имение К. В. Осипова

Траханеево на Клязьме 29/I–10/II[1]–913.

Дорогой Борис Николаевич! Снова и опять пишу о внешнем. Внешнее (и не только Ваши дела) заполонило временно меня и сделало неспособным к приятию и к разбору тех внутреннейших вопросов, кот<орых> Вы касаетесь в Ваших письмах. Даже

мои работы (о Вагнере[2] и др.) застряли. Масса дел. Реорганизация Мусагета в отношении управления, сбыта и т. п. Переговоры с книжными складами. Ликвидация хозяйничанья Кожебаткина[3]. Инструкции Ахрамовичу. И, наконец, переговоры с *Сирином.* Вот о них-то и буду только писать сейчас. Эти переговоры продолжаются, а потому 333 р. 33 к., котор<ые> Вы, надеюсь, получили, отправлены Вам из мусагетской кассы и будут присчитаны к долгу. Обратите внимание на следующие пункты.

1) *Сирин*, подобно *Мусагету*, имеет тайный комитет, в кот<орый>, вероятно, входят след<ующие> лица: Михаил Иванович Терещенко, его сестра[4], Разумник Васильевич Иванов[5], Блок, Ремезов <*так!*> и, м<ожет> б<ыть>, еще другие. Брюсов, повидимому, нет. Все вопросы решаются этим комитетом, которым конституционно ограничивает свою власть Терещенко.

2) Принципиально желают Вас издавать полностью, но для формального решения необходимо, чтобы все члены ознакомились со всеми Вашими сочинениями. Обе рукописи (роман и Путевые Заметки) должны быть прочтены сообща в ряде заседаний. От этого порядка не отступают никогда, кто бы ни был автором рукописи.

3) Гонорар для всех один и тот же, именно 25% с номинальной стоимости книги. Следовательно, гонорар колеблется лишь в зависимости от количества отпечатанных экземпляров. Если Ваш гонорар будет меньше, нежели гонорар Сологуба, то только потому, что Вас будут печатать, м<ожет> б<ыть>, 3000 экз., Сологуба же 5000 (кажется). — Кроме этого процентного гонорара за книги (или томы собрания сочинений) есть еще фиксированный гонорар за помещение главы романа или отдельной повести в *Сборниках*, которые будут выходить спорадически и довольно часто; этот гонорар — очень велик: именно 200 р. за 40 000 букв. Когда Терещенко говорил со мною в Москве и сказал, что за 22 листа романа Вы получите 4 400 рублей, он имел в виду провести Ваш роман в *Сборниках*; если бы, кроме того, издали собрание Ваших сочинений, то Вы получили бы еще около 1600 за тот том (или 2 тома), в кот<орый> вошел бы Ваш роман. Говоря о 4400 р. (или около того), Терещенко не сказал мне, однако, что это связано с Сборниками; мы вообще тогда не успели договориться до гонорарного вопроса.

4) В Петербурге я имел продолжительное совещание в редакции *Сирина* обо всех вопросах[6]. (Терещенко передал мне Ваше письмо[7] и привет Аси. Он рассказывал о Вас, найдя Вас очень бодрым и энергичным, чему я порадовался). — Терещенко не мог присутствовать все время совещания, которое после его ухода продолжалось между мной и Разумником Васильевичем. — Так как я не мог остаться еще день в Петербурге (я и без того застрял там из-за того, что Терещенко запоздал с своим приездом в Петербург), то я (по совету Блока) написал Терещенке мое окончательное решение о Вашем деле.

5) Оно сводится к следующим пунктам: a) по крайней мере одна из рукописей (или роман, или Путевые заметки) должна быть проведена в Сборниках по 200 р. за лист.

b) Необходимо объявить подписку на издание полного собрания сочинений Андрея Белого в 18–20 томах.

c) Оба пункта ***a*** и ***b*** должны быть решены и приняты *вместе*, а не раздельно и притом по возможности в непродолжительном времени.

d) Я беру на себя труд вступать с Вами в переговоры относительно выпуска или переработки той или другой статьи, которая Комитету *Сирина* представится не вполне приемлемой[8].

Ad ***d*** *NB*: этот пункт есть результат одной из частей нашего петербургского совещания. Дело в том, что многое в *Символизме* (а отчасти и в *Арабесках*) кажется Терещенке балластом для собрания сочинений, недоступным даже образованному и нередко неприемлемым. Терещенко даже вскользь заметил, что, может быть, можно издать только художественные произведения. Я сказал (и подтвердил в письме), что согласия на это дать не могу, т<ак> к<ак> считаю это (ввиду издания полного собрания Брюсова) совершенно неприемлемым для Андрея Белого и что если *Комитет* не согласится издать *все*, то пусть редакция обратится лично к Вам за разрешением издать с выключением теоретического и критического. — Вам скажу, что это невыгодно; в особенности если окажется, что и роман и *Путевые заметки* пойдут *только* в собрании; ибо тогда за роман Вы получите не больше, чем бы Вы получили от Некрасова; гонорар за симфонии, стихи и *Голубя* пойдет на уплату Ваших долгов; остается только одна выгода:

более скорое издание *Пут<евых> Заметок* (без рисунков), нежели это в состоянии сделать Мусагет. — *Сирину* так сильно хочется печатать Вас, что не надо до поры до времени уступать; пусть он сам уступит. — Смущает Терещенко (кажется, и его сестру) Ваша философия и критика в двух направлениях: риккертьянском и штейнерьянском. Он изучал Риккерта и других неокантьянцев в Лейпциге, и ему кажется несколько произвольным <*так!*> Ваша интерпретация. (В критике он находит кое-что резким). Кроме того, Терещенко боится, что Вы потребуете, чтобы и все будущие Ваши теоретические сочинения также вошли в собрание. Между тем, эти сочинения вдруг окажутся штейнерьянством, а оба Терещенки страшно боятся теософии. Я думаю, что пункт о штейнерьянстве отпадает, т<ак> к<ак> либо Вы не будете писать о штейнерьянстве, либо, пиша об этом в *Тр<удах> и Дн<ях>*, не станете требовать, чтобы эти статьи вошли в собрание. Что же касается риккертьянства, то я по поводу Вашего философствования написал Терещенке письмо, где доказываю, что Вы самостоятельный мыслитель, что и Дейссен не безгрешен в толковании Канта, а между тем профессорствует в Киле, что Ваша философия тесно связана с Вашим искусством и т. д. Думаю, что мне удалось рассеять его сомнения. — Почему вдруг возникло сомнение, подойдет ли роман для Сборников? — спросите Вы. Ответить наверняка трудно. М<ожет> б<ыть>, напортил Брюсов, который недавно был в Петербурге и наверно говорил что-н<ибудь> о романе Разумнику Васильевичу. М<ожет> б<ыть>, эти подозрения и напрасны: просто роман слишком велик для сборников; поэтому я и предлагаю одно из двух, ибо *Путевые Заметки*, конечно, пожалуй, удобнее разбить на отделы для нескольких сборников. Вот и всё пока. Терещенко был очень мил и любезен. Надо надеяться, что мы победим. — Концерт Коли[9] сошел блестяще. Почти все билеты были проданы. Огромный успех. Отличные и даже восхищенные рецензии (если не считать язву Каратыгина)[10]. Надо надеяться, что мы победим. Обнимаю Вас крепко, дорогой друг. Привет Асе. Коля и Анюта[11] кланяются. Надеюсь, что в конце февраля все выяснится окончательно.

Ваш Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 7. Л. 11–17. Текст — в копировальной книге Э. К. Метнера.

[1] Ошибка в переводе на новый стиль.

[2] Имеется в виду цикл статей Метнера для раздела «Wagneriana» в «Трудах и Днях».

[3] А. М. Кожебаткин передал полномочия секретаря «Мусагета» В. Ф. Ахрамовичу в начале 1912 г., однако еще длительное время имел отношение к делам издательства. 29 декабря 1912 г. Метнер писал С. И. Гессену: «Кожебаткин потерял голову, очевидно до последней минуты рассчитывая, что останется в *Мусагете*. <…> С 1-го января он уже не состоит более при *Мусагете*» (РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 6. Л. 93). Ср. сообщение в письме Ахрамовича к Метнеру от 14 сентября 1913 г.: «Вчера Кожебаткин сдал мне архив» (РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 16).

[4] М. И. Терещенко основал издательство «Сирин» совместно с сестрами — Елизаветой Ивановной и Пелагеей Ивановной Терещенко.

[5] Р. В. Иванов (Иванов-Разумник) исполнял в «Сирине» полномочия редактора и основного организатора издательского делопроизводства.

[6] Эта встреча состоялась по возвращении М. И. Терещенко 23 января 1913 г. в Петербург из-за границы — видимо, в тот же день или на следующий (в записи от 24 января Блок сообщает о своем посещении редакции «Сирина» и о телефонном звонке Метнера туда; см.: *Блок Александр.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. С. 211).

[7] Имеется в виду п. 282.

[8] Приводим весь текст излагаемого здесь письма Метнера к Терещенко по копии, отложившейся в копировальной книге Метнера (РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 7. Л. 4–10):

Траханеево на Клязьме 27/I 913.

Многоуважаемый Михаил Иванович!

Шлю Вам мои соображения* относительно собрания сочинений Андрея Белого в связи с изданием его Сирином и предполагаемой передачи Сирину «Путевых Заметок»**.

Соображения объективные.

Андрей Белый сочетал в себе художника и мыслителя, и сочетание это не только материальное, но и формальное, т. е. не только он темы художественные берет для своих статей и в своей поэзии разрабатывает философские темы, но он обладает ярко выраженными талантами и поэта и теоретика, ему одному свойственными приемами художественного творчества (напр<имер>, симфонии) и ему же одному свойственными приемами подхода к проблемам, постановки проблем новых, наконец, построения

* Отчасти я изложил их после Вашего ухода Разумнику Васильевичу.

** Рукопись высылается Вам. Обратите особое внимание на «Египет». Это, м<ожет> б<ыть>, самое сильное, что написал Андрей Белый.

схем и схематизирования материала (напр<имер>, «Эмблематика смысла» и «Лирика и эксперимент»). Означенное сочетание художника и мыслителя не есть, разумеется, простая сумма; Андрей Белый не пишет *наряду* со стихами *также и* статьи; его стихи часто бывают вдохновенными статьями и его статьи нередко стихотворения в прозе. Иную страницу его критики можно было бы вставить в *симфонию* и обратно. Книга *Арабески* и книга *Луг зеленый* (издание *Альционы*) наглядно показывают, в какой мере неотделим в Андрее Белом поэт от теоретика. Оттого-то он и символист par excellence. Быть в такой полноте символистом невыносимо трудно, ибо от теоретика требуют знаний, от поэта неустанного совершенствования и все новых произведений. Понятно, что начитанность Андрея Белого беспорядочна, случайна, неравномерна; однако отрицать в нем солидную подготовку к мышлению нельзя. Он кончил курс естественного факультета, занимался с отцом своим высшей математикой, потом поступил на филологический факультет, которого не окончил только из-за революции; Андрей Белый много читал и Канта; что в его рассуждениях чувствует<ся> нередко шопенгауэровская закваска — это — так; всякий, кто имел несчастие подойти к Канту через Шопенгауэра, отравлен навеки; однако с такою отравою можно занимать кафедру по философии даже в Германии, напр<имер>, Дейссен. Вообще надо иметь в виду, что весь научно-философский аппарат сочинений Бугаева играет роль vehiculum'a*; между прочим, излюбленного им Риккерта он вовсе как следует и знать не мог, т<ак> к<ак> читал только переведенное на русский язык. Риккерт был временным подспорьем бугаевских построений. Надо надеяться, что таковым же будет лишь некоторое время и Штейнер, а сам Бугаев останется верен Андрею Белому и свободный пойдет дальше. Об этом Вам много может сказать Блок. — Необузданную неуклюжую эрудицию Бугаева надо принять так же, как мы ее принимаем в Жане Поле Рихтере; я считаю не шутя Андрея Белого значительнее Жана Поля. — — — О книге «*Символизм*» *Логос* дал отзыв: «книга не философа-специалиста, но для всех философов». Думаю, что если бы даже удвоить число промахов и недостатков философствования Андрея Белого, все же оно значительнее и важнее (конечно, *не* для начинающих изучать философию, а для искушенных), нежели все почти, что пишется современными профессорами философии. Надо брать только Андрея Белого не как научного философа, а как миросозерцателя; знать, *как* такая огромная индивидуальность смотрит на мир, бесконечно нужнее, нежели рыться в гносеологических деталях. Есть много литераторов, ученых**, которые интересуются только теоретиком Бугаевым, но почти нет таких, которые бы признавали в нем лишь художника, напрасно вторгшегося в область науки. Издавая только художественные произведения Бугаева, сокращаешь круг его читателей.

* Повозка (*лат.*).

** Некоторые филологи, затем профессор статистики Чупров, который в восторге от его *Лирики и эксперимента*.

Выделять же из его теоретических работ некоторые критические статьи невозможно, ибо где критерий большей или меньшей важности той или другой статьи? Если взять с одной стороны статью *О границах психологии*, а с другой стороны книгу стихов *Пепел*, то можно заполнить огромную дистанцию, разделяющую эти два произведения целым рядом других вещей, которые составят одна к другой незаметный переход, и окажется, что все связано и все нужно; в центре, вероятно, будет стоять первое сочинение Андрея Белого *Симфония драматическая*.

Соображения субъективного свойства.

1) Только *крайняя нужда* может заставить Бугаева согласиться на издание сочинений с исключением всех или многих его теоретических работ. Лично я не могу дать согласия на это, ибо знаю, что впоследствии Бугаев будет считать меня виновником этого злоключения. Поэтому, если *Сирин* отказывается от теоретических сочинений, то переговоры об этом должны вестись лично с Бугаевым; я буду тогда говорить только о денежной стороне, об издании романа, *Путевых заметок*.

2) Согласившись из крайней необходимости на окургуженное собрание сочинений, Бугаев будет сильно уязвлен тем, что Блок и Брюсов (которые, как теоретики, — малые дети по сравнению с Бугаевым и у которых вовсе нет той органической связи между рассуждающей прозой и речью поэтическою) издаются полностью.

3) Сомневаюсь, чтобы было *особенно* выгодно Бугаеву уходить от *Мусагета* и от Некрасова, если его роман будет оплачен как два тома собрания сочинений 25%, если из собрания будут выключены его теоретические статьи. В сущности практический вопрос сводится тогда к изданию его «Путевых заметок», которые Мусагет вынужден все откладывать. Ибо огромный долг Бугаева погасит *почти* весь гонорар за симфонии, стихи и «Серебряного голубя».

4) Чтобы избежать фиксации в собрании сочинений одинаково и Вам и мне неприятной теософической линии, которую повел Бугаев, можно заявить ему, что из теоретических сочинений в собрание войдет только написанное им до 1912 г. включительно.

Таким образом мой проект сводится к следующему.

1) Если роман не может* быть проведен в сборниках по 200 р. с листа, то можно было бы (и даже с бóльшим удобством и с бóльшим основанием) провести в сборниках *Путевые заметки*. Но одно из двух произведений должно быть напечатано в сборниках.

2) Необходимо объявить подписку на издание (полного)** собрания сочинений Бугаева в 18–20 томах.

3) Предлагаю свои услуги, если понадобится убедить Бугаева, что надо переделать или исключить вовсе какое-либо очень небрежное или нежелательное место из его теоретических работ.

---

* По причинам, о которых мы говорили лично с Вами в Петербурге.

** В смысле соединения теории и художества.

4) Необходимо все вопросы решить в ближайшем будущем, ибо при внимательном рассмотрении они оказались в тесной связи между собою.

Жму Вашу руку.

Преданный Э. Метнер.

[9] См. примеч. 3 к п. 281.

[10] В отзыве о концерте Н. Метнера, опубликованном 23 января 1913 г. в газете «Речь», В. Г. Каратыгин заключал: «Музыка Метнера — каменистая бесплодная пустыня, в которой трудами замечательно умного и богато одаренного архитектора воздвигнут великолепный храм — именно с храмом хочется сравнить сонаты Метнера, такое в них чувствуется серьезное, благоговейное отношение к искусству, — но без икон и без алтаря. <…> Про искусство Метнера хочется сказать: механическое творчество». Гораздо более благожелательно оценил концерт Метнера музыкальный критик и переводчик В. П. Коломийцов: «…это композитор не только очень даровитый, но и в изрядной мере самостоятельный; его музыка всегда интересна, содержательна гармонически и часто достигает значительной мелодической красоты. Самостоятельность же г. Метнера я усматриваю не столько даже в особой индивидуальной оригинальности его творчества <…>, сколько в его независимости от всяких модных „веяний“: он явно стоит в стороне от эксцессов так называемого „модернизма“ и строго целомудренно идет своим путем, ставя себе серьезные задачи и не заботясь о том, отвечает ли его музыка преходящему „духу времени“ или нет <…> г. Метнер по духу и характеру своих вдохновений примыкает к культуре немецкой камерной музыки — к Шуману и в особенности к Брамсу. <…> Чрезвычайно удается г. Метнеру облюбованная им форма „сказок“ для фортепиано <…>» (*Коломийцов Виктор*. Концерты Зилоти // День. 1913. № 21, 23 января. С. 4). Практически одновременно с концертом в Петербурге вышел тематический выпуск «Русской Музыкальной Газеты», посвященной творчеству Н. Метнера, Игоря Стравинского и Рихарда Штрауса (1913. № 3. 20 января); в нем были обнародованы краткие общие сведения о композиторе («К биографии Ник. К. Метнера» — стб. 70) и помещена статья Гр. Прокофьева «О Метнере» (Стб. 65–70), в которой композитор оценивался как «русский носитель заветов германской школы композиторов», прежде всего неоднократно упоминавшихся в этой связи Шумана и Брамса, и как «сериозное и в своей духовной аристократичности замкнутое дарование»: «…если даже грядущие достижения Метнера будут становиться все ценнее и значительнее, школы последователей ему не создать, ибо индивидуальность его слишком определенна, своеобразна и сильна, и именно благодаря этому как-то несвоевременна. В наш век, когда формы искусства всё мельчают, когда приемы творчества делаются всё тоньше и тоньше, когда наступает царство еле уловимого, чуть не эфемерного ритма, Метнер идет совсем другой дорогой, — дорогой, прямо противоположной» (Стб. 66, 68).

[11] А. М. Метнер.

285. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

30 января (12 февраля) 1913 г. Берлин

Дорогой Эмилий Карлович!

Не знаю, где Вы, но беспокоюсь. Завтра первое февраля[1]: денег нет; далее: ничего не знаю о Терещенко; как, что, на каких условиях я продаю ему книги; и главное, *очень существенное* для нас сейчас; с *какого времени* и *до какого времени* я буду получать регулярно от «*Сирина*», если состоится продажа. Дорогой друг, все это мне нужно знать *сейчас*, ***ибо***: через 5 недель мы должны предпринять сложную операцию с передвижением. 17-го марта мы должны быть на курсе Доктора в Гааге[2]; курс озаглавлен «*Влияние ок<культной> работы на физич<еское>, эфир<ное>, и астр<альное> тело*», т. е. курс, *специально* нам важный; кроме того; на днях Д<окто>р уезжает в турне[3] и вряд ли сможет принять нас до Гааги, а нам свидание необходимо, ибо мы после Гааги должны ехать в Боголюбы (тотчас же); уехать без свидания и даже разрешения при нашей работе *нельзя*; и поэтому нам в Гааге следует быть по двум причинам: 1) *взять отпуск* (Доктор при таких отпусках дает совершенно иную работу: нас нельзя с нашей работой далеко от Доктора отпускать), 2) прослушать курс.

К чему я, собственно, об этом пишу? да — все к *тому же, к материальному*; зная, как иногда *все зависит* от своевременного получения, где 2–3 дня запоздания при сложности рассчетов причиняют ряд беспокойств, *действительно досадных*, я хотел бы заранее знать, *уже сейчас*, могу ли я рассчитывать, что «*Сирин*» к *первому марту* вышлет порцию в 333 рубля, ибо, если он вышлет, скажем, 6 марта (русского), а не первого, то все *очень важные* для нас планы *безнадежно запутываются. Чтобы смочь попасть на курс, заранее записаться на свидание с Доктором и далее, своевременно попасть в Боголюбы, чтоб захватить там Сережу и Таню*[4]*, с которыми должно у нас быть свидание* (а они 20–22 марта русского должны уехать из Боголюб), — для всего этого надо нам уже теперь *знать наверное* 1) *устроилось ли с Терещенко*, 2) вступает ли в силу с 1-го марта право получать гонорар 333 рубля, 3) есть ли уверенность, что *действительно* к первому марту мы 333 рубля получим?

Ведь мы ***ничего не знаем***, а недели летят за неделями; Доктор уезжает из Берлина надолго, и надежда выяснить вопрос

с Боголюбами отсрочивается до *Гааги*; между тем; 14 марта, т. е. 1-го русского марта, мы остаемся с *minimum* денег; и если своевременно не вступают *в реальность* мои отношения к «*Сирину*», мы на ряд месяцев запутываемся. Если с «*Сирином*» не выходит, то мы ***уже*** упустили драгоценное время получить возможность ехать в Боголюбы и там *переждать* денежный кризис.

А то может статься: наступает 1-ое марта; денег нет, хозяйка уже сдала с 1-го марта наши комнаты, и вот мы, согнанные с комнат и без всякой цели и смысла должны ютиться в неприятном Берлине, одни. Мотивирую, почему 1-го марта необходимо иметь 333 рубля. 1) Для того, чтобы ехать в *Гаагу*, заплатить там за курс, прожить 2 недели и вернуться в Боголюбы, т. е. экстренная поездка в Голландию, жизнь в гостинице 2 недели и обратно, поездка в Россию с риском на границе заплатить не то 30, не то 60 рублей за просроченные паспорта (не знаю правил) + дожить до 1-го апреля (но это не важно: в Боголюбах денег не надо).

Итак.

Ответьте, милый друг, сейчас же: можно ли рассчитывать 1) на «*Сирина*», 2) на точность «*Сирина*» в сроке.

В противном случае, *уведомьте заранее, пока еще есть время* что-либо предпринять.

О Ник<олае> Карловиче отвечаю на днях[5]; все эти 10 дней было Generalversammlung, приходилось с утра до вечера жить в *Architektenhaus*[6]; кроме того, видеться с русскими мюнхенцами; измучены ужасно; кроме ряда докладов был курс Доктора[7] и ряд лекций *extra* (его же).

А теперь: истекают последние наши деньги; завтра 1-ое февраля; ради Бога, если деньги не посланы, пошлите по телеграфу, а то у нас хозяйка такая, что если чрез неделю не заплатить по счету, *то очень, очень* неприятно будет.

Остаюсь нежно любящий Вас Борис Бугаев.

P. S. Лично пишу на днях; Ася приветствует.

РГБ. Ф. 167. Карт. 3. Ед. хр. 5. Почтовый штемпель отправления: Berlin. 12. 2. 13. Штемпель получения: Москва. 1. 2. 13.

[1] Судя по штемпелю отправления, письмо написано не позднее 30 января ст. ст.

[2] См. примеч. 1 к п. 280.

[3] Лекционная поездка Штейнера состоялась с 16 февраля по 4 марта 1913 г. (Тюбинген — Штутгарт — Маннгейм — Гейдельберг — Карлсруэ — Франкфурт-на-Майне).

[4] С. М. Соловьев и Т. А. Соловьева (урожд. Тургенева).

[5] Речь идет о запросе (в п. 281) относительно «заметок» о Н. К. Метнере.

[6] Генеральное собрание Теософского общества в Доме архитектора в Берлине. В его рамках 2 и 3 февраля 1913 г. состоялось учредительное собрание Антропософского общества (около 2500 членов, 85 рабочих групп), выделившегося в самостоятельное объединение.

[7] Курс из четырех лекций «Мистерии Востока и христианство» был прочитан Штейнером в Берлине с 3 по 6 февраля 1913 г.

286. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

4 (17) февраля 1913 г. Берлин

Дорогой друг!

Огромное спасибо за деньги. Отправил письмо[1]; и дня через 2 получил. Спасибо; грустно мне одно: что я все еще *не мотивированно* на шее *Мусагета*[2]. Так что, дорогой друг, продавайте меня «*Сирину*», даже если условия будут не подходящие сравнительно; мне важно одно: чтобы долги были уплачены и чтобы в итоге освободилась бы сумма безмятежно жить и работать (я и не мечтаю о двух годах), дай Бог, год или хотя бы 8–9 месяцев. А то: я повторяю то, что писал Вам в *декабре*[3]. *Я не могу жить и работать, трепеща от месяца до месяца*. Это не жизнь, а torture par l'espérance*. Я слишком психически устал, начиная с историей моего написания романа и *обмана «Русской Мысли»*[5].

Теперь приходится жить в таком *внутреннем темпе*, так заново учиться, как я не жил уже 10 лет (со времени окончания Университета); ведь жизнь у Доктора *Университет*, где через два месяца буквально сдаешь себе экзамен, где и внешнее обучение и внутреннее берут массу усилий и творческой деятельности; но я тут не только не унываю, но, наоборот, окрыляюсь. Устаешь смертельно, но устаешь бодро, осмысленно; и работать литературно я не только могу, но, что главное, — в будущем я буду

* Пытка надеждой (*фр.*)[4].

работать удвоенно. Ведь писал же я между экзаменом физики и ботаники «Симфонию драматическую».

Но вот чего я не могу: это совместить работу литер<атурную>, оккультную с тревогой денежной неизвестности, переговорами, точно так же, как разлагали меня наши дисгармонии. Только оттого, от присоединения еще ингредиента полной неуверенности + сложность сроков передвижения совершенно меня лишает энергии.

Милый: поймите психическое мое настроение. 3, 4 тысячи в руки для работы, внутр<еннего> спокойствия мне важнее 50 000 в небе; и знать заранее, что я обеспечен на 3–4 месяца, важнее, чем грядущая (когда-то) обеспеченность 3–4 лет.

Вот отсутствие этой-то уверенности деморализует.

И потому: милый, помните: мне важнее уверенность обеспечения ½ года *сейчас*, чем эта томительная многомесячная, изнуряющая неизвестность.

В декабре я писал Вам вовсе не крик, не истерику, а сериозно; я знаю: *я должен отдохнуть (не от работы) от чувства неуверенности в завтрашнем* дне; отдохнуть хотя бы ½ года. Ведь вот: получил Ваше письмо сегодня; у меня на столе бумаги, чтобы скорей работать над «*Петербургом*». Получил письмо: сложил бумаги. *Работать не могу.* Я теперь должен безмятежно, с постом и молитвою работать над тем, чтобы «*Петербург*» был действительно сериознее «*Голубя*». А слова Вашего письма о кознях Брюсова ссаживают меня с работы сегодняшнего дня. *И так будет, пока не освободится поле хотя бы 5 месяцев* свободы...

Смотрите: все это время от начала августа до февраля я жил в атмосфере такого чувства: откуда достать денег? Почтовая путаница в августе, неделя беспокойства и безденежья в Базеле; в итоге мое взволнованное письмо Вам[6]; в итоге — да: три обеспеченных месяца, но... наша 2-месячная *ужасная* осенняя переписка; и далее неопределенность с декабря до сих пор. И та же неопределенность впереди: как март? Как Гаага?[7] Как совместить окончание для «*Сирина*» же романа с неопределенностью «*Сирина*», денежными затруднениями, *необходимостью* быть в Гааге и потом с переездом в Боголюбы... В итоге: 3 предстоящих недели (свободных), которые я предназначил для переработки глав в «*Петербурге*», могут оказаться неплодотворными и т. д.

При мысли, что «и так далее» может оказаться perpetuum mobile*, переговоры с «Сирином» естественно могут растянуться на 4 месяца, во время которых будешь 4 месяца клянчить, тревожиться, а когда придет время «*Сирину*» платить, то 4 месяца бесплодной тревоги съедят гонорар; лучше 4 плодотворных месяца *сейчас*, чем 4 бесплодных, полных неизвестности сейчас, а там опять та же тревога и бесплодица.

Зная все это вперед, я опять-таки говорю себе: «Руки опускаются так работать». 2 вещи могу совместить: литер<атурную> + окк<ультную> работу, но *при условии*, что та и другая в *покое*.

Иначе я опять возвращаюсь к тому, что мне раз навсегда прозвучало у Ибсена: его вопль к норвежскому королю, что ему придется оставить литературу[8].

Не думайте, что это письмо — «*нервы*». С «*нервами*» обстоит дело прекрасно; с июля месяца я все полнею и в физ<ическом> смысле самочувствие превосходное; а «*сдирающие кожу медитации*»[9] лежат глубже, за «*нервами*», в чисто *реальных*, а не «*нервных*» опасностях, усилиях, достижениях; вообще, завзятые оккультисты вопреки всем потрясениям *здоровее* и *крепче* здоровых, нормальных людей. Терещенко прав, что нашел меня бодрым; я вообще очень крепок и бодр (не правда ли, в письмах этого не видно — но мое несчастие, что письма мои, *стиль* моих писем всегда и был, и есть «*вопиющий*»; *вопиял* я в письмах всегда); и потому-то мое утверждение о невозможности работать в атмосфере вечных литературных и денежных инцидентов, желание выйти из «*литературы*» для серьезного *творчества* — все это не настроение минуты, а холодное, объективное и очень реальное *утверждение*.

Я готов и могу *собой* опрокинуть ходячую мысль, будто искусство и оккультизм *несовместимы*; только я могу это доказать в известных условиях.

Литература и приискивание ежедневного заработка до известной степени совместимы; литература и оккультизм совместимы; оккультизм и бедствование — даже очень хорошая и полезная школа.

Оккультизм, тревога о хлебе насущном и масса литерат<урной> работы — несовместимы.

---

* Вечно движущееся (*лат.*).

До Рождества же я совмещал: 1) учение личное, 2) огромные тетради личной работы Доктору, 3) огромная переписка, 4) многочисленные «*сдирающие кожу медитации*», 5) неприятности между нами, 6) забота о будущем, 7) порциями работа над романом. И пережитые месяцы «*сентябрь — октябрь*» стали для меня чем-то столь красноречиво ясным, что в декабре, еще не зная о «*Сирине*», я написал сначала Ахрамовичу[10], а потом Вам: «Лучше сесть сложа руки и покорно ожидать* своей внешней судьбы, чем это верчение „белки в колесе"...»

В итоге я сознал: добывание каждый месяц куска хлеба *на месяц* + литература + ученичество: *несовместимы*. Будет отсутствовать либо хлеб насущный, либо литература, либо оккультизм. До сих пор волей судьбы доставалось литературе (между тем руки чесались писать → кстати: ведь по «Арабескам»[11] не видно же, что оккультизм убивает бойкость и легкость пера?). Я и сказал себе: впредь пусть достается «хлебу насущному», ибо и от литературы, и от Доктора — *нет, дудки*!.. Об этом просто я в декабре и сказал. Тогда сказал в темпе «нервном»; сейчас я лишь хочу повторить это, милый друг, чтобы Вам было ясно, что *синица* в руки мне важнее *журавля*[12] и чтобы, если «*Сирин*» будет отказывать в некоторых пунктах, то, быть может, можно ему уступить при условии, что к 1-ому марту он пришлет мне 333 р. 33 к.

Милый друг, в заключение этой деловой части позвольте Вас обнять и расцеловать за огромную, огромную, огромную услугу, за хлопоты, отношение ко мне, — за все, все. Верите ли, что я, когда думаю обо всем, что Вы сделали для меня чисто житейского, человеческого, — я прихожу в волнение. Мне даже трудно писать об этом Вашем отношении ко мне (*трудно писать о том, что слишком в сердце*), трудно касаться этого....

P. S. Милый друг: еще прошу Вас, нельзя ли просить «*Сирина*» к 1-ому марту в счет чего бы то ни было, собрания сочин<ений>, «Путев<ых> Заметок» и т. д. 333 рублей, ибо нам необходимо быть в Гааге: курс чисто практический, читаемый для таких, как мы с Асей, т. е. для «реальных» учеников, недавно ставших

---

* *В автографе*: ожидания

«реальными» учениками, а не для — «*истов*», т. е. «*штейнеристов*» (кстати: *штейнеристов* мало, а есть дяди и тетки и *ученики*; дяди и тетки не штейнеристы, ибо, чтобы быть *истом*, нужно иметь теоретический *Standpunkt**, элементарное философское образование и т. д.; а *дяди и тетки* (я их люблю) — это простосердечные мужички и крестьянки культуры (простые, набожные, часто прекрасные и чистые люди); «*ученики*» же Доктора не понимают, что это значит «*штейнеризм*», ибо у них нет ника<ко>го -изма; для студентов-химиков, пользующихся при занятиях в лаборатории «*Основами Химии*» Менделеева[13], нет «*менделизма*», а есть только *химия*; странно было бы, если бы теоретически оспаривали атомные веса серы, азота, водорода; Менделеев, Оствальд, Рамзай могут написать разными приемами свои химии, но основы их химий суть *химии*, а не *оствальдизмы, рамзаизмы, менделеизмы*. Рамзай, Менделеев, Оствальд согласятся, что атом серы весит 32 по сравнению с водородом; и это есть *проверяемый на опыте факт*; номенклатура этих фактов скучна одинаково, т. е. она не обсуждаема, а *она есть то, что она есть*; ее надо принять и уже вытекающее из нее критиковать на *почве* самой номенклатуры; Максуэлл (физик) написал гениальную книгу парадоксов[14] (оспариваемых другими физиками); напиши он учебник физики, этот учебник излагал бы то же, что и учебник физики Краевича[15], т. е., что вес тела в воде становится легче настолько, сколько весит вытесненная им вода, и т. д. В этом смысле, например, часто в опубликованных Штейнером окк<ультны>х книгах нет ни капли штейнеризма (т. е. Максуэлла — автора парадоксов), а есть опытная *Wissenschaft*** (т. е. Максуэлл — автор учебника «Основы физики»). И поэтому я вообще не понимаю, как можно говорить «*штейнеризм*», например, о книге «*Wie erlangt man...*»[16], когда это не штейнеризм, а учебник «*Основы иоги*» и притом учебник, приноровленный к пользованию в церковно-приходских школах, откуда сознательно изъято *все реальное*, могущее повредить любителю оккультных импровизаций, и оставлено все формальное, чтобы показать, что тут идет речь не об «*-изме*» (менделизме),

* Точка зрения (*нем.*).

** Наука (*нем.*).

а опытной науке (химии). Пиши Гельмонт, Парацельс, Агриппа не в XV, XVI и т. д. столетиях, а в начале XX века, они должны были бы написать почти то же, что Доктор. Ученики Штейнера почти не могут спорить с *не учениками*, ибо этот спор напомнил бы спор теологов, нападающих на Коперника: «Я проповедую не „*коперникизм*“, а устанавливаю *проверяемый** факт», — ответил бы Коперник на возражение теолога, что вращение Земли вокруг Солнца оскорбительно для славы Божией; я не виноват, что атомный вес серы равен не *33* и не *31*, а — *32*, — ответил бы Оствальд незнакомому с химией, быть может и гениальному П<ублию> Овидию Назону, если бы этот последний стал упрекать Оствальда в схематичности за опубликованный «учебник химии». Когда говорят о *штейнеризме* (я, между прочим, 5 лет так говорил) с точки зрения Джемса, Бергсона, Гегеля, Канта, то часто *штейнеризмом, схоластикой* называют какой-нибудь *атомный вес* какого-нибудь не *обучавшегося* ирреального тела. «*Если строить химическую систему, то можно было бы для красоты системы и переменить числа атомных весов*», так сегодня не скажет гегелианец Оствальду, ибо поймет, что Гегель и химия находятся в плоскостях несоизмеримых. Но тот же гегелиянец это скажет Штейнеру: гегелизм противопоставит себя пресловутому «штейнер-*изму*» (которого нет). Это потому, что во время Публия Овидия Назона не было химических лабораторий, а во время нео-гегелизма лаборатория такая есть во всяком университетском городке. Гегелианец, будучи не знаком с химией (ибо и тут sui generis** посвящение в метод эксперимент<альной> работы), суеверно не станет опровергать, что атомный вес серы = 32, ибо он на веру примет, что основы химии суть основы науки, а не «*менделизма*»; но он же опрокинется на главу в «*Wie erlangt man*» о развитии цветов лотоса («почему лотос у сердца имеет 12 лепестков, а не 15? Какая схоластика»)[17], потому что в университетском городе рядом с химической лабораторией не отстроена лаборатория оккультическая; а понять, что приборы для опытной проверки того или иного положения штейнер-*изма столь же точны*, сколь и приборы химической лаборатории, что формаль-

* *Слово заштриховано Метнером.*

** Своего рода (*лат.*).

ный путь построения этих приборов (цветов лотоса) и излагается в данной главе, этому не поверит «*-ист*» любой философии, если он только философ; не поверит он и <в> то, что *штейнер-изм до такой степени опытен, эмпиричен*, а не теоретичен.

Периодическая таблица элементов выглядит либо отвратной схоластикой (если допустить, что она — продукт философского творчества), либо она *алогична*, как всякая научная формула. Химия есть объект вытверживания назубок (без занятий в лаборатории), либо химия есть живая, таинственная наука, где формулы — только знаки *реально протекающих процессов.*

И вот: многое от «*штейнеризма*» для учеников Доктора отвлеченный знак в них *живо протекающего процесса.* Тогда — «изма» и нет.

Я — химик. Как химик я знаю красоту таблицы Менделеева; знаю, какое обилие прекрасных творческих парадоксов можно извлечь из группы 4-ой элементов, построенной по схемам XH_4 и XO_2; знаю, до чего *огненны* прозрения в XH_4; но и знаю, что понять это можно, лишь пользуясь ежедневно *таблицей*, зная ее назубок и зная научную базу ее.

Вместе с тем для всякого *не химика* извне таблица выглядит...... но вообще: разве на взгляд весело выглядят таблицы? Ключ к таблице всегда до известной степени закрыт от широкой толпы... И таблица может выглядеть — «измом»....

Когда Максуэлл потрясал ученый мир гениальными физическими прозрениями, говорил о молекулы сортирующем «демоне», *энтропии*, то надо было знать твердо *молекулярную теорию* того времени, термодинамику, знать твердо, что есть «*энтропия*». Без этого знания самая гениальность Максуэля для не физика либо схоластика, либо абракадабра.

И повторяю: в *учебнике* физики гениальный Максуэлл совпадает с Краевичем. Мой папа написал учебник «*Арифметики*»[18], и учебный округ ему предпочел учебник какого-то учителишки: что же — учителишка был талантливее отца? А выходит так, когда заходит речь о штейнеризме...

Штейнер (до 20 раз я его слышал публично, до 36 раз интимно, прослушал 5 курсов, изучил 4 курса (кроме того)[19], крохи из того или иного в *курсе* лично переживаю, прочел внешние книги Штейнера, наконец ношу ему архи-декадентские, архи-не«*изматические*»,

а хандриково-беловские схемы, рисунки, чертежи, картинки и получаю архидекадентские и Орловские наставления[20] — следовательно: долю понимания Штейнера Вы должны признать за мной) — и вот он печатает *«основы учебников»*, номенклатуру: в курсах для освоивших номенклатуру говорит гениальности в пределах номенклатуры (образец — у Вас)[21], в личном обучении снимает всякую номенклатуру; ибо и курсы, и книги — бóльшие или меньшие указательные пальцы на *«заноменклатурное содержание»* столь живое, столь безумно-алогическое, творчески-огненное, сжигающее (каждый год у Доктора случаи сумасшествия людей со слабо развитым *Ich*), что надо всю силу железности, сухости, педантизма, почти схоластичности, чтобы держать в границах сознания то, что может овладеть душой (пример: Минцлова не справилась); так что за *штейнеризм* спасибо Доктору: этот метод проведения сквозь сознание столь непонятен для *неученика* и столь понятен для ученика (мало-мальски просунувшего нос за дверь — *«изма»* и ставшего *«виды видавшим»*, для которого — «-изм» есть строгое *«осади назад»*, а то *«сойдешь с ума»*)… А все эти *«вопияния»* к *«алогичности творчества»*, к *«жизненным родникам души»* в противовес *«штейнеризму»* (в этом вопле глупый мальченок Степпун сливается с «дядей» Бердяевым) — простите: они — жалкая схоластика; эти вопли о *целокупности* творчества у творчески бесплодных Степпуна и Бердяева, все эти защиты творчества от штейнеризма — верьте: это-то и есть громадный *«-изм»* теоретической оторванности от творчества, нападающий на *«эмпирическую данность фактов»*. Это полемика Спинозы с *«таблицей мер и весов»*. *«Таблица мер и весов»* очень полезная вещь, а философия Спинозы — гениальная вещь: *только они нигде не встречаются друг с другом*, как не встречается нигде *химия* Менделеева с художественным творчеством; помню даже: в моей душе они встретились — во времени: я держал экзамен и писал *«Симфонию»*[22]. Что же: отразилась химия Менделеева (я всегда был поклонником Менделеева) на *«Симфонии»*?

Но Вы скажете: почему же Вы склонны сливать символизм с оккультизмом? На это просто ответить: не *изм* с *измом* сливаю я, а утверждаю, что факты переживаний оккультных и эстетических настолько встречались в моем творчестве искони, что самая

форма «симфоний» была лишь попыткою найти форму для этой фактической встречи... Примеры: помните мое описание пирамид и Сфинкса (на лекции)[23]; Вам оно понравилось; оно столь же искусство, сколь протокольная запись того, что испытываешь после первого *месяца* добросовестной работы Доктору. Так что, если я не художник, тогда напрасно «*Сирин*» хочет издавать мои не чисто художественные произведения («*Голубя*», «*стихи*», «симфонии»); а если «*Сирин*» находит, что упомянутые произведения суть художественные, то... пусть издает, но — : очень жаль, что «Сирину» не ясно, что в тот день, когда то, что порождает во мне стихи или «худ<ожественную> прозу», я осознаю, как момент чистого эстетизма в своей душе, я *перестану и вовсе быть художником*. Так что, или я до встречи со Штейнером был «*антропософом*», и ни то, ни другое...

Когда же я говорю, в какой мере имагинация относится к инспирации[24]; инспирация к символике, символизму, то это теоретические вопросы о «*измах*»; и если мне допускалось писать об разных «*измах*», «*вундтизме*»[25], «*нео-фихтеанизме*», «*психологизме*» в отношении к *символизму*, то почему же уяснение символизма к имагинатив-*изму* (вот так слово!) и *инспиративизму* есть ересь. В ***не штейнеристских*** кругах борются за свободу выявления личности; почему же дух подлинной свободы отсутствует там? Здесь у Доктора я не только не скрываю свой символизм, я даже не стараюсь подчеркнуть, что я символист, до такой степени было бы смешно отстаивать около Доктора *свое*, ибо присутствие *своего, творческого, индивидуального* есть высшая радость Доктора: как он силится вдохнуть дух самостоятельности во всем. (Я мог бы написать статью по поводу всего того, что Доктор говорил о символизме; например: на одной лекции «*символизм*» под рубрикой «*внутреннего чувства*» доктор приветствовал, как рудимент культуры «*manas'a*»[26] (культуры грядущего) в нашу эпоху Bewustseinseele*; Доктор долго говорил о том, что такое «*голубые звуки*», «*цветной слух*»; что было бы это с точки зрения философии Самкьи[27]; и что означает рост *этого* в наши дни: Эллис после этой лекции говорил справедливо, что

* Душа сознающая (*нем.*).

Рембо, Верлэн в своем «новом» просто какие-то академисты, а что Доктор «папа декадентов 6-го Zeitraum'a*». И опять-таки: то, что я таскаю к Доктору, конечно, не показал бы Рачинскому, ибо он бы меня совершенно изничтожил, сказал бы: «безумие». А вот *сухой* Доктор Штейнер иначе. Ему скажешь самое дерзновеннейшее. Он и глазом не моргнет, улыбнется да и ответит так, что рот откроется от изумления).

Вот этого духа свободы я не вижу почти нигде. Успокойте «*Сирина*» относительно моего «*штейнеризма*»: «*штейнеризм*» окрыляет меня вернуться к статьям à la «*Маски*», «*Окно в будущее*»[28], столь любезным для «*Скорпиона*» и столь шокировавшим представителей «*-измов*». Боюсь, как бы представитель какого-либо из «-измов», доктор Лейпцигского Университета[29], не стал бы прибирать в ежевые рукавицы «*вунд<т>изма*» или «*кантианизма*» (почем я знаю) мою *лирику*, как прибирают в ежевые рукавицы школьной схоластики молодые поборники «*целокупности и алогичности*» творчества — Ф. А. Степпун и К°.

Простите, милый, этот желчный тон (только теоретически желчный: пишу же благодушно). Я ровно ничего не понимаю, когда мне говорят, что «*я штейнерист*», что я изменился: в чем? Да, я подписываюсь подо всем символизмом и под всеми арабесками. Что я допускаю лично терминологию *Geheimwissenschaft***; это есть полезная и в некоторых отношениях удобная номенклатура. Чтобы раз навсегда между нами было понятно, что я ни *штейнерист*, ни риккертианист, Бога ради прочтите мою «*Эмблематику Смысла*» и рассмотрите пирамиду[30]; риккертианство для меня есть формула перехода, диалектическая стадия той тропинки, которая ведет к *символизму*; раз эта стадия искания «*чистого смысла*» изжита, преодолена, то ей я советую замолчать; и как змее, укусить себя за хвост; то, что сказано афористически в «*Круговом движении*», в терминах теоретических и «*с отданием должного*» совершается в «*Эмблематике Смысла*». В одном случае я говорю просто и выразительно «*неокантианству*»: «*На Ваганьково!*»[31]

---

* Временно́го пространства (*нем.*).

** Тайноведения (*нем.*).

А в другом случае говорю: «Так сказать, с позволения себя теоретически отрицающей, как теория, теории, воздав должное, похороним ее» (Эмблематика смысла).

Нужно быть тупоголовым Степпуном, чтобы хвалить меня за «*Символизм*» (как в рецензии «*Логоса*»[32]) и кричать теперь: «Вы меняете свое философское credo» (посылаю ответ Степпуну[33]: не взыщите за резкость → вспомните: скандал в Кружке у меня был за то же: Тищенко сказал: «Декаденты выскочки и позеры»[34]. Степпун en toutes lettres* написал: «Вы — на авансцене своей личности»[35]. Единственная разница: Тищенко кричал и кидался на меня, а Степпун пишет «Дорогой Борис Николаевич»[36].

Но суть — та же.

В многообразных лекциях и еще более в ответах на положенные записки Доктор выказал себя для меня кроме всего (*это все другое* и есть 999/1000 его значения) еще и человеком громаднейшей образованности; он специалист математик; и в частностях, ответах на вопросы, встает еще и изумительная полемическая ловкость; ну так вот: во всех этих лекциях и ответах одно и то же: «*Geheimwissenschaft*» есть не рационалистическая теория, не философия, не дурная метафизика, а *Wissenschaft*, т. е. наука опытная; и надо начинать ее, слагая все *рационалистическое, только рационалистическое*; путаница получается, когда *ученый*, отвлекаясь от *своего опыта*, не желает признать *объект* Geheimwissenschaft и вламывается с чуждой методологией в эту область или начинает отвлеченно рационалистическим способом (от «*-изма*») критиковать; Доктор пытается доказать (как я пытался в свое время доказывать относительно эстетики), что точность метода *тут* вовсе не в том, что из *механики, скажем*, перетаскивается метод в Geheimwissenschaft; точность метода характеризуется именно *sui generis* методом; а Доктора обвиняют в монизме (в Геккелианском смысле); часто доктор берет модель из химии (скажем) и показывает, что аналогичное нечто бывает в оккультизме; но все естественно-научные экскурсы суть *аналогии, эмблемы*; нигде не синтезирует он методов естествознания с методами оккультизма, ибо так поступать значит,

---

* Без обиняков; напрямик (*фр.*).

по его словам, *дурно смешивать*; но *соответствия* всюду есть; *correspondance** Доктора смешивают с объединением *естествознания* и *тайнознания*. Но возможность «*Эмблематику смысла*» изложить в терминах риккертианской философии — это мое утверждение *наивно* смешивают с моим якобы риккертианством и потом утверждают: он *де* извращает Риккерта, когда я беру Риккерта и говорю: если влагать в субъект познания смысл метафизический, то получится не Риккерт, а Платон; а *наивный мозг* Степпуна и Терещенки (мозг школьников, а не самостоятельных мыслителей) превращают мое сознательное переведение Риккерта в иную тональность мысли (из гносеолог<ической> к метафизической), переведение, мне нужное, в буквальное и ошибочное понимание Риккерта: но повторяю — пусть Степпун и Яковенко раскроют страницы «Эмблематики», где я не *эмблематизирую* Риккерта, а беру его таковым, каковым он является в «*Gegenstand der Erkentniss*»[37], и пусть они скажут: соглашаюсь я с ним или нет. Право же мое переносить эмблематически из «Δ» в «Δ» (смотрите мою пирамиду) дисциплины, т. е. *право конструировать* по тени предмет, по архитектуре музыку и обратно — это право мое есть *Grundpunkt*** всей системы, встающей из всех моих статей и примечаний «*Символизма*». Можно, конечно, говорить всякую *неправду* (вроде Степпуна), но надо эту *правду* или *неправду* вещественно (по пунктам и цитатам) доказывать, а не бросать недоказуемое, припахивающее *передержкой*: «Борис Николаевич, вы — лирик». Я все только слышу, что я наделал какие-то колоссальные погрешности в «*Символизме*». Пусть мне это докажут, где и какие; и докажут «*логически, гносеологически*», а не лирично, не экивоком, не голословным утверждением. Если я сделал ошибки, я, как философ, стремящийся к истине, скажу: «Да, построение ложно: и вот почему». Но в разговорах я слышу ничего не говорящие комплименты, или молчание, или откровенную зевоту, или шепот за спиной («не философ»); в спорах же со Степпуном я *утверждаю*: Степпун мне только сдавал позиции.

* Соответствие (*фр.*).

** Основание (*нем.*).

«Гносеология им гарантирует ценность в жизни не прежде, нежели они умертвят жизнь; рассказ о трудности их положения, однако, не мешает им сохранять веселье; остается думать: или трагедия познания фиктивна и познание не слишком стоит за свой примат; или же заигрыванье с жизнью — опасное заигрыванье... Молчание — ...выход для гносеолога, желающего остаться вполне последовательным; другой выход — шутка над своим нелепым положением в этом мире психологизма»[38]. (Инкриминируемая мне «*Эмблематика Смысла*», в которой я *де* был риккертианцем, и от которой *де* отказался... Стр. 142).

Эта фраза — вывод одного долгого спора со Степпуном, причем Степпун окончил спор признанием «*трагизма своего положения*»... В трагизм положения Степпуна тогда я верил; теперь вижу, что, хотя положение их трагично («*желто-пергаментные руки*» Яковенко), но Степпун тут не причем: просто Степпун — Хлестаков от философии; «*трагизм положения*» — «*поза у авансцены своей личности*». Уличить бедного идиота-поэта (дешевый способ уличать философски афоризмы), став на сцене философии.

Но мне это не нравится: Хлестаковых нужно драть за уши; но с Хлестаковыми спорить нельзя.

Я утверждаю: Степпун или идиот, или Степпун не читал «*Эмблематики Смысла*», или Степпун шарлатан, в мутной воде (попользоваться насчет недоказательности афоризма) ловящий рыбу (свою философскую «*значимость*»). Чего Доктор — лейпцигский доктор Терещенко, я не знаю; и пока лейпцигский доктор не внесет «*ценного вклада в науку*» или не даст гносеологического разбора всей моей концепции — голословные утверждения его о моем извращении Риккерта мне доказывают одно: он не читал «*Эмблематики Смысла*»; а если читал, то *ничего не понял.*

Прилагаемая статья[39] есть, конечно, не ответ Степпуну, а уличение в фактическом незнании моих произведений, в обидном возмутительном утверждении меня как *шута горохового*, ежегодно меняющего убеждения[40]. Пока Степпун не даст объяснения, что значит эта фраза, я ни в какую полемику со Степпуном не вступлю; но ежели пожелают разбирать несостоятельность моего символизма «*Эмблематики Смысла*», то я готов и логически, и гносеологически спорить[41]. Выбираю судьями спора

Вас, защищающего меня перед *лейпцигским доктором*, и оного доктора, пока что не внесшего «*ценного вклада в науку*», впрочем очень милого (он мне очень понравился, Терещенко).

Я пишу так категорически и долго о вещах для меня *пред-пред-пред-последних* (Вы пишете о затруднениях «*Сирина*» по поводу моих двух *-измов риккертианизма* и *штейнеризма:* ни того, ни другого — нет!); правда, есть *христосизм, христология, учителизм, благоговениизм* и прочие страшилищи, увы: благоговениизмом личным к Доктору (не к Штейнеру) я отличаюсь, благоговениизмом страдаю к *соловьизму* (не к соловьизму теоретическому, а к соловьизму трехразговоризмическому[42]), ницшеанизму и *христианизму*, ибо считаю втайне себя учеником Ницше, Соловьева, Доктора и исповедую Христа распятого, погребенного, воскресшего; не будет ли мой *трехразговоризм* с *христианисизмом* тоже большим идеологическим препятствием к тому, чтобы где бы то ни было свободно высказываться; соловьизм, учителизм, ницшеанизм, символизм (как *предпоследнее* этого моего последнего), всем этим я страдал, страдаю, буду страдать. Статьи с 1903 — до 1912 года мои грешат этим. Прочтите мою литературную статью о *Гоголе* (страницы о том, где я имею несчастие говорить об Алайе, душе мира[43]), ведь *тогда* все эти места моих статей считались центральными местами для меня; теперь: как же рассматривать их; как досадные «*теософские*» или «*антропософские*» догматичности? Как посмотрит лейпцигский доктор Терещенко и фрейбургский доктор Степпун[44] (со страниц «*Трудов и Дней*») на мою *катастрофоантропософическую* статью «*Апокалипсис русской поэзии*» *1905* года[45]. Под какую рубрику измен она подпадет (она выражает собою идею Соловьева о воплощении *Софии* и идею доктора Штейнера о воплощении этой соловьевской Софии в человека, чего зарей есть вечное антропософии; если бы лейпцигский и фрейбургский Доктора прослушали лекцию Доктора Штейнера на Generalversammlung* о Софии, милой Софии, фило-софии и о возвратном приближении Софии и встрече ее антропософическим движением, то оба названных Доктора сказали бы: «Андрей Белый *пишет под чужой указкой*; лейпцигский Доктор исключил бы «*Апок<алипсис> русской поэзии*» из списка

* Генеральное собрание (*нем.*).

моих собр<анных> сочинений. А фрейбургский Доктор Степпун написал бы в «*Трудах и Днях*»: «Берегитесь! Вы говорите с чужого голоса...»

Увы, я должен сознаться, что *Christus-Impuls* зарисован мной в статье «*Священные Цвета*»[46], о русской душе (лекция для русских в Гельсингфорсе[47]) у меня сказано в «*Луге Зеленом*», о праве эмблематизировать в терминах естествознания *тайное искусств* в статье «*Принцип формы в эстетике*»[48] и т. д. — словом, *чужой голос, голос из суфлерской будки*, голос д<окто>ра Штейнера преследует мои статьи с 1903 до 1912 года. Сказать бóльшего в духе Доктора я, конечно, не скажу (надо только уметь *читать* меня не импрессионистически, а сериознее и реальнее, а Доктора не схематологически только, и тогда встанет явное: либо д<окто>р Штейнер у меня плагиировал, либо я у него; но д<октор> Штейнер не мог читать меня, я не мог знать его интимных циклов. Увы, что тут мне делать. С 1903 года я «*антропософ*», ибо я соловьевист-трехразговорист, либо *антропософия* не антропософия.

А что такое «штейнеризм», — милый друг: убейте, не знаю.

Но Вы спросите меня: «Неужели антропософия есть открытие в человеке Софии, сказки, королевны, Прекр<асной> Дамы, — „*старого и нового во все времена*“?..»[49]

Да: таким лейт-мотивом Доктор открыл *антропософическое общество* на другой день после крутых слов по адресу *теософического о<бще>ства* и выхода из оного германской фракции[50].

Лейпцигский доктор, может быть, придает значение формуляру и кличке; так скажите ему: «*Я не теософ, ибо я в Теос<офском> О<бще>стве не состою*» (конечно, я это в шутку).

Но довольно шутить, милый друг: 6 месяцев я слышу голоса: «Пропал, пропал, пропал, погиб, погиб, погиб: под указкой пишет, под указкой; не смей соединять символизма с оккультизмом: штейнеризм, штейнеризм, штейнеризм»... То раздастся голос фрейбургского доктора, то лейпцигского. И поколику я от моего пути никогда не отказывался и этот путь прямо привел меня к антропо-Софии, или к тео-Софии (всегда с большой буквы, ибо слышу «У царицы моей (Софии) семигранный венец, в нем без счету камней дорогих»[51]), остается мне или говорить: 1) нельзя *теоретически только* говорить о том, чем зацветает душа

(в данном случае что *поет* сквозь Доктора), либо 2) всегда я был антропософом, а не художником, но этого *не видали* (не видали, что Орел, сказка, Голуби[52] и т. д. были реальностями, сложившими мою жизнь, а не «*аспектами эстетич <еского> созерцания*»); а теперь, когда все вдруг заговорили, что я стал *теософом*, когда стали выискивать («*эге, не проведешь*») *следы влияния* и т. д., мне стало очень трудно не только писать о своих мыслях, но и просто петь (поют в атмосфере доверия, а не контроля). Я, конечно, ввиду нужды в деньгах готов на всякую чистку своих статей, но я утверждаю: раз искать следов моего штейнер-«***изма***», то эти следы 2/3 того, что я до сей поры написал.

Либо я ничего не понимаю в Докторе Штейнере: но, может быть, я и не понимаю тут ничего, как в свое время не понял Риккерта, Вл. Соловьева, Ницше. Я просто бедный Пьерро из «*Балаганчика*»[53].

В таком случае встает вопрос о праве моем и вообще высказываться в печати.

Не упрекайте меня, милый: это все — шарж, но *шарж*, выросший на почве всей суммы мнений о себе, выслушанных мною за 1912 год.

Вот день и прошел, а я не работал. Буду о делах продолжать на днях.

Б. Бугаев.

Дорогой, милый, простите, продолжаю это письмо на днях, ужас, как устал. И тревожно… Дорогой друг, не сердитесь *ли* на меня? Не сердитесь: весь пафос моего письма — теоретическое непонимание на теоретическое непонимание меня Степпуном и Терещенко.

РГБ. Ф. 167. Карт. 3. Ед. хр. 7. Почтовый штемпель отправления: Berlin. 17. 2. 13. Штемпель получения: Москва. 7. 2. 13.

Ответ на п. 284.

[1] Имеется в виду п. 285.

[2] Сумма, полученная Белым, была переведена по распоряжению Метнера из денежных фондов «Мусагета».

[3] Имеется в виду п. 272.

[4] См. примеч. 23 к п. 272.

[5] См. примеч. 2, 4 к п. 236.

[6] Имеется в виду п. 257.

[7] См. п. 280, примеч. 1.

[8] См. п. 272, примеч. 25, 26.

[9] См. п. 272, примеч. 4.

[10] Это письмо Белого не выявлено.

[11] Подразумевается статья Белого «Круговое движение (Сорок две арабески)».

[12] Ср. обыгрывание этих образов в заметке Белого «О журавлях и синицах (Поправка к одной истине)» (Труды и Дни. 1912. № 1. С. 82–84. Подпись: Cunctator).

[13] «Основы химии» (ч. 1–2, 1869–1871) — классический труд Д. И. Менделеева; при жизни ученого издавался 8 раз. Белый изучал его, будучи студентом Московского университета, осенью 1899 г. (см.: *Андрей Белый.* Собр. соч.: На рубеже двух столетий. М., 2015. С. 158).

[14] Здесь подразумевается так наз. «демон Максвелла» — придуманный Дж. Максвеллом в 1867 г. мысленный эксперимент с целью проиллюстрировать кажущийся парадокс Второго начала термодинамики.

[15] Имеется в виду «Курс физики для средних учебных заведений» К. Д. Краевича (СПб., 1905; изд. 6-е — Пг., 1917).

[16] «Wie erlangt man Erkenntnisse der höheren Welten?» — книга Р. Штейнера «Как достигнуть познания высших миров?» (1904).

[17] В главе «Астральные центры (чакрамы)» книги «Как достигнуть познания высших миров?» описываются соотносящиеся с органами тела физического образования нерасчлененного астрального тела, которые именуются «колесами» (чакрамами) или «цветами лотоса»: «...эти „цветы" — органы чувств души, и их вращение служит выражением того, что человек воспринимает в сверхчувственных мирах. <...> Орган вблизи гортани имеет шестнадцать „лепестков" или „спиц", вблизи сердца — двенадцать, в желудочном углублении — десять» (*Штейнер Рудольф.* Путь к посвящению, или Как достигнуть познания высших миров; Путь к самопознанию человека в восьми медитациях. М., 1991. С. 65).

[18] Имеются в виду книги Н. В. Бугаева «Руководство к арифметике (В объеме гимназического курса). Арифметика целых чисел» (М., 1874; изд. 11-е — М., 1899), «Руководство к арифметике (В объеме гимназического курса). Арифметика дробных чисел» (М., 1874; изд. 12-е — М., 1903).

[19] Перечень прослушанных пяти лекционных курсов Штейнера, четырех «интимных курсов Доктора (для учеников)» и 25 его отдельных лекций

с указанием всех названий содержит письмо Белого к А. Д. Бугаевой, относящееся к февралю 1913 г. (см.: *Письма к матери.* С. 173–174).

20 Белый уподобляет здесь персонажей своей 3-й «симфонии» «Возврат»: Хандрикова — себе и доктора Орлова — Штейнеру.

21 Подразумеваются «Выдержки из слов Доктора» (п. 279).

22 Имеется в виду «Симфония (2-я, драматическая)»; время работы над ее второй частью (май 1901 г.) совпало с курсовыми экзаменами в Московском университете.

23 Подразумевается лекция о Египте «Страна бреда и ужаса», прочитанная Белым 5 ноября 1911 г. в московском Историческом музее.

24 Согласно трактовкам Штейнера, «в Духовной науке под имагинативным познанием следует разуметь такое познание, которое достигается путем сверхчувственного состояния сознания души. В этом состоянии воспринимаются духовные факты и существа, к которым не имеют доступа внешние чувства»; «Имагинация — это сила души, стоящая между силой мысли и силой воли»; «Путем имагинации мы воспринимаем превращение одного процесса в другой; путем инспирации мы знакомимся с внутренними качествами самих *существ*, которые превращаются. Через имагинацию мы познаем душевное проявление существ; через инспирацию мы проникаем в их духовную внутреннюю глубину»; «Имагинации ведут в подчувственный мир (элементов), инспирации — в сверхчувственный мир» (Anthropos: Опыт энциклопедического изложения духовной науки Рудольфа Штайнера / Сост. Г. А. Бондарев. М., 1999. Т. II. С. 731, 735).

25 План разработки физиологической психологии как особой науки с использованием метода лабораторного эксперимента, выдвинутый немецким психологом, физиологом и философом Вильгельмом Вундтом.

26 Манас (*санскр.* — ум) — одно из основных понятий древнеиндийской философии; ум в самом широком смысле, охватывающий все ментальные проявления; интеллект, способность к пониманию, восприятие, чувство, сознание, воля.

27 Самкья (Санкхья; *санскр.*, производно от слова «число») — одна из шести древнеиндийских ортодоксальных (брахманских) школ, признающих авторитет Вед; в основе космологической доктрины санкхьи — учение о предсуществовании следствия в причине, понимаемых как два состояния одной и той же субстанции.

28 Статьи Белого «Маска» и «Окно в будущее (Оленина-д'Альгейм)» были впервые опубликованы в «Весах» в 1904 г. (соответственно в № 6 и в № 12), вошли в его книгу «Арабески».

29 Намек на М. И. Терещенко, занимавшегося в 1905–1908 гг. у экономиста проф. К. Бюхера в Лейпцигском университете.

[30] Подразумевается чертеж «Символ воплощенный» в статье Белого «Эмблематика смысла. Предпосылки к теории символизма» (§ 9). См.: *Андрей Белый.* Собр. соч.: Символизм. Книга статей. М., 2010. С. 81.

[31] Подразумевается московское Ваганьковское кладбище.

[32] См.: Логос. 1910. Кн. 1. С. 280–281 (подпись: Ф. С.).

[33] См. примеч. 20 к п. 279.

[34] Речь идет о скандальном инциденте, разыгравшемся в Московском Литературно-художественном кружке 27 января 1909 г. в ходе прений после лекции Вяч. Иванова «О русской идее»; в ответ на слова писателя Ф. Ф. Тищенко (приводимые здесь) Белый закричал: «Вы — подлец! Я оскорблю Вас действием» (Русское Слово. 1909. № 22, 28 января). Случившееся неоднократно описано в его мемуарах (см.: *О Блоке.* С. 344; *Андрей Белый.* Начало века. Берлинская редакция (1923). С. 579–582; *МДР.* С. 233–234). См. также подробное освещение инцидента с привлечением документальных материалов: *Богомолов Н. А.* История одного литературного скандала // Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм. С. 239–254; *Кобринский А.* Несколько штрихов к пребыванию Вяч. Иванова в Москве в январе — феврале 1909 года // От Кибирова до Пушкина: Сб. в честь 60-летия Н. А. Богомолова. М., 2011. С. 155–163.

[35] Имеются в виду слова из «Открытого письма Андрею Белому по поводу статьи „Круговое движение"» Степуна: «*...нельзя публично жить на авансцене своей личности.* У авансцены расположена суфлерская будка. У суфлерской будки говорят чужие слова» (Труды и Дни. 1912. № 4/5. С. 86). В «Ответе Ф. А. Степпуну на открытое письмо в № 4/5 „Трудов и Дней"» Белый заявлял: «...сказать, что философское мое *credo* меняется <...> — значит руководствоваться не истиною, а позой фельетониста, играющего раз взятую на себя роль „*на авансцене своей личности...*"» (Труды и Дни. 1912. № 6. С. 20).

[36] Этим обращением начинается «Открытое письмо...» Степуна (Труды и Дни. 1912. № 4/5. С. 74).

[37] «Der Gegenstand der Erkenntniss» (1892) — труд Г. Риккерта, известный Белому в русском переводе Г. Г. Шпета («Введение в трансцендентальную философию. Предмет познания». Киев, 1904).

[38] Неточная и сокращенная цитата из § 22 статьи «Эмблематика смысла» (*Андрей Белый.* Собр. соч.: Символизм. Книга статей. С. 118–119). Далее — отсылка к странице издания 1910 г.

[39] Т. е. упомянутый выше «ответ Степпуну» (см. примеч. 32).

[40] См. примеч. 19 к п. 279.

[41] Желая, по всей вероятности, приостановить дальнейшую полемику между Белым и Степуном, Метнер под текстом «Ответа Ф. А. Степпуну...» поместил редакционное примечание: «*От редакции.* Печатая ответ Андрея Белого на открытое письмо Федора Степпуна, в котором

последний критикует *42 Арабески* Андрея Белого и возражает ему на его сатирический отзыв о неокантианстве, редакция *Трудов и Дней* считает законченной ту часть полемики, которая была связана с чисто субъективными моментами спора, но предлагает противникам продолжить, если они пожелают, обмен мнений, касающихся объективных моментов этого спора, в форме строгоопределенных статей» (Труды и Дни. 1912. № 6. С. 26).

[42] Обыгрывается заглавие книги Вл. Соловьева «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» (1899–1900).

[43] В статье «Гоголь» (1909), вошедшей в книгу Белого «Луг зеленый» (1910), говорится: «...опирается на *Йогу* учение некоторых школ Индии об Алайе (душе мира, с которой соединяет свое „я" посвященный)» (*Андрей Белый.* Собр. соч.: Арабески. Книга статей; Луг зеленый. Книга статей. М., 2012. С. 426). Ср. в § 13 статьи «Эмблематика смысла»: «Поднимаясь по лестнице творчеств, ученик, достойно преодолевший Йогу, получал способность внутренне соединяться с Алайей (душой мира), потому что Алайя, будучи изнутри неизменной, меняется в разнообразных зонах бытия; так учит нас Ариосанга; высокоразвитой йог мог пребывать в состоянии Паранишпанны, т. е. в абсолютном совершенстве, тогда душа его называлась Алайей <...>» (*Андрей Белый.* Собр. соч.: Символизм. Книга статей. С. 95).

[44] Определение основывается на том, что Ф. А. Степун изучал философию с 1903 г. в Гейдельбергском университете под руководством В. Виндельбанда, представителя баденской (фрейбургской) школы неокантианства.

[45] Эта статья, впервые опубликованная в «Весах» (1905. № 4), вошла в книгу Белого «Луг зеленый».

[46] Статья, появившаяся под этим заглавием впервые в книге Белого «Арабески», ранее входила составной частью в статью «Символизм как миропонимание» (Мир Искусства. 1904. № 5).

[47] Имеется в виду обращение Р. Штейнера к русским слушателям цикла лекций «Духовные существа в небесных телах и царствах природы», произнесенное в Гельсингфорсе 11 апреля 1912 г. См.: *Штейнер Рудольф.* О России: Из лекций разных лет / Сост., пер., коммент. Г. А. Кавтарадзе. СПб., 1997. С. 9–20.

[48] Эта статья, впервые опубликованная в «Золотом Руне» (1906. № 11/12), вошла в книгу Белого «Символизм».

[49] См. примеч. 11 к п. 278.

[50] Имеется в виду Учредительное собрание Антропософского общества, состоявшееся в Берлине 2–3 февраля 1913 г.

[51] Цитата из стихотворения Вл. Соловьева «У царицы моей есть высокий дворец...» (1875–1876). См.: *Соловьев.* С. 62.

[52] Образы соответственно из 3-й «симфонии» «Возврат», «Симфонии (2-й, драматической)», романа «Серебряный голубь».

[53] Персонаж названной драмы А. Блока (1906).

287. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

7 (20) февраля 1913 г. Имение К. В. Осипова

Траханеево на Клязьме 7/20 <февраля> 1913.

Дорогой Борис Николаевич! Опять только деловое в ответ на Ваши опасения. Надеюсь, Вы получили мое письмо от 29/I–10/II и от 21/I (из Петербурга), а также 333 р. 33 к. из кассы *Мусагета*? Наконец, письмо от 18/I?[1] Если получили, то я не понимаю, чего Вы беспокоитесь? Надо терпеливо ждать окончания сделки с Сирином. Если Вы не надеетесь на благоприятный исход, то ищите себе пока иных источников дохода, уезжайте в Боголюбы, но не требуйте, милый друг, чтобы чужое издательство принимало во внимание Ваши интимные обстоятельства и спешило больше, нежели ему это удобно, с решением столь важного дела, как прием к изданию писателя, у кот<орого> около 20 томов. Вы пишете: «Если с *Сирином* не выходит, то мы ***уже*** упустили драгоценное время получить возможность ехать в Боголюбы и там переждать денежный кризис». Почему упустили и чего Вы можете ждать в Боголюбах, я не понимаю, но знаю лишь одно, что я не советовал Вам оставаться в Берлине и вовсе не обнадеживал Вас, что дело с Терещенко все равно что покончено! Я не скрывал, что предстоит ряд переговоров, что надо ждать: Брюсов по поводу своих сочинений ездил в Петербург раза три. Такие дела не скоро делаются. Я формулировал свои требования. С них я не сойду. Если хотите, *уступайте сами* — но ***я*** слагаю с себя ответственность: я считаю для Андрея Белого неприличным отказываться от издания *полного* собрания, когда издаются в *полном* собрании Брюсов и Блок[2], которые, как теоретики, младенцы по сравнению с Вами.

Разумеется, *Мусагет* не может продолжать высылать Вам сириновскую предположительную месячную сумму, но я получил от Сирина письмо, где обещают дать ответ не позже половины русского февраля[3]. Что скажете о Некрасове? Напишите, имел ли Некрасов право отпечатать девять листов романа[4]. Кстати, Некрасов тоже с нетерпением ждет и грозит выпустить в свет 9 листов романа. Обнимаю.

Ваш Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 7. Л. 20–21. Текст — в копировальной книге Э. К. Метнера.

Ответ на п. 285.

[1] См. п. 284, 283, 281.

[2] «Полное собрание сочинений и переводов» Валерия Брюсова было начато изданием в «Сирине» в 1913 г. по объявленному плану, включавшему 25 томов, аналогичного же издания сочинений Блока не предполагалось — готовилось лишь новое издание его Собрания стихотворений в трех книгах.

[3] 1 февраля 1913 г. Иванов-Разумник сообщал Метнеру в связи с его обращением к М. И. Терещенко (см. примеч. 8 к п. 284): «...письмо Ваше Михаил Иванович получил за несколько часов до своего отъезда за границу; вернется он через две недели. <...> О „собрании сочинений" ответ дадим не позднее середины февраля» (РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 11).

[4] См. примеч. 5 к п. 281.

288. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

Около 7 (20) февраля 1913 г. Берлин

Дорогой друг!

Заканчиваю длинное письмо, отправленное уже[1] (перервала его мигрень и усталость). Милый друг, я в отчаянии: я просто потопаю в бумагах и предметах; среди десятков коробочек, ящичков все еще не нашел рецензий о Н<иколае> Карловиче[2]; и мучусь, куда бы они могли пропасть.

Должен просить извинение и за то, что так медлю со статьей о Н<иколае> К<арловиче>. Напишите: есть ли материал для сборника (музыкального); если есть и сборники набираются, я все бросаю и пишу; если же статья для «*Тр<удов> и Дн<ей>*», то вот в чем дело: я Терещенке обещал, что в июне вышлю ему окончание романа. Теперь у меня 2½ недели работы над переработкой (коренной написанного); и если я не использую эти 2½ недели для романа, то я страшно свяжу себя. А потому: тогда бы я статью о Ник<олае> Карлов<иче> закончил после Гааги[3] (в Боголюбах, если Доктор отпустит нас), а сейчас всю энергию направил бы на роман (приходится *расплавлять* главы на атомистические рудименты написанного и снова сплавлять: работа страшно кропотливая и требующая огромного напряжения → работа головой,

чувством, клеем, ножницами + работа переписки; труд и моральный и даже физический, не окончив который не могу продолжать романа; я бы до Гааги это закончил; после Гааги написал статью и потом уже с легким сердцем дописывал бы остаток романа). Итак, не сердитесь за промедление с статьей. Примите во внимание, что на днях Доктор (мы были у него[4]) нам сказал, что нам можно будет уехать лишь в случае, если эти 3 недели приведут *к какому-то* результату; что пока он ничего не может сказать, что 7 марта (н. ст.) у нас будет обстоятельный разговор, и по нашему отчету и самочувствию можно будет решить, возможно ли нам ехать в Россию. (Видите, дорогой, с нами *дело обстоит серьезно*, если Доктор, такой мягкий и уступчивый, *пока* говорит надвое: очень уж мы под *большим давлением*: паровоз, развивший скорость, не может без толчка для всего поезда сразу изменить темп езды, а отъезд на весну в Россию есть крутая перемена в темпе, т. е. непременный *толчок*; и вот тут в зависимости от нашего успеха, неуспеха (я не знаю подлинно, от чего) зависит наша возможность или невозможность уехать. А при ок<культной> работе бывает всяческое; два месяца тому назад у Аси был сильнейший сердечный припадок, длившийся 2 часа; по признакам этого припадка (есть такие признаки) я знал почти наверное, что это с точки зрения физической — *ерунда* (у Аси сердце здорово), что это *неминуемое*, чрез что почти каждый должен пройти, но все-таки *до* решительного подтверждения Доктора, что сердце Аси совершенно здорово, я побаивался бы уехать; а ну как не только это от развития эф<ирного> сердца, а и что-либо чисто физически-болезненное. И многое, многое может быть с нами сейчас такого, что без физической близости Доктора может нас, *неопытных*, привести просто в ужас; путь, указываемый Доктором, напоминает многоверстную дорогу, которая то — приятное шоссе, то — вся размытая, в колдобинах; дальше — опять шоссе и т. д. Наш отъезд от Доктора или присутствие в значительной степени зависит от того, на каком участке дороги мы в данную минуту едем. Мой немногий опыт мне показал, что *тут* доверие к Доктору есть единственная гарантия не *заплутаться*; А. Р. Минцлова много тут путала, на многое не так педантично смотрела; и все с ней бывшее — просто колдобина; коляска подпрыгнула, и А. Р.

не *усидела* в коляске. Поэтому-то так дорого, что Доктор требует анализа, сознания и даже огромного критицизма ко всему *нутряному, кажущемуся*. Без сухости тут *разорвешься*.

К вопросу о Терещенко[5].

На днях подсчитывали приблизительно количество печатных листов моей худож<ественной> прозы и стихов. Вышло около 100 печатных (даже можно считать сто), включая «Петерб<ург>» и «*Пут<евые> Заметки*» (за которые я очень стою); по 100 рублей за лист = 10 000 р.; теперь: статьи; не считая примечаний к «*Символизму*» и допуская (увы!) выбор и выкидывание (страниц на 300), получается от 40 до 50 печатных листов; допуская за печатный лист статей ½ гонорара, т. е. 50 рублей, эта приблизительная сумма = 2500 рублей; итого 250 печатных листов дают при 20 томах том в 12 печатных листов, а считая печатный лист в 20 страниц, получаем 20 томов по 250 страниц. Сумма же за это проблематическое собрание сочинений равна 12 500 рублей; 4000 из этого:

1) «Мусагету» — 4000 тысячи <*так!*>
Морозовой — 1100
Блоку 800

5900

Допустим 6000.

12,500
- 6000

6 500

При такой комбинации 6 тысяч рублей мне бы освободились, т. е. 1½ <года> свободной жизни; за 1½ года была бы готова III часть «*Трилогии*»[6], т. е. минимум 22 печатных листа, т. е. 2000, а то (если печатать в «Альманахе»[7]), 4000 тысячи <*так!*> рублей, т. е. 2, 2½ года *вольного существования*.

Если же «*Сирин*» откажется от статей, то и то 4000 могли бы освободиться от худож<ественной> прозы, т. е. год существования. До чего, родной, мне нужно вздохнуть свободно для плодотворности работы, для моих *широких проектов*, для того,

чтобы в ок<культной> работе *стать на ноги*; и до чего *тревога* от месяца и до месяца меня изнуряет, накладывает печать утомления и вялости на самую работу, Вы и представить не можете: нет, можете → Вы же чувствуете, знаете сами, как иной раз трудно писать; и чем лучше у Вас выходит работа, тем *мука* творчества (не *словесная*, а *реальная*) острее… Ведь когда Вы пишете что-либо значительное, Вы как больной в постели; Вы во многих жизненных положениях, в жизненной борьбе *беспомощнее* не творящего, а борящегося с жизнью *активно* человека; творящий всю силу своей *активности* сосредоточивает на детище своем, а потому он и открытее внешним ударам, хлопотам. Представьте себе больного, готовящего себе пищу (куриный бульон и т. д.), когда доктор велел ему лежать спокойно в постели; ясное дело: выздоровление (рождение *детища*) затягивается; болезнь (жар творчества) не разрешается, а затягивается хронически; в результате на всю жизнь человек в лихорадочном состоянии (полубольной, полуздоровый: полутворящий, полуприискивающий себе поденную работу и т. д.). Если Вы это понимаете (а Вы понимаете), Вы поймете, что я с напряженной тревогою (полуповеривши, что с «*Сириным*» что-то такое устроится) жду результата (до свидания с Терещенко я просто как-то не верил в «*Сирин*», и все реальные сообщения о нем бессознательно откидывал, говоря себе: «Просто это новая версия с устройством (верней, неустройством) кавказского имения…»[8] А вот поверил и, *поверив*, лихорадочно жду: жду своей свободы, или рабства в плену у тревоги, *как быть*.

Это для меня вопрос: «Быть или не быть предопределенным к творчеству»…

И еще о *марте*: 1-го марта могу ли от «Сирина» получить 333 рубля; в Гааге быть надо: ведь Доктор всегда читает курс *для реального*; а *такой курс «Влияние ок<культной> работы на физ<ическое>, эф<ирное> и астр<альное> тело»* есть курс насущной, житейской необходимости; представьте себе авиатора, который знает, что ему, хоть тресни, придется летать на *аэроплане*; и вот опытный авиатор открывает курс практических советов для никогда не летавших авиаторов; вопрос в присутствии на этом курсе = вопросу о том, сломаю я себе голову или нет при полете (ведь сознательное путешествие *Ich* в астрале с точки зрения

самосознания в физическом теле есть путешествие человека, доселе ездившего только в поезде, <а не?> на аэроплане; в поезде не заботишься: тебя везет машинист; с аэропланом другое дело: все дело в самообладании «*Ich*»... А ведь *такое путешествие* в один прекрасный день наступает для всякого *реально* идущего; у Доктора много путей: одни идут медленными обходными дорогами, другие *только* дорогою *чистки*; иные только путем чистки сознания; иных же при соблюдении общих обязательн<ых> условий Доктор *гонит* на путь *ок<культного> эксперимента; и вот нас с Асей, кажется*; ибо еще в Мюнхене я пытался окольным путем разузнать у А. С. Петровского, знает ли он то, что есть «*α*» экспериментализма; и с совершенной наивностью Алеша выказал *полное неведение* того, что в *реальном* есть азбучность; это только показывает мне, что у Доктора (да так и есть) самые друг на друга не *похожие* пути. И *то, что для нас с Асей* полно захват<ывающего> трепета и *реальности*, соседом на лекции понимается отвлеченно-холодно; и обратно: то, что для *соседа* полно ему изнутри ведомой значимостью, мы можем воспринять лишь теоретично; все, что Доктор говорит, например, на лекциях в Берлинской ложе, имеет многосмысленное значение: 1) это — лекция, 2) она представляет теоретический интерес, 3) она есть худ<ожественное> произведение, 4) она еще, кроме того, говорится лично для *A*, для *B*, для *C* (в этом месте), для *M*, *N*, *O* в другом, ибо Доктор свою интимную аудиторию знает (каждого знает, его путь, его *место* в пути в данную минуту и т. д.). Множество раз Доктор *лично нам* отвечал с кафедры на те события странные, которые случались как раз в это время с нами; и каждому *ученику* он часто так отвечает, отвечает иногда и потому, что видит в данную минуту все изменения в ауре присутствующих, т. е. читает, как в открытой книге все достижения или падения сегодняшней недели у ученика. Важны не только свидания с Доктором, важно вообще присутствие при нем; *сó-бытиé* в одной комнате есть всегда для ученика *собы́тие* между ним и Доктором. Итак: гаагский курс предпринят Доктором для той серии, к которой мы с Асей уже реально принадлежим; и потому мы знаем: там нас ждут ответы на *лично наше*, и ответы пространные, которые не получишь на свидании, где центр тяжести уже в *другом*...

Видите, как я волнуюсь из-за 1-го марта; ведь в первом случае нас ждет + *событие*, во втором случае — «*минус*» *событие*; если 1-го марта (русского) мы денег не получим, мы без курса; если заранее в течение конца февраля не запишемся, не пошлем в Гаагу письмо, то можем оказаться в углу *залы* (что при напряжении слушания немецкой речи ужасно неудобно).

И т. д.

Видите, какие сложности; как все эти отдельные штрихи в сумме своей составляют сложность нашего бытия у Доктора бóльшую, о которой Вы и не подозреваете в Москве; ибо в Москве в 100 раз теоретичнее и схоластичнее воспринимают, что касается Доктора; и даже — даже самого Доктора называют схоластом; между тем вот пример несхоластичности Доктора: в ушах у меня навязло слышать: «эти графики, рубрики в *Geheimwissenschaft** лишены творчества, все это отвлеченно…» И вот: недавно мне читали серию лекций ложи (не выйдущих даже интимным циклом): «*Saturn, Sonne, Erde und Mond*». Что же: Доктор здесь дает ключ к пониманию соответственной главы «*Geheimwissenschaft*»[9]; он говорит, что *Сатурн, Солнце, Месяц, Земля* лежат в пластах душевного переживания; и, концентрируясь на том-то в душе уголышком духа, действительно перелетаешь на Солнце, Луну, Сатурн. Весь цикл есть сплошная *симфония*: сызнова из ничего создается мир; прием этого воссоздания: «Архидекадентские», архи-наши с Вами переживания, как первая ступень, на которую приглашает доктор; далее он ведет к тому, чего ни один символист в мире пережить не может (а с Доктором переживаешь); вывод: *так вот что было*, когда *Ἀρχαι*** были людьми на Сатурне; и *ты реально* в эту минуту ангел *ἀρχή**** сидишь в Сатурне… Но доктору сперва надо, чтобы изучили назубок ноты; оттого и *схоластика преподносится сперва*; далее Доктор требует: *чтобы понять меня, ты сам-ка теперь разбери эту вот партитуру*; читанный мне цикл есть не лекция в ложе, а *коллективная медитация*.

* Тайноведение (*нем.*),

** Начала (*др.-греч.*).

*** Начало (*др.-греч.*).

Дорогой друг, чувствую, что никогда не кончу. А надо кончать: Вы простите меня, что я так путаю в этом письме деловое с психологическим, но я все хочу представить Вам серьезность мотивов 1) так или иначе хотя бы на год отдохнуть от тревоги за ближайшее существование, 2) знать заранее, что сложная операция передвижения *Гаага — Боголюбы* обеспечена. А не напиши я, *почему мне важно* то-то и то-то, ведь можно сказать: *блажь*, роскошь; ну зачем ему в голландскую Гаагу, сидел бы в Берлине и т. д. Я убедился, что «*психология*» все-таки как-никак влияет на дела.

Милый, предупреждаю Вас, что больше не буду писать о 1-ом марте и т. д., ибо знаю, что в нескольких письмах все это и высказал, и мотивировал; и теперь, что бы ни было, засяду работать; и уже не буду писать, объяснять. Ибо иначе *опять* сорвется работа; итак: я сказал, а там уже воля «*богов*», как выйдет. Милый, еще раз простите за докучливое, привязчивое письмо.

Два слова об ответе Степпуну[10]. Если найдете *резкости*, вычеркните; одно прошу: «*цитаты*» все из «*Символизма*» и «*Арабесок*» сохраните[11]; я мог бы привести в 4 раза больше цитат: и привел *минимум*; мне надо, чтобы читатель «*Тр<удов> и Дней*» *видел*, что Степпун *лжет*, говоря о смене моих убеждений, *ибо это действительно так*: определения *мудрости*, *антропософии* даны у меня в «*Символизме*», где сказано, что отношение Христа к Софии *отражается* в искусстве, как отношение Аполлона к *Музе*, а антропософический характер Музы явствует из моей статьи «*Апокалипсис в русской поэзии*» (прочтите ее внимательно теперь и Вы *удивитесь*, сколь она в духе сегодняшних наших *прей* (ей Богу, напиши я ее *сейчас*, и все принялись бы меня упрекать в измене позиции, а она написана в 1905 году...)

Дорогой друг, если я резок в ответе, то резкость моя от действительно *несправедливого вменения* мне какой-то несамостоятельности. Несправедливость эта естественная; и она от двоякого рода заблуждений. 1) Все забыли, что *я вообще писал*, ибо никто меня не перечитывал (читали на протяжении 10 лет мои разрозненные статьи, и содержание их естественно забывалось; в собрании моих статей отдельные штрихи соединились в *внушительную картину* того, что есть мое *главное* и что *побочное*; Степпун если *не читал* моих статей, то *не имел нравств<енного> права* писать о заведомо

ему неизвестном; а если читал, то он — *л-г-у-н*; а на *л-о-ж-ь* отвечают не полемикой, а приведением к истине. 2) Все составили себе фигуру какой-то нереальной сухой, педантичной, рационалистической «*Geheimwissenschaft*» и столь же мертвую фигуру *Geheimwissenschaftler'a*[*], Штейнера. От этого даже нет догадливости сопоставить образную лирику А. Белого 1903 года с интимными курсами «немецкого *Geheimwissenschaftler'a*»; если бы сопоставили, то и поняли бы, что *не ми-ро-воз-зре-ни-е, не ми-ро-о-щу-щение, не устремле-ние* мое изменилось, а личное отношение мое изменилось к личности Доктора. Так: я могу любить или не любить Брюсова, и изменение моей любви или *не любви* не изменяет ни капли моего отношения к русскому символизму, который я извне в 1904–5 году пытался обосновывать психологически, а в 1906–1912 *гносеологически*; это не значит, что, меняя подход к символизму, я менял отношение к нему; и личное мое отношение к Доктору никого не должно касаться в печати; если оно инспирирует слова, печатно ко мне обращенные («*берегитесь, берегитесь*»[12]), то для меня оно есть столь же неприличный поступок, сколь было бы неприличным перенесение нашей осенней переписки на столбцы «*Тр<удов> и Дней*». Последнее письмо Степпуна (в «*Тр<удах> и Днях*») мне показало, что душевно он «*хам*». С чем и буду считаться уже во всех последующих сношениях со Степпуном.

Впрочем, я нисколько на Степпуна не сержусь; он меня вовсе и не думал обидеть; более того: он думал, что заступается за Гессена (Гессена же я ***не хотел изобразить***[13], а если вышел Гессен, то… *так же, как Дарьяльский превратился непроизвольно в Сережу*, сказка в Марг<ариту> Кирилловну, куст в Блока, Катя в Асю и т. д.[14] И подобно тому, как в Кате лишь внешнее сходство с Асей, так и в *философутике* с *мне приятным* Гессененком лишь случайное совпадение (уверяю Вас). И если бы обойти *все это* молчанием и поверить мне, что я не *пасквилянт*, то «*философутик*» прошел бы незамеченно; но воздух Москвы любит *сенсацию, сплетни, скандалы*: и первый, кто заметил сходство (Гр<игорий> Алекс<еевич>, или даже Вит<ольд> Фр<анцевич>[15]), *конечно*, счел нужным обежать всех и рассказать; ну и *пошло*, и *пошло*;

---

* Исследователя тайн; тайновидца (*нем.*).

и уже *всем стало ясно, что я сознательно захотел оскорбить ни в чем не повинного человека*; и уже на другой день Кожебаткин *рассказывал в «Праге»*[16] и т. д.

Но допустим: невинного, милого Гессена я действительно оскорбил; но ведь Гессен является, как коллективно-составленный неокантианец; и формально никто не смеет мне тут ничего вменять; формального оскорбления не было (не было и реального, ибо я ***не думал о Гессене*** и теперь страшно смущен). А ведь Степпун 1) явно за *кого-то заступившись*, вместо того, чтоб замять мою оплошность, ***раздул*** все[17], 2) он *лично мне* нанес оскорбление (*авансцена личности*[18]).

И в этой защите, и в *тоне* его развязности, кучерской разухабистости (он думал, что он *афористичен*) сказалась его натура: «*хам-ство*», сказался «*Сергей Кречетов*» на эстраде Кружка[19]. На *хамство* не обижаются, но от *хамства* отстраняются, уходят в другую плоскость: то, что я не желаю полемизировать, а отвечаю цитатами, есть именно мой жест *отстранения.* А потому, дорогой друг, смягчите, если что найдете резким в тексте (*но не в цитатах* из «*Арабес<ок>*» и «*Символизма*»). Цитаты должны быть *неприкосновенны.*

Ну Христос с Вами, дорогой, родной друг: когда-то увидимся. Приезжали бы в Гаагу на интимный курс. Можно бы устроить так, что *пустят помимо всякого вступления в члены*; а Вам надо видеть и слышать Д<окто>ра на интимном курсе, т. е. прожить *10 дней* в этой *нарастающей* атмосфере. Крепко обнимаю Вас.

Борис Бугаев.

Привет всем Вашим.

РГБ. Ф. 167. Карт. 3. Ед. хр. 8.

[1] Имеется в виду п. 286.

[2] Подразумеваются материалы о Н. К. Метнере, о которых Э. Метнер запрашивал Белого в п. 281.

[3] См. примеч. 1 к п. 280.

[4] Эта личная встреча с Штейнером состоялась у Белого, согласно его записям, 2 (15) февраля 1913 г.: «*8-ое свидание.* <…> Краткое. Разговор о поездке в Россию и об Асе. Доктор присоединил нечто к медитации» (ЛН. Т. 105. С. 758).

[5] Речь идет о перспективах печатания в издательстве «Сирин» собрания сочинений Андрея Белого.

[6] См. примеч. 30 к п. 272.

[7] Подразумеваются сборники «Сирин», в которых был впервые опубликован роман «Петербург».

[8] См. примеч. 3 к п. 280.

[9] Имеется в виду гл. 4 («Развитие мира и человек») книги Штейнера «Очерк тайноведения» («Die Geheimwissenschaft im Umriß». Leipzig, 1910).

[10] См. примеч. 20 к п. 279.

[11] «Ответ Ф. А. Степпуну...» Белого более чем наполовину состоит из подборки цитат, извлеченных из книг статей «Символизм», «Арабески» и «Луг зеленый», посредством которых автор стремился доказать преемственность положений, отстаиваемых в статье «Круговое движение», по отношению к идеям, высказанным в более раннее время.

[12] Цитата из «Открытого письма Андрею Белому по поводу статьи „Круговое движение“» Степуна (см. примеч. 17 к п. 279).

[13] См. примеч. 10 к п. 267, п. 268, примеч. 26.

[14] Белый отмечает прототипические связи в своих произведениях — в романе «Серебряный голубь» (Дарьяльский — С. М. Соловьев, Катя Гуголева — А. Тургенева), «Симфонии (2-й, драматической)» («сказка» — М. К. Морозова), рассказе «Куст» (А. Блок).

[15] Г. А. Рачинский, В. Ф. Ахрамович.

[16] Ресторан на Арбатской площади в Москве.

[17] Имеется в виду прежде всего следующий фрагмент из «Открытого письма Андрею Белому...»: «...образы Ваши изумительно пластичны, и я уверен, что эта *самодовлеющая пластичность будет многими и очень многими наивно принята за портретную меткость и точность*. Но тех, кто Ваших вчерашних друзей знает воочию, тех вы не обманете, те за всею пышностью и всем остроумием Ваших образов прекрасно увидят Вашу личную глубокую вину <...>» (Труды и Дни. 1912. № 4/5. С. 84).

[18] См. примеч. 34 к п. 286.

[19] Имеется в виду Московский Литературно-художественный кружок.

289. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

11 (24) февраля 1913 г. Москва

Москва 11/24–II–913.

Дорогой Борис Николаевич!

Ваши толстенные письма получил и еще не прочел; высмотрел в них лишь, пока что, имеющее насущный интерес дня. Спешу ответить. Я потому не хочу *сам* уступать Сирину, что,

боюсь, Вы впоследствии станете говорить (и, м<ожет> б<ыть>, не без основания), будто я «Вас» продал слишком дешево и легкомысленно допустил собрание одних худож<ественных> произведений. Но если Вы даете слово мне, что ни сами не станете впоследствии меня упрекать, ни позволите этого другим, то я, конечно, возьму на себя дальнейшие переговоры. Скорее присылайте те части рукописи романа, которые у Вас имеются, ибо Некрасов уперся и не выдает рукописи, чем задерживает заседания *Сирина*, на кот<орых> должен быть прочитан Ваш роман. Кроме того, Некрасов грозит в случае проволочки выпустить в свет отпечатанные 9 листов. А это Вам будет неприятно, т<ак> к<ак> Вы началом романа были недовольны и его переделали[1]. Бросьте искать мои записки и статью Сабанеева; все равно из музык<альных> сборников, вследствие лени и бездарности музык<альных> критиков, ничего не вышло, и я бросил эту идею и буду печатать случайно собравшийся материал в *Тр<удах> и Дн<ях>* (см., напр<имер>, статью Шагинян о Рахманинове[2]). — Не терзайте себя поэтому необходимостью или даже срочностью написания статьи о Коле[3]. — Степпун крайне смущен Вашим *личным* письмом; письмо открытое он принял спокойно. — Я думаю, что что-н<ибудь> из Сирина да выйдет. — Роман должен быть напечатан в Сборниках по 200 р. с листа[4]. Но на всякий случай имейте в виду, что теперь уже выяснились крайне стесненные финансовые обстоятельства Мусагета, и дальнейший аванс никому абсолютно не мыслим. Логос более не издается (в 1913 г.) на средства Мусагета[5]. Все идейное Ваших писем ждет меня, когда явится досуг. Пока нечто отчаянное со мной происходит в смысле загнанности всяческими делами, что в связи с бессонницей совершенно опустошило меня. Обнимаю. Ваш Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 7. Л. 22–23. Текст — в копировальной книге Э. К. Метнера.

Ответ на п. 286 и 288.

[1] Метнер умалчивает здесь о получении письма Иванова-Разумника, в котором условием заключения договорных отношений с Белым ставилось представление им в издательство «Сирин» законченной рукописи романа. После этого Метнер 12 (25) февраля 1913 г. отправил следующее письмо Терещенко (РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 7. Л. 24–27):

«Глубокоуважаемый Михаил Иванович!

Витольд Францевич Ахрамович (секретарь Мусагета) сообщил мне содержание полученного им письма Р. В. Иванова.

Речь идет о присылке Сирину рукописи романа Андрея Белого. Некрасов не выдает рукописи, он говорит: я купил рукопись, не читая и веря Андрею Белому, и не продам ее иначе; пусть мне вышлют деньги, тогда я отдам и рукопись.

Борис же Николаевич не имеет целиком всей рукописи; у него черновики, переделанное начало (которое у Вас в первоначальном, но уже отпечатанном виде) и, может быть, наброски конца.

Таким образом, если Сирин (как пишет Разумник Васильевич) „никакого ответа дать не может“ без „присылки всего романа“, то „ответ“ откладывается до осени.

Между тем Некрасов торопит и грозит в случае проволочки выпустить в свет напечатанные 9 листов, как I том романа *Петербург*. Это будет страшным ударом для Бориса Николаевича, который недоволен началом романа и переделал его. Некрасов же имеет юридическое основание выпустить в свет без imprimatur <„пусть печатается“ — разрешения (*лат.*)> автора, который пропустил все сроки.

Кроме того: Мусагет не в состоянии далее авансировать Андрея Белого; таким образом к первому удару присоединится второй, ибо Бугаеву придется… да, я не знаю, что ему придется… закабалить себя у Некрасова… В *Пути* он уже взял аванс».

Далее Метнер привел пространную цитату из письма Белого, в котором тот сравнивает сложившуюся в его жизненных обстоятельствах ситуацию с «положением Ибсена» (см. п. 272), и продолжил:

«Вот Вам отрывки из одного интимного письма Бугаева после провала истории с кавказским имением. Приводя их, я только хотел воочию показать Вам, до чего дошел Борис Николаевич и к какому *сознанию* своей силы привела его как раз нужда.

При всех своих недостатках Бугаев решительно крупнейший писатель современности и не только крупнейший, но *несравненно* крупнейший. В сущности его надо печатать, даже если бы он затеял (говорю умышленно-парадоксально) ставить буквы вверх ногами. Бугаев отвечает и ответит еще перед будущим столетием за себя. Если дальше натягивать струну, Бугаев не выдержит и погибнет, но тогда… его через десять лет канонизируют и будут печатать мельчайшие его записки, как это теперь происходит с Ницше…

Возвращаюсь к делу. Если верно и неотменимо то, что пишет Разумник Васильевич, то, по всей вероятности, ответ откладывается до осени, тогда как Бугаев ждет ответа в середине русского февраля и присылки 1-го марта (ст. стиля) 333 р. 33 к. Как быть?

Преданный Вам Э. Метнер.

P. S. Забыл в прошлом письме упомянуть, что Риккерт очень заинтересовался „риккертианством“ Бугаева, не менее нежели его романом».

2 Статья Мариэтты Шагинян «С. В. Рахманинов (Музыкально-психологический этюд)», предназначавшаяся для несостоявшегося сборника статей о современных русских композиторах, была к тому времени опубликована в № 4/5 «Трудов и Дней» за 1912 г. (С. 97–114).

3 Задуманную тогда статью о Н. К. Метнере Белый не написал.

4 Сообщение, полученное Метнером в письме Иванова-Разумника от 1 февраля 1913 г.: «...роман Андрея Белого, если будет напечатан *Сирином*, то только в сборнике, т. е. при гонораре в 200 р. за лист» (РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 11).

5 Такое положение дел явилось следствием убыточности издания. В начале 1913 г. возник проект перехода «Логоса» в издательство «Образование», позднее — в Товарищество М. О. Вольфа, которое и напечатало в 1914 г. заключительные выпуски журнала (см.: *Безродный М. В.* Из истории русского неокантианства (журнал «Логос» и его редакторы) // Лица: Биографический альманах. 1. С. 395–396).

290. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

11 (24) февраля 1913 г. Берлин

Дорогой Эмилий Карлович!

Спасибо Вам за письмо. Отвечаю лишь сухо и деловитым образом (лично напишу скоро).

Спасибо Вам.

Я ведь вовсе не хочу, чтобы с Терещенкой было скоро все решено. Для меня вопрос другой.

Вы напрасно думаете, что мы сидим в Берлине по своей охоте. Тут всё большие сложности.

На основании двух больших моих писем[1] Вы знаете 1) без разрешения Доктора в Боголюбы мы не поедем.

2) Доктор пока что сказал *надвое*. Ранее 8 марта мы не узнаем, можем ли мы уехать.

3) Курс в Гааге[2] очень, очень важный.

4) Пока надежда на «*Сирин*» не потеряна, мы не можем, нарушая все, стремительно броситься в Боголюбы (быть может, вопреки желанию Доктора).

Г*олландия*, свидание с *Доктором* не глупости.

Из всего же этого вытекает: чтобы попасть в *Гаагу* и из Гааги в Боголюбы, нам нужно минимум 250 рублей 1-го марта.

Попав в Боголюбы после 1-го марта, мы можем спокойно с малою суммою денег ждать 3 месяца переговоров[3]. Деньги нам нужны лишь к первому (русскому) марту.

Денег этих мы ниоткуда не можем достать, кроме «*Сирина*» или «*Мусагета*». Из «*Мусагета*» просить, Вы сами знаете, как мне стыдно: но если бы «*Мусагет*» мог прислать 250 рублей 1-го марта, все для нас было бы и спокойно, и ясно; с переговорами я не торопился бы.

Стыдясь еще просить помощи из Мусагета естественно: я и предлагал уступить «*Сирину*». Но если бы «*Мусагет*» мог прислать нам к 1-ому русскому марту 250 рублей, то для нас надолго ряд очень сложных насущных проблем бы решился.

Если «*Мусагет*» прислать не *может*, то я очень бы просил уведомить меня уже к 8-му здешнему марту, ибо тогда мы бы сказали Доктору, что не едем в Голландию (увы, для нас это очень важно); и отправились бы в Боголюбы. Я прошу не ежемесячной субсидии, а лишь на *март*, ибо, повторяю, после у нас 3 месяца где мы можем *спокойно ждать*....

Итак, можем ли мы рассчитывать на 250 рублей 1-го русского марта?

В этом весь и вопрос; нужно, чтобы мы знали это *немедленно*, *теперь же* (ибо все это мы Доктору должны сказать 7-го–8 *марта* нового стиля. После этих чисел нет надежды увидеть Доктора здесь; после этих чисел с ним можно встретиться лишь в Голландии. Вот корень моего беспокойства). Обнимаю Вас крепко. Борис Бугаев. Жду ответа.

P. S. Поймите, дорогой друг, что не *в нетерпении* моем *сейчас суть*, а в 1-ом марте. Ввиду *очень, очень* больших сложностей мы должны знать *точно* и *теперь* же. Можем ли мы надеяться на 250 рублей *первого марта*. Все остальные мои беспокойства суть вообще беспокойства; а вопрос о 1-ом марте есть вопрос *кровный*. И мы должны знать точно, едем ли в Голландию для соответственного заявления Доктору на свидании, которое у нас будет 7–8 марта нового стиля. Желательно до этих чисел получить Ваш ответ.

РГБ. Ф. 167. Карт. 3. Ед. хр. 9. Датируется по почтовому штемпелю отправления: Berlin. 24. 2. 13. Штемпель получения: Москва. 14. 2. 13.
Ответ на п. 287.

[1] Имеются в виду п. 286 и 288.

[2] См. примеч. 1 к п. 280.

[3] Речь идет о переговорах с издательством «Сирин».

291. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

16 февраля (1 марта) 1913 г. Берлин

Дорогой друг!

В предыдущем письме Вы писали: «Ну чего Вы волнуетесь»...[1]

А в сегодняшнем письме пишете: 1) «*Сирин*» требует всю рукопись, 2) Некрасов *не дает* и грозится, 3) выяснились... обстоятельства «*Мусагета*» и дальнейший аванс никому абсолютно не мыслим.

В предыдущем письме Вы писали: «Ну чего Вы волнуетесь...»

А я волновался ужасно — и писал ровно месяц тому назад о первом феврале и *первом марте* (могу ли я рассчитывать получить деньги)[2]. Я писал о *Гааге* и 1-ом марте 1) в *письме*, которое разошлось с Вами, когда Вы уехали в Петербург, 2) в первом (большом письме), 3) во втором большом письме, 4) в небольшом (не заказном письме)[3].

Во всех этих письмах *я выяснял* необходимость 1) знать о том, могу ли я 1-го марта получить деньги, 2) могу ли об этом я знать заранее, 3) о том, чтобы Вы решительно сказали «*на 1-ое марта не рассчитывайте*» или «рассчитывайте». Многие подробные «*психологические*» страницы моих писем к Вам, дорогой друг, были лишь *мотивацией, почему это так* ввиду *сложности нашего положения* у Доктора.

Вы мне отвечали «чего Вы беспокоитесь». А я, зная *необходимость* заранее знать все о марте уже в конце февраля (н. ст.), все писал об *одном* и *том же*.

И вот, *кажется*, я получил ответ, ибо вычитываю Вашу фразу «*аванс никому абсолютно не мыслим*» и вместе с тем другую,

что с «Сирином» ***все же*** (значит сейчас — ничего) что-нибудь ***может*** (может, а не выходит) выйти. Вот потому то, что 1 месяц тому назад *вопреки* благополучной атмосфере всех доходящих до меня сведений о «*Сирине*» мое беспокойство о 1-ом марте *имело же* смысл; я в *пяти письмах добивался* только заранее знать одну фразу «*1-го марта выслать не можем*», или «*1-го марта выслать можем*»; и на все вопросы, все пространные мотивации («*психологические*») я этого решительного «*да*», «*нет*» не получил, а мотивации, вероятно, Вы не *имели времени прочесть*.

Наоборот: в предпоследнем письме Вы писали: «*Чего Вы беспокоитесь*». (Еще бы не беспокоиться, ведь тут для меня вопросы, мало сказать, *долга* или *необходимости*: вопросы *здоровья*). А следующее письмо звучит на *прямо поставленный вопрос* «*да*» или «*нет*» ответом *непрямым* «*нет*». У Вас в письме сказано не следующее: «1-го марта Вы на „*Сирин*" не надейтесь, а „*Мусагет*" *на март не вышлет*». У Вас сказано следующее: «дальнейший аванс ***никому*** (отчего не прямо *Вам и 1-го марта*) абсолютно не мыслим».

Зачем неопределенно в 3-ьем лице и в последнюю минуту «*нет*», когда в пяти письмах кряду я пишу в совершенной тревоге: «*Да* или *нет*?»...

Как это важно, *почему* именно я выясняю подробно (мотивирую), но, вероятно... Вам не было времени прочесть.

Далее: я только и получал оптимистические письма о «*Сирине*», продаже собрания сочинений, и *долго*, *долго* не верил... Наконец поверил... Вспомните: 3 месяца тому назад я писал *просто*: «*через 2 месяца я без гроша, достать неоткуда: ну — брошу литературу*»...[4] Это звучало *с-е-р-ь-е-з-н-о*.

Вы знали, что достать мне *н-е-о-т-к-у-д-а* на март вне «*Сирина*». И все же Вы писали еще недавно: «Чего Вы беспокоитесь?» (Да я *мало беспокоился*: я думал, имей я серьезные основания беспокоиться, я был бы *вовремя предупрежден*).

Сроки, планы, соображения, очень сложные комбинации, почти необходимость — все влекло меня в Гаагу, и уже я почти так сообразовался: *теперь все бросаю* и по телеграмме Блока бросаюсь в бегство в *деревню*[5]. Хорошо еще, что заручился свиданием с Доктором[6] (кстати: он еще не знает, можем ли мы без *вреда для*

себя уехать); а то: мы могли бы на *болезнь* и *гибель* себе быть вынужденными бежать в деревню *без необходимейшего свидания*.

И все оттого, что на *ряд вопросов* о *1-ом марте я не получал категорических ни «да»*, ни *«нет»* (не получил и теперь: получил неопределенное *нет*; но слава Богу, что хоть вóвремя получил: получи бы его через 6 дней, и мы оказались бы в ловушке: в необходимости без Доктора (Доктор уехал бы) бежать в деревню с медитациями, которые без Доктора, вдали от него *немыслимы*. (Извиняюсь, что удручаю *опять* Вас подробностями *«психологическими»*, дорогой друг: Вам *нет времени* их прочесть.)[7]

Теперь о романе. Вы пишете, чтобы я тотчас выслал «*Сирину*» всю рукопись. Увы: *2 месяца тому назад я писал Вам* ***подробную*** опись романа[8], где *было сказано* (как и Блоку[9]), что копий с 4-ой и 5-ой *главы у меня нет*, а, следовательно, есть только некрасовская рукопись. Стало быть, если Некрасов не даст рукописи (т. е. *этих именно* глав), я в руках у Некрасова; если «*Сирин*» на основании 3-х глав, которые вышлю ему[10] (кстати: у меня *нет адреса* «Сирина» (никто не сообщил)) — не решится принять моего романа, то я ни-че-го не мо-гу по-де-лать. О главах (единственном списке рукописи) писал уже Вам *прежде*, писал *и Блоку*; но, конечно, Вы этой мелочи не могли помнить.

О *собрании сочинений* или *полном собр<ании> сочинений* — не знаю *ни-че-го*.

Стало быть, все только — в отдаленном будущем, т. е. романа не кончу.

Вся надежда была на собр<ание> сочинений (как прежде на продажу имения — еще прежде: на журнал «*Пет<ербургский> Вестник*», еще прежде — на «*Русскую Мысль*»[11] и т. д.). И впредь *будет то же*[12].

Уезжая от Доктора, который для меня — всё (отец, путь, надежда, за которого *все отдам*, ***от всего откажусь***, ибо не могу уже, не хочу вернуться на *пыльные стези*) — уезжая от Доктора, я ни на что не рассчитывал и, вероятно (с «*Сирином*», конечно, все лопнет — без сомнения), надолго я лишаюсь его, но — я знаю одно: *я в Москву не вернусь никогда*, если я не вернусь к Доктору:

в Москву, Петербург, в пыль и копоть болтовни, сплетен и всего этого ужаса — степпуненья и пыленья словами — не вернусь, пока не пройду школу у Доктора, которого вырывают у меня обстоятельства. Работать по стрекам у *жидков тоже не стану*: буду пасти свиней, поселюсь в курной избе, а <в> Москву, Петербург, города, *цивилизацию* и «*культуру*» *я не вернусь: это у нас с Асей давно* решено.

Но простите: опять я распространяюсь.

Я хотел только уведомить Вас, что требуемой рукописи у меня нет, «*Сирину*» не навязываюсь, а неопределенное «*Мусагет выслать аванса не может*» понимаю совершенно определенно: «*1-го марта денег не будет*». Если бы знал это точно за 2 недели, теперь бы уже сидел в Боголюбах, ибо упросил бы Доктора 2 недели тому назад (он — уезжал) *разрешить* нас к отъезду.

Обнимаю Вас, дорогой друг.

Борис Бугаев.

P. S. Мой привет Николаю Карловичу и Анне Михайловне[13]. Ася приветствует Вас. О перемене адреса своевременно извещу: пока адрес старый; если уедем, будут пересылать по новому адресу.

РГБ. Ф. 167. Карт. 3. Ед. хр. 10. Датируется по почтовому штемпелю отправления: Berlin. 1. 3. 13.

Ответ на п. 289.

[1] См. п. 287.

[2] Имеется в виду п. 285.

[3] См. п. 280, 285, 286, 288.

[4] См. п. 272.

[5] В письме к Блоку от 16 февраля (1 марта) 1913 г. Белый просил прояснить в редакции «Сирина» перспективы с изданием его романа: «Если ответ неблагополучен для меня, то, быть может, телеграфируешь: тогда телеграфируй одно только слово: „*Уезжай*". Я укладываю сундуки и уезжаю, чтобы за 3 месяца как-нибудь выкарабкаться и приехать к Доктору» (*Белый — Блок*. С. 492).

[6] Новой личной встречи с Штейнером после свидания, состоявшегося 8 февраля (н. ст.) 1913 г., в записях Белого не зафиксировано; очередной разговор между ними произошел в мае 1913 г. в Гельсингфорсе (см.: ЛН. Т. 105. С. 758).

[7] Сложившуюся ситуацию («За полтора месяца я послал 5 умоляющих писем *заранее* известить точно: получу ли 15-го марта н. ст. (1-го марта русского) 300 рублей, из которых мы едем на *Гаагский* курс и далее прямо из Гааги в Боголюбы (в отпуск, где буду кончать 7-ую главу романа), если Доктор пустит») Белый подробно изложил в недатированном письме к А. С. Петровскому, пересказав в нем в сжатой форме содержание ответов Метнера, и сделал свой негодующий вывод: «...остается, бросив все на произвол и под знаком вопроса (вещи оставляем здесь на складе), вопреки планам, лелеемым 1½ месяца, сложной сети приготовлений, с матерьяльным ущербом для себя (130 брошенных марок) <...> лететь в Россию — неизвестно зачем, неизвестно на сколько, неизвестно куда (ибо вдруг „*Боголюбы*" переполнены народом?). И все это оттого, что вопреки моим „*вопиющим*" письмам 3 месяца назад, вопреки 5 письмам теперь и *мольбам* (именно благодаря, быть может, мольбам) нас посадил Э. К. Метнер в лужу <...>» (*Белый — Петровский.* С. 250, 251).

[8] Имеется в виду п. 272 (из которого была «вынута записка о романе»; см. с. 436 наст. изд.).

[9] См. письмо Белого к Блоку (декабрь 1912 г.), содержащее подробное описание состояния дел в работе над «Петербургом» (*Белый — Блок.* С. 475–476).

[10] Эти первые три главы представляли собой переработанную редакцию по отношению к их тексту, имевшемуся у К. Ф. Некрасова; главы 4-я и 5-я, также находившиеся у Некрасова, не подвергались тогда переработке.

[11] См. примеч. 5 к п. 241, примеч. 2, 4 к п. 236.

[12] В тот же день Белый отправил письмо Блоку с изложением сведений, полученных от Метнера, и с предложением «прислать 3 *первых главы* в переделанном виде „*Сирину*" для *чтения* <...>» (*Белый — Блок.* С. 491).

[13] Н. К. Метнер, А. М. Метнер.

292. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

17 февраля (2 марта) 1913 г. Имение К. В. Осипова

Траханеево на Клязьме 17/II–2/III 913.

Дорогой Борис Николаевич!

Только что получил Ваши два письма, коротких, но полных беспокойства (весьма понятного). Некрасов получил все 17 или больше листов. Издать он хочет первые 9, рассматривая их совершенно произвольно как I часть романа[1]. Утаивать рукописи он не собирается, но не выдает ее, пока не получит деньги, а *Сирин*

требует сначала рукопись, а потом только собирается расплачиваться. Чтобы покончить эти споры, я написал решительное письмо Терещенке, но тот выехал за границу на несколько дней и неизвестно куда; по возвращении (оно, вероятно, уже состоялось) я получу ответ[2].

На второе Ваше письмо о 250 р. ответить не так-то легко. *Мусагет* в нынешнем году имеет еще меньшую субсидию, нежели в прошлом, между тем отпадает только одна книжка Логоса, ибо в прошлом году вышла только одна (в 1913 г.[3] Логоса мы не издаем больше). Мусагет близок к банкроту, ибо урегулировать денежные дела в один темп с печатанием неожиданно готовых и давно заказанных рукописей страшно трудно. Дорога́ каждая копейка... Что делать, решительно не знаю. Хочется Вас выручить, но боюсь посадить Мусагет окончательно на мель. Ведь таких авансов не выдавало ни одно издательство. Кроме того, отчет же я должен представить издателям, и новые авансы надо как-нибудь оправдать. Вы скажете: почему не печатали Ваших Заметок[4]; но Ваш аванс есть сумма, превышающая гонорар за *Заметки* + расходы по их печатанию. Ну, я перестану хныкать и рассуждать и скажу прямо: если с Сирином еще не выяснится к 1 марта и он не пошлет Вам денег, то, конечно, придется сделать это Мусагету, но я все-таки прошу Вас попытаться занять хотя бы половину (125 р.) у Марг<ариты> Кирилловны[5] или у Вашей мамы. Лишь в самом крайнем случае и безусловно в последний раз всю сумму 250 р. вышлет Мусагет. Если это мое письмо запоздало — не моя вина: я получаю письма лишь один раз в неделю, когда бываю в городе. На этот раз я их случайно получил здесь и позднее, вследствие сдвига моего посещения Москвы. Отсюда отправить в тот же день не мог. Снежные заносы, и почта на станцию редко ходит. Это письмо отойдет лишь завтра, т<ак> к<ак> Коля[6] едет в Москву. Кончаю, т<ак> к<ак> поздний час и я страшно устал. Не думайте, что я отказываю или упрекаю Вас, дорогой друг. Лишь крайняя нужда требует от меня этого, чтобы я предложил Вам попытаться занять хотя бы половину у кого-нибудь другого.

Обнимаю Вас.

Ваш любящий Э. Метнер.

Привет Асе.

Коля и Анюта[7] кланяются.

Концерт Коли и в Москве сошел блестяще при почти переполненном зале[8].

РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 7. Л. 30–32. Текст — в копировальной книге Э. К. Метнера.

Ответ на неизвестное нам письмо и на п. 290.

[1] См. об этом в письме Метнера к Терещенко от 12 (25) февраля 1913 г. (примеч. 1 к п. 289).

[2] Речь идет о том же письме, отправленном по адресу редакции «Сирина». 14 февраля 1913 г. Иванов-Разумник информировал Метнера: «...вероятно, в ответ на мое письмо г. Ахрамовичу (от 8-го февр<аля>) сегодня получено от изд<ательства> „Мусагет" письмо с надписью: „весьма спешное, лично" — М. И. Терещенко. Ввиду того, что Михаил Иванович с начала февраля находится не в Петербурге, и вернется вероятно к 16 числу — раньше этого времени письмо им не может быть прочитано» (РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 11).

[3] Имеется в виду кн. 1/2 «Логоса», время ее выхода обозначено: «1912–1913». См. п. 289, примеч. 5.

[4] Речь идет о книге Белого «Путевые заметки».

[5] М. К. Морозова.

[6] Н. К. Метнер.

[7] А. М. Метнер.

[8] См. примеч. 5 к п. 283.

293. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

17 февраля (2 марта) 1913 г. Берлин

Дорогой друг!

Перечитываю Ваше письмо...[1] Совершенный кошмар: ничего не понимаю. На 5 умоляющих писем[2] ответить о первом марте, ибо (как я уже 5 раз писал) эти числа для нас роковые и (как опять-таки Вам это известно) у нас с марта 1) денег ни гроша, 2) мы не знаем, можем ли без осложнений уехать, 3) мы лишаемся огромной важности нас лично касающегося курса — *на пять* умоляющих писем Вы пишете (в предпоследнем письме) «*успокойтесь*», а в последнем «*Мусагет не может авансировать*»[3]

в *третьем* лице — не то что «*Вам* не может 1-го *марта* прислать, ибо и *вообще* не может»; Вы, дорогой друг, пишете «*не может в принципе авансировать*».

Если в принципе не может, то и не может *мне 1-го марта*, это я понимаю, но *все-таки это мой личный вывод*, ибо прямого ответа на *5 писем, написанных в течение месяца, нет*, что произошло с «*Сирином*», я не знаю. Если с «*Сирином*» ничего *не* выходит, тем самым «*Мусагету*» еще менее оснований мне помочь сейчас, ибо «*Мусагету*» я остаюсь должен; если же вопрос в месяце, неделях, то — извините, милый (прочтя 5 моих писем внимательно, Вы поймете колоссальную важность категорического ответа о 1-ом марте и прямо измучивающее впечатление ответа неопределенного) — но неужели же «*Сирину*» нельзя было объяснить, что, ввиду *особой важности* для меня субсидии *к первому марту*, он мог бы в счет «*Пут<евых> Заметок*» (рукопись, по слов<ам> Ахрамовича, уже у Сирина[4]) прислать. Если б Вы прочли *внимательно* 5 моих писем, Вы поняли бы, почему *еще* месяц тому назад (даже, кажется, полтора) поднял вопрос о феврале и марте, но... Вам некогда было прочесть мои письма. И против этого падают мои «внутр<енние> мотивации», ибо они *относимы* Вами не к вопиюще важному для меня пункту, а к «*литературному обсуждению вопросов теоретических*».

Тогда скажу: 1) уже 2 недели назад должен был бы я знать, что на 1-ое марта надежд нет, 2) и ответ следовало бы написать, обращаясь ко мне, «*Вы* (а не вообще *x, y, z*) *не получите 1-го марта*» (а не так: «в *принципе* Мусагет не может авансировать»)...

Ввиду крайности срока, нам уже нет времени ждать от Вас дальнейшего разъяснения, что *де* да «*вообще*» надо понимать — «*в данном случае*», т. е. первое марта. И мы иного и не можем вывести: «*1-го марта* денег ниоткуда не получим: в Москве это знали и, несмотря на *неоднократную* почти мольбу *предупредить* заранее, *не предупредили*. И в этом смысле бессознательно мы оказались в положении очень тяжелом и сложном (не только финансовом, но, *главное*, в *другом, для нас еще более* важном).

Сегодняшнее Ваше письмо заставило пережить очень трудные минуты; все планы, к которым мы полтора месяца

готовились, — *насмарку*. И даже: может быть, *вопреки* внутр<енней> возможности (ко вреду для себя) уехать (почему это так — подробнейшим образом мотивировано в 5 письмах к Вам, дорогой друг.

Но мы *с тяжелым сердцем* уедем (сундуки оставим в залог в Берлине на хранении: если судьба не позволит вернуться, *что мы не допускаем*, пусть лучше пропадут вещи, чем теперь же укоренится мысль, что мы *надолго* от Доктора).

Мы уедем. Ответ Ваш на это письмо уже, верно, нас не застанет (уезжаем через неделю).

Единственно, о чем сетую, что я еще две недели тому назад не знал уверенно, что *это так*, а следовательно, предполагал обратное (ведь не мог же я полагать, что *первое по важности для меня* извещение будет прислано к последнему сроку).

Хорошо: но если я понял превратно и «*вообще не может авансировать*» не вполне касалось 1-го марта, или, если 15-го марта[5] «*Сирин*» уже может кое-что прислать, верьте: это было бы невероятно обидно для нас; и *неопределенность* сегодняшнего письма для *меня* и *бедненькой Аси* оказалось бы издевательством судьбы.

Ибо повторяю: 1-ое марта формулировано мной в виде вопроса *давно*, а внутренняя важность этого Вам неизвестна (ибо у Вас не *было досуга ознакомиться с сод<ержанием> писем*).

Милый друг: я вполне понимаю, что это *все досадное* недоразумение и не сетую, а *тихо горюем мы*; и в этом письме, дорогой друг, нет упрека и, верьте, нет той естественной нервности, которая сказалась в моих *базельских письмах* и которая привела к тому, что Вы сообщили мне, что будете *не распечатывать впредь мои письма*[6].

Я только *подчеркиваю*, что еще в декабре 1912 года серьезно сказал, какие сложности будут у меня в феврале 1913 года. И теперь, в марте *1913 года* лишь сетую, что я вовремя не был предуведомлен. Обнимаю Вас,

Борис Бугаев.

P. S. Что наш внезапный отъезд наносит нам *ущерб непоправимый*, это, надеюсь, понятно Вам, ибо Вы поняли *некогда* психологию Эллиса, когда он, вернувшись из Христиании[7], превратно

понявши Ваши слова, лежал больной 3 дня, а мы трепетали за него во Франции и писали о нем в Россию. Что имело место для Эллиса, то случилось для нас; но для Эллиса все устроилось в свое время, ибо *он понял превратно*.

Мы же не имеем основания понять превратно Ваши слова, ибо понимаем слова «*с **Сирином** что-нибудь **да** выйдет*» и «*Мусагет* не может субсидировать» текстуально: первую фразу понимаем так: «С *Сирином* дело обстоит плохо; в лучшем случае, *авось*, месяцев через пять что-нибудь да будет»... а вторую фразу понимаем: «*1-го марта Мусагет ничего не пришлет*».

Мы еще более, нежели Эллис, связаны с Доктором; Эллису было тяжело за себя (он три дня болел); мне тяжело и тревожно вдвойне и за себя, и за Асю (ибо она *более* меня в *schulung'e**, и вынужденный отъезд в *мрак неизвестности* может отразиться на ней).

Оттого-то 3 месяца назад я написал такое тревожное письмо Ахрамовичу (потом и Вам)[8]; я приходил в ужас заранее от того, что может случиться; и *все мотивировал Вам* (хотя *иное* из мотивации, верьте, было мне *тяжело* писать); но Вы мотивацию отнесли к литературным разговорам; и, вопреки *мольбе* моей вовремя предупредить, высказались неопределенным «*нет*» лишь в последнюю минуту.

Судите же: было отчего в *декабре* писать Ахрамовичу *вопиющее письмо*.

Я все знал заранее; знал, что чтобы *точно все знать* заранее, надо отправить за 3 месяца дюжину писем.

Дюжина писем отправлена мною, и на дюжину писем еще недавно Вы писали «*не беспокойтесь*».

И вопреки «*не беспокойтесь*», вопреки «*дюжине*» писем, вопреки за три месяца предуведомления все случилось по самой ужасной формуле.

Расположили деньги, время, планы, работу, ученья, жизнь по одному плану, и когда почти уже ничего нельзя было изменить, пришлось все начать сызнова.

Ну какая же тут возможна работа.

P. P. S. В пятницу — субботу на этой неделе (пишу в воскресенье) мы уезжаем (это ужасно)[9]: наш адрес: Луцк (Волынской

---

* Обучение (*нем.*).

губернии). Лесничему Владимиру Константиновичу Кампиони. Мне. Будем там безвыездно, хотя бы пришлось просидеть года; в Москве не будем. Нам и нельзя с нашим режимом.

ГЛМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 32. Письмо не было отправлено адресату.

Датируется по указанию в тексте дня написания — «воскресенье», — предшествовавшего запланированному на пятницу или субботу (22 или 23 февраля (7 или 8 марта) 1913 г.) отъезду из Берлина в Россию.

1 Имеется в виду п. 289.

2 См. п. 291, примеч. 3.

3 Имеются в виду п. 287 и 289; приведенные в кавычках слова не являются цитатами из них.

4 Издательство «Сирин» не приняло «Путевые заметки» Белого к печати.

5 Первая дата указана по старому стилю, вторая — по новому.

6 См. п. 259.

7 В Христиании Эллис слушал курс из десяти лекций Штейнера «Человек в свете оккультизма, теософии и философии» (2–12 июня 1912 г.).

8 Имеется в виду п. 272. Упомянутое письмо к В. Ф. Ахрамовичу не выявлено.

9 Отъезд в Россию был перенесен на вторник 26 февраля (11 марта). В письме к Блоку, отправленном из Берлина 25 февраля (10 марта), Белый уведомлял: «Еду дописывать роман <...> укладка: завтра едем» (*Белый — Блок*. С. 498).

294. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

18 февраля (3 марта) 1913 г. Берлин

Дорогой друг!

Я ужасно извиняюсь, что удручаю Вас сложными, Вам неинтересными деталями моей жизни. Но, дорогой друг, полная моя беспомощность позаботиться о себе из-за границы, а также Ваши письма, столь благородные и трогающие меня о том, что Вы просите меня успокоиться — поймите, только это заставляет меня Вам писать. 3 месяца назад, когда выяснилась моя беспомощность, я написал письмо Ахрамовичу (личное и очень горькое по тону)[1]; Вы узнали об этом письме и сетовали, что я не к Вам обращался. И вот теперь, когда я было понадеялся на что-то, я и не могу не выдвинуть Вам разные инциденты, вырастающие на почве нашего внезапного отъезда.

Мое сетование. *3 месяца* тому назад мне нужно бы сказать: «Да, Ваше положение трудное, но… мы тут не причем»… За три месяца мы могли бы подумать о нашей судьбе.

Но нас успокоили.

Теперь, не получая категорического *нет* по поводу 1-го марта и основываясь на тоне писем из Москвы, мы построили наш план ехать в Гаагу[2].

Теперь. Лекции в Гааге начинаются 20 марта. Мы могли бы ехать от 15-го до 19 марта в Гаагу, т. е. март месяц (мы плотим помесячно) мы должны заплатить вперед 130 марок.

Получи мы категорический отказ *Мусагета* помочь нам мартовской высылкой (на случай, если с «*Сирином*» еще не закончены переговоры) две недели назад, т. е. 14 февраля, то: 1) мы категорически просили бы Доктора сказать свое «*да*» на наш отъезд, т. е. теперь мы бы были уже в Боголюбах. Но: мы провели *без доктора* две пустых недели в ужасном, «*отвратительном*» Берлине, бесцельно проживаясь (в ожидании свидания 6–8 марта[3] и далее в ожидании Гааги), ибо, не получая категорического «*нет*», мы *все же* думали, что в Москве приняли к сведению и мое письмо к Ахрамовичу в декабре, и мои вопросительные письма о *первом марте*.

Ибо то, что случилось, мы *не ожидали н-и-к-а-к*, даже принимая во внимание рассеянность москвичей. Первого марта пришло Ваше письмо с *неопределенным* ответом[4]. И это был день, когда *уже* мы обречены платить за *весь март* 130 марок[5]. Приди Ваше неопределенное *нет* за 2 дня, *130* марок были бы у нас в кармане. Сегодня 3-ье марта: мы думали, что хозяйка будет к нам милостива, но… оказалось: *130* марок *за весь март* таки мы должны заплатить, что в свою очередь нас *совершенно подводит*, ибо вырывает из суммы, ассигнованной на отъезд и неопределенно долгий срок жития в Боголюбах, где все же хотя и маленькие траты — но траты есть.

Когда я писал о категорическом ответе, *я знал, что писал*; и неопределенное Ваше «*нет*» в последнюю минуту отражается во всех смыслах для нас ужасно.

Нас еще, чего доброго, ограбят, вменят там какое-нибудь пятно чернил на *ковре* или подведут еще каким-нибудь образом

(*подлее берлинца* — я не встречал типа). Но и так: мы подведены на *130* марок; и этот *подвох*, дорогой друг, я вменяю Вам *прямо*[6].

Все, что я писал 3 месяца назад, как устрашающую мысль, свершилось, вопреки Вашим успокоениям (*«чего Вы беспокоитесь»*).

Вы вообще, Эмилий Карлович, понимаете нас как-то упрощенно. Сидят две птицы небесных; можно им в последнюю минуту черкнуть *что угодно*, и с легкостью поразительной без всяких житейских тревог (счетов, квартирных соображений и т. д.) *небесные птицы* слетают с места…

И вот на Ваш отказ в третьем лице («*Мусагет* авансировать абсолютно не может»), который я благоговейно принимаю (о чем же у меня шла речь в письме 3 месяца назад, что мы — банкроты[7], и к чему это Вы утруждали себя нас *успокаивать*?..), тем не менее я очень прошу хотя бы в счет «*Пут<евых> Заметок*», отданных *Сирину*, ссудить нас *130 марками*, которые мы бросили на ветер (не предупрежденные вовремя) и которые из нашей кассы без всякой вины с нашей стороны (мы всё сделали, чтобы нас уведомили заранее) отнимают у нас *большой* куш.

Простите, дорогой друг, за «*житейскую прозу*», которой я нарушаю Вас досуг.

Остаюсь любящий Вас Борис Бугаев.

P. S. О перемене адреса я своевременно извещу.

РГБ. Ф. 167. Карт. 3. Ед. хр. 11. Датируется по указанию даты в тексте и по почтовому штемпелю отправления: Berlin. 3. 3. 13. Отправлено адресату вместо п. 293.

[1] См. примеч. 8 к п. 293.

[2] См. примеч. 1 к п. 280.

[3] Даты (по н. ст.) предполагавшейся личной встречи с Штейнером.

[4] Имеется в виду п. 289.

[5] Условия оплаты квартиры в пансионе — взнос в первый день месяца суммы за предстоящий месяц.

[6] Об этом упреке Метнер сообщил Блоку в письме от 22 марта 1913 г.: «Бугаев разнервничался и слишком поторопился с отъездом на Волынь, не дождавшись двух-трех дней до окончательного решения Сирина, несколько запоздавшего вследствие отсутствия Мих<аила> Ив<ановича>. — При этом Бугаев, уезжая из Берлина, написал мне возмутительно несправедливое письмо, где упрекает меня в „подвохе“ и в том, что я не уведомил его,

что Сирин к 1 марта *не может* (?!) выслать 333 р. <...> Имейте в виду, что я вовсе его не обнадеживал, а только (сообщая *точно* о переговорах), поддерживал его дух, ибо он впал в непозволительный пессимизм и говорил, что с Сирином *ничего* не выйдет и что он ни во что не верит» (Александр Блок. Исследования и материалы. СПб., 1998. С. 220).

[7] Имеется в виду п. 272.

295. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

21–22 февраля (6–7 марта) 1913 г. Имение К. В. Осипова

Траханеево 21/II–6/III 913.

Дорогой Борис Николаевич!

Получена следующая телеграмма от Терещенки:

«Сирин, подробно обсудив, не может *теперь* издавать собрания сочинений Белого. Предлагаем следующий выход: теперь же взять путевые заметки, уплачивать Бугаеву с первого марта гонорар по 333 р. и немедленно по получении черновика романа от Белого решить вопрос о напечатании. Совсем не читая решить затрудняемся. Блок Белому телеграфирует. Терещенко»[1].

1) Обращаю Ваше внимание на слово «теперь», мною подчеркнутое. Надежда не потеряна. А мы с Блоком будем налаживать и постараемся изгладить то впечатление, которое, *вероятно*, произвел на Терещенко разговор с Брюсовым[2].

2) Должен сказать, что по московскому разговору с Терещенко[3], казалось, не было никаких принципиальных сомнений в полнейшем «переходе» Вашем в Сирин; лишь во время петербургской беседы возникли кое-какие сомнения, о которых я Вас тотчас же и уведомил; в середине между московским и петербургским разговором[4] произошло свидание Терещенки с Брюсовым и с Вами[5]; не имея основания думать, что Вы не понравились Терещенке, следует предположить наговоры Брюсова.

3) Советую Вам написать Михаилу Ивановичу Терещенке, что никакого черновика у Вас нет (я ему об этом уже дважды сообщал) и что Вы попытаетесь уговорить Некрасова отправить на неделю рукопись романа; далее предложите сам от себя издание Ваших поэтических произведений (без теории[6]); я лично ни за что не могу взять на себя ответственности за такую неприятную уступку.

4) О том, чтобы гонорар был прислан не позднее 1 марта, я написал *Сирину.*

5) Ваше письмо, полученное в Москве 18/II ст. ст. и привезенное мне сюда сегодня[7], я отказываюсь понять по след<ующим> причинам.

I. В Вашем письме, полученном 8/I ст. ст., Вы просто сообщаете, что денег хватит только до 1 февраля[8]. В письме, полученном 12/I ст. ст. (Вы дат не ставите в своих письмах), — ни слова о деньгах[9]. — В письме, полученном 20/I ст. ст.[10], Вы хотя и говорите о Гааге, но просите успокоить Вас на февраль (что я и сделал почти немедленно). В письме Вашем, кот<орое> мне передал Терещенко[11], Вы опять-таки говорите только о феврале, не о марте; наконец, в письме, полученном 1/II ст. ст.[12], Вы впервые говорите о Гааге решительным образом, но опять-таки ставите вопрос о получении к 1 марта денег не из Мусагета (ясно, по-видимому, понимая, что Мусагет не может), а от Сирина. Но это письмо я пишу Вам 7/20–II, где не скрываю некоторых затруднений и сомнений, но прошу потерпеть и принять во внимание сложность дела и то, что чужое издательство нельзя заставлять вникать в интимные обстоятельства. Перечитайте это основное письмо, а также и от 18/I, 21/I и 29/I, и Вы увидите, что я… отнюдь не заслуживаю упрека в небрежении, умалчивании, подавании несбыточных надежд и т. п. — Поддерживать же Ваш пессимизм к Сирину я находил (и нахожу и теперь) излишним. Вы не ребенок и вдобавок оккультист: Вы могли сами решить в своем *Ich*, следует ли слушать своего пессимистического δαιμων'а или относительно-оптимистически настроенного преданного и аккуратного друга. — Наконец, в своих двух больших письмах, полученных около 6/II ст. ст.[13], Вы снова говорите о возможности или невозможности получения к 1 марта от *Сирина* (а не от *Мусагета*) и только в письме, полученном 14/II ст. ст., Вы ставите вопрос о возможности получения 250 р. от *Мусагета*[14], на что я Вам ответил 17/II ст. ст.; еще раньше написал Вам 11/II в ответ на деловые части Ваших двух предшествующих больших писем. Вся эта корреспонденция рисует весь ход дела вполне отчетливо и не дает повода ни к каким недоразумениям. У меня все копии писем, отправленных Михаилу Ивановичу Терещенке, и я при случае могу показать Вам их, чтобы Вы видели, как я вел все доверенное Вами мне дело.

II. Несмотря на вышеизложенное, Вы в своем последнем сегодня полученном письме (в Москву оно пришло 19/II ст. ст.) рисуете все дело так, как если бы Вас обнадежили, а потом оставили с носом. —

III. Вы, словно ребенок, повторяете одно и то же несколько раз, почему Вам не ответили «1 марта выслать можем» или «1 марта выслать не можем». Но как же я мог Вам *категорически* отвечать за *Сирина*? За *Мусагет* я ответил Вам: в *феврале* вышлем; и выслал; о марте относительно *Мусагета* Вы не поднимали и речи и я не поднимал речи, полагая, что ясно, что *Мусагет* ***не*** может; повторяю: колебательность положения с Сирином стало <*так!*> Вам известно с конца русского января, а следовательно, Вы могли все взвесить и поступить, как лучше: ехать в Гаагу или в Боголюбы. — Вы прямо упрекаете меня в том, что Вы не были «вовремя предупреждены»...

IV. Мое письмо от 17/II–2/III является ясным ответом на теперешний Ваш вопрос, почему я написал «дальнейший аванс никому абсолютно не мыслим» (письмо мое от 11/24–II); т. е. в III лице, а не «Вам»; ясно, что этим я молил Вас устроиться как-нибудь иначе, но не хотел (из любви к Вам) отнять у Вас 1/100 надежды, что выцарапаю для Вас деньги из кассы Мусагета. Впрочем, в предшествующем письме от 7/20–II я пишу решительнее: «разумеется, Мусагет ***не может*** продолжать высылать ***Вам*** сириновскую предположительную месячную сумму, но я получил от Сирина письмо, где обещают дать ответ не позже половины русского февраля»... Итак, если Вы уж хотели жестокой правды, то могли, опираясь на это письмо (и ввиду своего пессимизма в отношении к Сирину) две недели тому назад покинуть Берлин и ехать в Боголюбы. — Письмо от 7/20 II, где Мусагет... ***не может***... ***Вам***, Вы не могли не получить, ибо цитируете оттуда мою фразу «чего Вы беспокоитесь». Следовательно, напрасен Ваш упрек, почему я Вам не написал: «1 марта Вы на Сирина не надейтесь, а Мусагет на март не вышлет»; мой оптимизм частично оправдался, ибо 1 марта Вы получите от Сирина 333 р. 33 к., а «Мусагет на март не вышлет» стоит черным на белом в письме от 7/20–II: «разумеется, Мусагет не может etc. — —» (см. вышеприведенную цитату). —

V. О какой телеграмме Блока, бросившей Вас в бегство в Боголюбы, Вы говорите, я не знаю[15], но надеюсь, что та телеграмма Блока, о которой говорится в телеграмме Терещенки, успела

застать Вас в Берлине и бросит в Гаагу, необходимую для Вашего пошатнувшегося здоровья.

VI. Ваше письмо с подробностями состава рукописи романа[16] у меня хранится ***особо*** и *проштудировано*[*] мною и Ахрамовичем. Когда я писал Вам, предлагая выслать рукопись Сирину, я, конечно, имел в виду какие-н<ибудь> случайные эскизные черновики и наброски как дополнение к тем девяти отпечатанным листам, которые имеются у Сирина.

VII. Прошу извинения, что в переписке забыл дать Вам адрес *Сирина; но Вы могли бы сами напомнить мне раньше и*, наконец, написать в Мусагет для передачи Сирину. —[**]

VIII. Вы перечисляете свои неудачи (имение, Пет<ербургский> Вест<ник>, Рус<ская> Мысль и т. д., теперь Сирин) и потом говорите: «и впредь будет то же». Если Вы думаете, что неудачи зависели от Вас, то, стало быть, Вы не надеетесь исправиться; если же от судьбы, то Вы не надеетесь (вопреки оккультному учению) стать ***над*** роком; кроме того, Вы, ученик Штейнера, не знаете, что позволяете себе грубое нарушение, говоря так «и впредь так будет»; Вы, писавший о магии слов!

Как смеете Вы, *знающий*, «припечатывать» себя на *будущее* словами отчаяния; в то время, когда Вы их писали, вокруг Вас высовывались языки из астрального мира и радостно щелкали зубы. Ваше отчаяние в будущем гораздо хуже моего ропота о прошлом, ропота, которого в более светлые моменты я глубоко стыжусь. Примите этот упрек от меня — — — бессознательного и вольного оккультиста. —

IX. В своем письме Вы *четыре* раза упрекаете меня в том, что «мне не было времени прочесть» Ваших психологических мотиваций о необходимости для Вас Гааги и получения 1 марта 333 р. 33 к. Поводом к этому упреку послужила моя неосторожность, с которой я раза два отвечал Вам на чисто-деловое, не прочтя «мотиваций» (и сознаваясь в этом); поступал так, чтобы скорее удовлетворить Вас по существу. Выводить отсюда, что я этих мотиваций и впредь не читал, это — явный акт недоверия к моей дружеской участливости.

---

[*] Я об этом письме сообщал и Терещенке. (*Примеч. Метнера*).

[**] *На полях сверху написано*: Сирин СПБ Пушкинская 10.

Я не знаю, понимаете ли Вы, насколько обидно должно быть Ваше последнее письмо, несмотря на титулование меня «дорогим другом». Да, чтобы «дорогой друг» не превратился в титул вроде «любезного брата», с которым обращаются друг к другу государи воюющих между собою держав, чтобы не окончательно заглохла между нами былая любовь, я считаю, милый старинный друг, совершенно необходимым раз навсегда не вступать с Вами и не иметь ради Вас с другими никаких деловых отношений. Вы можете писать в Трудах и Днях, печататься в Мусагете; я надеюсь, что, если судьба улыбнется Вам, Вы не забудете отдать Мусагету Ваш долг, который отчасти может быть покрыт и II изданием Ваших первых трех симфоний или собранием стихотворений (к чему, в случае, если осенью вопрос об издании Ваших сочинений Сирином решится отрицательно, Мусагет приступит непременно), но с Сирином толкуйте дальше сами, а меня увольте с Вашей недоверчивой доверенностью. Говорю это совершенно спокойно, ибо чувствую, что вылечился окончательно от (казалось) неисправимого своего оптимизма, с которым я отвергал следующую не раз приходившую мне в голову мысль: «чтобы быть с Б. Н. в дружеских отношениях, не надо стоять с ним в деловых отношениях».

Простите.

Любящий Вас Э. Метнер.

P. S. Я целыми часами изучал и обдумывал все, что Вы мне написали об антропософии. Если я не отвечаю Вам на это, то только потому, что пришлось бы исписать стопы бумаги. Лучше об этом поговорить. Все, что Вы сочтете возможным и необходимым и впредь мне сообщить, я приму с благодарностью.

P. P. S. Траханеево 22/II / 7/III 913. Сегодня Ахрамович привез сюда два письма: одно Ваше[17], другое от Аси. Все три письма — эти два и Ваше, полученное 18/II[18], которое я выше разобрал, настолько обидны, что при малейшем удивлении Вашем на мою обидчивость мне придется дать их прочесть всем нашим друзьям. Нового материала «обвинений» во вновь пришедших письмах очень мало. Меняются и крепнут лишь выражения; («подвох» и т. п.). —

В письме Аси ряд возмутительнейших неточностей[19].

1) Я нигде не писал, что Мусагет будет выплачивать ***все время***, пока дело не решится с Сирином. Я не мог этого написать. Я давно уже, еще осенью или в конце лета, указывал подробно в письме, обращенном Эллису и Вам вместе[20], на стесненное положение Мусагета в 1913 г.

2) Ваше *предположение* о том, что я не читал Ваших «мотиваций», у Аси перешло уже в твердую *уверенность*. «Или Вы думаете, что от безделья Боря Вам столько писал». «Остается пожалеть, что Вы их не прочли».

3) В том же самом письме от 7/20–II, где стоит фраза «Чего Вы беспокоитесь» и где в то же время указывается, что «Мусагет не может высылать Вам сириновскую сумму», я пишу: «знаю лишь одно, что я не советовал Вам оставаться в Берлине и вовсе не обнадеживал Вас, что дело с Терещенко все равно что покончено». «Я не скрывал, что предстоит ряд переговоров, что надо ждать». Из этого две недели тому назад написанного письма (вполне «заблаговременного», чтобы решить, что́ делать) Ася усвоила себе только одно, будто я написал (и притом чересчур поздно) «не я же Вас задерживал в Берлине и искали бы себе деньги сами». На такое искажение буквенной фактической и смысловой стороны моих писаний я не знаю даже, что сказать. Замечу лишь, что к подобным грубым оборотам «искали бы себе деньги сами» я бы никогда не имел духу прибегнуть даже теперь, когда снова обижен Вами обоими. —

Гомерический хохот раздался бы среди нормальных людей (не взвинчивающих себя *преждевременно* на высшие планы), если бы после прочтения всех моих писем Вам и Терещенке прозвучали бы упреки Аси в «неясности» и «нечеткости» моих письменных заявлений. ———————

РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 7. Л. 49–61. Текст — в копировальной книге Э. К. Метнера.

[1] Текст упомянутой телеграммы Блока Белому неизвестен. В дневниковой записи от 15 февраля 1913 г. Блок передал мнения М. И. Терещенко и, видимо, его сестер: «Не хотят издавать *всего* А. Белого — до 30-ти томов! („топить и его и себя“). Очень не нравится начало романа („Петербург“) в том виде, как набрано у Некрасова. Не нравятся также путевые заметки» (*Блок Александр*. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. С. 220). О принятых решениях Блок

сообщает в записи от 21 февраля: «19 февраля — днем в „Сирине". Решение относительно А. Белого (собрания не издавать, романа ждать, „Путевые заметки" — отдельной книгой)» (Там же. С. 222).

[2] Предположение о «разговоре с Брюсовым» едва ли имеет под собой реальную почву: в середине февраля 1913 г., когда Терещенко возвратился в Петербург, Брюсов в столицу не приезжал; подозревать, что руководители «Сирина» заранее негативно отнеслись к идее издания собрания сочинений Белого, нет достаточных оснований. 20 февраля 1913 г. Метнер написал Блоку (приведя в тексте цитату из телеграммы Терещенко): «А вот что собрание сочинений Бугаева „Сирин, подробно обсудив, не может *теперь* издавать", это — весьма не „подлинный" поступок (если только слово *теперь* не означает временного откладывания; я склонен в нем видеть дипломатический отказ навсегда); Терещенко в Москве говорил со мною так, точно весь вопрос в формальностях и деталях, а по существу он давал полную надежду на „переход" (как он выражался) Бугаева, также как и Блока, из *Мусагета* в *Сирин*... Чую здесь интригу Брюсова... <...> Дорогой Александр Александрович! Ратуйте за Бугаева. Право нехорошо, если он будет обойден полным собранием. Это страшно несправедливо. <...> Право, меня глубоко возмущает отсутствие чутья к *рангу* Бугаева. Можно не соглашаться ни с единой его строкой, но не видеть огромности этого русского Жана Поля и русского Новалиса и русского Hamann'а — значит быть... напрасно образованным. Романиста, которого немецкие критики сравнивают с Гоголем, надо печатать с закрытыми глазами» (Александр Блок. Исследования и материалы. СПб., 1998. С. 216–217). Блок по этому вопросу не выразил полной солидарности с Метнером; 9 марта 1913 г. он отвечал ему: «Что касается „полного собрания" Бугаева, то „*Сирин*" не хочет *вообще* издавать полных собраний писателей незавершенных. Вы знаете, что Брюсова, а кажется, и Сологуба нельзя к таким причислить. <...> А по существу, неужели Вы думаете, что сейчас необходимо издать полное собрание А. Белого, т. е. 20–30 томов? — Я не согласен с этим, думаю, это не было бы хорошо и для него; тем более, что материальная сторона дела теперь выяснилась» (*Фрумкина Н. А., Флейшман Л. С.* А. А. Блок между «Мусагетом» и «Сирином» (Письма к Э. К. Метнеру) // Блоковский сборник. II. С. 394).

[3] См. п. 274, примеч. 1.

[4] Этот разговор Метнера с Терещенко состоялся 23 или 24 января 1913 г. (см. п. 284, примеч. 6).

[5] См. примеч. 25 к п. 279.

[6] Подразумеваются теоретико-философские, критико-публицистические и «лирические» статьи Белого.

[7] Имеется в виду п. 291.

[8] См. п. 278.

[9] Имеется в виду п. 279.

[10] Имеется в виду п. 280.

[11] Имеется в виду п. 282.

[12] Имеется в виду п. 285.

[13] Имеются в виду п. 286 и 288.

[14] См. п. 290.

[15] См. п. 291, примеч. 5.

[16] Имеется в виду п. 272 (см. преамбулу к примеч.).

[17] Имеется в виду п. 294.

[18] Т. е. п. 291 (выше Метнер указал другую дату получения).

[19] Приводим текст этого (недатированного) письма А. Тургеневой (в конверте с надписью: «Прошу доставить немедленно»):

Милый Эмилий Карлович.

Боря с мигренью, очень устал и потому просит меня написать вам.

Дело в том, что мы действительно очень огорчены, так как в тот момент, когда нам меньше всего можно ехать в Россию, нам ехать приходится, и совсем неизвестно, какие из этого могут выйти последствия.

Когда Боря написал свое «вопиющее» декабрьское письмо к Ахрамовичу и вам и вы взялись вести переговоры с Сириным, то мы поняли из ваших писем, что ввиду того, что долг Мусагету Сирин уплотит, Мусагет сможет за время переговоров высылать Боре денег. Или мы ошиблись и вы этого не писали? Но насколько я помню, вы это писали.

Наше мнение подтвердилось посылкой 333 руб. (и даже, кажется, 33 копейки) — т. е. суммой, хоть идущей из Мусагета, но столь сириновской, что мы подумали, что вы послали именно эту сумму, чтобы легче было потом причесть ее к Сирину.

И тон писем — что все благополучно, не беспокойтесь, сидите и работайте — это подтверждал. Но Боря беспокоился, по-моему напрасно, и написал вам, кажется, 5<?> посланий, в которых, конечно, очень многое лишнее, но, как видно теперь, остается пожалеть, что вы их не прочли. Так как если бы прочли, то поняли бы, в какое ужасное положение мы поставлены сейчас. И предупредили бы нас при первой же посылке денег, что второй не будет. Или вы думаете, что от безделья Боря вам столько писал? И если он и тратил ваше, т. е. не ваше, так как вы не читали, но свое время, то — от беспокойств, кот<орые>, к несчастью, слишком оправдались. Простите, если я немного сержусь, то не на вас, а потому, что нам действительно трудно. Но продолжаю.

Ваши письма были далее, что хоть с Сириным и затруднения, но все более или менее благополучно, и мы надеялись. Наконец, в предпоследнем вашем письме, когда был крайний срок знать о марте, вы ничего не пишете о деньгах, но только — не я же вас задерживаю в Берлине — и — искали бы себе деньги сами. Но, Эмилий Карлович, когда Боря написал «вопиющее»

письмо Ахрамовичу, что он нигде сам ничего устроить не может и просит помощи — не вы ли попрекнули Борю, что письмо написано не к вам, и так хорошо взялись вести его дела с Сириным.

И в последнем письме такой поздний отказ, и отчего не прямой? Разве вы не знаете, что — отказ, когда остается еще какое-то сомненье, — гораздо болезненней?

И вот мы уезжаем с мучительной мыслью, что, может быть, мы не так поняли и что с Сириным не рас<с>троилось и деньги — к 13 марту нов<ого> ст<иля> будут. И — если действительно это было бы, так то какая обида. И как вы не увидели, не поняли, что так поступить — больней самой злой насмешки. Отчего вы не предупредили ясно и четко заранее.

Мы не сердимся. Мы боимся тех ужасных последствий вполне реальных, которые могут из этого произойти, — и горюем, что самые близкие друзья могут — бессознательно — нас к ним подвести. Но, видно, тут карма.

Боря беспокоится, что Путевые заметки начнут печататься, между тем он много раз просил выслать ему «Современник» с «Египтом», и никто не отвечает, между тем он даже не знает, полностью ли он напечатан. Рукопись «Радеса» у него, но ее никто не спрашивал.

Вы пишете — «высылайте скорей рукопись романа Сирину», но 1) адреса Сирина он не знает,

2) 2 последних главы, как он уже писал, только у Некрасова.

3) Первые три главы он выслать может тотчас, но — Терещенко говорил ему: спокойно их перерабатывать в течение — месяца или 1½. Но Боря беспокоился очень и работал поэтому мало. — Вполне закончена 1 глава. Над 2-ой и 3-ей лучше бы еще поработать недели 2–3. Но выслать можно.

Ну прощайте, Эмилий Карлович, верьте, что мы не сердимся и любим вас и нам только больно. Очень боюсь, что вы не так что-нибудь поймете в моем письме.

Если паче чаянья все благополучно — и на март вы деньги пришлете, то пришлите телеграмму, мы тут до понедельника вечером.

Впрочем, мы и не надеемся.

Ну всего хорошего. Может, увидимся в Боголюбах.

Ася.

Высылая рукопись сейчас — Боря упускает случай отдать дубликат для перевода с рукописи на немецкий, что отозвалось бы на гонораре. Переписывать — ему нет времени, а на ремингтон он ждал, что устроится с Сириным, да и Терещенко не говорил, что так скоро ее потребует. Всего хорошего.

(РГБ. Ф. 167. Карт. 3. Ед. хр. 27. В тексте упоминаются фрагменты из первоначальной редакции «Путевых заметок» Белого — очерк «Египет», опубликованный в журнале «Современник» (1912. № 5–7), и очерк «Радес». Понедельник — 25 февраля (10 марта) 1913 г.).

[20] *Имеется в виду п. 262.*

296. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

20 марта 1913 г. Боголюбы

Дорогой Эмилий Карлович!

Верьте, я глубоко благодарен Вам за Вашу помощь в деле с Книг<оиздатель>ством «*Сирин*».

Зная по опыту, как тягостны подобные дела, я никогда не забуду Вашей дружеской услуги и помощи.

Я не считаю возможным отвечать Вам на Ваше последнее письмо[1], так как ответ мой мо́г бы вызвать опять бесконечно сложную и изнурительную переписку, нарушающую мирное течение наших жизней, нужное мне столь же, сколь и Вам (особенно в эти месяцы, ибо я должен к маю закончить роман[2], т. е. писать решающие и ответственные места его, а в таких случаях мне особенно нужна душевная гармония). Согласиться же и принять все места Вашего письма без насилия над собой, с естественностью, не могу.

А душой кривить не хочу.

Надеюсь, что при личном свидании все разъяснится.

Я написал в «*Сирин*» о возвращении 333 рублей февральских «*Мусагету*». Обо всем деловом, касающемся и «*Мусагета*», и «*Сирина*», напишу В. Ф. Ахрамовичу.

Еще раз спасибо — от души.

Примите уверение в совершенном уважении и преданности.

Борис Бугаев.

Боголюбы. 1913 года. 20 марта.

P. S. В Москву вряд ли приеду. Здесь, вероятно, до середины лета[3]. Всем Вашим привет.

РГБ. Ф. 167. Карт. 3. Ед. хр. 12.

[1] Имеется в виду п. 295.

[2] Это намерение осуществить не удалось. 8-я, заключительная, глава и Эпилог романа «Петербург» были завершены лишь в ноябре 1913 г.

[3] В Боголюбах Белый и А. Тургенева прожили с марта по июль (ст. ст.) 1913 г., при этом в мае предприняли поездку (через Петербург) в Гельсингфорс на курс лекций Штейнера «Оккультные основы Бхагавадгиты» (15 (28) мая — 25 мая (5 июня)), на обратном пути посетили Демьяново (Клинский уезд Московской губ.) с заездом в Москву.

297. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

15 апреля 1913 г. Боголюбы

Христос Воскресе![1]

Радости, счастья и — всего, всего светлого.

Борис Бугаев.

Ася.

РГБ. Ф. 167. Карт. 3. Ед. хр. 13. Датируется по почтовому штемпелю.

[1] Пасха в 1913 г. — 14 апреля.

298. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

23 апреля (6 мая) 1913 г. Имение К. В. Осипова

Траханеево 23-IV / 6-V 913.

Воистину Воскресе!

Дорогой Борис Николаевич!

Отзываюсь так поздно, потому, что письмо Ваше не сразу получил, сидя в деревне, и ввиду случайности и редкости почтовых сношений со станцией не тотчас мог ответить. Желаю и Вам с Асей всего светлого.

Ваш ответ (на мое последнее письмо от 21/II)[1] оставил без возражений, так как и сам *думаю*, что, если нам суждено понять друг друга и поладить, то не через письма, хотя вообще я лично не одного с Вами мнения о переписке и полагаю, что согласие, водворенное путем обмена письмами, прочнее, нежели путем устной беседы, всегда валкой в формулятивном отношении и потому годной лишь для уже согласных. *Думаю* же сейчас иначе, ибо хочу верить вопреки всему.

Ваш Э. Метнер.

P. S. Так был занят и расстроен, что никому не писал *специально* к празднику.

РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 7. Л. 76. Текст — в копировальной книге Э. К. Метнера.

Ответ на п. 296 и 297.

[1] Имеется в виду п. 296.

299. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

8 (21) мая 1913 г. Имение К. В. Осипова

Траханеево на Клязьме 8/21-V-913.

Дорогой Борис Николаевич!

Алексей Сергеевич, кот<орый> передаст Вам это письмо[1], сумеет, конечно, и передать Вам весь контекст к нему; он 1½ дня проговорил со мной перед отъездом, да и раньше мы с ним касались всех «животрепещущих» вопросов; я твердо убежден, что с комментариями Алексея Сергеевича это мое письмо не покажется Вам сухим и недоброжелательным. Его краткость и канцеляризм только от усталости и от недосуга. Имею два пункта.

1) Чтобы раз навсегда решить в своей совести по крайнему своему разумению вопрос о своем подходе к Штейнеру, я перечитал все, что он пишет о Гёте[2], ибо для меня это — пробный камень; отвергающий или лжетолкующий Гёте не может быть моим водителем на высших планах, т<ак> к<ак> я считаю Гёте величайшим человеком нашей планеты, средоточием и идеалом человечности, воплощением человеческой мудрости. *Если бы* я считал Христа человеком (я считаю его сыном Божьим), то сказал бы, что после Христа Гёте, а *все* остальные гораздо меньше обоих. — Штейнер совершенно не понял центрального в Гёте и в своих сочинениях просто использовал его для своей идеологии. — Штейнерского Гёте не приемлю и испытываю чувство, словно читаю о Христе Давида Штрауса[3]. Чтобы зафиксировать только что пережитый важный момент своего духовного развития, я *написал* брошюру о Гёте по поводу взглядов на него Штейнера[4]. Чтобы показать друзьям и недругам своим и чужим, какого мнения держится один из членов Мусагета о проблеме Гёте — Штейнер, чтобы показать, что Мусагет вовсе не всецело штейнерьянский, как кругом все начинают думать; чтобы показать, что наступил момент, когда надо выдвинуть Гёте, как критерий тому, что делается и положительного и отрицательного в современности, я бесповоротно решил свою брошюру немедленно напечатать. Вместе с тем думаю, что эта брошюра явится испытующим ударом по нашему соединству, именуемому

Мусагетом. Если оно расколется, то Мусагет погиб; но это — неважно; выяснится, что никакого соединства не было, а была лишь иллюзия; окажется, что не было такой несказанной идеи, которая, вопреки всем разногласиям, объединяла Вас, Эллиса, меня и других. — Если же Мусагет от этой брошюры не расколется, то, стало быть, он более прочен, чем все мы это думаем[5]. — Разумеется, я предоставляю Вам и другим *мусагетским* теософам право ответить мне брошюрой или статьей в Трудах и Днях. — И вообще допускаю, что брошюра о штейнерьянстве, не имеющая характера прокламации, а трактующая вопрос хотя и с горячей симпатией к Штейнеру, но дельно строго, вполне возможна в Мусагете после моей брошюры. —

2) В конце текущего года можно было бы издать Ваши стихотворения (по крайней мере, Пепел) и первые три симфонии[6]. Это покрыло бы хотя отчасти Ваш долг, о котором ввиду отчетности я не могу умолчать перед издателями. Я прошу Вас выяснить решительно вопрос с Сирином об издании хотя бы художественных Ваших произведений уже теперь. В противном случае, если Сирин не намерен вовсе или откладывает, мы приступим к изданию при первой возможности. Вас прошу приготовить в свободное время, но не откладывая *очень*, стихи и симфонии, о чем снеситесь с Ахрамовичем. —

Надеюсь, что Вы получили мое письмо от 23–IV / 6–V 913? Что Вы, вопреки своему убеждению (которого я, как знаете, не особенно так придерживаюсь) и вере в магичность *устной* беседы, решили не заезжать в Москву, меня несколько удивило. На днях я выезжаю за границу до июля, так что мы увидимся нескоро. Желаю Вам и Асе всего лучшего.

Любящий Вас Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 7. Л. 86–89. Текст — в копировальной книге Э. К. Метнера.

[1] А. С. Петровский должен был встретиться с Белым в Гельсингфорсе на курсе лекций Штейнера (см. примеч. 3 к п. 296).

[2] С введением, примечаниями и толкованиями Штейнера были изданы естественно-научные труды Гёте: Goethes naturwissenschaftliche

Schriften. Von Rudolf Steiner mit Einleitungen, Fußnoten und Erläuterungen im Text herausgegeben. Berlin; Stuttgart, 1884–1897 (1. Auflage in «Deutsche Nationalliteratur». Historisch kritische Ausgabe, hrsg. von Joseph Kürschner. Bd. 114–117); Herausgabe von Goethes naturwissenschaftlichen Schriften Weimarer Sophien-Ausgabe: II Abtlg. Bd. 6–12, 1891–1896. Штейнеру также принадлежат работы: «Grundlinien einer Erkenntnistheorie der Goetheschen Weltanschauung mit besonderer Rücksicht auf Schiller, zugleich eine Zugabe zu Goethes naturwissenschaftlichen Schriften in Kürschners Deutscher Nationalliteratur» (Berlin; Stuttgart, 1886; русский перевод (1915): *Штейнер Рудольф.* Очерк теории познания Гётевского мировоззрения, составленный, принимая во внимание Шиллера: (Одновременно дополнение к «Естественно-научным сочинениям» Гёте в Кюршнеровском издании «Немецкая национальная литература») / Разрешенный автором перевод Н. Боянуса. М., 1993); «Goethe als Vater einer neuen Ästhetik» (Wien, 1889; Sonderabdruck aus der Zeitschrift «Deutsche Worte»); «Goethes Weltanschauung» (Weimar, 1897; русский перевод: *Штейнер Рудольф.* Мировоззрение Гёте. СПб., 2011); «Goethes geheime Offenbarung» (Berlin, 1899; Sonderabdruck aus «Das Magazin für Litteratur»; русский перевод А. Ярина («Духовный склад Гёте сквозь призму сказки о змее и лилии») в кн.: *Гёте Иоганн Вольфганг.* Тайны. Сказка; *Штайнер Рудольф.* О Гёте. М., 1996. С. 148–171); «Goethes Faust als Bild seiner esotherischen Weltanschauung» (Berlin, 1902; русский перевод А. Р. <Минцловой> («„Фауст" Гёте как изображение его эзотерического мировоззрения»): Вопросы Теософии. 1907. № 1; перевод А. Ярина в указанной выше кн., с. 87–126). Заметки Метнера о чтении работ Штейнера о Гёте относятся к ноябрю — декабрю 1912 г. (*Лагутина И. Н.* Гёте в неопубликованных дневниках и письмах Э. К. Метнера: К проблеме жизнетворчества в русском символизме // Russian Literature. 2015. LXXVII-IV. С. 442).

[3] Имеется в виду труд Давида Фридриха Штрауса «Жизнь Иисуса» («Das Leben Jesu», t. 1–2. Tübingen, 1835; 4. Aufl. — 1840); в нем прослеживались в евангелиях следы ненамеренного мифотворчества, возникшего после смерти Иисуса.

[4] См.: *Метнер Эмилий.* Размышления о Гёте. Кн. I. Разбор взглядов Р. Штейнера в связи с вопросами критицизма, символизма и оккультизма. М.: Мусагет, 1914. Книга вышла в свет в первой половине августа 1914 г.

[5] В письме от 8 (21) июля 1913 г. Петровский информировал Метнера: «Б. Н. встретил известие о Вашей книге приблизительно так же, как и я, и ничего не имеет против появления ее в Мусагете. Думаю, что так же отнесется и Лев <Эллис. — *Ред.*>. Мы ощущаем различие между *Вашей* книгой и трепаньем этой темы (увы, возможным и близким) Степпунами и К°» (РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 35).

[6] Издание в «Мусагете» книги стихов Белого «Пепел» и его «симфоний» не состоялось.

300. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

27 июля (9 августа) 1913. Пильниц

Pillnitz — Elbe Am Hausberg 27/VII-9/VIII 913.

Дорогой Борис Николаевич!

Надеюсь получить от Вас в скором времени статью* для *Тр<удов> и Д<ней>*, покинутых двумя из их основателей, Вами и Вячеславом[1].

Кроме того, очень прошу приготовить к печати хотя бы первую и вторую симфонию. Или Вы предпочли бы начать со стихов?[2]

Жму Вашу руку.

Ваш Э. Метнер.

P. S. Едва написал это, как пришло письмо Петровского, где он впервые сообщает мне о Терещенке[3]. Очень прошу Вас немедля решительно запросить Сирин о том, будет ли он печатать Вас и сколько он даст Мусагету «откупного»; иначе (если он не ответит сейчас же) придется к набору симфоний или стихов (что сначала?) приступить нам, т<ак> к<ак> надо хоть отчасти оправдать аванс.

Жму Вашу руку.

М.

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 11.

На обороте — карандашные записи Белого (указания адресов в Норвегии): «Ljan Fran Helmguiden. Hôtel-pension Hammer. Doktor Moenichen Midtsluen Holmenkollen. Anne Kures <?> Sanatorium Voksenkollen».

[1] После 1912 г. Белый в «Трудах и Днях» не участвовал, Вячеслав Иванов опубликовал там статью «О границах искусства» (1914. Тетрадь 7. С. 81–106).

[2] См. п. 299, примеч. 6.

[3] Речь идет о письме А. С. Петровского от 23 июля (5 августа) 1913 г., содержавшем отклик на письмо Метнера к В. Ф. Ахрамовичу и, в частности, на вопрос, «набирают ли симфонии и стихи Белого»: «Это дело в следующем положении: когда я ехал в Гельсингф<орс>, Вы говорили мне, чтобы я переговорил с Бор<исом> Ник<олаевичем> относительно состояния переговоров с Сирином об издании его худож<ественных> произведений.

---

* О чем хотите, хотя бы о мистериях Штейнера. (*Примеч. Метнера*).

Я говорил с ним — оказывается, что, когда он был в Петербурге, Терещенки не было и Ив<анов>-Раз<умник> ответил, что дело это решится осенью. Имел ли Бор<ис> Ник<олаевич> дальнейшие известия об этом, я не знаю, и просил Вит<ольда> Фр<анцевича> написать ему об этом. Впрочем, я на днях увижу его в Мюнхене. Я передавал Бор<ису> Ник<олаевичу>, что в случае отрицат<ельного> исхода с Сирином Мусагет заинтересован в поспешном издании их. Но приступать к набору, по ходу дела, как видите, пока было нельзя» (РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 35).

301. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

19 августа (1 сентября) 1913 г. Пильниц

Пилльниц 1/IX–19/VIII 913.

Дорогой Борис Николаевич!

Несколько недель тому назад я отправил Вам (через Мусагет, ибо не знал Вашего адреса и думал, что его знает Ахрамович) письмо, в котором прошу Вас как можно скорее выяснить вопрос о том, будет ли *Сирин теперь уже* издавать Ваши художественные произведения[1]. Повторяю свою просьбу, настойчивость которой объясняется тем, что по весьма сложным деловым соображениям редакции необходимо *как можно скорее* знать о решении этого вопроса Сирином, вследствие чего, думается мне, можно было бы и поторопить Терещенко. — Кроме того, прошу Вас ответить мне, можете ли Вы уделить часть времени на приготовление к печати симфоний (I, II, III) и стихов, на новые предисловия, правку и т. п., уже начиная с осени? Далее, в случае приступа к печати Ваших произведений в Мусагете, желательно знать Ваши намерения относительно шрифта, бумаги, формата. (Обложек, конечно, не будет, т<ак> к<ак> это — *вторые* издания). Спасибо за сердечный привет от Вас, кот<орый> мне привезла Мариэтта Сергеевна[2]. Эта странная и даровитая девушка как-то особенно глубоко поняла все существенное, что мне удалось намеками дать в моей книге[3] и в моих статьях. Ее отзывы (устные, письменные и печатные) обо мне вскрыли большую близость ее подходов ко многим вопросам с тем, как смотрю я. Обнимаю Вас. Привет Анне Алексеевне. Ваш Э. Метнер.

P. S. Уведомьте меня о Ваших последующих адресах.

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 11.

Отправлено по адресу: München. Schellingstr., 87. Pension Pinakothek.

[1] Имеется в виду п. 300.

[2] М. С. Шагинян. В «Материале к биографии» Белый вспоминает об августе 1913 г.: «С середины августа начинается курс Штейнера „*О мистериях*" (8 лекций) <...> Во время курса в Мюнхен приезжает М. С. Шагинян, очень дружащая с Метнером; и через нее налаживается смягчение отношений между мной и Метнером; с Метнером мы обмениваемся письмами <...>» (ЛН. Т. 105. С. 138).

[3] Подразумевается книга статей «Модернизм и музыка».

302. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

23 августа (5 сентября) 1913 г. Мюнхен

Дорогой Эмилий Карлович!

У нас и у Маргариты Васильевны[1] одновременно пришла мысль послать Вам телеграмму; мы как-то были почти уверены, что Вы не приедете к нам; но, все-таки, если бы у Вас был досуг и настроение приехать, мы были бы чрезвычайно обрадованы; мне давно, давно страшно хочется Вас видеть, хотя бы только для того, чтоб пожать Вам руку и сказать, что, несмотря ни на какие идейные и житейские расхождения (деловые), я Вас люблю, уважаю; и не было за это время дня, чтобы я внутренне не говорил с Вами (соглашался или, наоборот, спорил); что бы ни было между нами за эти два года, я измеряю отношения наши не этими двумя годами, а десятилетием. Да и кроме того: я ставлю на одну чашку весов все незабываемое, что было вместе пережито, познано, обсуждено, а на другую бросаю несколько десятков писем и вижу, что перевешивает первая. Словом, я очень, очень Вас люблю. Вы пишете, что постараетесь со мной повидаться[2]; я спешу прийти Вам на помощь; мы едем в Христианию[3], откуда вернемся либо в Берлин, либо в Базель в середине немецкого октября; Вы, вероятно, к тому времени вернетесь в Россию. И стало быть: мы опять *на год* разъедемся. Между тем, мы проедем чрез Дрезден; и стало быть, всего удобнее встретиться нам в Дрездене (остановиться на день, два и увидеться с Вами)[4]; уезжаем мы послезавтра, утром; в Дрездене, стало быть, будем

мы в воскресенье к вечеру[5]; тотчас же телеграфируем Вам оттуда. Или еще лучше — так: мы выезжаем из Мюнхена в 7 часов утра или в 8 ч. 25 минут утра с поездом, идущим в Дрезден через Регенсбург. Стало быть, часа от 1 *до* 2-х мы будем в Дрездене (посмотрите в путеводителе); может быть, Вы встретите нас на Мюнхенском вокзале или пришлете на вокзал телеграмму, где нам встретиться; в случае, если письмо это до воскресенья не поспеет дойти, мы тотчас телеграфируем; мы можем пробыть в Дрездене maximum 2 дня[6].

Остаюсь сердечно любящий Вас Б. Бугаев.

От Аси привет.

РГБ. Ф. 167. Карт. 3. Ед. хр. 14. Датируется по почтовому штемпелю отправления: München. 5. IX. 1913.

[1] М. В. Сабашникова. См. статью К. М. Азадовского «Маргарита Сабашникова и Эмилий Метнер» в кн.: *Азадовский Константин.* Серебряный век: Имена и события. СПб., 2015. С. 399–419.

[2] Это письмо Метнера к Белому не выявлено.

[3] В Христиании с 1 по 6 октября (н. ст.) 1913 г. Штейнер читал курс лекций «Из хроники Акаши: Пятое Евангелие».

[4] Пильниц (селение и замок на Эльбе), место проживания Метнера в это время, находится близ Дрездена (к юго-востоку от города; в прошлом — летняя резиденция саксонских курфюрстов).

[5] Воскресенье — 7 сентября (н. ст.)

[6] В «Материале к биографии», описывая сентябрь 1913 г., Белый сообщает: «...мы едем в Дрезден, где встречаемся с Э. К. Метнером и его хорошей знакомой Людвиг <*так!*>; с ними проводим несколько дней, осматриваем Дрезден, присутствуем на представлении „*Тристана и Изольды*“, дружески прощаемся с Метнером и отправляемся через Берлин в Христианию <...>» (ЛН. Т. 105. С. 138. В тексте — ошибка памяти; согласно свидетельству Метнера (см. п. 305), в Дрезденской опере он, Белый и, видимо, А. Тургенева и Х. Фридрих были на представлении «Валькирии» Вагнера, которая исполнялась 8 сентября). Ср. сообщение в письме Метнера к Н. П. Киселеву от 31 августа (13 сентября) 1913 г.: «С Бугаевым встреча была приветливая и сердечная и была бы такой в большей мере, если бы не присутствие Аси, кот<орая> не оставила нас ни на минуту одних. Ася совершенно подчинила себе Бугаева: до смешного! <...> Вместе были в Опере на *Валькирии*. Провели три дня. О наших деловых и личных недоразумениях речи не было» (приведено в статье А. Л. Соболева «Андрей Белый и Н. П. Киселев»; см.: Арабески Андрея Белого: Жизненный путь. Духовные искания. Поэтика. Белград; М., 2017. С. 33).

303. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

31 августа (13 сентября) 1913 г. Льян

Милый, милый друг!

Спасибо Вам за те радостные два дня, которые мы провели вместе[1]. Они мне многое рассказали из такого, что я бы вовсе не понял из писем. Вместе с тем я невольно задумался над тонусом Вашего противления Доктору и его идеям. Верьте: *тонус* этого противления, хотя я его, конечно, не могу разделить, я понимаю, принимаю и уважаю; он звучит благородно и из внутреннего источника. В той же мере, в какой нападения на Д<окто>ра Рачинского, Булгакова мне отдают изуверством, нападения Бердяева — хаотизмом, Мережковского → слепотой злого холода, Блока — «оставьте вязнуть меня в трясине» или что то же: «меня надо повесить» — в той же мере из всех противлений Д<окто>ру Ваше противление мне понятнее, ближе всех, хотя бы уже потому, что многое из того, что Вы говорили, я переживал и подчас переживаю сам. Только я научился *объективировать* мои бунты, запросы, требования и т. д., раз навсегда учтя, что их перевешивают непередаваемые в словах мои доверие и, главное, любовь к Д<окто>ру и вера в его провиденциальность. Стало быть, Ваш язык нападений мне радостно-близок; и до каких бы Вы резкостей не доходили по адресу Вам несимпатичных штрихов штейнерианства, я теперь понял: они будут варьяциями, преувеличениями того основного *тонуса*, который я скорее почувствовал, чем понял, когда Вы заговорили об *элементах* и об отношении к *элементам*. Если случится у Вас досуг, напишите мне Ваше отношение к тому, что Вы называете элементами, или развейте в статье, письме, черт возьми, *книге* то, что Вы называете элементами.

Милый, милый: когда в «Валькирии» звучала тема Вольфингов[2], я был с Вами, думал о Вас — Вы ли Вольфинг! И ответ был «*хотя отчасти, но... нет*»: судьба Ваша в Ваших руках. О, сколько у Вас потенциально сил *еще* (может быть, через несколько лет это изменится, и тогда — Вольфинг, может быть — наоборот: и тогда — открыватель путей); вот ведь в чем сила: Вы — нужный; и не только нам, друзьям, а и вообще всем лучшим людям:

объективно нужный; и не Вы, Эмилий Карлович Метнер, а то, что как lebendige Kraft* подымается в Вас, и что есть «*старинный друг*», а также «*Христианство без Христа шло с севера на юг, когда Иисус шел с юга на север*». Северные снежинки в октябре — лейт-мотив, сопровождавший наше общение в 1902 году и мне на всю жизнь нечто открывший: «*христианство шло с севера на юг*» и → первая тема ненаписанной сонаты: «*Старинный друг, к Тебе я возвращался*»[3]; вторая тема: «*уйдете вы в свои могилы оба*»[4]; наконец, соприкосновение тем: «*Гроб распахнулся: завизжала скоба…*[5] *Две ласточки к Спасителю на плечи уселися…*»[6].

Это было до явления в Палестине; *это было* всегда.

Если было, то будет; если будет, то есть: вот миру всем.

---

*Абсолютно приватно***:

Да: Вы — культура; культура же — вот что такое; когда в 12 столетии наметилась трещина между миром и пока еще *святыми* будущими францисканцами, когда кристаллизировалась св. Кровь в Граале и причастие, как *ens realissima****, превратилось в силу этого лишь в символ, перестало быть магическим актом, то Христиан Розенкрейц[7] вышел после совета белой *ложи* в мир с попыткою в последний раз перекинуть мост между *крестом* и миром; и — распустилась Роза; появились трубадуры, лирика, роман, словом, милое *и вечное во все времена*[8]; и вот: кто-то *первый* услышал *весть розы* в месте, обреченном на гибель; между нюренбергским монахом, припугивающим Железной Дамой, и пьяницей бюргером (в Нюренберге старинные кабачки) *вдруг* возник кто-то: и сказал: «Э, позвольте!» Дело не так просто; тогда-то между *кабаком* и *дыбами* св. Инквизиции возникло *третье*; это третье — было *культурою*, т. е. той землей, куда мог Хр. Розенкрейц посадить *розу*, цветок («*Gefunden*» Гёте[9]). Роза хотя и чахло, но привилась; черта между двумя половинками мира: Кабак | Дыба превратилась в землю культуры; с точки зрения психологии *кабатчика*, как и *монаха*, — с точки зрения обоих произошел скандал: оба попали на задворки, отступая перед *третьим*:

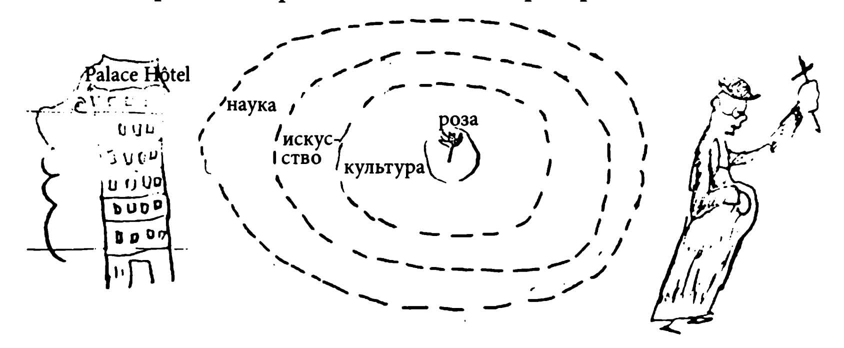
---

* Жизненная сила (*нем.*).

** *Фраза написана на полях, по левому краю последующего текста.*

*** Реальнейшее сущее (*лат.*).

В центре этого третьего еще может раскрыться Роза.



Что бы мог сделать Христиан Розенкрейц, если бы между *кабаком* и *дыбами* кто-то первый не воскликнул: «Э, позвольте: еще не все решено, не все спасено, не все сожжено, не все пьяно, еще много радостей осталось для людей...»[10]. Этот, кто «*ging im Walde*»[11] и относительно кого впоследствии можно будет сказать, что он «*Gefunden*» — т. е. тот, к кому протянуты руки Хр. Розенкрейца, — этот первый культур-Schöpfer* есть Э. К. Метнер, «*старинный друг*» с его «*христианство шло с севера на юг*»; а *lebendige Kraft* есть предвкушение эликсира жизни; пока в мире есть Метнер, мир не провалится: Метнер *нужен*, от его судьбы зависит судьба истории.

Милый друг, простите за этот набор слов.

Наш адрес или: Norwegen (Norce). Kristiania. Herrn Boris Bugaïeff (до 6 октября н. ст.). Или: Norwegen (Norce). Kristiania-Ljan. Pensionat Heim. Herrn Dr. Boris Bugaïeff.

Ася шлет сердечный привет.

Б. Бугаев.

Fr. Hedwig'e[12] наш привет и уважение.

---

* Творец (*нем.*).

РГБ. Ф. 167. Карт. 3. Ед. хр. 15. Датируется по почтовому штемпелю отправления: 13. <*нрзб*>. Над текстом карандашная помета рукой Метнера: «после дрезденского свидания (сентябрь 1913)».

[1] См. примеч. 6 к п. 302.

[2] Подразумевается дуэт Зигмунда и Зиглинды в конце первого акта оперы Р. Вагнера «Валькирия».

[3] Начальная строка первого стихотворения цикла «Старинный друг» (1903), посвященного Э. К. Метнеру (*СП — 1*. С. 137).

[4] Строка из того же стихотворения (Там же. С. 138).

[5] Строка из пятого стихотворения цикла «Старинный друг» (Там же. С. 140).

[6] Неточная цитата из четвертого стихотворения того же цикла; в оригинале: «Две ласточки с любовным трепетаньем // уселися к Спасителю на плечи» (Там же. С. 139).

[7] См. примеч. 32 к п. 278.

[8] См. примеч. 20 к п. 31.

[9] Стихотворение Гёте (см. примеч. 4 к п. 47), положенное на музыку Н. Метнером (ор. 6, № 9).

[10] Вариация фразы из части четвертой «Симфонии (2-ой, драматической)»: «Без слов передавали друг другу, что еще не все потеряно, что еще много святых радостей осталось для людей...» (*Симфонии*. С. 145).

[11] «Шел по лесу» (*нем.*) — цитата из стихотворения Гёте «Im Vorübergehn» («Мимоходом»; см. п. 15, примеч. 18), положенного на музыку Н. Метнером (ор. 6, № 4).

[12] Хедвиг (Ядвига) Фридрих.

304. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

9 (22) сентября 1913 г. Льян

Льян[1]. 22-го сентября 1913 года.
Норвегия.

«И злую жизнь — насмешкою незлою
Хотя на миг один угомони!»
В. Соловьев[2].

Дорогой друг!

С радостью прочел Ваше письмо[3]; спасибо! Спасибо за оттиски статей; жду все благоприятной, свободной от обязательств полосы, чтобы основательно приняться за разбор Ваших

произведений; все, что Вы пишете, имеет большой удельный вес; и — не так-то легко писать о Вас. Мысль написать большую статью или небольшую монографию давно не дает мне покоя — не как долг, а как движение сердца, как заглазный разговор с другом — у себя самого, за письменным столом. И именно оттого, что хочу давно писать на затронутые Вами темы, не писал ничего о Вашей книге; хочется писать комфортабельно и уютно, из свободы, досуга и лени; хочется статьей *справить пир*, а не... «*строчить разбор*»; оттого и не пишу; Ваша книга будет предлогом к этому моему пиру[4].

Спешу Вам сообщить следующее: получил телеграмму от «*Сирина*». Вот текст ее: «Извиняемся опозданием ответа; Сирин охотно переиздаст стихи и роман; вопрос о симфониях просим отложить до выяснения издательских обстоятельств будущего года»[5]. Итак: *Симфонии* охотно готов перепечатать в *Мусагете*. Что касается романа, то не понимаю, о каком романе идет речь: «*Голубе*» или «Петербурге»? Пересмотрю симфонии (все три имеются у меня[6]) по возвращению из Норвегии (с собой здесь их нет).

Вот — о делах.

Милый друг, когда Вы мне предложили написать о мистериях Доктора[7], я в душе отказался 1) по причине их трудности, 2) глубокомысленности, 3) спорности их значения для «*Тр<удов> и дней*», 4) нетактичности с моей стороны, как ученика Д<окто>ра, разбирать то, что надо понимать *wörtlich**, а даже не символически[8]; и в самом деле: пути Страдера, Капезиуса, Иоганна, проходящие через 4 мистерии[9], суть типично-конкретные пути; и когда мы подходим к окк<ульти>зму, то мы вступаем на путь конкретно, реально, или склоняясь к линии Страдера, т. е. стремясь соединить *geistige Wesenheiten*** с пульсом жизни, или, как Капезиус (Ницше), через сказки Фелиции[10] музыкально вживаемся *в миры* вопреки умственным устремлениям; или, как Иоганнес Томазиус, вживаемся воображением. И мне, действительно имеющему что-то общее с Иоганном Томазиусом и кое-что пережившим из его *оперы*, как-то конфузно чернить критическим пером сообщения

* Дословно (*нем.*).

** Духовные сущности (*нем.*).

Мейстера[11]. Вот почему я и морщился при мысли о написании статьи о мистериях. Конечно, писать по их поводу на оккультные темы граничит с *Scharlatanerei** и *Spielerei***, ибо слишком *все там реалистично*; например: сцена солнечного храма[12]; если бы Вы знали, *что есть* солнечный храм, и главное, ***как*** он есть (что *есть* — само собой разумеется: все, что *есть* в мистериях, — ***есть***), то Вы бы поняли невозможность существенных касаний пером многих пунктов мистерий. Но, подумав, я увидел, что у меня есть право и, главное, интерес к другого рода касаниям; я могу коснуться архитектоники, стилистики мистерий; и думается мне, что я мог бы реально показать — по пунктам и цитатам, что они и художественно прекрасны во многом.

Вас это удивляет? Не верите?

Позвольте же мне привести Вам несколько примеров из первой мистерии (которую — между нами*** — мне приходится заново переводить, ибо перевод Эллиса — ниже всякой критики[13]); я приведу их для того, чтобы Вы увидели заранее тональность моей статьи и откровенно сказали бы, желали бы Вы видеть оную в «*Трудах и Днях*» (тем у меня много: и навязывать *штейн<ериан>ство* в «*Тр<уды> и Дни*» нет особой охоты: не обижусь, если откровенно выскажетесь против).

Степпун называет приведенную мной в статье строчку

In deinem Denken leben Weltgedanken

банальностью[14]: «*Глас, пошлый глас, вещатель общих дум*»[15] слышится ему из этих слов; но слышится ему лишь то, что в некотором смысле он сам есть; *пошлость* сидит в его восприятии; ибо если бы он потрудился проследить на протяжении 3 мистерий, *как* leben Weltgedanken в *Denken*, то он увидел бы, что это *как* столь оригинально, что, пожалуй, этого *как* он не встретил бы в образчиках мировой литературы, да и *мысли*; дело в том, что приведенную мною строчку он пожелал воспринять, как провозглашение *новой истины*, тогда как я приводил строчку,

---

* Шарлатанство (*нем.*).

** Забава (*нем.*).

*** *Между нами*, ибо мой перевод зá-ново называется *редактированием*. (*Примеч. Белого*).

апеллируя к музыкальному слуху, к инструментовке, которую *проворонил* Степпун, ибо он лишь показал свое неумение читать стихотворные строчки *конкретно, во плоти*; пошлость-то оказалась не в выражении, а *в восприятии*.

В самом деле; привожу на память из второй мистерии это место.

In Deinem Denken leben Weltgedanken*
In Deinem Fühlen weben Weltenkräfte
In Deinem Wollen wirken Willenswesen
Erkennen will ich mich in Weltgedanken
Erleben will ich mich in Weltenmächte
Erschaffen will ich mich in Willenswesen[16]

Итак далее…

Остановимся на инструментовке.

1) Гласные

In D*ei*n*e*m D*e*nk*e*n l*e*b*e*n W*e*ltg*e*dank*e*n **
In D*ei*n*e*m Fühl*e*n w*e*b*e*n W*e*lt*e*nkr*ä*fte
In D*ei*n*e*m Woll*e*n wirk*e*n Will*e*nsw*e*s*e*n
*E*rk*e*nn*e*n will ich mich in W*e*ltg*e*dank*e*n
*E*rl*e*b*e*n will ich mich in W*e*lt*e*nm*ä*cht*e*
*E*rschaff*e*n will ich mich in Will*e*nsw*e*s*e*n

2) Аллитерация 1-ой группы (W — ff)***

In Deinem Denken leben *W*eltgedanken
In Deinem *F*ühlen *w*eben *W*eltenkrä*f*te
In Deinem *W*ollen *w*irken *W*illenswesen
Erkennen *w*ill ich mich in *W*eltgedanken
Erleben *w*ill ich mich in *W*eltenmächte
Ercha*ff*en *w*ill ich mich in *W*illenswesen

Кроме того «*свфхс*» последней строчки

Er*sch*a*ff*en *w*ill i*ch* mi*ch* in *W*illen*sw*esen****

И «*d*» первой строчки на главных ударениях*****:

In *D*einem *D*enken le*b*en Weltge*d*anken

* *В автографе текст воспроизведен чернилами трех цветов — красным, синим и зеленым; каждым выделен соответствующий ряд повторяющихся литер.*

** *В автографе воспроизведены красным повторяющиеся* ei, e, ä.

*** *В автографе указанные литеры воспроизведены красным.*

**** *В автографе воспроизведены красным также* sch, ch, s.

***** *Указанная литера воспроизведена красным.*

2-ая группа аллитераций (m–n)*

I*n* D*einem* D*enken* lebe*n* Weltgeda*nken*
I*n* Dei*nem* Fühle*n* webe*n* Welte*n*kräfte
I*n* Dei*nem* Wolle*n* wirke*n* Wille*n*swese*n*
Erke*nnen* will ich *m*ich i*n* Weltgeda*nken*
Erlebe*n* will ich *m*ich i*n* Welte*nm*ächte
Erschaffe*n* will ich *m*ich i*n* Wille*n*swese*n*

3 *группа аллитераций («l»)***

In Deinem Denken *l*eben We*l*tgedanken
In Deinem Füh*l*en weben We*l*tenkräfte
In Deinem Wo*ll*en wirken Wi*ll*enswesen
Erkennen wi*ll* ich mich in We*l*tgedanken
Er*l*eben wi*ll* ich mich in We*l*tenmächte
Erschaffen wi*ll* ich mich in Wi*ll*enswesen

Симметрия слов***

In *Deinem Denken leben Welt*gedanken
In *Deinem Fühlen weben Welt*enkräfte
In *Deinem Wollen wirken* Willenswesen
*Erkennen will ich mich in Welt*gedanken
*Erleben will ich mich in Welt*enmächte
Erschaffen will ich mich in Willens*wesen*

Наконец внутренняя рифма

.. .. *leben* .. ..
.. .. *weben* .. ..

Вот пример инструментовки; равны ей только мировые памятники литературы; что это не случайно в мистерии, доказывается хотя бы тем, что иные места ее возглашаются по-диаконски: тут подлинные чары древней рунической поэзии; и если Степпун не разобрал *красоты*, пленяющей меня, как стилиста и поэта, тут прицепившись лишь к обструганной мысли без «*как*» этой мысли, проведенной по всем 4-м мистериям, что весь разбор мой он

* *Указанные литеры воспроизведены красным.*

** *Указанная литера воспроизведена красным.*

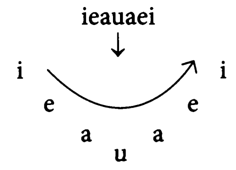
*** *Повторяющиеся или симметричные фрагменты обозначены цветами — синим*: Deinem, will ich mich; *красным*: Denken, Fühlen, Wollen, Welt-, -wesen; *зеленым*: leben, weben, wirken, erkennen, erleben, erschaffen.

просмотрел, то это оттого, что *он*, а не Доктор — *«глас, пошлый глас, вещатель общих дум»* *, слишком носорожистый, чтобы в словах услышать тихоструйные струи рун.

Или: разве тихий шелест *рун* не струится из следующего словосочетания (речь Бенедикта); Бенедикт говорит Иоганну:

Entzünde deiner Seele volle Macht
An Worten, die durch meinen Mund
Den Schlüssel geben zu den Höhen[17] →

И далее — руны струятся: i- e -e- e- e- e- e- a- u- a- e–i, т. е.



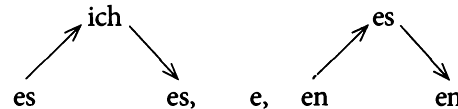
Des Lichtes webend Wesen, es erschtralet**
Durch Raumes Weiten die Welt mit sein
Der Liebe Segen, er erwarmet
Die Zeiten Folgen
Zu rufen aller Welten Offenbarung[18]
и т. д.

Что по этому поводу можно сказать? Бездну.

a) Движение света сверху вниз в пространство:

es — ich — es — e — en — es — en

или



b) трение света в пространстве***

er — ersch — a — e — urch — rau

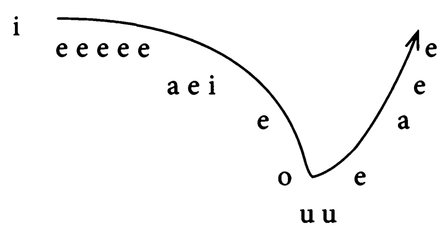
* Я не протестую против могущего быть отрицания эстетики мистерии, а лишь против данного утверждения, что вышеразобр<анный> возглас есть пошлость. (*Примеч. Белого*).

** *Повторяющиеся литеры воспроизведены соответственно красным, синим и зеленым цветами; дополнительно скобкой выделены повторяющиеся* er *и* be.

*** *Последующие фрагменты, извлеченные из приведенной выше цитаты, воспроизведены красным.*

c) распространение света в пространстве:
ei — en — el — ein,
вуалированное согласными
w — w — s... (bbc...)

То же и благословляющая любовь:



er — ib — es — eg — en

действие ее:
er — erw — ar
И далее:
zu — *ru* → en, en, el, en, en —*ru*

Пишу теперь эту музыку в словах, подчеркивая красными чернилами фонетическую магию[*]:

D*es* L*ich—tes* *We*b*en*d *W—e—s—en es ersch*tr*a*let
D*urch* *Ra*umes *Weiten* die *Wel*t mit *sein*
D*er* L*ie*b*e* *Segen er er—w—ar*met
Dir *Zeiten* Folg*en*
Zu r—uf—en all*er* *W—elten Off—en*b*arun*g

Или проще; пишу все e + w, e + s } красными чернилами,
e + l, e + r } черными[**], e + n — зелеными[***].

---

[*] *Соответственно выделенные в тексте фрагменты воспроизведены курсивом.*

[**] *В автографе — синими чернилами.*

[***] *Все три цвета использованы соответственно пояснению в приводимой далее цитате.*

Des Lichte—*es* Web—*en*d W—*es*—*en* es *er*chtralet
Durch Raum*es* Weit—*en* die Welt mit se—*in*
Der Lieb —*e se*—g—*en es* erwarmet
Die Zeit*en* Folg—*en*
Zu ruf—*en* all—*er* Welt—*en* Off—*en*—barung

И еще*:

Des *Lichtes weben—d Wesen, es—er*—schtralet
Durch Raumes weiten
Zu fühlen die Welt mit sein
Der *Liebe—s—egen, er—er*—warmet
Zu rufen… и т. д.

Тут ряд внутренних рифм:

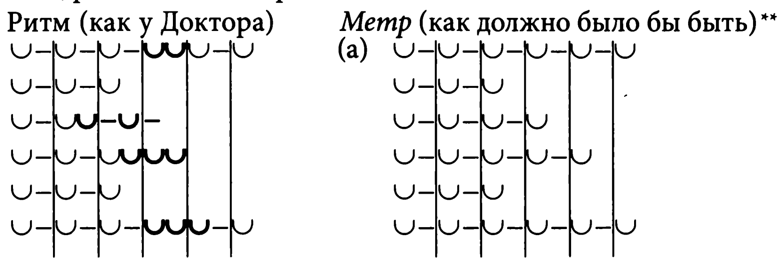
1) *Wesen, Segen* (явная внутренняя рифма)
2) *weben—(d), segen* (скрытые внутренние рифмы)
wesen
3) *Lichtes, Liebe—s* (egen) (адекватное рифме словосочетание)
4) *es—er, er—er* (рифмоподобные образования)

Аллитерация (w—f)

Des Lichtes *we*bend *W*esen, es erschtralet
Durch Raumes *W*eiten
Zu *F*üllen die *W*elt mit Sein
Der Liebe Segen, er er*w*armet
Zu ru*f*en aller *W*elten *Off*enbarung.

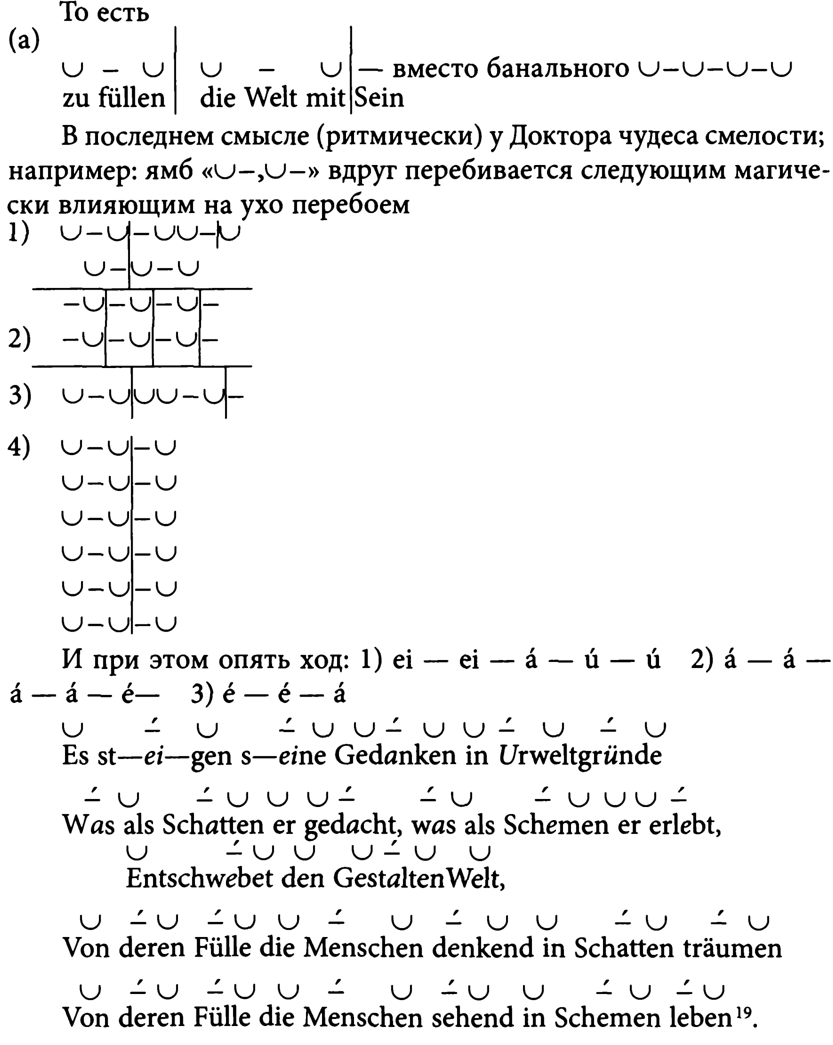
Наконец ритмический перебой:

Ритм (как у Доктора) *Метр* (как должно было бы быть)**



* *В последующих цитатах фрагменты, выделенные красным, воспроизведены курсивом.*

** *В приводимой далее схеме элементы, выделенные красным, набраны полужирным шрифтом.*



То есть

(a) ◡ – ◡ | ◡ – ◡ | — вместо банального ◡–◡–◡–◡

zu füllen | die Welt mit | Sein

В последнем смысле (ритмически) у Доктора чудеса смелости; например: ямб «◡–,◡–» вдруг перебивается следующим магически влияющим на ухо перебоем

И при этом опять ход: 1) ei — ei — á — ú — ú 2) á — á — á — á — é— 3) é — é — á

Es st—*ei*—gen s—*ei*ne Ged*a*nken in *U*rweltgr*ü*nde

W*a*s als Sch*a*tten er ged*a*cht, w*a*s als Sch*e*men er erl*e*bt,

Entschw*e*bet den Gest*a*lten Welt,

Von deren Fülle die Menschen denkend in Schatten träumen

Von deren Fülle die Menschen sehend in Schemen leben[19].

Голос совести берется со сцены *andantissimo* и *fortissimo* с басу вверх, достигая почти визга ветра, и последние ноты «*in Schemen leben*» подхватываются *pianissimo* скрипок очень странной мелодии; на фоне ямба это место звучит потрясающе a) ритмом, b) руническими струями звуков*:

* *Набранные курсивом сочетания литер в автографе воспроизведены красным либо синим.*

эсшт — ***ай*** — *ген* з — ***ай*** — гед — ***а*** — н *кен*
ин — *ур* — в — *ельт* г — *ру* — *де*

В*а*—с—*а*—*ль*—ссш—*а*—т *ен* ер *гед*—*а*—хт
Вас—*а*—*ль*—ссшем—*ен* ер ерлебт
Энт—сшв—ебет *денге*—ш—*альт*—ен—*вельт*
Фондер—*ен* фюлле
Ди *мен*—ш—*ен ден*—к—*ен*—д
Ин ш—атт*ен* траум—*ен*
Фодер—*ен* фюллэ
Die *мен*—ш—*ен* з—*еенд* ш—ем—*ен*
Ин ш—ем— *ен* леб—*ен*

Инструментовка гласных*
Es staigen saine Gedanken
In Urweltgründe
Was als Schatten er gedacht
Was als Schemen er erlebt
Entschwebet den Gestaltenwelt
Von deren Fülle
Die Menschen denkend
In Schatten Träumen
Von deren Fülle
Die Menschen sehend
In Schemen leben
Или подчеркивая носовые звуки**
Es steig*en* sei*ne* Ged*anken* Urweltgr*un*de
Was als schatt*en* er gedacht, was als Sch*emen* er erlebt
*En*tschwebt d*en* Gestalt*en*welt
V*on* der*en* Fülle die *Men*sch*en* d*enkend* schatt*en* traü*men*
V*on* der*en* Fülle die *Men*sch*en* seh*end in* sch*emen* leb*en*

Ритмически — крылато; инструментовочно — звучит, как руны; по смыслу — всё модуляция темы *in deinem Denken.*

* *Далее воспроизведены красным повторяющиеся* е, *зеленым — повторяющиеся* а *и* ai (ei).

** *Далее фрагменты, выделенные красным, воспроизведены курсивом.*

Или: Симметрия S.

E*s* *s*teigen *s*eine Gedanken
in Urweltgrunde
Wa*s* al*s* *Sch*atten er erlebt
Wa*s* al*s* *Sch*emen er gedacht
Ent*sch*webt den Gestaltenwelt
Von deren Fülle
Die Men*sch*en denkend
in *Sch*atten leben
Von deren Fülle
Die Men*sch*en *s*ehend
in *Sch*emen leben

Или: eig ↔ eg
gen ↔ ken

Es st*eigen* sein*e* *Ge*dan*ken**
In Ur*welt*grunde
Was *al*s Schatten er*l*eb*t*
Was *al*s Schemen er gedacht
Entschweben den Gest*alt*enw*elt*
Von deren Fülle
Die Menschen denk**end**
in Sch<att>en *l*eben
Von deren Fülle
Die Menschen seh**end**
in schemen *l*eben

Через все проходит звук носовой «*мен—ен*»; с правой стороны строчек нападают «*шиш*»; с левой — защищаются *ольты* и *эльты* (не кельты ли?).

Вы думаете, что я особенно выбирал отрывки? Да, нет же.

Открываю мистерию; и →

1) *Geblenden bin ich wieder in den blinden Seele*[20]

Geblenden b*i*n *i*ch w*i*eder *i*n den bl*i*nden Seele

◡ ´– ◡ ´– ◡ ´– ◡ ´– ◡ ´– ◡ ´– ◡

e i i i i e

Ge-*bl*-*enden* b*in* ich w*ie*der *in den bl*-*inden* Seele

bl* — *enden* — b* — *inden* — bl* — *inden* — l*

Die fremden (W)—*elt*—en schon *als* (w)—*ild*—e triebe *lod*—ern[21]

(*Wie*)— [*eines*] (*Wah*)—[*nes*] ne —[*bel*]— (*bild*)

Die [*eigne—s*]— *chrekg* [*es*] *t* — (*alt*)

Bisher verborgen mir *ge* —(*halt*)— en (*hat*)[22]

* *Фрагменты, выделенные зеленым, воспроизведены полужирным шрифтом.*

Erden Wesen, Erden—Werden, Welten—Weiten, lebt und webt, sprissende sprossende, Zeiten—weiten, fühle Fesseln, Menschen Meinungen, Weisheis Wesenswort... и т. д.: вся мистерия пульсирует странно-дикими, пленительно магическими словосочетаниями; и надо от словосочетаний идти к смыслу. Ритм у Доктора своеобразен, дико-богат, непривычен в перебоях и может казаться непричесанным от перегруженности, подобно «*Танталу*» В. Иванова[23]. Но такие словосочетания, какие бьются в мистерии, — встречаются лишь у крупного, самобытного таланта.

Приведенные мною строки, вроде

bl — enden — b — inden — bl — inden — l

не встречаются у наших лучших поэтов; это — чудо, магия, руны. Чтобы раскидать ворох подобных перлов, надо 1) или владеть *магией* слова, 2) или быть изощренным «*Стефаном Георгом*», 3) или дико-талантливым.

Вот и пусть теперь упрекает в банальности Доктора: банальность, и

bl — (inden) — b — (inden) — bl — (inden) — l

Р*итмически* Доктор невероятно богат:

–́ ∪ ∪ ∪∪ –́ ∪ –́ ∪
Was von der Elemente Wesen
∪ –́ ∪ ∪ ∪ –́ ∪
Von Seelen und von Geistern
∪ –́ ∪ ∪ ∪ –́ ∪ ∪
Von Zeitenlauf um Ewigkeit[24]

То есть

–́∪∪∪∪–́∪–́∪		∪–́∪–́∪–́∪–́
∪–́∪∪∪–́∪	вместо банальных	∪–́∪–́∪–́∪
∪–́∪∪∪–́∪∪		∪–́∪–́∪–́∪–́

Метрически многообразен, ибо метр

∪–́|∪–́|∪–́|∪–́|∪–́|
∪–́|∪–́|∪–́|∪–́|∪–́|

сменяется:

∪–́∪–́∪∪–́∪∪–́∪–́∪
–́∪–́∪–́∪–́
–́∪–́∪–́∪–́
∪–́∪∪∪–́∪–́
∪–́∪–́∪

и т. д. Или

∪–∪–∪
∪–∪–
∪–∪∪–∪∪
∪–∪–∪
∪–∪–∪

и т. д.

(Ich will verweben
Erstrahlend Licht
Mit dämpfender Finsternis[25])

В пределах самого метра «∪–́∪–́» вся оригинальность 1) в пульсации длинных строчек с короткими 2) и с частыми окончаниями в *ямбе* «–́∪∪» вместо обычных –́, –́∪; пример пульсаций (нарастание стоп с падением строки последней окончанием –́∪∪):

So hör ich sie seit Jahren
Die inhaltsschweren Worte *(—)*
Sie tönen mir aus Luft und *Wasser*
Sie klingen aus dem Erden*grund herauf*
–́ ∪ ∪
Und wie ins kleine Samen*korn geheimnisvoll*
Der Rieseneiche Bau sich drängt (∪–́∪∪)
So schliesst zuletzt sich ein[26] (∪–∪–∪∪)

Выписываю ход строк (1-ая мист<ерия> стр. 40; с 5-ой строчки с конца)

∪–́∪–́
∪–́∪–́∪–́∪–́∪∪
∪–́∪–́∪–́∪
∪–́∪–́∪–́∪∪
∪–́∪–́∪–́∪
∪–́∪–́∪–́∪∪
∪–́∪–́∪–́

такие изломы строк придают метру мистерий своеобразно дикий, обрывистый, величавый характер; метр Доктора часто → утесистые глыбы.

Und jetzt!.. es wird*

–́ ◡ ◡
Im Innern mir lebendig *fürchterlich*…
Es webt um mich **das Dunkel**
–́ ◡ ◡
Es gähnt in mir *die Finsternis*
Es tönt aus Welten**dunkel**
–́ ◡ ◡
Es klingt aus Seelen*finsterniss*[27]

Прочтите последние 4 строки один раз; и вы скажете — «ах, коряво!». Протвердите их 5 *раз* наизусть; и — строки привяжутся;
–́ ◡ ◡ –́ ◡ ◡ –́ ◡ ◡
и дикость шелестящих «fürchterlich — Finsternis — Finsternis»
–́ ◡ –́ ◡
между двумя ударами «Dunkel — Dunkel» привяжется к Вам, и не отпустит Вас; ибо эта дикость — в нарочито диком месте, где Иоганнес переживает то, что «*все предметы сходят с мест*» (одно из многообразных следствий ощущения приближения *Weltgedanken* в своей голове из Welten-Weiten — подозревает ли это г-н Степпун?).

А вот бледная попытка перевести этот монолог Иоганна, не передающая и одной десятой подлинника[28].

Иоганнес.

Годами слышу вас, — слова,
Тяжелые от смысла!..[29]
Звучат из воздуха, воды;
Звенят наружу из глубин земли…
Как в малый желудь внедрено таинственно
Гигантское строенье дуба, (Weltgedanken)
Так для меня в том слове,
Понятная для мысли,
Заключена вся сила,
Которую струят, —
Стихии, души, духи,

* *Фрагменты, выделенные красным, воспроизведены курсивом; синим — полужирным шрифтом; также зеленым выделены фрагменты*: «um mich», «in mir», «aus».

Разбег времен и Вечность.
Я сам и вся Вселенная
Живем в едином слове:
«Смертный, познай себя!»[30]
(От ручьев и от скал отдается[31]: «Смертный, познай себя!»)
И вот!.. Теперь —
Воистину в моих глубинах трепет.
Вокруг — маячит сумрак;
Во мне — разверзлись сумерки;
Звучит из мира — мраком…
Звенит в душе — из сумерок[32]:
«Смертный, познай себя!»
(От ручьев и от скал отдается: «Смертный, познай себя!»)
Я скрыт от самого себя[33].
Меня меняет бег дневных часов.
В ночах блуждаю я[34]
И следую в мирах — за орбитой земли;
В громах — раскатываюсь;
И мерцаю — в молньях…
Я — есмь!.. Исчезнувшим[35]
Я чувствую в себе себя
И вижу собственное тело,
Как существо чужое, вне меня, —
И от меня вдали.
И — близится другое тело…
И — говорю его устами:
«Я верило ему, а Он
Принес мне гложущие скорби,
В страданиях — меня покинул[36]
И погрузил в земную стужу,
Похитив прежней жизни жар».
Покинутое мной!
Тобою был — я сам![37]
И мне болеть — твоею болью.
Познание дало мне силы
Перенести себя в другом.
О, злое слово!

Свет твоею силой — гаснет[38]:
«Смертный, познай себя!»
(От ручьев и от скал отдается: «Смертный, познай себя!»)
На изжитую жизнь меня
Ты поворачиваешь снова.
И — как себя познаю, если
Утратил я свой прежний образ[39]:
Мне дикий червь мерещится, (Hüter)
В усладах страстных вставший, —
И ясно ощущаю,
Как мглистый образ мóрока
Чудовищный мой лик
До времени в своих глубинах скрыл.
Меня поглотит собственная бездна.
И, как губительное пламя[40],
Извечное струится в жилах слово,
Которое с такою властью,
Суть солнца и земли разоблачило мне[41].
Я чувствую, как непонятный мир
Порывами глухими вспыхивает в мысли,
(Weltgedank<en> в *e*<*so*>*ther*<ische> плане)
Зрея в грозном слове[42]:
«Смертный, познай себя»...
(От ручьев и от скал отдается: «Смертный, познай себя!»)
Кто на меня из мглы
Уставился глазами?
Я цепи чувствую,
Связующие нас.
Прочней, чем Прометей,
Прикованный к кавказским скалам,
К тебе прикован — я.
Ты кто, чудовище?[43]
(От ручьев и от скал отдается: «Смертный, познай себя!»)
О, я тебя узнал:
В тебе — я сам.
Познанием меня позор порочный мой —

Сковал с тобой, позор порочный!
Хотел бежать тебя —
Миры меня слепили блеском
И к ним влекла меня беспечность,
Освобождая от себя[44].
Душа незрячая — опять ослеплена!..
Смертный, познай себя!
(От ручьев и от скал отдается: «Смертный, познай себя!»)

Разве это так банально, плохо, смехотворно, пошло? Мне это скорей напоминает Кальдерона, Шекспира; и — я одного не понимаю; отчего люди, читая эти строчки, покатываются с хохота; изображено *то*, с чего начинается *Gedankenleben** в ок<культном> пути; и изображено точно, в исполненном содержания монологе, богатом ритмом, метром и словесной инструментовкой; и если для чтения такого монолога Рачинскому нужен диван, чтобы падать от хохота, то это оттого, что он пьет *водку* и еще никогда не хотел *erkennen*** себя самого; вот тогда бы он увидел *водку* всех десятилетий на том, кто glotzt aus dem finstre Abgrund[45] на него, т. е. на *Wilde Wurm*[46] сброшенного тела; все здесь — чрезмерно просто и реально; и страшно своей реальностью; и — ей, ей: не до смеху; смеяться тут могут Степпуны, которые не способны понять, что реалистическое видение *Wurm'a* (Фафнера — Hüter'a[47]) реалистически заключено в словах «*in meinem Denken leben Weltgedanken*» и лишь частность этого: вот Вам и «*пошлая схема*», г-н Степпун: состояние Иоганна не «*сиреневая ветка мистики*» и не писание статьи о «*ценности состояния*»... Есть состояния, г-н Рачинский, которые при всей неприятности *an und für sich**** усугубляются, утрояются — удесятеряются при самопознании — водкой; и когда познаете Вы это, то скажете: «Над кем смеюсь? Над собой смеюсь??»[48] Весь этот монолог проходит через несколько сцен во всех темах и образах в тональности обратной с рефреном «O Mensch, *erlebe* dich»[49]; и это kennende Leben****

* Мыслительная жизнь (*нем.*).
** Познать (*нем.*).
*** Сами по себе (*нем.*).
**** Познающая жизнь (*нем.*).

или lebendige Können*, тематически, оккультически и поэтически прекрасно проведенные в двух *полярно противо<по>ложных*, полярно-подобных сценах, повторяются затем еще раз сквозь призму Люцифера (O Mensch, erkenne *mich*! O Mensch, empfinde *dich*) и Аримана (O Mensch, erkenne *dich*, O Mensch, empfinde *mich*)[50]; и это *kennende Leben*, расслоенные на сцену с *erkennen* и сцену с *erleben*, — вот она опять, преломленная сценами с заклинаниями Луны, Астрид, Филии[51], чьими Schattenbild'ами** являются наши Fühlen, Denken, Wollen*** — это kennende Leben искажается еще раз Люцифером и Ариманом и уже потом из многообразия клубящихся *лейт-мотивов* вырастает сперва робкое «*in deinem Denken*» у Капезиуса (2-ая мистерия)[52], и лишь в 3-ьей мистерии гиератически, по-диаконски и победоносно возглашаются Бенедиктом: «*in deinem Denken leben Weltgedanken*»[53]. У Степпуна, конечно, не было и переживаний приведенного монолога, он не знает Астрид, Филии, Луны, он не переживал себя; он ***даже*** не знает Люцифера и Аримана, ибо сосет соску за пазушкой у обоих, — где же ему понять, что такое тут разумеется под *Weltgedanken*; если бы хоть одна *Weltgedanken* не то что захотела бы *leben*, а так, спросонья чихнула бы у него в голове, верьте: в *Мусагете* произошел бы взрыв: разорвался бы *снаряд* в помещении редакции — голова Степпуна, и личные мысли прыснули бы и на Арбат, и на Пречистенский бульвар, и в «Прагу»[54], и в Александровское — юнкерское — Училище, подобно *Ameisen*****: Дмитрию[55] пришлось бы много поработать....

Бедный Степпун:

Werzauberte<s> Weben
Des eigenen Wesen!...[56]

Кстати: когда Иоганнес слышит слова, жалобно нараспев летящие к нему

Werzauberte<s> Weben
Des eigenen Wesen,

то он восклицает

Werzaubert Weben meines eignes Wesen![57]

И далее идут многообразные и колдующие вариации этих слов.

---

* Жизненное знание (*нем.*).

** Теневыми изображениями (*нем.*).

*** Чувства, мысли, воля (*нем.*).

**** Муравьям (*нем.*).

Тема моей статьи, не правда ли, намечается; о Степпуне, Рачинском, разумеется, я — ни слова; да и, вообще, никакой полемики я себе не позволю — ни с кем; полемика — это только в письме к Вам; но право же, когда слышишь на «*leben Weltgedanken*» ответ, что, мол, это знакомо (как будто и Доктор, когда писал, и мы, когда приводим эти слова, не знаем почтенного возраста и многообразных вуаяжей этой выспренной истины по мировой литературе), то становится столь же конфузно за возражателя, как, вероятно, становилось конфузно первым христианам, когда римский патриций с брюшком, обезьяна Петрония, любезно осведомлялся у своего раба: «Э, посюшай, мой друг: я, человек либеральный и не стану там вас осуждать — э, посюшай: правда, как это там у вас: пьют кровь детей и едят Бога...» Степпун, вероятно, полагает, что «*In dein<em> D<enken> l<eben> We<ltgedan>ken*» — это вот что такое: за черным кофе после сытного завтрака приятно думается; от пищеварения ли, от праздности ли всякое такое шевелится, из чего не мешало бы составить статейку, в которой привести мнение такого-то философа, у которого данная, пищеварительно взыгравшая (из чрева в голову) мысль облекается в «*универсальную форму*», которая приятно уносит фантазию, как «*всеобщая форма*»; и вот он, Степпун, приятно высказывая ее в Нижнем-Новгороде на лекции (предварительно протрясшись весь день на ваньке в специально налощенном рукавом цилиндре) — да: высказывая эту мысль на лекции, он, Степпун, патетически воскликнет: «Увы, эта мировая мысль, осознанная критической философией, как *Всеобщая форма* под вивисекционным ножом критицизма и формы *всеобщего* приобретает методологический характер; мы, критицисты, постулируя методологически свободу парений, в наших трезвых научных трактатах дерзновенно срываем покров несвободы с мировых мыслей». И закончив лекцию патетическим возгласом: «Zwei Seele<n> leben, ach, in meiner Brust»[58], наденет цилиндр и удалится в кабак, где будет до рассвета предаваться словопроизводству мировых мыслей, вытаскивая их из нагруженного коньяком и безусловно иррационального (следовательно: мистически настроенного) желудка — органа метафизического творчества (и местопребывания

«zweite Seele»*), дабы вскоре окончательно реализовать продукты этого творчества путем двоякого извержения (вверх и вниз) в ресторанном ва… кл… те…

Нет: «*In deinem Denken leben Weltgedanken*» вовсе не то, а — вот что: язык иерархий; «идеология — язык иерархий» и не в переносном, а в буквальном смысле; и опять-таки буквальность этого смысла надо понимать правильно; неправильно было бы, например, толковать эту буквальность в том смысле, что, дескать, ангелы, архангелы, архэ[59] и т. д. разговаривают с нами мыслями или что слова их — мировые системы; а так надо понимать *слова* какого-нибудь *архэ*, отраженные десятью мутными зеркалами: что они превращаются в совершенную неразбериху, подобно тому, как если бы мы слушали речь норвежца о философии Киргегоора на норвежском языке и из всей речи единственно поняли бы два слова «Grüss Gott» или «*Mahlzeit*»[60]. Это «*Grüss Gott*» явилось бы нам, как философия, скажем, Платона; философия Платона есть обрывочно из гула глубин упавшее в ухо «*Mahlzeit*» какого-нибудь *архэ*; и в этом лишь смысле *мысль* Платона есть язык иерархий. Так что *ангелы* говорят не мыслями, но творчески-философские мысли так по форме своей относятся к словам соответственной иерархии, как форма печатной строки (в лирическом стихотворении) относится к лирической картине, вычитываемой из суммы букв, вытянутых в строку (это — слова Доктора); так я могу: прочитывать букву за буквой: *зе*, о, эль, о, те, о; я прочитываю все буквы и все-таки без особого акта разумения из суммы з + о + л + о + т + о не получится «*золото*» (нечто сверкающее в воображении); философия Платона будет лишь з + о + л + о + т + о, т. е. сумма слагаемых, а не сумма; и все же сумма «*золото*» (конкретизация суммы з + о + л + о + т + о) в своих неосмысленных звуках «з» «о» «л» «о» «т» «о» будет соответствовать «*золоту*», а не сумме «эм + five + де + ерь» (не *меди*); пока я слежу глазами, как гоголевский Петрушка, за чередованием верно начертанных знаков к «*золото*»[61], я имею eigene *Gedanken***, которые в своем Eigenheit*** доходят до иллюзии Weltgedanken (Степпун думает, что

* Вторая душа (*нем.*).

** Собственные мысли (*нем.*).

*** Своеобразие (*нем.*).

у Доктора «*das ist der Fall*»*), все-таки это будет сумма начертаний Z, Ω, Λ и т. д. Когда буква за буквой я буду произносить вслух «*зззззееее*», «*ооооллллл*», «ооооттт», «оооо», то эти звуки во времени «*зззз*» — «*ооллл*» — «*ооотт*» будут столь разниться от начертаний на плоскости, как Мадонна Рафаэля от рассказа о висящем в Дрездене полотне[62]; это и будет «*Imagination*»; окк<ультисты> умеют, например, *имагинировать* Платона, Иоанна Богослова и т. д.; но *имагинация* есть переходная стадия от Z Ω Λ и т. д. через «ззз—ооолл…» к слову *золото*; при сложении этого слова вдруг мне блеснет «*золото*» (золото Рейна[63], золото старинных облачений, солнце, лучи и т. д.); и опять-таки то, что блеснет, как реальность (при «*золоте*» я не вспомню, например, *маринованных устриц*), будет так отличаться от звуков во времени ззз—ооолл… как звуки эти отличаются от значков на плоскости: это и есть *инспирация*, идеофемия (Ψ Π Μ говорю), язык *архэ*:

Итак: 1) «*Критика чистого Разума*» = Z Ω Λ Ω Ψ Ω Eigene Gedanke; erscheint wie Weltgedanke** (не → W<elt>g<edanke>). «*Mahlzeit*» неизвестно откуда.

2) Звуко–Душе–Образ, живущий во мне во время симфонии Бетховена: ззз—ооолл—ооот—оооо; Imaginatiwe Gedanken; вижу ослепительный образ ангела в *schwebende Form****, что-то говорящего мне, но я слышу лишь *Mahlzeit*.

3) Ни с чем не сравнимое, живущее лишь в высочайшие моменты <в> высочайше согретых медитациях (в умном делании): *золото*; inspirative Gedanke; образ ослепительно вычерчивается в деталях и говорит: «Mahlzeit liebe Herr Medtner; ich möchte ihnen erzählen über Goethes sonstiges Leben in Geistesland; Goethe meint u. s. w…»****

И четвертое: я сам есть говорящий ангел; мое *Ich* ходит на двух ногах; эти ноги — мысли; ходит он по гранитному материку (буквально) философии Платона, по берегу моря — бетховенских звуков (реально), омываемый воздухом фаворского света и света

* Это так (*нем.*).

** Является как мировая мысль (*нем.*).

*** Незавершенной форме (*нем.*).

**** Господин Метнер любит поесть; я мог бы рассказать вам о прежней жизни Гёте в стране духа; Гёте полагает и т. д. (*нем.*).

видения по Пути в Дамаск[64]: это — интуиция (то, что в eigene Denken интуитивного, — жалкая пародия этого). И теперь я — *Weltgedanke*, т. е. со ангелами ангел в обители света; но — где мой мозг? Черная дыра где-то на горизонте фаворских пространств?

Итак: 1) жалкое Wahn* Weltgedanken — философия Платона; (Denken)

2) Имагинация (из-за горизонта шум крыльев *Weltgedanken*: что это? Гром? Глас? И — образы, образы от громов: парообразование, тучи — великан Риза[65]) (шесть существительных к прилагательным: старое, вечное и т. д. во все врем<ена>).

2) <*так!*> Инспирация: говорящий мне «*старое, новое во все времена*»[66] Weltgedanken in Umgebung des eigenes Gedanke**.

3) Интуиция: Ты — белый камень в Храме Бога живого; Ты — старый и новый во все времена в приятельском кружке (не Рачинского, Бугаева и Марг<ариты> Кирилловны[67]), а в кружке Света Святовича Ангела и Архай-Лучезаренки (да простите мне сие уподобление) Ты — не Метнер, а Злато-Лазуринский. Weltgedanken.

In deinem Denken leben Weltgedanken!!

Бедный Степпун!!

Самый же возглас «*In deinem Denken leben Weltgedanken*» — не *Weltgedanke*, а лейт-мотив 4 мистерий, звучащий людям, которые в чистке себя и в парообразованиях имагинации готовятся к тому, чтобы *Weltgedanken* приблизились к их *Umgebung****; но самая чистка в их *denken, fühlen, wollen* при помощи *denken* есть Denken, разительно отличающая от прочих *Denken* («*как*» этой чистки); и это *как*, взятое эмблемою пути к *Weltgedanken*, столь центрально, что среди прочих многих *Denken* оно более других *Denken* → *Welt-Denken*.

Кстати: *was***** Weltgedanken есть ничто иное как *Geistesland****** и потому *was* это познается на вершинах пути; и остается

---

* Иллюзия; мираж; мечта; ослепление (*нем.*).

** Мировые мысли в окружении собственной мысли (*нем.*).

*** Среда (*нем.*).

**** Что (*нем.*).

***** Сфера духа (*нем.*).

*wie**. Мысль «Бог — есть» еще более банальна, чем мысль «*In dein<em> D<enken> l<eben> W<eltgedanken>*». И потому-то только Сте-ппу-ну надо объяснять, что означенный возглас надо брать не в *was*, а в *wie*, а это *wie* — 4 мистерии. Бедный *Сте* (Erste Seele**); я ее очень люблю, но *ППу* (zweite Seele lebt in*** «*желудок*») может погубить *Сте* постепенным врастанием в *Сте*: Сте-ппун; -те-пппун (или ти-пппун), и-ппппун; и даже: пп-пп-пун!! Ужасно!

Посоветуйте ему для более четкого восприятия *Weltgedanken* умерщвлять свою плоть: именно ту ее часть, которая ниже сердца.

Подумайте: три года воздержания, и добрая, милая честная *Сте* уничтожит свое «*пе*»; из прозванной «п» прольет «*ун*» (содержание желудка — zweite Seele) и будет *Сте* с приростом «*iiii*» духовности; и *Сте* станет *Сите* (Cité, т. е. *град*); всякое *тело* есть храм, град и только о-ппп-овение превращает благоуханное тело в «брюхо».

Милый, простите меня за ерунду: она безобидна, а доброго Степпуна я действительно люблю. И мои *обидности* лишь шалость слова.

Доктор сказал:

Und wie in kleinem Samenkorn — ....,
Den Rieseneiche Bau sich drängt....[68]

Так: *Eiche***** — 4 мистерии; *Samenkorn****** — «In d<einem> D<enken> l<eben> W<elt>g<edanken>». Мистерии Samenkorn — 30-ти циклов; 30 циклов → Samenkorn — occulte Leben; occulte Leben → Samenkorn + Weltgedanken; вместо такого понимания смысла Weltgedanken Степпун проглотил их буквально → фраза попала в желудок и *отрыгнулась*: вот ему и кажется, что она — пошла́; не она пошла́, а неприятна отрыжка. Не вина фиалки, если я вместо того, чтобы ее обонять, съем ее: объект обоняния — она прекрасна, объект завтрака — вызывает отрыжку.

---

* Как (*нем.*).

** Первая душа (*нем.*).

*** Вторая душа живет в (*нем.*).

**** Дуб (*нем.*).

***** Зерно (*нем.*).

Милый друг! Сегодняшний день я провел с Вами; хотелось многое, такое хорошее наговорить; и вместо всего — шутки над Степпуном!! «*Язык до Киева довел*»; и лучше — умолкну.

Пусть все же невысказанные слова скажутся (надеюсь — скажутся), а неуместные *тарабары* иссякнут без последствий в Вашей душе: замкните их; они — фонтан («Путник, если ты ночью проходишь мимо фонтана — замкни его: дай отдохнуть и фонтану. Прутков»[69]). И я замыкаю фонтан; шутливые стечения мыслей гонят меня в обратную сторону от *Weltgedanken*. И — потому: до скорой новой беседы друг с другом.

Остаюсь глубоко и прочно преданный Вам

Борис Бугаев.

Ася приветствует Вас и Freulein Hedwig[70], которая ей ужасно понравилась.

Мой привет и уважение ей[71].

РГБ. Ф. 167. Карт. 3. Ед. хр. 16. Почтовый штемпель отправления: Lian. 24 IX 13. Штемпель получения: Pillnitz. 26. 9. 13.

[1] Белый и А. Тургенева поселились в Льяне (Pansionat Heim) около 10 сентября (н. ст.) 1913 г. 30 августа (12 сентября) Белый писал матери: «Доктор будет здесь через 2 с половиной недели, а мы пока, поджидая его, живем в очаровательной местности под Христианией. <...> Льян, это дачное место недалеко от Христиании на берегу фьорда. В пансионе мы до 30 сентября нового стиля, т. е. до 17 сентября старого» (*Письма к матери*. С. 187).

[2] Заключительные строки стихотворения «Посвящение к неизданной комедии» («Не жди ты песен стройных и прекрасных...», 1880). См.: *Соловьев*. С. 68.

[3] Это письмо Метнера к Белому не выявлено.

[4] Имеется в виду сборник статей Метнера «Модернизм и музыка». Замысел работы о нем и о других сочинениях Метнера Белый не реализовал.

[5] Переиздание романа Белого «Серебряный голубь» в «Сирине» не было осуществлено. Подготовленное Белым на основе ранее изданных трех поэтических книг («Золото в лазури», «Пепел», «Урна») «Собрание стихотворений» было представлено в «Сирин» в июле 1914 г., но осталось неизданным в связи с прекращением деятельности издательства. По авторскому макету книги, сохранившемуся в архиве Белого, опубликовано в новейшее время. См.: *Андрей Белый*. Собрание стихотворений. 1914 / Изд. подгот. А. В. Лавров. М., 1997 («Литературные памятники»); изд. 2-е, репринтное — М., 2014.

[6] Речь идет в связи с возможным переизданием о первых трех «симфониях», поскольку тираж «четвертой симфонии» «Кубок метелей», выпущенной в свет «Скорпионом» в 1908 г., к тому времени не был распродан.

[7] См. п. 300.

[8] Именно на таком восприятии этих произведений настаивал сам Штейнер, писавший в предисловии к мистерии «Пробуждение Душ: Инсценированные душевные и духовные события» (август 1913 г.): «И духовные, и душевные события, изображаемые тут, не являются ни символами, ни аллегориями. Кто принимает их так, тот далек от реальной сущности духовного мира. <...> Для имеющего опыт духовного бытия „Пробуждение Душ“ вполне реалистично. Если бы дело шло только о символах или аллегориях, я бы, несомненно, воздержался от написания этих мистерий» (*Штайнер Рудольф*. Драмы-мистерии / Пер. с нем. Н. Н. Белоцветова. М., 2004. С. 445).

[9] Доктор Штрадер (Strader), профессор Капезий (Capesius), Иоанн Томазий (Johannes Thomasius) — основные персонажи четырех драм-мистерий Штейнера «Врата Посвящения (Инициация): Розенкрейцерская мистерия» («Die Pforte der Einweihung»), «Испытание Души: Инсценированное жизнеописание (Продолжение „Врат Посвящения“)» («Die Prüfung der Seele»), «Страж Порога: Инсценированные душевные события» («Der Hüter der Schwelle»), «Пробуждение Душ: Инсценированные душевные и духовные события» («Der Seelen Erwachen») (1910–1913).

[10] Фелиция Бальде (Frau Balde), персонаж четырех драм-мистерий Штейнера.

[11] Подразумевается Штейнер.

[12] Заключительная картина 11-я (место действия: «Солнечный надземный Храм — сокровенное святилище иерофантов») драмы «Врата Посвящения» (см.: *Штайнер Рудольф*. Драмы-мистерии. С. 216–222).

[13] Текст указанного перевода, выполненного Эллисом, не обнаружен. Известен выполненный Белым перевод 2-й картины мистерии «Врата Посвящения; см.: *Штейнер Р.* У врат посвящения / Публ., примеч., послесл. С. В. Казачкова // Литературное обозрение. 1995. № 4/5. С. 69–73.

[14] Приводя эту строку («В твоей мысли живут мировые мысли» — *нем.*), наряду с двумя последующими, процитированными Белым в статье «Круговое движение» (увидевшим в них «простую, честную правду» // Труды и Дни. 1912. № 4/5. С. 72), с отсылкой к мистерии Штейнера «Страж Порога» (картина 6-я), Ф. А. Степун добавил: «Истина этих слов неоспорима; но не слишком ли уж неоспорима она, не слишком ли уж бедна! Ведь если вытянуть в один бесконечный фронт все философские системы без различия направлений и значительности, от Анаксимена до Л. М. Лопатина, то возвещаемая Вами истина протянется вдоль всех их длинною прямою нитью, прямою линией „дурной бесконечности“. Но, будучи дурной бесконечностью, т. е. *только* банальностью, приводимая Вами истина не признает себя в Ваших устах за таковую. Нет, она стремится выдвинуться вперед, как нечто существенное и оригинальное» (Там же. С. 85).

[15] Строка из 14-й строфы стихотворения Е. А. Баратынского «Осень» («И вот сентябрь! замедля свой восход...», 1837).

[16] Неточно приводятся читаемые по книге слова Капезия в картине 1-й мистерии «Испытание Души»: только первые две строки воспроизводят дословно опубликованный текст Штейнера; последующие четыре строки в нем:

In deinem Willen wirken Weltenwesen.
Verliere dich in Weltgedanken,
Erlebe dich durch Weltenkräfte,
Erschaffe dich aus Willenswesen.

(*Steiner Rudolf.* Vier Mystheriendramen. Dornach / Schweiz: Verlag der Rudolf Steiner — Nachlassverwaltung, 1956. S. 155). В переводе Н. Н. Белоцветова:

Вселенной мысль живет в твоем мышленье,
Вселенной сила ткет у тебя в чувстве,
Вселенной суть в твоей созиждет воле.
Утрать себя в мышлении вселенском,
Почуй себя вселенской силой,
Твори себя из духов воли

(*Штайнер Рудольф.* Драмы-мистерии. С. 229).

Четыре заключительные строки в тексте, приводимом Белым: «В Твоей воле действует мировая воля, // Хочу познать себя в мировом мышлении, // Хочу испытать себя в мировых силах, // Хочу созидать себя в мировой воле».

[17] Цитата из картины 3-й мистерии «Врата Посвящения» (*Steiner Rudolf.* Vier Mystheriendramen. S. 66). В переводе Н. Н. Белоцветова: «Итак, возжги всю мощь души твоей // Словами, что из уст моих // Дают тебе ключи к высотам» (*Штайнер Рудольф.* Драмы-мистерии. С. 152).

[18] Неточная цитата из той же картины; в оригинале вместо 2-й строки: «Durch Raumesweiten, // Zu Füllen die Welt mit Sein» (*Steiner Rudolf.* Vier Mystheriendramen. S. 67). В переводе Белоцветова:

Сияет света творческая сущность
В пространства далях,
Бытьем наполняя мир.
Любви благословленье греет
Времен теченье,
Со всех миров сзывая откровенья

(*Штайнер Рудольф.* Драмы-мистерии. С. 153).

[19] Цитата (Голоса духов за сценой) из той же картины; в оригинале другая разбивка на строки (*Steiner Rudolf.* Vier Mystheriendramen. S. 67). В переводе Белоцветова:

Его возносятся мысли
К основам мира.
Что как тени мыслил он,
Что как схемы изживал,
Уносится из мира форм.
От их избытка
Людские мысли

Тенями грезят.
От их избытка
Людские взоры
Лишь схемы видят
(*Штайнер Рудольф.* Драмы-мистерии. С. 153).

[20] Искаженно приведена строка из монолога Иоанна Томазия в картине 2-й мистерии «Врата Посвящения»; в оригинале: «Geblendet bin ich wieder in der blinden Seele» (*Steiner Rudolf.* Vier Mystheriendramen. S. 52). В переводе Белоцветова: «И вот в душе слепой уж ослеплен я снова» (*Штайнер Рудольф.* Драмы-мистерии. С. 139); в переводе Белого: «Душа незрячая опять ослеплена» (Литературное обозрение. 1995. № 4/5. С. 70).

[21] Строка из того же монолога (*Steiner Rudolf.* Vier Mystheriendramen. S. 51); в переводе Белоцветова: «Чужих миров алчбу и похоть злую» (*Штайнер Рудольф.* Драмы-мистерии. С. 138); в переводе Белого: «...непонятный мир // Порывами глухими вспыхивает в мысли» (Литературное обозрение. 1995. № 4/5. С. 69).

[22] Фрагмент из того же монолога (*Steiner Rudolf.* Vier Mystheriendramen. S. 51); в переводе Белоцветова: «Что лишь обманности туман // Ужасный образ мой // До сей поры от глаз моих скрывал» (*Штайнер Рудольф.* Драмы-мистерии. С. 138); в переводе Белого: «Как мглистый образ морока // Чудовищный мой лик // До времени в своих глубинах скрыл» (Литературное обозрение. 1995. № 4/5. С. 69).

[23] Трагедия Вяч. Иванова «Тантал» была опубликована в Альманахе IV книгоиздательства «Скорпион» «Северные цветы ассирийские» (М., 1905. С. 197–245). См.: *Иванов Вячеслав.* Собр. соч. Т. II. Брюссель, 1974. С. 23–73.

[24] Фрагмент из цитированного выше монолога Иоанна Томазия (*Steiner Rudolf.* Vier Mystheriendramen. S. 49); в переводе Белоцветова: «Что о природе элементов, // О душах и о духах, // О времени и вечности» (*Штайнер Рудольф.* Драмы-мистерии. С. 136); в переводе Белого: «...сила, // Которую струят // Стихии, души, духи, // Разбег времен и вечность» (Литературное обозрение. 1995. № 4/5. С. 69).

[25] Слова Астрид в картине 7-й мистерии «Врата Посвящения» (*Steiner Rudolf.* Vier Mystheriendramen. S. 100); в переводе Белоцветова: «Хочу сплести я // Лучистый свет // С гасящим сумраком» (*Штайнер Рудольф.* Драмы-мистерии. С. 182).

[26] Начальные строки (с пропуском слова в первой строке) цитированного выше монолога Иоанна Томазия (*Steiner Rudolf.* Vier Mystheriendramen. S. 49); в переводе Белоцветова:

Так в продолженье многих лет
Словам суровым внемлю.
Они и в воздухе и в водах,
Из недр земли возносятся они.
И как в ничтожном желуде огромный дуб

Для глаз таинственно сокрыт,
Так в силе этих слов
Содержится <...>

(*Штайнер Рудольф*. Драмы-мистерии. С. 136); перевод Белого см. в тексте далее.

[27] Строки из того же монолога (*Steiner Rudolf.* Vier Mystheriendramen. S. 49–50); в переводе Белоцветова:

......И вот внутри
Все стало ужасающе живым.
Меня объемлет сумрак.
Во мне зияет темнота.
Из мирового мрака,
Из тьмы душевной мне звучит:

(*Штайнер Рудольф*. Драмы-мистерии. С. 136–137). Перевод Белого см. в тексте далее (со строки: «И вот!.. Теперь — »).

[28] Далее приводятся варианты строк (без учета пунктуационных разночтений) перевода этого фрагмента (монолог Иоанна Томазия из картины 2-й «Врат Посвящения») по тексту, опубликованному С. В. Казачковым (Литературное обозрение. 1995. № 4/5. С. 69–71).

[29] «Исполненные смысла».

[30] «О человек, познай себя!» — рефрен (12 повторов).

[31] «*Из ручьев и из скал раздается*» — рефрен (7 повторов).

[32] «Вокруг маячит мгла; // Во мне зияет сумрак, // Взывая мглой миров, // звуча из бездн души:».

[33] «Меня меняет сумрак;».

[34] «В ночи блуждаю я».

[35] «Я есмь!... Погаснувшим».

[36] «Как существо чужое — вне себя, // И — от себя далеко. // Приблизилось другое тело; // Я говорю его устами: „Я слепо верила ему, // А он мучительные скорби // Мне причинил; он — бросил в муках // И погрузил в земную стужу <...>“»

[37] «Покинутая мной, — // Я сам тобою был,».

[38] «Ты погасило свет:».

[39] «И — как мне вновь познать себя? // Лик человека я утратил:».

[40] «Моих глубин меня поглотят бездны. // Как пожирающее пламя,».

[41] Далее строки: «Оно — в биеньи пульса; // Оно — в ударах сердца».

[42] «Слов порождение:».

[43] «К тебе прикован — я. // Ты кто, чудовище?»

[44] «Познанием меня позор // Сковал с тобой, позор мой и порок. // Хотел тебя бежать я, // Миры меня слепили; в них // Освобождаясь от себя, // Я легкомысленно купался...»

[45] Слова из цитированного выше монолога Иоанна Томазия: «Da, aus dem finstern Abgrund, — // Welch Wesen glotz mich an?» (*Steiner Rudolf.* Vier

Mystheriendramen. S. 51); в переводе Белоцветова: «Кто там из бездны темной // Вперяется в меня?» (*Штайнер Рудольф.* Драмы-мистерии. С. 138).

[46] Дикий червь (*нем.*); образ из того же монолога: «Ein wilder Wurm erschein' ich mir» (*Steiner Rudolf.* Vier Mystheriendramen. S. 51).

[47] Хранитель, сторож (*нем.*). В опере Р. Вагнера «Зигфрид» дракон Фафнер охраняет сокровища, спрятанные в пещере (действие 2-е).

[48] Перефразированы слова Городничего в «Ревизоре» Н. В. Гоголя (действие 5-е, явление VIII): «Чему смеетесь? над собою смеетесь!..»

[49] Рефрен монолога Иоанна Томазия в картине 9-й мистерии «Врата Посвящения», повторяется 17 раз (*Steiner Rudolf.* Vier Mystheriendramen. S. 127–130). В переводе Белоцветова: «Почувствуй, человек, себя!» (*Штайнер Рудольф.* Драмы-мистерии. С. 206–209).

[50] Цитаты из картины 4-й мистерии «Врата Посвящения» (*Steiner Rudolf.* Vier Mystheriendramen. S. 68–69), при этом в оригинале слова, приписываемые Белым Люциферу, произносит Ариман и наоборот. В переводе Белоцветова: «*Люцифер.* О человек, познай себя! // Почувствуй, человек, меня!»; «*Ариман.* О человек, познай меня! // Почувствуй, человек, себя!» (*Штайнер Рудольф.* Драмы-мистерии. С. 154).

[51] Эти образы, представленные в четырех мистериях Штейнера, характеризуются автором как «духовные существа, являющиеся посредниками между человеческими душевными силами и космосом» (Там же. С. 331).

[52] См. выше, примеч. 16.

[53] См. картину 6-ю мистерии «Страж Порога» (*Steiner Rudolf.* Vier Mystheriendramen. S. 335). В переводе Белоцветова: «*Вселенной мысль живет в твоем мышленьи!*» (*Штайнер Рудольф.* Драмы-мистерии. С. 389).

[54] См. примеч. 36 к п. 224.

[55] Служащий-конторщик в редакции «Мусагета».

[56] Цитата-рефрен из картины 2-й мистерии «Пробуждение Душ» (*Steiner Rudolf.* Vier Mystheriendramen. S. 423–424, 427). В переводе Белоцветова: «Волшебную силу // Их собственной сути» (*Штайнер Рудольф.* Драмы-мистерии. С. 470).

[57] Приводимых слов в тексте Штейнера нет. Повторив приведенное двустишие, Иоанн Томазий произносит: «Das sind die Worte, die noch deutlich klingen // In meiner Seele» (*Steiner Rudolf.* Vier Mystheriendramen. S. 424); в переводе Белоцветова: «Вот те слова, которые так ясно // Звучат в моей душе» (*Штайнер Рудольф.* Драмы-мистерии. С. 470).

[58] Неточно приведены слова Фауста из первой части «Фауста» (сцена «За городскими воротами») Гёте; в оригинале: «Zwei Seelen wohnen ach! in meiner Brust» (Ах, две души живут в груди моей»).

[59] Αρχή (*греч.*) — начало; отправная точка; начало познания, гносеологического принципа (в философии Платона).

[60] Формула приветствия (распространенная в Баварии) и обед или ужин.

[61] Лакей Чичикова Петрушка («Мертвые души», т. 1, гл. II) имел «благородное побуждение к просвещению, т. е. чтению книг»: «Ему нравилось не то, о чем читал он, но больше самое чтение, или, лучше сказать, процесс самого чтения, что вот-де из букв вечно выходит какое-нибудь слово, которое иной раз черт знает что и значит» (*Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. Т. VI. <Л.>, 1951. С. 20).

[62] Картину Рафаэля «Сикстинская мадонна» (1515–1519), экспонируемую в Дрезденской картинной галерее, Белый осматривал вместе с Метнером во время пребывания в Дрездене в августе 1913 г. 30 августа (12 сентября) 1913 г. Белый писал матери: «В Дрездене мы совершенно восхитились Сикстинской Мадонной Рафаэля <…>» (*Письма к матери.* С. 187).

[63] «Золото Рейна» («Rheingold», 1852–1854) — название первой оперы Р. Вагнера из тетралогии «Кольцо нибелунга».

[64] См.: Деян. 9: 1–7.

[65] Образ из части 2-й «Северной симфонии (1-й, героической)». См.: *Симфонии.* С. 21.

[66] См. примеч. 20 к п. 31.

[67] М. К. Морозова.

[68] Строки из цитированного выше монолога Иоанна Томазия (см. примеч. 26).

[69] В оригинале («Плоды раздумья: Мысли и афоризмы», I, 22): «Если у тебя есть фонтан, заткни его, — дай отдохнуть и фонтану» (*Козьма Прутков.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1965. С. 123 («Библиотека поэта». Большая серия)).

[70] Хедвиг Фридрих.

[71] К письму прилагаются автографы Белого (л. 16–20): текст стихотворения Штейнера «Die Sonne schaue…» (1906), опубликованного под заглавием «Wintersonnenwende» («Зимний солнечный поворот»; см.: *Steiner Rudolf.* Wahrspruchworte. Dornach/Schweiz, 1969. S. 73), с параллельной схемой его метрической организации и последующим анализом ритмической и эвфонической структуры; раздельно прослежены «линии» согласных и гласных, на основании чего выстроены соответствующие графики и схемы звуковой организации текста. Здесь эти разборы не воспроизводятся.

305. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

15 (28) сентября 1913 г. Пильниц

Pillnitz 15/28–IX–913.

Если бы я отличался суеверием, дорогой друг, и не был бы уверен (как никогда раньше) в Вашем безусловно искреннем расположении ко мне, то я бы сказал, что Вы сглазили меня (или

оторвали кусок моего эфирного или астрального тела и взяли с собой в чемодан для okkulte Forschung* в Христиании). После Вашего отъезда[1] принялся за работу, и вдруг через несколько дней безо всякого внешнего повода напала *такая* неврастения, что я должен был бросить все и, как идиот, сидеть смирно и смотреть на воробьев; при этом полное отсутствие аппетита (при нормальном желудке), плохой тревожный сон и быстрое похудание. На днях уезжаю в Москву, где меня ждут страшные неприятности с агентурой Кожебаткина и вообще с мусагетскими непорядками, кот<орых> я не в силах устранить, т<ак> к<ак> у меня нет людей. Слава Богу, что Киселев согласился помочь[2]. Согласитесь, что в таком состоянии я не в силах составить формулятивную записку для Штейнера, и сделаю это, как только смогу[3]. — Сирин *наверно* переиздаст Ваш роман (т. е., ***конечно***, Серебр<яный> голубь) и стихи. *М<ожет> б<ыть>*, и симфонии. На основании этого «*м<ожет> б<ыть>*» («вопрос о симф<ониях> просим отложить» etc.) *Мусагет*, конечно, в свою очередь, м<ожет> б<ыть>, издаст Ваши симфонии[4]; изданы они будут *во всяком случае*, и поэтому, конечно, Вам надлежит заняться их пересмотром. Вы знаете, что симфонии принадлежат к любимейшему, что Вы написали, — для меня. Видеть их в мусагетском каталоге было бы более чем отрадно. Но Мусагет должен экономить и прежде всего выполнить все свои обязательства, т. е. напечатать уже обещанное или подо что выдан аванс. Поэтому в вопросе о симфониях играет огромную роль не только идейная, но и материальная сторона. По соглашению с Терещенко (когда он приезжал в Москву оккупировать Белого у *Мусагета*) было решено, что печатание Ваших вещей в *Сирине* не должно быть в ущерб интересам *Мусагета*. (Помните, я писал Вам тогда об этом?) В частности, Терещенко ***признал*** (ввиду Вашего долга), что *права* на Ваши произведения имеет *Мусагет* и что если *Сирин* будет печатать Вас, то гонорар (*за исключением той суммы, кот<орая> необходима Вам для жизни*), будет внесен в кассу *Мусагета* в уплату Вашего долга[5]. Напоминаю Вам об этом только потому, что теперь обстоятельства изменились в двояком направлении: 1) 1913 год на исходе; обеспечен ли у Вас 1914 г., будет ли *Сирин* платить Вам 333 р. 33 к. и в 1914 г.? 2) Ваше имение

* Оккультное исследование (*нем.*).

наконец реализуется[6]. 1) + 2) = X; т. е. возникает вопрос, как мне быть с *Сирином*; не можете ли Вы ему на досуге написать, намерен ли он, продолжая выплачивать Вам и в 1914 г. 333 р. 33 к. в месяц, уплатить хотя бы часть гонорара, следуемого Вам за второе издание Голубя и переиздание стихов, в кассу *Мусагета* в погашение Вашего долга. Если выяснится, что симфонии не пойдут в *Сирине* и в 1914 г., тогда мы напечатаем их по высшей допустимой расценке, и тем скинется еще значительная сумма с Вашего долга. А к тому времени окончится и с имением. — Итак, во всяком случае, займитесь симфониями. Вот — о делах.

Что касается Wagneriana[7], то я отправил Вам их, т<ак> к<ак> мы с Вами как раз слушали *Валькирию*[8]. До Вашей статьи обо мне — далеко, как и до моей о Вас[9]. —

Что касается Вашей статьи о мистериях[10], то я вовсе не определял *ближе* темы и был уверен, что Вы не забыли о своем праве писать, как и что хотите (раз вопрос не касается *общей* программы *всего* Мусагета, где, разумеется, необходимы взаимные уступки и предварительные соглашения). Если Вы думаете писать о художестве мистерий, то и это, конечно, будет напечатано. То обстоятельство, что *я* не вижу этого художества, роли не играет. Вообще пишите о чем хотите и что хотите, только, дорогой Борис Николаевич, *пишите*, а то выходит, что я *Тр<уды> и Дни* основал по Вашему желанию и по желанию Вячеслава, а Вы оба, занятые более важным, не пишете. Журнал теряет от этого[11].

Что касается эскиза и плана Вашей статьи, изложенной в письме, то (помимо уже упомянутого выше согласия на такую статью) *лично* могу сделать нижеследующие замечания.

1) Ваша теория ритма (вообще поэтика) как теория an und für sich* замечательна и по-бугаевски гениальна, но она все же — теория, а следовательно, одностороння, и ее односторонность (т. е. относительная узость и произвольность) выявляется при применении ее к Штейнеру.

2) Prius** Вашей оценки Штейнера не в теории Вашей, а в Вашем непосредственном восприятии его поэзии как поэзии *Вашего* Мейстера и великого оккультиста.

---

* Сама по себе (*нем.*).

** Исходное (положение) (*лат.*, *лог.*).

3) Исходя из этого субъективного обаяния, Вы прикладываете теорию (т. е. *относительно частично*-верный критерий), причем у Вас пропадает центральное, т. е. die *artistische* Unbefangenheit (артистическое беспредрассудочное чувство); действует только стихийное обаяние и теоретический анализ.

4) То, что Ваша теория вскрывает интересного и ценного в поэзии Штейнера, есть не Штейнер, а немецкий язык и немецкая поэзия. Вы впервые как следует вплотную подошли и к тому, и к другому; у Вас еще отсутствует перспективное и ориентировочное чувство в определении высот, глубин и дистанций между немецкими поэтами. Язык немецкий после санскрита и греческого самый естественный богатый ритмичный и звучный, и немецкая лирика величайшая в мире (это — несомненно); языки не первичные вроде франц<узского>, англ<ийского>, италь<янского> etc. или славянские не могут соревновать с нем<ецким>; первые — лоскутные, последние, т. е. славянские, — восковые, русский — крепче всех. Штейнера несет стихия немецкого поэтического языка, как море плохого пловца (пока он не устал). Поверьте, что любой десятистепенный немецкий поэт походит на Штейнера формой (поскольку она может быть отвлечена от содержания). Ваше восхищение языком и звуками меня трогает, даже удовлетворяет мой «германизм», но ничто так мне не ясно, как то, что это восхищение — не по адресу; наоборот, язык Штейнера, как в прозе, так и в стихах, невероятно сер, бесцветен и малозвучен. Насколько Эллисовский и Ваш перевод лучше подлинника! Сразу чувствуется все-таки чисто-поэтическая рука. — Я редко читал книги ***крупного*** и современного немца, которые были бы написаны таким плохим языком; сравните только язык философии Штейнера с языком Макса Десуара или Христиана Бродерсена, а его поэзию (не говорю уже с вождями вроде Ст. Георге), а с Александром Шредером или со Стукеном (мистерия «Гаван»[12]; вот где — ритмы).

Не сердитесь, дорогой; я прочел Ваше письмо с огромным наслаждением и пользой. Но по содержанию, кроме Вашей остроумнейшей критики всяческого степпунизма, принять пока ничего не могу из *не* интимного — обращенного ко мне лично. Штейнер для меня книга за семью печатями. — Для Вашего *оккультного* сведения (конфиденциально) сообщаю: ***до*** получения Вашего письма: 1) испытывал сдвиг предметов; пианино оказалось словно

поставленным наискось; 2) среди тревожных снов один: я со своим трупом в одной комнате: труп мой на столе покрыт простыней, а я на постели под одеялом; *некто* стоит у трупа и говорит: надеюсь, что разложение не наступит так скоро и запах не помешает Вам эту ночь проспать в этой комнате. — — — Странная неврастения?? — До свиданья, дорогой; не негодуйте на меня. Ядвига[13] кланяется Вам обоим, и передайте от меня мой привет Асе. Обнимаю Вас крепко; мы с Вами не только старинные, но и странные («по какому-то»[14]) друзья. Горячо любящий Вас Э. Метнер.

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 11.
Ответ на п. 304.

[1] Подразумевается отъезд из Дрездена в Норвегию (см. примеч. 6 к п. 302).

[2] С осени 1913 г. Н. П. Киселев разделил с В. Ф. Ахрамовичем секретарские обязанности в «Мусагете». В письме к Киселеву от 10 (23) августа 1913 г. Метнер предлагал ему «вмешаться *автократично* <...> в ведение дел»: «Это отымет у Вас часа два в день в течение, м<ожет> б<ыть>, одного месяца, пока выяснится, можем ли все-таки оставить Ахрамовича или надо взять другое лицо» (цит. по: *Соболев А. Л.* Андрей Белый и Н. П. Киселев // Арабески Андрея Белого: Жизненный путь. Духовные искания. Поэтика. Белград; М., 2017. С. 18–19). В среду 14 (27) августа 1913 г. Ахрамович писал Метнеру из Москвы: «Конечно, я только рад, что часть моего бремени будет переложена на плечи Николая Петровича; боюсь лишь одного: не убоится ли он многого, что мне было не под силу. <...> В пятницу я введу Ник<олая> Петр<овича> в курс моих работ; он хочет взять себе часть корректур. Бог даст, распутаемся!» (РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 16). В тот же день писал Метнеру из Москвы и Киселев: «...писать о положении дел в „Мусагете", т. е. о бездеятельности Ахрамовича, мне особенно не хотелось <...> Во всякую минуту существования „Мусагета" я принципиально был готов взять на себя секретарские обязанности; об условиях пока не стоит говорить, впредь до точного выяснения размеров работоспособности Ахрамовича; кажется, он хочет взять себя в руки и работать» (РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 18).

[3] Видимо, при встрече в Дрездене Метнер сообщил Белому, что не исключает возможности обратиться к Штейнеру за консультациями в целях избавления от мучивших его недугов. О том же он ранее писал М. В. Сабашниковой (30 января (12 февраля) 1913 г.): «...если, как врач, Штейнер внушит мне доверие, я, конечно, выслушаю его совет, ибо я прихожу все в большую и большую ветхость; — но в Штейнере пророк, идеолог, т. е. в религиозной и культурной стороне Штейнера я вижу нечто органически и непримиримо расходящееся с центральным пунктом моего мироощущения и *никогда* его учения не приму. <...> Лечиться я могу и у Штейнера, но отсюда еще не следует, чтобы я признал его за своего

мастера по оккультизму» (Переписка Э. К. Метнера и М. В. Сабашниковой. 1911–1913 / Подгот. текста и примеч. Елены Глуховой // Russian Literature. 2015. LXXVII–IV. С. 581–582).

[4] О том, что несостоявшееся переиздание «симфоний» в «Мусагете» значилось в те дни среди актуальных планов издательства, свидетельствует письмо Киселева к Метнеру от 12 (25) сентября 1913 г.: «Из Ваших писем мне не совсем ясно, вполне ли решенный вопрос относительно Бугаева, и надо ли что предпринимать, т. е.: *объявлять* ли симфонии и стихи в каталогах, подыскивать ли шрифты для набора, доставать ли печатные экземпляры (2-ая симфония — редкость) или ожидать доставления рукописей автором» (РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 18). 23 июля 1913 г. А. С. Петровский писал Метнеру о стихах и «симфониях» Белого: «Я передавал Бор<ису> Ник<олаевичу>, что в случае отрицат<ельного> исхода с Сирином, Мусагет заинтересован в поспешном издании их» (РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 35).

[5] Те же обстоятельства Метнер затрагивал в письме к М. И. Терещенко от 21 октября 1913 г.: «От Бориса Николаевича я получил известие о том, что *Сирин* согласен переиздать его стихи и *Голубя*. Вопрос же о симфониях, судя по письму Б<ориса> Н<иколаевич>а, пока откладывается. Ввиду того, что Б. Н. по сию пору не отдал нам своего долга, и опираясь на наш разговор с Вами в Москве, я очень прошу Вас часть гонорара, причитающегося за стихи и *Голубя*, передать *Мусагету*, уведомив о сем Бугаева от себя. Я надеюсь, что это не помешает Бугаеву продолжать получать по-прежнему каждый месяц 300 р., т<ак> к<ак> его новый роман, повидимому, — очень велик и даже словно распался на два романа. Обращаюсь к Вам с такою просьбою, потому что финансовое положение *Мусагета* и отчет, коим я обязан перед издателями, не позволяют мне бесконечно откладывать уплату Бугаевым его крупного долга и потому, что ясно, что Бугаев, вследствие разногласия своего с *Мусагетом* из-за антропософии, писать для нашего издательства едва ли захочет или сможет; крупные же вещи (художественные) ему выгоднее отдавать *Сирину*; конечно, я не хочу лишать Бугаева этой выгоды — (наши чисто личные отношения, несмотря на все ссоры, непоколебимы), — но не могу допустить, чтобы от этих изменившихся отношений его к *Мусагету* последний пострадал. Мне бы хотелось знать, есть ли надежда на то, что и симфонии когда-нибудь будут напечатаны *Сирином*; если бы Вы хотели решительно исключить их из сочинений Бугаева, то я бы приступил к их печатанию в *Мусагете*, тогда с аванса Бугаева скинулась бы еще некоторая часть. Если же *принципиально* и печатание симфоний решено (кстати: Бугаев после романа хочет вернуться на время к форме симфонии), то мне остается отказаться от их переиздания и ждать в будущем доли гонорара за них в пользу *Мусагета*» (РГБ. Ф. 167. Карт. 24. Ед. хр. 32).

[6] См. примеч. 6 к п. 199. 23 июля 1913 г. А. С. Петровский писал Метнеру о Белом: «Дело с закладом его имения тормозится нежеланием Ал<ександры> Дм<итриевны> <Бугаевой. — *Ред.*> отказаться от своей

части в кавк<азском> имении (!)»; 21 августа (3 сентября) 1913 г. он же сообщал Метнеру из Мюнхена: «...у Б. Н. дела с имением подвигаются, оно разбито на участки, А<лександра> Дм<итриевна> отказалась от своей части, и он почти наверняка вернет зимой часть долга» (РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 35).

[7] Имеются в виду «Наброски к комментарию» (к «Кольцу нибелунга») Метнера, датированные ноябрем 1912 г. и опубликованные в разделе «Wagneriana» в «Трудах и Днях» (1913. Тетрадь 1/2. С. 19–23).

[8] См. примеч. 6 к п. 302.

[9] Эти статьи (предполагавшиеся, видимо, для опубликования в «Трудах и Днях») не были написаны.

[10] Подразумеваются мистерии Штейнера. Белый статью о них в «Труды и Дни» не представил.

[11] См. примеч. 1 к п. 300.

[12] Неоромантическая драма Эдуарда Штукена (Stucken) на легендарный сюжет («Gawan», 1902).

[13] Хедвиг Фридрих.

[14] Ср. суждение Метнера о Белом в позднейшем письме к В. К. Тарасовой от 15 апреля 1934 г.: «...в его индивидуальном отношении к людям, мировоззрениям, произведениям искусства или науки, ко всему царил принцип, кот<орый> лучше всего выразился в его же любимом словечке: „покакому-то!“ И меня он обожал, но — „покакому-то!“ — И меня же предавал — тоже „покакому-то!“ — Психологически говоря, все у него было „амбивалентно“; он маячился между противоположностями <...>» (цит. по: *Юнггрен Магнус*. Русский Мефистофель. С. 228–229).

306. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

7 (20) октября 1913 г. Берлин

Милый Эмилий Карлович!

Не веселое это письмо. Я хотел бы, чтобы Вы воззвали в себе все миролюбие, чтобы выслушать мои слова в полном спокойствии, — и понять, что не поверхностное переживание мне его продиктовало, а ядро моей души. Если в жизни человека бывают случаи, когда понятие о долге перевешивает все личные чувства (дружбы, раздражения, любви, ненависти) и все личные отношения (отношения к друзьям, врагам, жене, родителям), то именно из этой сферы *полного бесстрастия* и вместе с тем решимости обращаюсь я к Вам с этим письмом.

Вы хорошо помните наш договор в прошлом году, касающийся нашего *modus vivendi** в «Мусагете». Договор, который я соблюдал бы и без всякого договора; а именно: я не буду касаться тем, близких мне, как *ортодоксальному* и *убежденному* штейнерианцу, и К<нигоиздательст>во «*Мусагет*» с своей стороны не касается тем, могущих особенно поранить меня неосторожным обращением с учением доктора Штейнера. Исключением из заключенного *modus vivendi* является Ваша книга[1], которая опирается на *печатные* труды доктора и на которую я должен был отвечать Вам книгой или статьей. Так было решено. И я с радостью согласился на это, зная Ваше благородство. Но я полагал, что этим печатанием книги не нарушается наш *modus vivendi* и что в отношении к этому *modus'y* vivendi обе стороны должны быть на уровне благородства, терпимости и деликатности; и вот сейчас я получил известие, которое, *верьте*, кажется мне чудовищной нелепостью, которая опрокидывает передо мной все понятия о.... человеческих отношениях. Я отказываюсь верить, и я — должен верить.

Оказывается, что в «*Мусагете*» на днях выходит книга Эллиса о докторе Штейнере, и я оказываюсь совершенно не в курсе дела[2]. Я лишь слышал, что Эллис собирается что-то такое писать об оккультизме и, признаться, не придавал этому никакого значения, ибо Эллис собирается писать десятилетиями; не придавал значения и еще потому, что член *Антропософического общества* может, конечно, писать какие угодно книги об оккультизме («оккультизмов» много); но вот оказывается, что 1) Эллис демонстративно уходит из О<бще>ства[3], 2) уходя, выпускает книгу против того, кого вчера он называл своим учителем, 3) обладая отсутствием представлений об элементарном такте и чести и обладая знанием многого количества циклов, *запрещенных в продаже*[4], он, конечно, сопровождает свой низкий и некрасивый поступок критикой сведений, почерпнутых им из бесед с доктором Штейнером. Такая стремительность в связи с выходом из О<бще>ства, которому он был столь многим обязан, есть *низость*, а то утаивание своего поступка от всех нас, его, по его словам, близких друзей, показывает, что, вероятно, к этой низости присоединяется и *подлость предательства*, т. е. разглашение сведений, не допустимых в печати.

* Образ жизни (*лат.*).

И это *подлое дело*, дело Иуды Искариота совершается при содействии К<нигоиздательст>ва, руководимого моими друзьями без своевременного уведомления меня, т. е. к подлому поступку, поступку предательства, я прикладываю руку (меня втягивают в подлость, т. е. Вы вольны как угодно смотреть на поступок Эллиса, а я, как ученик доктора, не могу не видеть его моральной гнусности, а своевременное не-уведомление меня, что книга печатается и на днях выходит, есть еще замешивание бессознательное меня в *подлость*, ибо я, член Редакции, принимаю моральную ответственность перед обществом, доктором Штейнером и русской публикой в поступке, который я квалифицирую, как член А<нтропософического> о<бще>ства, как *подлость*).

И вот: в последнюю минуту я это узнаю от посторонних лиц[5], не имея даже <возможности?> ни своевременно опротестовать в печати свое неприкосновение к печатанию книги Эллиса, ни выйти из «Мусагета». И надеюсь, что мои антропософские друзья Петровский, Киселев, Сизов и Ахрамович не подозревают о *выходе на днях* книги Эллиса, т. е. разглашении в печати, иначе они своевременно заявили бы о том, чему обязывает их совесть, ибо тут объективно стоит *или — или*: *или не быть* членом антропософического Общества, или не иметь прикосновения ни внешнего, ни внутреннего к книгоиздательству «*Мусагет*».

Ибо поступок Эллиса есть подлость 1) перед д<октором> Штейнером, 2) подлость перед антр<опософическим> о<бще>ством, 3) подлость по отношению к друзьям, ибо он выпускает книгу украдкой, как «*тать в нощи*», вместо того, чтобы дать ее на просмотр нам, друзьям, ибо, зная свой темперамент и невольное тяготение к разглашению запрещенного к опубликованию, он, как порядочный человек, дал бы на цензуру книгу нам (цензуру не мнений, а затрагиваемого материала). Мы предложили бы ему на выбор, или печатать не в «*Мусагете*», или заблаговременно уйти нам из «*Мусагета*».

Вместо этого он тайком печатает *пасквиль*, «*Мусагет*», без предупреждения, без отдачи нам на цензуру произведения Эллиса печатает *пасквиль*. Получается очень *грязная картина*, т. е. мы (я, надеюсь и Петровский, Сизов) просто в грязном, в отчаянном положении, не говоря уже о том, что нарушается дружеское *modus vivendi* совершенно не мотивированным образом с нашей стороны.

Нет, есть предел терпению. И даже не терпению, а…

Слушайте, милый друг! Не верю, чтобы «*Мусагет*» так издевался над самым дорогим и заветным чувством души: целомудренностью и прямотой нашего отношения к доктору. И если это так, то остается мне в полном самообладании и с великою горечью поставить ультиматум.

К*нига Эллиса никоим образом не выходит из печати*: «*Мусагет*» ее не издает. Не появляясь в *Мусагете*, она может появиться в другом месте при условии, что рукопись поступает на просмотр нам, антропософам, причем мы выкидываем из текста все места, имеющие какое-либо касание циклов доктора Штейнера. В противном случае Эллис оказывается господином, которому я отказываюсь подать руку; и более: я с чувством великой горечи и внутренней боли должен буду всюду заявлять, где могу, что он — *подлец*. И полагаю, что и прочие друзья постараются спасти от позора и поругания дело доктора, именуя поступок Эллиса его собственным именем.

В противном случае нам всем, антропософам, имеющим какое-либо отношение к «*Мусагету*», прервать всякое отношение с «*Мусагетом*» (по крайней мере так мне диктует совесть); и, милый друг, с горечью должен заявить: мне придется сказать всем лицам, имеющим прикосновение к печатанию *пасквиля*: «Мы более не можем быть знакомы никогда, каковы бы ни были связи, соединявшие нас». Кто бы ни приложил руку к печатанию *пасквиля*, друг, отец, жена, брат, мы, мне кажется, не можем не реагировать разными способами. Я, по крайней мере, буду вынужден так поступить. Тут говорит не злость, не запальчивость, не боль даже, а что-то другое; и это заявление не клятва, не честное слово, а что-то более глубокое, объективное, что не стоит в связи с темпераментом, чувством и т. д. и т. д.

Никогда, никогда — ни с кем из приложивших руку к предательству Эллиса я не в состоянии буду ни встретиться, ни обменяться словом, ибо иначе было бы поругано во мне все *святое святых во мне*.

И вот: неужели это мое последнее письмо? Неужели жизнь нас на-все-гда разводит? Почему? За что? Но поймите: что дело это (с пасквилем Эллиса) в тысячу раз сериезнее, чем Вы в наивности

(печатая украдкой) могли предполагать. Или то, что я узнал от Ан<н>енковой сегодня[6] и что нас всех потрясло более, верьте, чем смерть родного отца, родной матери, — печатание пасквиля Эллиса без уведомления заранее, без цензуры, с нарушением всех дружеских статус-кво есть факт?

Мы все здесь поражены, потрясены: не верим. Я не смею никому взглянуть в лицо: «*Это делает Мусагет?*»

Не верю!..

Книга, конечно, *не выйдет*. Неужели книга разломает ряд интимных отношений, скрепленных годами. Но поймите: книга Эллиса — ***под-ло-сть***. Если он не даст ее нам на предварительный суд — он ***подлец***...

Неужели прощайте навсегда?

Жду телеграммы.

Борис Бугаев.

P. S. Я пишу так определенно, потому что Ан<н>енкова передала мне это сведение со слов Киселева.

Иначе, я не поверил бы, если бы мне известие это было передано, как слух[7].

РГБ. Ф. 167. Карт. 3. Ед. хр. 18. Датируется по почтовому штемпелю отправления: Berlin. 20. X. 13. Штемпель получения: Москва. 9. X. 1913.

Письму предшествовала телеграмма, отправленная 6 (19) октября 1913 г. из Берлина по адресу «Мусагета»: «Книгу Эллиса не выпускать до письма — Бугаев» (РГБ. Ф. 167. Карт. 3. Ед. хр. 17. Текст — латиницей).

Еще одна телеграмма была отправлена оттуда же по тому же адресу 8 (21) октября: «Задержка книги Эллиса для меня вопрос чести требую задержать — Бугаев» (РГБ. Ф. 167. Карт. 3. Ед. хр. 19. Текст — латиницей).

[1] Имеется в виду кн.: *Метнер Эмилий*. Размышления о Гёте. Кн. I. Разбор взглядов Р. Штейнера в связи с вопросами критицизма, символизма и оккультизма. М.: Мусагет, 1914; вышла в свет в августе 1914 г. О своем намерении написать работу на эту тему Метнер известил Белого в п. 299.

[2] Имеется в виду кн.: *Эллис*. Vigilemus! Трактат. М.: Мусагет, 1914; вышла в свет в декабре 1914 г. О Р. Штейнере в ней говорится в ряде фрагментов, однако разбор его учения не является главной темой трактата Эллиса. Рукопись «Vigilemus!» Эллис выслал в редакцию «Мусагета» в сентябре 1913 г.; в сопроводительном письме к Метнеру от 16 (29) сентября он заявлял: «Очень прошу Вас <...> ответить мне по просмотре моей работы „*Vigilemus*“ (в к<ото>рой я корректно, но активно защищаю религию, культуру и символизм от модерно-теософо-разгильдяйства), ответить мне, 1) согласны ли Вы поместить ее в „Трудах“ в ближ<айшем> № *без*

изменений»; при письме на отдельном листке — пояснительная запись Н. П. Киселева: «21. IX. 1913 (суббота) Vigilemus прибыл в Москву» (РГБ. Ф. 167. Карт. 8. Ед. хр. 17).

[3] Белый в ретроспективном «Материале к биографии» относит время выхода Эллиса из Антропософского общества к августу 1913 г. (см.: ЛН. Т. 105. С. 138). 1 (14) октября 1913 г. Эллис отправил из Дегерлоха А. А. Сидорову по адресу «Мусагета» книгу — трактат Фомы Кемпийского «О подражании Христу» в немецком переводе (*Thomas von Kempis*. Vier Bücher von der Nachfolge Christi. Stuttgart, s. a.) с автографом на 2-й странице обложки: «В день и час выхода моего из „Антропософич<еского> общества". Эллис» (Собрание Н. В. Котрелева, Москва).

[4] Речь идет о текстах лекций и лекционных курсов Штейнера, распространявшихся среди членов Антропософского общества и не опубликованных в периодике или отдельными изданиями.

[5] Ср. сообщение в записях об октябре 1913 г. в «Материале к биографии» Белого: «...вдруг: проезжающая из Москвы в Париж О. Н. Анненкова с Е. А. Бальмонт приносят известие, что в Москве, в „*Мусагете*" выходит пасквиль на д<окто>ра, написанный Эллисом» (ЛН. Т. 105. С. 139).

[6] Судя по дате телеграммы, отправленной Белым накануне (см. выше), разговор его с О. Н. Анненковой состоялся 6 (19) октября.

[7] В тот же день (почтовый штемпель отправления: Berlin. 20. X. 1913; штемпель получения: Москва. 9. X. 1913) Белый отправил по адресу «Мусагета» следующее официальное заявление (РГБ. Ф. 167. Карт. 9. Ед. хр. 9):

Милостивый Государь!

Тотчас же задержите книгу Эллиса. В противном случае этот выход, кроме предательства нас, антропософов, будет поступком низким, поколику он совершался тайком. В случае выхода книги я отказываюсь иметь какое-либо сношение личное *на-все-гда* со всяким, приложившим руку к этому скверному делу.

Предупреждаю, что если Вы не задержите книгу, вы будете годами раскаиваться: но будет поздно.

Примите и прочее

Борис Бугаев.

В день же напечатания книги Эллиса вопреки моему настоянию прошу напечатать в газетах нижеследующее мое заявление:

М. Г.

Позвольте посредством Вашей газеты заявить, что я ни в каких отношениях не состою с членами Редакции К<нигоиздатель>ства «Мусагет», из которого я вышел.

Андрей Белый.

(Опубликовано А. Л. Соболевым: Арабески Андрея Белого. С. 98).

Видимо, одновременно с настоящим письмом свое письмо Метнеру отправила А. Тургенева (РГБ. Ф. 167. Карт. 3. Ед. хр. 28):

Милый Эмилий Карлович,
возможно ли, чтобы это было так? Возможно ли, что мы три дня виделись и вы не заикнулись о книге Эллиса против доктора, кот<орая> уже выходит, которая, стало быть, уже тогда была вам известна? Этому нельзя поверить.

Но Киселев вполне определенно под секретом сказал Ан<н>енковой, что «Мусагет» печатает секретно книгу Эллиса против Доктора. Если это не идиотская шутка с его стороны — то тут не до секретов. И Ан<н>енкова просила передать Киселеву, что с ее стороны было предательством сохранять такой секрет.

Итак — если эта книга не миф, то, зная Эллиса, кот<орый> 6 месяцев тому назад молился на доктора и проклинал вас, потому что вы не у Доктора, и теперь пишет — я с такими христианами, как Дурылин, Метнер, Рачинский и Иванов, защищаю христианство от штейнерианства — и мейстер стал танцмейстером.

Вы поймете, что наш долг требовать, чтобы эта книга была отдана на просмотр, — Мусагет слишком благородное издательство, чтобы допустить у себя книгу, основанную на ужаснейшей провокации. Но как мог Мусагет нарушить договор, в кот<ором> было, что ничего против Доктора не появится в нем, с тем, что штейнерианцы тоже не будут в нем вести пропаганды? (Ваша книга в иной плоскости, об ней не может быть и речи.) Как мог Мусагет, нарушая договор, нарушить не открыто и чес<т>но, а исподволь из-за спины? Книга Эллиса не должна выйти в Мусагете. Она не должна — непроверенная — выходить ни в каком издательстве. — Если нас не послушают, то, чтобы не быть вынужденными — уйти от Доктора, как предатели Доктора, мы должны будем навсегда отрезаться от тех, кто приложил руку к этой провокации.

Милый Эмилий Карлович, вы поймете, как тяжело переживает Боря эту необходимость, вновь, после стольких ссор, примирившись с вами, — я знаю, как он этому радовался, и знаю, как ужасно больно ему будет разорвать с вами навсегда, и мы только одного хотим, чтобы этого не было.

307. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

12 (25) октября 1913 г. Имение К. В. Осипова

Траханеево 12/25–X–913.

Дорогой Борис Николаевич!

Если бы не наша встреча в Дрездене[1], которая снова дала доказательство где-то в глубине кроющейся связи наших личностей, то я, конечно, мог бы реагировать на Ваше от 7/20–X письмо только красноречивым молчанием, долженствующим обозначить момент нашего окончательного разрыва. Ибо достаточно малейшего подозрения (в форме вопроса: «неужели», не говоря уже о форме

решительного утверждения: «Мусагет печатает пасквиль» и т. п.), подозрения (несомненно во всех формах выраженного в Вашем письме) в том, что я конспиративно содействую подлому делу пасквилянта и ренегата (Вы понимаете или нет), что достаточно одного только подозрения меня в этом, чтобы автор этого подозрения перестал для меня существовать, кто бы он ни был. Никто никогда не ставил на пробу терпение и преданность своих друзей в такой невыносимой мере, как Вы. — Неужели оккультизм не научил Вас (если уж природа создала Вас столь... нетерпеливым и нетерпимым) сдержанности; почему Вы просто не написали: «Дорогой Эм<илий> Карл<ович>, что это за книга Эллиса, кот<орую> Вы печатаете?» — и не подождали моего ответа, а поверили какой-то там даме, принесшей Вам неверный слух из Москвы, которую Вы сами же клеймите гнездом сплетен? —

Вот обстоятельства этого дела: 1) *После* Вашего отъезда в Христианию[2] пришла рукопись Эллиса; если бы *до* или *во время*, то, конечно, я бы ее показал Вам. 2) Рукопись небольшая; скорее крупная статья или маленькая брошюра; написана столь мелко, грязно и нечетко, что я (будучи больным) мог только прочесть из нее наугад несколько фраз в разных местах и, видя, что это — обычная католическая экспекторация[3] Эллиса, ничего пасквильного не содержащая (на первый взгляд), отправил ее Киселеву (который заменил Ахрамовича (по болезни выходящего в отставку)[4]), с предписанием внимательно ее прочесть и, если в ней нет ничего предосудительного, то сдать в набор (смотря по размеру) либо как брошюру, либо для Тр<удов> и Дн<ей>. — Поступил я так по двум причинам: во-первых, Эллис в довольно скорбном письме, где он жаловался на задержки в его литературной деятельности[5], очень просил меня поспешить с печатанием этой рукописи; во-вторых, я считаю Киселева, члена антропософ<ического> общ<ества> и огромного знатока литературы по оккультизму, в то же время *не* ярого штейнерьянца, настолько беспристрастным судьею такой рукописи, кот<орая> все же касается острых вопросов, обострившихся вдобавок в Мусагете. — 3) Киселев* конспирировал с рукописью по соображениям,

* *Киселев* конспирировал, а не я конспирировал от Киселева, Петровского, Сизова, Вас и т. д. (*Примеч. Метнера*).

по-моему, веским, не желая вызывать толки вокруг *Мусагета*, но о рукописи сказал Петровскому[6]. Впрочем, обо всем этом его, Киселева, касающемся, он сам Вам напишет. Рукопись набиралась, когда я приехал двенадцать дней тому назад в Москву[7], и потому я ее в корректуре сам еще не читал. Каким же образом могли бы с ней познакомиться раньше Вы или Петровский; знает ее только Рачинский, т<ак> к<ак> Киселев случайно встретился с ним и, кажется, кое-что прочел ему из рукописи; Рачинский, Киселев, я* — ***за*** напечатание; Вы (пока, a priori) и Петровский (тоже a priori) *против*; три голоса против двух; литературный комитет (говорю a priori; посмотрим, что будет) явно высказывается, следовательно, *за* напечатание; кроме того, Эллис как-никак все же один из основных членов издательства, на которого *как на такового* Вы же в прошлом году опирались, ставя мне различные требования по вопросу о направлении издательской деятельности. — 4) На Ваши телеграммы мы ответили, что высылаем корректуру. Она будет готова в понедельник 14/27–X. Киселев пишет Вам. *Это* мое письмо, м<ожет> б<ыть>, задержится, т<ак> к<ак> не каждый день ходят на почту, а в Москве я не имел времени написать Вам. Как только я прочту в корректурах брошюру Эллиса окончательно, немедля дам Вам и окончательный ответ, будет ли она напечатана. Вас же прошу иметь мужество направить все те оскорбления, которыми Вы обдали Эллиса в письме ко мне, направить ему лично; м<ожет> б<ыть>, тогда он (с *Вашей* точки зрения) «образумится» и сам откажется от опубликования этого, как Вы называете, пасквиля.

Вот — обстоятельства этого дела, которое вызвало снова и опять столь необдуманное и обидное на меня нападение. Между прочим, Вы очень странно формулируете или толкуете наш договор: «я, Андрей Белый, не буду касаться тем, близких мне как *ортодоксальному* и *убежденному* штейнерьянцу, и *Мусагет* с своей стороны не касается тем, могущих особенно поранить меня неосторожным обращением с учением доктора Штейнера». Наш договор вовсе не имел столь субъективный и столь абсолютный

---

* *Пока*; по прочтении корректур, м<ожет> б<ыть>, буду и иного мнения. (*Примеч. Метнера*).

характер. Да если бы это было так, то Вы бы со своими афоризмами[8] явились первым, кто этот договор нарушил; нужды нет, что в них почти не упоминается буквально даже оккультизм, не говоря уже о Штейнере; но только *слепой* не увидит в этих афоризмах *введения* в штейнерьянскую проповедь. Все острие, все жало этих афоризмов штейнерьянское, а ницшеанское — только одеяние. Недаром alles ist zugespitzt* к цитате из Штейнера[9]. Если бы договор был таков, стал ли бы я предлагать Вам написать статью о мистериях. И решился бы я сам выступить с критикою псевдогетеанства Штейнера? — Нет, наш договор был внеличный и толерантный. Речь шла не о pro и contra Steiner, а о том, что наша платформа остается без изменения и что специфически оккультные темы не должны подвергаться обсуждению (как не подвергаются обсуждению темы по математике и естественным наукам), но допускается общая культурная оценка и критика оккультизма (в том числе и Штейнера), причем антитеософы и теософы мирно могут *спорить* на страницах *Трудов и Дней*, раз уже нельзя вовсе молчать (как это вскоре же оправдалось на Ваших афоризмах, на статье Степпуна[10], на Мюнхенских письмах и *Парсифале* Эллиса (см. Wagneriana)[11] и теперь на брошюре Эллиса). — В этом смысле о нашем договоре я оповестил тогда еще и Вячеслава, кот<орый> беспокоился, чем кончится вопрос об оккультизме в Мусагете[12]. —

Книга Эллиса называется Vigilemus и вовсе не направлена прямо на Штейнера; тогда Ваши афоризмы — суть гласное и решительное коронование Штейнера. Эта дама вообще просто преждевременно... выкинула[13]; вообще не слушайте никогда никаких дам. — О *демонстративном* выходе Эллиса из общества я ничего не знаю. — Эволюция Эллиса не есть a priori подлость; для меня, как для литератора, Бодлэр, Брюсов, Штейнер, Маркс, Данте все одинаковые мэтры Эллиса; если бы он написал книгу против каждого из них по очереди, книгу корректную, хотя бы и с темпераментом резким, я бы напечатал. Я *не* разделяю эллисовской быстроты эволюционирования, но считаю это — искренностью. Вы вольны думать иначе и поступать как хотите, но (если

---

* Всё заострено (*нем.*).

окажется, что априорное заключение Литературного Комитета совпадет с апостериорным), то правильно (с моей точки зрения) было бы уведомление Вами антропософического общества, что Вы подали голос *против* брошюры, но что большинство было *за*. Если брошюра Эллиса (которую пока хорошо знает один Киселев, ее *вполне* одобряющий) окажется корректной (в моих глазах и в глазах Рачинского), а Вы *все-таки* не сочтете возможным уступить и остаться в Мусагете, то это обнаружит только возмутительный папистский иезуитский догматизм и абсолютизм оккультной школы; *Мусагет* прежде всего — свободомыслие на высших планах (религиозный и оккультный *либерализм*); всяческий абсолютизм, взывание к цензуре, всяческая ортодоксальность, которая теснит неортодоксальность, непримиримы с идеей Мусагета; это Вы знаете; если ортодоксальное католичество Эллиса задумает *теснить* (вытеснять, а не нападать, что дозволительно) антропософов, я вступлюсь за последних. Все Ваше письмо свидетельствует об отсутствии внутренней свободы в той идеологии, которую Вы ныне разделяете. Впрочем, для меня это — не новость. Любая книга Штейнера дышит тем же абсолютизмом, тем же *АНТИГЕРМАНИЗМОМ*, что и Фома Аквинский. Арийство и не ночевало тут! Азия, Азия, теократическое малоазиатство. — М<ожет> б<ыть>, я и ошибаюсь, но тогда: 1) я не умею читать (вероятно, по глупости) Штейнера; 2) Вы же в Вашем письме просто тоже преждевременно... выкинули, уподобившись даме... Простите горькие и неостроумные шутки, но я совершенно теряюсь в догадках и перестаю понимать, что делается с Вами. — Я готов допустить в Мусагете и антипатичную мне линию, но лишь тогда, когда она не заявляет цензорских претензий, ибо отсюда не далеко и до диктаторских. Если нужна диктатура, то за нее взяться могу только я один, потому что я один из всех Вас внепартиен. Я один умею заставить молчать в себе и не определяться в своих решениях личными нотами, хотя бы и облекающими себя в плащ «общего дела». Это безо всякой гордости скажу о себе. — Если бы я слушал только эти мои интимные нотки, то $4/5$ напечатанного в Мусагете похерил бы редакторским карандашом. — Вы в Дрездене повторяли: верю, верю, верю Вам, Вы не допустите изуверства в *анти*-теософских проявлениях. — Ваша вера (довольно, впрочем, как показывает

письмо об Эллисе, маловерная) — именно и основывается на инстинктивном сознании, что я не следую слепо своим симпатиям и антипатиям, что я — свободен и толерантен (приходится хвалить себя!), а потому и могу быть диктатором. По-видимому, мне и придется им стать. —

Ваше ортодоксальное рвение заставляет Вас воскликнуть: «Книга Эллиса *никоим* образом не выходит из печати: Мусагет ее *не* издаст. Не появляясь в Мусагете, она может появиться в другом месте при условии, что рукопись поступает на просмотр нам etc.». Итак, *не прочтя Эллиса*, вы *a priori* требуете от Мусагета безусловного отказа печатать это не прочитанное Вами сочинение! Это ли не изуверство??!! — Это ли не деспотизм, не рабство мысли и чувства! Или Вы исказили свою природу, или я ошибался в Вас! Изуверство Эллиса («костры», «инквизиция», «папа») — все это романтические бирюльки в сравнении с Вашим «ультиматумом», обрекающим на молчание живого человека, по своему природному дарованию призванного быть в литературе. — Если же с Вашей стороны это — не изуверство, тогда невероятное легковерие: какая-то теософическая дама что-то сенсационное поспешила Вам рассказать, а Вы уже готовы взять перо и облить помоями двух своих друзей, товарищей по редакции, к которым Вы больше десяти лет близко стоите.

Когда Яковенко написал статью (*очень* справедливую, хотя и *несколько* резкую) о книге Бердяева, Вы, тогда возлагавший надежды на то, что «близкий» (так Вы его называли тогда) Бердяев станет антропософом, поспешили вступиться и потребовали, чтобы статья Яковенки не была напечатана. То же требовал Рачинский, и *большинством* голосов решено было возвратить статью Яковенке[14]. Теперь «близкий» Вам Бердяев превратился в «изувера» Бердяева (так Вы его назвали в Дрездене)[15]. Когда Эллис посылал свои (нарушающие Вашу формулу о договоре) пропагандирующие штейнерьянство мюнхенские письма, я помещал их и притом вычеркивал из них то, против чего, как против разглашения недолжного, протестовали Петровский и Киселев. Итак, я умею прислушиваться и уступать друзьям даже там, где бы мне не хотелось (напр<имер>, в случае со статьей Яковенки). Поверьте, и в данном случае поступлю конституционно. —

Кем одержим Эллис, это для меня, с литературной точки, — безразлично. Если Эллис написал нечто, вообще говоря, приемлемое, то я печатаю, ибо Эллис один из сооснователей Мусагета. Киселев знает Штейнера по циклам и знает вообще оккультную литературу. Он не нашел в брошюре ничего, что бы звучало пасквилем или провокацией. Петровский — очень против Эллиса, т. е. против его писаний принципиально, и мы с ним договорились до обмена следующими репликами:

Петровский. Я всегда был против писаний Льва на такие темы, кот<орые> затрагивают религию и т. п. Все равно, и когда Лев был штейнерьянцем, и когда он стал антиштейнерьянцем, и еще раньше, когда он был бодлэристом.

Я. Так стало быть, по-Вашему, Лев должен перестать быть в литературе? Что делать, когда он пишет только о том, что́ его волнует. Но ведь тогда Лев заявит мне, что не может пользоваться субсидией Мусагета, раз его не печатают; ведь и так он жаловался мне в письме, что ему зажимают рот и теософы, и антитеософы. Эллис выбрасывается на улицу.

Петровский. Ну так что ж?! Мусагет перестанет ему высылать субсидию, его поддержат другие. С голода он не умрет.

Я. Кто эти другие? В России? В Москве?

Петровский. Нет, в Германии. Антропософы.

Я. Итак, антропософическое общество хочет купить молчание Эллиса; Эллис непременно так и скажет и, конечно, откажется и от субсидии. Ему остается сначала умереть, как литератору, а затем и с голода. —

Итак, Борис Николаевич, в прошлом году (когда Эллис требовал изменения платформы синтеза символизма и оккультизма) Вы несправедливо писали мне в укор: Эллиса не слушают, с ним не считаются и т. д. — Теперь, когда Эллис перестал колебать основы Мусагета, а просто пишет, что думает, только потому, что он пишет против антропософии, Вы опять несправедливо укоряете меня в попустительстве и укрывательстве преступления, в факте совершения которого даже лично не убедились. Эллис должен быть подвергнут остракизму без права, кот<орое> дается каждому преступнику; т. е. не выслушав его показаний. —

Я не теряю надежды, что Вы возьмете назад свои слова и решения. Если же — нет, то, конечно, нам придется расстаться *идейно*, ибо *лично* мы можем продолжать (я — по крайней мере так думаю) наше общение. *Идея* Мусагета все крепнет и крепнет в моем сознании, и я всеми силами буду стремиться, чтобы духовная свобода (как ее понимал Кант и Гёте и как ее не понял Штейнер, написавший философию свободы[16]), чтобы эта духовная свобода, как основной момент идеи Мусагета, не попиралась хотя бы и стопами «святых». —

Я бы написал Вам больше, если бы не был до сих пор так утомлен и разбит. Мое письмо Вам[17] (в ответ на Ваше с анализом поэзии Штейнера) уже поставило Вас в известность о моем дурном самочувствии. Христиан Бродерсен — описка очень симптоматичная для моего переутомления[18]. Боюсь, еще благодаря утомлению неясно изложил свои соображения об издании симфоний. Сейчас, конечно, подымать об этом вопрос снова преждевременно. — Еще одна мелочь. Эллис жаждет читать и писать[19]. Вам было отправлено из Мусагета много книг, кот<орые> мы получили от издательств по обмену из *Пути*, *Скорпиона*, Некрасова и т. п. В свое время я распорядился, чтобы Вам написали, чтобы по прочтении Вы книги пересылали Эллису, кот<орому> отдельно посылать бы было невозможно. Очень прошу Вас переслать все полученное Вами Эллису: Stuttgart Degerloch Wilhelmstr<asse> 60. — Он хочет написать рецензии, для которых Вы в настоящее время ведь не имеете досуга.

Обнимаю Вас. Ваш Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 30.

Ответ на п. 306. В письме-дневнике, адресованном М. С. Шагинян (7–13 (20–26) октября 1913 г.), Метнер сообщал: «Новый бунт Бугаева. Предстоящий, по-видимому, раскол в Мусагете: уйдут, вероятно, Бугаев, Петровский, Сизов, Ахрамович. <…> По возвращении в деревню занялся двумя огромными письмами Бугаеву и Эллису» (РГБ. Ф. 167. Карт. 25. Ед. хр. 27. Л. 6).

1 См. примеч. 6 к п. 302.

2 Белый и А. Тургенева приехали из Дрездена в Христианию 9 или 10 сентября (н. ст.) 1913 г. Метнер отвечает здесь на упрек в письме А. Тургеневой (см. примеч. 7 к п. 306), будто бы он при встрече в Дрездене умолчал

о представлении Эллисом своей книги в «Мусагет». В действительности Метнер ознакомился с присланным Эллисом текстом книги уже после получения протестных требований Белого; 15–17 (28–30) октября 1913 г. он сообщал М. С. Шагинян: «Вечером прочел с Анютой <А. М. Метнер. — *Ред.*> Vigilemus (корректуры) и убедился, что антропософы с ума сошли, если смеют требовать, что<бы> Эллис отказался от печатания этой вполне безобидной и очень порядочной работы» (РГБ. Ф. 167. Карт. 25. Ед. хр. 27. Л. 14).

3 От лат. exspectātio — ожидание, предвидение, интерес.

4 См. примеч. 2 к п. 305.

5 Имеется в виду письмо от 23 сентября (6 октября) 1913 г. (РГБ. Ф. 167. Карт. 8. Ед. хр. 18).

6 По убеждению Эллиса, О. Н. Анненкова узнала о печатании в «Мусагете» его трактата от Н. П. Киселева. 11 (24) октября 1913 г. он писал Метнеру из Дегерлоха: «Киселев нечто сболтнул несуразное о какой-то конспирации известной теософской тетке Анненковой, к<ото>рая состоит лично при Сиверс в качестве детектива. Последняя передала Сиверс в форме ужасающей о каком-то тайном обществе в Мус<аге>те против Steiner'a» (РГБ. Ф. 167. Карт. 8. Ед. хр. 19. Мари́я Яковлевна фон Сиверс (в замужестве Штейнер; 1867–1948) — ближайшая сподвижница Р. Штейнера и его жена — с 24 декабря 1914 г.). 8 (21) октября 1913 г. О. Н. Анненкова писала Н. П. Киселеву: «...я не сдержала своего обещания держать в тайне Ваше сообщение о книге Эллиса и сказала об этом в Берлине Марии Яковлевне и Белому. Уйдя от Вас, я размышляла о могущих произойти крайне печальных последствиях, если бы эта книга вышла, и потому решила предотвратить, как могу, эти последствия. Я уж не говорю, как я лично оскорблена и возмущена поступком Эллиса, но подумали ли Вы, в какое положение Вы поставили Белого!? Я могу только искренно радоваться, что нарушила свое обещание, т<ак> к<ак> он сказал мне, что порвал бы немедленно всякие сношения с «Мусагетом» и деловые и личные, если бы книга Эллиса вышла». Письмо приведено в полном объеме в статье А. Л. Соболева «Андрей Белый и Н. П. Киселев» (Арабески Андрея Белого. С. 20–21).

7 Рукопись Эллиса Метнер отправил Киселеву вместе с письмом от 17 (30) сентября 1913 г.: «Посылаю статью (или брошю́ру) Эллиса, кот<орую> вследствие нездоровья (неврастения и безумная усталость головы и глаз) прочесть до конца не мог; ее надо *немедля* набрать или для брошюры (если размер примечаний не слишком мал) или для *Тр<удов> и Дн<ей>*. *Лучше* было бы *натянуть* брошюру. Но *скорее*: Эллис *очень* молил поспешить» (приведено в указанной статье А. Л. Соболева; см.: Там же. С. 20). 6 (19) октября 1913 г. Метнер сообщал Эллису из Москвы: «Vigilemus набрано. <...> Ахрамович вышел в отставку и на его место назначен Киселев, к кот<орому> и обращайтесь» (РГБ. Ф. 167. Карт. 6. Ед. хр. 24).

8 Подразумевается статья Белого «Круговое движение (Сорок две арабески)».

[9] См. примеч. 2 к п. 264.

[10] См. примеч. 7 к п. 274.

[11] См. примеч. 17 к п. 262. Имеется в виду также цикл из трех статей Эллиса под общим заглавием «Мюнхенские письма» (Труды и Дни. 1912. Кн. 4/5. С. 46–50; Кн. 6. С. 49–62).

[12] Видимо, Метнер подразумевает свое письмо к Вяч. Иванову от 19 ноября (2 декабря) 1912 г.; в нем подробно обрисованы конфликты с Белым и Эллисом, однако о «договоре» относительно условий совместных действий в «Мусагете» речи не идет, лишь сообщается: «...теперь я „принял отставку" Бугаева, которую раньше „отклонил"; он — более не редактор *Тр<удов> и Дн<ей>*, а следовательно, все пойдет глаже...» (Вопросы литературы. 1994. Вып. III. С. 294–295. Публ. В. Сапова).

[13] Подразумевается О. Н. Анненкова.

[14] См. п. 266, примеч. 1, 5, примеч. 8 к п. 267.

[15] Эта перемена в отношении Белого к Бердяеву была в определенной мере обусловлена тем, что гельсингфорсский курс лекций Штейнера (конец мая — начало июня н. ст. 1913 г.) был прослушан последним без ожидаемого энтузиазма; как отмечает Белый в «Материале к биографии», «Бердяев относится двойственно к слышимому» (ЛН. Т. 105. С. 135). О реакции Бердяева на гельсингфорсский курс Белый пишет также в «Воспоминаниях о Штейнере»: «...все десять лекций курса он не столько прослушал, сколько проборолся с могущим на него воздействовать влиянием *„магических пасс"* Штейнера; да так и *„прошел"* мимо курса — в собственную схему, до глупого ничего не поняв» (*Андрей Белый.* Собр. соч.: Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности; Воспоминания о Штейнере. М., 2000. С. 351). См. также: *Бойчук А. Г.* Андрей Белый и Николай Бердяев: к истории диалога // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 1992. Т. 51. № 2. С. 33–34.

[16] Имеется в виду книга Штейнера «Философия свободы» («Die Philosophie der Freiheit. Grundzüge einer modernen Weltanschauung. Seelische Beobachtungsresultate nach naturwissenschaftlicher Methode». Berlin, 1894). См. русский перевод Б. П. Григорова: *Штайнер Рудольф.* Философия свободы: Основные черты одного современного мировоззрения. Результаты душевных наблюдений по естественно-научному методу. Ереван, 1993.

[17] Имеется в виду п. 305.

[18] Метнер, скорее всего, подразумевал вместо фантомного Христиана Бродерсена Бродера Христиансена.

[19] В упомянутом выше письме к Метнеру от 23 сентября (6 октября) 1913 г. Эллис выражал готовность представить в «Мусагет», помимо «Vigilemus!», следующие брошюры: «2) *„Романтизм и символизм"* (*набросано уже*). 3) О христианском искусстве (искусство катакомб, готика, византизм). 4) Символика Мистической Розы».

308. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

1 (14) ноября 1913 г. Берлин

Многоуважаемый Эмилий Карлович!

Ввиду моего выхода из «*Мусагета*» и выхода членов А<нтропософического> О<бщества> Петровского и Сизова моя *мотивировка* отношения моего к брошюре Эллиса не имеет уже в «*Мусагете*» ни формальной цены, ни формального веса[1].

Поэтому с течением времени я отправлю Б. П. Григорову для общего пользования членов «Мусагета» и А. О. целое *досье*, выражающее мое отношение к инциденту и с подробным разбором брошюры г. Эллиса и фактов, вызвавших мое решительное вмешательство.

Что касается того давления со стороны членов А. О., на которое жалуется г. Эллис, то должен решительно подчеркнуть. А. О. нет дела до г. Эллиса. Давление он испытывал лишь со стороны меня и только меня.

Инициатива, чтобы он вернул А. О. тетрадки с пометками доктора Штейнера — моя личная инициатива; требование задержать печатание брошюры исходило от меня же. Я действовал так, как лицо, которому до недавнего времени г. Эллис поверял все свои интимные планы, т. е. как ближайший друг г. Эллиса. Когда же я убедился, что он — лишенный чести человек, я, конечно, тотчас же воздержался от какого бы то ни было дальнейшего морального воздействия на него. Г. Эллис стал прятаться от меня с той поры, как летом я представил ему факты из его писем, заключающие *клевету* на А. О., не квалифицируя его поступков. После обнародования факта существования брошюры я г. Эллису ничего не писал, но писала моя жена г-же Пульман, выражая свое удивление поступком г. Эллиса. Так что систематическая игра в прятки, которую себе позволил г. Эллис со мною в Штуттгарте, не может быть мотивирована обидою, ибо я не писал г. Эллису ни слова с июня 1913 года; и поэтому оскорбляться ему было не на что. Просто о факте уличенности его в клевете на А. О. мною летом бездна лжи и притворства, обнаружившиеся при этом, и полная невозможность глядеть мне в лицо вынудили его принять позу благородного негодования и под этой позой скрыть эмпирический страх, охвативший его при моем неожиданном для

него появлении в Штутгарте. Все это было мною высказано г-же Пульман в присутствии свидетелей г-на Пульмана и моей жены[2]. Было высказано и то, что я прошу его выйти не для теоретических разговоров или пререканий, а для ознакомления с историей отсылки им брошюры; но он спрятался; тогда я выдвинул, что понимаю его уклонение от 5-тиминутного разговора как жалкий страх, и предупредил, что если он не выйдет, то я развязываю себе руки называть его *лишенным чести* перед всеми. Он — не вышел, но под телеграммой, составленной мною в «*Мусагет*», беспрекословно подписался, чтобы тотчас же после моего исчезновения снова приняться за лживое освещение всего бывшего между нами.

Поэтому довожу до Вашего сведения, что Ваше обвинение А. О. в насилии и иезуитизме лишено всяких оснований и опирается на лживое освещение г. Эллиса; «*насилие*», «*иезуитизм*» принадлежали мне и только мне до той поры, пока я не убедился в моральной ничтожности г. Эллиса, ибо это «*насилие*» называл я про себя дружеским воздействием и опасением, чтобы тот, кто называл вчера себя моим ближайшим другом, не умер бы для меня (всякая смерть близкого человека, как известно, переносится мучительно).

Что же касается до Вашего совета в лицо г. Эллису сказать про него то, что я высказал Вам о нем в письме[3], то, как видите, я для этого совершил 12-часовое путешествие в Штуттгарт, но, увы, лицо г. Эллиса, пошедшего на все мои условия, ему поставленные (редактирование статьи, подпись под *мной* составленной телеграммой) позорно оказалось спрятанным за лицом г-жи Пульман, которая без возражения, но с опущенными глазами приняла *точное наименование* поведения г. Эллиса за последние месяцы[4].

Поэтому, не касаясь субстанции брошюры, ее напечатания, я вынужден уйти из «*Мусагета*», ибо не могу там находиться в компании с г. Эллисом.

Остается факт чисто моральный: считаетесь ли Вы, Г. А. Рачинский и Н. П. Киселев со мною, как с личностью и писателем. В предположении, что считаетесь, я все же мотивирую сделанные мной выброски из статьи.

Если статья будет напечатана целиком, увы, мне придется сказать, что наши личные отношения есть для всех Вас звук пустой; и без ссоры просто отойти от Вас.

Примите уверения в совершенном почтении.

Борис Бугаев.

P. S. Краткое резюме предполагаемых выбросок высылаю на днях с краткою мотивацией (подробная мотивация впоследствии будет послана Б. П. Григорову). Предлагаю резюме не как редактор, а как человек, с которым, м<ожет> б<ыть>, Вы считаетесь[5].

РГБ. Ф. 167. Карт. 3. Ед. хр. 20. Датируется по почтовому штемпелю отправления (указан Н. П. Киселевым): Berlin. 14. XI. 1913. Штемпель получения: Москва. 3. XI. 1913.

Ответ на п. 307.

1 Решение о выходе из «Мусагета» Белый принял по ознакомлении с присланной ему корректурой основного текста трактата Эллиса «Vigilemus!»; в корректуре он сделал ряд купюр, настаивая на изъятии соответствующих мест из печатного текста (они и сопровождающие их пометы Белого описаны по корректуре, сохранившейся в архиве «Мусагета» (РГБ. Ф. 190. Карт. 36. Ед. хр. 4), в кн.: *Эллис.* Неизданное и несобранное. Томск, 2000. С. 465–466; см. также: *Лавров А. В.* Книга Эллиса «Vigilemus!» и раскол в «Мусагете» // Лавров А. В. Символисты и другие. С. 506–509; *Спивак Моника.* Андрей Белый — мистик и советский писатель. М., 2006. С. 71–74). Не дожидаясь решения относительно удовлетворения выдвинутых требований, Белый отправил (на почтовой бумаге «Hotel „Am Sterntor". Christliche Hospiz. Nürnberg») 27 октября (9 ноября) 1913 г. из Нюрнберга официальное заявление, адресованное секретарю «Мусагета» Н. П. Киселеву, которое было получено в Москве 30 октября (12 ноября) (РГБ. Ф. 167. Карт. 9. Ед. хр. 10):

Berlin. Augsburgerstrasse 52. Pension Begg-Klau.

Многоуважаемый Господин Секретарь!

Позвольте через Вас довести до сведения Редактора-Издателя К<нигоиздательст>ва «*Мусагет*» Э. К. Метнера, что я к глубокому моему сожалению по причинам личного расхождения с К<нигоиздательст>вом «*Мусагет*» во взгляде на печатание брошюры «*Vigilemus*» вынужден выйти как из состава Редакции К<нигоиздательст>ва «*Мусагет*», так и из состава сотрудников двухмесячника «*Труды и Дни*». Прошу немедленно снять мое имя со списка сотрудников.

Подробная мотивировка моего поступка, а также деловой ответ на деловые замечания, бывшие в письме Э. К. Метнера и Н. П. Киселева, — готовы; я их высылаю на днях; очень прошу их выслушать вслух эту подробную мотивировку; очень желал бы, чтобы при чтении этом присутствовали, кроме Э. К. Метнера и Н. П. Киселева, также Г. А. Рачинский и В. И. Иванов; прошу также, чтобы присутствовали при чтении этом А. С. Петровский, Б. П. Григоров, М. И. Сизов и В. Ф. Ахрамович. Мне чрезвычайно важно, чтобы именно эти лица отчетливо представили себе печальную необходимость для меня отмежеваться от столь дружественного мне до последней поры К<нигоиздательст>ва.

Вместе с мотивировкой присылаю свое мнение о брошюре Эллиса «*Vigilemus*». Между прочим г. Эллис в записке заверяет меня, что он будет считаться с моей правкой брошюры; и я полагаю, что печатание брошюры, до моего резюме о ней, не входит в планы г. Эллиса.

Мне придется в последующем (за выходом моим) решении «*Мусагета*» относительно брошюры считаться с тремя фактами: 1) или брошюра не задерживается и выходит в том виде, в каком она написана автором, 2) или брошюра выходит с сокращениями, сделанными мной, 3) или брошюра не выходит.

Дело Редакции «*Мусагет*» печатать или не печатать брошюру. Дело мое — высказать «*Мусагету*» мой взгляд на печатание или непечатание брошюры. Я надеюсь, что «*Мусагет*» в решении своем примет во внимание то, что я считаю необходимым ему сказать.

Примите уверение в совершенном почтении.

Борис Бугаев (Андрей Белый).

Нюренберг. 9 ноябр<я> н. с. 1913 года.

(Опубликовано А. Л. Соболевым: Арабески Андрея Белого. С. 99).

На конверте от этого послания — запись Метнера: «Телеграмму, кот<орую> я сегодня просил Ахр<амович>а отправить, не надо отправлять» (подразумевается, безусловно, телеграмма на имя Белого).

[2] Белый и А. Тургенева прибыли в Дегерлох (под Штутгартом) для объяснения с Эллисом 11 (24) октября 1913 г. Эллис писал в этот день Метнеру: «Сегодня инспирированный Сиверс *Белый* специально приехал из Berlin'а в Штутгарт для скандала, длившегося целый день. Я лично его не видел, ибо считаю его ненормальным в силу влияния Steiner'а, но письменно, деловым тоном через посредство знакомого лица установил выход в виде цензуры его. *Других выходов нет*» (РГБ. Ф. 167. Карт. 8. Ед. хр. 19). В «Материале к биографии» Белый вспоминает: «...мы решаем ехать к Эллису и Поольман-Мой в Штутгарт, чтобы иметь объяснения с Эллисом и потребовать у него обратно циклы доктора и тетрадки его с заметками д<окто>ра на полях. Едем в Штутгарт, отправляемся в Дегерлох; Эллис прячется от нас; мы имеем объяснение с Поольман-Мой, забираем почти насильно тетрадки у Эллиса; я передаю Поольман: „Если Эллис ко мне не выйдет сию минуту, чтобы объясниться, то пусть знает: я с ним на всю жизнь разрываю все...". Он — не вышел: с этого дня я все отношения с Эллисом прекратил. В совершенном расстройстве мы возвращаемся в Берлин; откуда я пишу в К<нигоиздательст>во „*Мусагет*" о своем выходе из издательства и о прекращении всех отношений с Метнером» (ЛН. Т. 105. С. 138). А. Тургенева, касаясь того же эпизода, сообщает о тетрадях с записями лекций Штейнера и бесед с ним: «Эллис швырнул их нам через приоткрытую дверь» (*Тургенева Ася*. Воспоминания о Рудольфе Штейнере и строительстве первого Гётеанума. <М.>, 2002. С. 57).

[3] Имеется в виду п. 306.

[4] В цитированном выше письме к Метнеру, отправленном после описанного инцидента, Эллис предлагал: «Бога ради, задержите Vigilemus! <...>

Уведомьте лично Белого об отсутствии тайных обществ в „Мус<аге>те“ и о том, что по *общему мнению* Vigilemus невинна. Все „А<нтропософическое> Об<ще>ство“ через *Белого* болтает о брошюре. Надо остановить скандал». То же письмо включало официальное заявление:

Редакции «Мусагета».

Честь имею просить редакцию «Мусагета» *немедленно* выслать корректуру «Vigilemus» или готовый, но еще не выпущенный экземпляр *А. Белому* в Берлин для цензуры, к<ото>рую я лично обещал ему (честным словом) ради избежания неприятностей и возможности выхода его из «Мусагета».

Я *лично* с ним спишусь об окончательной форме редакции. До выхода «Vigilemus» не публиковать заглавия в анонсах прошу. Эллис.

[5] К письму приложен автограф Белого на отдельном листе:

Копия с письма, отсылаемого г. *Эллису одновременно*:

Милостивый Государь!

Я более не касаюсь никак К<нигоиздательст>ва «Мусагет»; следовательно, Вы вольны распоряжаться брошюрой по своему усмотрению.

Борис Бугаев.

До получения этого заявления Эллис направил на имя Метнера (18 (31) октября 1913 г.) письмо, дополнительно обозначающее условия, на которых он готов был печатать свой трактат: «*Официально.* В интересах мира и спасения „*Мус<аге>та*“ готов в границах приличия и допустимости уважить редакционные поправки г. *Бугаева* в „Vigilemus“, поскольку они не изменят смысла ***credo*** этой брошюры. Если таковые (поправки) окажутся чрезмерными и бьющими по чести моей, как лица, обязанного не брать назад сказанного в принципе, буду просить „*Vigilemus*“ баллотировать в „Мусагете“ и подчинюсь сей баллотировке *безусловно.* При негативном исходе ее издам „Vigilemus“ без марки „Мус<аге>та“ и всякой цензуры. *Эллис*». К этому «официальному» заявлению Эллис добавил обращение к Метнеру лично («*интимно*»): «Ничего в жизни б<олее> возмутительного, несправедливого, глупого я не испытал. Дрянность *Белого* безграничн<а>, но дело не в нем. *Сиверс* им руководит, и все дело в антропософ<ской> интриге, ловко и метко направленной против Мус<аге>та. <…> Я после „Vigilemus“ не могу видеть в Белом ни своего вождя, ни редактора, ибо он — *несовершеннолетен морально.* <…> *Каким образом, не прочитав брошюры, Бугаев лает?* Он дошел до обвинения меня в связях с полицией и продажности. Что поделаешь! Слова его — что вода! Я тоже *не* обижаюсь, но удаляюсь *лично* от него. Терпеть лай трудно. *Ася* влияет на него не к добру. Антропософизм его глуп, не к лицу ему и скоро кончится скандалом» (РГБ. Ф. 167. Карт. 8. Ед. хр. 20).

По получении приведенного письма Белого Эллису последний отправил Метнеру еще одно «официальное» обращение (Дегерлох, 4 (17) ноября 1913 г.), в котором говорилось: «…по моему *личному мнению и желанию* было бы лучше издать „Vigilemus!“ в той редакционной форме, к<ото>рая выслана уже мною в редакцию, т. е. с незначительными изменениями текста, сделанными мной одним без чьего-либо давления (ибо *г. Бугаев* официально уведомил меня о выходе из „Мус<аге>та“ и об отказе высказать

свое мнение о „Vigilemus!“), *без марки „Мус<аге>та“* под формулой *„Издание Эллиса“*» (Там же. Ед. хр. 21).

И наконец, 12 (25) декабря 1913 г. Эллис отправил Метнеру следующее письмо:

Дорогой Эмилий Карлович!

Прошу Вас напечатать «Vigilemus», не принимая во внимание поправки и выпусков г. Бугаева (А. Белого), но без марки «*Мусагет*».

Преданный Эллис.

(Там же. Ед. хр. 22). В результате издание «Vigilemus!» было осуществлено в соответствии с заявленными в этом письме пожеланиями автора относительно его текста, но под маркой издательства «Мусагет».

309. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

1 (14) ноября 1913 г. Берлин

Berlin. 14 November 13 г.

Многоуважаемый Эмилий Карлович!

По соображениям очень трудно объяснимым и Вам непонятным я *очень* прошу Вас исполнить одну мою просьбу.

Тотчас же по получению этого письма или вернуть мне последнее мое письмо Вам, написанное из Христиании (с разбором ритма стих<отворных> отрывков доктора Штейнера), или *немедленно* уничтожить его[1]. Верьте, что эта просьба моя не имеет никакого отношения к полемике и прочее. Она для меня внутренно важна. В упомянутом письме у меня проскользнули фразы, которые могли проскользнуть при нашем дружеском отношении друг к другу. Теперь, при натянутом отношении нашем друг к другу фразы эти могут *вредно повлиять*, как на Вас, так и на меня. Для Вас и меня необходимо, чтобы Вы мне вернули письмо из Христиании (с отрывками и разбором) или *немедленно* уничтожили его. Во всяком случае не показывайте его никому.

Извините за беспокойство.

Готовый к услугам

Борис Бугаев.

РГБ. Ф. 167. Карт. 3. Ед. хр. 21.

[1] Имеется в виду п. 304.

1914

310. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

4 (17) января 1914 г. Москва

Девичье Поле 4/17–I–914.

Дорогой Борис Николаевич!

Посылаю Вам мое возражение (в копии) на Вашу записку, кот<орую> я бы оставил без ответа, если бы она была адресована только мне; но на Ваше обращение к группе, в котором я выставлен в таком позорном виде, — разумеется, нельзя было молчать[1]. Я совершенно болен и разбит физически и душевно от этой неожиданной и возмутительно-несправедливой бесчеловечной «истории», поднятой Вами. Да простит Вас Небо; у меня нет сил даже прощать. Наши пути очевидно разошлись навсегда. Осталось прошлое и будущее: настоящего — нет. Прошлое — это все хорошее личное, что́ было между нами. И вот я не понимаю, почему Вы вдруг не доверяете мне *одного* письма (где Ваш разбор поэзии Штейнера) и требуете его уничтожения?[2] Есть о Штейнере у меня от Вас письма, куда более «компрометирующие»! (Кстати: неужели Вы в самом деле приняли мой ответ на Ваш разбор поэзии Штейнера за *редакторский* отказ в напечатании проектируемой статьи?[3] Когда же я Вам в чем-нибудь отказывал??) — — — Если Вы настаиваете, я разорву означенное Вами письмо, но не понимаю Вашего недоверия. Оно еще прибавляет горечи ко всем оскорблениям, кот<орые> Вы нанесли мне. Это письмо — тоже

прошлое, и я хочу сохранить *все* прошлое от Вас. В будущем наше отношение чисто формальное. Наше будущее пока — это ликвидация Вашего отношения к Мусагету. Ваш долг Мусагету по официальным книгам, кот<орые> ведет мой отец, простирается до 3.631 р. 50 к. (за вычетом причитавшегося Вам гонорара за статьи в Тр<удах> и Дн<ях>). Если Вы желаете подробную выпись из книг, то таковая может быть Вам доставлена. — Соблаговолите уведомить редакцию, в какой срок и через кого (т. е. через Вашего поверенного, ведущего дело по имению[4], или через редакцию Сирина) Вы намерены погасить эту долговую сумму. Мусагет нуждается в деньгах. Ваше имение все еще не реализируется. Сирину Вы не даете инструкций о том, какую часть причитающегося Вам за собрание сочинений гонорара он должен выплачивать Мусагету, который «уступил» ему свои права на Ваши сочинения. Далее, вопрос об издании симфоний тоже замер. Кто их будет издавать и кто получит за них гонорар? Ведь Мусагет теперь бы не мог издавать симфоний, раз Вы с такою глубоко всех нас «неверных» унижающею презрительностью о нем отзывались и показали, что идея его Вам никогда и не была ясна... Ведь Мусагет основывался для Вас, для Эллиса и для меня[5]. Предполагалось, что нас, вопреки всем детальным расхождениям, соединяет одна невыразимая идея... Ведь только в таком предположении возможно было то меценатское отношение, которое выражалось, например, в печатании таких кирпичей, как Символизм и Арабески с гонораром за первый 700 р., за последние — 500 р., в неистовых авансах и т. п. Я *лично* не могу ни избавить Вас от уплаты Вашего долга, ни ходатайствовать об этом перед издательницей, *именно* в силу моей личной дружеской связи с нею; я раз навсегда с самого начала устранился от денежных дел, предоставив кассу — секретарю, дающему отчет казначею, т. е. моему отцу, кот<орый> и получает деньги от издательницы. Я сам беру себе в месяц 150 р. (первый год брал 200 р.); мои поездки за границу покрываются тем, что я в гостях у Фридрих и жизнь мне там ничего не стоит; наша жизнь втроем в деревне идет на счет общей кассы моей и Колиной[6], причем, конечно, доход Коли крупнее моего; кроме того, мы почти нигде, ни в театре, ни в концертах не бываем; вот — секрет нашего домашнего обихода и жизненных средств...

Вы видите, что я — «на жалованье», которое проводится по книгам и вносится в отчет так же, как и все вообще расходы по издательству; ничем особенным экстренным из издательских сумм я не пользовался; никакого аванса не брал; за *Мод<ернизм> и Муз<ыку>* взял гонорар 400 рублей, т. е. меньше, чем Вы за Арабески. Все это я пишу для того *только*, чтобы напомнить Вам наш modus vivendi* в Мусагете и принцип отделения денежных дел от чисто редакционных. Я нарочно с умыслом поставил себя в денежном отношении под начало отца, кот<орый> ведет всему формально-бухгалтерские книги, служащие формально-юридическими документами, и составляет официальные отчеты для издательницы. Если бы Вы захотели отложить уплату своего долга или сочли бы себя вправе (говорю об этом примерно, делая даже невероятные предположения) вовсе не уплачивать этого долга, то обо всем этом Вы должны списаться с издательницей, т<ак> к<ак> я принципиально не стану вмешиваться в это дело. Пока я еще скрывал от нее, что Вы уходите из Мусагета, но дальше скрывать невозможно. Тогда последует запрос о том, как же быть с Вашим долгом; я ведь до сих пор оправдывал этот «аванс» как нечто нормальное ввиду того, что Вы органически связаны с Мусагетом и что все Ваши вещи принадлежат Мусагету. Продажу романа Некрасову и переход к Сирину я пытался представить, как действия для Мусагета не только безубыточные, но даже ускоривающие отдачу долга, а для Вас очень выгодные, т<ак> к<ак> Вы печатаетесь так<им> обр<азом> для большой публики, делаетесь скорее знаменитым, а это опять-таки косвенно рекламирует и книги Ваши в Мусагете. Но вот прошло больше года, и эти мои комментарии не оправдались. Теперь Вы и вовсе уходите, и я попал, как деловой человек, в самое смешное нелепое положение перед издательницей и в особенности перед ее деловитою и коммерчески опытной матерью, от которой главным образом и идут деньги. Оказалось, что я, давая аванс, не сумел (надеясь на неотделимость Мусагета и А. Белого) обеспечить его возмещение письменным условием о правах Мусагета на произведения Андрея Белого. — Одно горе, стыд, неловкость; провал

* Способ существования (*лат.*).

всего; остается самому провалиться сквозь землю... Если Вы решите вступить в переговоры с издательницей о Вашем долге, то предварительно сообщите мне об этом намерении, т<ак> к<ак> я должен буду ее предупредить и подготовить к этому, конечно в Вашу пользу, ибо я вовсе не намерен усиливать Ваше огорчение Мусагетом еще денежными недоразумениями. Я понимаю, что Вам не может не быть тяжело от этого долга. Боюсь только, что все это кончится страшною неприятностью для меня. Причина разногласия и Вашего ухода (антропософия) отнюдь не способна мирно настроить издательницу и ее мать, ибо они обе (независимо от меня) — антиштейнерьянки, и *я* не раз *защищал* Штейнера, говоря с ними. Лично я могу только протестовать против издания Ваших сочинений Сирином или симфоний Некрасовым или Скорпионом и т. п., раз от этого теряет Мусагет, не получая хотя бы части гонорара в счет долга. Конечно, протестовать морально, т<ак> к<ак> юридически иск об авансе с наложением запрещения на гонорар, раз не было об авансе письменного договора, процессуально-сомнителен. Да я бы по своей инициативе и не подал бы на Вас в суд. — Повторяю: иск — сомнителен, т<ак> к<ак> получивший аванс может не только отрицать факт получки (что, конечно, вещь для него опасная), но просто сказать, что ему был прощен аванс или его поставили в невозможность отработать аванс и т. п. — От Терещенки я имею лично и устно им данное обещание не издавать Ваших сочинений к невыгоде Мусагета, но насколько можно верить этому обещанию, пока не знаю. Сообщите о Ваших с ним условиях; а также о деле с имением. Кроме того, как Вы рассматриваете свои и мусагетские права на весь материал, отпечатанный в Символизме и в Арабесках (и в брошюре[7]). Ведь обе Ваши книги отпечатаны с такими расходами (гонорар, корректура, не говоря уже о нормальном расходе по печатанию) и цена назначена (ради скорейшего распространения) столь скромная, что даже если *все* будет продано (чего пока и ждать нечего), то мы потерпим значительный убыток. Все это было сделано для Вас исключительно; книги других, даже моя, Вячеслава[8], печатаются на иных основаниях. Уходя из Мусагета, Вы лишаете нас возможности издать, напр<имер>, избранные Ваши статьи в небольшой книжке с Вашим предисловием; такая книжка могла бы скорее пойти и заинтересовать читателей,

двинуть с мели застрявшие «кирпичи»[9]; наконец, мы могли бы издать календарный Альманах к пятилетию *Мусагета*[10] и поместить там пробы Вашего теоретического творчества. — Теперь же мы рискуем, что Ваши книги окончательно сядут. Обо всем этом, т. е. о том, чтобы Мусагет не потерпел ущерба от Вашего ухода, чтобы Ваш долг наконец-то начал возмещаться, я Вас прошу озаботиться. Надеюсь, что это мое письмо, написать которое мне стоило большого труда, не вызовет новых недоразумений. Надеюсь, что не произойдет сдвигов смысла вроде:

Я пишу	Вы цитируете
Поверили какой-то там даме, принесшей Вам неверный слух из Москвы, которую Вы сами же клеймите гнездом сплетен[11].	«на основании неверных слухов и сплетен, дошедших до Анненковой»[12]. Неужели это — одно и то же!! И при этом, русский писатель, спрашиваете, кто гнездо сплетен, Анненкова или Москва. Стыдно! стыдно!

Сейчас перечитал копию своего письма от 12/25–X–913. Все там сказано, разъяснено, спокойно, хотя и не без горечи; а главное, фактически точно. Вы же в своей записке пренебрегли всем, что могло бы осветить дело о Vigilemus, словно Вы вовсе не читали моего письма. Ваша Записка — неуклюжая диалектика плохого адвоката и ничего больше. Но я прочту всем вслух мое письмо Вам от 12/25–X–913, чтобы выяснить мою роль в этом деле ***с самого начала***. К своему «досье» я прилагаю Ваши два письма, кот<орые> касаются Vigilemus'а. (Будьте покойны: писем, компрометирующих Вас как антропософа, сообщившего мне «тайны», я никому никогда не покажу). — Набросок отчета Киселева и декларация Сизова, приложенные к моему «досье», будут и Вам на несколько дней высланы, когда их прочтут адреса́ты наших встречных разъяснений. Заключаю свое письмо снова просьбой переслать Эллису все книги Пути, Некрасова, Скорпиона, Грифа и т. п., кот<орые> были Вам высланы из Мусагета для рецензий, а также написать Вашей маме, чтобы она выдала все взятые Вами из библиотеки Мусагета книги тех же издательств, кот<орые> Вы взяли в бытность в Москве[13]; т<ак> к<ак> мы хотим составить каталог *библиотеки* Мусагета. Эллис жаждет книг, а мы не можем покупать вдобавок книги, кот<орые> получали в обмен.

Ваш Э. Метнер.

P. S. Так как при ревизии мусагетской канцелярии Киселевым все более и более выясняется неисправность Ахрамовича, то возможно, что он своевременно не выслал Вам проекта домашних правил книгоиздательства Мусагет[14]. Или он выслал (сейчас не могу справиться), но Вы не имеете этих правил под руками и станете еще по поводу этого вступать в пререкания. Поэтому я выписываю то, что имеет отношение к затронутому Вами в Вашей записке, и в сущности известное в главных чертах Вам и до составления означенных правил.

§ 7. При редакторе, в помощь ему состоит совет. Его составляют

1. Редактор, председательствующ<ий> на заседани<ях>.

2. Секретарь издательства, ведущий делопроизводство совета.

3. Четыре члена, избираемые редактором.

Этими четырьмя были: Вы, Рачинский, Киселев, Петровский: (А Вы все время упоминали о Сизове!)

§ 17. Собрание (общее всех членов Мусагета) считается состоявшим<ся> при наличности девяти членов (из 20-ти).

Но так как даже девять членов нельзя было почти никогда собрать, то приходилось обходиться часто без общего собрания, хотя и назревали вопросы, для решения которых важно было бы выслушать общее собрание. Но его заменило de facto, но без авторитетности частное совещание четырех-пяти-шести членов (как придется); вот здесь участвовал и Степпун и Сизов и Нилендер; но голосование этого совещания, конечно, только и имело «совещательное» значение. Но и <на> таком совещании Сизов высказался ***за*** печатание Vigilemus. Все Ваши рассуждения о нарушении конституции висят на воздухе. ***NB*** Совет (термин Киселева, составивше<го> *проект*) продолжал называться Литературным Комитетом. Вот и все. Надеюсь, что тут для Вас ничего нового не было. Или Вы под конституцией разумели нечто подобное фантастическому договору о том, что anthroposophi sacrosancti sunt?* даже если надо для этого чтобы pereat Musagetes**. Ведь если Вы смешали Совет (т. е. Литературный Комитет) с Общим собранием, то почему Вы не запросили, как голосовали Нилендер,

* Антропософы святы и священны (*лат.*).

** Погиб Мусагет (*лат.*).

Сергей Соловьев, Степпун? Вас интересовал лишь голос антропософа Сизова, который, однако, неожиданно для Вас оказался за напечатание Vigilemus. —

P. P. S. Я так разбит, уничтожен, опустошен, как никогда. Вы даже не подозреваете, что Вы учинили своею верностью антропософии. Я этого слова слышать не могу. К черту все идеи и всех учителей, раз совершаются такие бесчеловечные поступки, как то, что Вы позволили себе в отношении к Эллису и ко мне. 10 лет должно пройти, чтобы залечилась эта рана и чтобы мы могли снова спокойно посмотреть друг другу в глаза. А Эллису Вы уже *никогда* не сможете посмотреть в глаза[15].

РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 31.

[1] Текст «записки» Белого, разъясняющей его позицию в инциденте вокруг трактата Эллиса «Vigilemus!», не обнаружен. Метнер дал ей оценку в письме к Эллису от 3 (16) января 1914 г.: «Вы еще не знаете, какую возмутительную „Записку“ обо всем деле „Vigilemus“ он составил и адресовал членам Мусагета и Григорову. В этой *записке* столько лжи, подлога, передержек и глупости до идиотизма, что остаток уважения исчезнет поневоле к такому человеку» (РГБ. Ф. 167. Карт. 6. Ед. хр. 27). Более раннее упоминание этого документа — в письме Метнера к М. С. Шагинян от 26–30 (9–13) декабря 1913 г.: «...*„досье“ Бугаева* (кот<орое> я дочитал без негодования, т<ак> к<ак> оно запредельно по своей бессовестности и глупости)» (РГБ. Ф. 167. Карт. 25. Ед. хр. 27. Л. 29). «Возражение» Метнера публикуется как Приложение к настоящему письму.

[2] Имеется в виду п. 304.

[3] Предложение Белому написать статью для «Трудов и Дней» «хотя бы о мистериях Штейнера» содержит п. 300.

[4] Подразумевается В. К. Кампиони, занимавшийся делами, связанными с продажей унаследованного Белым кавказского участка земли. См. примеч. 6 к п. 199.

[5] Сходный акцент сделал в это время Эллис в письме к Метнеру (Дегерлох, 14 (27) декабря 1913 г.): «Вы же весь „Мус<аге>т“ завели не ради себя, а ради Белого главным образом — все это знают» (РГБ. Ф. 167. Карт. 8. Ед. хр. 23).

[6] Подразумевается жизнь в подмосковном имении К. В. Осипова вместе с Н. К. Метнером и А. М. Метнер.

[7] Имеется в виду изданная отдельной брошюрой статья Белого «Трагедия творчества. Достоевский и Толстой» (М.: Мусагет, 1911).

[8] Видимо, подразумевается исследование Вяч. Иванова «Эллинская религия страдающего бога», готовившееся к изданию в «Мусагете» и в свет не вышедшее.

9 Подразумеваются изданные «Мусагетом» объемные и крупноформатные сборники статей Белого «Символизм» и «Арабески».

10 Это намерение не было реализовано.

11 Цитата из п. 307.

12 Цитата из неизвестной нам «записки» Белого по поводу «Vigilemus!».

13 В сохранившихся письмах Белого к А. Д. Бугаевой того времени о данной просьбе Метнера не упоминается.

14 Машинописный текст под заглавием «Домашние правила книгоиздательства „Мусагет“» (с пометой: «Проект») сохранился в архиве Метнера (РГБ. Ф. 167. Карт. 17. Ед. хр. 23).

15 Свое понимание сложившейся ситуации Белый изложил в недатированном письме к матери, говоря об Эллисе: «Да, бедный: он болен, совершенно болен; и считаю его поступок с *брошюрою*, которую он печатает в Мусагете, более чем слабостью, но почти *подлостью*… <…> Этот эллисовский пасквиль на антропософию Мусагет печатал тайно от нас и когда мы обнаружили весь этот поступок, то они пришли в негодование на то, что мы члены ред<акции> Мусагета и одновременно антропософы требуем, чтобы брошюра Эллиса не была напечатана. Они отказали. Нам пришлось уйти из *Мусагета*. Но хорош *Мусагет*: Рачинский и Метнер можно сказать выгнали из Мусагета меня, Петровского, Сизова. А я столько лет (4 года) портил кровь, отдавал свои нервы и силы *Мусагету*» (*Письма к матери.* С. 190–191).

ПРИЛОЖЕНИЕ. ДОСЬЕ Э. К. МЕТНЕРА О «VIGILEMUS!»

М<илостивые> Г<осудари>.

Бугаев обратился с подробной запиской по поводу «Vigilemus» к группе мусагетцев и антропософов. В этой записке, которая в особенности во второй части своей, обсуждающей обстоятельства, среди которых обострился конфликт Бугаева со мной, как с редактором, из-за брошюры Эллиса, столько искажений, недоразумений и, наконец, обид, как лично мне, так и Мусагету, что я вправе ожидать, что адресаты Бугаева сочтут себя обязанными прочесть нижеследующее мое возражение.

Прежде всего заявляю. Начиная с африканского путешествия[1] возникшее неудовольствие Бугаева мусагетским режимом (по поводу внешних недочетов, действительных и мнимых) разразилось письмом из Волыни, написанным по возвращении из путешествия[2]. В этом письме был выставлен целый ряд безусловно

неосновательных химерических обвинений. Пораженный и огорченный этим письмом, я ответил на него подробною критикою[3], в ответ на которую посыпались новые обиды. С тех пор время от времени Бугаев озлобляется на меня и на Мусагет. Иногда он раскаивается и берет назад все свои обвинения и оскорбления. Эти стычки и перемирия заключились дрезденским соглашением, которому я должен был верить, т<ак> к<ак>, желая примирения, Бугаев по собственному своему почину приехал в Дрезден[4]. Если бы не это свидание, то я бы и не удивился на все происшедшее по поводу брошюры Эллиса. Чудовищным кажется мне, что один и тот же человек мог обращать ко мне такие речи, как в Дрездене, а немного спустя написать мне оскорбительнейшее письмо на основании донесения чужого третьего лица, вместо того, чтобы спокойно, помня о доверии и дружбе, скрепленной в Дрездене, запросить о беспокоившем его деле.

В один из моментов нашей более чем двухгодичной распри, доведенный до отчаяния совершенно возмутительной несправедливостью Бугаева, я предложил ему третейский суд[5]. Не уклоняясь решительно от него, Бугаев своими извинениями вынудил меня не настаивать более на третейском суде. Ныне я подымаю снова тот же вопрос. Я утверждаю, что все факты нашей распри и сопровождающие обстоятельства изложены в записке Бугаева совершенно неверно. В дальнейшем я буду отвечать лишь на некоторые отдельные моменты, преимущественно относящиеся к делу о «Vigilemus». Иначе мне бы пришлось повторять сказанное уже мною в письмах за эти два года, как к Бугаеву, так и к Эллису. Но я предлагаю просмотреть адресатам сего, если они не доверяют решительным моим обвинениям Бугаева в неверной передаче (пусть bona fide*, по неосторожности и забывчивости) всех наших с ним недоразумений, весь материал нашей переписки за два года, т<ак> к<ак> у меня сохранены все письма Бугаева и копии с моих писем.

Совершенно необходимым я считаю прочтение адресатами сего последних писем, полученных от Бугаева и отправленных ему касательно «Vigilemus». Фальшиво цитируя мое последнее письмо,

* Добросовестно, чистосердечно (*лат.*).

Бугаев дал мне право без спросу у него правильно процитировать его собственное, т. е. прочесть его вслух, после чего сами собой отпадут многие его сопоставления и критические замечания.

Впрочем, Бугаев одною мелочью подорвал сам доверие читателей его записки к критическому ее методу. Желая высмеять мой синтаксис, он спрашивает, кто гнездо сплетен — Анненкова или Москва?

А вот цитата из моего письма, которой не нахожу в своей копии: «на основании неверных слухов и сплетен, дошедших до Анненковой»[6].

В сущности, такими недоразумениями преисполнена вся записка. Бугаев совершенно не умеет читать писем. Вопрос о диктатуре поднят мною теоретически. «Vigilemus» прошла конституционно. Другой пример. Я не отказывал Бугаеву в напечатании его статьи о ритме Штейнера, ни прямо, ни намеком. Я высказал только в письме свое личное мнение о неверности критики Бугаева[7]. Никогда в отношении к Бугаеву я не играл роли старшего редактора. Впрочем, насколько Бугаев понял и оценил мое отношение к нему, видно из того, что он был удивлен, как он сам пишет, моим предложением написать о мистериях Штейнера и объяснил себе это моим желанием загладить какую-то мою некорректность в отношении к нему. Заявляю здесь, что ни единой некорректности в отношении к Бугаеву я себе не позволял и что в его признаниях усматриваю наивное обнаружение окончательного непонимания характера наших отношений.

Новостью является для меня утверждение Бугаева, будто я отстранил его от соредактирования со мною «Трудов и Дней» помимо его желания[8]. Насколько грубо искажены здесь обстоятельства, станет ясно каждому, кто прочтет нашу переписку, относящуюся к тому времени. Впрочем, думаю, что знающие меня едва ли могут поверить этому утверждению Бугаева.

Несмотря на то, что в моем письме от 12/25 X вполне ясно излагаются обстоятельства, касающиеся «Vigilemus», вплоть до момента получения ругательного письма Бугаева ко мне

(на кот<орое> я в упомянутом письме и отвечаю)[9], Бугаев в своей записке вместо извинения, кот<орого> я вправе был ждать, снова касается тех же обстоятельств, столь химерически освещая их, что можно подумать, что он вовсе не читал моего письма, а только вычитывал из него отдельные слова. Чрезвычайно трудно передать в связном изложении все моменты дела о «Vigilemus», если хочешь при этом коснуться и важнейших искажений, какие позволил себе Бугаев. Вот почему я и впредь, имея в виду, что хронология этого дела известна адресатам сего, позволю себе отрывочную передачу.

Конспирация. Искренность Киселева[10], которому очевидно очень хотелось исполнить просьбу Эллиса и поскорее отпечатать «Vigilemus», не позволила ему умолчать о том, что единственно только и является реальным доказательством конспирации. Он сознался, в присутствии Петровского и Сизова, что подписал бы к печати брошюру, даже не отправив мне последних сверстанных корректур. Во-первых, однако, позволительно предположить, что он в последний момент опомнился бы и отправил корректуры не только мне, но и остальным членам литературного комитета, т. е. Рачинскому (кот<орому> он уже, впрочем, показал брошюру), Петровскому (кот<орому> он сообщил о нахождении в портфеле редакции брошюры Эллиса), Бугаеву — (NB. Сизов членом литературного комитета вовсе не состоял). Во-вторых, совершенно неправдоподобно, чтобы во время моего пребывания в Москве могла выйти в свет помимо моего ведома эта брошюра; мало того, я, конечно, напомнил бы Киселеву о том, что ее необходимо ввиду остроты темы показать членам литературного комитета и подвергнуть голосованию, что́ в конце концов и было исполнено. Киселев, Рачинский, я оказались за брошюру, Петровский и Бугаев — против. (NB. Если даже Сизов был бы членом комитета, то его голос присоединился бы к нам, т<ак> к<ак> на частном совещании он сначала высказался против напечатания, а затем по соображениям о компенсации поступка Анненковой настаивал на напечатании). Да вся эта констелляция, каковою она являлась в предварительном своем виде, описана мною в вышеупомянутом письме к Бугаеву. Но Бугаев писем не умеет читать.

За намерение конспирировать до конца я Киселева не одобрил, о чем и сказал ему в присутствии Сизова и Петровского. Мое выражение «Киселев конспирировал по соображениям веским»[11], смутившее почему-то Бугаева, имеет тот смысл (вполне само собой разумеющийся), что правильно было не разглашать в более широких мусагетских кругах о печатании «Vigilemus». Повторяю, когда брошюра была выправлена, конспирация прекратилась. Запрос Петровского и Сизова, донесение Анненковой, телеграммы Бугаева только дня на два ускорили снятие конспирации. Где же другие доказательства конспирации? Что Киселев говорил «под секретом» Анненковой, не является доказательством, т<ак> к<ак> Киселев просто дразнил ее. Что брошюра была набрана, а не представлена на рассмотрение в рукописи, тоже не является доказательством конспирации по следующим соображениям. 1. Бугаеву отправлять рукописи опасно. 2. Рукопись была невероятно неразборчива, так что (о чем, впрочем, я писал Бугаеву в вышеупомянутом письме) я не в состоянии был прочесть ее, почему и отправил немедленно в Москву Киселеву для набора (NB. Продолжаю считать Киселева наиболее сведущим и беспристрастным судьею подобного произведения). 3. Доверие, которое Бугаев подтвердил мне еще в Дрездене, касалось именно антропософических тем. Напрасно Бугаев в своей записке теперь от этого отказывается. Об этом, впрочем, после. 4. «Vigilemus» — небольшая вещь, просто статья; отправляя рукопись, я предоставил Киселеву, смерив ее размеры, решить, печатать ли в «Трудах и Днях» или брошюрой. Об этом я тоже писал Бугаеву, но он не умеет читать писем. В своей записке он рассуждает о предрешенности (якобы) печатать «Vigilemus»; на основании сдачи в набор рукописи и связанных с этим небольших расходов едва ли можно говорить о предрешенности и конспирации. (Бугаев ссылается на «Путевые заметки» и на мое замечание по поводу чрезмерной корректуры[12]. Это прямо смешно! Набор и разбор части «Путевых заметок» стоили 100 р. 45 к.; когда я Бугаеву указал на чрезмерную корректуру, он ответил мне тогда, что количество корректурных знаков не было оговорено редакцией; типография тогда заявила нам, что набор, разбор и новый набор будут стоить дешевле, чем корректура; и это безобразие Бугаев

называет, не помню точно как, но, кажется, пустяком в сравнении с набором на риск брошюры, которая ведь могла бы быть *во всяком случае* напечатана даже с сокращениями и даже вне Мусагета). Повторяется та же история, что и со статьей Яковенки о Бердяеве[13]. И она была набрана и представлена литературному комитету в корректурах. Большинством голосов было решено эту статью не печатать. Бугаев и тогда негодовал, полагая, что набор статьи совершен с умыслом, чтобы оказать давление или что-то в этом роде. (Кстати сказать, статья Яковенки о Бердяеве является доказательством, что сомнительные статьи в «Трудах и Днях», вопреки утверждению Бугаева, тоже подлежат рассмотрению и голосованию литературного комитета).

В заключение о конспирации должен сказать, что удивительно, как ухитрился Бугаев счесть меня виновным в конспирации, и притом «внутренно» виновным. Если уж я и виновен, то, конечно, внешне, именно в том, что, положившись на Киселева, я не запросил его по поводу отправления корректур членам литературного комитета. Внутренно я был бы виновен, если бы прочел брошюру в рукописи и в двусмысленных выражениях дал бы понять Киселеву, что хорошо бы конспирировать ото всех. Но ясно, что я хотел конспирации только от более далеких мусагетцев.

Договор об антропософии. 1. Этот договор был словесным, так что можно говорить лишь о том, чего безусловно в этом договоре не могло заключаться. *Формула же Бугаева*, против которой (приведенной им в его ругательном письме) я возразил (в ответ на последнее) и которую в несколько ином менее субъективном виде Бугаев повторяет в своей записке, *именно и есть то, чего никоим образом в договоре быть не могло*, ибо этим нарушена была бы свобода Мусагета[14]. 2. Этот договор был не с Бугаевым, а с антропософами и с теософами. Никто почти не ставит Бугаева на такую высоту по его таланту, как я, но, однако, я, не задумываясь, подал бы голос за проведение какой-либо меры или за напечатание какой-либо статьи, раз эта мера или эта статья желательна, полезна, «мусагетична», несмотря на то, что Бугаев грозил бы уходом; свобода Мусагета, принцип либерализма на высших планах не может быть нарушен без измены основной

идее Мусагета, с которой мы трое (Бугаев, Эллис и я) были согласны всегда и в особенности летом 1909 года. Потеря даже всех значительных сотрудников менее чувствительна Мусагету, нежели изменение его сущности. Итак, никакого договора с Бугаевым Мусагет не заключал. 3. О моих поправках к приведенной Бугаевым субъективной и абсолютистской формуле он не счел нужным даже упомянуть в своей записке так, чтобы моя точка зрения была ясна адресатам. 4. Таким образом, отправление «Vigilemus» Бугаеву на просмотр не есть вовсе исполнение договора об антропо-теософии и в особенности какого-то частного соглашения Мусагета с Бугаевым, а выполнение конституции, ибо Бугаев член литературного комитета. Заявление от редакции в № 4, 5 «Трудов и Дней» от 1912 года (составленное после обмена письмами с Бугаевым относительно его редакторства) гласит: Андрей Белый намеревается остаться за границей; поэтому, сохраняя за собой права и обязанности члена литературного комитета издательства «Мусагет», он вынужден отказаться от редактирования «Трудов и Дней», т<ак> к<ак> и т. д.…[15] Неотправление же «Vigilemus» на просмотр явилось бы, несомненно, моим промахом или промахом Киселева, в известной мере нарушающим конституцию, т<ак> к<ак> «Vigilemus» в противоположность, напр<имер>, «Наполеону» Тэна, «Ангелли» Словацкого, «Вибелунгам» Вагнера и т. п.[16], несомненно является даже независимо от антропософических соображений предприятием, требующим коллективного обсуждения. Извинением, однако, для меня и для Киселева, если бы мы, не спросясь литературного комитета, напечатали «Vigilemus», могло бы служить 1) то обстоятельство, что Эллис — центральный член Мусагета, которому можно большее позволить, нежели постороннему автору, а во 2), то обстоятельство, что по существу «Vigilemus» на взгляд беспристрастный и непартийный является очередною католическою экспекторацией Эллиса с вполне достаточными расшаркиваниями перед антропософией и Штейнером. Но корректуры были отправлены, конституция не нарушена, а весь скандал, поднятый вокруг этой безобидной брошюры, поскольку в нем участвовал Бугаев, взошел на дрожжах психологизма, микробы которого давно пора вытравить в деловых отношениях. 5. Если бы даже договор был заключен

только с Бугаевым и притом со мною лично, как с редактором, то доверие, которое подтвердил мне Бугаев в Дрездене (в сентябре нынешнего года), видоизменило бы означенную формулу, абсолютизм которой привел к воззванию о цензуре. «Верю, верю вам, что вы не допустите изуверства в обсуждении антропософии». Так приблизительно повторял Бугаев. В «Vigilemus» нет ни следа антиантропософского изуверства, а есть романтическое ультрамонтанство, горячее на словах, но никому не зажимающее рта.

Здесь кстати два слова о Бердяеве и изуверстве. Бугаев не понял того, что для меня не важно, назвал ли Бугаев Бердяева изувером, путаником или еще как-нибудь; мне лично помнится, что он назвал его (в разговоре в Дрездене) так именно[17]; на мой вопрос, чтó он разумеет под изуверским отношением к Штейнеру, Бугаев заговорил о некоторых писателях и группах; речь соскользнула с изуверства на путаницу и недоразумения во взглядах на антропософию; в контексте этого разговора было упомянуто имя Бердяева. Но, повторяю, мне не важно, как именно назвал Бугаев Бердяева: в своем письме я отмечаю ведь только колебание в отношении и в оценке Бугаевым таких авторов, как Эллис или Бердяев, в связи с их и своим отношением к антропософии (прежде и теперь); отмечаю и связанную с этим колебанием партийно-тенденциозную защиту их и такое же на них нападение. Вот и всё по вопросу о Бердяеве.

О конституции и о редакторских полномочиях Киселева. Формально в дурном смысле этого слова *конституция* (под которой я разумею не первоначальное устное соглашение Бугаева и Эллиса со мною (между прочим, и о наших общих собраниях всех мусагетцев для решения некоторых важных и сомнительных казусов), а проект домашних правил книгоиздательства «Мусагет», составленный Киселевым и одобренный общим собранием) нарушалась беспрестанно. Строгое юридическое проведение всех ее параграфов было бы затруднительно для всех членов Мусагета и явилось бы новым балластом и без того медленного движения наших дел. Такое проведение имело бы смысл, во-первых, если бы все, в особенности главные, члены Мусагета жили в Москве

бо́льшую часть года, во-вторых, если бы все предприятие разрослось в очень большое дело, которое требовало бы более пристального внимания и бо́льшего количества рабочих рук. Конституция, § 3 которой гласит, что редактор Мусагета является единоличным хозяином всего предприятия, и окончательное решение по всем вопросам принадлежит ему, явно создана среди друзей, к одному из которых питают неограниченное доверие, создана ему в помощь, а не как тормоз или узда. Утверждаю, что во всех действительно важных случаях, сомнениях конституция, о которой как бы забывалось при обычном течении дел, призывалась мною к действию. Фразы из записки Бугаева вроде: «следовательно, Метнер одобряет нарушение мусагетской конституции» — не имеют никакого смысла. Что же касается редакторских полномочий Киселева, то таковые были мною даны, чтобы сдвинуть скорее Мусагет с мели, на которую он сел за летние месяцы по болезни Ахрамовича; ибо сам я по нездоровью не был в состоянии немедленно приехать в Москву. Ни в какой специальной связи с «Vigilemus» эти полномочия не находятся. Пределы этих полномочий сами собою намечались теми заданиями, какие возникали за время моего отсутствия. Бугаев в своей записке отнесся к факту этих полномочий с такой придирчивостью, которая не к лицу члену дружеского сообщества, каковым является Мусагет, причем вдобавок достаточно напутал по этому вопросу.

Свобода в Мусагете. Я не знаю, что разумеет Бугаев под свободой, по крайней мере что он *теперь* разумеет под ней. Он утверждает, что «Vigilemus» — первый плод этой свободы. Чудовищно слышать это от человека и писателя, который является одним из зачинателей Мусагета, коего *Символизм* (не по содержанию, а по внешней книжной форме, столь невыгодной коммерчески, по грандиозному типографскому счету, вследствие неумеренных корректур) является первым плодом внешней стороны нашей мусагетской свободы. Пусть вспомнит Бугаев свои планы о Сборниках, где должна была царить свобода и синкретизм, сочетающий чуть ли не социал-демократов с эстетами[18]. Я уже не говорю о той свободе, которою пользовался Бугаев по существу в проповеди своего мировоззрения. Статьи Пяста и Кузмина в «Трудах

и Днях»[19] — не в счет. Во-первых, статья Пяста, хотя и не понравившаяся многим мусагетцам (в том числе и мне), была однако напечатана. (Приведу сам еще один пример: статья Скалдина, которая очевидно и самому Бугаеву не нравилась и пролежала у него в портфеле чуть ли не целый год[20]). Во-вторых, статья Кузмина, против которой никто ничего не имел, была только сокращена[21]: в самом конце была выпущена одна фраза, в которой голословно утверждалось мастерство одних поэтов на счет <*так!*> других, не менее признаваемых Мусагетом[22], в том числе как раз Бугаева и Бальмонта, заметка о юбилее которого непосредственно следовала за этой статьей[23], что́ явно, в особенности ввиду отсутствия юбилейной статьи в «Трудах и Днях», было бы принято за неприязненную демонстрацию. (Кажется, не был упомянут, кроме Бугаева и Бальмонта, также и Блок). Чтобы не откладывать номера, решено было сократить статью без запроса об этом автора; но я немедленно написал ему извинительное письмо, в котором предложил ему дать статью для «Трудов и Дней» на тему вычеркнутого нами заключения его статьи[24]. Случай с Кузминым — единственный и притом необходимый самовластный поступок редакции.

Требую от Бугаева, чтобы он взял назад свои насмешки над свободой Мусагета. В особенности потому, что он требует от меня, чтобы я взял назад свои упреки в дурном догматизме, абсолютизме и иезуитстве антропософии. После изложенного в записке Бугаева заявления госпожи Сиверс[25], я снимаю подозрение в дурном догматизме, в давлении на образ мыслей членов с *антропософического общества*, если уж *именно так* хотелось Бугаеву понять мои упреки. Дело в том, что последние были выставлены условно: если… то… Беря охотно и с радостью свои слова назад, думаю, однако, что антропософия не в меньшей степени, нежели католичество, способна развить в неофитах вышеозначенные качества; инцидент с «Vigilemus» вполне дает право сделать такое предположение.

Бугаев пытается в своей записке дискредитировать «Vigilemus» с точки зрения Мусагета. К этому приему, впрочем, прибегли и другие мусагетские антропософы. Не верю в полную

искренность такой защиты мусагетизма. Если же она искренна, то она проводится вследствие неосознанности изменения в своем образе мыслей. Так Бугаев возмущается, что «*манифест* Эллиса» не был показан ему «в рукописи». О рукописи было уже сказано выше, что же касается «манифеста», то за таковой считать «Vigilemus» совершенно невозможно; к тому же Бугаев знает, как отрицательно отношусь я ко всяческим манифестам и как трудно меня склонить к платформированию, а тем более к изменению раз уже установленной платформы. Неудачна и попытка Бугаева стать на защиту символизма. Всякий волен понимать символизм по-своему. Не во всем согласен Бугаев с В. Ивановым по вопросу о символизме. Лично я, говоря о символизме, не во всем схожусь как с Бугаевым, так и с В. Ивановым. Мусагет не может считать, как то полагает Бугаев, «экскламации Эллиса — голосом русского символизма», а просто отдельным голосом sui generis* символиста, голосом, который вдобавок не без удовольствия выслушивался в течение десяти лет. Если же вдруг оказалось, что Бугаев никогда не считал Эллиса символистом и, следовательно (с его точки зрения), не имел с Эллисом ничего общего в основном, то я считаю себя возмутительно обманутым, т<ак> к<ак> то единение, которое было (или симулировалось?) особенно в 1909 году между нами тремя, являлось единственной побудительной причиной к тому, чтобы основать Мусагет, несмотря на то, что в то время мне лично было бы гораздо выгоднее посвятить ближайшие два года начатым занятиям моим в немецком университете[26].

Жертва, которую я принес во имя дружбы, основывая Мусагет, гораздо крупнее, нежели думают мои друзья. Размеры ее даже на чужой взгляд должны казаться очень большими, если принять в соображение то, что основание Мусагета мне лично как «карьера», как возможность занять положение в обществе, приобрести литературное имя совсем не было необходимо, и что я и по сию пору не чувствую себя литератором по профессии.

О самой брошюре «Vigilemus» мне нечего сказать больше того, что было уже сказано мною в письме Бугаеву и на нашем заседании в присутствии большинства адресатов сего[27].

* Особого рода (*лат.*).

Внимательное прочтение брошюры ни на иоту не изменило моего первоначального мнения о ней. Что же касается критики Бугаева этой брошюры, то кое с чем в ней я согласен; напр<имер>, святой Лойола возмущает и меня самого[28]; кое в чем согласен с замечаниями Бугаева по поводу схоластики и мистики; но, во-первых, все это не является причиной отказать Эллису в напечатании брошюры; во-вторых, безусловных промахов в брошюре ни Рачинский, ни я, ни компетентный по средневековью Киселев не заметили; есть только тенденциозные натягивания; в-третьих, Эллис отвечает за себя, так же как и сам Бугаев, который тоже не без греха в научном отношении, как в своем Символизме, так, между прочим, и в критике брошюры «Vigilemus».

Что же касается предложенных Бугаевым сокращений брошюры (под угрозой в противном случае уйти из Мусагета с объяснительным письмом в газетах)[29], то я затрудняюсь иначе квалифицировать требование Бугаева, как издевательство и над автором «Vigilemus», и над редакцией Мусагета. Если это издевательство сознательное, чего я не думаю, то... тем хуже для Бугаева; если же оно бессознательное, то... тем хуже для тех принципов, под влиянием которых возможно ставить такие требования. Впрочем, если есть третье объяснение к тому, я весьма рад буду его выслушать и постараюсь принять.

Если допустить, что антропософия, снимая антитезу веры и знания, являет собою некий синтез религии и науки*, то разумеется само собою негодование, возбуждаемое свободной критикой антропософии. Но в отношении к друзьям, казалось бы, надлежало спрятать негодование подальше, снизойти к их невежеству по вопросу об антропософии и сделать попытку уладить весь инцидент с «Vigilemus» мирно. Можно было бы уговорить Эллиса кое-что видоизменить, отказаться от марки Мусагета и т. п. Воинственное настроение мусагетских антропософов невольно заставляет предположить, не был ли ими уход из Мусагета предрешен, а «Vigilemus» явилась только удобным поводом. Если

* В своей записке Бугаев подчеркивает элемент науки, но, помнится, не то в разговоре, не то в письме Бугаев, наоборот, подчеркивал элемент религии, как наиболее существенный в штейнерианстве.

это не так, то мне опять-таки остается только радоваться, но тогда я жду объяснения, почему возник этот алармизм. Что касается Бугаева, то к его вспышкам мне не привыкать стать. Все мое отношение к нему стало портиться, когда у нас возникло общее дело. Двоякость отношения у Бугаева заменилась вышеупомянутым психологизмом. Он не хотел различать дружеское сношение и деловое. Отсюда, когда все шло гладко, воцарялся психологизм «домашнего», проявлялась уступчивость, забывалась критика ко вреду дела; как только возникало трение, чувствительное именно для Бугаева, — психологизм толкал его к официальной маске в сношениях со мной, причем обнаруживалось или тактически симулировалось полное непонимание моей личности. В первом случае казалось, будто мы без слов понимаем друг друга, во втором случае, будто мы все слова понимаем по-иному. Кто взял бы на себя труд прочесть все мои письма к Бугаеву, тот убедился бы, что оба момента «дружбы и службы» я всегда разделял. Неприятие этого деления Бугаевым явилось одною из причин наших распрей. Другая лежит наверное глубже, но о ней здесь не место говорить. Этот ответ на Записку Бугаева я по нездоровью диктовал Анне Михайловне Метнер в декабре 1913 г.

При сем прилагаю:

I. Письмо Бугаева от 7/20–X–913[30], по поводу которого главным образом и шла здесь речь. Ответ на него в моей копировальной книге я бы мог лишь прочесть вслух адресатам сего, т<ак> к<ак> коп<ировальная> книга заключает письма и к иным лицам[31].

II. Письмо Бугаева от 1/14–XI–913, в кот<ором> Эллис продолжает быть наименованным «лишенным чести», «в компании с которым» нельзя «находиться» в Мусагете[32]. Таким образом, первое письмо не является вспышкой, ибо состояние истерического раздражения, длящееся 24 дня, — уже либо болезнь, либо прочное озлобление.

III. Набросок отчета о заседании 23/X ст. ст. 1913 по поводу «Vigilemus», сделанный Н. П. Киселевым[33]. С этим отчетом я вполне согласен, хотя мог бы по некоторым частностям сделать добавления. «Секретация корректур» моей книги о Гёте и Штейнере[34],

конечно, не есть показатель ненормальности во взаимных отношениях; вообще корректуры не должны читаться третьими лицами (помимо корректора и редактора); раз же моя книга *должна* быть напечатана хотя бы и помимо Мусагета, то я вправе особенно настаивать на секретации, тем более, что чтение посторонними (хотя бы и близкими и единомышленниками без моего предложения) неоконченного сочинения влияет на настроение. Нет! Если бы я знал, что к Штейнеру отношение любовное, но не абсолютное, я бы все-таки настаивал на секретации, но показал бы в последней корректуре членам литер<атурного> комитета места, обидные для Штейнера, и по их совету изменил бы коечто или выбросил. Но ввиду безусловного характера почитания Штейнера я решил (*до* истории с «Vigilemus») показать лишь в сверстанном виде и, судя по отзывам, либо напечатать свою книгу вне, либо в Мусагете. Да и теперь я еще не решил этого вопроса, несмотря на выход антропософов из издательства, т<ак> к<ак> вовсе не желаю явиться причиною, преграждающей им впоследствии возможность возвратиться в ряды мусагетцев. —

IV. Декларация М. И. Сизова и обмен мнений, им записанный[35]. В этом документе я со многим, разумеется, не могу согласиться. Констатирование в Мусагете недопустимого «тона» в отношении к антропософии и моего «подсмеивания» я отношу к разряду явлений психологического надрыва, ведущего к галлюцинации слуха и зрения. Об утрировке в оценке «мракобесия» Эллиса было уже достаточно говорено. Об изменении отношения Мусагета к антропософии в желательном для ее приверженцев смысле не может быть речи, ибо это значило бы оставить от Мусагета звук пустой. Антропософы должны изменить<ся>, чтобы мочь войти опять в Мусагет. Ибо теперь симбиоз немыслим, т<ак> к<ак> если антропософия — не *одна* из тем, то она доминанта всей деятельности Мусагета, т. е. последний — антропософическое издательство, eo ipso* — не Мусагет больше; антропософы напрасно скрывают сектантский характер своего исповедания; ведь в нем нет ничего дурного, но это идет вразрез с идеей Мусагета. Кто этого не видит, тот напрасно считал себя схватившим эту идею.

* Тем самым (*лат.*).

За слова и извинения Н<иколая> П<етрович>а Киселева я не отвечаю и полагаю, что его личное мнение об антропософии не есть создание мусагетского «тона». Что Сизов тоже, как и Бугаев, говорит о некорректности Мусагета, я считаю не менее (если не более еще) чудовищным, нежели вопли из Берлина Бугаева. В азарте находились именно антропософы, и было бы смешно считать их *лучшими* оценщиками работы вроде «Vigilemus», чем, напр<имер>, Киселева или Рачинского, антиштейнерьянство кот<орых> не носит экскоммуникативного характера, проявленного штейнерьянством Бугаева. Но Сизов — не член лит<ературного> комитета; а брошюра должна была быть (и *была*, в конце концов) обсуждена не антропософами, а лит<ературным> комитетом. Предшествующее изложение содержит ответы на замечания по существу, сделанные в Декларации Сизова, почему я и кончаю свое возражение. Я прошу адресатов Записки Бугаева внимательно отнестись к моему возражению и к приложениям и возвратить последние по прочтении Ник<олаю> П<етрович>у Киселеву для хранения в архиве Издательства.

Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 9. Ед. хр. 11. Л. 1–22 — рукой А. М. Метнер, л. 23–25 — автограф Э. К. Метнера. Этот документ Н. П. Киселев обозначил как «Досье Э. К. Метнера о „Vigilemus“ на 25 лл.».

Текст представлен также в копии (рукой А. М. Метнер), озаглавленной: «Копия ответа на записку Бугаева о Vigilemus» (РГБ. Ф. 167. Карт. 24. Ед. хр. 34. 27 л.).

Написано в декабре 1913 г., адресовано коллегам по издательству «Мусагет».

Опубликовано: Russian Literature. 2015. LXXVII-IV. С. 483–500. Подгот. текста и примеч. А. В. Лаврова.

[1] Имеется в виду заграничное путешествие Андрея Белого и А. Тургеневой в декабре 1910 — апреле 1911 г.

[2] Подразумевается п. 223.

[3] Ответ — п. 224.

[4] См. примеч. 6 к п. 302. Ср. сообщение в письме Белого к матери от 30 августа (12 сентября) 1913 г.: «...проездом были в Дрездене, где прожили 2 дня из-за Метнера, с которым повидаться мы приехали (Дрезден лежал у нас на пути)» (*Письма к матери.* С. 187).

[5] См. п. 262.

[6] Подразумевается следующий фрагмент из п. 307: «...почему Вы просто не написали: „Дорогой Эм<илий> Карл<ович>, что это за книга Эллиса,

кот<орую> Вы печатаете?“ — и не подождали моего ответа, а поверили какой-то даме, принесшей Вам неверный слух из Москвы, которую Вы сами же клеймите гнездом сплетен?» (С. 616 наст. изд.).

[7] Имеется в виду п. 305.

[8] См. п. 268, примеч. 39. 24 ноября (7 декабря) 1912 г. Метнер сообщал Блоку: «Бугаев уходит как редактор; сначала я протестовал и просил его остаться, но практика печатания последнего №№ 4–5 и конфликты из-за статей Яковенки и *Арабесок* показали, что ему пока действительно лучше не вмешиваться» (Александр Блок. Исследования и материалы. СПб., 1998. С. 209). Позднее, в письме к М. К. Морозовой от 27 февраля (11 марта) 1916 г., Белый упоминал о своем «немотивированном упразднении» от редактирования «Трудов и Дней» («*Ваш рыцарь*». С. 260).

[9] Речь идет о п. 306 и 307.

[10] Н. П. Киселев занимался организацией печатания «Vigilemus!» как секретарь «Мусагета» (с осени 1913 до середины лета 1915 г.). См. о нем: Николай Петрович Киселев. Биобиблиографический указатель / Сост. О. А. Грачева, К. П. Сокольская. М., 1984; *Серков А. И.* Предисловие // Киселев Н. П. Из истории русского розенкрейцерства / Сост., подгот. текста и коммент. М. В. Рейзина, А. И. Серкова. СПб., 2005. С. 5–78.

[11] См. п. 307.

[12] Книга очерков Андрея Белого «Путевые заметки» в первоначальной редакции (1911) готовилась к публикации в «Мусагете» и была частично набрана; издание не состоялось.

[13] См. п. 267, примеч. 6, 8, 9.

[14] См. п. 306, 307.

[15] См. выше, примеч. 8.

[16] Упоминаются издания «Мусагета»: *Тэн И.* Наполеон Бонапарт / Пер. О. К. Синцовой. М., 1912; *Словацкий Ю.* Ангелли: Поэма / Пер. с польск. Анатолия Виноградова. М., 1913; *Вагнер Р.* Вибелунги: Всемирная история на основании сказания / Пер. с нем. С. Шенрока. Пояснительные статьи Эмилия Метнера и Макса Ценкера. М., 1913.

[17] См. п. 307, примеч. 15.

[18] Подробные планы содержания задуманных при «Мусагете» журнала или тематических сборников Белый излагал в письмах к Метнеру осенью 1909 г. (см. п. 166, 167, 172).

[19] Имеются в виду опубликованные в «Трудах и Днях» (1912. № 1) статьи «Нечто о каноне» Вл. Пяста и «„Cor Ardens“ Вячеслава Иванова» М. А. Кузмина.

[20] См. примеч. 10 к п. 241, примеч. 5 к п. 254, примеч. 7 к п. 258.

[21] Ныне статья М. Кузмина «„Cor Ardens“ Вячеслава Иванова» опубликована в полном объеме по автографу, сохранившемуся в архиве «Мусагета». См.: *Богомолов Н. А.* Русская литература первой трети XX века: Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск, 1999. С. 502–513.

[22] Подразумевается заключительная фраза статьи Кузмина: «...напомним, что техника стиха, общих и частичных форм, теперь имеет лишь двух мастеров: Валерия Брюсова и Вяч. Иванова» (Там же. С. 506).

[23] Речь идет о печатном оповещении, которому была отведена отдельная страница в № 1 «Трудов и Дней» (С. 52): «11 марта 1912 г. день чествования двадцатипятилетней литературной деятельности Константина Бальмонта. Редакция».

[24] Упоминаемое письмо Метнера к М. А. Кузмину, по всей вероятности, не сохранилось. О его содержании можно судить по письму Метнера к Вяч. Иванову от 1 июня 1912 г.: «*Статья Кузмина* обсуждалась Бугаевым и Ахрамовичем <...>. Заключение статьи Кузмина на всех произвело отрицательное впечатление; быть может, мысль и правильна, но надо ее доказать теоретически и показать ее правильность на примерах; если бы Кузмин на эту тему написал отдельную статью, то она могла бы (в случае своей доказательности) пройти даже без редакционной оговорки. В этом смысле я и написал ему извинительное письмо» (Вопросы литературы. 1994. Вып. II. С. 336. Публ. В. Сапова).

[25] Текст «заявления» М. Я. фон Сиверс в связи с конфликтом вокруг «Vigilemus!» неизвестен. В недатированном письме к ней (конец октября — начало ноября 1913 г.) Белый сообщал: «На днях получаю корректуры брошюры; если Вам угодно на них взглянуть, я доставлю их Вам. Московские друзья крепко взялись за все это дело» (*Спивак Моника.* Андрей Белый — мистик и советский писатель. С. 71).

[26] В ноябре 1908 г. Метнер приехал в Берлин с намерением изучать философию и немецкую филологию, посещал там лекции теоретика искусства и философа Макса Дессуара; в марте 1909 г. возвратился в Москву. См.: *Юнггрен Магнус.* Русский Мефистофель: Жизнь и творчество Эмилия Метнера. СПб., 2001. С. 34–35, 38.

[27] Речь идет о заседании редакционного комитета «Мусагета», состоявшемся 23 октября (5 ноября) 1913 г., на котором было принято решение о печатании «Vigilemus!». Ход этого заседания Метнер описал в письме-дневнике, обращенном к М. С. Шагинян (23–28 октября (5–10 ноября) 1913 г.): «*Заседание*: Григоров, Рачинский, Петровский, Сизов, Ахрамович, Киселев и я. Всех больше говорил<и> Рачинский и Сизов. Первый за Эллиса, последний против. Из дебатов выяснилось, что антропософы считают брошюру анти-мусагетской; они не понимают, что всеисключающий ультрамонтан может быть мусагетичен, если он никого не нудит к своей вере, но что всепримиряющий антропософ, устанавливающий цензуру, уже немусагетичен. — Ясно вполне, что антропософия или должна быть подчинена *Мусагету* (как одно из „учреждений" всему „государству"), или она подчинит *Мусагет* себе. — Никакой modus vivendi невозможен. План (вскользь, но как удочка), выдвинутый Рачинским: устроить pendant *Духовному Знанию* анти-антропософское внемусагетское издательство на счет *Мусагета*, где и напечатать Эллиса и Метнера, этот

план не был подхвачен антропософами, из чего явствует, что они в душе уже порешили уйти. Особенный фанатизм и несправедливость (чисто сектантскую) проявил Петровский. Всех мягче оказался Григоров. Самая критика брошюры Эллиса оказалась весьма слабою; брошюра изобилует, конечно, всевозможными недостатками и промахами, но *того*, что в ней хотят видеть *предосудительного* антропософы, в ней нет» (РГБ. Ф. 167. Карт. 25. Ед. хр. 27. Л. 15–16).

[28] Игнатий Лойола (1491?–1556) — испанский дворянин, основатель ордена иезуитов (пожизненный генерал ордена с 1541 г.). «Рыцарская молитва *св. Игнатия Лойолы*» упомянута Эллисом в ряду тех католических текстов, которые «для человечества навсегда останутся недосягаемыми памятниками религиозного вдохновения» (*Эллис.* Vigilemus! Трактат. М.: Мусагет, 1914. С. 18).

[29] Речь идет о присланных Белому корректурных листах «Vigilemus!», в которые он внес 17 купюр различного объема — от одной-двух-трех строк до пространных абзацев. В подавляющем большинстве случаев требования Белого к тексту Эллиса в издании «Vigilemus!» не были учтены. См. примеч. 1 к п. 308.

[30] См. п. 306.

[31] Имеется в виду п. 307; оно сохранилось на 18 листах, вырванных из копировальной книги.

[32] См. п. 308.

[33] Этот текст нам неизвестен.

[34] Имеется в виду корректура книги Метнера «Размышления о Гёте» (см. примеч. 1 к п. 306).

[35] Этот текст нам неизвестен.

311 а. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

17 (30) января 1914 г. Берлин

Совершенно приватно.

Дорогой Эмилий Карлович,

мне чрезвычайно прискорбно, что мою просьбу уничтожить мое письмо Вы связали с нашими идейными расхождениями[1]; просьба эта вытекает из совершенно иных оснований, хотя расхождение наше может побочно влиять на сохранение Вами именно *этого* письма; тут дело не в *эксо-* и *эсо-*теризме, а вот в чем: я сообщил Вам стихотв<орный> отрывок, начинающийся

с «In meinem Denken leben Welt<gedan>ken» и т. д. не по тексту мистерии, а по другому варианту, не зная степени *невозможности* сообщения этого варианта[2]; дело не в эзотеризме, а в особых условиях, безусловно запрещающих сообщать этот вариант; условий этих я не знал и сообщил Вам, и лишь потом узнал, что сообщенный и разобранный мною Вам вариант безусловно *несообщаем*; поэтому: я настаиваю на уничтожении не письма, а всего того в письме, что касается разбора места: «*In deinem Denken leben Weltgedanken*». В этой просьбе Вы мне *не можете* отказать*; и потому-то Вы уничтожите в моем письме Вам все то, что касается ритмического разбора именно этого места. Если бы в Вашей книге[3], случайно, оказались разборы мистерии, если бы Вы случайно ссылались на приведенный мною отрывок (*в мистериях его нет*), то Вы, без сомнения, вычеркните из книги его, ибо *его в мистериях нет*.

Если бы отрывок оказался вдруг медитацией, то обнародование *случайное его* обрекло бы меня на ряд непоправимых бед, как и тех, кому эта медитация (если это медитация) дана; вот чем обусловлена моя просьба, а не нашими спорами и ссорами, и мне обидно, что мою просьбу об уничтожении письма из Христиании (теперь уже не письма, а всего, связанного с указанным отрывком) Вы прочли совершенно предвзято. Надеюсь, что Вы исполните мою просьбу, т. е. 1) уничтожите указанное место моего письма, 2) никому не сообщите об этой личной моей просьбе, 3) да и мне не отвечайте на этот пункт (я же верю, что, после всего мною изложенного, Вы поймете степень внутренней важности для меня, чтобы этот отрывок был уничтожен (не уничтожить его, значит напасть из-за угла на беззащитного человека и уколоть его отравленным лезвием).

Приняв это все во внимание, Вы поймете, что просьба об уничтожении этого отрывка лежит вне плоскости наших идейных и мусагетских ссор.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности.

Борис Бугаев.

P. S. О деловых Ваших письмах пишу особо.

---

* *В автографе*: не отказать

РГБ. Ф. 167. Карт. 3. Ед. хр. 22. Датируется по почтовому штемпелю на конверте.

[1] Имеются в виду п. 309 и ответ на него в п. 310.

[2] Различия между цитатой, приведенной Белым, и опубликованным текстом Р. Штейнера, указаны в примеч. 16 к п. 304.

[3] Речь идет о подготавливаемой Метнером книге «Размышления о Гёте» (см. примеч. 1 к п. 306).

311 б. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

17 (30) января 1914 г. Берлин

Приватно.

Копия.

Дорогой Эмилий Карлович!

Мне чрезвычайно прискорбно, что мою просьбу уничтожить мое письмо Вы связали с нашими расхождениями; просьба вытекает из иных оснований... Я сообщил Вам стихотворный отрывок, начинающийся со слов, встречаемых в мистерии: «In deinem Denken...». Я его сообщил не по тексту мистерий, а в варианте; всех условий, не позволяющих мне сообщить этот вариант, я не знал; и лишь потом узнал, что сообщенный и разобранный мною вариант безусловно несообщаем. Я настаиваю на уничтожении не письма, а этого места, где я привожу и разбираю данный вариант.

Если бы отрывок оказался вдруг медитацией, то обнародование его нанесло бы и мне, и другим ряд непоправимых бед (и на Вас отразилось бы очень плохо).

Надеюсь, что *теперь* Вы исполните мою просьбу и поймете, что дело не в эсо- и эксо-теризме, не в наших расхождениях и т. д. Эта просьба не полемика; это моя *покорная личная просьба*; и *не исполнить ее после сообщенного Вы не можете...*

Я, конечно, верю, что Вы ее исполните: не отвечайте ничего на это приватное письмо (просто уничтожьте часть моего письма, где я разбираю и привожу отрывок).

На все деловое скоро отвечу.

Остаюсь уважающий Вас и преданный

Борис Бугаев.

РГБ. Ф. 167. Карт. 3. Ед. хр. 23.

Краткая редакция текста п. 311 а.

312. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

Февраль (н. ст.) 1914 г. Базель

Базель[1]. Февраль 1914 года.

Многоуважаемый Эмилий Карлович!

На Ваше письмо о возвращении моего долга К<нигоиздательст>ву «*Мусагет*» я извещаю Вас о нижеследующем:

1) Я уже обещал в этом году 1000 рублей К<нигоиздательст>ву «Мусагет»: этими 1000 рублей располагаю не я и не в моей власти достать их до залога имения моего, который имеет быть в этом году, как Вы, вероятно, уже извещены А. С. Петровским, которому я выяснил подробно мои планы о постепенном погашении долга.

2) Я имел предположения выделять из получаемой ежемесячной суммы в течение 1914 года ту часть, которая останется свободной путем экономии; но эта сумма для меня неопределенна, потому что не определенен еще гонорар из К<нигоиздательст>ва «*Сирина*».

Вот все, что я могу при наличных деньгах. К<нигоиздательст>во «Мусагет» знает, что я живу, так сказать, на жалованьи и что свободных сумм, кроме 1000 от залога, в близком будущем у меня нет.

Взяв 3000 рублей, предложенных мне К<нигоиздательст>вом «Мусагет» в 1910 году, я предполагал, что залогом погашения являются мои книги и мой труд. Труд мой не мог состояться в К<нигоиздательст>ве «Мусагет» ввиду непрерывных идейных недоразумений с Вами. А предложенные книги (стихи, симфонии, «*Сер<ебряный> Голубь*», роман «Петерб<ург>») либо систематически откладывались в долгий ящик в течение 1911, 1912, 1913 годах <*так!*>, причем Вы мотивировали это откладывание существованием ряда предположенных к изданию книг, из которых большинство еще объявлены и по сию пору и еще даже не печатаются, между тем мои сочинения были всегда готовы к печати*. Должен

---

* Либо же Вы делали ссылку на умеренность гонорара, что, при необходимости жить на литер<атурный> труд, создавало невозможность печатать книги у Вас: так вышло с романом «*Петербург*»... Этим романом я существую около 2-х лет. И издай я его в *Мусагете*, я бы, может быть, уже умер с голоду. (*Примеч. Белого*).

сказать, что если бы К<нигоиздательст>во «Мусагет» в течение 1910, 1911, 1912, 1913 годах посвятило сериозно хотя бы час времени, чтобы создать мне удобные условия для погашения долга, то долг бы был давно погашен; но К<нигоиздательст>во «*Мусагет*» реально ничего не сделало для облегчения мне своевременного погашения долга (я же неоднократно предлагал свои книги в 1911, 1912, 1913 году); поэтому тон настоятельный Вашего письма (Вам хорошо же известны мои наличные деньги) — меня удивляет. Повторяю, я сделаю все возможное для *постепенной* ликвидации долга, но предупреждаю, что абсолютно не в состоянии быстро этот долг ликвидировать. Что же касается до предложения снестись с издательницей, то считаю его неуместным: я имею дело с конторой К<нигоиздательст>во «*Мусагет*» и с Редакцией оного: с издательницей К<нигоиздательст>ва «Мусагет» я деловых сношений *не имел*...

Примите уверения в совершенном почтении.

Борис Бугаев.

P. S. Мой адрес: Schweiz. Basel. Poste restante.

P. S. В случае дальнейшей необходимости препираться о сроках погашения моего долга, я предупреждаю, что буду просить Б. П. Григорова, с которым имел уже деловой разговор, снестись в Москве с Вами от моего имени для большего удобства и быстроты сношений[2].

P. S. Позвольте мне откровенно сознаться: меня удивило, что К<нигоиздательст>во «Мусагет», не получив от меня ответа на предложение воспользоваться для погаш<ения> долга частью моего гонорара за стихи и «*Голубя*», само предложило наложить секвестр на эту часть К<нигоиздательст>ву «Сирин», между тем как гонорар этот есть хлеб насущный мой 1914 года. Я помню, Вы сделали мне такое предложение из Дрездена (когда я жил под Христианией), но я не мог ответить ни утвердительно, ни отрицательно, не узнавши точно суммы этого гонорара и времени печатания (при всем моем старании *точно* мне пока не удалось узнать ни то, ни другое); мое молчание на это Ваше предложение не было знаком согласия (я хотел предложить совсем другую комбинацию); К<нигоиздательст>во же «*Мусагет*», не уведомив меня, само предложило «*Сирину*» взять часть гонорара, на что К<нигоиздательст>во «*Сирин*» не могло согласиться, *не уведомив*

меня и не получив от меня уведомления переслать в «*Мусагет*» такую-то сумму. Если бы даже К<нигоиздательст>во «Сирин» и поступило так, то могло бы оказаться, что я *вдруг* лишен месячного минимума для существования.

Неужели К<нигоиздательст>во «Мусагет» не подумало об этом?

Не дав возможности <в> 1911–1913 отдать часть гонорара путем напечатания моих книг (за стихи и симфонии 1500 рублей был бы не большой гонорар, что + 1000 рублей составило бы *2500* погашенного долга), К<нигоиздательст>во «*Мусагет*», невольно, разумеется, еще и лишило бы меня хлеба насущного, если бы К<нигоиздательст>во «*Сирин*» своевременно не отклонило сделанного Вами предложения.

Мой план был другой: выплачивать из месячной суммы «*Сирина*» в те месяцы, когда от этой суммы удастся съэконизировать; я хотел рублей 500 в год выплатить Вам в свободные сроки, посылая то больше, то меньше, то вовсе не посылая, то посылая, например, 100 рублей и т. д. Мы живем в разных городах, в разных условиях (жить то *дешево*, то *дорого*); мы то *много* переезжаем, то *сидим* на месте. Но повторяю: сперва надо было узнать, сколько получаю я в месяц; ни в сентябре, ни в октябре, ни в ноябре я не мог получить точного ответа; недавно лишь получил письмо, что точная сумма гонорара определится на редакц<ионном> собрании, а собрание состоится, когда соберутся отсутствующие в Петербурге члены Редакции.

Во всяком случае те 500 рублей сверх 1000, которые я мог обещать из особенного желания *личного* погашать долг, были бы для нас тяжелым бременем. Я и до сих пор сверх 1000 формально *наверное* не могу обещать эти 500 рублей.

ГЛМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 32. Оф 6325. Письмо (или только данный вариант его текста), по-видимому, не было отправлено адресату.

Ответ на п. 310.

[1] Белый и А. Тургенева выехали в Базель из Берлина 18 (31) января 1914 г.

[2] Б. П. Григоров мог в данном случае выступать как лицо, способное или готовое возвратить денежный долг Белого «Мусагету», переведя его на себя (жена Григорова Надежда Афанасьевна была сестрой П. А. Бурышкина, представителя семьи московских предпринимателей, торговцев мануфактурными товарами).

313. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

25 февраля (10 марта) 1914 г. Москва

Девичье Поле 25/II–10/III–914.

Дорогой Борис Николаевич!

Оба Ваши письма об «инкриминируемом» месте одного из прежних Ваших писем я получил и просьбу Вашу на этот раз исполнил, замазав тщательно все, что Вы потребовали[1]. Я не отвечал Вам только потому, что был все время (да и отчасти и теперь) страшно разбит, обезволен, уныл. Таких ужасных времен по самочувствию я не запомню. Мне надо делать неимоверные усилия, чтобы не уйти из жизни вовсе. Но — — —

Allen *Gewalten*
Zum *Trutz* sich erhalten,

как говорит маг в зингшпиле *Лила* (Гёте)[2] —

Вы все так же incommensurable!* В письме от 14/XI 13 Вы пишете мне: «В упомянутом письме у меня проскользнули фразы, которые могли проскользнуть при нашем дружеском отношении друг к другу. Теперь *при натянутом отношении* нашем друг к другу фразы эти etc.».

А в письмах (полученных в Москве 19/I–914)[3] Вы говорите: «Мне чрезвычайно прискорбно, что мою просьбу уничтожить мое письмо *Вы* связали с нашим расхождением» (а в другом письме: «с нашими *идейными* (??) расхождениями»). Далее: — «мне обидно, что мою просьбу об уничтожении письма Вы *прочли совершенно предвзято*». Из сопоставлений приведенных мест Вы видите, что основания у Вас и могли быть иные, более глубокие, но прочел я Ваше письмо именно *не* предвзято, а буквально. Или Вы (подобно Штейнеру) придаете термину *предвзятость* совершенно *не* тот смысл, который придается обычно. Кстати, unbefangen** — любимое слово Гёте — и оно именно и толкуется вкривь и вкось Штейнером, кот<орый> под непредвзятостью разумеет теософскую пассивную догматичность. Lassen Sie sich von Theosophie

---

* Неизмеримы (*фр.*).

** Непринужденный, непосредственный, естественный; наивный, чистосердечный; непредвзятый, беспристрастный (*нем.*).

befruchten*, т. е. будьте женщиной, оставьте мужественную активность… — Но в Вашем случае, как же *иначе*: непредвзято я должен был принять *Вашу* ссылку на «*натянутые отношения*», при которых вдруг сказанное мне Вами таинственно «может повлиять вредно как на Вас, так и на меня» (Ваше письмо 14/XI 913). Вы сами незаметно для себя смешали два мотива Вашей просьбы, но это ясно мне только теперь, тогда же, после 14/XI, я unbefangen (непредвзято) прочел, что было написано. — Мое ответное «досье» Вам — все еще путешествует по московским адресатам, так что обещанных приложений пока еще выслать Вам не могу[4]. — Делового (обещанного Вами) ответа я еще не получал. Ваша мама была у нас, но ничего не говорила о моей просьбе относительно книг, взятых Вами в свое время для прочтения из Мусагетской библиотеки; очевидно, Вы ей ничего не писали[5]. Отправили ли Вы книги *Пути* etc., кот<орые> Вам высланы были для рецензии из *Мусагета*, Эллису? Эллис жалуется, что ему нечего читать, а мы не можем покупать книги, в особенности те, кот<орые> были нам высланы в обмен. Об этом я уже два раза писал Вам в прошлых письмах. Нам надо знать положительный или отрицательный ответ. Если Вы потеряли все эти книги, высланные Вам за границу, а ключей от московского шкафа не оставили маме, то придется для Эллиса купить несколько книг. — Но это, конечно, — второстепенное, хотя и для Эллиса (да и для нас ввиду необходимости страшно экономить) — важное. — Что же касается главного, т. е. Вашего долга Мусагету и связанных с этим отношений, то тут я не могу, конечно, настаивать на немедленном ответе. Но прошу Вас, как только Вы выясните все положение дела, немедленно уведомить меня, т<ак> к<ак> неопределенность при крайне затруднительном положении Мусагета очень депремирует[6] нас и связывает нам руки: мы не знаем, чтó мы можем себе позволить и чего — нет. Я не понимаю, отчего Вы теперь не можете ускорить дело с имением, а если действительно не можете, то отчего не выясните себе и нам беспощадно всего положения. Ведь это затягивание нервирует. *Сирин* тоже молчит. Пусть бы уж лучше знать, что 3 631 р. 50 к. выброшены из кассы издательства и на их возвращение надо махнуть рукой. Тогда мне придется

---

* Пусть теософия Вас оплодотворит (*нем.*).

или закрыть Мусагет, или обратиться к издателям с повинной и просить их возместить этот «аванс», неосторожно мною выданный. — Горечь этих слов отнюдь не направлена на Вас *лично*, а только на все печальное, чуть ли не отчаянное положение. —

Ваш Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 32.

Ответ на п. 311 а, б.

[1] В автографе п. 304 текст, однако, сохранен в первоначальном виде.

[2] Цитируется песня Мага («Feiger Gedanken…») из 2-го действия зингшпиля Гёте «Лила» («Lila»): «Вопреки всем невзгодам // Сохранить себя». Ту же цитату Метнер приводит в «Размышлениях о Гёте», предваряя ее словами: «Высокая человечность состоит в том, чтобы: — » (С. 392).

[3] Т. е. п. 311 а, б.

[4] См. Приложение к п. 310.

[5] См. п. 310, примеч. 13.

[6] От *фр.* déprimer — вдавливать; *перен.* унижать.

314. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

12 (25) апреля 1914 г. Москва

Девичье Поле 12/25-IV-1914.

Дорогой Борис Николаевич!

1000 р. и письмо Анны Алексеевны я получил[1]. Свой адрес писал на конвертах. Вот он — Девичье Поле, Саввинский переулок, дом 12, кв. 6. — В третий раз запрашиваю Вас о судьбе тех книг (из Пути, Скорпиона, издательства Некрасова и т. п.), кот<орые> Вы брали в Москве из *Мусагета* и кот<орые> мы отправляли Вам за границу (для отзыва)? См. мои последние два письма[2]. — 1) Это необходимо, т<ак> к<ак> Эллис молит о книгах, и не можем же мы покупать книги да еще досадно покупать те книги, кот<орые> были получены в обмен. 2) Киселев составляет Мусагетскую библиотеку, и нам важно знать, что мы имеем.

«Досье» только теперь может быть отправлено на прочтение Вячеславу[3], так что приложения (Сизова и Киселева) пока Вам высланы быть не могут.

Что касается Ваших симфоний, то, во-первых, меня удивляет Гриф, кот<орый> в каталоге объявил второе издание Кубка

Метелей[4], кот<орый> далеко еще не распродан!! *Если же* — да, или если Скорпион разрешил второе издание, то *все четыре симфонии* должны были бы появиться в *одном* издательстве! *Кто* разрешил *Грифу* объявить второе издание? И какой гонорар Вы получаете за это? В свое время мы говорили с Вами об издании трех симфоний (а не четырех) в Мусагете только потому, что 4-ая — не распродана, и нельзя обижать Скорпион. — Ничего не понимаю. — Тем более, что Анна Алексеевна пишет мне, что за Мусагетом Вы считаете гонорар за симфонии; но *что* Мусагет может получить с Грифа?? Лично я не вижу ничего невозможного, чтобы Ваши симфонии появились в Мусагете (***после*** Вашего ухода); ведь появится же *Бёме* Петровского только осенью[5], т. е. почти год спустя после выхода Петровского из Мусагета? Ваши симфонии ведь могли бы уже находиться в наборе, когда разразилась распря! — Но, конечно, *лучше*, если симфонии будут изданы другим издательством, т<ак> к<ак> и надо с ними спешить, а у нас сейчас мало средств. Когда Вы выясните мне Ваше отношение к Сирину *вообще* и к Грифу *по вопросу о четвертой симфонии*, то я смогу приняться за пристраивание симфоний. В каком положении вопрос о переиздании Ваших стихов и Голубя?

Читаю *Петербург*[6]. Восхищаюсь, ужасаюсь, тону, захлебываюсь (до губошлепства) — — — невыносимая вещь — хочется кричать: так нельзя! Постойте! Караул грабят! Украли человека! вынули человека, остались одни кальсоны![7] И все-таки даже враги Ваши должны признать, что подобное (по стихийности) не напишет ныне никто в мире.

Ваш Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 33.

[1] Имеется в виду следующее недатированное письмо А. Тургеневой (почтовый штемпель отправления: Arlesheim. 22. III. 14. Штемпель получения: Москва. 12. 3. 14) (РГБ. Ф. 167. Карт. 3. Ед. хр. 29).

Милый Эмилий Карлович.

Боря просит вас как можно скорей дать ваш точный адрес Владимиру Константин<овичу> Кампиони (Луцк Волынской губ.), чтобы тот мог перевести вам в счет Бориного долга 1000 руб. Боря очень извиняется, что так запоздал с этими деньгами, но были опять затруднения и заклад состоялся только что.

Боря считает также за вами гонорар за симфонии, но, к несчастью, ему очень трудно их устроить из-за границы.

Он очень устал и потому не пишет вам сам, да и я совсем сплю. Мы работаем на воздухе с утра до вечера.

Всего вам хорошего.

Ася.

Простите каракули. Боря очень благодарен за присланные книги и имянной экземпляр.

(Упоминаемая в письме денежная сумма получена в результате заклада кавказского земельного участка. В письме сообщается о работе над строительством антропософского центра в Дорнахе, в которой Белый и А. Тургенева участвовали с марта 1914 г. «Именной экземпляр» — видимо, книга Р. Вагнера «Вибелунги», включающая статью Метнера, с его дарительной надписью, вышедшая в «Мусагете» в ноябре 1913 г.; см. Приложение к п. 310, примеч. 16).

2 Имеются в виду п. 310 и 313.

3 См. Приложение к п. 310. Вяч. Иванов с конца сентября 1913 г. жил в Москве (Зубовский бульвар, 25).

4 Имеется в виду сообщение в «Альманахе Гриф 1903–1913» (М., <1914>) в разделе «Библиография», включающем перечень авторских книг Белого: «Кубок Метелей. 2-е изд. К-во „Гриф". Москва. 1914» (С. VI). Это переиздание не состоялось.

5 Книга Я. Бёме «Aurora, или Утренняя Заря в восхождении» в переводе А. Петровского вышла в свет в «Мусагете» в конце июля — начале августа 1914 г.

6 Роман Белого «Петербург» был опубликован в трех сборниках «Сирин», вышедших в свет соответственно в октябре 1913 г., в декабре 1913 г. и в конце марта 1914 г.

7 Вариация фразы из статьи В. В. Розанова «О символистах и декадентах»: «Умер человек, и остались только панталоны» (см. примеч. 5 к п. 45).

315. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

9 (22) июня 1914 г. Москва

Девичье Поле 9/22–VI–914.

Дорогой Борис Николаевич!

12/25–IV — я отправил Вам письмо, кот<орое> пролежало два месяца и вернулось ко мне[1]. Очевидно, перед отъездом Вы не зашли на почту и не оставили своего нового адреса. Пересылаю теперь Вам письмо. В добавление к нему могу сказать

след<ующее>. «Досье» у Вячеслава[2], и я Вам его вскоре вышлю. — О симфониях надо вопрос выяснять скорее, т<ак> к<ак> в связи с этим стоит наш план на сезон 1914–1915 г. — Чувствую я себя хуже, нежели когда-либо. Так мерзко, что теперь уже навсегда застрахован от Штейнера. Если я в таком отчаяннейшем самочувствии удержался и не пошел спасать свою душу, то, значит, я спасен от Штейнера. — Переживая, однако, в то же время довольно острые оккультные ощущения, я говорю Вам: бегите сломя голову от этого Клингзора[3], пока не поздно; не слушайте ни друзей, ни жены, никого; слушайте только своего Гения, иначе он Вас оставит. Вот мое Вам последнее слово. — Очень прошу Вас ответить мне на деловые пункты моего письма. —

Всего хорошего.

Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 34.

[1] Имеется в виду п. 314.

[2] См. примеч. 3 к п. 314.

[3] Персонаж оперы-мистерии Р. Вагнера «Парсифаль» (1882) — чародей; создатель волшебного сада, населенного девами, соблазнявшими рыцарей Грааля.

316. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

Не позднее 26 июня (9 июля) 1914 г. Арлесгейм

Дорогой Эмилий Карлович, мне чрезвычайно лестно, что Вы обратили внимание на мой роман, несмотря на то, что вторая половина его написана уже почти не мною, а «*членом антропософического Общества*». Как член оного О<бщест>ва я могу так характеризовать обе части трилогии: «*Голубь*» — люциферическое переживание Дарьяльского («*Ястребиный вышел у Голубя клюв*»[1]). «*Петербург*» — исследование по вопросу о химеризме (ариманизме), произведенное автором на основании ряда эмпирических фактов (т. е. окружающей действительности: действительность «*богато*» питала автора за эти 3 года нужными для его исследования фактами. Обе же части *пока* доказывают тезис нашей доктрины, что ариманизм (химеризм или материализм, что то же) есть следствие люциферического переживания[2]: «*Эгоцентризм*»

теоретически проглатывает мир, становясь *солипсизмом*, тогда практически «*я*» оказывается игрушкою иллюзий мира (внешней действительности). Над «Сер<ебряным> Голубем» царит Люцифер. Над «Петербургом» — Ариман. Оба образуют правую и левую сторону «игольного ушка». Остается III часть, т. е. проход сквозь игольное ушко; надеюсь, что «*Невидимый град*» (III часть)[3], за эти два года начавший для меня очерчиваться, в нашем *Ваи* сложится тоже из эмпирического материала, которого я так долго искал для завершения *Трилогии*, и который нахожу теперь в таком изобилии как один из строителей этого самого *Ваи*.

Милый друг, я <с> волнением и любовью прочел Вашу приписку, советующую мне бежать от... «*Клингзора*»... С волнением и любовью, потому что приписка эта продиктована прекрасным чувством Вашего отношения ко мне; и на это чувство, как на чувство любви и расположения, я не могу не откликнуться с волнением: мною движет *любовь* к Вам. И если Вам понятно, что на любовь и расположение *невозможно* не ответить любовью же, и что в этой беспомощности, открытости любви и сочувствия непобедимость любви (на воина, поднимающего меч на воина, — воин отвечает обнажением меча: на простертые руки младенца только *подлец* обнажает меч, а любовь и симпатия — *младенчески* всегда), — если Вам понятна (а Вам понятна) непобедимость и ясность «*беспомощной — детской*» любви, то Ваши слова о «*бегстве*» теряют всякий смысл, ибо кто же бежит от *любви* своей, а Доктор — наша любовь: ибо когда же, странный Вы человек, поймете Вы, что между нами — «любовь», а где «*любовь*», там — нет страха. «Бегает» тот, кто *не любит*: любящие же, и погибая, спасаются, ибо они уже спасены: вот что сказано о любви у апостола Павла: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий. Если я имею дар пророчества и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине, все покрывает, всему

верит, всего надеется, все переносит; любовь никогда не перестанет, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится...»[4] И далее: «*Достигайте любви*; ревнуйте о дарах[5] <*На этом текст обрывается.*>

ГЛМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 32. Оф 6325.

Ответ на п. 314 и 315. Не закончено и не отправлено адресату.

[1] Образ из романа «Серебряный голубь» (гл. 6, главка «Деланье»): «...смотрит Петр — головка-то не голубиная вовсе — ястребиная <...> гулькает голубок с ястребиной головкой <...>» (*Андрей Белый*. Собр. соч.: Серебряный голубь; Рассказы. М., 1995. С. 191).

[2] Люцифер и Ариман здесь фигурируют как антропософские символы двух полярных духовных сил, относительно которых осуществляется самопознание и развитие человека: «Люцифер — это высокомерный дух, который любит больше всего смотреть с высоты птичьего полета; Ариман — морально одинокий дух, который нелегко позволяет видеть себя, который вгоняет свое существо в подсознание человека... наколдовывает суждения из этого подсознания»; «Следуя Люциферу, человек грешит против нравственности, следуя Ариману — против логики и здравого мышления»; «В ариманическом таится источник заблуждений мышления, в люциферическом — проступков воли»; «Ариманическое выступает как ложный путь в виде педантизма, филистерства, односторонней рассудочности. <...> Люциферическое в человеческой душе представляет все то, благодаря чему человек желает вырваться вверх, выйти из себя. Благодаря этому он попадает в *туманно-мистическое*. <...> Рядом с ариманической, рассудочной, сухой, холодной наукой выступает душевная мистика, выступает то, что в религиозном исповедании делается *аскетическим* презрением к Земле и т. д.» (Anthropos. Опыт энциклопедического изложения духовной науки Рудольфа Штайнера / Сост. Г. А. Бондарев. М., 1999. Т. I. С. 277–278, 281, 283).

[3] См. примеч. 30 к п. 273.

[4] 1 Кор. 13: 1–8 (неточная цитата).

[5] 1 Кор. 14: 1.

317. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

26 июня (9 июля) 1914 г. Арлесгейм

Arlesheim[1]. 9 июля н. ст.

Дорогой Эмилий Карлович.

Ужасно печально, что Ваше деловое письмо прогуляло даром; но я не мог предполагать, чтобы кто-нибудь послал мне на poste-restante, когда мой адрес *точный* был давно известен. Обычно

я всегда уведомляю о переездах, но на этот раз действительно я не зашел на poste-rest<ante>, потому что был адски занят работами в Bau, приездом мамы[2], беспомощней которой я вообще не знаю никого: ее приходилось водить, как маленького ребенка; наконец мы собирались тогда в *Вену*[3]. Спешу ответить на деловые пункты письма: 1) по вопросу о книгах. Книги, присланные мне зимой 1913 года в Берлин и весной 1913 года в Боголюбы, находятся в запечатанном виде в одном из ящиков в Боголюбах: при нашей бродячей жизни мы не можем не жить налегке. И поэтому я ничего поделать не могу. Мне очень плачевно, что я воспользовался любезностью «*Мусагета*», но я, право, надеялся писать рецензии; дело в том, что все лето я просидел над третьей частью романа «Петербург»[4] и поэтому не мог ничего иного, кроме беллетристики, писать летом. Я не знаю, как быть: в Боголюбах масса вещей, сундуков, ящиков ряда семейств; у нас там 5 запечатанных ящиков; сумеет ли их различить С. Н. Кампиони, тоже не знаю. Кроме того: один ящик (наш) с книгами при переезде в большой дом *там* пропал. Видите, как все это сложно. 2) По вопросу о «*Симфониях*». К<нигоиздательст>во «Сирин» при запросе его в 1913 году осенью ответило, что вопрос о симфониях оно откладывает, надеясь решить его через год. Через два месяца этот год истекает. Я позондирую почву. Вопрос о 4-ой Симфонии: для меня совершенно неожиданно намерение «*Грифа*». Никакой речи, насколько я помню, о 4-ой «*Симфонии*» не было. При первой возможности наведу справки.

Получил на днях письмо-рукописи Сизова и «*Экспозэ*»[5]. Прочел*. Высылаю обратно.

ГЛМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 32. Оф 6325.

Ответ на п. 314 и 315. Не закончено и не отправлено адресату.

[1] Селение в Швейцарии под Базелем, близ Дорнаха, где шло строительство антропософского центра Гётеанум (Иоанново здание). В Арлесгейме Белый и А. Тургенева поселились около 10 марта н. ст. 1914 г.

---

* [С деловой точки зрения меня удивляет,] что Вы <*далее три слова вымараны. — Ред.*> спокойно-повествовательный тон писем-заявлений Сизова психологичными восклицаниями и столь категорическими утверждениями, как «*неправда*» и далее «*неправда*»; и опять далее «*неправда*». До сих пор я думал, что Вы уличаете в «*неправде*» только меня одного. (*Примеч. Белого*).

[2] А. Д. Бугаева приехала в Базель около 14 (27) марта 1914 г. (см. предшествовавшее этой поездке письмо Белого к ней от 12 (25) февраля 1914 г.: *Письма к матери.* С. 194–198).

[3] В Вене Штейнер с 6 по 15 апреля выступал с циклом докладов и публичными лекциями. Ср. сообщение в «Материале к биографии» Белого: «Пасха пала на последнюю лекцию д<окто>ра. Пасху мы встретили в Вене; и потом проводили маму в Москву <...>» (ЛН. Т. 105. С. 155. Пасха в 1914 г. — 6 (19) апреля).

[4] Под «третьей частью» подразумеваются главы 6–8 и Эпилог романа «Петербург», опубликованные в 3-м сборнике «Сирин» (см. примеч. 6 к п. 314); Белый работал над ними в Боголюбах весной 1913 г., завершил роман в ноябре 1913 г.

[5] Exposé (*фр.*) — отчет, доклад. См. п. 310, Приложение, примеч. 35.

318. БЕЛЫЙ — МЕТНЕРУ

После 8 (21) июля 1914 г. Арлесгейм

Дорогой Эмилий Карлович,

Я только что вернулся из Швеции[1]. Спешу Вам ответить.

1) Книги, требуемые Вами для Эллиса, находятся в запечатанных ящиках в Боголюбах.

2) О «*Симфониях*» наведу справки в «Сирине». Ранее году после бывшего моего запроса мне неловко запрашивать «Сирина» вторично, ибо было решено, что вопрос о «Симфониях» решится в «Сирине» через год.

Спасибо Вам за хорошие слова Вашего письма. Желаю Вам всякого благополучия, здоровья и счастья.

Остаюсь искренне преданный Вам

Борис Бугаев.

P. S. С «Грифом» я никаких переговоров не вел: наведу справки, что это значит, что 4-ая «*Симфония*» объявлена в Грифе 2-м изданием.

ГЛМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 32. Оф 6325.

Ответ на п. 314 и 315. Видимо, письмо не было отправлено адресату.

[1] В Швеции Белый и А. Тургенева находились с 10 по 18 июля (н. ст.) 1914 г. — слушали в Норрчёпинге лекционный курс Штейнера «Христос и человеческая душа» (12–16 июля); возвратились в Швейцарию 21 июля.

1915

319. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

27 января (9 февраля) 1915 г. Цюрих

Zürich 9/II–15.

Очень, очень рад был, дорогой Борис Николаевич, получить от Вас письмо[1]. Я только что возвратился от моей кузины из Уцвиля[2], а потому хотел бы некоторое время остаться опять один. За пребывание в Цюрихе я привык к одиночеству и полюбил его. Так что после нескольких дней общения с людьми меня тянет подольше остаться одному. М<ожет> б<ыть>, это тяготение к одиночеству — временное, а м<ожет> б<ыть>, наоборот, репетиция к окончательному уходу. Во всяком случае относительно моего или Вашего приезда напишу через несколько дней. Что же касается Ваших планов о моей даче, то это так далеко, что не стоит пока об этом говорить; м<ожет> б<ыть>, я уеду из Швейцарии в Италию. Поэтому по поводу приватной части Вашего письма мне остается только Вас обнять и поблагодарить за ласковую заботливость. — Что же касается Света, Гёте, Доктора и т. д., то я позволю себе в след<ующих> пунктах наметить грядущие полемические (sachlich!!*) недоразумения, которые угрожают испортить Вашу интересную работу о моих *Размышлениях*[3].

1) Уличать меня в незнании естественных наук значило бы столь же ломиться в открытую дверь, как доказывать, что

---

* По существу!! (*нем.*).

Штейнер знает эти науки. Нигде я не говорю, что Штейнер не знает физики, и я совершенно открыто признаюсь в предисловии в своем невежестве по части естественных наук[4].

2) Презрение к философской науке не может идти так далеко, чтобы отрицать возможность обсуждения идей, принципов, предпосылок, задач, целей в отдельных областях науки и творчества. Или в таком случае пришлось бы ставить на вид «фельетонизм» не только мне за обсуждение принципиально-философских вопросов естествознания, но и Канту, Шопенгауэру, Гегелю и другим мыслителям (да, наконец, самому Гёте и Штейнеру), вообще всем, кто говорит о музыке, не будучи музыкантом, о живописи, не будучи живописцем, и т. д. и т. д. и т. д. Это значило бы похерить философию и все-таки *не* избавиться ни от верхоглядства, ни от педантизма.

3) Издание Kürschner'a[5] (где наход<ятся> означенные Вами статьи Штейнера) было у меня в руках только в Дрездене. Я «удосужился» *однажды* прочесть их, но убедился, что принять во внимание частности этого комментария значило бы донельзя усложнить мою работу, нисколько не делая ее в то же время более основательной. Общий же дух этого комментария, несмотря на некоторые несогласованности его с разобранными мною книгами Штейнера — тот же, что и в последних*. Впрочем, в предисловии моем и в друг<их> местах книги я указываю, почему я счел себя вправе при анализе ограничиться G. W. и Aesth<etik>[6]. Что же касается биологии (в связи с вопросом о витализме, органицизме и т. д.), то я использовал целый ряд брошюр Штейнера, и, правда, цитаты мною не подобраны. Наконец, я обратился за помощью к Пуанкарэ и к ботанику и философу и гетеанцу Ионасу Кону, о чем неоднократно упоминается в книге. —

4) Можно быть не только осведомленным в естественных науках, как Штейнер, но даже гениальным специалистом вроде Оствальда или Геккеля и в то же время беспомощно запутываться в принципах естествознания. Вы это сами знаете.

5) Наиболее неуязвимые места моей книги (если не считать главы об эстетике и симв<олизме>, ибо в этом вопросе Штейнер

* И основная мысль та же о различии Гёте и физики; см. стр. 498 моей книги. (*Примеч. Метнера*).

просто сел в калошу, т<ак> к<ак> не удосужился изучить эстетику Гёте) именно те, кот<орые> говорят о недоразумении между Гёте, строгой наукой и Штейнером. Можно будет указать на неудачные формулировки или ненужные, портящие дело придирки мои, но по существу мои доводы неотразимы, и отразить их (*мнимо*) можно, лишь прибегнув к искажению не принятого мною во внимание материала воззрений Штейнера в сторону правильного соотношения между Гёте и наукою, как оно понимается не мною одним, а целым рядом ученых, начиная с Гельмгольца и кончая Ионасом Коном. — Т. е. можно взять и все примирить: Штейнера, Гёте, Гельмгольца, Платона, Геккеля, Гегеля, Андрея Белого, Оствальда, Шиллера, Пуанкарэ, Ионаса Кона и Эмилия Метнера. Но от такого примирения остается зажать нос. — В стороне останется один Кант, которого не примирить с Штейнером, и этот Кант, который в *Кр<итике> сп<особности> сужд<ения>* первый и раз навсегда провел границы между точным естествознанием и всяческой плохой или хорошей натурфилософией, стоит перед нами непоколебимым свидетелем путаницы *гетеанца* Штейнера. —

6) Я не знаю, что Вы докладывали Штейнеру о моей книге, но если Вы ему сказали приблизительно то же самое, что и мне, то весьма непонятно, отчего он сказал про «пинок в спину»; ибо, раз все так, как Вы предполагаете, то к чему же, хотя бы и крайне добродушно, прибегать к хагеновскому удару в спину[7]; ведь можно, сохраняя полное добродушие, стать лицом к лицу и дать щелчок по носу. Steiner hat sich versprochen*; он невольно проговорился, ибо «*знает*», что ударить меня здесь, в этом случае, можно только в спину. — — — — Вот мои пункты, а затем хорошо бы до окончания Вашей работы вообще не возвращаться к моей книге ни устно, ни письменно. Это мешает моим очередным думам. Скоро уведомлю, когда встретимся. Сейчас не могу сообразить. Не примите этого письма ни *как* огорчение, ни *с* огорчением. Обнимаю Вас. Привет Асе. Ваш М.

Очень важная опечатка в моей книге: стр. 523 след<ует> читать: «P. S. к стр. 48–50, 274–275, 314–327». Фальшивые страницы должны заставить недоумевать, к чему тут Эрда[8].

---

* Штейнер оговорился (*нем.*).

РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 11. Почтовый штемпель получения: Dornach. 9. II. 15. Адрес отправления: Herrn Dr. Boris Bugaëw. Dornach. Haus Thomann (Baumalerei). Kanton Solothurn.

[1] Это письмо Белого не выявлено. Ему предшествовали встречи с Метнером в Дорнахе в ноябре — декабре 1914 г. Описывая этот период в «Материале к биографии», Белый сообщает: «В первых числах ноября Наташа Поццо получила неожиданно письмо от Метнера; он оказался в Цюрихе; война застигла его в Германии; не знаю, каким путем он выкарабкался из Германии; в Россию он не захотел вернуться и выбрал местом жительства нейтральную Швейцарию <...> Весь ноябрь и декабрь окрашен частыми появлениями из Цюриха Метнера; мы встречались миролюбиво и весело; много спорили о докторе, вспоминали прошлые годы, общих друзей» (ЛН. Т. 105. С. 188).

[2] Городок в Швейцарии.

[3] Речь идет о книге «Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности: Ответ Эмилию Метнеру на его первый том „Размышлений о Гёте“» (М.: Духовное Знание, 1917; вышла в свет в середине ноября 1916 г.), к работе над которой Белый приступил в январе 1915 г. Белый, согласно его свидетельству в «Материале к биографии», познакомил Метнера с первыми отрывками из будущей книги: «Однажды в феврале <1915 г. — *Ред.*> появился у нас Э. К. Метнер, приехавший из Цюриха; я ему читал отрывки из вводительной главы, написанной против него; он хохотал над моими юмористическими выпадами <...>» (ЛН. Т. 105. С. 202).

[4] В Предисловии к «Размышлениям о Гёте» Метнер, оценивая новейшую книгу о Гёте Х. Ст. Чемберлена, замечает: «...этот замечательный писатель помог наверно уже многим гетеанцам, специально не осведомленным в естественных науках: одним хотя бы несколько разобраться, другим (и в том числе мне) укрепиться на центрально-правильной позиции, с которой легко обозреваешь различные области науки и гетеанства — их смежность и их взаиморасположение» (С. 26).

[5] Имеется в виду издание естественно-научных сочинений Гёте в составе его собрания сочинений, осуществленного Йозефом Кюршнером (Bd. 114–117. Berlin; Stuttgart, 1884–1897).

[6] Работы Штейнера «Мировоззрение Гёте» («Goethes Weltanschauung». Weimar, 1897) и «Гёте — отец новой эстетики» («Goethe als Vater einer neuen Ästhetik». Wien, 1889). Метнер пишет о них в Предисловии к «Размышлениям о Гёте»: «Приняты мною во внимание почти исключительно именно эти две работы потому, что они содержат самое существенное изо всего экзотерического, что сказано Штейнером о Гёте; они могут быть легче приобретены читателем и, вероятно, будут переведены на русский язык в издательстве „Духовное Знание“, которое издает все сочинения Штейнера» (С. 19).

[7] Подразумевается эпизод из третьего действия оперы Р. Вагнера «Гибель богов»: нибелунг Хаген наносит Зигфриду предательский удар копьем в спину.

[8] Вслед за обозначением ошибочных отсылок к страницам в «Размышлениях о Гёте» помещен дополнительный экскурс («P. S.» — с. 523–525), в котором, в частности, сообщается: «Эрда являет собою мифическое гипостазирование природы, одновременно взятой и в расширенном и в суженном смысле» (С. 523).

320. МЕТНЕР — БЕЛОМУ

28 марта (10 апреля) 1915 г. Цюрих

Zürich 10/IV–15.

Дорогой Борис Николаевич!

То обстоятельство, что Ася сказала мне уходящему вслед: «Вы, конечно, придете через ¼ часа» — — — только показывает лишний раз, что моя природа ей, да и Вам, совершенно чужда[1]. Вы думаете, что я впал в истерику и разозлился; на воздухе мог бы очухаться и возвратиться. Но у меня этого не бывает. Я сержусь (так, как я рассердился у Вас) один-два раза в год. И это проявление гнева сто́ит мне очень многого. Явившиеся причиною этого гнева не могут рассчитывать на скорое со мною свидание. То, что я во время разговора не справляюсь со своим темпераментом (так же, как и Вы) и потому прихожу в азарт, это есть, конечно, своего рода нервозность; но никогда этот азарт не переходит у меня за ту границу, где начинается «истерика», и от этого азарта *качественным* (а не градусным) образом отличается тот припадок гнева, в который я способен впасть, конечно, крайне редко. Такой гнев может явиться без предшествовавшего азарта, и обратно, этот азарт может длиться часами и днями, и ему вовсе незачем переходить в гнев. И *этот* гнев не есть нервозность; я бы мог быть здоров абсолютно и все-таки под влиянием сильнейшего огорчения впадать в гнев, сохраняя *вообще* бо́льшее спокойствие (т. е. не впадая в азарт) во время раздражительных разговоров.

Во время нашего чрезвычайно трудного разговора Ася давала одну реплику за другой, и каждая следующая была обиднее (ибо

неосновательнее) предшествующей. Если она этого не понимала (что это — «объективно» обидно), то возникает вопрос, могу ли я с Вами говорить по существу в присутствии самого близкого Вам человека, который совершенно не подозревает, какие удары он наносит моей душе именно в те моменты, когда я силюсь, как можно отчетливее, выяснить Вам мою мысль и обсуждаемое дело; если же Ася чувствовала обидность (хотя бы даже только субъективную, т. е. считая себя в то же время совершенно вправе говорить то, что говорила, с риском меня обидеть), то возникает вопрос, могу ли я говорить по существу с Вами в присутствии того же человека, кот<орый> сознательно мешает говорить по существу, внося излишние эмоциональные моменты.

Каждую реплику я пытался внутренно извинить ей. Но уже с большим трудом выдержал ее замечание об отделении, различении моей личности и моей книги[2] (различении, конечно, не в том смысле, в каком это *обычно* делается специалистами по ист<ории> и теории литературы, а в особенном, решительном, ad hoc* примененном, ибо о научном различении ей ведь незачем было и упоминать, т<ак> к<ак> это само собою разумеется).

А затем, после того, как я только что повторил уже сказанное в моих письмах по поводу конфликта (что Вам следовало меня спокойно запросить после посещения Анненковой)[3], раздается через пять минут реплика Аси: «Мусагет виноват в конфликте»!! — — — Если она хотела сказать, что в конфликте виноват Киселев, то это — дамская логика и ничего больше, ибо злая шутка Киселева — ничто иное, как прием Судьбы, которая хотела поставить на пробу Ваше доверие ко мне; Вы этой пробы не выдержали, а сейчас же реагировали сравнением меня с убийцей из-за угла. Но т<ак> к<ак> Киселев все же не *Мусагет*, и Ася все же не «просто» дама, то под *Мусагетом* она могла разуметь только меня, ибо: *Мусагет* –** антропософическая группа = Эм<илий> Карл<ович> Мет<нер>, конечно, в этом *редакционном* случае; ведь Рачинский же тут не причем был, пока его не привлекли к совету, а «идеалисты»[4] и вовсе не участвовали в ближайших

* Для этого случая (*лат.*).

** *Здесь — математический знак:* минус

обсуждениях подобных дел...* Теперь спрашивается, чтó можно выдумать более несправедливого, чем заявление о *моей* вине в этом конфликте. Так, как я рассердился на это (в особенности ввиду всего контекста беседы), я не сердился уже, м<ожет> б<ыть>, года два.

Конечно, я сожалею о случившемся, сожалею, что во избежание гнева не предложил Асе после первых двух реплик пока не вступать в беседу, но поистине не могу допустить мысли, что и заявление о вине Мусагета в конфликте, где антропософы обнаружили такое неслыханное высокомерие (а Вы, Борис Николаевич, кроме того, окончательное недоверие ко мне и незнание меня), что и *это* заявление я должен был преспокойно проглотить. —

Если бы я был политиком или, вернее, если бы я пожелал вести себя (после стольких горьких опытов) с Вами политически, то я бы мог сказать Вам (нисколько не прибегая к дипломатической неправде): *Мусагет* до окончания войны** не может напечатать ни единой новой (т. е. еще не начатой набором) книги, в особенности не могущей рассчитывать на большой спрос, а поэтому, если Вы хотите напечатать свой ответ мне в Мусагете[5], то подождите. — Такое мое заявление было бы равносильно отказу, на кот<орый> Вы не могли бы обидеться.

Но я по-прежнему играл в открытую и потому отделил принципиальный вопрос от коммерческого. Ибо:

a) У меня могли бы быть лично деньги или у *Мусагета* лишние средства, и я мог бы предложить Вам напечатать Ваш ответ в *Духовном Знании* на мой или *Мусагета* счет. Это один случай.

b) У Вас лично могли бы быть деньги (или их Вам дало бы Антроп<ософическое> Общ<ество> или *Дух<овное> Зн<ание>*) на предмет напечатания Вашей книги под маркою Мусагета.

Итак, я согласился сначала с Сизовым, потом с Петровским, а потом с Вами говорить *принципиально* о мусагетском принятии Вашего возражения.

---

* Эллис же тут не субъект, а объект обсуждения. — (*Примеч. Метнера*).

** Т<ак> к<ак> до окончания войны мы должны обойтись теми 2½ тысячами, чтó осталось. (*Примеч. Метнера*).

Есть два основания, по кот<орым> заявляется притязание на мусагетскую марку.

1) Справедливость требует, чтобы в *Мусагете*, где раздался голос против Антропософии, раздалось бы и возражение, т<ак> к<ак> часть *Мусагета* состояла из антропософов. На справедливости особенно настаивает Петровский. — Скажу, что справедливо было бы напечатать Вашу ответную книгу лишь в том случае, если бы антропософы ***и не затевали*** уходить из *Мусагета*; ибо здесь справедливость возможна ведь только к своим, а не к чужим. Нельзя ***и*** выходить с заявлением о непримиримости (не говоря уже обо всем приватно-обидном, что мне и Эллису лично пришлось пережить и не только от Вас), ***и*** требовать во имя справедливости, чтобы офиц<ерская> вдова сама себя высекла. Non bis in idem*. —

2) Второе основание — это мое личное (как редактора) обещание устроить напечатание в *Мусагете*. Это обещание мною дано Вам *до* конфликта**. Но, во-первых, речь шла не о книге в 200 страниц, а о статьях в *Тр<удах> и Дн<ях>*, где мне хотелось с Вами начать диалог по поводу этого. Во-вторых, обещание дано до войны (force majeure***), когда не имелось в виду *столь* затруднительного финансового положения. В-третьих, обещание дано от лица другого *Мусагета* (т<ак> к<ак> в Дрездене я был ***более, нежели когда-либо***, далек от мысли о возможности выхода антропософов). Теперешний *Мусагет* включил в свои ряды супругов Ильиных[6]. Группа идеалистов и без того окрепла с уходом антропософов, а с приходом Ильиных она стала положительно основою издательства. Не восстанавливая и не реформируя «конституции», я условился с Ильиными, что буду внимать их советам. Ив<ан> Алекс<андрович> Ильин очень ценит Ваше дарование, но знаю, что, протестуя уже против моей книги, он еще более запротестует против Вашей не только потому, что ему

---

* Не дважды за одно и то же; довольно и одного раза (*лат.*).

** В Дорнахе я Вам этого обещания не только не подтвердил, но тем самым, что просил Вас дать мне *до сдачи в набор* прочесть Вашу книгу, чтобы заранее отмести некоторые недоразумения, ясно показал, что имею в виду, что Ваша книга будет печататься не в *Мусагете*. — (*Примеч. Метнера*).

*** Непредвиденное обстоятельство (*фр.*).

больно будут <*так!*> нападки на меня, но *главное* потому, что для него антропософия просто *ерунда* и он нашел, что я слишком много придаю ей значение. Вашу книгу, как апологию, он не только отринет, но прямо радикально поставит отклонение ее печатания как conditio sine qua non* своего сотрудничества. В-четвертых, речь шла о возражении на другую книгу! Если бы не конфликт и уход антропософов, моя книга была бы меньше, добрее, почтительнее; отсюда и Ваше возражение было бы менее резким, а, следовательно, *полемика наша под одною маркою* являлась бы не таким отчаянным гротеском, каким она явится теперь. Итак, мое обещание в данном случае четырехкратно недействительно.

Извиняясь за причиненное Вам и Асе огорчение и раздражение, думаю, что надо считать дорнаховскую попытку modus'a vivendi** между нами неудавшеюся.

Ваш Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 8.

Письмо не было отправлено адресату.

[1] Написано после ссоры, происшедшей между Белым и Метнером в Дорнахе в начале апреля (н. ст.) 1915 г. Белый сообщает в «Материале к биографии»: «Как-то у нас состоялось мое чтение одной из глав книги против Метнера <...> Сизов был смущен резкостью моего тона; скоро он поехал в Цюрих; и, должно быть, рассказал Метнеру о моих нападках на него, потому что в Дорнахе появился Метнер, какой-то раздраженный и злой; он пришел ко мне с Сизовым и с первых же слов начал явно придираться ко мне; речь зашла о нашей былой деятельности в „*Мусагете*". Я сказал, что в инциденте со мной „*Мусагет*" был неправ; он — вспылил; тогда Ася спокойно повторила мои слова: „Да, все-таки «*Мусагет*» был неправ". В ответ на это со стороны Метнера последовал взрыв дико́го крика; он выскочил из нашего дома, не простившись; Сизов побежал за ним; впоследствии Метнер сказал Поццо: „Конечно, я погорячился: мне очень грустно, что я не извинился перед Анной Алексеевной". Несколько дней я ждал, что он пришлет извинительное письмо Асе; он его не прислал; тогда я послал ему короткую, но спокойную записку, в которой просил его не бывать у нас и не адресоваться ко мне письмами, пока он находится в состоянии, не могущем нас гарантировать от подобных вспышек»

---

* Необходимое условие (*лат.*).

** Способ существования (*лат.*).

(ЛН. Т. 105. С. 206). Метнер упомянул об этом инциденте в письме к М. К. Морозовой из Цюриха от 1 (14) июня 1915 г., говоря о «штейнерианцах»: «Говорить с ними нельзя, т<ак> к<ак> всегда окажешься в дураках, чтобы избежать скандала и не назвать болванами их самих. На Асю я накричал и окончательно поссорился снова с Бугаевым. Это двуглавая кошка Борася, которой хочется крикнуть *брысь*» (РГБ. Ф. 171. Карт. 1. Ед. хр. 52 б). См. также: *Юнггрен Магнус*. Русский Мефистофель. С. 123–124.

[2] Подразумевается книга «Размышления о Гёте».

[3] См. п. 307, примеч. 6.

[4] Подразумеваются прежде всего «логосцы» — С. И. Гессен, Ф. А. Степун, Б. В. Яковенко.

[5] Имеется в виду книга «Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности», над которой тогда работал Белый.

[6] С философом И. А. Ильиным и его женой Наталией Николаевной Ильиной (урожд. Вокач; 1882–1963) Метнер познакомился и сблизился весной 1913 г. См.: *Юнггрен Магнус*. Иван Ильин пишет Николаю Метнеру // Николай Метнер: Вопросы биографии и творчества. М., 2009. С. 135–136.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

* Аннотируются только имена, упоминаемые в основном тексте переписки. Страницы, на которых содержатся дополнительные сведения об упоминаемом лице, выделены курсивом. Мифологические имена, имена литературных персонажей, а также фамилии, значащиеся в названиях организаций, издательских фирм, магазинов, учреждений и т. п., не учитываются.

СОДЕРЖАНИЕ

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ И ЭМИЛИЙ МЕТНЕР
ПЕРЕПИСКА
1902–1915
ТОМ 2
1910–1915

Редакторы
А. Лавров, Т. Павлова

Корректор
С. Крючкова

Дизайнер
Е. Поликашин

Компьютерная верстка
Д. Макаровский

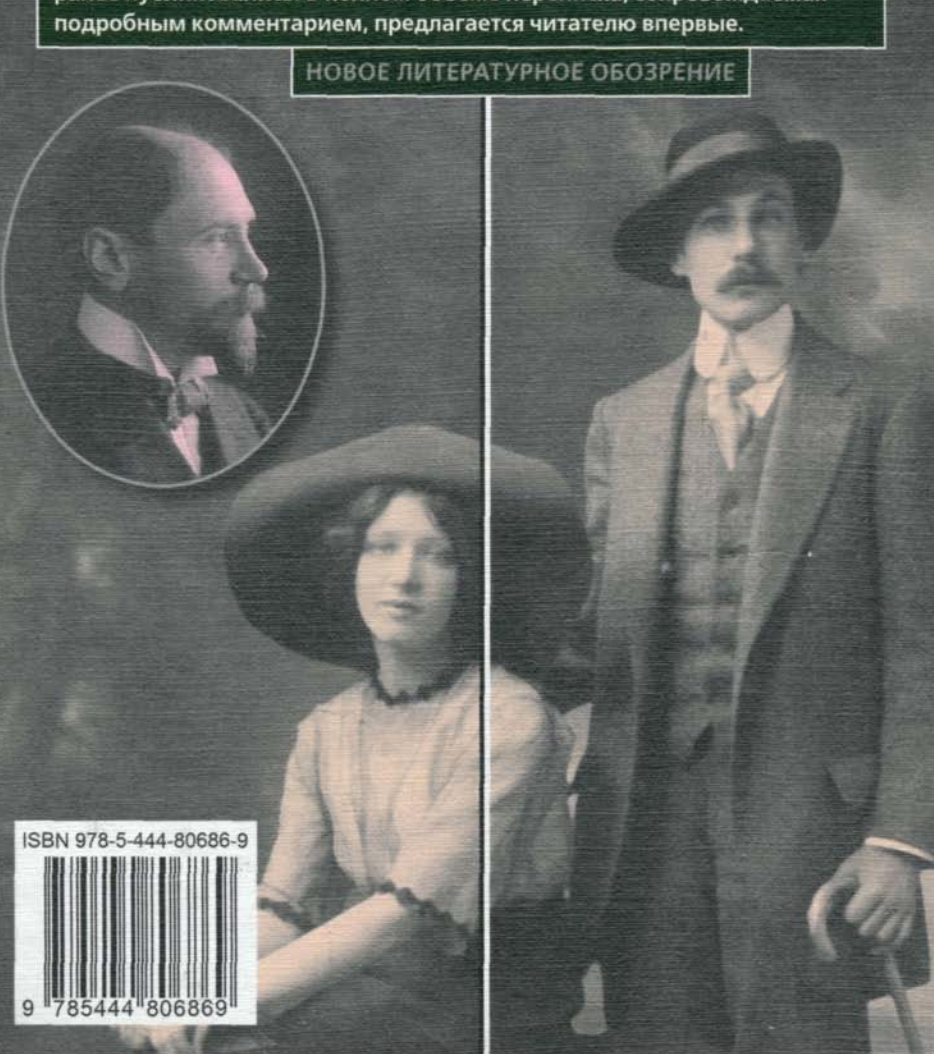
Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953 000 — книги, брошюры

ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
„НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ“»
Адрес издательства:
123104,
Тверской бульвар 13, стр. 1
тел./факс: (495)229-91-03
e-mail: real@nlo.magazine.ru
Интернет: http://www.nlobooks.ru

Формат 60×90/16
Бумага офсетная № 1
Печ. л. 46. Тираж: 1000. Заказ № 7510
Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Переписка Андрея Белого (1880–1934) с философом, музыковедом и культурологом Эмилием Карловичем Метнером (1872–1936) принадлежит к числу наиболее значимых эпистолярных памятников, характеризующих историю русского символизма в период его расцвета. В письмах обоих корреспондентов со всей полнотой и яркостью раскрывается своеобразие их творческих индивидуальностей, в них прослеживаются магистральные философско-эстетические идеи, определяющие сущность этого культурного явления. В переписке затрагиваются многие значимые факты, дающие представление о повседневной жизни русских литераторов начала XX века. Важнейшая тема переписки – история создания и функционирования крупнейшего московского символистского издательства «Мусагет», позволяющая в подробностях восстановить хронику его внутренней жизни. Лишь отдельные письма корреспондентов ранее публиковались. В полном объеме переписка, сопровождаемая подробным комментарием, предлагается читателю впервые.

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ



ISBN 978-5-444-80686-9
9 785444 806869